

ДЗЯРЖАЎНАЯ ўСТАНОВА
«ВІЦЕБСКАЯ АБЛАСНАЯ БІБЛІЯТЭКА ІМЯ У.І. ЛЕНІНА»

ДЗЯРЖАЎНАЯ НАВУКОВАЯ ўСТАНОВА «ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ
НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ»

ўСТАНОВА КУЛЬТУРЫ «ВІЦЕБСКІ АБЛАСНЫ КРАЯЗНАЎчы МУЗЕЙ»

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Т. 8

*Матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай
канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай
Году гістарычнай памяці*

24 лістапада 2022 г., Віцебск

Мінск 2023

УДК 947(Р476.5)
ББК 63.3(4Бси-Вит)5
В54

Складальнік
загадчык аддзела краязнаўства ДУ «Віцебская абласная бібліятэка
імя У. І. Леніна» Л. І. Рагачова

Рэдакцыйная калегія:
Т. М. Адамын (гал. рэд.), В. М. Камендантова, Л. І. Рагачова,
В. М. Аўсяннікава, А. М. Васілеўская, Н. В. Фенчанка

Рэцэнзенты:
загадчык аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, кандыдат гістарычных навук
С. А. Траццяк
галоўны спецыяліст упраўлення культуры Віцебскага абласнога
выканаўчага камітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт Д. В. Юрчак

Віцебскі край : матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай
В54 канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай Году гістарычнай памяці,
24 лістапада 2022 г., Віцебск / Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная
бібліятэка імя У. І. Леніна», Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут
гісторыі НАН Беларусі», Установа культуры «Віцебскі абласны краязнаўчы музей» ; уклад. Л. І. Рагачова ; рэдкал.: Т. М. Адамын (гал. рэд.)
[і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2023. – Т. 8. – 527 с.
ISBN 978-985-7293-48-3.

У т. 8 штогадовага выдання «Віцебскі край» увайшлі матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай Году гістарычнай памяці, якая адбылася 24 лістапада 2022 г. у ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна».

Выданне адрасавана гісторыкам, музейным супрацоўнікам, архівістам, краязнаўцам, бібліятэкарам, педагогам, усім, хто цікавіцца гісторыяй роднага краю.

УДК 947(Р476.5)
ББК 63.3(4Бен-Вит)5

ISBN 978-985-7293-48-3

© Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна», 2023
© Дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная бібліятэка Беларусі», 2023

ПРАДМОВА

24 лістапада 2022 г. у ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна» адбылася VIII Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Віцебскі край», прысвечаная Году гістарычнай памяці. Арганізатарамі канферэнцыі выступілі Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна, Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Віцебскі абласны краязнаўчы музей.

Канферэнцыя праводзілася ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар, акадэмік НАН Беларусі А.А. Каваленя) падпраграмы № 1 «Гісторыя» (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт В.Л. Лакіза).

Для ўдзелу ў канферэнцыі было пададзена каля 100 заявак ад краязнаўцаў, гісторыкаў, супрацоўнікаў архіваў, музеяў, бібліятэк, вышэйшых навучальных устаноў з Беларусі, Польшчы, Расіі. Сярод беларускіх удзельнікаў канферэнцыі былі прадстаўнікі з Мінска, Віцебска, Гомеля, Магілёва, раённых цэнтраў Віцебскай вобласці. Пленарнае пасяджэнне канферэнцыі было прысвечана Году гістарычнай памяці. Шырокая тэматыка прадстаўленых дакладаў закранала разнастайныя пытанні гісторыі Беларусі, гісторыі мастацтва, літаратуразнаўства і фальклору, краязнаўства.

У т. 8 штогадовага выдання «Віцебскі край» увайшлі матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край». Матэрыялы дакладаў публікуюцца ў аўтарскай рэдакцыі, меркаванні аўтараў могуць не супадаць з меркаваннем рэдкалегіі. У зборніку матэрыялаў канферэнцыі захаваны аўтарскі парадак спасылак у бібліяграфічных спісах літаратуры да артыкулаў.

Выданне адрасавана гісторыкам, музейным супрацоўнікам, архівістам, краязнаўцам, бібліятэкарам, педагогам, усім, хто цікавіцца гісторыяй роднага краю.

ГОД ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМ'ЯЦІ

Зинченко М.Ю. (г. Минск)

КОНЦЕПТ ІСТОРИЧЕСКОЙ ПАМ'ЯТИ И ІСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Состояние современного общества характеризуется тотальной турбулентностью, как геополитической, так и внутривителитической. Мы наблюдаем нарастание социальной разобщенности и общественно-политической неопределенности, глубинные искажения фундаментальных гуманистических ценностей, перманентную эскалацию напряженности и глобальный конфликт интересов.

В текущих реалиях историческое прошлое все чаще становится «полем боя» за настоящее и будущее, а не «общим знаменателем» и платформой для диалога. Зачастую для разных поколений, социальных групп, элит, наций определяющими становятся разные, в ряде случаев полярные модели и паттерны мышления и поведения, основанные на восприятии истории. В социуме обостряется конфликт по поводу интерпретации, оценки и использования прошлого.

Данные процессы во многом обусловлены объективными факторами, сменой мировоззренческих парадигм вследствие перехода общества к постиндустриальной стадии развития. Но в то же время они являются следствием глубинных противоречий в историческом сознании на всех его уровнях – от индивидуального до макрорегионального. Существование различных версий исторического прошлого, вбросы и фальсификации событий истории при незрелости и маргинальности общественного и индивидуального исторического сознания порождают благоприятную почву для разного рода злоупотреблений и манипуляций.

В условиях, когда внутривителитическая и внешнеполитическая конфронтации и столкновение интересов угрожают цивилизации гибелью, детальное рассмотрение, тщательный анализ и обоснованная имплементация концепта исторической памяти и зависимого от него «инструмента» исторической политики становятся одним из важных направлений развития и совершенствования исторической науки и, главное, практики упрочения связи истории с реальной жизнью человека, обществом и государством.

Концепт исторической памяти в том или ином виде затрагивается в работах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Нора, П. Хаттона, П. Рикера,

Л. Репиной, Ж. Тощенко, Г. Краско, В. Даниловича, И. Марзлюка, Н. Мысливца и др.

Историческая память трактуется довольно многопланово: как процесс организации, сохранения и воспроизводства прошлого; ментальная способность сохранять воспоминания о событиях истории; особая форма общественного сознания; комплекс знаний и представлений социума и человека о прошлом; совокупность коллективной памяти общества, обеспечивающей символическую репрезентацию прошлого; особый социально-культурный феномен, включающий систему знаний, мнений, оценок, убеждений и представлений о событиях, явлениях и процессах прошлого, формирующий посредством специфических социально-культурных действий и практик.

Под исторической памятью предлагаем понимать совокупность массового коллективного знания (и незнания, забвения) о прошлом как наборе наиболее значимых образов, событий и оценок, выраженных в определенной форме, которые присутствуют в активной зоне оперативной памяти и имеют для индивида и общества эмоционально-ценностное и практическое значение.

При этом необходимо учитывать, что историческая память выполняет в социокультурном пространстве важные функции взаимосвязи индивидуальных и коллективных представлений, корреляции воспоминаний человека и группы с историей и культурой общества, государства и нации. Посредством исторической памяти общество актуализирует восприятие прошлого как неотъемлемой составляющей национальной идентичности. Через обращение к ней во многих случаях происходит подтверждение легитимности общественно-политических и культурных институтов и систем. Историческая память так или иначе определяет логику социального бытия, является регулятором поведения человека, социальных групп и общества в целом, формирует культурную и национальную идентичность и иные онтологические феномены.

Инфраструктурным элементом исторической памяти с необходимостью выступает историческая политика, даже в том случае, по нашему мнению, когда постулируется ее полное либо частичное отсутствие.

При полярно разнящемся спектре оценок исторической политики как таковой существование и активное функционирование ее в обществе очевидно. Понимая политику как «систему взаимосвязанных, последовательных управленческих воздействий, объединенных единством цели, объекта и принципов деятельности», историческая политика может быть определена как систематизированная, целенаправленная деятельность политических субъектов (акторов) по формированию, поддержанию и продвижению определенных исторических представлений и моделей внутри общества и на внешнеполитическом контуре [2, с. 76; 1, с. 19].

Поскольку историческая политика является составной частью внутренней политики государства и иных акторов, институциональная и организационная ее дифференциации предполагают, что в реализацию исторической политики вовлечены различные политические акторы и управленческие (политико-административные) структуры, каждая из которых «курирует» свой блок задач, действуют в определенной функциональной подсистеме общественных отношений (культурная, образовательная, научная, молодежная, информационная политика и др.).

В качестве субъектов исторической политики выступают акторы, располагающие определенными ресурсами для ее осуществления и имеющие соответствующие цели и задачи. Особое значение имеет активность институциональных субъектов (государство, партии, общественные организации и объединения и др.), которые владеют наиболее существенными административно-властными, финансово-организационными и другими ресурсами для артикуляции и продвижения определенного образа исторического прошлого. В силу наличия большого количества акторов исторической политики на современной стадии развития общества ключевым из них выступает государство, которое, как правило, транслирует определенную историческую политику по следующим направлениям: образование, наука и просвещение, культура, информации и СМИ и др.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день исследователями сформулированы три основные концепции исторической политики: интерпретационная, инструментально-конъюнктурная и системная.

Интерпретационная концепция предполагает, что историческая политика представляет собой перманентный процесс переоценки и реинтерпретации прошлого. Такого рода пересмотр, как правило, инициируется одним из акторов (государство, политическая партия, сообщество ученых и т. д.) и направлен на формирование представлений о наиболее значимых исторических событиях в целях изменения исторического и политического сознания граждан. В центре интерпретационного концептуального подхода находится идея переосмысления истории, которая может носить собственно научный или ценностный характер.

Инструментально-конъюнктурная концепция исторической политики основывается на целенаправленном использовании исторических сюжетов в качестве инструмента в политической сфере с широким привлечением различных акторов, а также активным применением прикладных политических технологий. Данный подход характеризуется инструментальностью, конъюнктурностью и асимметричностью. Инструментальность подразумевает отсутствие жесткой привязки к версии истории, принятой в академической науке. Конъюнктурность реализуется через подчиненность исторической политики, в первую очередь, текущим социально-политическим задачам. Асимметричность предполагает, что го-

сударство доминирует, транслирует и рецензирует исторические сюжеты и практики [1, с. 25].

Системная концепция рассматривает историческую политику как широкое и многоаспектное явление. Историческая политика, на наш взгляд, в рамках данной концепции наделяется большим ценностно-мировоззренческим, этическим значением и потенциалом. При этом ее содержание может включать компонент государственного конструирования и регулирования, который не является доминирующим, а предполагает системную научную и управленческую работу, социальное осмысление и проработку предлагаемых актором версий и оценок исторических событий. Системный подход подчеркивает внутреннюю двойственность исторической политики. В рамках данной концепции содержание исторической политики в процессе целенаправленного конструирования политическими акторами не сводится лишь к потребностям текущей социально-политической конъюнктуры. Рассматриваемая доктрина исходит из понимания того, что процесс формулировки и рецензирования представлений об истории внутренне присущ осуществляющим властно-регулятивные полномочия акторам и неотделим от них в силу того, что направлен на решение долгосрочных, стратегических задач, объективно стоящих перед ключевыми политическими институтами, структурами, группами и обществом и непосредственно влияющих на уровень жизни граждан и государственно-политическую стабильность [1, с. 26].

Таким образом, в основе интерпретационной концепции лежит идея ключевого субъекта как «модератора» трактовки и оценки истории, в которой принимают участие различные социально-политические акторы (само государство, научные сообщества, эксперты, социальные группы и др.). Инструментально-конъюнктурный взгляд исходит из понимания исторической политики как способа обеспечения доминирования вырабатываемых и признаваемых государством версий исторического пути. Системная концепция расставляет акцент на рациональной роли государства в формировании исторической памяти и реализации им системной исторической политики в интересах общественного развития.

Обращает на себя внимание тот факт, что в современных условиях эффективность реализации исторической политики во многом определяется наличием системы взаимодействия властно-распорядительных органов и экспертных сообществ.

Независимо от модели (схемы) организации и фактического осуществления исторической политики одним из важнейших субъектов ее реализации выступает научно-экспертное сообщество. При этом существует несколько подходов к организации взаимодействия между властно-управленческим аппаратом и экспертами в рамках исторической политики.

Линейно-автономная модель предполагает, что ученые-эксперты действуют в своей «системе координат», зачастую не синхронизированной с

актуальной общественно-политической повесткой, научные факты устанавливаются без какого-либо учета возможных политических последствий их использования при решении общественно-политических задач, принятии управленческих решений.

Модель пограничных структур предусматривает существование так называемых пограничных структур, возникающих на границе между системой научного знания (экспертного мнения) и системой власти и выступающих «источниками и организаторами продвижения инноваций в области публичной политики, подготовки и принятия политико-управленческих решений» [3]. В качестве примеров пограничных структур можно рассматривать научно-консультативные советы, создаваемые при государственных органах, а также так называемые фабрики мысли. Пограничные организации выступают важным элементом трансфера знаний из академической науки в публичную политику, а при необходимости выполняют медиаторскую функцию.

В основе модели «действенных оснований», предложенной американским ученым Ш. Джасанофф, лежит тезис о необходимости согласования научных выводов с базовым набором социальных ценностей, особенно с учетом вызовов и угроз, стоящих перед современным человечеством [3]. В рамках данной модели не делается резких разграничений между научным знанием и поисками общественного блага, в ее фокусе – вопрос о том, как интеграция науки и политики может помочь лучшему и наиболее эффективному достижению общественно значимой цели. Модель «действенных оснований» предусматривает, что эксперт не только предлагает варианты решений общественно-политических проблем, но и сам участвует в продвижении и реализации этих предложений.

Подводя итоги, подчеркнута необходимость осмысления и практического применения концептов исторической памяти и исторической политики в работе профессиональных историков и широкого круга заинтересованной общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бушуев, В. В.** Историческая политика как инструментальная составляющая национальных политических систем: теоретический анализ / В. В. Бушуев, В. Д. Нечаев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2013. – № 1. – С. 18–27.
2. **Старцев, Я. Ю.** Система государственного управления: политический анализ : учеб. пособие / Я. Ю. Старцев. – Екатеринбург : УрАГС, 2001. – 288 с.
3. **Сунгуров, А. Ю.** Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации / А. Ю. Сунгуров // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 53–70.

ПОЛОЦКАЯ РУСЬ: У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

На протяжении длительного времени в отечественной историографии проблема истоков белорусской государственности практически не поднималась. Это не происходило по той причине, что историки Российской империи, а затем советские ученые считали, что у единой страны должна быть единая история. По этим же причинам в белорусской историографии целый ряд проблем, связанных с истоками белорусской государственности, не нашел своего разрешения. И в первую очередь это касается понятий «княжение», «земля», «княжество», «нация», «государство», «Русь», «Белая Русь».

В итоге белорусские специалисты воспринимали, а некоторые и сегодня воспринимают и трактуют раннюю средневековую историю восточнославянских племен сквозь призму научных разработок российской имперской и российской советской историографии. В трудах российских историков преобладали идеи, которые заимствовались из летописных источников. Главная из них – рассказ о причинах возникновения понятия «Русская земля», о началах политического властвования, но не на этой земле в целом, а в одном из государственных образований – Киевском княжестве. Думается, вывод очевиден. Он заключается в необходимости нового осмысления начальной истории белорусской государственности. Для этого нам надо ответить на вопросы: *«откуда есть пошла земля белорусская»* и *«кто стоял у ее истоков»*.

Прежде всего следует обратить внимание на суть летописного сообщения о расселении восточнославянских племен. Ибо концептуального обоснования «пришествия» и расселения славян на территории Беларуси в нашей историографии нет; отечественная историография не создала трудов нового поколения, базирующихся на новой научной концепции. Эта концепция позволила бы пролить свет на ранний период истории нашего народа. Но на сегодняшний день наша историография не продвинулась далее летописных известий. А эти известия не отличаются достоверностью. Особенно в отношении наших этнических корней. И не мы первые обратили внимание на этот факт. Еще в XVI в. проблему попытался осмыслить дипломат Священной Римской империи С. Герберштейн. В «Записках о московских делах» он указал, что, собирая сведения по истории Московии, опирался на «согласные свидетельства многих», в том числе в процессе перевода летописей. С. Герберштейн начал свою книгу с попытки разобраться в этимологии названия «Россия». По его свидетельству, москвиты утверждали, что «их страна издревле называлась Россейя, как народ рассеянный или разбросанный; на это указывает и самое имя ее. В самом деле, Россейя на языке русских значит

разбросанность или рассеяние» [1, с. 33–34]. Вместе с тем его попытка получить достоверные сведения относительно этнических корней москвитов не увенчались успехом. «Что касается происхождения их народа, то у них нет никаких известий, кроме летописей, приводимых ниже». Далее в книге излагаются практически идентичные «Повести временных лет» (ПВЛ) исторические сведения. С. Герберштейн не подвергал эти рассказы критическому анализу, его задача состояла в донесении до европейского читателя летописной истории России.

Но может ли белорусская историческая наука принять и смириться с тезисом об отсутствии у нашего народа исторических начал? Вопрос непростой. Ведь если согласиться с тезисом об отсутствии начал, то и вся дальнейшая уже летописная история – не более чем религиозная легенда, плотью которой стало описание княжеско-политического правления.

В контексте сказанного можно обозначить и другой вопрос, а именно: что собой представляла «славянская земля» до варяжского призвания? Ведь, согласно ПВЛ, послы сказали варягам: «...велика и обильна земля наша». Из дальнейших рассуждений, имеющихся в летописи, следует, что послы полочан и новгородцев заявили варяжским конунгам о том, что их государства велики и богаты, но у политического руководства нет единства и согласия. Таким образом, не подлежит сомнению тот факт, что у нашего народа были исторические начала, они определяли дохристианскую культуру и жизнь этнического сообщества.

Вместе с тем хорошо известно, что в Европе первые христианские общины начали свое политическое и культурное владычество с повального уничтожения всего дохристианского. И в ПВЛ летописец дохристианские обычаи и нравы нашего народа всячески высмеивал и порицал. Другого подхода у летописца и не могло быть. Мыслимо ли, чтобы христианский летописец признал, что славянские народы, поклонявшиеся в том числе богу Роду, именовали себя общим именем «радимичи»? Он твердо знал только то, что принявшие Христа, именуют себя христианами. Все остальное, нехристианское, подлежало забвению. И все же имя «радимичи» в его летописном повествовании прозвучало. Что касается других названий («кривичи» и «дреговичи»), то литературных версий высказано достаточно, но все они нуждаются в научном осмыслении.

Думается, в этом вопросе нельзя забывать достаточно поучительные высказывания С. Герберштейна, которые касаются титула московского правителя. «Я старательно изыскивал причину, почему он именуется названием Белого царя, так как ни один из государей Московии не пользовался ранее этим почетным названием». Но его собеседники «для названия Белый» «не приводили никакого основания. Я же полагаю, что как владыку персов называют ныне по причине красных головных уборов кизиль-паша, т. е. красная голова, так и те именуются белыми по причине белых головных уборов»

[1, с. 54–55], – пишет С. Герберштейн. Из сообщений дипломата следует, что в отношении многих названий москвиты использовали обыкновенный этнографический подход, когда именами собственными нарекались вещи совершенно очевидные для каждого неграмотного, непосвященного человека.

Православная церковь и ее идеологи в объяснении происхождения исторических названий до сих пор ссылаются на этот метод. «Исторически известно, что в старину существовали названия: Червонная Русь, Галичская Русь, Холмская Русь, Черная Русь, Белая Русь, Великая Русь, Малая Русь. Некоторой аналогией в этом отношении служат названия морей. Морская вода везде по цвету и качеству одинакова, а между тем люди называют: Белое море, Черное море, Красное море, Желтое море. Очевидно, что цвет прибрежных скал и нависших грозowych туч способствовали появлению этих названий. Мнения в вопросе о причинах возникновения разных названий Руси существуют разные, но наиболее правдоподобными представляются те, которые высказывают следующие положения. “Белая Русь” получила свое название от шерстяной и холщовой самодельной ткани белого цвета, из которой местные жители изготавливали для себя одежды с незапамятных времен, “Черная Русь” названа от дремучих и темных лесов и пущ, покрывавших некогда огромные пространства этой области. От города Червеня, существовавшего с X века, произошло название “Червонная Русь”» [2, с. 24], – писал архиепископ А. Мартос.

Анализ цитируемых рассуждений архиепископа дает возможность сделать вывод о том, что на протяжении столетий философско-бытовое осмысление человеком окружающего мира служило основой наречения объектов природы названиями-именами. Такой подход явился основой присвоения жителям определенных географических регионов этнических имен, проще говоря, те или иные наиболее характерные особенности исторического бытия определенной этнической общности становились неповторимым этнографическим «лицом» этой общности. Безусловно, такой подход, начиная с истории Эллады, можно проследить на примере многих народов. В его основе лежит религиозно-мифологическое восприятие человеком окружающей действительности.

Именно такое философско-бытовое и религиозно-мифологическое осмысление окружающего мира просматривается и типично (об этом будет сказано ниже) для ПВЛ. Если обратить внимание на влияние религиозно-мифологического подхода на летописную традицию, можно констатировать, что уже в самом начале автор ПВЛ по библейскому примеру разделил восточнославянское этническое сообщество на 12 колен или племен. В соответствии с таким делением белорусское племя (или ранняя белорусская нация) было разделено на три колена: кривичи, дреговичи и радимичи, которые согласно утвердившейся концепции впоследствии образовали древнерусскую народность. И через столетия древнерусская народность «породила» три

нации: русских, белорусов и украинцев. Складывается впечатление, что какая-то неведомая для нас внешняя сила как бы руководила сначала процессом разделения, затем – объединения, а затем – вновь разъединения.

Такие этнические трансформации никак не соответствуют логике исторического процесса. Ибо в них отсутствует свойственная человеческому бытию преемственность поколений. В свою очередь, наши далекие предки никогда и не предполагали, что они живут в составе единой древнерусской народности. В качестве сравнения можно сослаться на теорию образования другой единой общности, вошедшей в историю под наименованием «советский народ». Сколько трудов на эту тему было создано – не счесть! Но, как оказалось, в реальности после распада СССР многонациональный советский народ исчез, а народы и нации, входившие в его состав, остались. Они остались по причине тысячелетней преемственности поколений, проживавших на территории своих государств. И даже культивация русского языка в качестве языка межнационального общения и одной идеологии не смогла уничтожить неповторимость и уникальность национальной самобытности каждого народа, добровольного создателя СССР.

Полагаю, что для советских историков концепция образования единого советского народа послужила идейно-политической базой и методологическим орудием, которые скрепили идею объединения восточных славян в единую народность, наделили эту версию «жизненной силой», и в рамках единого государства данная версия стала общепризнанным «рациональным зерном» советской историографии.

Но возникает вопрос: не такой ли по сути исторический процесс наблюдался и в IX–XII вв. на землях восточных славян? Нет, не такой. По той причине, что летописные племенные наименования «кривичи», «дреговичи» и «радимичи», как и имена-названия других племен, не были эндоэтническими. Например, источников, подтверждающих, что местное население, белорусского Полесья именовало себя дреговичами, в отечественной историографии нет.

Другим важнейшим вопросом нашей историографии является необходимость в более конкретной территориальной локализации понятия «Русь», а также осмысления причин и последствий призвания варягов. Как известно, критический анализ летописных известий начался в конце XIX – начале XX в., когда некоторые историки по собственному разумению «окрестили» Киевское княжество Киевской Русью.

На какие же аргументы и доводы они опирались? По нашему убеждению, только на один, ключевой и главный. Центром «Русской земли» они вслед за летописцем видели княжество, принявшее христианство, иначе говоря, главным доводом для них стало христианско-идеологическое убеждение в истинности соответствия и отождествления понятий «Русская земля» и «Киевская Русь».

Но кто же в действительности в соответствии с фактами имел право на наименование «Русь»? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более пристальное внимание обратить на события 862 г. А они согласно летописному сообщению таковы. Междоусобные войны ставили под вопрос будущее всех племен. Положение было настолько критическим, что родовое руководство двух северных племен увидело единственный выход – пригласить на верховную власть чужаков, не связанных с местичами, способных силой оружия поддерживать мир и обеспечить защиту от внешней агрессии.

В итоге кривичи и новгородские словене на вечевых собраниях выбрали своих представителей и поручили им идти «за море». По дороге к ним присоединились представители финно-угорских родов, перечисленные в ПВЛ. В результате в 862 г. состоялось знаменитое приглашение варяжских конунгов на политическое властвование. Остальные 10 восточнославянских племен не выбирали и не посылали своих представителей, они не делегировали свои полномочия новгородцам и полочанам, проще говоря, они не имели никакого отношения к летописному призванию чужеземцев.

В контексте сказанного необходимо обратить внимание на понятие «государство». В IX–XII вв. полочане, новгородцы, киевляне не знали такого понятия. В ходу были понятия «земля», «волость», «княжение», «княжество». Территория и население в тот период не были обязательными атрибутами государства. Таким атрибутом была власть. На этот факт прямо указывает летописное предание. «Повесть временных лет», руководствуясь библейским законом, прямо наставляет читателя: «...бог дает власть кому хочет, ибо поставляет всевышний цесаря и князя, каких захочет дать. Если же какая-нибудь страна станет угодной богу, то ставит ей бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судию, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается той стране; если же злы и лживы, то еще большее зло насылет бог на страну ту, потому что князь глава земли» [3, с. 175–176]. Летописный «князь – глава земли» в современном понимании – глава государства. Значит, основываясь на фактах, мы можем утверждать о существовании государственного образования – Полоцкой Руси.

Рассматривая события последнего 40-летия IX в., надо обратить внимание на важное обстоятельство. Надежды на варяжский наряд не оправдались. Они не оправдались потому, что варяжские нарядники, как и следовало ожидать, довольно быстро славянизировались. Это проявилось в том, что в скором времени верховная власть в государствах-княжествах не наследовалась от отца к сыну, а передавалась по родовому обычаю, от правителя к старшему брату. Правда, на уровне княжений межплеменные (этнонациональные) войны прекратились, но зато усилились войны межгосударственные.

Более аргументированного осмысления требуют до сих пор тиражируемые в разных историографических изданиях, в том числе учебного типа,

старые, лишённые объективного подхода утверждения о существовании Древнерусского централизованного государства, или так называемой империи Рюриковичей. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на одно очень характерное летописное сведение: политический наказ Ярослава Мудрого, который на смертном одре сказал своим наследникам: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, бог будет в вас и покорит вам врагов. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святополку даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск. И так разделил между ними города, запретив им переступить пределы братьев своих и сгонять со стола» [3, с. 184].

Перед нами форма устройства политической власти в Киевском княжестве, на территории, очерченной летописными городами и княжескими столами в 1054 г. Центр княжества – правивший город-стол – был центром княжеской власти, в современном толковании – автономным центром. Его политическая связь с другими городами (не правившими столами) была обусловлена только правом «старшего брата» и принципом добровольного подчинения, основанного на христианской любви. Никакой другой твердой политико-правовой основы для утверждения и функционирования власти в Киевском княжестве не существовало. Поэтому в 1073 г. «воздвиг дьявол распрю в братии этой – в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава» [3, с. 194]. И что характерно, младшие братья восстали, по мнению летописца, против власти старшего брата Изяслава только по причине происков дьявола. Поэтому летопись не сообщает истинных причин, которые крылись в борьбе за власть, в отсутствии централизованного государства. «А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего бо жью. Велик ведь грех – преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через четыреста лет отмщение приняли от бога» [3, с. 194]. Всего три года просидел на киевском столе Святослав, а после его княжество возглавил другой сын Ярослава Мудрого, также преступивший отцовскую заповедь и свою клятву, – Всеволод. И что интересно, не случайно в 1097 г. в Любече собрались потомки удельных князей, которые, как было принято в российской историографии, путем клятвенного обязательства как бы заключили какой-то договор между собой: «и пусть каждый владеет отчиной своей» [3, с. 212].

Но, как и ранее, это клятвенное обязательство никого из князей, его дававших, ни к чему не обязывало. Оно только окончательно констатирова-

ло тот факт, что единого централизованного Киевского княжества и ранее не существовало. Вопрос риторический, но, в самом деле, не могло же это княжество прямо в одночасье прекратить свое историческое бытие. Нам неизвестно, знал ли и что думал Всеслав Полоцкий по поводу Любечского мирного совета. Он уже давно на личном примере убедился в политическом криводушии киевских князей. У Всеслава не было никакой необходимости ехать к ним и вновь рисковать своей политической судьбой. Ведь их клятвы для него ничего не значили.

Таким образом, анализ летописных сообщений показывает, что государственное объединение Киевское княжество уже изначально не могло быть централизованным государством, не было оно и «лоскутной империей Рюриковичей».

Киевское княжество – это не белорусское, не российское, не украинское государство, это также не общее государство этих трех народов, которых в середине XI в. не было как культурно-этнической, политико-правовой целостности. Киевское княжество в категориях современной политологии – это скорее добровольная властно-династическая конфедерация, а не единое государство со своей территорией и населением. Поэтому концептуально обоснованным является положение о том, что Полоцкая Русь, Киевское княжество – это в равной степени исторические формы белорусской, российской, украинской государственности, носителями которой являлись соответствующие этнонациональные объединения, вступившие на путь государственного бытия как права на самостоятельное историческое существование и развитие в рамках своего политического организма [4, с. 144; 5, с. 12].

В контексте сказанного иную смысловую трактовку обретает политическая история Полоцкого и Туровского княжеств. В ПВЛ много внимания уделено порицанию деяний Всеслава Брячиславича, его походов на Псков и Новгород. Заявляя права на власть в этих государствах, он давал понять киевским родичам, что претендует на власть в Полоцкой и Новгородской Руси. Почему же такие события были возможны? Думаю, по той причине, что Всеслав вовсе не считал, что киевские князья имеют какие-то исключительные политические права. Земли Севера еще в долетописные времена активно колонизировали кривичи. Всеслав это хорошо знал, его попытки заявить права на эти земли были вполне понятны. Знал он и то, что свой поход на Киев Владимир осуществил через Полоцк. По этой же причине в 1067 г. он посчитал, что княжение в Киеве – шанс для его спасения, но не его удел, по этой же причине в 1097 г. он не поехал в Любеч.

И даже весьма символичным, но недостаточно осмысленным в белорусской историографии остался тот факт, что старший сын Киевского князя вначале получал княжеский стол в Турове. Тем самым обозначалась неразрывная связь изначально-источниковой Руси с главным княжеским городом-столом этой земли. Безусловно, проблема осмысления ранней истории

белорусской государственности (с точки зрения защиты интересов белорусского народа) продиктована вовсе не в противовес российской историографии.

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где к тому времени была создана империя Карла Великого, в Восточной Европе централизованного государства в форме «империи Рюриковичей» не существовало. Ее не было по тем причинам, что еще не сложились объективные политические и социально-экономические предпосылки, а анализ источников только подтверждает этот вывод.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Герберштейн, С.** Записки о московских делах / С. Герберштейн // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986. – С. 3–150.
2. **Мартос, А.** Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 2000. – 352 с.
3. **Повесть** временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. – Л., 1983. – С. 24–227.
4. **Смехович, Н. В.** Белорусская государственность: концепция и формы (опыт теоретико-методологического осмысления проблемы) / Н. В. Смехович // Сборник научных трудов сотрудников кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ / под ред. В. А. Божанова, С. В. Боголейши. – Минск, 2018. – С. 128–149.
5. **Смехович, Н. В.** Исторические истоки, этапы становления и развития белорусской государственности (теоретико-методологическое эссе) / Н. В. Смехович // Российские и славянские исследования : науч. сб. / Белорус. гос. ун-т ; отв. ред.: А. П. Сальков, О. А. Яновский [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 3. – С. 9–25.

Бондарева Е.М. (г. Витебск)

ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА: СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ

В год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне архивисты Беларуси совместно с российскими коллегами приступили к реализации фундаментального издательского проекта «Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны». Издание представляет собой сборники архивных документов и материалов о преступлениях нацистов и их пособников, совершенных на территории каждой области Республики Беларусь в их современных административно-территориальных границах. В 2020 г. вышла в свет книга,

посвященная Витебской области, в 2021 г. опубликованы документы, касающиеся Гомельской, Гродненской и Могилевской областей, в 2022 г. были изданы книги, посвященные Брестской и Минской областям.

Сборники состоят из двух разделов: «Нацистская политика геноцида и выжженной земли», где опубликованы документы о преступлениях, совершенных нацистами на оккупированной территории каждой области, и «Расследование преступлений немецких оккупантов», куда включены документы об установлении и расследовании фактов военных преступлений.

Всего в шести изданных сборниках опубликовано свыше 1 тыс. документов из архивов Беларуси, России, Германии и США. Благодаря изданию многотомного сборника документов были установлены принципиально новые количественные показатели по ряду важнейших аспектов. Так, на территории Беларуси нацистским захватчиками было создано более 490 мест принудительного содержания для гражданского населения. Оккупантами и их пособниками проведено более 170 только крупных карательных операций. За период войны на территории нашей республики уничтожено и сожжено более 9,3 тыс. сельских населенных пунктов.

Ярко иллюстрируют факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Придвинского края документы, хранящиеся в учреждении «Государственный архив Витебской области» (ГАВт). Среди них – документальные материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК СССР). Данная комиссия была создана на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. [1, с. 68]. Содействие в работе ЧГК СССР оказывали Белорусская республиканская комиссия, на местах – областные и районные комиссии. Документы, образовавшиеся в результате деятельности ЧГК СССР, находятся на хранении в Федеральном казенном учреждении «Государственный архив Российской Федерации» (ГАРФ). В 2017 г. из ГАРФ в Государственный архив Витебской области поступили на хранение на правах подлинников цифровые копии документов ЧГК СССР в количестве 10 дел за 1943–1945 гг., касающиеся г. Витебска, Бешенковичского, Городокского, Лиозненского, Меховского, Сиротинского, Суражского и Чашникского районов Витебской области. Среди документов имеются протоколы допросов свидетелей фактов злодеяний немецко-фашистских преступников; акты осмотра мест массового уничтожения мирного населения; сведения о жертвах немецко-фашистских захватчиков; списки расстрелянных, повешенных, замученных граждан; заявления граждан о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, фотографии и другие документы, свидетельствующие о чудовищных фактах злодеяний оккупантов.

Приведу несколько документальных свидетельств.

В акте районной комиссии содействия в работе ЧГК СССР по Октябрьскому району г. Витебска от 26 марта 1945 г. указано: «На основании свидетельских показаний, протоколов допроса, произведенной эксгумации и осмотра трупов видно, что более 50 тысяч мирных советских граждан и военнопленных были расстреляны, повешены и замучены немцами на территории Октябрьского района г. Витебска.

В Иловском овраге (Духовском) было расстреляно с первых же дней оккупации города Витебска более 20 тысяч населения – мужчин, женщин, детей. Их свозили сюда на машинах в течении нескольких месяцев и ежедневно не умолкали выстрелы, крики и стоны. У подножья Улановой горы было расстреляно около 3 тысяч советских граждан. 300 человек замученного еврейского населения было потоплено в реке Западная Двина. Более 20 тысяч советских граждан было расстреляно около кирпичного завода. 8 тысяч евреев расстреляны немецкими извергами в Туловском овраге.

В 1943 году немцы решили скрыть следы своих злодеяний. Они отрыли трупы из Иловского оврага, у Улановой горы, Туловского оврага, у кирпичного завода и производили сжигание их на кострах, предварительно облив трупы керосином. Раскопки и сожжение производили в течение месяца» [2, л. 17].

Вот еще одно документальное свидетельство – акт осмотра и эксгумации трупов на территории бывшего 5-го железнодорожного полка г. Витебска от 26 сентября 1944 г., в котором указано, что членами комиссии обнаружено около 400 могил, из которых 70 были длиной от 8 до 15 м, шириной 5–7 м и глубиной до 5 м. При вскрытии одной из могил в верхнем слое находились останки 300 военнослужащих, и таких слоев было 7. «Трупы, найденные в могилах, находились в беспорядочном положении, т. е. одни лежали вниз лицом, другие вверх ногами, третьи со вжатыми коленями и т. д. Большинство из них были одеты в военную одежду» [2, л. 15]. В другой могиле были обнаружены трупы военнопленных и гражданского населения, в том числе женщин и детей. Преобладающий возраст погибших составлял 20–30 лет.

Многочисленные свидетельские показания жителей Витебска рисовали вопиющую картину голода: суточным рационом пленных являлось около 100 грамм несъедобного хлеба и суп из отбросов. Летние бараки зимой не отапливались. Полураздетые военнопленные умирали от жестоких морозов. Содержащиеся в лагере люди преднамеренно уничтожались антисанитарными условиями, истязаниями и расстрелами.

Общее количество расстрелянных, а также погибших от голода и болезней, захороненных в лагере на территории бывшего 5-го железнодорожного полка, на основании свидетельских показаний и данных экспертизы, превышает 100 тыс. человек.

В феврале 1944 г. немецко-фашистские захватчики провели операцию по уцелевшим жителям города и заключили их в лагерь. «Свыше 12 тысяч гражданского населения, почти исключительно женщин, стариков и детей в февральскую стужу было загнано немцами на территорию лагеря. Большая половина их не могла втиснуться в бараки и оставалась под открытым небом. По свидетельству лиц, содержавшихся в лагере, из лагеря каждый день выносили не менее 30 трупов умерших от холода и голода. В нечеловеческих условиях тысячи людей содержались в этом лагере до мая м-ца. Свыше 1000 человек советских граждан погибло за это время» [2, л. 28]. В начале мая 1944 г. оставшихся в живых узников лагеря погрузили в товарные вагоны и вывезли к линии фронта (на расстоянии 8–10 км от ст. Крынки Лиозненского района), где поместили под открытым небом за колючую проволоку. Сюда же оккупанты привезли несколько сотен тифозных больных. В начале июня немцы перестали охранять лагерь, а когда его заключенные попытались выйти, провели артобстрел. За время нахождения в этом лагере погибло около 4 тыс. человек.

В городском поселке Лиозно местом массовой казни военнопленных, евреев и гражданского населения стал Адаменский овраг возле р. Мошны. В протоколе осмотра места массового расстрела, которое проводилось в октябре 1944 г., указано: «...по обрыву оврага имеется могила 16 м в длину, 4 м в высоту и 6 м в ширину. При снятии верхнего слоя почвы на ½ м обнаружено беспорядочно лежащие трупы мужчин, женщин и детей. Причиной смерти почти во всех случаях является сквозное ранение черепа со значительным разрушением костей, что указывает, что расстрел произведен в упор на близком расстоянии» [3, л. 9]. На основании свидетельских показаний очевидцев Лиозненской районной комиссией содействия в работе ЧГК СССР было установлено, что в овраг было свезено еврейское население из Лиозно, Колышек и других населенных пунктов (свыше 1500 человек стариков, женщин и детей). Очевидцы расстрелов рассказывали, что приведенных на расстрел людей, даже детей, заставляли раздеваться при двадцатиградусном морозе. Маленьких голеньких детей изверги подбрасывали вверх и расстреливали на лету, некоторых живьем бросали в ров. Жители прилегающих ко рву улиц долгое время не могли брать воду из речки по той причине, что в нее изо рва сочилась кровь.

На территории Городокского района членами Городокской районной комиссии содействия в работе ЧГК СССР были обнаружены многочисленные места захоронения мирного населения, уничтоженного немецко-фашистскими захватчиками. В урочище Воробьевы Горы, расположенном в 2 км от Городка, с июля 1941 г. по декабрь 1943 г. оккупанты проводили систематический расстрел мирных граждан. На этом месте было обнаружено 6 общих могил, количество захороненных в них – 660 человек. Еврейское население Городка числом около 2 тыс. человек в августе 1941 г. было помещено в ла-

герь на окраине города. В течение двух месяцев отдельные группы помещенных в лагерь людей выгонялись оккупантами в урочище Воробьевы Горы, где взрослые расстреливались, а детей живьем бросали в ямы и закапывали.

Жительница Городка Ефросинья Яковлевна Левченко стала свидетельницей следующих фактов: 6 января 1942 г. двум партизанам немцы отрубили руки и ноги, 6 человек обливали холодной водой до тех пор, пока они не умерли.

Комиссией было установлено, что с июля 1941 г. по декабрь 1943 г. в Городокском районе были расстреляны 4884 человека, повешены – 32, сожжены – 168, угнаны в немецкое рабство – 947 человек [4, л. 3].

В акте, составленном членами Бешенковичской районной комиссии содействия в работе ЧГК СССР, от 4 апреля 1945 г. указано, что во время немецко-фашистской оккупации в районе погибло свыше 10 тыс. человек, в том числе жителей городского поселка Бешенковичи – 5 тыс. человек, из них 2900 евреев. Места массовых расстрелов мирных жителей находились вблизи Бешенковичей. Расстрел мирных жителей проводился также на берегу Западной Двины, а трупы сбрасывались в воду [5, л. 3].

Документы Витебской областной комиссии содействия в работе ЧГК СССР образуют архивный фонд № 2784. В его составе насчитывается 85 дел за 1944–1945 гг. Среди документов имеются доклады об итогах работы по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба; акты об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками; справки об экономическом состоянии области, итогах работы по учету ущерба; опросные листы граждан, возвратившихся из плена.

Одной из форм реализации нацистской политики на оккупированной территории Беларуси стал массовый угон мирного населения в немецкое рабство. В ГАВТ хранится 49 404 фильтрационных дела на репатриированных граждан, возвратившихся в Витебскую область из-за рубежа после освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков, и трофейные карточки на военнопленных [6]. Жителей населенных пунктов оккупированных районов зачастую вывозили не только целыми семьями, но и целыми деревнями. По воспоминаниям граждан, вернувшихся из фашистской неволи в родные места, немецкие отряды окружали деревню, заходили с оружием в каждый дом и приказывали собираться на эвакуацию. Из вещей разрешалось брать только то, что могли унести на себе. Все остальное имущество подвергалось разграблению. На станциях людей загоняли в товарные вагоны, иногда даже вместе со скотом, и увозили в Германию, Литву, Латвию. За отказ от принудительного угона людей расстреливали. В набитых до отказа вагонах люди ехали по несколько суток. Угнанные с территории Витебской области работали на заводах, фабриках или в сельском хозяйстве.

Неотъемлемой частью немецко-фашистского оккупационного режима и установления «нового порядка» стали карательные операции, в результате которых на территории Беларуси было уничтожено более 9 тыс. сел и деревень (на 1 ноября 2022 г.). В электронной базе данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны», составленной на основе архивных документов, содержатся сведения о 3084 деревнях Витебской области, уничтоженных немецкими варварами полностью или частично [7].

Обнародование и разоблачение преступлений нацистских оккупантов сегодня имеет принципиальное значение для сохранения объективной памяти о событиях Великой Отечественной войны и противодействия попыткам фальсификации истории Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области : путеводитель, 1917–2006 / сост.: Т. В. Буевич, Ю. С. Петухов. – Минск : Медисонт, 2011. – 936 с.
2. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 256. Оп. 1. Д. 6.
3. **ГАВт.** – Ф. 256. Оп. 1. Д. 2.
4. **ГАВт.** – Ф. 256. Оп. 1. Д. 4.
5. **ГАВт.** – Ф. 256. Оп. 1. Д. 7.
6. **ГАВт.** – Ф. 1620. Оп. 4–8.
7. **Белорусские** деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://db.narb.by/?cjecbimglfcbingd>. – Дата доступа: 01.11.2022.

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Арлова А.Г. (аг. Бачэйкава, Бешанковіцкі раён)

З ГІСТОРЫІ АХОВЫ ЗДAROЎЯ БАЧЭЙКАЎШЧЫНЫ

Першае ўпамінанне пра Бачэйкава ў гістарычных крыніцах адносіцца да 1640 г. Аб прафесійнай медыцыне тады размовы не было. Першыя згадкі пра лячэнне хворых у Бачэйкаве мы знаходзім у «Хроніцы аднаго маёнтка. Бачэйкава» В.П. Цеханавецкага. У дадатку да арэнднага календара за 1737 г. указана, што ў Бачэйкаве на Перавознай вуліцы быў шпіталь. У вопісы ёсць адзнака, што ўрач «Лейба Гуля за лячэнне хворых сялян вызвалены ад усякіх павіннасцей» [21]. У тых далёкія гады шмат людзей памірала ад інфекцыйных захворванняў. З 1799 па 1801 г. у маёнтку Бачэйкава лютавала халера. З інвентара за 1802 г. бачна, што з 616 мужчынскіх душ засталася толькі 195.

З 1811 г. у Бачэйкаве пад кіраўніцтвам доктара працуе лазарэт. Цеханавецкія былі зацікаўлены ў тым, каб іх сяляне не хварэлі. Таму ў інструкцыі «Кнігі пасяджэнняў па гаспадарцы» (1847–1852) указана, што падведамныя старасту дазоры «хворых абавязаны неадкладна высыліць у лазарэт» [21]. З 1864 г. тэрыторыі паветаў былі падзелены на ўчасткі, кожны з якіх кіраваўся ўрачом. Бачэйкава з многімі населенымі пунктамі адносілася да 2-га сельска-ўрачэбнага ўчастка. Тут у 1898 г. урач Кіпрыян Феарыянавіч Пржэбароўскі не толькі аказваў медыцынскую дапамогу, але і сачыў за санітарнай абстаноўкай усіх населеных пунктаў. Медыцынская дапамога была раз'язной, лячэнне платным, што скарачала колькасць зваротаў да ўрача сацыяльна неабароненых сялян.

У пачатку XX ст. у Беларусі адсутнічала адзіная сістэма арганізацыі аховы здароўя. Яе пытаннямі займаліся розныя ведамствы і ўстановы, земствы ў сельскай мясцовасці. Тым не менш «Памятная книжка Витебской губернии» за 1900 г. сведчыць, што ў Бачэйкаве маецца прыёмны пакой, у якім з 1900 па 1904 г. першапачатковую медыцынскую дапамогу аказвае фельчар Іван Капцеляў. З 25 жніўня 1904 г. па 1908 г. хворых Бачэйкаўшчыны прымае фельчар Юсіф Міхайлавіч Сямканаў. «Список населенных мест Витебской губернии» (1906) дае звесткі аб тым, што ў Бачэйкаўскую воласць уваходзіла 45 населеных пунктаў з колькасцю жыхароў 5579 чалавек. Сюды адносіліся вёскі сучасных Бешанковіцкага, Лепельскага і Чашніцкага раёнаў. На сённяшні дзень Бачэйкаўская амбулаторыя ўрача агульнай практыкі абслугоўвае 1625 чалавек. У 1908 г. прыёмны пакой у Бачэйкаве рэарганізуецца ў фельчарска-акушэрскі пункт. Гэта вельмі важнае дасягненне, таму што воласць

была шматлікай па колькасці насельніцтва і населеных пунктаў. Сюды ў 1910 г. з Чашніцкай бальніцы пераводзіцца на працу фельчар Яўмен Пятровіч Пятроў, а І.М. Сямканаў становіцца вольнапрактыкуючым фельчарам у м. Бачэйкава. Разам з ім працуе павітухай Пелагея Аляксандраўна Сямканава, пэўна, яго жонка. Фельчар Я.П. Пятроў ажаніўся і асеў у мястэчку Бачэйкава. На Бачэйкаўскім фельчарска-акушэрскім пункце ён адпрацаваў больш за 18 гадоў. Такім чынам, мы бачым, што насельніцтва Бачэйкаўшчыны атрымлівала толькі фельчарскую медыцынскую дапамогу. Забяспечанасць сельскага насельніцтва ўрачэбнай дапамогай рэзка адставала, а павятовая бальніца была маладаступнай для сялян.

Развіццё і падтрымку сістэма медыка-санітарнай дапамогі на сяле атрымала толькі ў гады савецкай улады, калі пачала стварацца дзяржаўная сістэма аховы здароўя. Асновай Віцебскага павятовага аддзела аховы здароўя стала медыцынская секцыя, потым медыка-санітарны аддзел Віцебскага павятовага Савета, які ўтварыўся 20 снежня 1917 г., а з 1918 г. – аддзел народнай аховы здароўя. Пры Лепельскім павятовым выканкаме быў таксама створаны такі аддзел.

У 1920 г. у Бачэйкаўскай воласці пражывала 6900 чалавек. Такая колькасць насельніцтва мела патрэбу ў бальніцы. 14 кастрычніка 1921 г. была праведзена нарада ўрачоў і лекарскіх памочнікаў Лепельскага павета аб паляпшэнні стану медыцынскага і лячэбнага абслугоўвання. Недахопы медыцынскай справы ў павеце тлумачыліся цяжкімі ўмовамі ваеннага часу, а таксама няўважлівасцю мясцовых улад да патрэб аддзела аховы здароўя. С.Р. Дзіхцяр звярнуў увагу прысутных на неабходнасць падымаць прэстыж савецкай медыцыны ў вачах насельніцтва і такім чынам змагацца з прыватнай практыкай. Загадчык павятовай аховы здароўя Магаршак адзначыў, што мала людзей, якія адстойваюць развіццё медыцынскай справы, а потым выказаў меркаванне наконт адкрыцця бальніцы ў Бачэйкаве, цэнтральным месцы павета, замест адкрыцця ў Кублічах, дзе «мясцовае насельніцтва і валыканкам абьякава адносяцца да існуючай у іх лячэбніцы. Бачэйкава ж мае вялікую населеную акругу» [8]. Пытанне было пастаўлена на галасаванне, і большасцю галасоў вырашана адкрыць бальніцу ў Бачэйкаве (Дадатак 1, фота 1). Фінансаванне дзейнасці бальніцы меркавалася здзяйсняць за кошт бюджэтных сродкаў і сродкаў саўгаса «Бачэйкава», справы якога былі ў плачэўным стане. Тым не менш урач Дзіхцяр указаў, што няўдача з бачэйкаўскім саўгасам, па сутнасці, не аргумент супраць пошукаў сродкаў для падтрымкі справы аховы здароўя.

На 1 студзеня 1922 г. у Бачэйкаўскім урачэбна-амбулаторным пункце працуе 1 урач, 1 лекарскі памочнік і 1 чалавек, які дапамагае па гаспадарцы. З 13 лютага 1922 г. урачэбна-амбулаторным пунктам Бачэйкава кіруе 28-гадовы ўрач Саламон Рувешавіч Дзіхцяр. З чэрвеня 1922 г. тут застаецца толькі адзін лекарскі памочнік Павел Данілавіч Мікалаеў. З архіўных дакументаў

бачна, што С.Р. Дзіхцяяр пераведзены на працу ў Лепельскі павятовы адзел па ахове здароўя і пад яго старшынствам ствараецца камісія для правядзення тыдня бездагляднага і хворага дзіцяці (для дзяцей з дзіцячых дамоў). У спіс мерапрыемстваў уваходзілі збор ахвяраванняў ад насельніцтва, збор грошай ад спектакляў у фонд дапамогі і медагляда дзяцей.

Цікавая біяграфія С.Р. Дзіхцяра. Нарадзіўся ў Чашніках у 1894 г. У 1921 г. скончыў медыцынскі факультэт 1-га Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1921–1923 гг. – сельскі ўчастковы і санітарны лекар, загадчык павятовага аддзела аховы здароўя Лепельскага павета Віцебскай губерні, намеснік загадчыка Віцебскага губернскага санітарнага бюро. У 1924–1933 гг. працаваў у Мінску загадчыкам аддзела лячэбна-прафілактычнай дапамогі і членам калегіі Наркамздрава БССР, старэйшым санітарным інспектарам і членам калегіі Наркампрацы БССР, дырэктарам арганізаванага ім Беларускага НДІ арганізацыі і аховы працы Наркампрацы БССР. Адначасова (1925–1932) асістэнт, загадчык курса гігіены працы медыцынскага факультэта Беларускага ўніверсітэта (Мінскага медыцынскага інстытута), дзе арганізаваў у 1927 г. і ўзначаліў клініку прафесійных захворванняў. Акрамя таго, ён адзін з заклаўшых асновы айчыннай медыцынскай перыёдыкі, адзін з адказных рэдактараў часопіса «Беларуская мэдычная думка», на старонках якога з’явіліся першыя публікацыі аб праблемах падрыхтоўкі кадраў для сельскай аховы здароўя рэспублікі. Потым пераехаў працаваць ва Узбекскую ССР, дзе прадоўжыў сваю навуковую дзейнасць. С.Р. Дзіхцяяр быў добрым урачом, медыцынскім адміністратарам, гігіеністам, выкладчыкам універсітэта, доктарам медыцынскіх навук. Памёр у 1980 г.

Такім чынам, у 1922 г. у Бачэйкаўскім урачэбна-амбулаторным пункце застаўся толькі адзін фельчар Я.П. Пятроў. У Лепельскім павеце адчуваўся недахоп урачоў, як і па ўсёй тэрыторыі Беларусі. І тым не менш праз некаторы час на працу ў Бачэйкава прыслалі ўрача Красічонка. На пункце не хапала медыкаментаў, перавязачных матэрыялаў. Мясцовы бюджэт не ў стане быў утрымліваць урачэбна-амбулаторны пункт у поўнай меры. Дарэчы, раз у год на пасяджэннях пленума Бачэйкаўскага сельсавета заслухоўваўся даклад загадчыка Бачэйкаўскага ўрачэбнага пункта. Адзін з іх адбыўся 27 верасня 1925 г. у в. Далосцы (за 5 км ад Бачэйкава) у выбарчым пункце. Згодна з выпіскай з пратакола «дакладчык (урач Красічонок) указвае лічбавыя дадзеныя аб наведванні пункта хворымі памесячна, указвае, колькі адпускаяецца сродкаў на набыццё медыкаментаў, інструментарыю і іншыя звесткі аб рабоце пункта» [1]. Работу прызналі здавальняючай і палічылі неабходным, каб райвыканкам паклапаціўся пра водпуск большай колькасці сродкаў на набыццё медыкаментаў, а таксама папрасілі аб звальненні з работы акушэркі Ліпкінд і прысылкі новай. Урачу прапанавалі часцей выязджаць у вёскі для чытання лекцый і агляду хворых. Трэба адзначыць, што на ўрачэбным пункце часта парушалася працоўная дысцыпліна. За дрэнныя адносі-

ны да працы звольнілі акушэрку, урачу Красічонку пасля скаргі селяніна з в. Падрэзы ў службовай запісцы растлумачылі, што ён павінен абслугоўваць і частку жыхароў Іванскага сельсавета, не адмаўляцца выезджаць туды на выклікі, прымаць сялян з гэтай вёскі ў амбулаторыі. Калі ўрач Бачэйкаўскага ўрачэбна-амбулаторнага ўчастка пайшоў у адпачынак, урач кантрольнай камісіі Хацкельс адмовілася яго замяніць, аб чым старшынёй райвыканкама было паведамлена ў Віцебскі акруговы аддзел аховы здароўя. А перад адпачынкам Красічонак не выехаў да хворага Пятра Пеліпенца. Прышлося пісаць тлумачальную запіску ў Бешанковіцкі райвыканкам: «Нявыезд урача з тэй прычыны, што болель была ўжо выяснена і прыезд урача не абавязкова, прычым быў послан лекар, які і аказаў помочь надлежашую таксама, як і ўрач» [1]. У хуткім часе пасля скаргаў насельніцтва ўрача Красічонка перавялі ў іншае месца, а замест яго Віцебскі аддзел аховы здароўя прыслаў урача Дзярноўскага. Урачэбны пункт быў дрэнна забяспечаны, і Дзярноўскі ў маі 1927 г. просіць Віцебскі акружны аддзел аховы здароўя «хадайнічаць перад Бешанковіцкім раённым выканаўчым камітэтам аб прадастаўленні дадатковай сумы для набыцця інструментарыю для Бачэйкаўскага ўрачэбнага пункта з грошай Любіцкага ўрачэбнага пункта, дзе ў цяперашні час няма ўрача. Бачэйкаўскі ўрачэбны пункт вельмі бедны інструментарыем, а грошы на гэта маецца толькі 5 рублёў» [3]. Пытанне было вырашана станоўча.

Калі гаварыць пра наведванне хворымі Бачэйкаўскага ўрачэбнага пункта, то месячная ведамасць аб дзейнасці за чэрвень 1927 г. сведчыць, што іх было ўсяго 31. А вось за ліпень, жнівень і верасень колькасць прынятых была 2080, паўторных – 1318, з іх дома – 147. Родаў было прынята 6, абортаў зроблена 4. Загадчык пункта за тры месяцы выпісаў 6796 рэцэптаў. У справаздачу аб дзейнасці ўрачэбнага пункта ўваходзілі звесткі аб прыёме актыўных хворых і пасіўных. Актыўныя – гэта застрахаваныя людзі. Згодна з дэкрэтам 1921 г. «Аб сацыяльным страхаванні асоб, занятых наёмнай працай» было ўведзена абавязковае медыцынскае страхаванне рабочых і служачых. Са сродкаў сацыяльнага страхавання 4% адлічвалася на медыцынскую дапамогу. Гэтыя сродкі складалі фонд «Г». Ён расходваўся толькі на патрэбы «застрахаваных». Медыцынскую дапамогу атрымлівалі не толькі актыўныя, але і пасіўныя, а менавіта – члены іх сям'яў. У Бачэйкаўскім урачэбным пункце работнікі атрымлівалі з фонда «Г» датацыю ў памеры 10%. Акрамя звестак аб прыёме хворых, урач павінен быў здаваць у раён даныя аб медыцынскай дапамозе членам прафесійных саюзаў савецкіх гандлёвых служачых, будаўнікоў, тэкстыльшчыкаў, народнай сувязі і гэтак далей, штотыднёва звесткі аб колькасці хворых востра-заразнымі хваробамі (тыф сыпны, брушны і зваротны, воспа), справаздачы аб прафілактычнай рабоце. У сферу дзейнасці ўрача ўваходзіў агляд школьнікаў, наведванні дома, выступленні, даклады, лекцыі перад грамадскасцю на тэмы па агульнасанітарных пытаннях. Павышэнне санітарнай пісьменнасці насельніцтва, правядзенне агіта-

цыйнай работы з'яўлялася адным з відаў барацьбы з эпідэміямі і хваробамі. Медыкі неадкладна выязджалі ў тая месцы ўчастка, дзе пачыналіся такія захворванні, і праводзілі супрацьэпідэмічныя мерапрыемствы.

Дрэнныя бытавыя ўмовы і нізкая зарплата сельскіх медыкаў, вялікая колькасць службовых абавязкаў ускладнялі іх жыццё. Напрыклад, фельчар Савелій Спірыдонавіч Крашчэнкін 23 снежня 1926 г. просіць аб звальненні, таму што «здароўе стала слабець дзякуючы сырым і халодным кватэрам, а таксама ад узмоцненых службовых работ» [1]. На яго месца з Любіч па заяве вяртаецца фельчар Пятроў, які раней працаваў у Бачэйкаве. Справа ў тым, што з адкрыццём урачэбнага пункта вакансія фельчара спачатку была скасавана, а потым адноўлена. Сям'я заставалася ў Бачэйкаве, і Пятроў папрасіўся назад.

У 1928 г. у Бачэйкаве стала працаваць бальніца, пры якой знаходзіліся сельская ўчастковая бальнічная амбулаторыя і трахаматозны сястрынскі пункт. У амбулаторыі працаваў адзін урач. Бальніца больш пуставала, адчувалася недахоп медыкаментаў, інструментарыю, не хапала прадуктаў, коўдраў, ваты, паліва. Былы жыхар вёскі Бачэйкава Высоцкі Г.С. расказваў, што калі ў дзяцінстве захварэў на востры атыт, то на ўсю бальніцу ляжаў толькі ён адзін. У 1938 г. пабудаваў новы будынак на 12 ложкаў. Пры бальніцы мелася прысядзібная гаспадарка. У красавіку была праведзена праверка стану сельскіх урачэбных участкаў у раённым разрэзе ў сувязі з выкананнем пастанова Саўнаркама СССР ад 26.04.1937 г. «Аб умацаванні сельскіх урачэбных участкаў» па Віцебскай вобласці, у тым ліку і Бачэйкаўскай бальніцы. Праверка паказала, што ўрача бальніца не мае, насельніцтва навакольных вёсак абслугоўваецца фельчарамі і акушэркамі. У самім будынку адсутнічаюць памяшканні для пральні, ванны, ізалятара і інфекцыйнай. Будынак новы, але яшчэ не закончаны. Бальніца дрэнна абсталявана. У ёй няма аўтаклава, біксаў, маюцца толькі стэрылізатар і прымус. Не было тут медыкаментаў і перавязачнага матэрыялу. Зубны ўрачэбны кабінет не меў уласнага стэрылізатара. Затое пры бальніцы была кватэра для ўрача. З транспарту – адзін конь, які служыў для гаспадарчага абслугоўвання бальніцы. Пад націскам упаўнаважанага па праверцы Закса медыкаменты і перавязачны матэрыял тэрмінова былі дастаўлены з райцэнтра.

Перад пачаткам Вялікай Айчыннай вайны тут зноў стаў працаваць урач Дзярноўскі. А яшчэ бачэйкаўцаў лячыў травамі знахар Залман Жукоўскі. Большасць людзей звярталася да яго. Лічылася, што Жукоўскі добра разбіраецца ў медыцыне. У часы акупацыі хворых лячыла жанчына-ўрач, якая пражывала ў суседняй вёсцы Клешчыно (прозвішча невядома), якой бургамістр Нойман загадаў хадзіць па выкліках і аказваць медыцынскую дапамогу хворым.

Гады акупацыі нанеслі ахове здароўя вялікі ўрон, але, на шчасце, будынак Бачэйкаўскай бальніцы не пацярпеў. У час вайны ў ім размяшчалася нямец-

кая камендатура. Пасля вызвалення вёскі 26 чэрвеня 1944 г. нягледзячы на паўсюдную разруху, ужо ў ліпені пачала функцыянаваць Бачэйкаўская бальніца пад кіраўніцтвам галоўнага ўрача Марыі Іосіфаўны Праворнай, а з красавіка 1945 г. галоўным урачом стала працаваць В.К. Кежа, якая скончыла Мінскі медыцынскі інстытут. Спачатку працавала ў Магілёве, потым ва Уле, а калі мужа прызначылі дырэктарам Бачэйкаўскай школы, сям'я пераехала і стала жыць у кватэры пры бальніцы. 15 гадоў свайго жыцця прысвяціла В.К. Кежа ахове здароўя насельніцтва Бачэйкаўскага сельсавета. У бальніцы працавалі зубны кабінет, радзільная палата, лабараторыя. Быў вельмі вялікі аб'ём працы, бо ўрач вяла прыём у амбулаторыі і лячыла хворых у бальніцы. Таму ў 1958 г. прыслалі яшчэ аднаго ўрача. Вайна пакінула шмат слядоў. Усюды валяліся каскі, кавалкі дроту, жалеза. Некалькі разоў выклікалі сапёраў, правяралі гарышча, падмосце на наяўнасць снарадаў. На агародзе, справа ад цэнтральнага ўваходу, не дазвалялі глыбока араць зямлю, баючыся выбухаў мін (Дадатак 1, фота 2, 3).

З 1960 г. у розны час галоўнымі ўрачамі працавалі В.Л. Стаўпінскі, М.В. Шэка, В.К. Дзьячкоў, М.В. Паўлаў. З 1987 г. тут стала працаваць М.В. Папко. У 1972 г. пад стацыянар быў аддадзены былы будынак аранжарэі Цеханавецкіх, у якім дагэтуль знаходзілася спальня выхаванцаў дапаможнай школы-інтэрната. У сувязі з яго аварыйным станам пасля вялікіх намаганняў маладога ўрача Марыны Васілеўны Папко была пабудавана новая бальніца, якая праіснавала да 2005 г. Зараз у гэтым будынку знаходзіцца Бачэйкаўская амбулаторыя ўрача агульнай практыкі і бальніца сястрынскага догляду (Дадатак 1, фота 4). Маюцца кабінет зубнога ўрача і лабараторыя.

Такім чынам, мы бачым, што сістэма медыцынскага абслугоўвання на Бачэйкаўшчыне поўнаасцю супадала з гістарычнымі працэсамі, якія адбываліся ў краіне, і, канечне, залежала ад рашэння дзяржаўных органаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 376. Воп. 1. Спр. 74.
2. **ДАВВ.** – Ф. 250. Воп. 1. Спр. 73.
3. **ДАВВ.** – Ф. 376. Воп. 1. Спр. 222.
4. **ДАВВ.** – Ф. 376. Воп. 1. Спр. 290.
5. **ДАВВ.** – Ф. 1971. Воп. 1. Спр. 1.
6. **ДАВВ.** – Ф. 1971. Воп. 1. Спр. 5.
7. **ДАВВ.** – Ф. 1971. Воп. 1. Спр. 28.
8. **ДАВВ.** – Ф. 266. Воп. 1. Спр. 6.
9. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1898 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. тип., 1898. – 43 с.
10. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1900 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. типолитограф., 1900. – 157 с.
11. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1901 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. типолитограф., 1900. – 140 с.

12. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1902 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. типолитогр., 1901. – 90 с.
13. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1903 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. типолитогр., 1902. – 102 с.
14. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1904 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. типолитогр., 1903. – VIII, 32, 255, [1], 119, [1], 19 с., [1] л. ил., [1] л. табл.
15. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1905 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. типолитогр., 1904. – VII, 34, 263, 25, [1], 26–152, [1], 8, 12 с., [1] л. план.
16. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1908 год / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. тип., 1908. – IX, 28, 359, 25, [1], 26–137, 26 с., [8] л. рекл. объявл.
17. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1909 год : изд. официальное / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. тип., 1909. – VIII, 28, 425, 168 с.
18. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1910 год : официальное изд. / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. тип., [1910]. – VIII, 27, 445, 168 с.
19. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1912 год : изд. официальное / изд. Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Губерн. тип., 1912. – [2], IX, [1], 153, [1], 153, [1], 332 с., [1] л. ил., [2] л. рекл. объявл.
20. **Список** населенных мест Витебской губернии / под ред. А. П. Сапунова. – Витебск : Губерн. типолитогр., 1905. – 450 с.
21. **Цехановецкий, В. П.** Хроника одного поместья. Бочейково / В. П. Цехановецкий. – Витебск : Губерн. типолитогр., 1905. – 43 с.

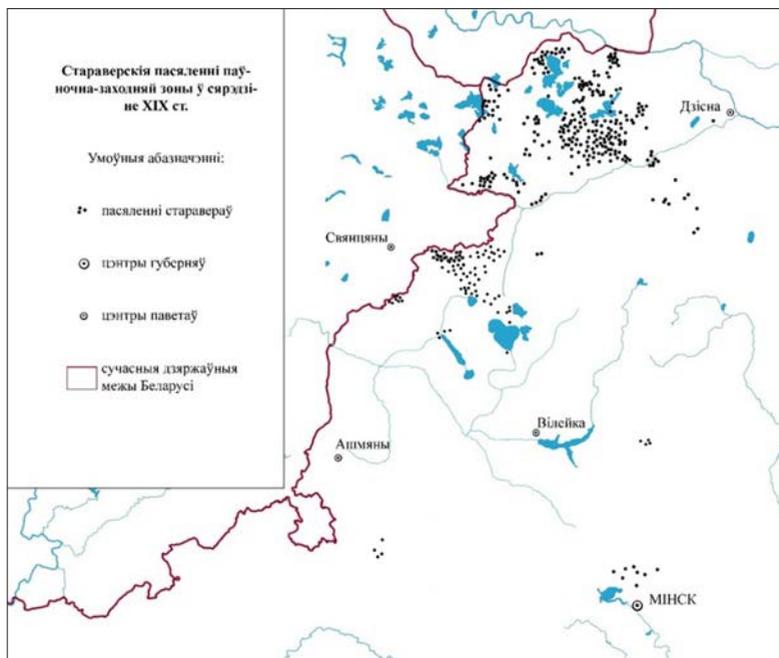
Аўсейчык У.Я. (з. Наваполацк)

СПЕЦЫФІКА РАССЯЛЕННЯ І КОЛЬКАСНЫ СКЛАД СТАРАВЕРАЎ У ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў СЯРЭДЗІНЕ ХІХ ст.

У сярэдзіне ХІХ ст. на тэрыторыі паўночна-заходняй Беларусі фіксавалася даволі вялікая зона кампактнага пражывання старавераў. У гэты перыяд яны пражывалі на тэрыторыі Ашмянскага, Вілейскага, Дзісенскага паветаў, а таксама беларускіх землях Свянцянскага і Новааляксандраўскага паветаў¹. На іншых тэрыторыях Віленскай (маюцца на ўвазе толькі беларускія землі),

¹ Пасля 1842 г. гэтыя тэрыторыі адміністрацыйна адносяцца да Віленскай і Ковенскай губерняў (да апошняй толькі Новааляксандраўскі павет). У ранейшы перыяд адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел у гэтай частцы Беларусі быў некалькі іншым. Так, сама Віленская губерня да 1840 г. мела назву Літоўска-Віленская. Да 1842 г. Новааляксандраўскі павет (да 1836 г. меў назву Браслаўскі) знаходзіўся ў складзе Віленскай губерні. А ў 1842 г. ён і яшчэ 6 паветаў былі вылучаны з Віленскай губерні і ўтварылі Ковенскую губерню. У гэтым жа годзе да Віленскай губерні былі далучаны са складу Мінскай губерні Вілейскі і Дзісенскі паветы, а з Гродзенскай – Лідскі павет.

Гродзенскай, паўночна-заходняй часткі Мінскай губерняў старавераў амаль не налічвалася. Асноўная маса старавераў рэгіёна належала да беспалоўскіх кірункаў.

Малюнак 1 – Рассяленне старавераў у паўночна-заходняй частцы Беларусі ў сярэдзіне XIX ст.

Сярод лідараў па колькасці старавераў у гэтым рэгіёне вылучаўся Новааляксандраўскі павет Ковенскай губерні, у які ўваходзіла тэрыторыя сучаснага Браслаўскага раёна. Так, у 1848 г. у павеце пражывала 9389 старавераў, у 1851 г. – 10 251. Аднак пачынаючы з 1852 г. назіраецца некаторае памяншэнне іх колькасці. У 1852 г. у Новааляксандраўскім павеце зафіксавана 9170 старавераў, у 1853 г. – 7123, у 1854 г. – 6148 [2, с. 502]. Але ў наступныя гады іх колькасць ізноў пачынае расці. У 1863 г. у павеце ўжо налічвалася 8265 чалавек, а ў 1873 – 11 119 [9, с. 82–84; 11, с. 142]. Як вынікае з аналізу дэмаграфічных паказчыкаў, каля трэці стараверскага насельніцтва павета фіксавалася на сучасных беларускіх землях [1, с. 61].

Стараверы даволі кампактна прыжывалі ва ўсіх воласцях беларускай часткі Новааляксандраўскага павета. Яны жылі ў Браслаўскай, Відзаўскай, Дрысвяцкай, Краснагорскай, Опсаўскай і Слабадскай воласцях. У сярэдзіне XIX ст. у рэгіёне налічвалася звыш 150 населеных пунктаў, дзе фіксаваліся

стараверы. На беларускай тэрыторыі павета вылучаліся некалькі кампактных арэалаў пасялення старавераў. Адзін з самых вялікіх па колькасці населеных пунктаў размяшчаўся на самай поўначы сучаснага Браслаўскага раёна ў ваколіцах воз. Снуды. Па колькасці старавераў тут вылучаліся в. Булавішкі, Баруны, Ванагішкі, Прохараўка, Лаўнікі, Шашкішкі, Краснагорка. Другі арэал размяшчаўся на самым усходзе Новааляксандраўскага павета. Яго цэнтрам была в. Кірыліна. У яго ўваходзілі таксама в. Чэрнева, Лугі, Баранаўшчына, Канавалаўшчына, Радзіеўшчына, Оплеса, Пустошкі. Трэці арэал размяшчаўся на самым захадзе сучаснага Браслаўскага раёна ў ваколіцах воз. Дрысвяты. Па колькасці старавераў у гэтым рэгіёне вылучаліся в. Пашавічы і Станкавічы. Цэнтрам чацвёртага арэала быў г. Відзы, дзе на працягу ўсяго перыяду пражывала значная колькасць старавераў. Акрамя Відзаў па колькасці старавераў у гэтым рэгіёне вылучаліся в. Фурманішкі, Ліпалаты, Стунжышкі, Відзы-Альбрэхты, Сцегішкі, Рэпішкі, Лайбуны [3, с. 19–23]. Крыніцы 1850-х гг. не паведамляюць аб дзеючых стараверскіх храмах на беларускіх землях Новааляксандраўскага павета [2, с. 531]. Але ўжо ў 1860-я гг. на гэтай тэрыторыі зафіксаваны дзве стараверскія малельні ў г. Відзы і в. Кірыліна (пазначаны як пабудаваныя ў 1864 г.) [5, с. 389].

Як вынікае са статыстычных даных, сярод беларускіх паветаў (гэта значыць тэрыторыя якіх у сучасны перыяд уваходзіць у склад Беларусі) Віленскай губерні стараверы пражывалі ў Дзісенскім, Свянцянскім, Вілейскім і Ашмянскім. У Лідскім павеце яны амаль не фіксаваліся. На поўдзень ад гэтых паветаў (на тэрыторыі Гродзенскай губерні, Мінскага і Навагрудскага паветаў Мінскай губерні) іх амаль не налічвалася. Асноўная маса старавераў беларускай часткі Віленскай губерні фіксавалася ў Дзісенскім і Свянцянскім паветах. Пэўная іх колькасць налічвалася таксама ў Вілейскім і Ашмянскім паветах (табл.).

Табліца – Дынаміка колькасці стараверскага насельніцтва ў беларускіх паветах Віленскай губерні (1843–1873)

Год	Колькасць старавераў у паветах Віленскай губерні (чал.)				
	Дзісенскі	Свянцянскі	Вілейскі	Ашмянскі	Лідскі
1843	3 884	4 911	392	191	–
1868	3 921	4 731	483	463	14
1873	4 264	5 045	540	570	–

Табліца складзена аўтарам наводле: [6, с. 170–171; 7, с. V; 8, с. VII].

Дзісенскі павет адносіўся да лідараў па колькасці старавераў у паўночна-заходняй частцы Беларусі. Так, у 1839 г. тут налічвалася 2669 старавераў [4, арк. 38]. А ўжо на 1843 г. афіцыйныя даныя прадстаўляюць іх колькасць у 3884 чалавекі [6, с. 170–171]. Як сведчаць крыніцы, да канца 1860-х гг. іх колькасць у павеце заставалася амаль такой жа (гл. табл.).

У сярэдзіне XIX ст. стараверы пражывалі на значнай тэрыторыі Дзісенскага павета (за выключэннем усходняй і паўднёвай яго частак). На 1839 г. яны пражывалі ў больш як 150 населеных пунктах павета. А ў 1860-х гг. колькасць такіх пасяленняў была ўжо больш за 200. Стараверы насялялі тэрыторыю павета на поўнач ад р. Дзісна, якая працякае праз увесь павет. На поўдзень ад ракі іх амаль не налічвалася (за выключэннем пасяленняў у ваколіцах в. Залесе і Ластавічы на тэрыторыі сучаснага Глыбоцкага раёна). Асабліва вялікая колькасць населеных пунктаў, дзе пражывалі стараверы, была сканцэнтравана ў паўночна-заходняй частцы павета (у сучасны перыяд гэта тэрыторыя Міёрскага і Шаркаўшчынскага раёнаў). Разам з пасяленнямі ўсходняй часткі Новаалейскага павета яны ўтваралі самы вялікі арэал у паўночна-заходнім рэгіёне. Сярод важнейшых цэнтраў стараверства (па колькасці прыхільнікаў старога абраду) вылучаліся в. Кублішчына, Буеўшчына, Зачарэўе, Ніўнікі, Варонка, Мацешы, Грыгараўшчына, Петкуны. У 1860-я гг. значная колькасць старавераў налічвалася таксама ў г. Друя, в. Яўцерышкі, Германавічы, Залесе і Ластавічы [4, арк. 35–38; 13, арк. 454–600]. Як сведчаць крыніцы, у сярэдзіне XIX ст. у Дзісенскім павеце дзейнічала толькі адна стараверская малельня ў в. Кублішчына. Праўда, на пэўны час яна была закрыта («запаячана»), але ўжо ў 1863 г. улады дазволілі яе адкрыць [4, арк. 33 аб.; 15, с. 599].

У сярэдзіне XIX ст. значная колькасць старавераў пражывала ў Свянцянскім павеце. Неабходна адзначыць, што каля паловы тэрыторыі павета ў наш час адносіцца да Літвы. У гэты перыяд на беларускіх землях Свянцянскага павета існаваў вялікі арэал пасяленняў, дзе пражывалі стараверы. Ён займаў заходнюю частку сучаснага Пастаўскага раёна і самыя паўночныя землі Мядзельскага раёна. Арэал ахопліваў тэрыторыі ад в. Лынтупы да Пастаў на ўсходзе і да воз. Нарач на поўдні. Паўночная частка арэала пераходзіла на сучасныя літоўскія землі. Найбольш значымі па колькасці старавераў у гэтым арэале былі в. Апідамы, Кукляны, Вейсішкі, Жвойрышкі, Паташня, Беянішкі. На беларускіх землях Свянцянскага павета існавалі яшчэ два невялікія арэалы рассялення старавераў. Адзін з іх ахопліваў рэгіён у ваколіцах в. Стрыпішкі, Ляшчынава, Грэчанішкі, Зароўе і іншых (знаходзіўся на самай поўначы Астравецкага раёна Гродзенскай вобласці) і пераходзіў на сучасныя літоўскія землі. Цэнтрам яшчэ аднаго быў пас. Свір (у сучасны перыяд пасёлак у Мядзельскім раёне Мінскай вобласці) [14, арк. 347, 356–358, 374–375, 430–450]. У сярэдзіне 1860-х гг. у беларускай частцы павета дзейнічалі толькі 2 малельні – у в. Апідамы і Кукляны (сучасны Пастаўскі раён) [5, с. 385].

Вілейскі павет не вылучаўся вялікай колькасцю старавераў. На 1839 г. у ім пражывала толькі 316 старавераў. У гэты перыяд яны фіксаваліся ў 13 населеных пунктах у паўночнай і паўднёвай частках павета (у першым і трэцім яго станах) [4, арк. 9, 51]. На працягу 1840–1860-х гг. колькасць стараверскага насельніцтва ў павеце некалькі вырасла (гл. табл.). Ашмянскі павет такса-

ма не адносіўся да ліку густа заселеных стараверамі (гл. табл.). Па даных на 1860-я гг. адзіны невялікі арэал рассялення старавераў лакалізаваўся на памежжы Трабскай і Гальшанскай воласцей (у сучасны перыяд памежжа Валожынскага, Ашмянскага і Іўеўскага раёнаў). Цэнтрам гэтага арэала была в. Масцішча [14, арк. 230, 232, 537, 541].

Асноўная маса старавераў у паўночна-заходняй частцы Беларусі пражывала ў сельскай мясцовасці. Сярод гарадскіх цэнтраў вылучаліся толькі г. Відзы ў Новааляксандраўскім павеце і г. Друя ў Дзісенскім павеце. Так, у Відзах у 1869 г. пражываў 361 старавер, у 1879 г. – 487. А ў Друі ў 1868 г. налічвалася 85 старавераў, у 1872 г. – 107 [10, с. 145; 12, с. 310]. У г. Дзісне, Ашмянах і Вілейцы ў сярэдзіне XIX ст. старавераў амаль не фіксавалася.

Такім чынам, на аснове аналізу крыніц прыходзім да наступных высноў. У сярэдзіне XIX ст. значная колькасць старавераў была засяроджана ў паўночна-заходняй частцы Беларусі. Яны пражывалі на тэрыторыі Новааляксандраўскага, Дзісенскага, Свянцянскага, Ашмянскага і Вілейскага паветаў. Асноўную масу стараверскіх пасяленняў гэтага рэгіёна ўтвараў вялікі арэал у межах Дзісенскага і Новааляксандраўскага паветаў (сучасныя тэрыторыі Браслаўскага, Міёрскага і Шаркаўшчынскага раёнаў). Яшчэ адзін значны арэал распаўсюджання стараверскага насельніцтва лакалізаваўся ў межах Свянцянскага павета (сучасная тэрыторыя Пастаўскага раёна). Невялікія арэалы фіксаваліся таксама на тэрыторыі Свянцянскага, Ашмянскага і Вілейскага паветаў. Таксама неабходна адзначыць, што некаторыя з арэалаў выходзілі за беларускія землі і мелі працяг на сучасных тэрыторыях Літвы і Латвіі. У гэты перыяд у рэгіёне налічвалася каля 10 тыс. стараверскага насельніцтва.

ЛІТАРАТУРА

1. **Аўсейчык, У. Я.** Рассяленне і дэмаграфічная характарыстыка старавераў паўночна-заходняй Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / У. Я. Аўсейчык // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 57–67.

2. **Афанасьев, Д. Ф.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / Д. Ф. Афанасьев. – Санкт-Петербург : Тип. товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. 11 : Ковенская губерния. – VII, X, 746 с.

3. **Корецкий, П. И.** О раскольниках в Ковенской губернии / П. И. Корецкий // Памятная книжка Ковенской губернии на 1863 год. – Ковно, 1863. – Отд. II. – С. 1–46.

4. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 701.

5. **Памятная** книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. / ред. А. М. Сементовский. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа. – [4], II, 499 с., 12 л.

6. **Памятная** книжка Виленской губернии на 1845 год. – Вильна : Тип. А. Дворца, 1845. – 285, 64, 4 с.

7. **Памятная** книжка Виленской губернии на 1870 год. – Вильна : Тип. губ. правл., 1870. – VIII, 253, XXXVI с.

8. **Памятная** книжка Виленской губернии на 1875 год. – Вильна : Печ. А. Г. Сыркина, 1875. – VIII, 244, LXVI с.

9. **Памятная** книжка Ковенской губернии на 1864 год. – Ковно : Тип. Ш. Соколовского, 1864. – Ч. 2. – 140 с.

10. **Памятная** книжка Ковенской губернии на 1871 год. – Ковно : Тип. губ. правл., 1870. – 188 с.

11. **Памятная** книжка Ковенской губернии на 1875 год. – Ковно : Тип. губ. правл., 1874. – 244 с.

12. **Памятная** книжка Ковенской губернии на 1881 год. – Ковно : Тип. губ. правл., 1880. – 379 с., 1 л.

13. **Сведения** о населенных местах Виленской губернии, собранные губернским статистическим комитетом МВД по предписанию Министра внутренних дел от 9 апреля 1859 г., для подготовки издания Полного списка населенных мест Российской Империи [Электронный ресурс]. – 1866. – (Место хранения оригинала: РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 100). – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/466667>.

14. **Сведения** о населенных местах Виленской губернии, собранные губернским статистическим комитетом МВД по предписанию Министра внутренних дел от 9 апреля 1859 г., для подготовки издания Полного списка населенных мест Российской Империи [Электронный ресурс]. – 1866. – (Место хранения оригинала: РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 101). – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/466668>.

15. **Собрание** постановлений по части раскола. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1875. – [4], 694, 65 с.

Баранова А.С. (г. Минск)

ВИТЕБСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ Н.О. ЛОССКОГО

Николай Онуфриевич Лосский (6 декабря 1870 г. – 24 января 1965 г.) – русский философ, представитель русского идеализма, интуитивистской эпистемологии, персонализма, либертарианства, этики и аксиологии (теории ценностей). Он дал своей философской системе название интуитивного персонализма [2]. Будущий философ учился в Витебской гимназии и оставил о ней воспоминания, из которых мы узнаем, какой была гимназия, о ее материальном положении, нравах, атмосфере, которая царил в гимназии, об учениках и преподавателях. Также мы узнаем о том, что мать подготовила его в 1-й класс Витебской классической гимназии и выхлопотала принятие его в конвикт (общежитие), содержащийся за счет графов Шадурского и Закржевского. В 1881 г. Лосский успешно сдал экзамены и был принят в закрытый пансион (конвикт), который помещался в трехэтажном здании рядом с гимназией. В нем содержалось до 40 воспитанников. На верхнем этаже были спальни, а в среднем – две «занятные» комнаты для старших и младших учеников, где готовили уроки и проводили весь день, кроме часов игр

во дворе, площадь которого была очень велика. На нижнем этаже помещались столовая и квартира надзирателя.

Атмосфера в гимназии, как отмечает Лосский, была крайне чуждой и тягостной для него. Его сверстники были в большинстве дерзкими сорванцами. Грубые и нередко жестокие шутки возмущали до глубины души. Застенчивость и деликатность Лосского подстрекали шалунов к нападению на него. Мягкое произношение некоторых звуков сверстники стали передразнивать. Лосский не мог понять, как можно решиться причинять такие мучения своему ближнему, товарищи начинали ему казаться существами с другой планеты. Слезы вызывали град насмешек, скоро мальчик отучился плакать, как и все другие.

Из учеников старших классов в конвинте обращал на себя внимание Лев Иосифович Петражицкий, будущий профессор Петербургского университета. Бледный худощавый юноша был всегда серьезен и внушал к себе уважение. Увидев какую-нибудь особенно возмутительную шалость, он спокойным тоном делал замечание, несколько сдерживавшее сорванцов. В 1881 г. в двух отделениях 1-го класса гимназии было приблизительно 90 учеников [1, с. 26]. Из первого отделения Лосский с самого начала познакомился с Николаем (Васильевичем) Тесленко, впоследствии известным присяжным поверенным и политическим деятелем, и с Заблоцким, будущим врачом. Н.О. Лосский отмечал: «Режим классических гимназий, особенно в Западном крае, был такой свирепый, что из 90 мальчиков, поступивших в 1 класс в 1881 г., через 8 лет, то есть весной 1889 г. окончило курс без всяких задержек по пути только двое: Тесленко и Заблоцкий. Остальные или оставались хотя бы один раз на второй год в каком-либо классе, или были удалены, или сами покинули гимназию» [1, с. 26–27].

Н.О. Лосский отмечал, что учение в гимназии являлось малоинтересным. Изучение латыни было неинтересным, так как все внимание сосредотачивалось на грамматике, а не на культуре и литературе античного мира. Превосходными были уроки немецкого языка у Александра Ивановича Бадендика. Он был ученым, который любил языкознание. От него ученики получали ценные сведения не только о немецком, но и о русском языке. Преподаватель говорил по-русски безукоризненно и правильно, был человеком справедливым до шепетильности, мужественно отстаивал свое мнение в педагогическом совете и пользовался всеобщим уважением даже среди гимназистов-сорванцов. Он нанимал садик, в котором работал, прищипывал фруктовые деревья. Преподаватели М.В. Шабер и А.И. Бадендик предложили Лосскому по субботам и воскресеньям приходить к ним из конвинта в отпуск. Общение с этими добрыми, культурными людьми было для Лосского отдыхом от конвинта. Они дарили мальчику сладости на целую неделю. Этими подарками Лосский делился с товарищами. Когда он столкнулся с кражей яблок, то решился в первый и последний раз пожаловаться надзира-

телю. Как отмечал Лосский, в добольшевистской России жалоба начальству, донос, ябедничество считались делом презренным: чувство товарищеской солидарности было очень развито. Надзиратели не годились для роли воспитателя: один был горький пьяница, другой любил скабрезные анекдоты. В результате дети дерзко шалили, была война подушками, были и вредные шалости (ночью пугали больного мальчика), почти все курили.

Отношения со сверстниками у Лосского были напряженными. Вследствие различия интересов, характеров ссоры стали учащаться. А затем у Лосского вовсе прекратились отношения со всеми мальчиками. Среди товарищей он жил в полном одиночестве, которое тяжело угнетало своей крайней ненормальностью. Мальчики изощрялись в причинении неприятностей. Лосский молча сносил обиды, никому не жаловался, даже матери своей не рассказывал о том, что происходило с ним в конвенте. Гимназические дела Лосского ухудшались в результате скучного преподавания латыни, он получил за одну четверть двойки и с трудом после этого исправился. Пребывая в полном одиночестве, не принимаемый в игры своих товарищей, Лосский наполнял свободное время чтением. Большое удовольствие доставляло ему чтение путешествий выдающихся писателей. Он с удовольствием читал «Письма русского путешественника» Карамзина, «Фрегат Паллада» Гончарова, «Корабль Ретвизан» Григоровича.

Глубокое утешение во всех своих бедах Лосский находил в церкви. Однако критическое отношение к представителям церкви вызвало впоследствии у Лосского отрицательное отношение к религии, к которой он вернулся через несколько лет. Тягостное одиночество длилось два года, во 2-м и 3-м классах. Лосский удивлялся, как он вынес это без тяжелого душевного расстройства. Наконец старшие воспитанники обратили внимание на это ненормальное положение и стали убеждать товарищей прекратить ссору. Именно старшие воспитанники, а не воспитатели исправили эту ситуацию. Особенно повлиял на товарищей ученик 6-го класса Шультецкий, который славился как выдающийся шахматист. Примирение состоялось. И с тех пор отношения Лосского с товарищами были вполне хорошими.

В воспоминаниях Н.О. Лосского отмечается, что в 4-м классе он сам и его товарищи очень повзрослели. Так, с Пржевальским у Лосского были серьезные беседы, и часто на темы, значительно превышавшие сферу их компетенции. Лосский любил толковать с ним о Западной Европе и политической жизни там. Часто предметом беседы были нападки на Австро-Венгрию. Пржевальский, очень одаренный мальчик, не интересовался скучной казенной учебой, остался на второй год в каком-то из классов.

Когда Лосский был в 5-м и 6-м классах, в гимназии появились хорошие учителя латинского языка Марниц и греческого языка Фрей. Особенно нравился гимназистам Фрей, который читал с ними Гомера и других классиков, отмечая красоты их произведений и увлекаясь сообщением сведений

об античной культуре. С этих пор классические языки стали для Лосского привлекательными предметами.

В гимназии Лосский пытался писать стихи и рассказы. Стихи не удавались, но рассказы и замыслы романов он ценил высоко. В 5-м классе Лосский написал шутовское стихотворение об учителях, надзирателе, директоре.

В этот же период Лосский пережил душевный кризис, через который прошло большинство русских юношей в XIX в. Внимание Лосского стала привлекать несправедливость политического строя. Он отмечал, что несправедливостей «было особенно много в Белоруссии, где поляки и евреи подвергались различным стеснениям» [1, с. 38]. Литвины-католики, учившиеся в гимназии, обязаны были пользоваться молитвенниками, напечатанными не латиницей, а русским алфавитом (кириллицей). У одного гимназиста надзиратель вытащил из кармана пальто молитвенник, который оказался напечатанным латиницей. Мальчик был наказан за это. Н.О. Лосский отмечал: «Стеснения языка к тому же в столь интимной области, как религиозная жизнь, производили впечатление вопиющей несправедливости» [1, с. 39]. Грубые выходки антисемитов тяжело поражали Лосского. В молодости он отличался крайней деликатностью: оценивая человека, никогда не произносил резких слов осуждения. Поэтому безжалостные насмешки над евреями некоторых учителей-антисемитов гимназии были глубоко неприятны Лосскому. Неудивительно, что евреи были носителями революционных идей и критики общественного порядка. В 5-м классе гимназист Ратьер подтолкнул и Лосского на этот путь, убеждая, что каждый человек обязан работать не покладая рук для улучшения жизни и усовершенствования общественного порядка.

Вскоре в таких беседах стала принимать участие небольшая группа гимназистов, которые стали читать «запрещенные книги», то есть книги, изъятые из общественных библиотек. Это были сочинения Писарева, Добролюбова, Михайловского. На самом деле нелегальной, подпольной литературы у гимназистов не было. У них был рукописный каталог книг для самообразования. Руководствуясь им, гимназисты старались доставать все, что в нем было указано. Лосский прочитал книгу Вундта «Душа человека и животных». Она тоже была в числе книг, изъятых из библиотек. Лосский предполагал, что эта книга была признана книгой, склоняющей к материалистическому миропониманию. С идеями социализма Лосский познакомился отчасти из бесед с товарищами, отчасти из книг. Эти идеи произвели на него большое впечатление и серьезно увлекли.

Лосский решительно протестовал против пренебрежения личной нравственностью в процессе решения общественных проблем и говорил об этом своим товарищам-гимназистам.

Гимназическое начальство в Витебске проведало об увлечении социальными проблемами небольшого кружка в Витебской гимназии, некоторых

гимназистов привлекли к допросу. Ранее начальство открыло, что в гимназии образовался «Кружок пяти друзей». Это был не политический кружок, а литературный, но только то, что он имел характер маленького организованного общества, притом негласного, навлекло кару на его членов. Некоторые гимназисты были вынуждены перевестись в другие учебные заведения.

Лосский и его товарищи подверглись допросам гимназического начальства. Лосский тщательно обдумывал заранее все возможные вопросы, поэтому ни разу не растерялся на допросах и не дал ни одного ответа, который мог бы скомпрометировать кого-либо из товарищей. Однако Лосский и Иосиф Абрамович Лиознер были исключены из гимназии «за пропаганду социализма и атеизма», их удалили «с волчьим билетом», то есть без права поступления в другие учебные заведения и без права быть допущенным к какой бы то ни было педагогической деятельности, однако не подверглись административной высылке и никакого надзора полиции за собой не замечали. Но и проступок Лосского был ничтожен: он сводился к тому, что Лосский читал сочинения Писарева, Добролюбова, Михайловского, Вундта и беседовал о социализме и атеизме со своими товарищами и с бывшим волостным писарем.

Несмотря на трудности обучения в Витебской гимназии, Н.О. Лосский сумел в значительной мере усовершенствовать свой внутренний мир, приобрести знания и обогатить философскую мысль интересными идеями.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лосский, Н. О.** Воспоминания: жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. – Мюнхен, 1968. – 334 с.

2. **Лосский Николай Онофриевич** [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%9E%D0%BD%D1%83%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87. – Дата доступа: 24.10.2022 г.

Бараноўскі А.В. (г. Мінск)

АЛЯКСЕЙ КАЗАК – ЗАБЫТЫ СТАРШЫНЯ ЦЭНТРАЛЬНАГА БЮРО КРАЯЗНАЎСТВА ПРЫ БЕЛАРУСКАЙ АКАДЭМІІ НАВУК

Імя Аляксея Казака сёння амаль невядома шырокай аўдыторыі. У агульным доступе зусім няшмат звестак пра яго. Між тым у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь і Цэнтральным навуковым архіве Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі захоўваюцца дакументы, якія дапамагаюць аднавіць

старонкі жыцця былога старшыні Цэнтральнага бюро краязнаўства пры Беларускай акадэміі навук (Інбелкульце).

Аляксей Захаравіч Казак нарадзіўся 11 лютага 1886 г. у с. Бучаціна Слуцкага павета Мінскай губерні. У 1906 г. ён скончыў Панявежскую настаўніцкую семінарыю Ковенскай губерні [8, арк. 5].

У студзені 1907 г. А. Казак вучылішчным саветам Дырэкцыі народных вучылішчаў Магілёўскай губерні быў прызначаны выконваючым абавязкі настаўніка Палыкавіцкага народнага вучылішча Магілёўскага павета Магілёўскай губерні. Вытрымаўшы выпрабаванне, малады чалавек 25 жніўня 1907 г. атрымаў прызначэнне на пасаду настаўніка ў Слабодкаўскае земскае вучылішча Чавускага павета Магілёўскай губерні [8, арк. 4].

У жніўні 1909 г. А. Казак на падставе асабістага хадайніцтва быў прызначаны настаўнікам Лісічынскага народнага вучылішча Сенненскага павета Магілёўскай губерні. Падчас працы ў Лісічыне А. Казаку неаднаразова выказвалася падзяка, а ў 1916 г. нават была выдадзена грашовая прэмія – 50 руб. [8, арк. 4].

У адпаведнасці з пастановай вучылішчнай камісіі пры Сенненскай земскай управе А. Казак з 1 кастрычніка 1917 г. быў пераведзены з Лісічына ў Сянно на пасаду настаўніка Сенненскага жаночага двухкласнага вучылішча. 30 ліпеня 1918 г. ён быў прызначаны настаўнікам Сенненскага жаночага двухкласнага вучылішча (2-я Сенненская школа 1-й ст.) [8, арк. 4].

Аляксей Казак за час педагагічнай дзейнасці ў Сянно зарэкамендаваў сябе як вопытны педагог, добрасумленны і адказны работнік. У красавіку 1921 г. у адпаведнасці з пастановай павятовага бюро прафсаюзаў яго імя было занесена на чырвоную дошку Герояў Працы. У верасні 1922 г. стараннага настаўніка вылучаюць на адміністрацыйную работу ў Сенненскі павятовы выканкам. З 1922 па 1923 г. А. Казак узначальваў пададзел сацыяльнага выхавання аддзела народнай адукацыі. У 1923–1925 гг. быў загадчыкам 2-й Сенненскай школы 1-й ст., затым 2-й Сенненскай сямігодкі [8, арк. 4].

Працуючы на Сенненшчыне, Аляксей Казак з’яўляўся членам Сенненскага раённага краязнаўчага таварыства [9, арк. 149]. У 1925 г. у Сянно яго прынялі кандыдатам у члены УКП(б).

У лістападзе 1925 г. А. Казак пераехаў на працу ў Віцебск. З лістапада 1925 па красавік 1926 г. ён узначальваў палітыка-асветніцкі камітэт пры адзеле народнай асветы Віцебскага акруговага выканкама [8, арк. 25 адв.].

Па ўспамінах Аляксея Казака, ён трапіў у Інстытут беларускай культуры дзякуючы пратэкцыі старшыні Цэнтральнага бюро краязнаўства, віцэ-прэзідэнта Інбелкульту Мікалая Бялугі [3, арк. 12]. У красавіку 1926 г. А. Казак быў уведзены ў склад прэзідыума Цэнтральнага бюро краязнаўства пры Інбелкульце ў якасці намесніка старшыні [10, арк. 3]. З кастрычніка 1926 г. навуковым сакратаром Цэнтральнага бюро краязнаўства стаў Мікалай Каспярловіч.

Нягледзячы на тое, што ў 1926–1928 г. Аляксей Казак займаў пасаду намесніка старшыні бюро, менавіта ён старшынстваваў на большасці пасяджэнняў прызідыума ЦБК. Тандэм Казак – Каспяровіч шмат зрабіў для развіцця краязнаўчага руху Беларусі. Першы быў добрым арганізатарам і адміністратарам, другі – выдатным навукоўцам, які пакінуў значны след у гісторыі і культуры Беларусі. Яны абодва з’яўляліся членамі рэдакцыі штомесячнага часопіса «Наш край». Мікалай Каспяровіч быў аўтарам шматлікіх навуковых артыкулаў у часопісе, аўтарству ж А. Казака належыць шэраг праграмна-справаздачных артыкулаў.

Аляксей Казак акрамя асноўнай пасады ў ЦБК займаў яшчэ шэраг грамадскіх пасадаў у Інбелкульце, а затым Беларускай акадэміі навук. Быў членам савета адзела прыроды і гаспадаркі, уваходзіў у склад бюро ячэйкі УКП(б), узначальваў мясцовы камітэт прафсаюзнай арганізацыі [5, арк. 240–241 адв.]. У якасці прадстаўніка мясцама ён прымаў удзел у пасяджэннях прэзідыума Інбелкульту і Беларускай акадэміі навук.

Падчас працы ў Цэнтральным бюро краязнаўства А. Казак стаў членам УКП(б). Адно з рэкамендацый для ўступлення ў партыю яму даў Мікалай Бялуга [4, арк. 17]. З 1927 па 1929 г. ён вучыўся на вячэрнім аддзяленні Камуністычнага ўніверсітэта Беларусі імя У.І. Леніна [3, арк. 5].

У канцы 1928 г. Аляксея Казака прызначылі старшынёй Цэнтральнага бюро краязнаўства пры Інбелкульце. Ён узначаліў ЦБК у вельмі складаны час для беларускай акадэмічнай навукі. У хуткім часе ў Беларусі пачалася барацьба з нацыянал-дэмакратызмам. У 1929 г. камісіяй па праверцы і чыстцы апарату А. Казаку была абвешчана вымова за слабую барацьбу па выкрыцці нацдэмаў у Беларускай акадэміі навук [3, арк. 1] (з 1929 г. Цэнтральнае бюро краязнаўства дзейнічала пры ёй).

Улічваючы актуальную палітычную кан’юнктуру і разумеючы працэсы, якія адбываліся ў рэспубліцы, Аляксей Казак у 1930 г. у другім нумары часопіса «Наш край» апублікаваў артыкул «Краязнаўчую працу на новыя рэйкі». У яго аснову ляглі тэзісы, што былі агучаны падчас III Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі [2, с. 4–6]. У артыкуле падкрэслівалася, што краязнаўства мусіць дапамагчы сацыялістычнаму будаўніцтву краіны, а таму краязнаўчыя таварыствы было неабходна ствараць пры буйных калгасах пераважна з рабочых і сялян, менавіта яны павінны былі ўзмацніць краязнаўчы рух у цэлым. Значнае месца ў артыкуле надавалася неабходнасці разгортвання самакрытыкі: «...уся краязнаўчая дзейнасць, мэтоды, зьмест, арганізацыя формы – усё гэта павінна быць узята пад бязьлітасны агонь гэтай самакрытыкі, якая дапаможа ажывіць працу і зрабіць яе карыснай для сацыялістычнага будаўніцтва» [2, с. 6].

Вясной – летам 1930 г. была арыштавана вялікая група дзяржаўных дзеячаў, а таксама дзеячаў навукі і культуры. У той час больш за 30 супрацоўнікаў Беларускай акадэміі навук апынулася за кратамі, у тым ліку і Мікалай Кас-

пяровіч [1, с. 7]. Восенню 1930 г. Мінскім гаркамам КП(б)Б за прымірэнчыя адносіны да нацдэмаў у Беларускай акадэміі навук А. Казаку была абвешчана строгая вымова [3, арк. 1]. У далейшым ён быў накіраваны на нізавую работу для «выпрамлення» [3, арк. 2].

На пасяджэнні прызідыума Беларускай акадэміі навук 30 кастрычніка 1930 г. была прынята пастанова па дакладзе аб дзейнасці ЦБК. Новаму складу прэзідыума Цэнтральнага бюро краязнаўства даручалася абнавіць статут ЦБК, ачысціць краязнаўчы рух ад усіх варожых элементаў, змяніць назву часопіса «Наш край» і абнавіць яго рэдкалегію. У аснову далейшай працы Цэнтральнага бюро краязнаўства было пакладзена «вывучэнне працы па сацыялістычнай рэканструкцыі сельскай гаспадаркі і прамысловасці, культуры і быту працоўных мас горада і вёскі» [7, арк. 96].

У лістападзе 1930 г. пабачыў свет першы нумар абноўленага часопіса ЦБК «Савецкая краіна». На яго старонках былі згаданы і былыя кіраўнікі Цэнтральнага бюро краязнаўства «нацыянал-апартуністы» М. Бялуга і А. Казак [6, с. 3]. На момант выхаду часопіса Аляксей Казак працаваў намеснікам дырэктара Беларускай дзяржаўнай бібліятэкі Наркамата асветы БССР [3, арк. 5].

31 снежня 1930 г. Аляксей Казак даслаў ліст у Цэнтральную кантрольную камісію КП(б)Б, у якім інфармаваў кантрольны орган аб праявах нацдэмакратызму ў Беларускай акадэміі навук (1926–1930). У самым пачатку ён адзначаў, што ліст быў ініцыяваны сакратаром Партыйнай калегіі ЦК КП(б)Б Аронам Рыскіным. Па меркаванні А. Казака, нацдэмакратызм праявіўся ў тым, што «нацыянал-дэмакраты, асабліва Некрашэвіч, Смоліч, Лёсік і Трэмповіч адчувалі сябе ў той час манопалістамі беларускасці і давалі тон і напрамак усёй дзейнасці БАН (Інбелкульту)» [5, арк. 240]. Галоўнай праймай нацдэмакратызму ў акадэмічнай супольнасці, на думку А. Казака, была барацьба з дзейнасцю мясцкома, які быў арганізаваны па яго ініцыятыве [5, арк. 240–241].

У лістападзе 1931 г. А. Казак быў вызвалены ад абавязкаў намесніка дырэктара Беларускай дзяржаўнай бібліятэкі і прызначаны дырэктарам тэхнікума ў в. Круглае Талачынскага раёна (цяпер горад у Магілёўскай вобласці). У далейшым тэхнікум быў пераведзены ў г. Чэрыкаў і перайменаваны ў Чэрыкаўскі ветэрынарны тэхнікум [3, арк. 17].

На пасяджэнні раённай камісіі па чыстцы Чэрыкаўскай партыйнай арганізацыі 12 лістапада 1933 г. была распачата праверка адпаведнасці статусу камуніста і члена УКП(б) у адносінах да А. Казака. У камісіі не было адзінага меркавання адносна яго асобы, таму было прынята рашэнне: «вопрос о Казаке оставить открытым до расследования» [3, арк. 15]. 10 студзеня 1934 г. Чэрыкаўская правяральная камісія вынесла рашэнне на карысць А. Казака. У прынятай пастанове адзначалася: «...улічваючы станоўчае характарыстыку членаў партыячэйкі веттэхнікума і прымаючы пад увагу, што Казак на паса-

дзе дырэктара веттэхнікума сябе апраўдаў і актыўна ўдзельнічае ў грамадскай рабоце на вёсцы і за мінулыя палітычныя памылкі панёс адпаведныя пакарання ў час чысткі 1929 г. і пасля па лініі гаркама КП(б)Б, праверкамісія лічыць т. Казака правераным» [3, арк. 16].

Між тым, у канцы 1934 г. ужо ў чарговы раз разгарэўся канфлікт паміж А. Казаком і выкладчыкам тэхнікума Д. Ігнаценкам. Апошні быў звольнены за п'янку з навучэнцамі. Маючы намер адпомсціць дырэктару тэхнікума, Д. Ігнаценка, верагодна, звярнуўся ў Чэрыкаўскі райкам КП(б)Б з абвінавачваннямі ў правадзенні дырэкцыяй няправільнай лініі па выхаванні навучэнцаў. 22 лютага 1935 г. на пасяджэнні бюро Чэрыкаўскага райкама КП(б)Б абмяркоўвалася пытанне аб становішчы веттэхнікума, справе Казака і Ігнаценкі. Падчас пасяджэння было заяўлена, што кіраўніцтва тэхнікума не прыняло меры для поўнай ліквідацыі недахопаў як у палітычным выхаванні навучэнцаў і якасці іх вучобы, так і ў стварэнні належных бытавых умоў навучэнцаў. На бюро было падкрэслена, што «дырэкцыя тэхнікума ў асобе Казака і Ігнаценкі, замест барацьбы за паспяховую арганізацыю вучобы працягвала паміж сабой безпрынцыпную склоку». У выніку была прынята пастанова зняць А. Казака з работы і выключыць з партыі. Прыняцце дадзенай пастановы тлумачылася наступным: дырэктар тэхнікума не арганізаваў належнага палітычнага выхавання навучэнцаў і не вёў рашучай барацьбы з класава-варожымі і контррэвалюцыйнымі праявамі ў тэхнікуме і Акадэміі навук [3, арк. 2].

А. Казак быў катэгарычна не згодны з прынятай пастановай і высунутымі супраць яго абвінавачваннямі і таму падаў апеляцыю ў Партыйную камісію партыйнага кантролю пры ЦК КП(б)Б па БССР. Фонд гэтага партыйнага кантрольнага органа сёння захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, дзе, у сваю чаргу, захоўваецца апеляцыйная справа Казака [3]. У ёй прадстаўлены розныя дакументы, якія сведчаць аб недаказанасці высунутых супраць А. Казака абвінавачванняў. Сам дырэктар тэхнікума ў лісце да партыйнага кантрольнага органа пісаў, што «Ігнаценка перад ад'ездам увёў у абман райком КП(б)Б, ахаіўшы ўсю работу па кіраўніцтву тэхнікумам, звёўшы правадзімую ім склоку быццам к барацьбе з няправільнай лініяй па выхаванню студэнтаў, праводзімай мною, хаця да гэтага моманту ён, Ігнаценка, ніколі не заікаўся аб няправільнай лініі, бо правадзімая мною лінія была лініяй партыйна-камсамольскай арганізацыі тэхнікума» [3, арк. 17]. Дасканалы вывучыўшы справу Аляксея Казака, Партыйная камісія партыйнага кантролю пры ЦК КП(б)Б па БССР канстатавала, што абвінавачанні, высунутыя супраць дырэктара тэхнікума, у большасці сваёй не пацвярджаюцца. У выніку партыйнай камісіяй было прынята наступнае: «Пастанову бюро Чэрыкаўскага РК КП(б)Б ад 22 лютага 1935 г. адмяніць, як недаказаную, т. Казака ў членах партыі аднавіць» [3, арк. 1].

Чэрыкаўскі райкам КП(б)Б быў незадаволены пастановай партыйнага кантрольнага органа, але ў рамках партыйнай дысцыпліны падпарадкаваўся яго рашэнню. Спакойна працаваць на Чэрыкаўшчыне А. Казаку не далі. 4 кастрычніка 1935 г. на пасяджэнні бюро Чэрыкаўскага райкама КП(б)Б канстатавалася, што ён быў адноўлены ў членах партыі дзякуючы яго жупыніцтву і няпоўнаму асвятленню злачыннай дзейнасці дырэктара тэхнікума з боку райкама КП(б)Б [4, арк. 15]. Да лютаўскіх абвінавачанняў супраць Аляксея Казака былі дададзены новыя: «Лічыць устаноўленым, што Казак А.З. у перыяд 1919–1923 гг., працяг настаўнікам у Сенненскім павеце не толькі спачуваў, а і актыўна дапамагаў арудаваўшым у той час ў Сянно эсэрам. <...> Сам Казак арганізаваў групу народнікаў-камуністаў, якая васпевала эсэраў і меншавікоў. <...> У 1926–1927 гг. з дапамогай Прышчэпава і Бялугі Казак пратасківаецца ў Беларускаю акадэмію навук, дзе становіцца адным з рэдактараў нацдэмаўскага журнала “Наш край” і старшыней Цэнтральнага бюро крязнаўства» [4, арк. 15]. У выніку бюро пастанавіла: А. Казака «як не раззброіўшагася нацдэма і не апраўдаўшага даверу партыі з членаў партыі выключыць. Гэту пастанову апублікаваць у друку» [4, арк. 15].

Аляксею Казаку зноў прыйшлося адстойваць сваё сумленнае імя. Першае, што ён зрабіў – з’ехаў з Чэрыкаўскага раёна. Па ўскосных звестках, былы дырэктар тэхнікума стаў працаваць простым настаўнікам, жывучы пры гэтым у сталіцы БССР [1, с. 55; 4, арк. 16]. Менавіта з Мінска ён дасылаў лісты ў партыйны кантрольны орган. Летам 1936 г. такі ліст быў дасланы на імя ўпаўнаважанага камісіі партыйнага кантролю пры ЦК ВКП(б) па БССР А. Шусціна. У лісце А. Казак інфармаваў кіраўніка партыйнага кантрольнага органа аб адсутнасці ў яго справе дакументаў з папярэдняй апеляцыйнай справы: «в деле оказались только материалы Чериковского РК КП(б)Б об исключении меня из партии <...> если по этому материалу выносить решение, то получается однобокость». У сувязі з гэтым А. Казак прасіў запатрабаваць з аддзела кіруючых органаў ЦК КП(б)Б папярэдняю апеляцыю і матэрыялы да яе і толькі пасля гэтага вынесці рашэнне адносна яго членства ў партыі [4, арк. 2].

Згодна з комплексам дакументаў, сабраных у другой справе А. Казака, яго першая апеляцыйная справа так і не была знойдзена. Пры гэтым нам праз 80 гадоў аказалася не вельмі складана адшукаць як першую, так і другую справы. Рашэнне адносна членства А. Казака ў УКП(б) парткалегіяй пры ўпаўнаважаным камісіі партыйнага кантролю пры ЦК УКП(б) па БССР так і не было вынесена.

А. Казак быў арыштаваны 11 снежня 1937 г. па абвінавачанні ў шпіянажы на карысць Польшчы. 28 мая 1938 г. яго асудзілі да выключнай меры пакарання. 1 верасня 1938 г. ён быў расстраляны. Ваенны трыбунал Беларускай ваеннай акругі 10 верасня 1959 г. прыняў рашэнне аб пасмяротнай рэабілітацыі Аляксея Казака [1, с. 55].

Такім чынам, і пасля напісання гэтага артыкула засталіся яшчэ белыя плямы ў біяграфіі былога старшыні Цэнтральнага бюро краязнаўства, жыццёвы лёс якога цалкам адлюстроўвае эпоху, у якую ён жыў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Возвращенные** имена: сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 120 с.
2. **Казак, А.** Краязнаўчую працу на новыя рэйкі / А. Казак // Наш край. – 1930. – № 2. – С. 4–6.
3. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 15п. Воп. 12. Спр. 234.
4. **НАРБ.** – Ф. 15п. Воп. 20. Спр. 624.
5. **НАРБ.** – Ф. 15п. Воп. 28. Спр. 2.
6. **Садоўскі, Ф. П.** «Савецкая Краіна» – барацьбіт за савецкае краязнаўства / Ф. П. Садоўскі // Савецкая краіна. – 1930. – № 1/2. – С. 3.
7. **Цэнтральны** навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 6.
8. **ЦНА НАН Беларусі.** – Ф. 2. Воп. 1. Спр. 4036.
9. **ЦНА НАН Беларусі.** – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 5.
10. **ЦНА НАН Беларусі.** – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 16.

Барнюк А.С. (з. Мінск)

ПРАЛЕТАРСКІЯ І ПРАЦОЎНА-СЯЛЯНСКІЯ ЁНІВЕРСІТЭТЫ ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ Ё 1918–1922 гг.

На працягу 1917 г. неакупіраваная частка тэрыторыі Беларусі знаходзілася ў складзе Заходняй вобласці (потым камуны) РСФСР. Дадзеныя тэрытарыяльныя фарміраванні аб'ядноўвалі Смаленскую, Віцебскую, Магілёўскую, Мінскую і Віленскую губерні. Згодна з Маніфестам ад 1 студзеня 1919 г., па рашэнні 6-й Паўночна-Заходняй канферэнцыі РКП(б) ад 30–31 студзеня была ўтворана Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусь. Аднак ужо 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) пастанавіў выключыць са складу ССРБ Магілёўскую, Смаленскую, а таксама Віцебскую губерні.

У выніку на працягу гэтага часу на дадзеных тэрыторыях фарміраваліся свае асобныя губернскія апараты, звязаныя з уладамі РСФСР. Безумоўна, гэта датычылася і адукацыйных устаноў. З дакументаў вядома пра існаванне трох устаноў, якія называліся «ўніверсітэт». Гэта Віцебскі народны (пралетарскі) ўніверсітэт, Працоўна-сялянскі ўніверсітэт імя Фрыдрыхса Энгельса, Аршанскі пралетарскі ўніверсітэт. Дзейнасць гэтых устаноў амаль не згадваецца ў гістарыяграфіі адукацыі і навукі Беларусі.

Структура і дзейнасць Віцебскага народнага (пралетарскага) універсітэта

З газетнай публікацыі таго часу вядома, што ў лістападзе 1918 г. у Віцебску быў створаны народны ўніверсітэт у складзе двух факультэтаў: натуральнага і гуманітарнага [13, с. 35]. Адкрываў універсітэт вядомы паэт-футурыст Якаў Чарняк, які прачытаў свае вершы першым навучэнцам установы. Ён жа пакінуў аб гэтым свае ўспаміны. Кіраўніком установы быў Павел Мікалаевіч Мядзведзеў – віцебскі гарадскі глава [14, с. 22]. Сам ён пры ўніверсітэце чытаў курс рускай літаратуры і грамадства XIX ст., выдаваў «Запіскі Пралетарскага ўніверсітэта» (дакументы са звесткамі пра гэта захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці, фонд 204), стварыў пры ўніверсітэце «Таварыства свабоднай эстэтыкі» і семінар па сацыялогіі [14, с. 22]. Пра яго вядома, што ён запрасіў з Невеля і Петраграда шэраг выбітных лектараў, мастацтвазнаўцаў і філосафаў: Льва Пумпянскага, Матвея Когана, Сямёна Грузенберга. Таксама ўніверсітэт і яго лектары патраніравалі віцебскі жывапіс, арганізоўвалі мастацкія конкурсы [20, с. 4].

У газетах таго часу захавалася шмат звестак пра ўніверсітэт у Віцебску. Так, бачна, што ўніверсітэт не планаваўся як партыйна-камуністычны ці пралетарскі – у ім лекцыі чыталі прадстаўнікі розных партыйных кірункаў і беспартыйныя [23, с. 1–2]. Дадзеная сітуацыя, а таксама футурыстычны рамантызм лектараў сустрэлі супраціў з боку камуністаў Віцебска, якія адразу выступілі з крытыкай гэтых рашэнняў [23, с. 1–2]. Шэраг аўтараў камуністычнага кірунку ахарактарызаваў універсітэт як «место для сборищ сынков буржуазии» [20, с. 1]. Яны заклікалі пралетарызаваць універсітэт, адмовіцца ад «буржуазнай» навукі як нежыццяздольнай [27, с. 1]. Таксама ў друку заклікалі перайсці весці тры цыклы курсаў, як гэта было акрэслена ў працах Барадзіна і інструкцыях Пралеткульты [26, с. 1–2]. Гучалі заклікі спыніць адарванасць навучэнцаў ад жыцця, актыўна ўключаць іх у жыццё сацыялістычнага грамадства. Прапаноўвалася ўтварыць пры ўніверсітэце майстэрні, тэатр, чытальні, сталовую і працоўны клуб [27, с. 2]. У выніку гэтых перафарміраванняў універсітэт стаў менавіта пралетарскім.

Універсітэт быў падзелены на два факультэты: гуманітарны і фізіка-матэматычны [27, с. 3]. На гуманітарным факультэце чыталіся лекцыі па гісторыі Расіі, рускай літаратуры, гісторыі мастацтва, яўрэйскай гісторыі і літаратуры, сусветнай гісторыі, сусветнай літаратуры, філасофіі, палітэканоміі, гісторыі сацыялізму, працоўным пытанні, сацыяльнай гігіене, тэорыі права, ахоўнай тэхніцы. На фізіка-матэматычным факультэце чыталіся курсы алгебры, геаметрыі, прыродазнаўства, хіміі, фізіялогіі, трыганаметрыі і арыфметыкі [3, с. 3; 4, с. 3; 5, с. 4]. Праводзілася на факультэтах і ваеннае навучанне [18, с. 4; 19, с. 4].

Дзейнасць гэтага ўніверсітэта, верагодна, перапынілася ў 1920 г. Звязана гэта было і з ціскам з боку камуністычнай грамадскасці, ад'ездам лектараў,

пераходам іх на сталую працу ў педагагічны інстытут і інстытут народнай адукацыі. У лютым 1921 г. быў адкрыты Працоўна-сялянскі ўніверсітэт імя Фрыдрыха Энгельса. У адрозненне ад народнага (пралетарскага) ўніверсітэта дадзеная ўстанова мела трывалы камуністычны кірунак, аднак гэта было хутчэй за ўсё другой спробай стварыць пралетарскую навучальную ўстанову.

Структура і дзейнасць Працоўна-сялянскага ўніверсітэта імя Фрыдрыха Энгельса

Губернская партыйная школа ў крыніцах названа «Рабоче-крестьянский университет имени Фридриха Энгельса» [7, с. 32]. Кіраўніком школы-ўніверсітэта быў Мікалай Аляксандравіч Каноплін (1890–1955) [5]. За яго аўтарствам з'явіўся артыкул у «Вестнике народного образования (орган Витебского народного отдела образования)» за май 1921 г. У артыкуле ўказана, што ўніверсітэт з'явіўся ў лютым 1921 г. На чале ўстановы стаяў Навучальны савет. Акрамя Навучальнага савета існаваў Курсавы камітэт у складзе шэрага камісій: кантрольна-гаспадарчай, кантрольнай, культурна-асветнай, канфліктнай і інш. [8, с. 33]. Аўтар паведамляе, што за папярэдні перыяд быў знойдзены інтэрнат на 300 асоб, падрыхтаваны навучальны план, абсталяваны аўдыторыі, закуплены навучальныя дапаможнікі.

Працяг навучання складаў 6 месяцаў [8, с. 32–33]. Акрамя лекцыйных і самастойных заняткаў курсанты (навучэнцы) наведвалі з экскурсіямі музеі, тэатры, а таксама заняткі атрада асобнага прызначэння (ваенная падрыхтоўка) [8, с. 33]. Да пачатку заняткаў прыбылі 213 чалавек, але да моманту напісання артыкула іх засталася толькі 175 [8, с. 33]. У праграме былі наступныя прадметы: матэматыка, руская мова (пісьмовая і вусная), светазнаўства і прыродазнаўства, сацыяльная гігіена, геалогія і біялогія, фізіка, хімія, гісторыя культуры і гісторыя Расіі, геаграфія Расіі ў параўнанні з суседнімі краінамі, шэраг прадметаў марксісцкага кірунку [8, с. 33].

У артыкуле таксама паведамляецца пра тое, што «ўніверсітэт» мае задавальняючы матэрыяльны стан і з'яўляецца паўнаважнай навучальнай установай.

Структура і дзейнасць аршанскага «пралетарскага ўніверсітэта»

Аршанскі пралетарскі ўніверсітэт пачаў сваё існаванне 10 лютага 1919 г. Яго існаванне спатрэбілася праз недахоп у Оршы і наваколлі работнікаў культурнай сферы і сельскай гаспадаркі [7, с. 40].

Універсітэт меў наступную структуру. Кіравала ўстановай Калегія, якая складалася са старшыні і двух яго памочнікаў (прэзідыум Калегіі), дэканаў аддзяленняў і старшыні стараст. Яны абіралі са свайго складу навучальную і гаспадарчую камісіі [7, с. 43].

Ва ўніверсітэце былі адкрыты наступныя аддзяленні: школа сацыяльных навук, сельскагаспадарчае аддзяленне, курсы чырвоных сясцёр і мед-

братаў, курсы замежных моў, камерцыйна-эканамічныя курсы, а таксама вучэбныя майстэрні [7, с. 41].

Лекцыі ў Школе сацыяльных навук чыталі выкладчыкі са Смаленскага ўніверсітэта. Гэта былі лекцыі па савецкай канстытуцыі, палітэканоміі, гісторыі сацыялізму, гісторыі Французскай рэвалюцыі і рэвалюцыйнага руху ў Расіі, рускай літаратуры. За перыяд 1919–1920 гг. аддзяленне выпусціла 60 чалавек [7, с. 41].

На сельскагаспадарчым аддзяленні акрамя курсаў па сельскай гаспадарцы чыталіся лекцыі па фізіцы, хіміі, лесазнаўстве і інш. Па колькасці навучэнцаў былі самымі буйнымі. Назіралася практыкаарыентаванасць – у падначаленні аддзялення былі кааператывы, пасекі, фермы і шэраг іншых прадпрыемстваў. Курсы чыталіся тры трыместры [7, с. 41].

Камерцыйныя курсы ўключалі лекцыі па эканоміцы і былі фактычна найбольш папулярнымі, але цяжкімі для навучання слухачоў [7, с. 42].

Па выніках дзейнасці толькі гэтыя тры аддзяленні былі вызнаны паспяховымі.

Прафесійна-тэхнічныя курсы былі створаны і распачалі дзейнасць, але ў выніку былі перададзены пад кантроль павятовага аддзела адукацыі (універсітэт падначальваўся губернскаму аддзелу) і выйшлі са складу ўстановаў. Курсы медсясцёр працавалі акрэсленыя два гады і ў выніку былі вызнаны непатрэбнымі, бо «курсы красных сестёр не нужны в виду достаточного количества таковых» [6, с. 43]. Курсы замежных моў існавалі толькі фармальна [6, с. 42].

У выніку пралетарскі ўніверсітэт быў пераўтвораны ў рабочы факультэт, але агульная структура курсаў і будова ўстановаў захаваліся [6, с. 43].

Такім чынам, можна сказаць, што дадзеная ўстанова сапраўды заняла пэўнае месца ў сістэме вышэйшай адукацыі, але ў якасці ўстановаў па падрыхтоўцы абітурыентаў да паступлення ў вышэйшыя навучальныя ўстановы.

Чаму ж дадзеныя ўстановы насілі назвы ўніверсітэтаў? Верагодных адказаў на гэта пытанне некалькі. Галоўны з іх – існаванне канцэпцыі пралетарызацыі культуры. Кіраўнік Пралеткульту Аляксандр Багданаў у сваёй кнізе «О пролетарской культуре» акрэсліў, што старыя (класічныя) ўніверсітэты з’яўляюцца апірышчам буржуазіі [2, с. 245]. Ён лічыў, што неабходна замест буржуазных устаноў стварыць пралетарскія, якія будуць існаваць для рабочага класа. Ён жа акрэсліў тры цыклы ва ўніверсітэтах: падрыхтоўчы, асноўны (тэарэтычны) і спецыялізаваны (практычны) [2, с. 252–253]. Па дзейнасці вышэйзгаданых устаноў бачна, што яны адкрыліся як практычная рэалізацыя гэтых планаў. Суадносіліся з яго прапановамі і курсы, што чыталіся ў гэтых установах. Таксама Багданаў лічыў, што неабходна першачаргова ствараць пралетарскія ўніверсітэты ў прамысловых цэнтрах, а не ў тых гарадах, дзе былі буржуазныя ўніверсітэты [2, с. 261]. Пралетарскія ўніверсітэты шырока адкрываліся на тэрыторыі РСФСР. На працягу 1921–1922 гг. гэта ідэя

была фактычна адхілена, што і абумовіла канчатковае скасаванне пралетарскіх універсітэтаў.

Аднак трэба заўважыць, што працоўна-сялянскі ўніверсітэт у Віцебску быў адкрыты значна пазней, пасля таго, як перастаў існаваць пралетарскі. Верагодна, гэта была спроба адрадзіць дадзеную ўстанову, але з кірункам на развіццё ў новы бок. Так, вядома, што былія пралетарскія (ці рабочыя) універсітэты на тэрыторыі Расіі пераўтвараліся ў класічныя ўніверсітэты, маскоўская акадэмія стала Камуністычным універсітэтам. Верагодна, губернскае ўладу вельмі хацелі, каб і ў Віцебску быў адкрыты ўніверсітэт, а ранейшы пралетарскі ўжо не дзейнічаў. Таму адбылося яго адраджэнне ў новай форме, заснаванае на тых жа ідэях. Аднак спроба гэта выявілася беспаспяховай. Так, у паведамленні ад 1922 г. былы «Рабоче-крестьянский университет имени Фридриха Энгельса» называецца проста «губсовпартшкола имени Фридриха Энгельса» без згадкі ўніверсітэта [25, с. 12]. З такой жа назвай сустракаем і ў справаздачы Губкама, надрукаванай у «Коммунистическом труде» за красавік 1923 г. [16, с. 28]. У гэтай жа справаздачы маецца справаздача губернскага бюро камуністычнага студэнцтва, дзе сярод вышэйшых устаноў губернская партыйная школа наогул не згадваецца (але згадваецца Аршанскі рабфак) [15, с. 39].

Адносна Аршанскага ўніверсітэта згадка пра такі яго статус ёсць у «Аршанскім рабфакаўцы», прысвечаным 5-годдзю існавання рабфака. Там ўказана, што рабфак быў наступнікам «пралетарскага ўніверсітэта» і больш ніякіх звестак, прысвечаных «універсітэту», там няма [1, с. 3].

Таксама вядома, што яшчэ ў 1903 г. існавалі праекты стварыць у Віцебску ўніверсітэт [17, с. 248–249]. Гэта таксама падаецца магчымым фактарам з'яўлення ўніверсітэта імя Фрыдрыха Энгельса. Аднак «продакавай» формай для ўніверсітэта ў Віцебску ў выніку стаў Віцебскі педагагічны інстытут, які ў 1995 г. стаў Віцебскім дзяржаўным універсітэтам (з 1998 г. носіць імя П.М. Машэрава) [17, с. 251]. Трэба заўважыць, што ў гэты перыяд рыхтавалася адкрыццё БДУ, пра што было шырока вядома. Спроба абагнаць Мінск у атрыманні ўласнай вышэйшай навучальнай установы магла падганяць як мясцовых дзеячаў, так і мясцовыя губернскае ўлады да ўтварэння гэтых універсітэтаў – губернскае ўлады ва ўсходняй частцы Беларусі сталіся непрыхільна да ідэй далучэння да Беларусі, а БДУ планаваўся як адна з галоўных устаноў у кірунку беларускай дзейнасці.

У гэтым выпадку мы бачым, што пралетарскія ўніверсітэты на тэрыторыі Беларусі не сталі асновай для вышэйшых навучальных устаноў класічнага тыпу і толькі ў Оршы быў створаны рабфак на аснове пралетарскага ўніверсітэта. Іншыя ўстановы былі пераўтвораны ў простыя партыйныя школы (як у Віцебску) ці ліквідаваны.

Для паўнавартаснага разгляду сітуацыі з пралетарскімі ўніверсітэтамі неабходна таксама параўнаць гэтыя ўстановы з аналагічнымі на тэрыторыі

РСФСР, каб прасачыць стан і далейшы лёс расійскіх устаноў у параўнанні з беларускімі. Так, вядома, што пралетарскія ўніверсітэты існавалі ў Маскве, Сімбірску (Ульянаўску), Туле, Волагдзе, Вялікім Усцюгу, Кацярынаславе (Дніпро), Смаленску і іншых гарадах [9, с. 277; 10, с. 24; 11, с. 44; 12, с. 353; 21, с. 140]. У расійскіх установах прытрымліваліся той жа схемы выкладання і арганізацыі, што і ў Беларусі – на асновах ідэй Пралеткульту. Які лёс напатакаў гэтых ўстановаў? Дагэтуль існуюць вышэйшыя навучальныя ўстановы ў Смаленску, Арле і іншых гарадах. Маскоўскі пралетарскі ўніверсітэт быў аб'яднаны з Цэнтральнай партыйнай школай і пераўтвораны ў Маскоўскі працоўна-сялянскі ўніверсітэт імя Якава Свядлова. Падобным фармацыям спрыяла тое, што для працы ў дадзеных установах прыцягваліся кадры «старых» універсітэтаў. Другую групу пралетарскіх універсітэтаў пераўтварылі ў рабфакі – так стала з Валагодскім і Усцюгскім пралетарскімі ўніверсітэтамі [21, с. 141]. Большасць жа была пераўтворана ў партшколы ці наогул ліквідавана.

Такім чынам, можна прыйсці да высновы, што вышэйшымі навучальнымі ўстановамі гэтыя інстытуцыі не былі. Аднак для таго часу яны лічыліся такімі – разуменне вышэйшай адукацыі адрознівалася ад сучаснага, і таму ўстановы, якія б у наш час не маглі быць вызнаны ВНУ, тады насілі назву «ўніверсітэт». Таксама дадзеныя ўніверсітэты павінны былі замяніць універсітэты «буржуазнага» тыпу, былі пэўным выклікам старой адукацыі. Фактычна ж, нягледзячы на гучную назву, яны адыгрывалі ролю ўстаноў, дзе малапісьменныя маглі атрымаць больш сур'ёзную адукацыю, што было неабходна для будовы новага грамадскага ладу і аднаўлення эканомікі – трэба заўважыць, што на месцы такіх навучальных устаноў ствараліся рабфакі, дзе рыхтавалі да паступлення ў навучальныя ўстановы вышэйшага ўзроўню. Аднак як гістарычны феномен рэалізацыі канцэпцыі «пралетарскай адукацыі» дадзеныя ўстановы з'яўляюцца цікавым і забытым прадметам для даследавання.

ЛІТАРАТУРА

1. Акулік, А. 5-ці годзьдзе Аршанскага рабфаку / А. Акулік // Аршанскі рабфакавец. – 1926. – № 5. – С. 3–6.
2. Богданов, А. А. О пролетарской культуре 1904–1924 / А. А. Богданов. – Ленинград ; Москва : Книга, 1924. – 344 с.
3. Витебский Пролетарский Университет. Расписание лекций с 23 декабря // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 25 дек. – С. 3.
4. Витебский Пролетарский Университет. Расписание лекций с 30 декабря // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 29 дек. – С. 3.
5. В Пролетарском Университете // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 29 дек. – С. 4.

6. **Из отчета** о деятельности Оршанского Пролетарского Университета за истекшее двухлетие его существования : 1919–1920 // Вестник народного образования : орган Витеб. губерн. отд. нар. образования. – 1921. – № 1. – С. 40–44.

7. **Коноплин, Н.** Рабоче-крестьянский университет имени Фридриха Энгельса / Н. Коноплин // Вестник народного образования : орган Витеб. губерн. отд. нар. образования. – 1921. – № 1. – С. 32–33.

8. **Коноплин** Николай Александрович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/52299/1/КОНОПЛИН.pdf>. – Дата доступа: 24.01.2022.

9. **Кравченко, О. О.** Пролетарський університет у системі культурно-просвітницьких організацій Пролеткульту / О. О. Кравченко // Проблеми підготовки сучасного вчителя : зб. наук. пр. Уманського держ. пед. ун-ту імені Павла Тичини / [ред. кол.: Побірченко Н. (гол. ред.) та ін.]. – Умань, 2013. – Вип. 7. – С. 271–278.

10. **Кутейников, И. А.** Становление и развитие научных библиотек вузов Ульяновской области в XX веке / И. А. Кутейников // Научные и технические библиотеки. – 2010. – № 5. – С. 23–30.

11. **Лапина, И. А.** Пролеткульт и проект «Социализации науки» / И. А. Лапина // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2011. – № 2. – С. 43–47.

12. **Лукина, Л. А.** Первый опыт становления высшего образования на Орловщине: 1918–1922 гг. / Л. А. Лукина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 353–357.

13. **Народный** университет в Витебске // Разные известия. – 1918. – 30 нояб. – С. 35.

14. **Никонов, А. Н.** Краткая история формирования и деятельности Витебского круга М. Бахтина / А. Н. Никонов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – № 1. – С. 20–24.

15. **Отчет** Витебского Губернского Бюро Коммунистического Студенчества // Коммунистический труд : период. изд. Витеб. Губкома РКП(б). – Витебск, 1923. – № 4. – С. 39.

16. **Отчет** Губкома // Коммунистический труд : период. изд. Витеб. Губкома РКП(б). – Витебск, 1923. – № 4. – С. 28–38.

17. **Подлипский, А. М.** К вопросу об открытии в Витебске университета / А. М. Подлипский // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30–31 сак. 2010 г. – Віцебск, 2010. – С. 248–251.

18. **Пролетарский** Университет // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 28 дек. – С. 4.

19. **Пролетарский** Университет // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 29 дек. – С. 4.

20. **Работница.** О пролетарском университете / Работница // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 5 дек. – С. 1, 4.

21. **Соколова, Ф.** Исторический опыт становления высшей школы на Европейском Севере России / Ф. Соколова // Высшее образование в России. – 2004. – № 6. – С. 140–145.

22. Турук, Ф. Университетская летопись / Ф. Турук // Труды Белорусского государственного университета. – Минск, 1922. – № 1. – С. 175–208.

23. Т. О Пролетарском Университете / Т. // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 29 нояб. – С. 1–2.

24. Фёдоров, Н. В Губсовпартшколе / Н. Фёдоров // Коммунистическая мысль : двухнедельный орган Витеб. Губкома Р.К.П. – Витебск, 1922. – № 14. – С. 12.

25. Ширяев, А. О Пролетарском университете : I / А. Ширяев // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 13 дек. – С. 1.

26. Ширяев, А. О Пролетарском университете : II / А. Ширяев // Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов. – 1918. – 15 дек. – С. 1–3.

Бароўская В.М. (г. Мінск)

ДЗЕЙНАСЦЬ ПОЛАЦКА-ВІЛЕЙСКАЙ ЗМЕШАНАЙ ПАМЕЖНАЙ ПАДКАМІСІІ ПА ЎСТАЛЯВАННІ ПАЎНОЧНАГА ўЧАСТКА САВЕЦКА-ПОЛЬСКАЙ МЯЖЫ 1921–1924 гг.

Пытанне аб усталяванні мяжы паміж Польшчай, з аднаго боку, Расіяй (і Беларуссю), Украінай – з другога, было адной з важных складовых частак Рыжскага мірнага дагавора. Лінія дзяржаўнай мяжы была вызначана яшчэ Прэлімінарным мірным дагаворам, але яна патрабавала ўдакладненняў пры правядзенні на канкрэтнай мясцовасці з устаноўкай пагранічных знакаў. Дадатковым працолам ад 21 лютага 1921 г. было гарантавана, што праду-гледжаная артыкулам I Дагавора аб прэлімінарных умовах міра Змешаная пагранічная камісія будзе створана адразу ж пасля заканчэння дэталёвага апісання дзяржаўнай граніцы і прыступіць да работы па яе правядзенні на месцы і ўстаноўцы пагранічных знакаў. Гэта пастанова была пацверджана і ў артыкуле II канчатковага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. Артыкул абавязваў кожны з бакоў, якія дамаўляліся, не пазней чым у 14-дзённы тэрмін пасля падпісання мірнага дагавора вывесці свае войскі і адміністрацыю з тых мясцовасцей, якія адышлі да іншага боку. Усё гэта патрабавала тэрміновага пачатку працы Змешанай пагранічнай камісіі, тым больш што ў некаторых месцах мяжа праходзіла праз населеныя пункты, тэрытарыяльна прыналежнасць якіх у мірным дагаворы не была акрэслена. Шмат непаразуменняў узнікала з-за недакладнасці карт. Любое зацягванне ўстаноўленых тэрмінаў пагражала ўзнікненнем інцыдэнтаў і пагранічных канфліктаў. Таму ў інтарэсах абодвух бакоў было як мага хутчэй правесці гэту працу.

Змешаную пагранічную камісію (Mieszana Komisja Graniczna) з расійска-ўкраінска-беларускага боку ўзначальваў С.С. Пятскоўскі, у склад яе ўваходзілі таксама У.М. Ягор'еў, Ю.М. Ляшчынскі-Ленскі, І.А. Шамякін (сакратар) і некалькі дзясяткаў тэхнічных супрацоўнікоў. На чале польскай дэлегацыі знаходзіўся Л. Васілеўскі. Яе членамі былі: Э. Малішэўскі, І. Матушэўскі, Л. Менджыевіч, К. Вышынскі (сакратар). Першапачатковым месцам працы змешанай пагранічнай камісіі быў абраны Мінск, які знаходзіўся геаграфічна блізка да плануемай мяжы і меў неабходныя тэлеграфічныя сродкі сувязі. 20 красавіка 1921 г. расійска-ўкраінская дэлегацыя прыбыла ў сталіцу БССР. Польская ж дэлегацыя, нягледзячы на дамоўленасць прыехала туды толькі 1 мая. Пасля першага пасяджэння, якое адбылося 2 мая, польская дэлегацыя, спасылаючыся на неабходнасць правядзення кансультацый у Варшаве, патрабавала зрабіць перапынак у працы на месяц. Вярнулася яна толькі ў канцы ліпеня.

Змешаная пагранічная камісія складалася з Цэнтральнай (галоўнай) узгадняльнай пагранічнай камісіі, якая знаходзілася ў Мінску. Яна ажыццяўляла кантроль і кіраўніцтва падкамісіямі, праводзіла мерапрыемствы па папярэджанні канфліктных сітуацый, вырашала спрэчныя выпадкі, перададзеныя на разгляд з падкамісіі. У сваю чаргу ў структуры Змешанай пагранічнай камісіі вылучаліся мясцовыя падкамісіі: Полацка-Вілейская (Полацк), Мінска-Нясвіжская (Мінск, Нясвіж, Ракаў), Звягельска-Валынская (Роўна, Звягель), Палеская (Алевав, Лахва, пасля Лунінец) [1].

Праца Змешанай пагранічнай камісіі была дакладна рэгламентавана Дадатковым пратаколам ад 21 лютага 1921 г. Па прычыне таго, што пагранічная лінія ў Прэлімінарным (а пасля і ў канчатковым) мірным дагаворы была акрэслена дастаткова схематычна, а ў асобных мясцовасцях праходзіла так званымі «нерэальнымі лініямі», у працы камісіі ўзнікала складанасці. Прадугледжвалася, што ў спрэчных момантах і пры адсутнасці неабходных даных правядзенне граніцы на месцах павінна было адбывацца пры ўліку мясцовых гаспадарчых патрэб. Гэта значыць, што калі вёска (населены пункт), напрыклад, адыходзіла да польскага боку, то і пашы, і іншыя сельскагаспадарчыя ўгоддзі, эканамічна звязаныя з гэтай вёскай, таксама належалі Польшчы. Землі індывідуальных уладальнікаў у гаспадарчай цэласнасці ўключаліся ў межы бліжэйшых вёсак. Калі ж граніца супадала з дарогай, то апошняя адыходзіла да таго боку, два населеныя пункты якога яна звязвала. У выпадку, калі граніца праведзена пры дапамозе выразу «абыходзячы чыгуначную станцыю», лінія будзе доўжыцца ў залежнасці ад тапаграфічных умоў, ад паўтара да трох кіламетраў ад першага семафора (калі ён адсутнічае, ад першага скрыжавання) пры захаванні цэласнасці гаспадарчых адзінак, якія прылягаюць да чыгуначнай лініі.

Даволі спрэчнай выглядала сітуацыя, калі пры ўстанаўленні прыналежнасці таго ці іншага населенага пункта галоўным прызнаваўся этнаграфічны

прынцып. Канкрэтная падкамісія пры прыняцці пэўнага рашэння павінна была ўлічваць меркаванне мясцовага насельніцтва. У рэальнасці гэты пункт сутыкаўся з прынцыпам рацыянальнай практычнасці жыхароў. Дзякуючы нявызначанасці сітуацыі людзі лічылі сябе то польскімі, то савецкімі падданымі, глядзелі на тое, чыё падданства ў канкрэтных адрэзак часу было больш выгадным, адмаўляліся падпарадкоўвацца ўсялякім распараджэнням.

У дакладзе М.І. Іарданскага, старшыні расійска-ўкраінскай дэлегацыі ПРУВУК (Польска-расійска-ўкраінскай ваеннай узгадняльнай камісіі) з сярэдзіны лістапада 1920 па ліпень 1923 г., адзначалася, што праведзеная лінія мяжы па карце маштабу 25 вёрст у цалі не ахоплівала і адной пятай усіх мясцовасцей, якія існавалі ў натуры [2]. Акрамя таго, праведзеная на многіх участках прамымі лініямі з поўначы на поўдзень без прыродных ці штучных рубяжоў, месцамі ў натуры яна зусім не была пазначана, што ў сваю чаргу стварала ўмовы для бесперашкоднага пераходу граніцы як польскімі, так і войскамі Чырвонай арміі. Менавіта таму пагранічная паласа вельмі хутка зрабілася месцам канцэнтравання дзэзерціраў і бандытаў рознага кшталту. Па гэтай прычыне члены Змешанай пагранічнай камісіі вырашылі ўдакладніць мяжу на карце, маштаб якой быў 10 вёрст у цалі, а пазней нават 3 вярсты ў цалі.

Згодна са справаздачай старшыні польскай часткі Змешанай узгадняльнай пагранічнай камісіі Л. Васілеўскага ад 9 снежня 1922 г. аб агульным ходзе ўсталявання мяжы паміж бакамі, узніклі шматлікія складанасці пры ўстанаўленні пагранічных слупоў: схематычны характар вызначэння лініі размежавання ў мірным дагаворы ад 18 сакавіка 1921 г., існаванне адрозненняў у канфігурацыі мяжы на дзесяцівярстовай (расійска-ўкраінскі варыянт) і трохвярстовай (польскі варыянт) картах, адсутнасць канкрэтных населеных пунктаў на прапанаваных картах, недакладнасць у вызначэнні пагранічнай лініі на палескім участку, існаванне праблемы размежавання ворнай зямлі паміж гаспадарамі і населенымі пунктамі, неабходнасць у папярэднім зборы інфармацыйнага і картаграфічнага матэрыялу (планаў, карт пэўнай мясцовасці), абавязковасць уліку эканамічных патрэб і этнаграфічнай спецыфікі (выяўлены факт паступлення на адрас Змешанай пагранічнай камісіі просьбаў мясцовага насельніцтва аб далучэнні да Польшчы), праблемы правядзення пагранічнай лініі па рэках Случ і Корчык, звязаныя з адрывам плошчы населенага пункта ад ворнай зямлі. У выніку працы Змешанай пагранічнай камісіі (падкамісій Полацка-Вілейскай, Мінска-Нясвіжскай, Валынскай) былі ўсталяваны 464 пагранічныя слупы (большасць на Полацка-Вілейскім участку мяжы – 263) [5].

У адпаведнасці з пратаколам пасяджэння Змешанай пагранічнай камісіі ад 2 мая 1921 г. праца па правядзенні пагранічнай лініі павінна была складацца з 3 этапаў: 1) збор неабходнай інфармацыі ў выглядзе тапаграфічных планаў, кадастравых карт і планаў; 2) на аснове сабраных даных нанясенне

на карты буйнога маштабу лініі размежавання; 3) дзеянні па ўстанаўленні пагранічных слупоў [4].

Пасля ўзнаўлення працы польская дэлегацыя, верагодна, атрымаўшы ў Варшаве адпаведныя інструкцыі, нечакана запатрабавала адсунуць у шэрагу месцаў граніцу на ўсход на 1–2, а дзесьці на 30 км. Так, на полацка-вілейскім участку, у мястэчку Арэхаўна, ставіліся ўмовы аб пераносе мяжы на 6 км на ўсход. На мінска-нясвіжскім участку, ужо пасля карэкціроўкі граніцы камісіяй, польская дэлегацыя раптам вырашыла зрабіць яшчэ ўдакладненне і такім чынам, каб да польскага мястэчка Ракаў адышлі дзве беларускія вёскі – Палікшты і Жукі; на палескім і валынскім участках польская дэлегацыя таксама ўзняла пытанне аб перасоўванні граніцы на ўсход на 10 і нават на 20 км.

1 ліпеня 1921 г. паступіла тэлеграма ад Полацка-Вілейскай Памежнай падкамісіі (старшыня Г. Штыггольд) Мінскаму губкаму і СНК БССР аб працы па ўсталяванні мяжы. У ёй указвалася, што «дакладнае ўсталяванне мяжы на участках суправаджаецца неадкладным заслупоўваннем іх начарна, якія ў далейшым пры дапамозе вымяральных атрадаў павінны прывесці да канчатковага пазначэння памежнымі знакамі ўсёй расійска-ўкраінска-польскай мяжы. Для паспяховага вядзення прац ва ўсіх валасцях Барысаўскага і Мінскага паветаў павінны быць падрыхтаваны сялянамі чарнавыя часовыя ступы памерам паўтара сажня даўжынёй і дыяметрам каля 10 цаляў і коллі даўжынёй 1,5 аршына і дыяметрам 4 цалі кожны, якія папярэднічаюць слупам і коллям канчатковай формы і складзены ў чаканні памежных прац пры валасных упраўленнях. Сяляне памежных валасцей будуць удзельнічаць пры заслупоўванні мяжы, правядзенні прасекаў» [3, с. 174].

На працэс вызначэння канфігурацыі пагранічнай лініі аказала ўплыў імкненне савецкага кіраўніцтва неяк зменшыць фінансава-эканамічныя патрабаванні польскай дэлегацыі за кошт ажыццяўлення пэўных пагранічных змен (рэктыфікацыі мяжы). У рэчышчы гэтай праблемы прадстаўнікі польскага мясцовага насельніцтва (у першую чаргу буйныя землеўладальнікі) спрабавалі аказаць уздзеянне на польскія кіруючыя колы шляхам накіравання петыцый і афіцыйных дэлегацый. Аднак іх намаганні не прынеслі жадаемых вынікаў у справе вызначэння лініі размежавання тэрыторыі.

ЛІТАРАТУРА

1. АЗП Российской Федерации. – Ф. 122. Оп. 4. Д. 79. Л. 14–17.
2. АЗП РФ. – Ф. 122. Оп. 4. Папка 101. Д. 4. Л. 22.
3. Государственные границы Беларуси : сб. док. и материалов : в 2 т. – Минск : БГУ, 2012. – Т. 1 : (март 1917 – ноябрь 1926) / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – 495 с.
4. Kowalski, Z. G. Granica Ryska : Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach / Z. G. Kowalski ; red. M. Wojciechowskiego. – Toruń, 1998. – S. 127–139.
5. List, L. Wasilewskiego do pana E. Kwiringa styczeń 1921 r. / L. List // AAN. – Zespół 390. – Akta L. Wasilewskiego. – Sygn. 46. – S. 23.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВАНТЕЕВ: ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Архивисты Витебской области проводят огромную работу с целью увековечения памяти об участниках Великой Отечественной войны. В начале 1970-х гг. сотрудники Государственного архива Витебской области на страницах газеты «Віцебскі рабочы» обратились к жителям области – непосредственным очевидцам и участникам военных событий – с просьбой прислать в архив воспоминания, фотографии, документы военных лет. На этот призыв откликнулись сотни людей, на чью долю выпали страшные годы войны. Из собранных материалов была сформирована «Коллекция документов об участниках Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, Великой Отечественной войны, ветеранах партии и труда». В ней насчитывается 484 дела за 1917–1990, 1994 гг.

Среди документов коллекции значатся воспоминания Владимира Ивановича Вантеева (3 июля 1912 г. – 1 сентября 1996 г.). Он родился в г. Николаевске Сталинградской области (ныне Волгоградская область) в семье рабочих. В 1929 г. окончил среднюю школу и поступил в Саратовский педагогический институт. С февраля 1933 г. работал учителем колхозной школы в родном городе. В феврале 1934 г. по специальному комсомольскому набору ушел на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию, где находился до июля 1935 г. С сентября 1935 по январь 1939 г. работал преподавателем школы совхозного ученичества в г. Николаевске. В 1939 г. был отозван на партийную работу и до начала Великой Отечественной войны работал заведующим партийного кабинета Николаевского райкома ВКП(б) и внештатным лектором Сталинградского обкома ВКП(б).

В июле 1941 г. был призван в действующую армию, в октябре того же года по причине контузии остался в тылу врага. После выздоровления организовал партизанскую группу, которая вскоре соединилась с партизанским отрядом Василия Сергеевича Леонова. Сначала Владимир Иванович был командиром взвода, отряда, а затем заместителем командира партизанской бригады Леонова, которая действовала на территории Сенненского района.

Из воспоминаний Владимира Ивановича: «Партизанская бригада вела активную вооруженную борьбу по разгрому вражеских гарнизонов. Нападали на вражеские колонны и обозы, вели рельсовую войну, боевые диверсионные действия по взрыву железных дорог, эшелонов и автомашин противника, сжигали мосты, разрушали телефонную связь и многое другое. С лета 1943 года боевые действия стали носить систематический характер и боеприпасов, которые мы пополняли за счет разгрома врага, стало не хватать, и тогда мы создали Белицкий аэродром. За этим аэродромом была закреплена

авиаэскадрилья, из-за линии фронта мы стали регулярно получать патроны, тол. взрыватели, а за линию фронта на этих же самолетах отправляли тяжелораненых и больных» [1, л. 6–7].

Помимо сведений о партизанской бригаде в воспоминаниях имеется ценная информация о деятельности подпольной сети в Сенненском районе, указаны имена и фамилии участников подпольных формирований и результаты их деятельности. Так, например, в 1943 г. в г. Сенно в немецкой комендатуре был взорван склад оружия и боеприпасов, в районном доме культуры при взрыве бомбы были убиты 2 офицера и 8 солдат противника. Описываются работа подпольной типографии, а также выпуск и распространение среди населения газеты «Большевистская трибуна».

После окончания войны Владимир Иванович находился на партийной работе, а с декабря 1954 по январь 1978 г. возглавлял Витебскую областную библиотеку им. В.И. Ленина.

Эти и другие воспоминания – бесценный материал о героическом подвиге белорусского народа, который ценой невероятных усилий одержал Великую Победу в одной из самых страшных и кровопролитных войн XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 9742-п. Оп. 2. Д. 101.

Воднева І.П. (г. Полацк)

РАЗВІЦЦЁ ПЛАВАННЯ НА ПОЛАЧЧЫНЕ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1920-х гг.

Адным з асноўных летніх відаў спорту пачынаючы ўжо з першых гадоў развіцця фізічнай культуры ў БССР з’яўлялася плаванне. Удзельнікамі спаборніцтваў і спартыўных свят, якія праводзіліся на адкрытых вадаёмах, маглі быць толькі дарослыя мужчыны з 18 гадоў і жанчыны з 17 гадоў. З 1929 г. плаванне ўвайшло і ў фізічную частку праграм Усебеларускіх злётаў піянераў. Удзельнікі заплываў на 500 і 100 м звычайна мелі ўзрост 15–16 гадоў [3, арк. 30].

Згодна з архіўнымі дакументамі, толькі ў другой палове 1920-х гг. на Полаччыне прайшлі першыя летнія спартыўныя святы, дзе плаванне было ўключана ў праграму як абавязковы від спаборніцтва. Распрацаваныя Вышэйшым саветам фізічнай культуры Беларусі (ВСФКБ) Палажэнне і Праграма спартыўных мерапрыемстваў на 1928 г. уключалі правядзенне раённых, акружных і рэспубліканскіх спартакіяд. Так, 15–18 чэрвеня ў Мінску

адбылася IV Усебеларуская спартакіяда, у якой прынялі ўдзел і палачане [1, с. 3]. Першыства па плаванні, дзе галоўным суддзёй быў прызначаны таварыш Урул, праходзіла 17 ліпеня ў Астрашыцкім гарадку [4, арк. 41]. У кожным заплыве было прадстаўлена па адным фізкультурніку або фізкультурніцы ад кожнай акругі. Мужчыны прымалі ўдзел у заплывах вольным стылем на 100, 400 і 1500 м, жанчыны – на 200 і 1000 м. Акрамя гэтага мужчыны выяўлялі мацнейшых і ў скачках у ваду з вышыні 3 м з наступным праплывам 50 м у чырвонаармейскай форме, якая ўключала штаны, гімнасцёрку, ніжнюю бялізну, боты або бацінкі з абмоткамі, фуражку [4, арк. 112].

З 24 па 27 жніўня 1928 г. ужо ў Полацку прайшлі II Акруговыя міжсаюзныя спаборніцтвы па фізкультуры. З Палажэннем і Праграмай аб правядзенні гэтых стартаў інструктары і старшыні бюро фізкультурных гурткоў Полаччыны былі азнаёмлены за месяц [5, арк. 22]. Што датычыцца плавання, то згодна з рэкамендацыяй ВСФКБ на ўсіх дыстанцыях па два спартсмены ад кожнай каманды павінны былі плыць толькі вольным стылем, але рашэннем Полацкага акруговага СФК ад 26 ліпеня 1928 г. на спаборніцтвах па акрузе мужчыны выконвалі заплывы 1500 м і жанчыны 500 м адвольным стылем, а скачок у ваду рабілі ў спартыўным касцюме [5, арк. 22].

Галоўным суддзёй па плаванні II Акруговага міжсаюзага спаборніцтва па фізкультуры быў назначаны кваліфікаваны інструктар Іван Еўдакімавіч Трацякоў [5, арк. 27]. Іван Еўдакімавіч нарадзіўся ў 1889 г. Спачатку скончыў гарадское вучылішча, а потым Адэскую спартыўную школу Пятлісіцкага [7, арк. 21]. Вядомы на той час атлет Уладзіслаў Аляксеевіч Пятлісіцкі, ураджэнец Варшавы, чэмпіён свету па вольнай барацьбе, яшчэ ў 1905 г. у Адэсе заснаваў сваю школу, якая з 1910 па 1914 г. мела статус атлетычнага інстытута. І.Е. Трацякоў пасля атрымання ў Адэсе спецыялізаваанай спартыўнай адукацыі з 1910 г. быў у клубе «Сокал» г. Кіева і Адэсы. Згодна з архіўнымі дакументамі, у 1919 г. ён лічыўся кіраўніком спортгуртка ў Магілёве, потым – у Полацку. А з 1926 па 1929 г. з'яўляўся інструктарам па фізкультуры ў школе № 7 г. Полацка і Полацкім педагагічным тэхнікуме [11, арк. 207].

Усяго ў II Акруговых міжсаюзных спаборніцтвах па фізкультуры прынялі ўдзел 246 чалавек з 11 прафсаюзаў Полаччыны, але на першыства па плаванні былі заяўлены не ўсе прафесійныя саюзы [6, арк. 110]. У залік трапілі толькі каманды хімікаў, будаўнікоў, металістаў, чыгункі і саўгандальслужачыя [2, с. 3]. 25 жніўня з 10 гадзін раніцы на лодачнай станцыі на р. Заходняя Дзвіна прайшлі заплывы на кароткія дыстанцыі. лепшымі на 100 м вольным стылем сярод мужчын сталі Васіль Хрысталаў (1,9 хв.), Уладзімір Дземянкоў (1,13 хв.), Яўген Міцкевіч (1,18:5 хв.), а сярод жанчын – Вольга Цімошчанка (1,30:2 хв.) і Антаневіч (1,39 хв.) [6, арк. 132]. 26 жніўня праходзілі спаборніцтвы на доўгія дыстанцыі. Пераможцамі сярод мужчын

на 500 м адвольным стылем сталі Зялёнка (6,9 хв.) і Палякоў (7,53:3 хв.), а сярод жанчын – Зіна Бімбат (7,52:2 хв.) і Кіра Арэшнікава (7,55 хв.). Самай доўгай стала дыстанцыя 1000 м адвольным стылем сярод мужчын, дзе лепшым быў зноў Васіль Хрысталаў (10,45 хв.). Яму саступілі толькі Янка Будзевіч (10,50 хв.) і Сяргей Грышчанка (12,2 хв.). Калі падвялі агульныя вынікі першынства па плаванні, то самыя высокія дасягненні былі ў фізкультурнікаў саюза хімікаў і будаўнікоў, 2-е месца заняла чыгунка, а 3-е – саўгандаль-служачыя [6, арк. 130]. Станоўчымі бакамі дадзенай спартакіяды сталі павелічэнне колькасці ўдзельнікаў у параўнанні з мінулым годам і ўключэнне ў спаборніцтвы «новых відаў фізкультуры», сярод якіх было і плаванне. Але прэзідыум Полацкага акруговага савета прафсаюзаў адзначыў і адмоўныя моманты спартакіяды: у склад калектываў уваходзілі толькі прадстаўнікі саюза горада (акрамя саюза хімікаў), з 17 саюзаў удзельнічала толькі 11, адсутнічаў падчас свята медкантралёр і была малая колькасць удзельнікаў па асобных відах фізкультуры [6, арк. 110].

У наступным 1929 г. спаборніцтвы па плаванні ў Савецкім Саюзе сталі набіраць яшчэ большую папулярнасць і на рэспубліканскае першынства запрашалася ўжо не па адным спартсмене, а па тры. Упершыню ў жніўні 1929 г. у Мінску павінна была прайсці Усебеларуская спартакіяда сялянскіх фізкультурнікаў, галоўнай мэтай якой стала «падвядзенне вынікаў развіцця фізкультурнага руху сярод сялянства Беларусі» [8, арк. 29]. Кожная акруга прадстаўляла каманду з 25 чалавек: 15 мужчын і 10 жанчын. Спартсмены з усёй Беларусі прымалі ўдзел у 9 спаборніцтвах, сярод якіх абавязковым было і плаванне адвольным стылем. Мужчыны вызначалі мацнейшых у заплывах на 100 і 500 м, а жанчыны – на 50 і 300 м. У Палажэнні адзначалася, што для жанчын заплывы разыгрываліся самастойна і не былі абавязковымі [3, арк. 30].

Рэспубліканскім стартапам папярэднічалі спаборніцтвы ў раёнах і акругах. Згодна з Палажэннем, на II Полацкую раённую спартакіяду сялян запрашаліся каманды з 10 чалавек: 6 мужчын і 4 жанчыны. Кожны калектыў сельскіх фізкультурнікаў павінен быў мець форму. У хлопцаў яна складалася з сініх трусоў і белай касавароткі або кашулі, а ў дзяўчат – з сініх шаравараў і белай кофтакі. Фізкультурнікі спаборнічалі па плаванні, лёгкай атлетыцы, гульнях і перацягванні каната. Перад пачаткам спартакіяды, якая адбылася ў пас. Ветрына ў канцы ліпеня, усе ўдзельнікі праходзілі медагляд. Пераможцы спартакіяды атрымалі пераходзячы сцяг імя раённага СФК, які на I Спартакіядзе ў 1928 г. быў уручаны Быкаўскай ячэйцы фізкультурнікаў [10, арк. 7].

З 27 ліпеня 1929 г. Полацкі акруговы СФК аб'явіў аб правядзенні двухтыднёвага фізкультуры, у рамках якога прайшло яшчэ некалькі буйных спаборніцтваў з удзелам прадстаўнікоў усіх 10 раёнаў Полацкай акругі [12, с. 3]. Гэта III Акруговае свята прафсаюзаў па фізкультуры і II Акруговая сялян-

ская спартакіяда. Напярэдадні спартакіяды кожны райсавет атрымаў тэрміновае паведамленне, дзе кіраўніцтвам Полацкага АСФК яшчэ раз нагадвалася, што сялянам загадзя трэба растлумачыць задачы савецкай фізкультуры, нельга памяншаць у камандах колькасць дзяўчат, на саборніцтвах у кожным калектыве павінен быць свой сцяг і належная форма, а для паказальных выступленняў трэба мець свой музычны інструмент [11, арк. 130].

Пасля вылучэння мацнейшых фізкультурнікаў па раёнах былі праведзены акруговыя саборніцтвы. Так, 3 жніўня 1928 г. у Полацку пачалося III Акруговае свята прафсаюзаў па фізкультуры. У праграму акрамя плавання былі ўключаны саборніцтвы па лёгкай атлетыцы, народнай грэблі, веласпорце, стральбе і гульні. Агульнае першынства аспрэчвала толькі 5 з 10 прафсаюзаў – хімікі, будаўнікі, дрэваапрацоўшчыкі, саўгандальслужачыя і чыгунка. Пераходзячы Чырвоны сцяг імя Полацкага АБСП заваявала каманда гуты «Праца», прадстаўляючая прафсаюз хімікаў. Па выніках спартыўнага свята калектывы фізкультурнікаў атрымаў назву «чырванасцяжнага». 2-е і 3-е месцы падзялілі паміж сабой дрэваапрацоўшчыкі і саўгандальслужачыя, якія за апошні год значна павысілі свае дасягненні ў параўнанні з мінулым [13, с. 3].

З мэтай падагульнення працы за вясенні і летні перыяды вясковых гурткоў фізкультуры, большага ўцягвання мас сялянскай моладзі ў шэрагі фізкультуры, папулярызацыі спартыўнага руху на Полаччыне і вылучэння зборнага акружнага калектыву на I Усебеларускую сялянскую спартакіяду з 11 па 13 жніўня 1929 г. у Полацку прайшла II Акруговая сялянская спартакіяда [9, арк. 1]. Яшчэ ў сакавіку 1929 г. у звароце да ўсіх жыхароў Полаччыны намеснік старшыні Полацкага АСФК Саламон Галадзец спадзяваўся, што свята ў жніўні будзе больш шматлюдным у параўнанні з папярэднімі гадамі. Калі ў 1927 г. у аналагічных мерапрыемствах удзельнічалі ўсяго 23 фізкультурнікі ад кожнага раёна, а ў 1928 г. – толькі па 15 асоб, то ў 1929 г. прапанавалася прадставіць ад кожнага раёна па 10 каманд [10, арк. 53].

11 жніўня, у першы дзень стартаў, на пляцы Волі прайшоў урачысты парад фізкультурнікаў усіх спортгурткоў. Потым з 4 да 8 гадзін дня адбыліся саборніцтвы па лёгкай атлетыцы, баскетболе, гарадках, народнай грэблі, ваенна-прыкладной гімнастыцы і плаванні. Праўда, у нядзелю саборнічалі толькі жанчыны на дыстанцыях 50 і 300 м. У панядзелак, 12 жніўня, з 7 да 9 гадзін раніцы прайшлі заплывы на 100 і 500 м сярод мужчын [14, с. 3]. А вынікі спартакіяды былі падведзены ў трэці дзень саборніцтваў – 13 жніўня. Пераможцы атрымалі пераходзячы сцяг імя Полацкага АСФК. Ад акружнага СФК лепшаму калектыву па сацыяльным складзе і спартыўных дасягненнях былі ўручаны спортпрылады на суму 100 руб., а лепшаму калектыву па падборы батрацтва і спартыўных дасягненнях – на суму 50 руб. Акрпалітасвета таксама стала «спонсарам» спартакіяды і ўсім пераможцам перадала невялікія бібліятэкі для хат-чытальняў [14, с. 3].

Рэдакцыя акружнай газеты «Чырвоная Полаччына» па выніках III Акруговай сялянскай спартакіяды акрамя дасягненняў змясціла і некалькі крытычных артыкулаў, дзе пазначалася, што, нягледзячы на ўсю падрыхтоўку, інфармацыі аб спартыўных святах было недастаткова, таму сярод глядачоў была невялікая колькасць «рабочых мас». Аўтар артыкула раскрытыкаваў і дзейнасць некаторых прафсаюзаў, напрыклад, асветы, камунальнікаў і нархарчавання, якія слаба «раскачаліся» да стартаў [15, с. 3].

Такім чынам, плаванне пачало актыўна культывавацца на Полаччыне яшчэ з 1920-х гг. Палачане ўдзельнічалі ў раённых, акруговых, рэспубліканскіх першынствах, якія садзейнічалі масаваму развіццю аднаго з вядучых відаў спорту і папулярызаванні яго сярод шырокага кола насельніцтва. Актыўная роля ў гэтай працы належала камсамольскім і прафсаюзным арганізацыям, якія прыцягвалі да заняткаў фізкультурай шматлікія калектывы працоўнай моладзі. Кіраваў усёй спартыўнай дзейнасцю на Полаччыне акруговы СФК, які імкнуўся з кожным годам стварыць больш спрыяльныя ўмовы для заняткаў спортам, падбіраў кваліфікаваныя кадры для правядзення заняткаў і спаборніцтваў, аналізаваў працу спортгурткоў, знаёміў палачан з дасягненнямі полацкіх спартсменаў на акруговых і рэспубліканскіх спаборніцтвах.

ЛІТАРАТУРА

1. **Галадзец.** Полацк на Усебеларускай спартакіядзе / Галадзец // Чырвоная Полаччына. – 1928. – 4 жн. – С. 3.
2. **Галадзец.** Рыхтуемца да другога свята па фізкультуры / Галадзец // Чырвоная Полаччына. – 1928. – 11 жн. – С. 3.
3. **Занальны** дзяржаўны архіў у г. Полацку (ЗДАП). – Ф. 559. Воп. 1. С. 1.
4. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 3.
5. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 5.
6. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 7.
7. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 8.
8. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 11.
9. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 12.
10. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 14.
11. **ЗДАП.** – Ф. 559. Воп. 1. С. 15.
12. **Двухтыднёвік** фізкультуры па Полацку // Чырвоная Полаччына. – 1929. – 10 жн. – С. 3.
13. **Вынікі** 3-га акруговага свята прафсаюзаў па фізкультуры // Чырвоная Полаччына. – 1929. – 10 жн. – С. 3.
14. **Каляндар** працы 3-й Акруговай Сялянскай Спартакіяды // Чырвоная Полаччына. – 1929. – 4 жн. – С. 3.
15. **Пра недахопы** святкавання // Чырвоная Полаччына. – 1929. – 10 жн. – С. 3.

ГЕОРГІЁўСКІЯ КАВАЛЕРЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ: НОВЫЯ ІМЁНЫ

З часу выдання трэцяга тома штогадовага выдання «Віцебскі край» мінула чатыры гады. За гэты час мы значна ўдакладнілі біяграфіі і папоўнілі базу даных па кавалерах трох і болей Георгіёўскіх крыжоў (да 1913 г. – знак адзнакі ваеннага ордэна Святога Георгія) – беларусах і ўраджэнцах Беларусі. У якасці крыніц для працягу пошукаў мы выкарысталі архіўныя даныя і фотаматэрыялы з інфармацыйнага партала «Первая мировая война 1914–1918» (<https://gwar.mil.ru/>) і шматтомнае выданне «Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг.» (аўтар С.Б. Патрыкееў). На дадзены момант устаноўлены імёны 10 поўных Георгіёўскіх кавалераў, 272 кавалераў чатырох–пяці Георгіёўскіх крыжоў (у тым ліку чацвёрта – без 1-й ступені), 388 кавалераў трох Георгіёўскіх крыжоў (у тым ліку 2 кавалеры 1-й ступені).

На дадзены момант вядомы 3 поўныя Георгіёўскія кавалеры, 55 кавалераў чатырох і болей Георгіёўскіх крыжоў, 71 кавалер трох Георгіёўскіх крыжоў, якія нарадзіліся на тэрыторыі сучаснай Віцебскай вобласці. Таксама ўстаноўлены імёны пяці ўраджэнцаў Віцебскай губерні без дакладнай лакалізацыі. Прадстаўляем новых кавалераў, імёны якіх дагэтуль не ўведзены ў навуковы абарот і невядомыя шырокаму колу чытачоў (даты прыводзяцца па старым стылі, як у дакументах у перыяд па 1918 г.).

Поўныя Георгіёўскія кавалеры

Мурашка Павел Мікітавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Лепельскі павет, мяст. Чашнікі / Віцебская вобл., г. Чашнікі. Перад прызывам жыву ў Петраградскай губерні.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 16-й роты лейб-гвардыі Ізмайлаўскага палка. У баі 05.07.1915 быў паранены.

Узнагароды: Георгіёўскія крыжы 1-й (№ 3), 2-й (№ 5), 3-й (двойчы / № 49, № 12 417) і 4-й (№ 6987) ступеней; Георгіёўскія медалі «За храбрасць» 1-й (№ 1944), 2-й (№ 1114), 3-й (№ 17 545) і 4-й (№ 8570) ступеней.

Панкратаў Дзямід Іванавіч (? – 22.08.1915)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Аршанскі павет, Машкоўская воласць, в. Дубраўка / Віцебская вобл., Аршанскі раён, Межаўскі сельсавет, в. Дубраўка.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: лейб-гвардыі фельдфебель Ізмайлаўскага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка, а затым прапаршчыка з пераводам у 1915 г. у 1-ы лейб-грэнадзёрскі полк.

У баі 17.08.1915 быў паранены. Памёр ад цяжкасці ранення.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 11 982), 2-й (№ 975), 3-й (№ 1402) і 4-й (№ 6983) ступеней; Георгіеўскія медалі «За храбрасць» 1-й (№ 506), 2-й (№ 1111), 3-й (№ 1592), 4-й (№ 8567) ступеней.

Кавалеры чатырох Георгіеўскіх крыжоў

Аляхновіч Лявон Фаміч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет, Друйская воласць, хутар Лозы (? засценак Лазоўка на р. Друйка) / Віцебская вобл., Браслаўскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: радавы / яфрэйтар / малодшы унтэр-афіцэр 14-й роты 107-га Троіцкага пяхотнага палка. За баявыя заслугі быў прысвоены чын старшага унтэр-афіцэра, затым падпрапаршчыка. У баях быў двойчы паранены: 07.06.1916, 28.03.1917.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 2569), 2-й (№ 2055), 3-й (№ 3240) і 4-й (№ 55 424) ступеней.

Амбросаў Пётр Аляксеевіч (1882/1883 – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Гарадоцкі павет, Дубакрайская воласць, в. Казадоева / Віцебская вобл., Гарадоцкі раён, Руднянскі сельсавет, былая в. Казадоева.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: фельдфебель 99-га пяхотнага Івангародскага палка. У баі 3 траўня 1915 г. на р. Піліцы быў паранены куляю ў правую нагу. Пасля выздараўлення ад ранення працягнуў службу фельдфебелем у 4-й роце 70-га пяхотнага Ражскага палка. У пачатку 1916 г. атрымаў агнястрэльнае раненне ў чэрап.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 16 056), 2-й (№ 23 125), 3-й (№ не пазначаны) і 4-й (№ 75 035) ступеней.

Бабарыка Міхаіл Апанасавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, г. Орша / Віцебская вобл., г. Орша.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 2-га лейб-гвардыі Царскасельскага стралковага Яго Вялікасці палка. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка. У баях быў двойчы кантужаны: 08.07.1915 і 09.07.1916.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8798), 2-й (№ 943), 3-й (№ 70) і 4-й (№ 82 146) ступеней, Георгіеўскія медалі «За храбрасць» 2-й (№ 1093), 3-й (№ 1457) і 4-й (№ 45 850) ступеней.

Барысёнак Захар Паўлавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Аршанскі павет, Баранская воласць / Віцебская вобл., Аршанскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: малодшы унтэр-афіцэр 12-й роты 103-га пяхотнага Петразаводскага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын старшага унтэр-афіцэра, затым падпрапаршчыка. У баях быў тройчы паранены: 14.06.1915, 26.07.1915 і 19.06.1917 (цяжкае).

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 4787), 2-й (№ 21 722), 3-й (№ 2444) і 4-й (№ 253 970) ступеней.

Баханько Сцяпан Сцяпанавіч (1886/87 – 28.05.1916)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Полацкі павет, Гомельская воласць, в. Кавалеўшчына / Віцебская вобл., Полацкі раён, Гомельскі сельсавет, былая в. Кавалеўшчына (існавала да 1969).

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 5-га Фінляндскага стралковага палка. У баі 30.01.1915 быў паранены.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 143 831), 2-й (№ 8135), 3-й (№ 14 483) і 4-й (№ 28 767) ступеней.

Брэмзэ Іван Іванавіч (1886/87 – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Віцебскі павет, Сялюцкая воласць, фальварак Грыбяншчына (у дакументах скажона *Гримниссы*; цяпер не існуе – тэрыторыя Віцебскага раёна Віцебскай вобласці).

Працаваў у сельскай гаспадарцы, затым лёкаем.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 2-й роты 1-га Фінляндскага стралковага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка. У баі 08.06.1916 быў паранены і кантужаны.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 3237), 2-й (№ 10 108), 3-й (№ 51 867) і 4-й (№ 307 696) ступеней; Георгіеўскі медаль «За храбрасць» 4-й ступені (№ 286 581).

Бязозка Сямён Іванавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Магілёўскі павет, Круглянская воласць, в. Равуча / Віцебская вобл., Талачынскі раён, Воўкавіцкі сельсавет, в. Равуча.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 159-га пяхотнага Гурыйскага палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 4744), 2-й (№ 19 928), 3-й (№ 5783) і 4-й (№ 88 594) ступеней; Георгіеўскі медаль «За храбрасць» 4-й ступені (№ 96 931).

Войтаў Яфім Іванавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет, Перабродская воласць.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: малодшы унтэр-афіцэр 105-га пяхотнага Вяземскага палка. За баявыя заслугі быў прысвоены чын старшага унтэр-афіцэра, затым падпрапаршчыка. У баі 29.07.1916 быў паранены.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 322), 2-й (№ 4917), 3-й (№ 35 554) і 4-й (№ 74 835) ступеней.

Волах Сямён Іванавіч (? – 08.11.1916)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет, Пастаўская воласць / Віцебская вобл., Пастаўскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 4-га Заамурскага пагранічнага пяхотнага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка. У 1916 г. – паручнік 3-га асобнага пяхотнага палка Экспедыцыйнага корпуса Рускай арміі ў Грэцыі. У баях быў двойчы паранены: 03.07.1915, лістапад 1916 г.

Узнагароды: ордэн Святой Ганны 3-й ступені, Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 4983), 2-й (№ 9550), 3-й (№ 45 651) і 4-й (№ 184 147) ступеней.

Памёр ад ран у часовым шпіталі ў г. Фларына (Грэцыя).

Вырвінскі Адольф Аляксандравіч (? – ?)

Месца нараджэння: Ковенская губерня, Нова-аляксандраўскі павет, Браслаўская воласць / Віцебская вобл., Браслаўскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 37-га пяхотнага Екацярынбургскага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 10 471), 2-й (№ 18 590), 3-й (№ 66 391) і 4-й (№ 446 048) ступеней.

Гільз (больш верна Гіль) Карл Антонавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Свянцянскі павет, Камайская воласць / Віцебская вобл., Пастаўскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: яфрэйтар, пазней старшы унтэр-афіцэр 2-га Туркестанскага стралковага палка. У баі 14.07.1915 быў паранены.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8483), 2-й (№ 36 883), 3-й (№ 213 545) і 4-й (№ 461 413) ступеней.

Грыдзюшка Дзям'ян Цімафеевіч (1892 – 28.10.1937)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет, Лужэцкая воласць, в. Лапунова / Віцебская вобл., Шаркаўшчынскі раён, Лужкоўскі сельсавет, былая в. Лапунова.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: малодшы феерверкер 5-га марцірнага артылерыйскага дывізіёна. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8398), 2-й (№ 21 481), 3-й (№ 30 566) і 4-й (№ 43 092) ступеней.

У 1930-я гг. жыў у с. Сараса Алтайскага краю РСФСР, працаваў рахункаводам пры сельсавеце. Быў арыштаваны 19.07.1937. Асобай нарадай пры НКВС СССР ад 18.10.1937 быў асуджаны за антысавецкую дзейнасць да вышэйшай меры пакарання. Расстраляны 28.10.1937. Пасмяротна рэабілітаваны 04.10.1957 ваенным трыбуналам Сібірскай ваеннай акругі.

Гяч Юльян Аляксандравіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Дрысенскі павет.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр, затым фельдфебель 97-га пяхотнага Ліфляндскага генерал-фельдмаршала Шарамцева палка. У баях быў двойчы паранены: 19.01.1915, 06.03.1916.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 4525), 2-й (№ 23 100), 3-й (№ 90 561) і 4-й (№ ?) ступеней.

Дземідзенка/Дземідзёнак Іван Пятровіч (12.10.1885 – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Гарадоцкі павет, Болецкая воласць, в. Усцюжкова-Рыжонкі / Віцебская вобл., Гарадоцкі раён, Стадолішчанскі сельсавет, былая в. Рыжонкі.

Прызваны на вайсковую службу ў 1907 г. і залічаны ў склад 5-га Фінляндскага стралковага палка. Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 6-й роты таго ж палка. Скончыў 2-ю Кіеўскую школу прапаршчыкаў (26.11.1916).

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 10 971), 2-й (№ 24 043), 3-й (№ 38 643) і 4-й (№ 28 790) ступеней.

Жукаў/Жук Цімафей Васілевіч (1889 – 16.09.1937)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Гарадоцкі павет, Болецкая воласць, в. Вялікія Раманяты / Віцебская вобл., Гарадоцкі раён, Стадолішчанскі раён, былая в. Вялікія Раманяты. Адукацыя пачатковая.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 99-га пяхотнага Івангародскага палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 42), 2-й (№ 5112), 3-й (№ 120 950) і 4-й (№ 475 166) ступеней.

Атрымаў цяжкае кулявое раненне ў нагу з пашкоджаннем косці. Памылкова быў улічаны як зніклы без вестак у баі ў верасні 1915 г. пад м. Смаргонь Ашмянскага павета (Віленская губерня). Працяглы час знаходзіўся на лячэнні ў шпітальных.

У 1930-я гг. жыў на радзіме. Вёў аднасобную сялянскую гаспадарку. Быў арыштаваны 27.08.1937 па абвінавачванні ў антысавецкай агітацыі і асуджаны 07.09.1937 «тройкай» пры НКУС СССР да вышэйшай меры пакарання. Расстраляны ў Віцебску. Пасмяротна рэабілітаваны 05.08.1961 прэзідыумам Віцебскага абласнога суда.

Зарэмба Рыгор Ігнацьевіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 14-га пяхотнага Аланецкага Яго Вялікасці Караля Сербскага Пятра I палка. У баях быў двойчы паранены: 09.08.1915 і 18.06.1916.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 15 556), 2-й (№ 28 854), 3-й (№ 200 112) і 4-й (№ 592 669) ступеней.

Карпёнак (у дакументах *Карпенко*) Апанас Аляксеевіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Дрысенскі павет, Сар’янская воласць, в. Каранікі / Віцебская вобл., Верхнядзвінскі раён, Сар’янскі сельсавет, былая (да 1987) в. Каранікі.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 139-га пяхотнага Маршанскага палка. За баявыя заслугі быў прысвоены чын падпрапаршчыка. У баях быў тройчы паранены: 02.09.1915, 30.07.1916, 22.02.1917.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 20 555), 2-й (№ 12 864), 3-й (№ 215 644) і 4-й (№ 313 957) ступеней.

Клімовіч Мікалай Фёдаравіч (1884 – 08.03.1938)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Сенненскі павет, Ульянавіцкая воласць, в. Малое Воўсішча / Віцебская вобл., Сенненскі раён, Беліцкі сельсавет, в. Воўсішча.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: яфрэйтар 20-га Сібірскага стралковага палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 6026), 2-й (№ 18 991), 3-й (№ 106 779) і 4-й (№ 230 589) ступеней.

У 1930-я гг. жыў у п. Краснавішарск Чардынскага раёна Свядлоўскай вобласці Расіі (цяпер – г. Краснавішарск, раённы цэнтр Пермскага краю Расіі). Працаваў чарнарабочым на лесазаводзе. Быў арыштаваны 02.01.1938. Абвінавачваўся ў шпіянажы. Быў асуджаны да вышэйшай меры пакарання і расстраляны.

Краўцоў Павел Лявонцэвіч (? – ?)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Сенненскі павет.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: узводны унтэр-афіцэр 10-га гусарскага Інгерманландскага палка. У баі 08.08.1914 быў паранены.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 3427), 2-й (№ 6966), 3-й (№ 7147) і 4-й (№ 7452) ступеней.

Кулеша Вітольд Андрэвіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет, Празароцкая воласць, маёнтак Старасель (цяпер не існуе) / Віцебская вобл., Глыбоцкі раён, Празароцкі сельсавет. Са збыднелай шляхты.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: бамбардзір, затым малодшы феерверкер 5-га марцірнага артылерыйскага дывізіёна.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8451), 2-й (№ 43 327), 3-й (№ 82 882) і 4-й (?) ступеней.

Лаўрыновіч Нічыпар Восіпавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: фельдфебель 107-га пяхотнага Троіцкага палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 16 360), 2-й (№ 15 124), 3-й (№ 82 164) і 4-й (*прадстаўлены за бой 04.11.1914*) ступеней.

Лаўрэнаў Іван Ларывонавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Горацкі павет, Хаўбнянская воласць, в. Лаўкі / Віцебская вобл., Дубровенскі раён, Валяўкоўскі сельсавет, в. Лаўкі.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 63-га пяхотнага Угліцкага генерал-фельдмаршала Апраксіна палка. За баявыя заслугі прысвоены чын прапаршчыка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 2127), 2-й (№ 4390), 3-й (№ 491) і 4-й (?) ступеней.

Лісёнак Аляксандр Сямёнавіч (?1895 – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Віцебскі павет, Шчэрбінская воласць, в. Падцарковішча / Віцебская вобл., Віцебскі раён, Ноўкінскі сельсавет, былая в. Падцаркоўшчына (існавала да 1968).

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 10-га Фінляндскага стралковага палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8662), 2-й (№ 65 079), 3-й (№ 96 769) і 4-й (?) ступеней.

Лясун Пётр Юр'евіч (? – 16.11.1916)

Месца нараджэння: Мінская губерня, Барысаўскі павет, Асаўская воласць, в. Кліннікі / Віцебская вобл., Докшыцкі раён, Бягомльскі сельсавет, в. Кліннікі.

Удзельнік руска-японскай і Першай сусветнай войнаў. У 1916 г. – старшы унтэр-афіцэр 191-га пяхотнага Ларга-Кагульскага палка. За баявыя заслугі быў прысвоены чын падпрапаршчыка. Загінуў у баі.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 11 936), 2-й (№ 13 451), 3-й (?) ступеней і знак адзнакі Ваеннага ордэна Святога Георгія 4-й ступені (№ 125 709).

Магаршак Герш-Меер (ці Маер) Давідавіч (? – ?)

Месца нараджэння: г. Віцебск.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: яфрэйтар, пазней старшы унтэр-афіцэр 7-га стралковага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка. У баі 24.09.1915 быў паранены.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ ?), 2-й (№ 11 033), 3-й (№ 68 082) і 4-й (№ 32 264) ступеней; Георгіеўскі медаль «За храбрасць» 4-й ступені (№ 316 978).

Малах Максім Антонавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Лепельскі павет, Бачэйкаўская воласць, в. Клешчына / Віцебская вобл., Бешанковіцкі раён, Бачэйкаўскі сельсавет, в. Клешчына.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: малодшы унтэр-афіцэр 16-га гусарскага Іркуцкага Яго Імператарскай Высокасці Вялікага Князя Мікалая Мікалаевіча палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 18 331), 2-й (?), 3-й (?) і 4-й (№ 39 551) ступеней.

Георгіеўскім крыжам 1-й ступені быў узнагароджаны за заслугі ў баі 19.06.1916, у якім быў паранены.

Малчанаў Рыгор Яфімавіч (25.01.1881 – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Полацкі павет, Замошская воласць, в. Асяродкі / Віцебская вобл., Полацкі раён, Баравухскі сельсавет, былая в. Асяродкі.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 8-й роты 5-га Фінляндскага стралковага палка. У баях быў паранены (17.09.1915) і двойчы кантужаны (24.04.1915, 25.07.1915).

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8723), 2-й (№ 8136), 3-й (№ 38 648) і 4-й (№ 29 570) ступеней; Георгіеўскія медалі «За храбрасць» 2-й (№ 56 378), 3-й (№ 90 237) і 4-й (№ 39 825) ступеней, сярэбраны медаль «За стараннасць» са Станіслаўскай сужкай, светла-бронзавы медаль «У па-

мяць 300-годдзя царавання дома Раманавых»; сярэбраны нагрудны медаль (Вялікабрытанія).

Міхеенка/Міхяёнак Якаў Іванавіч (1886/87 – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Гарадоцкі павет, Вярэцкая воласць, в. Касюкова / Віцебская вобл., Гарадоцкі раён, Вярэцкі сельсавет, былая в. Касюкова.

Удзельнік Першай сусветнай вайны. У 1916 г. – старшы унтэр-афіцэр 99-га пяхотнага Івангародскага палка. У баі 07.03.1916 быў паранены.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 1945), 2-й (№ 5117), 3-й (№ ?) і 4-й (№ ?) ступеней.

Стрыжонак Рыгор Аляксеевіч (? – 20.01.1915)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Лепельскі павет.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 10-й роты 5-га Сібірскага стралковага палка. У баі 20.11.1914 быў памылкова ўлічаны як загінуўшы. За баявыя заслугі прысвоены чын прапаршчыка (Загад Галоўнакамандуючага арміямі Паўночна-Заходняга фронту № 420 ад 09.01.1915).

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 12 338), 2-й (№ 51 990), 3-й (№ 226 090) і 4-й (№ 41 814) ступеней.

Тарасевіч Руфім/Руфін Казіміравіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Свенцянскі павет, Камайская воласць / Віцебская вобл., Пастаўскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: малодшы унтэр-афіцэр, пазней фельдфебель 16-й роты лейб-гвардыі Праабражэнскага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын падпрапаршчыка. У баі 05.07.1915 быў цяжка кантужаны, але застаўся ў страі, пазней быў эвакуіраваны на лячэнне ў тыл.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8620), 2-й (№ 53 640), 3-й (№ 140 746) і 4-й (№ 481 090) ступеней; Георгіеўскія медалі «За храбрасць» 2-й (№ 17 337), 3-й (№ 77 731), 4-й (№ 447 903) ступеней.

Таўсцякоў Цімафей Мацвеевіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Віцебскі павет, Лескавіцкая воласць / Віцебская вобл., Шумілінскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны. У званні яфрэйтара служыў у 100-м пяхотным Востраўскім палку, затым у 28-м пяхотным Полацкім палку. За баявыя заслугі быў прысвоены чын малодшага, затым старшага унтэр-афіцэра. У баях быў двойчы паранены: 18.10.1914 і 17.04.1915.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8416), 2-й (№ 4332), 3-й (№ 81 358) і 4-й (№ 443 253) ступеней.

Харкевіч Віктар Лукіч (1884/85 – ?)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Дрысенскі павет, Коханавіцкая вол., в. Заручаўе / Віцебская вобл., Верхнядзвінскі раён, Коханавіцкі сельсавет, былая в. Заручаўе.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 37-га пяхотнага Екацярынбургскага палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 8205), 2-й (№ 23 288), 3-й (№ 66 390) і 4-й (№ 43 121) ступеней; Георгіеўскі медаль «За храбрасць» 4-й ступені (№ 43 121).

Чаронка Рыгор Сямёнавіч (1891/92 – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 15-га Сібірскага стралковага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын прапаршчыка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 11 651), 2-й (№ 28 388), 3-й (№ 90 385) і 4-й (№ 316 889) ступеней.

Шаманкоў Савелій Васілевіч (? – ?)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Горацкі павет, Хаўбнянская воласць, в. Калатоўкі / Віцебская вобл., Дубровенскі раён, Зарубскі сельсавет, былая в. Калатоўкі (існавала да 1970-х гг.).

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 92-га пяхотнага Пячорскага палка. У баі 11.02.1917 быў паранены, але застаўся ў страі.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 15 970), 2-й (№ 27 167), 3-й (№ 60 188) і 4-й (№ 1537) ступеней; Георгіеўскі медаль «За храбрасць» 4-й ступені (№ 87 275).

Шэлепень Васіль Міхайлавіч (1890 – 29.11.1937)

Месца нараджэння: Віцебская губерня, Полацкі павет, Клясціцкая воласць / Віцебская вобл., Расонскі раён. Адукацыя пачатковая.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: старшы унтэр-афіцэр 97-га пяхотнага Ліфляндскага генерал-фельдмаршала графа Шарамечава палка. У баі 04.08.1914 пад г. Гумбіненам быў паранены. Пасля выздараўлення быў пераведзены ў 242-і Лукаўскі пяхотны полк, дзе служыў фельдфебелем. У баі 09.09.1916 быў зноў паранены.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 22 878), 2-й (№ 45 404), 3-й (№ 224 959) і 4-й (№ ?) ступеней.

У грамадзянскую вайну – удзельнік партызанскага руху на Расоншчыне.

У 1930-я гг. жыў у Віцебску. Працаваў справаводам у 8-м палку супраць-паветранай абароны. Быў арыштаваны 20.08.1937. Абвінавачаны ў шпіянажы на карысьць Польшчы. Па пастанове Камісіі НКВС СССР і Пракурора СССР быў асуджаны 19.11.1937 да вышэйшай меры пакарання. Расстраляны. Месца пахавання невядома. Пастановай ваеннага трыбунала Беларускай ваеннай акругі ад 11.02.1958 быў пасмяротна рэабілітаваны.

Якуцёнак Іван Антонавіч (? – ?)

Месца нараджэння: Магілёўская губерня, Аршанскі павет, Новатухінская воласць / Віцебская вобл., Дубровенскі раён.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: стралок 21-га Сібірскага стралковага Яе Вялікасці Гасударыні Імператрыцы Аляксандры Фёдараўны палка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 1-й (№ 18 919), 2-й (№ 50 526), 3-й (№ ?) і 4-й (№ ?) ступеней.

У завяршэнне прыводзім яшчэ аднаго адметнага Георгіеўскага кавалера:

Ляшчынскі Кляменці Фёдаравіч (? – ?)

Месца нараджэння: Віленская губерня, Дзісенскі павет.

Удзельнік Першай сусветнай вайны: падпрапаршчык 15-га Сібірскага стралковага палка. За баявыя заслугі прысвоены чын прапаршчыка.

Узнагароды: Георгіеўскія крыжы 2-й (№ 24 534), 3-й (№ 90 393) і 4-й (№ 340 015) ступеняў, ордэн «Георгіеўскі крыж» 4-й ступені з лаўровай галінкай (№ 985 805).

Трэба патлумачыць, што «лаўровая галінка» была зацверджана 19 жніўня 1917 г. для мацавання на стужку салдацкіх Георгіеўскіх крыжоў, якія выкарыстоўваліся для ўзнагароджання афіцэрскага складу арміі і флоту. Такім крыжом (пятым па ліку) быў узнагароджаны ўраджэнец Віцебскай губерні Аляксандр Рыгоровіч Яшчанка.

ЛІТАРАТУРА

1. **«Знак** отличия Военного ордена св. Георгия : списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг.» / [сост.: И. Маркин, Д. Бутрым]. – [Б. м. : б. и.], 2006. – 1492 с. : фот., табл., факс.

2. **Курепин, Ю. Г.** Забытые герои-3 / Ю. Г. Курепин. – Екатеринбург : Юго-Запад фронт, 2011. – 337 с. – (Георгиевский дневник).

3. **Курепин, Ю. Г.** Забытые герои-4 / Ю. Г. Курепин. – Екатеринбург : Юго-Запад фронт, 2014. – 433 с. – (Георгиевский дневник).

4. **Курепин, Ю. Г.** Забытые герои-5 / Ю. Г. Курепин. – Екатеринбург : Юго-Запад фронт, 2015. – 278 с. – (Георгиевский дневник).

5. **Патрикеев Сергей Борисович** : сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. / С. Б. Патрикеев. – Москва : Духовная нива, 2012–2015. – Т. 1–14.

6. **Георгиевские** кавалеры Великой войны [Электронный ресурс] : 1914–1918. – Режим доступа: <http://cavalier.rusarchives.ru/awards>. – Дата доступа: 23.04.2021.

7. **Памяць:** Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / рэд-кал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. А. І. Мацяюн ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – Кн. 1. – 648 с. : іл.

8. **Памяць:** Гарадоцкі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэд-кал.: Н. А. Бурунова [і інш.] ; уклад. С. І. Садоўская ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Беларусь, 2004. – 894 с. : іл.

9. **Памяць:** гіст.-дак. хроніка Расонскага раёна / рэдкал.: Б. І. Сачанка [і інш.] ; маст. А. М. Хількевіч. – Мінск : БелЭн імя П. Броўкі, 1994. – 558 с. : іл.

10. **Первая** мировая война [Электронный ресурс] : 1914–1918. – Режим доступа: <https://gwar.mil.ru/>. – Дата доступа: 17.08.2022.

11. **Открытый** список [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gwar.mil.ru/>. – Дата доступа: 12.10.2022.

12. **Офицеры** Русской Императорской Армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gia1914.info/>. – Дата доступа: 23.04.2021.

Грузицкий Ю.Л. (г. Минск)

ВИТЕБСКИЙ ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ

В конце XVIII в. в системе феодального кредита белорусских земель определенное место занимали приказы общественного призрения – специфические ипотечные банки, название которых говорит об их социальной направленности. Особенность этих финансовых институтов состояла в том, что они являлись местными государственными кредитными учреждениями феодального периода.

Приказы общественного призрения были учреждены манифестом Екатерины II от 7 ноября 1775 г. для попечения и «надзидания» за школами, богадельнями, больницами, приютами. С целью привлечения средств для благотворительности им разрешались и кредитные операции: принимать вклады, «отдавать деньги в узаконенные проценты на верные заклады», при условии, чтобы заложенная недвижимость находилась в тех же губерниях, что банковские учреждения [17, с. 271].

После первого раздела Речи Посполитой на территории Полоцкого наместничества в 1781 г. были созданы Полоцкий и Могилевский приказы общественного призрения. С объединением в 1796 г. этих административных единиц в одну губернию некоторое время действовал Белорусский приказ. В Минске такое кредитное учреждение функционировало также с 1796 г. 8 ноября 1805 г. на основании сенатского решения приступил к работе Гродненский приказ, а указом Александра I от 5 августа 1808 г. «на месте Госпитальной комиссии» – губернского благотворительного учреждения – был учрежден Виленский приказ общественного призрения [11, л. 1; 18, с. 486].

С образованием в 1802 г. Витебской губернии в ее административном центре также открылась подобная финансово-благотворительная структура [16, с. 608, 616].

С полным включением белорусских земель в состав Российской империи здесь наряду с общеимперскими кредитными учреждениями (Государственным заемным банком, Санкт-Петербургской сохранный казной и Московской сохранный казной) развернули свои операции и губернские приказы общественного призрения.

Размер кредита определялся количеством крепостных крестьян мужского пола («ревизских душ»), а плата за ссуженную стоимость взималась при ее выдаче. Однако обеспечением ссуды являлись не «души», а поместья с прикрепленными к ним крестьянами, которые в случае невозврата кредита подлежали продаже с торгов. Такой порядок открывал дворянству путь к дешевому кредиту, порождал авантюристов, подобных гоголевскому Чичикову, стремившихся получить ссуду и под «мертвые души».

Банковское законодательство не запрещало приказам общественного призрения выдачу кредитов и под «незаселенные земли», то есть без крепостных крестьян, а также под залог «каменных домов». Заслуживают внимания ссуды под залог жилых кирпичных («каменных») зданий, которые представляли собой едва ли не единственную кредитную операцию, доступную недворянскому сословию. В документах Витебского приказа за 1800 г. имеется удовлетворенное «прошение» витебского мещанина И. Боруховича о ссуде в размере 100 руб. ассигнациями на покупку кирпича для строительства под залог дома, оцененного в 9 тыс. руб. ассигнациями. В Витебске такая операция получила распространение, когда в мае 1797 г. «обывателям города» была «всемилоостивейше» выделена ссуда в 100 тыс. руб. ассигнациями на строительство домов сроком на 8 лет. С 1798 до 1812 г. приказ работал с клиентами по выдаче таких кредитов [9, л. 1–3; 10, л. 1–23].

Однако городская ипотека не получила распространения. Обращения к «алфавиту заемщиков» Витебского приказа свидетельствуют, что к 1820-м гг. такие ссуды почти не выдавались [12]. Причиной тому были сложности с оценкой строений и их реализацией при невозврате кредита, а также риск потери таких залогов из-за пожаров. Витебский приказ даже в 1856 г. вел судебную тяжбу по взысканию задолженности по кредитам, выданным с 1806 по 1818 г. под залог каменных домов [8, л. 5].

Российско-французская война 1812 г. приостановила деятельность местных приказов, так как они «лишились некоторых своих источников. Их капиталы были переданы в Государственное казначейство» [1, с. 257]. Однако со временем операции этих банковских учреждений возобновились и они стали обладать необходимыми ресурсами для проведения активных операций.

Одним из источников поступлений дополнительных средств в приказы общественного призрения являлся карточный откуп. Указом Правитель-

ствующего Сената от 30 апреля 1806 г. была введена монополия на продажу игральных карт – атрибута популярной тогда игры. К их реализации были подключены и приказы, которым полагалось 5% от выручки. В 1820-е гг. правительство разрешило этим кредитным учреждениям продажу рекрутских квитанций, которые тогда практиковались вместо поставки в армию новобранцев [3, с. 530–532; 11, л. 228–231]. В феврале 1830 г. Сенат предписал «отсылку» в приказы общественного призрения «денег, выручаемых за воровские и найденные вещи» [4, с. 88–89].

Однако формирование финансовых ресурсов Витебского приказа шло медленно, с немалыми усилиями местных властей. В 1828 г. Министерство внутренних дел было даже вынуждено «исходатайствовать» выделить ему 5 тыс. руб. «для усиления» из государственной казны [2, с. 273].

К 1829 г. собственный капитал Витебского приказа составил 103 тыс. руб. ассигнациями, 52 руб. серебром и 10 талеров [6, л. 28 об., 29]. Однако эти средства по-прежнему оставались относительно скромными в сравнении с другими белорусскими приказами общественного призрения. Предложение местной администрации относительно «удаления» из Могилевского приказа, располагавшего значительными финансовыми ресурсами, «в пособие» Витебскому приказу 100 тыс. руб. ассигнациями «без возврата» было «высочайше» отклонено в конце 1829 г. как «неудобное», чтобы «не ослабить чрез то усердия членов каждого приказа». Вместе с тем было решено вновь дать этому кредитному учреждению «временное пособие от казны по 5 тыс. руб. ассигнациями на 1830 и 1831 гг.» [4, с. 42]. Но и к концу 1850-х гг. Витебский приказ не смог довести собственный капитал до 100 тыс. серебряных рублей.

К середине XIX в. на губернские приказы была возложена важная социально-экономическая функция – организация сберегательных касс. Они должны были способствовать сбережению «людям всякого звания малых остатков от расходов, в запас на будущие необходимости», принимая небольшие суммы от до 10 руб. серебром, в отличие от банковских депозитов в десятки рублей. Уставом сберкасс от 30 октября 1841 г. максимальный размер общего вклада первоначально ограничивался 300 руб. [19, с. 883–884].

В октябре 1846 г. распоряжением Государственного совета было разрешено открывать сберегательные кассы при приказах, где имелись в них необходимость и надлежащие условия. Соответствующие указания поступили и в белорусские губернии. В итоге было решено вначале открыть сберкассы при Виленском и Витебском приказах [13, л. 118]. Вкладчиками таких сберегательных учреждений были представители всех сословий – купцы, военные, мещане, «разночинцы» и даже крестьяне. Так приказы – губернские кредитные учреждения – способствовали становлению сберегательного дела.

Вместе с тем распределены вклады по белорусским сберегательным кассам были неравномерно. Ведущее место заняла Виленская касса, на которую приходилось почти две трети вкладов, а аутсайдером осталась Витебская. Однако к началу 1859 г. и в ней было более 2,5 тыс. руб. серебром [13, л. 134].

Накануне отмены крепостного права белорусские приказы общественного призрения сконцентрировали немалые денежные средства, что позволяло им кредитовать помещичьи хозяйства почти до конца 1850-х гг. В 1859 г. в белорусских приказах оказалась в залоге почти половина помещичьих имений из всех заложенных в ипотечных банках – 1499 из 3070, а также почти пятая часть (19,5%) ревизских душ. Из 43,1 млн руб. серебром долга помещиков белорусских губерний всем ипотечным банкам почти 7,2 млн руб. серебром (16,7%) приходилось на приказы общественного призрения, то есть каждый шестой рубль, тогда как по империи этот показатель составил 11% [22, приложение I – подсчеты автора]. Такое соотношение задолженности белорусским приказам свидетельствует о более значимой роли этих кредитных учреждений в северо-западных губерниях.

Однако статистические данные свидетельствуют об относительно невысокой активности в выдаче ссуд Минским и Витебским приказами. При этом размер общей ипотечной задолженности дворянства двух губерний не уступал другим регионам белорусского края, так как крупные землевладельцы Минщины и Витебщины активно кредитовались в общеимперских ипотечных банках, в первую очередь в Санкт-Петербургской сохранный казне.

Дело в том, что в Витебском приказе общественного призрения получали ссуды в основном мелко- и среднепоместные дворяне, тогда как крупные помещики-крепостники обращались в столичные ипотечные банки. В них заложенные с крепостными крестьянами имения группировались по разрядам в зависимости от количества душ, принадлежавших заемщику [15, л. 7 – 9 об.].

На примере Витебского приказа видно, что в кредитных учреждениях такого типа кредитовались в основном мелко- и среднепоместные дворяне, тогда как крупные помещики-крепостники обращались в столичные банки (табл.). Очевидно преобладание среди заемщиков этого приказа землевладельцев первых двух категорий – владельцев до 20 душ и от 20 до 100 душ, которые относились соответственно к «самым мелким» и «мелким». На них приходилось свыше 60% всей задолженности губернскому банку. Что касается землевладельцев, имевших от 100 до 500 душ («средних»), то на их долю приходилась оставшаяся преобладающая часть долга. «Крупные» владельцы имений и крепостных (от 500 душ и выше), как видно, в числе клиентов этого приказа не значатся.

К середине XIX в. ипотечные долги помещиков белорусских губерний, как и по империи в целом, составляли огромные суммы, значительное коли-

Таблица – Задолженность Витебскому приказу общественного призрения на 01.01.1860 г.

Количество крепостных душ в поместьях	З а л о ж е н о						Общая сумма задолженности (руб.)	%
	поместий	%	крепостных душ	%	земли (дес.)	%		
Менее 20	25	14,8	415	4,4	4 308	3,8	17 895	3,8
От 20 до 100	122	72,2	5 858	62,3	67 492	60,0	276 083	57,8
От 100	22	13,0	3 133	33,3	40 679	36,2	183 551	38,4
От 500 и выше	–	–	–	–	–	–	–	–
ВСЕГО	169	100	9 406	100	112 479	100	477 529	100

Примечание: Таблица составлена автором по: [15, л. 7–9].

чество имений находилось в опеке и было подвергнуто описи за неплатежи по ссудам банкам. В Витебской губернии в опеке в 1843 г. находилось 162 имения, в 1844 г. – 177 (предлагалось к сдаче еще 107), а в 1856 г. – 239 и 363 были описаны. Витебский губернатор в 1848 г. с тревогой сообщал в Санкт-Петербург, что долги на помещичьих имениях «возросли до состояния неоплатности», и «если не воспоследует новой монаршей милости, дарующей здешним задолжавшим казне помещикам рассрочку на все платежи, то их имения должны будут немедленно подвергнуты описи и продаже [23, с. 103–104].

В 1854 г. самодержавное правительство для «устройства помещичьих имений», насчитывавших менее 500 душ, в Витебской и Могилевской губерниях, пребывавших в тяжелом экономическом положении, определило банковским ссудополучателям в течение 10 лет от срока займа вместо определенных для 26-летних кредитов 7%, а 37-летних – 6% вносить только 5% без погашения долга. Кроме того, все недоимки казенным кредитным учреждениям за прежние годы причислялись к общему капитальному долгу [7, л. 1 – 1 об.].

Ко всему прирост вкладов, обусловленный развитием частного предпринимательства, бумажно-денежной эмиссией, начал обгонять кредитные операции. Возможность банков выплачивать проценты по заемным средствам стала проблематичной. Снижение процента по депозитам, попытки их обращения в долгосрочные займы вызвали отток вкладов и переход вкладчиков со своими сбережениями в сферу акционерного капитала.

Усиленное востребование вкладов создало для многих приказов проблемы с их возвратом. В Витебском приказе в 1859 г. остаток частных вкладов составлял более 900 тыс. руб. серебром, и на их частичную выдачу пришлось заимствовать в местной казенной палате 10 тыс. руб. серебром [14, л. 62 об.].

Судьба крепостнических банков была предрешена. В апреле 1859 г. «высочайшим» повелением Александра II запрещался залог имений в государственных кредитных учреждениях [20, с. 360]. Они были подчинены

Министерству финансов, а через год сдали свои дела только что учрежденному Государственному банку Российской империи, куда было предписано передать все вклады [13, л. 148]. С прекращением активных операций эти кредитные учреждения еще около 30 лет продолжали принимать платежи в погашение ссуд от своих заемщиков.

Высочайшим повелением от 9 июня 1860 г. сберегательные кассы при приказах были также переданы в Министерство финансов [21, с. 729]. В начале 1890-х гг. капиталы приказов передавались в финансовое ведомство империи в виде депозитов [5, л. 1]. Так завершилась история и первых местных белорусских банков.

В конечном итоге приказы общественного призрения оставили свой след в истории отечественного кредита, положив начало местным банковским учреждениям и позволив губернской администрации решать вопросы регионального финансирования землевладения и некоторых других экономических и социальных потребностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Варадинов, Н.** История Министерства внутренних дел : [в 3 ч.] / Н. Варадинов. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1858–1862. – Ч. 2, кн. 1 : [Период преобразования министерств, с 1810 по 19 ноября 1825 г.]. – 1859. – 647 с.

2. **Варадинов, Н.** История Министерства внутренних дел : [в 3 ч.] / Н. Варадинов. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1858–1862. – Ч. 3, кн. 1 : [Период третий, с 19 ноября 1825 по 20 августа 1855 г.]. – 1862. – 793 с.

3. **Дополнение** к своду Законов приказов общественного призрения призрения, составляющему вторую часть сочинения об общественном призрении, изданном при Министерстве полиции в 1818 г. – Санкт-Петербург : Тип. мед. департ. МВД, 1827. – Ч. 3, отд. 2-е.

4. **Журнал** Министерства внутренних дел. – 1830. – Кн. 4.

5. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 333. Оп. 4. Д. 6330.

6. **НИАБ.** – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 4436. Л. 28 об.

7. **НИАБ.** – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26515.

8. **НИАБ.** – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 52013.

9. **НИАБ.** – Ф. 2638. Оп. 1. Д. 1.

10. **НИАБ.** – Ф. 2638. Оп. 1. Д. 6.

11. **НИАБ.** – Ф. 2638. Оп. 1. Д. 32.

12. **НИАБ.** – Ф. 2638. Оп. 1. Д. 213.

13. **НИАБ.** – Ф. 2638. Оп. 1. Д. 800.

14. **НИАБ.** – Ф. 2638. Оп. 1. Д. 1426.

15. **НИАБ.** – Ф. 2638. Оп. 1. Д. 1485. Л. 7 – 9 об.

16. **Обзор** благотворительной деятельности приказов общественного призрения. Приложение № 1 // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с утверждения Министерства по 1 октября 1853 г. : [в 8 т.]. – Санкт-Петербург, 1854–1858. – Т. 6, ч. 11 : Распоряжения, относящиеся до обеспечения народного продовольствия ; ч. 12 : Распоряжения, относящиеся до общественного призрения. – 1857. – 996 с.

17. **Полное** собрание законов Российской Империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – Собр. 1. – Т. 20 : 1775–1780.
18. **Полное** собрание законов Российской Империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – Собр. 1. – Т. 30 : 1808–1809.
19. **Полное** собрание законов Российской Империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1885. – Собр. 2. – Т. 16 : 1841.
20. **Полное** собрание законов Российской Империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1885. – Собр. 2. – Т. 34 : 1859.
21. **Полное** собрание законов Российской Империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1885. – Собр. 2. – Т. 35 : 1860.
22. **Труды** комиссии высочайше учрежденной для устройства земских банков. – Санкт-Петербург, 1860. – [4], VII, LXXX, 226, [6], [19], [56] с.
23. **Чепко, В. В.** Сельское хозяйство в Белоруссии в первой половине XIX в. / В. В. Чепко ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1966. – 220 с.

Ерашэвіч А.У. (г. Мінск)

ФІНАНСАВАННЕ ВІЦЕБСКОЙ ГУБЕРНСКАЙ ГІМНАЗІІ Ў 1810–1850-х гг.

Віцебская мужчынская 7-класная гімназія была пераўтворана з галоўнага 5-класнага народнага вучылішча, арганізаванага ў 1794 г., і адкрыта ў 1808 г.

Штатная сума ўтрымання Віцебскай гімназіі адпаведна пастановы ад 05.11.1804 г. складала 6150 руб. асігнацыямі, з якіх 900 руб. выплачвалася дырэктару, 2600 руб. – 4 настаўнікам, 1200 руб. – 3 настаўнікам моў, 300 руб. – настаўніку малявання, 250 руб. – на падтрымку бібліятэкі, 900 руб. – для ўтрымання дома і службыцеляў [5, к № 20666, 21501, с. 201]. Як відаць, 2/3 фінансавых сродкаў выдаткоўвалася 8 настаўнікам – 4100 руб. (66,6%), 14,6% сумы выдавалася дырэктару і столькі ж выкарыстоўвалася для ўтрымання гімназічнага будынка і яго абслугоўвання, 4,1% грашовых сродкаў паступала для патрэб бібліятэкі.

Віцебская гімназія часткова забяспечвалася за кошт гарадскіх даходаў. З 01.09.1808 г. на яе ўтрыманне адпускалася 6150 руб. асігнацыямі, у тым ліку з пачатку 1810 г. па трэцяю года з Віцебскай гарадской думы пераводзілася 1100 руб., Полацкай – 800 руб., Веліжскай – 600 руб., Невельскай – 500 руб. [11, арк. 3 адв.]. Аднак гарадскія сумы з прычыны недахопу гарадскіх прыбыткаў (палова сумы прыходу навучальнай установы) паступалі несвоечасова, і ўжо да 1811 г. было назапашана 2258 руб. асігнацыямі нядоімкі [28, с. 156]. І пазней прызначаныя для ўтрымання Віцебскай гімназіі фінансавыя сродкі адлічаліся гарадскімі думамі па-ранейшаму несвоечасова і не ў

поўным аб'ёме. У 1827 г. гімназія ў Віцебску не атрымала 600,1 руб. асігнацыямі, у тым ліку з Невельскай гарадской думы не было выслана 333,4 руб., Веліжскай – 200 руб., Полацкай – 66,7 руб. Недапаступленне сум гарадскіх даходаў выклікала прыпынак выплаты жалавання настаўнікам. Затрымку ў выплаце жалавання выкладчыкам гімназіі адзначаны ў 1828 г. З'явіліся прапановы аб казённым фінансаванні губернскай вучэбнай установы з дзяржаўнага казначэйства, а за кошт гарадскіх прыбыткаў планавалі ўтрымліваць прыходскія школы [12, арк. 1; 13, арк. 1–3].

Віцебская гімназія размяшчалася ва ўласным мураваным двухпавярховым доме з аднапавярховым флігелем, пабудаваным у 1803 г. за кошт сум Віцебскага прыказа грамадскай апекі, а ў 1814 г. у мураваным і купленых 6 драўляных дамах (адзін дом здаваўся ў наём за 60 руб. асігнацыямі, а ў 1815 г. 2 дамы знаходзіліся ў арэндзе за 225 руб. асігнацыямі). Усе настаўнікі, за выключэннем двух, якія атрымлівалі кватэрныя грошы, пражывалі ў гімназічных будынках. Значная частка штатнай сумы выдаткоўвалася на ўтрыманне бібліятэкі і кабінетаў [28, с. LXIX, LXXII]. К 1816 г. прыход гімназічнай сумы склаў 9296,97 руб. асігнацыямі, выдатак 4006,92 руб., аднак замест 5290,04 руб. рэшткі заставалася толькі 1200 руб. [28, с. LXXIX].

Адзначым, што пры Віцебскай губернскай гімназіі былі павятовае і прыходскае вучылішчы. Гэта ўскладняе справу рэканструкцыі іх паасобнага фінансавага забеспячэння. У 1826 г. на Віцебскую гімназію з павятовым і прыходскім вучылішчамі адлічалася штогод 10 810 руб. асігнацыямі [25, с. 199].

Арганізацыйна-штатную структуру Віцебскай гімназіі вызначаў новы ўстаў 08.12.1828 г. (табл. 1).

Такім чынам, у параўнанні з ранейшым штатам 1804 г. грашовыя асігнаванні на Віцебскую гімназію павялічыліся з 1829 г. амаль у 4 разы. У структуры выдаткаў асноўнае месца займалі выплаты на выдачу жалавання 11 настаўнікам – сума ў 15 250 руб. (62,6%), асоб адміністрацыйнага персаналу – 5700 руб. (23,4%), з дадаткам гаспадарчых расходаў у 2500 руб. (10,3%) і фінансавага забеспячэння патрэбнымі сродкамі вучэбнага працэсу і для падтрымкі вучняў – 900 руб. (3,7%). У сувязі са стварэннем Беларускай навучальнай акругі ўказ ад 17.01.1829 г. вызначыў дадаткова для ўтрымання гімназіі 3825 руб. звышштатных грошай [20, арк. 6, 130–131]. Такім чынам, з Віцебскай казённай палаты ў распараджэнне Віцебскай гімназіі на 1831 г. было адпушчана ўжо 28 175 руб. асігнацыямі, з дадаткам 5000 руб. на выдачу стыпендыі выдатным вучням і 1250 руб. кватэрных дырэктару гімназіі [23, арк. 2 – 2 адв.].

У 1833 г. 14 штатных настаўнікаў у гімназіі забяспечвалі адукацыю 194 вучняў [14, арк. 9, 85]. Удакладненыя штаты гімназій і павятовых вучылішч Віцебскай і Магілёўскай губерняў 14.10.1836 г. вызначалі ўтрыманне Віцебскай гімназіі сумай у 30 475 руб. асігнацыямі. З'явіўся законанастаўнік каталіцкага веравызвання з утрыманнем у 1000 руб., яшчэ адзін старшы на-

Табліца 1 – Штат Віцебскай губернскай гімназіі згодна з уставам ад 08.12.1828 г. [1, с. 362; 6, т. 3, к № 2502, с. 215]

Прадметы выдаткаў	Руб. асігнацыямі	Руб. серабром
Дырэктар	2 250	643,31
Інспектар	1 800	514,6
6 старшых настаўнікаў	9 750	2 787,84
Законанастаўнік праваслаўны	1 000	285,9
3 малодшых настаўніка (нямецкай, французскай моў, геаграфіі)	3 600	1 029,3
Настаўнік малявання, чарчэння і чыстапісання	900	257,29
Пісьмаводзец з канцылярскіх служыцеляў вышэйшага разраду	600	257,36
Канцылярскі служыцель ніжэйшага разраду	200	
Яму на адзенне і паёк	100	
На бібліятэку, навучальныя дапаможнікі, збор інструментаў	750	214,25
На ўзнагароды вучням	150	42,85
На раз'езды дырэктару	750	214,5
На канцылярскія прыпасы дырэктару	250	71,4
Утрыманне дома, служыцеляў і іншыя выдаткі	2 250	642,85
Разам	24 350	6 961,45

стаўнік (усіх стала 7: 2 выкладалі рускую мову і славеснасць, 2 – лацінскую мову, па 1 – матэматыку, фізіку, гісторыку і статыстыку, кожны меў 1625 руб. жалавання), было вылучана 3500 руб. для выдачы стыпендыі бедным навучэнцам [6, т. 11-2, к № 9606, с. 369–370; 9, арк. 647–648; 29, дадаткі, с. 48–49]. З дзяржаўнага казначэйства ў 1837 г. для патрэб Віцебскай гімназіі адлічалася 29 970 руб. асігнацыямі [19, арк. 116 – 116 адв.].

Пры ўсіх гімназіях існавалі адметныя вучэбна-выхаваўчыя ўстановы – канвікты і агульныя вучнёўскія кватэры.

У час выбараў 1837 г. дваранства Віцебскай губерні пастанавіла сабраць больш 1000 руб. для заснавання мужчынскага і ўзорнага жаночага пансіёнаў пры губернскай гімназіі. Памешчыкі Віцебскага павета абавязваліся ўнесці па 4 кап. з рэвізскай душы мужчын і 1 кап. на богаўгодныя ўстановы (не выплацілі), Лепельскага – аднаразова 260 руб. асігнацыямі і 25,5 руб. серабром, Полацкага – 51 руб. серабром, 100 руб. асігнацыямі, чырвонец, Суражскага – на мужчынскі пансіён 60 руб. серабром і 35 руб. асігнацыямі, Дрысенскага – на ўзорны жаночы пансіён 21 руб. серабром. Памешчыкі астатніх паветаў не пагадзіліся з выплатамі сваіх братоў па карпарацыі [8, арк. 104 – 104 адв.; 10, арк. 192].

Агульная вучнёўская кватэра пры Віцебскай гімназіі дзейнічала з 14.01.1843 да 01.09.1858 г. За знаходжанне выхаванца ў ёй трэба было выпла-

чваць па 60 руб. серабром штогод. Спачатку ў яе паступіла 28 чалавек, у тым ліку 12 стыпендыятаў гімназіі, якія ўтрымліваліся за кошт 3500 руб. асігнацыямі, адпушчаных з дзяржаўнага казначэйства для дапамогі бедным выхаванцам гімназіі. Да 1853 г. у агульнай вучнёўскай кватэры было ўжо да 51 навучэнца, у тым ліку далучаных да агульнай вучнёўскай кватэры са жніўня 1851 г. 5 выхаванцаў на кошт фондуша Чайкоўскага з платай за кожнага па 85 руб. серабром штогод з дваранскай апекі і 15 стыпендыятаў гімназіі [1, с. 133, 405]. Каштарыс прыходу і расходу агульнай вучнёўскай кватэры ніжэйшага разраду пры Віцебскай гімназіі за 1846/1847 навучальны год [15, арк. 35–38] сведчыць, што яе даход даходзіў да 2870 руб.: на ўтрыманне 28 вольных прыходзячых вучняў паступала 1680 руб., 12 стыпендыятаў – 960 руб., 3 вучняў за паўгода, 2 вучняў за вераснёўскую трэць і палову года, вучня за 2 месяцы, вучня за палову года – 230 руб. Усе выдаткі даходзілі да 2813,43 руб. Асноўная сума адпускалася на сталаванне і іншыя патрэбы вучняў (па 3,33 руб. у месяц на асобу): адсылалася 1708,29 руб. (60,7%) і дадаткова з прычыны 3-гадавога неўраджаю хлеба дастаўлялася 200 руб. (7,1%), на канцылярскія прыпасы, рамонт, чыстку адзення і іншыя рэчы высылалася 100 руб. (3,6%). На наём памяшкання выдаткоўвалася 400 руб. (14,2%), у лік жалавання наглядчыку выдавалася 200 руб. і яму ж за кватэру 39,96 руб., у якасці платы 2 рэпетытарам (старшым пакаёвым) – 60 руб., старшаму служыцелю – 42 руб., на карысць гімназічнай канцылярыі пераводзілася 30 руб., на іншыя выдаткі асігнавалася 33,18 руб. Такім чынам, на патрэбы вучняў адлічалася 71,4%, наём памяшкання – 14,2%, адукацыйна-выхаваўчаму персаналу – 12,2%, іншыя мэты – 2,2% сумы расходаў.

У структуру Віцебскай гімназіі быў уключаны і канвікт Гільзена-Шадурскіх. Заснаваны мсціслаўскім ваяводам графам Іосіфам Гільзенам у мястэчку Асвея Дрысенскага павета пры прыходскім вучылішчы, канвікт з 1825 г. знаходзіўся ў мястэчку Забелы пры былой дамініканскай гімназіі. Пазней былы канвікт Гільзена-Шадурскіх быў пераўтвораны ў арганізаваны пры Віцебскай гімназіі дваранскі пансіён. У 1836 г. калержскі асэсар, віцебскі губернерскі прадвадзіцель дваранства Ігнаці Шадурскі вырашыў перавесці 40 выхаванцаў, якія ўтрымліваліся за кошт фондуша І. Гільзена ў канвікце графа пад апекай І. Шадурскага пры Забельскай дамініканскай гімназіі, у пансіён (канвікт) пры Віцебскай гімназіі з іх размяшчэннем у выбарным памяшканні. Палажэнне аб канвікце Гільзена-Шадурскіх ад 30.10.1837 г. (39 пунктаў) [8, арк. 71 – 79 адв.; 30, т. 2, стб. 239–247] замацавала яго рэарганізацыю і засведчыла закрыццё Забельскай дамініканскай гімназіі.

З агульнай штогадавой фондушавай сумы ў 6250 руб. серабром на ўтрыманне 40 хлопчыкаў-пансіёнераў штогод асігнавалася 5000 руб. (астатнія 1250 руб. вылучаліся для забеспячэння выхавання бедных шляхецкіх дзяўчынак) [8, арк. 71 – 71 адв., 87; 21, арк. 91 адв. – 92 адв., 99–100; 30, т. 2, стб. 238–240, 247]. У 1837 г. з маёнтка І. Шадурскага ў Віцебск былі пераве-

дзены канвікт (40 дваранскіх дзяцей) з фондушам (5000 руб. серабром, завешчаныя графам І. Гільзенам, паступілі ў вучылішчнае ведамства).

Для размяшчэння канвікта Гільзена-Шадурскіх у Віцебску прадугледжваўся наём дамоў Мінца з выплатай яму па 700 руб. серабром штогод з сумы, вызначанай на ўтрыманне канвікта [24, арк. 487, 521, 541]. На перабудову будынка былога віцебскага бернардынскага манастыра для размяшчэння ў ім павятовага вучылішча і пансіёна Гільзена-Шадурскіх па каштарысу ў 1848 г. патрабавалася 24 075 руб. [26, с. 79].

Пры перамяшчэнні канвікта з Забелаў у Віцебск на яго першапачатковае ўладкаванне было неабходна выкарыстаць прыкладна 515,45 руб., у тым ліку 230 руб. на набыццё мэблі, 50,15 руб. – сталавага посуду, 110,8 руб. – кухоннага посуду, 124,5 руб. – на розныя рэчы [30, т. 2, дадаткі, с. 8–9]. На ўтрыманне 40 выхаванцаў у канвікце патрабавалася 4845,55 руб. поўнай сумы і 3983,76 руб. штогадовай. Асноўныя фінансавыя сродкі (70,7% агульнай сумы) прызначаліся для штогадовага забеспячэння вучняў адзеннем, абуткам, харчаваннем, пасцельнымі і сталовымі прыналежнасцямі, навучальнымі дапаможнікамі і інш. На ўтрыманне памяшкання і сталовых рэчаў адлічалася 15% сумы, на выдачу жалавання абслугоўваючаму персаналу – 14,3%. (табл. 2). Пакаёвым наглядачам канвікта пры нязначным акладзе жалавання даваліся служэбныя правы (міністэрскае распараджэнне ад 03.11.1838 г.) [30, т. 2, стб. 341].

Табліца 2 – Прыкладны каштарыс утрымання ў канвікце 40 выхаванцаў, руб. [30, т. 2, штаты і дадаткі, с. 9–12]

Прадметы выдаткаў	Поўная сума	На год
Адзенне	1 125,9	741,46
Харчаванне	1 049	1 049
Наём памяшкання, яго ацяпленне і асвятленне	598,22	598,22
Жалаванне асобам	570,66	570,66
Пасцель	556,8	114,45
Бялізна выхаванцам	324,2	324,2
Розныя выдаткі	236,25	236,25
Абутак	172	172
Навучальныя дапаможнікі	160	160
Сталовыя абрусы і сурвэткі	52,52	17,51
РАЗАМ	4 845,55	3 983,76

30.12.1837 г. выйшла міністэрскае распараджэнне, каб часова да стварэння пансіёна пры Віцебскай гімназіі было дазволена прымаць у канвікт Гільзена-Шадурскіх да 10 і больш сваякоштных выхаванцаў пад назвай пансіянераў Віцебскай гімназіі з платой за іх размяшчэнне, сталаванне і паслугу

паўтарэння ўрокаў па 100 руб. серабром штогод за кожнага [21, арк. 253; 30, т. 2, стб. 265–266].

Згодна з прыходам і расходам сумы на ўтрыманне 40 выхаванцаў канвікта, на 1837/1838 навучальны год выдаткоўвалася 5378,89 руб., у тым ліку на забеспячэнне падапечных 4762,15 руб. (88,5%) і на першапачатковае набыццё мэблі і посуду 616,74 руб. (11,5%) [21, арк. 123–127]. Каштарыс ад 18.05.1839 г. даходаў і выдаткаў канвікта Гільзена-Шадурскіх для ўтрымання 40 выхаванцаў (фундушавая сума ў 5 тыс. руб.) і 5 сваякоштных пансіянераў (500 руб.) на 1839 г. [30, т. 2, штаты і дадаткі, с. 25] дазваляе заключыць аб асігнаванні па-ранейшаму самай значнай долі мяркуемай да выдачы сумы на патрэбы выхаванцаў – 69,4% сумы ў 3712,24 руб. пры выплаце за ўтрыманне памяшкання 960,41 руб. (18%) і плацяжу абслугоўваючым выхаванцаў асобам 672 руб. (12,6%) (табл. 3).

Табліца 3 – Каштарыс даходаў і выдаткаў канвікта Гільзена-Шадурскіх на 1839 г.

Прадметы выдаткаў	Руб.
Харчаванне	1 820,11
Наём памяшкання, яго ацяпленне і асвятленне	960,41
Жалаванне асобам (2 пакаёвым наглядчыкам, пісьмаводцу і адначасова бухгалтару, 3 пакаёвым служыцелям, 2 дворнікам, кухарцы, 4 прачкам)	672
Адзенне выхаванцам	370,95
Бялізна выхаванцам	337,4
Розныя дробныя выдаткі	298,71
Рамонт мундзіраў і пятліц	205,7
Абутак	172
Навучальныя дапаможнікі	160
Пасцельныя прыналежнасці	114,45
Рамонт шынялёў	104,21
На лячэнне і лазню	80
Бібліятэка	30
Сталовыя абрусы і сурвэткі	16,91
Холст (палатно) для мыцця посуду	1,8
РАЗАМ	5 344,65

Штогод за кожнага выхаванца ў канвікце выплачвалі па 125 руб. серабром з фондушавай сумы. Сваякоштныя пансіянеры, якія мелі ўласнае адзенне, спальныя прыналежнасці і навучальныя дапаможнікі, уносілі па 100 руб. серабром з асобы. Да 1853 г. у канвікце было 53 выхаванцы, у тым ліку 40 чал. на кошце фондуша графа І. Гільзена (сума ў 5 тыс. руб. штогод), 10 асоб – былога пінскага лоўчага Закжэўскага (з 1848 г. з Віцебскай дваранскай апекі асігнавалася 750 руб. для забеспячэння 6 выхаванцаў з фондуша Закжэўскага),

1 навучэнец – на працэнты з капіталу, ахвяраванага маёрам Х.Ф. Бушгунтам (з жніўня 1851 г. выхаванец на кошт працэнтаў з капіталу маёра Х.Ф. Бушгунта ў 125 руб. серабром), 2 вучні – спадчыннікаў І. Шадурскага (І. Шадурскі ахвяраваў у 1842 г. на адукацыйна-выхаваўчыя мэты суму з выплаты на партрэбы вучняў па 250 руб. штогод) [1, с. 131–132, 405; 3, с. 133–134].

Новыя штаты гімназій ад 17.04.1859 г. вызначалі для 18 асоб у Віцебскай гімназіі штогадавую суму ўтрымання ў 12 770 руб. серабром. Па ўзроўні з ранейшай штатная сума ўтрымання павялічылася амаль у 1,5 раза, з 8593,95 руб. да 12 583,4 руб. (з улікам вылікаў на пенсіі адпаведна ў 117,99 і 186,6 руб.) [16, арк. 4–5; 17, арк. 17].

Намінальныя сумы ўтрымання гімназіі ў Віцебску ў час панавання Мікалая I і Аляксандра II павялічваліся: калі штогод у 1828–1829 гг. на забеспячэнне яе дзейнасці адлічалася 6150 руб. асігнацыямі, то ў 1829–1836 гг. – ужо 24 350 руб. асігнацыямі (амаль у 4 разы больш), у 1836–1839 гг. – 30 475 руб. асігнацыямі (на 25% больш за ранейшую суму), у 1839–1859 гг. – 8523 руб. серабром, а ў 1859–1864 гг. – 12 770 руб. серабром (у 1,5 раза звыш папярэдняй сумы) [31, с. 113].

У той жа час тэмпы прыросту штатных сум утрымання не заўсёды супадалі з павелічэннем колькасці навучэнцаў у гімназіі. Калі з 1808 да 1829 г. штатная сума ўтрымання Віцебскай гімназіі вырасла амаль у 4 разы, то колькасць навучэнцаў у ёй – у 4,3 раза, з 1829 да 1836 г. – адпаведна ў 1,25 раза і 1,03 раза. Пасля пераводу разлікаў на сярэбраную манету з 1840 да 1859 г. штатная сума забеспячэння дзейнасці Віцебскай гімназіі павялічылася амаль у 1,5 раза пры падзенні колькасці вучняў у 1,1 раза. У цэлым магчыма канстатаваць, што прыход штатных сум гімназіі адпавядаў прыросту навучэнцаў у ёй пры ваганні апошніх у асобныя гады.

Крыніцы даходаў і выдаткаў навучальных устаноў былі больш разнастайнымі і не зводзіліся толькі да выдачы штатных сум з дзяржаўнага казначэйства.

Пэўную падтрымку навучальных ўстановаў краю мелі ад дабрачынных ахвяраванняў. Згодна з міністэрскім распараджэннем ад 24.05.1851 г. памерлы маёр гусарскага эрцгерцага Фердынанда палка Х.Ф. Бушгунт паводле духоўнага тастамента ахвяраваў капітал у 9350 руб. асігнацыямі, які паступіў у аблігацыю Камісіі пагашэння дзяржаўных даўгоў пад 6% пазыкі. На працэнты з гэтай сумы памерам у 125 руб. серабром штогод ён абавязваўся пастаянна ўтрымліваць пансіянера пры канвікце ці высакародным пансіёне пры Віцебскай гімназіі [30, т. 3, стб. 52–54].

У 1860 г. у Віцебскай гімназіі з высакародным пансіёнам пры ёй навучаліся 362 чал., у тым ліку 300 прыходзячых вучняў (247 з платой і 53 бясплатна) і 62 пансіянеры (51 на кошт дваранскіх сум і 11 – за ўласны грашовы ўзнос). За ўтрыманне кожнага пансіянера бралі па 100 руб., а прыходзячага вучня – 10 руб. Платны прынцып навучання большасці вучняў (больш за

85%) яшчэ не гарантаваў атрыманне імі атэстатаў. У Віцебскай гімназіі за 1850/1851–1859/1860 навучальныя гады з 617 вучняў паспяхова скончылі курс 140 навучэнцаў (22,7%), а былі адлічаны – 477 (77,3%). У Віцебскай гімназіі ў 1860 г. з 22 821,82 руб. прыбылых грошай 12 583,4 руб. (55,1%) прыходзіліся на штатную суму ўтрымання, 6603,42 руб. (28,9%) – на сродкі казённа-коштных пансіянераў, 2347,5 руб. (10,3%) – на даход ад прыходзячых вучняў, 1287,5 руб. (5,6%) – на паступленні ад сваякоштных і дваранскіх пансіянераў. Усяго з 1851 да 1860 г. на штатнае ўтрыманне Віцебскай гімназіі з пансіёнам пры ёй, рамонт яе дома і іншыя прадметы было выдаткавана 103 185,39 руб. Расход грошай на кожнага навучэнца, які паспяхова скончыў курс, у Віцебскай гімназіі з пансіёнам складаў значную суму ў 737,04 руб. На 362 навучэнцаў у Віцебскай гімназіі з пансіёнам пры ёй прыпадала 22 служачых (6 начальнікаў і чыноўнікаў, 13 выкладчыкаў, 3 наглядчыкі), альбо 1 служачы абслугоўваў прыкладна 16–17 навучэнцаў [4, с. 10–11, дадатак Б].

Асобныя ўказы вызначалі парадак і памеры ўтрымання ў Віцебскай гімназіі настаўнікаў і асоб адміністрацыйна-дапаможнага персаналу. З эканамічнай сумы дырэкцыі вучылішчаў Віцебскай губерні з 22.04.1835 г. адпаведна палажэння Камітэта міністраў, вышэй зацверджанага 14.08.1834 г., на выдачу жалавання бухгалтару гімназіі асігнавалася 142,85 руб. серабром. З 01.08.1835 г. адпаведна палажэння Камітэта міністраў, падпісанага імператарам 15.02.1838 г., на жалаванне наглядчыку за прыходзячымі вучнямі выкарыстоўвалася 200 руб. штогод з сумы за навучанне вучняў. З 01.11.1837 г. з даходаў сум канвікта на выдачу жалавання 2 пакаёвым наглядчыкам выплачвалася па 120 руб. кожнаму. Такім чынам, у пачатку 1840-х гг. на ўтрыманне Віцебскай гімназіі паступала 9294,84 руб. серабром, у тым ліку 8711,99 руб. (93,7%) з дзяржаўнага казначэйства, 240 руб. канвіктнай сумы, 200 руб. з сумы за навучанне, 142,85 руб. з эканамічнай сумы дырэкцыі вучылішч Віцебскай губерні [1, с. 370–371, 372]. Міністэрскае распараджэнне ад 07.02.1851 г. павядамляла аб прызначэнні па асобным наглядчыку за прыходзячымі вучнямі ў Віцебскую і Магілёўскую гімназіі з вылучэннем ім штогод па 200 руб. жалавання і па 50 руб. кватэрных (у Віцебскай гімназіі за кошт паступаючага за навучанне грашовага збору, а ў Магілёўскай за кошт эканамічнай сумы гімназіі да моманту, пакуль не будзе атрымана магчымасць размясціць настаўнікаў у казённых будынках) [30, т. 3, стб. 44–45]. Чарговае міністэрскае распараджэнне аб прызначэнні 2-га наглядчыка за прыходзячымі вучнямі ў Віцебскай гімназіі з’явілася 07.03.1862 г. Яму належала выдаваць штогод 300 руб. жалавання і кватэрныя грошы (жанатаму 70 руб., халасцяку 60 руб. з сумы за навучанне вучняў у гімназіі) [30, т. 3, стб. 479–480]. 13.01.1853 г. выйшла міністэрскае распараджэнне аб прызначэнні праваслаўных законанастаўнікаў у Віцебскую і Магілёўскую гімназіі з выхаванцаў духоўных акадэміяў з мэтай выкладання Закона Богага ў павятовых вучылішчах з выдачай ім жалавання па абодвух пасадах [30, т. 3, стб. 136–137].

Размяшчэнне навучальных устаноў у падабраных для гэтай мэты будынках, у пэўных выпадках іх пабудова ці перабудова, бягучае ўтрыманне, капітальны і дробны рамонт – значны і пастаянны прадмет выдаткаў за кошт сум, якія асігнаваліся з дзяржаўнага казначэйства, эканамічных сум навучальных устаноў, ахвяраванняў прыватных асоб і працэнтаў з агульнага эканамічнага капіталу грамадзянскіх навучальных устаноў ведамства Міністэрства народнай асветы. У 1830 г. Віцебская гімназія атрымала з Пецярбургскага Пазыковага банка будаўнічую суму Полацкага павятовага вучылішча памерам у 3425 руб. і ад папячыцеля з сум Дэпартаменту народнай асветы на дапамогу пераязджаючым настаўнікам 600 руб. (было выдаткавана 564,08 руб.) [22, арк. 34]. На перабудову дома Віцебскай гімназіі да верасня 1830 г. было выплачана 2286 руб. замест каштарысных 2308 руб. [18, арк. 86]. Пасля 1832 г. гімназія размяшчалася ў бакавым мураваным корпусе былога базыльянскага манастыра [7, арк. 4 адв. – 5]. У 1849 г. на капітальны рамонт будынка Віцебскай гімназіі было пераведзена 275 руб., а перабудова пабернардзінскага будынка была ўзята з публічных таргоў за 16 500 руб. [27, с. 96]. Перабудова пабернардзінскага будынка ў Віцебску для размяшчэння ў ім гімназіі была скончана ў 1854 г. [2, с. 25]. На капітальны рамонт гімназіі ў 1853 г. адправілі 17 019,82 руб., у тым ліку 15 250 руб. з сум Дэпартаменту народнай асветы і 1769,82 руб. – з эканамічных сум гімназіі. Канвікт пры гімназіі з 01.11.1837 г. размяшчаўся ў найманым доме, на які да 01.11.1853 г. было выкарыстана з сум канвікта 11 200 руб. У далейшым для атабарання канвікта з Віцебскім павятовым вучылішчам быў перабудаваны будынак былога пабернардзінскага манастыра за 16 500 руб. 12 844,7 руб. было выдаткавана з сум Дэпартаменту народнай асветы, 2272,66 руб. – з сум канвікта, 1382,62 руб. – з эканамічных сум дырэкцыі вучылішч Віцебскай губерні. У цэлым размяшчэнне гімназіі з канвіктам каштавала з 1829 да 1853 г. 44 719,82 руб. [1, с. 417].

Такім чынам, крыніцы даходаў і выдаткаў Віцебскай губернскай гімназіі былі больш шырокімі, чым вызначаныя ўставамі штатныя сумы ўтрымання, хоць без дакладна вызначаных выдаткаў навучальная ўстанова не магла спраўна функцыянаваць. Фінансавыя сродкі ўтрымання выдаткоўваліся Міністэрствам народнай асветы з сум дзяржаўнага казначэйства, паступалі са збораў за навучанне. У структуры расходаў галоўная доля прыходзілася на выплату жалавання настаўнікам і служачым.

ЛІТАРАТУРА

1. **Воронов, А.** Историческо-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г. включительно / А. Воронов. – Санкт-Петербург : Тип. Я. Трея, 1854. – XII, 438, 120 с.

2. **Извлечение** из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1854 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1855. – Ч. 86, № 4.

3. **Материалы** для истории и статистики наших гимназий. – Санкт-Петербург : Тип. Рогальского и К, 1864. – 158 с.

4. **Материалы** для статистики учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа, собранные И. Корниловым. – Санкт-Петербург : Тип. И. Огризко, 1862. – 2, 91 с.

5. **Полное** собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отделения Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830. – Собр. 1 : с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 т. – Т. 44-2.

6. **Полное** собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го отделения Собств. Е. и. вел. канцелярии. – Собр. 2 : с 1825 по 1881 г. : в 55 т. – 1830–1884.

7. **Нацыянальны** гістарычныя архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 6673.

8. **НГАБ.** – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 8346.

9. **НГАБ.** – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 9176.

10. **НГАБ.** – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 10514.

11. **НГАБ.** – Ф. 1416. Воп. 5. Спр. 1325.

12. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1132.

13. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 2260.

14. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 4062.

15. **НГАБ.** – Ф. 2507. Воп. 1. Спр. 332.

16. **НГАБ.** – Ф. 2507. Воп. 1. Спр. 617.

17. **НГАБ.** – Ф. 2507. Воп. 1. Спр. 663.

18. **НГАБ.** – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 9.

19. **НГАБ.** – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 11.

20. **НГАБ.** – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 13.

21. **НГАБ.** – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 15.

22. **НГАБ.** – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 62.

23. **НГАБ.** – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 107.

24. **НГАБ.** – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 234.

25. **Новоселов, А.** Ревизия профессором Сенковским белорусских училищ в 1826 г. : материалы для истории нар. просвещения в Северо-Западном крае / А. Новоселов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – Ч. 160, № 4, отд. 2. – С. 159–207.

26. **Общий** отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1848 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1849. – Ч. 62, № 4.

27. **Общий** отчет по Министерству народного просвещения за 1849 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1850. – Ч. 66, № 4.

28. **Сапунов, А.** Историческая записка 75-летия Витебской гимназии / А. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правления, 1884. – 167, CLXXVII с.

29. **Сборник** постановлений по Министерству народного просвещения : в 17 т. – СПб. : Тип. имп. Акад. наук, 1864–1904. – Т. 2, отд. 1 : Царствование императора Николая I : 1825–1839 гг. – 1864. – 1222, 42 стб., 62 с.

30. **Сборник** распоряжений по Министерству народного просвещения : в 10 т. – СПб. : Тип. имп. Акад. наук, 1866–1907. – Т. 2 : 1835–1849. – 1866. – 1102 стб., 74 с., 58 стб. ; Т. 3 : 1850–1864. – 1867. – VI с., 1068 стб., 124 с., 50 стб.

31. **Сборник** сведений о средних учебных заведениях Виленского учебного округа / под ред. Н. Сергиевского, Н. Юницкого. – Вильно : Тип. М. Р. Ромма, 1873. – 376 с.

ЗНАХОДКІ ЯЗЫЧНІЦКІХ СВЯЦІЛІШЧАЎ НА МЁРШЧЫНЕ Ў 2022 г.

Нягледзячы на шматгадовую пошукавую дзейнасць археалагічна-краязнаўчага гуртка «Арганаўты мінулага» вучоных-археолагаў, да сённяшняга часу ў Мёрскім раёне захавалася шмат таямніц з мінуўшчыны. Сапраўднай сенсацияй стала адкрыццё ў гэтым годзе трох язычніцкіх свяцілішчаў ля вёсак Янова, Камянополле, Храброва. У 2021 г. на аснове нашага музейнага аб'яднання былі створаны ІТ-лабараторыя і моладзевая інтэрактыўная пляцоўка «Спадчына Міёрскага краю». Таму наша дзейнасць стала больш вядомай для жыхароў раёна. Да нас звярнулася аматар вандровак па Мёрскім раёне Касенія Іосіфаўна Казачонак, якая распавяла аб знаходцы цікавых валуноў паблізу балота Багна-Мох. Дзякуючы яе дапамозе мы змаглі лакалізаваць іх месцазнаходжанне. У жніўні адбыўся веласіпедны паход археалагічна-краязнаўчага гуртка «Арганаўты мінулага» па вывучэнні знойдзеных камянёў. Вось вынікі іх папярэдняга даследавання.

Аб першым, самым вялікім камяні, вывучаным намі, захавалася паданне. Больш за 20 гадоў таму Авенір Яўгенавіч Паўлоўскі, 1937 г. н., жыхар в. Хралы, што на Браслаўшчыне, распавёў Вітаўту Ермалёнку аб тым, што насупраць в. Янова ў лесе знаходзіцца валун, які мае паглыбленне, вада з якога лечыць бародаўкі, іншыя скураныя хваробы. Дзяўчаты і жанчыны абмывалі вадой з каменя сваё цела і твар, каб абмаладзіцца і папрыгажэць. Таму мясцовыя жыхары назвалі яго «амалоджваючы». У дзяцінстве пра гэта В. Ермалёнку распавядалі старыя людзі. Але дакладна сказаць аб месцазнаходжанні валуна ён ужо не змог. На жаль, у в. Янова ўжо даўно няма сталых жыхароў, таму сучасныя дачнікі нічога не маглі сказаць аб наяўнасці валуна, як і нашчадкі жыхароў Янова, якія зараз жывуць у іншай мясцовасці. Пра гэты валун распавёў Касі Казачонак былы жыхар блізкай ад Янова в. Камянополле Пятро Ашурка. Яго дачка пазбавілася ад бародавак з дапамогай вады з гэтага каменя. Ён і паказаў Касі, дзе знаходзіцца валун. Дзякуючы яе падказцы нам удалося лакалізаваць месцазнаходжанне валуна. Сапраўды, гэта тыповы камень, якім пакланяліся язычнікі, прыносілі яму ахвяры. Ён знаходзіцца на адлегласці за 2 км на поўнач ад в. Янова і за 700 м на поўнач ад дарогі Мёры – Браслаў на ўскрайку балота Багна-Мох. Камень сапраўдны волат праспадобнай формы даўжынёй 2 м, шырынёй 1 м 80 см, вышынёй 1 м 20 см. Валун вялікай вагі, таму заглыбіўся ў зямлю больш чым на паўметра. Паглыбленне на яго пляцоўцы мае памеры 40х60 см, глыбіня 25 см. У ім была вада, якая, па меркаванні старажылаў, мела гаючыя ўласцівасці. Падобны нават па памерах камень з паглыбленнем знаходзіцца ля в. Пераброддзе, за 10 км на захад ад нашага каменя. Ды і па ўсёй Беларусі падобных

валуноў даследчыкамі выяўлена шмат [2, с. 115]. Культ валуноў асабліва быў распаўсюджаны ў балцкіх плямёнаў, якія насялялі нашы землі пачынаючы з бронзавага веку і да канца ранняга сярэднявечча, пакуль не былі асіміляваны славянамі, якія таксама першапачаткова былі язычнікамі і пакланяліся каменям. Вось чаму да ХХ ст. захавалася вера ў магічныя ўласцівасці валуноў. Пасля даследавання «амалоджваючага» каменя мы пачалі пошук на мясцовасці іншых цікавых валуноў. На адлегласці не больш за 300 м на паўночны ўсход на самым ускрайку балота Багна-Мох адшукалі 14 камянёў розных памераў з разнастайнымі выявамі і знакамі. Дыяметр іх размяшчэння складаў не больш за 40 м. Усе яны адрозніваліся па памерах і форме, некаторыя былі са слядамі апрацоўкі чалавекам, мелі на паверхні разнастайныя выявы і таямнічыя знакі. Камяні намі былі расчышчаны ад моху, праведзены іх вымярэнне, замалёўка і фатаграфаванне. Большасць камянёў размешчана па эліпсе, выцягнутым з поўначы на поўдзень.

Камень № 1 прадаўгаватай формы, выцягнуты на поўнач. Яго даўжыня 90 см, шырыня 69 см, вышыня 60 см. Бачна, што пазней быў павернуты на бок, бо паглыбленне, якое павінна быць зверху, апынулася збоку каменя. На ім высечаны трохкутнік. Камень па структуры – палявы шпат шэраватага колеру. Трохкутнік у балтаславянскай міфалогіі прысвячаўся богу Трыглаву, які сімвалізаваў панаванне над небам, зямлёй і падземным царствам [5, с. 476–477].

Камень № 2 размешчаны на адлегласці 5 м на поўнач ад № 1. Яго памеры: 1 м у даўжыню, 80 см у шырыню, вышыня 60 см. На ім высечана паглыбленне-жолаб па ўсім дыяметры з невялікай – у 4 см – ямкай у цэнтры. Па меркаванні вучоных, такія камяні таксама былі ахвярнікамі [1, с. 4]. За дапамогу ў розных патрэбах у жолаб клалі якую-небудзь ахвяру.

Камень № 3 знаходзіцца на адлегласці 18 м на паўночны захад ад папярэдняга. Ён мае амаль кубападобную форму памерамі 70x50x60 см. На яго гладкай паверхні выразна бачны выразаныя лініі ў выглядзе птушак з раскінутымі крыламі. Выявы птушак вядомы з часоў неаліту. Тры птушкі ў беларускай міфалогіі сімвалізуюць аплакванне нябожчыка, душа якога адляцела ў вырай, іншы свет [5, с. 377–378].

Камень № 4 размешчаны на адлегласці 2 м 30 см на поўнач ад папярэдняга каменя. Пляскатай формы, вышынёй 50 см, даўжынёй 60 см, шырынёй 45 см. На яго пляцоўцы змешчаны выявы падэшваў дзвюх ног. Унізе пляцоўкі па ўсім дыяметры каменя бачны ланцужок выразаных на камені знакаў. Гэта тыповы камень-следавік, якіх шмат на Мёршчыне, ды і па ўсёй Беларусі [5, с. 147–152].

Камень № 5 размешчаны на ўсход за 6,5 м ад папярэдняга. Яго памеры: 1 м у даўжыню, 60 см у шырыню і 60 см у вышыню. Граніт чырвонага колеру, пірамідальнай формы, на вяршыні каменя паглыбленне, адносіцца па тыпалогіі да каменяў-ахвярнакаў.

Камень № 6 знаходзіцца за 10 м на ўсход ад папярэдняга каменя. Даўжыня яго 2 м 20 см, шырыня 70 см, вышыня 55 см. На пляцоўцы каменя бачна паглыбленне для ахвярапрынашэнняў.

Камень № 7 размешчаны ад каменя № 6 за 19 м на паўднёвы ўсход. Даўжыня 70 см, шырыня 70 см, глыбіня 60 см. Камень мае крэслападобную форму. Падобныя камяні ў мінулым называлі «шаўцамі» або «краўцамі». У паданнях лічылася, што калі на прыступку палажыць тканіну і грошы, то камень за ноч пашые тое, што чалавеку патрэбна. Падобны камень быў ля в. Стары Пагост [5, с. 79].

Камень № 8 знаходзіцца на адлегласці 4,5 м на ўсход ад папярэдняга. Яго памеры: даўжыня 60 см, шырыня 50 см, вышыня 40 см. Складаецца з граніту шэрага і чырвонага колеру трохкутнай формы. З паўднёвага боку выразаны знак у выглядзе квадрата. Піраміда ў старажытных вераваннях азначае сувязь з космасам, нябеснымі сіламі.

Камень № 9. Размешчаны за 7 м на захад ад папярэдняга. Даўжыня 50 см, шырыня 45 см, вышыня 50 см. Граніт чырвонага колеру са шматлікімі глыбокімі шчылінамі і ямкамі, выдзяўбанымі старажытным чалавекам. Які маюць тут сімвалічны сэнс сувязі з небам і зоркамі.

Камень № 10. Палявы шпат шэрага колеру. Знаходзіцца на адлегласці 18 м у паўднёва-заходнім напрамку ад каменя № 9. Яго памеры: даўжыня 45 см, шырыня 40 см, вышыня 60 см. На яго вяршыні, якая зараз павернута на бок, паглыбленне ў выглядзе талеркі. Выява талерак на каменях вядома па ўсёй Еўропе, асабліва шмат іх у Літве і Латвіі. Па меркаванні вучоных, яны звязаны з пакланеннем хатнім духам, культам урадлівасці, культам памерлых [3, с. 137].

Камень № 11 размешчаны на адлегласці 11 м на ўсход ад каменя № 1. Яго памеры: даўжыня 1 м 40 см, шырыня 1 м, вышыня 60 см. Матэрыял – граніт чырванаватага колеру. Апрацаваны ў выглядзе тулава жанчыны. Падобныя камяні хутчэй за ўсё з’яўляліся сімвалам урадлівасці, ім прыносілі ахвяры маладыя мужчыны і жанчыны з мэтай нараджэння дзяцей. Існаваў наступны абрад: на маладзік легчы на камень, абняць яго, тады ён дасць чалавеку магутную плоднасць.

Камень № 12. Аддалены ад каменя № 11 на 11 м у кірунку на паўднёвы захад. Яго памеры: даўжыня 60 см, шырыня 50 см, вышыня 40 см. Палявы шпат шэрага колеру з чырвоным адценнем. На яго пляцоўцы высечана паглыбленне ў выглядзе трохкутніка з памерамі бакоў 8 см.

Камень № 13. У адлегласці 2 м ад папярэдняга на паўднёвы ўсход. Яго памеры: даўжыня 55 см, шырыня 50 см, вышыня 50 см. Камень – граніт з чырвонымі пражылкамі. Праз усю яго пляцоўку высечаны равок глыбінёй 10 см, шырынёй 15 см.

Камень № 14. Аддалены ад каменя № 13 на 20 м. Памеры: 50x45x35 см. Гэта палявы шпат чорнага колеру. Уся пляцоўка мае выразныя грэбні і раў-

чукі, зробленыя выветрываннем. У старжытнасці жрацы называлі падобныя камяні «спіна дракона». Лічылі, што яны валодаюць вялікай магічнай сілай, якую можна выкарыстоўваць у рытуальных мэтах.

Папярэдняе вывучэнне знойдзенага намі свяцілішча можна аднесці да перыяду засялення Мёршчыны ў неаліце фіна-ўгорскімі плямёнамі. Значыць, гэтаму помніку язычніцтва можа быць не менш за 5 тыс. гадоў. Тое, што размешчаны на ўскрайку балота (а ў мінулым гэта мясцовасць была яшчэ больш балоцістая), пацвярджае гіпотэзу аб тым, што знойдзеныя намі камяні з'яўляюцца свяцілішчам. Па прашэсці тысячагоддзяў большасць камянёў заглыбіліся ў зямлю на глыбіню ад 30 да 50 см. Пра магічны характар камянёў сведчаць таямнічыя малюнкi і знакі, апрацоўка іх чалавекам. Асабліва гэта мы бачым, разглядаючы камень № 11, у якім выразна бачна створанае старажытным скульптарам тулава жанчыны. Гэта пацвярджае старажытнасць свяцілішча, якое можна адносіць да часоў матрыярхату, калі выраблялі падобныя скульптуры, што сімвалізавалі маці і ўрадлівасць. Магчыма, пазней гэта свяцілішча выкарыстоўвалі балцкія і славянскія плямёны, у якіх таксама існаваў культ камянёў [1, с. 3].

Новыя загадкавыя валуны былі знойдзены намі падчас паходу за 1 км на паўднёвы захад ад в. Камянполле на ўскрайку балота Багна-Мох. Найбольш цікавы з іх слупападобны, трохкутнай формы быў даўжынёй 2 м 10 см. Шырыня гладкага боку, апрацаванага чалавекам, складала 50 см, а неапрацаваных бакоў – 55 см. Напачатку нашым меркаваннем было, што гэта межавы камень. Але з прычыны таго, што зямля тут балоцістая, мы пачалі правяраць глебу на наяўнасць іншых камянёў або брукоўкі. І праз некалькі хвілін натрапілі на яшчэ адзін камень. Калі яго расчысцілі ад зямлі, то ўбачылі, што гэта адшчэплены кавалак папярэдняга каменя. Яго даўжыня складала 126 см, шырыня гладкага боку 50 см, іншых бакоў па 55 см. Ён знаходзіўся на адлегласці 1 м ад першага каменя. Значыць гэта быў камень-ідал або стод, які стаяў для большай устойлівасці на каменнай прыступцы. У часы хрысціянства быў павалены. У пацвярджэнне гэтай гіпотэзы мы адшукалі паблізу яшчэ некалькі камянёў. На адлегласці 10 м на поўдзень ад першага каменя знаходзіцца вялікі валун памерам 1 м у даўжыню, шырынёй 60 см, вышынёй 70 см. Граніт чырвонага колеру, на яго пляцоўцы невыразныя таямнічыя знакі. Камень № 3 быў намі выяўлены на адлегласці 25 м на паўночны ўсход ад першага. Памеры яго: 2 м у даўжыню, 1,7 м у шырыню, вышыня – 1 м. Камень – граніт чырвонага колеру, на яго пляцоўцы выразна бачны таямнічыя высечаныя рукой чалавека паглыбленні ў выглядзе круглых ямак. Наша гіпотэза, што гэта яшчэ адно свяцілішча. У яго цэнтры стаяў каменны слуп-стод, іншыя камяні былі ахвярнікамі. Першапачаткова адшчэплены ад слупа кавалак быў прыступкай, каб стод не заглыбіўся ў балотную глебу.

Наступнае свяцілішча, якое мы адкрылі ў гэтым годзе, знаходзіцца за 1 км на паўднёвы захад ад в. Храброва. Першы валун з гэтага капішча, які

мы даследавалі, ляжыць на беразе рова. Ён не заглыблены ў зямлю, значыць быў скрануты са свайго месца пры выкопванні канала. Валун з граніту шэрага колеру памерамі ў даўжыню 1 м 70 см, шырыню 1 м, вышыню 1 м 20 см. На пляцоўцы каменя зробленая рукой чалавека глыбокая выемка даўжынёй 50 см, шырынёй 20 см, якая сведчыць, што гэта камень-ахвярнік. Побач знаходзіліся яшчэ два камяні з таямнічымі знакамі. Першы з іх даўжынёй 80 см, шырынёй 60 см і вышынёй 70 см. Другі камень памерамі 90x70x70 см.

Але самыя цікавыя валуны былі на другім боку канала, на так званым Валавым востраве. Мы ведаем, што на Полаччыне ёсць Валавое возера, на беразе якога таксама знаходзіцца старажытнае свяцілішча. Супадзенне назваў не выпадкова, таму што ў мінулым у мясцовых жыхароў існавалі павер'і, што камяні – гэта закамяненыя жывёлы-валы [4, с. 151–153]. Як апа-вядаў бацька Касініі Казачонак Іосіф Мікалаевіч Карніцкі (1942–2021), яшчэ ў яго дзяцінстве на востраве, калі пасвілі кароў, на камені былі бачны залатыя літары, якія яны калупалі ножыкамі. Потым у камень ударыла маланка і расшчапіла яго. Існавала паданне, што пад каменем пахаваны французскі генерал і скарб. Таму людзі не аднойчы праводзілі каля каменя раскопкі. Па нашым меркаванні, гэта таксама быў камень-ахвярнік, а на востраве побач з балотам размяшчалася свяцілішча. Аб гэтым сведчаць іншыя камяні, якія знаходзяцца непадалёку. Даследаванне валуна паказала, што камень таксама быў месцам язычніцкіх абрадаў, бо для надмагільнага помніка ён занадта вялікі. Валун, калі ён быў не расшчэплены, меў наступныя памеры: даўжыня 1 м 30 см, вышыня 1 м, шырыня 80 см. Залатыя літары, пра якія існуюць паданні, гэта ўсяго толькі ўкрапіны ў граніце слюды і кварцаў, якія і ствараюць выгляд залатых літар. Аб тым, што тут было свяцілішча, сведчыць і той факт, што гэта месца ніколі не аралі. Размяшчэнне на востраве паміж балота пацвярджае нашу гіпотэзу, бо ўсе вядомыя вучоным свяцілішчы былі або на ўскрайку балот, або пасярод балот. Усяго налічылі на свяцілішчы на Валавым востраве сем камянёў. Магчыма, іх і больш, бо вялікія зараснікі травы і хмызняку перашкодзілі нам правесці дэтальны пошук. Такім чынам, адкрытыя намі свяцілішчы пацвярджаюць шырокае распаўсюджванне язычніцкіх вераванняў нашых продкаў у мінулым. Так, на адлегласці ў 30 км мы адшукалі 3 свяцілішчы. Далейшае іх вывучэнне вучонымі прынясе новыя адкрыцці. У будучым плануем стварыць турыстычна-краязнаўчы маршрут «Ад язычніцкіх свяцілішчаў да хрысціянскіх храмаў».

ЛІТАРАТУРА

1. **Вінакураў, Ф.** Геалагічныя помнікі прыроды / Ф. Вінакураў // Браслаўская звязда. – 1992. – 4 студз.
2. **Гарбуль, А.** Скарбы сівых валуноў / А. Гарбуль. – Паставы, 2002. – 114 с.
3. **Дучыц, Л.** Сакральная геаграфія Беларусі / Л. Дучыц, І. Клімковіч. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2011. – 383 с.

4. **Дучыц, Л.** Язычніцтва старажытных беларусаў / Л. Дучыц, І. Клімковіч. – Мінск : Харвест, 2014. – 368 с.

5. **Ляўкоў, Э.** Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Э. Ляўкоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 215 с.

6. **Міфалогія беларусаў** : энцыкл. слоўн. / [склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка]. – Мінск : Беларусь, 2011. – 605 с.

Іванова Т.П. (г. Витебск)

ПАМ'ЯТЬ ОБ УЧАСТНИКАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВИТЕБСКА: ИХ ИМЕНА ПРИСВАИВАЮТ УЧРЕЖДЕНИЯМ ОБРАЗОВАНИЯ

Знаменательной традицией в Союзном государстве Беларуси и России стало присвоение школам и гимназиям имен Героев Великой Отечественной войны. Это в полной мере относится и к городу Витебску.

Цель публикации: ввести в научный оборот данные о сохранении памяти об участниках освобождения Витебска от немецко-фашистских захватчиков в учебных заведениях города.

Материалы и методы. Материалами для данного исследования послужили публикации в средствах массовой информации Витебского региона. Методы исследования: анализ, синтез, описание, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение. Советом Министров Республики Беларусь принято постановление от 27 января 2022 г. № 50 «О республиканском плане мероприятий по проведению в 2022 г. Года исторической памяти». План предусматривает широкий спектр мероприятий, в том числе и республиканскую акцию «Наши герои» предполагающую изготовление серии баннеров, рассказывающих об освобождавших Беларусь от немецко-фашистских захватчиков, для установления на площадях областных и районных центров Беларуси, а также размещение информационных материалов, посвященных истории страны и регионов, значимым событиям и личностям. Витебск также подключился к этой знаменательной акции.

Учреждения образования Витебска носят имена Героев Советского Союза – воинов, полководцев, имевших непосредственное отношение к освобождению города от немецко-фашистских захватчиков.

Гимназия № 9 г. Витебска носит имя Героя Советского Союза Афанасия Павлантьевича Белобородова, командующего 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта, освобождавшей Витебск от немецко-фашистских захватчиков. А.П. Белобородов – почетный гражданин г. Витебска. В гимназии свято чтут память о легендарном военачальнике: действует школьный музей бо-

евой славы дважды Краснознаменной 43-й армии; на территории гимназии заложен яблоневый сад и установлена памятная доска в честь полководца. Школьники приняли участие в международном телемосте, посвященном 80-летию контрнаступления советских войск под Москвой в Великой Отечественной войне и презентации книг об А.П. Белобородове.

Гимназия № 9 сотрудничает с сыном героя Владимиром Белобородовым, заместителем председателя Совета ветеранов 43-й армии, членом Фонда памяти полководцев Победы. Он познакомил школьников с книгой, написанной об отце. «Сегодня военно-патриотическая работа в школах очень важна для подрастающего поколения, и этим должны заниматься мы – люди старшего возраста», – выразил уверенность В.А. Белобородов. Он рассказал об отце как спокойном и доброжелательном человеке, который и в преклонные годы интересовался событиями, происходящими в стране и мире [3]. А учащиеся гимназии передали в школьный музей боевой славы личные вещи своих прадедушек, участников Великой Отечественной войны.

Гимназия № 5 Витебска носит имя Ивана Ильича Людникова, командующего 39-й армией 3-го Белорусского фронта, освобождавшей Витебск от немецко-фашистских захватчиков. И.И. Людников получил звание генерал-полковника; в послевоенный период служил на Дальнем Востоке, был командующим Одесского военного округа, Таврического военного округа, военным советником министра народной обороны Болгарии, начальником факультета Военной академии Генерального Штаба. И.И. Людников – почетный гражданин г. Витебска.

Средняя школа № 2 носит имя Героя Советского Союза Федора Тимофеевича Блохина, проявившего героизм при освобождении Витебска. Командир саперного взвода, старший сержант спас от взрыва единственный уцелевший мост в Витебске, который также носит его имя. Ф.Т. Блохин – почетный гражданин г. Витебска.

Средняя школа № 46 носит имя И.Х. Баграмяна. Музей имени дважды Героя Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна, командующего 1-м Прибалтийским фронтом во время операции «Багратион», торжественно открыт в школе в 2020 г. Его имя носят также школы № 1 Городка, № 1222 Москвы, № 22 Ростова-на-Дону. Подписанием соглашения о сотрудничестве между четырьмя учреждениями образования, носящими имя И.Х. Баграмяна, ознаменован визит в Витебск и Городок его внука Ивана Сергеевича Баграмяна. Внук советского полководца презентовал витебским и городокским школьникам книгу «Маршал Баграмян: мир и война». Школьники узнали новые факты о жизни маршала Советского Союза не из учебников, а из живого общения с потомком этого легендарного человека – от теплых семейных историй до грозных фронтовых воспоминаний. Внук прославленного маршала говорил, что для его семьи почетно, что об Иване Христофоровиче помнят не только в Армении, но и в России и Беларуси; за участие в

освобождении Беларуси он получил свою первую звезду Героя Советского Союза» [6].

В мае 2022 г. на фасаде средней школы № 46 размещена монументальная композиция «Маршал Баграмян и Беларусь», которая олицетворяет и подвиг белорусов, и армянские символы родины общего героя. Авторы композиции скульптор Рипсима Геворкян и архитектор Армен Сардаров [2].

В июне 2022 г. школу № 46 посетил Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Армения в Республике Беларусь Размик Хумарян. Один из представителей армянской делегации на встрече рассказал о следующем факте. В 1944 г. во время проведения Витебско-Оршанской военной операции Ставка командующего 1-м Прибалтийским фронтом И.Х. Баграмяна находилась в районе д. Сурмино Городокского района Витебской области. Тогда в округе было много беспризорников, потерявших родителей. И будущий маршал Советского Союза переоборудовал одну казарму для их проживания. Ребята там были обеспечены, насколько это было возможно, комфортные условия и полное довольствие, как у бойцов Красной армии. После освобождения на этом месте была устроена детская школа-интернат. И до самой смерти в 1982 г. И.Х. Баграмян помогал своим «крестникам» [2].

Представители Армении посетили захоронение в д. Шапуры Витебского района. В братской могиле захоронены и армяне – бойцы Красной армии, которые отдали жизни за освобождение Витебской области от немецко-фашистских захватчиков [2].

Гимназии № 7 г. Витебска в сентябре 2022 г. торжественно присвоено имя Героя Советского Союза Петра Егоровича Кондратенко. П.Е. Кондратенко, уроженец Смоленской области, участвовал в освобождении Витебска. Служил сапером. За одну ночь накануне наступления в ходе операции «Багратион» 23 июня 1944 г. через проход в проволочном заграждении обезвредил 387 мин! П.Е. Кондратенко долгое время жил и работал в городе, который освобождал. Он – почетный гражданин г. Витебска.

Средней школе № 16 присвоено имя Героя Советского Союза Михаила Ивановича Дружинина. Будучи раненым под Витебском в июне 1944 г., он продолжал командовать боем. Занимал командные должности, ушел в отставку в звании генерал-полковника. Почетный гражданин г. Витебска.

Средней школе № 18 присвоено имя Героя Советского Союза Владимира Сергеевича Сметанина, подполковника, погибшего в июне 1944 г. под Витебском.

Средняя школа № 33 носит имя дважды Героя Советского Союза Ивана Даниловича Черняховского, командующего 3-м Белорусским фронтом, генерала армии, освобождавшего Витебск и другие белорусские регионы во время операции «Багратион». Погиб на территории Прибалтики.

Средняя школа № 21 носит имя Героя Советского Союза Василия Александровича Демидова, уроженца Витебска, командира звена отдельного

разведывательного полка. В чине подполковника В.А. Демидов проживал в послевоенный период в Витебске и работал в школе № 21.

Средняя школа № 47 носит имя Героя Советского Союза Евгения Филипповича Ивановского, гвардии полковника. Е.Ф. Ивановский – уроженец Витебского региона. Отличился в Белорусской наступательной операции в составе войск 2-й танковой армии 1-го Прибалтийского фронта. Являлся Главкомандующим Сухопутными войсками СССР, заместителем Министра обороны СССР.

Только в Первомайском районе г. Витебска 14 учреждений образования носят имена Героев Советского Союза, которые принимали участие в освобождении города [8].

Важно, что белорусские школьники с детства учатся и стремятся сохранить в памяти подвиги освободителей Беларуси. Каждый раз, подписывая школьные тетради и гордо произнося полное название своего учреждения образования, учащиеся ощущают связь времен и поколений [7].

Поистине, освобождение Витебска – пример интернационального братства. 25 июня 1944 г. на северо-восточной окраине Витебска, на освобожденном здании кирпичного завода поднял красный флаг старший лейтенант 1-го стрелкового батальона Бетал Ибрагимович Куашев, советский кабардинский писатель, поэт, ученый [9].

В Витебске до сих пор проживает участник Витебско-Оршанской операции Федор Гвоздилов, воевавший в составе 90-й стрелковой дивизии [1].

Систематизированные материалы об освободителях Витебска содержатся в Книге «Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Віцебска». Здесь по-фамильно названы участники освобождения Витебска – воины 39-й, 43-й, 6-й армий [4, с. 97–98]; воины Красной армии, погибшие в годы Великой Отечественной войны при обороне и освобождении Витебска и похороненные на его территории [4, с. 100–110]. Памятники установлены на военном кладбище на Успенской горке; на братской могиле советских воинов и партизан, погибших при освобождении Витебска (ул. Ленинградская); на Песковатинском кладбище.

Учреждениям образования присвоены имена Героев Советского Союза, жизненный путь которых связан с Витебским краем. Имя Героя Советского Союза, уроженца Витебского региона Петра Мироновича Машерова носит Витебский государственный университет.

Погибшая в годы войны в Витебске известная подпольщица В.З. Хоружая также приближала освобождение города и нашу общую Победу. В 2022 г. в *средней школе № 31* состоялось открытие памятного знака «Звезда Героя Советского Союза Веры Захаровны Хоружей». На открытии памятника Вере Хоружей в 1973 г. присутствовал брат подпольщицы, а на церемонии присвоения школе имени знаменитой разведчицы в 2020 г. – ее правнучка Татьяна Кирющенко-Хоружая.

Средняя школа № 5 носит имя Героя Советского Союза Григория Ивановича Богомазова, заместителя командира эскадрильи 158-го истребительного полка. Г.И. Богомазов принимал участие в послевоенном восстановлении Витебска, руководил эскадрилей 339-го транспортного полка, дислоцировавшегося в Витебске. Г.И. Богомазов – почетный гражданин г. Витебска.

Средней школе № 6 в июне 2022 г. торжественно присвоено имя Александра Ефимовича Белохвостикова, участника Витебского комсомольского подполья, погибшего в годы войны.

Средней школе № 10 в мае 2022 г. присвоено имя Героя Советского Союза Александра Константиновича Горовца, прославленного летчика, погибшего в бою на Курской дуге.

Средняя школа № 12 носит имя Героя Советского Союза Леонида Николаевича Филипенко, участника освобождения Беларуси в составе 3-го Белорусского фронта, почетного гражданина г. Витебска.

Средней школе № 17 присвоено имя Героя Советского Союза Иосифа Романовича Бумагина, уроженца Витебска, командира пулеметного взвода, закрывшего собой амбразуру вражеского дзота.

Средняя школа № 43 носит имя Героя Советского Союза Миная Филипповича Шмырева – знаменитого Батьки Миная, командира первой Белорусской партизанской бригады.

В конце 2022 г. *средней школе № 28* присвоено имя Героя Советского Союза, почетного гражданина г. Витебска Ефросиньи Савельевны Зеньковой.

Октябрьской средней школе Витебского района, расположенной в аг. Октябрьская, недалеко от Витебска, присвоено имя Героя Советского Союза, подполковника Ивана Павловича Соболева, почетного гражданина г. Витебска. И.П. Соболев, как и все участники Великой Отечественной войны, проводил огромную работу по военно-патриотическому воспитанию школьников, молодежи.

Заключение. На основе проведенного исследования можно утверждать, что в Витебске местными органами власти, общественностью, гражданами проделана большая работа для сохранения памяти об участниках освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Новой эстафетой сохранения памяти о героях Великой Отечественной войны стало присвоение школам и гимназиям Витебска почетных имен Героев Советского Союза. Героям Великой Отечественной войны, имена которых присваиваются учреждениям образования, установлены памятные доски на зданиях гимназий и школ. Важно, что данные о Героях Советского Союза становятся достоянием общественности, сопровождают жизненный путь современников, молодежи, способствуют сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Эта тенденция характерна и для 2022 г. – Года исторической памяти в Беларуси. Эстафета продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Быньков, А.** Как будто было вчера / А. Быньков // Витьбичи. – 2022. – 7 мая. – С. 6.
2. **Быньков, А.** Будем и дальше дружить и вместе работать / А. Быньков, В. Сеньков // Витьбичи. – 2022. – 4 июня. – С. 1, 3.
3. **Дорошенко, Н.** Яблоневый сад в честь героя / Н. Дорошенко // Витьбичи. – 2021. – 10 июля. – С. 9.
4. **Памяць** : Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / рэд-кал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. А. І. Мацяюн ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2003. – Кн. 2. – 680 с. : іл.
5. **О республиканском** плане мероприятий по проведению в 2022 году Года исторической памяти [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь № 50 от 27 янв. 2022 г. // Национальный интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2022.
6. **Пучкова, Е.** Важно чтить героев! / Е. Пучкова // Витьбичи. – 2021. – 28 дек. – С. 7.
7. **Пучкова, Е.** Связь времен и поколений / Е. Пучкова // Витьбичи. – 2022. – 3 сент. – С. 6.
8. **Широкова, С.** Непреклонная Вера / С. Широкова // Витьбичи. – 2022. – 21 мая. – С. 11.
9. **Яковлев, Д.** Красное знамя в руках поэта / Д. Яковлев // Витьбичи. – 2022. – 19 февр. – С. 10.

Каминская Д.С. (г. Полоцк)

СЛЕДЫ ТАФОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ПАЛЕОМАТЕРИАЛЕ (ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ XIV–XVIII вв.)

Тафономия как научное направление позволяет установить ряд процессов и факторов, которые изменяют тело человека после его смерти. К ним можно отнести обряд погребения, процесс разложения, выветривание, диагенез, воздействие животных, деятельность человека и т. д. [9, р. 74].

Помимо вышеупомянутых внешних факторов, влияющих на сохранение кости после смерти индивида, ученые выделяют внутренние факторы, под которыми подразумеваются строение кости и структура скелета в целом. В данном случае важную роль играют химический состав, форма, размер, плотность кости. Сюда же можно отнести пол и возраст человека. Согласно исследованиям Дж. Хендерсон, тафономическое изменение скелета, принадлежащего молодому индивиду, сопровождается более высокой скоростью разложения и риском разрушения за счет особенностей размера костей; в это

же время скелет, принадлежащий особи пожилого возраста, может демонстрировать высокую степень разрушения, связанную с остеопорозом. Кроме того, скорость разложения тела напрямую зависит от состояния здоровья человека на момент смерти. Установлено, что наличие травмы или инфекционного воспаления, возникшего незадолго до смерти, делает это процесс более активным [6, р. 44–45].

Соответственно, выявление и изучение следов тафономических изменений на костной ткани скелета человека позволяют реконструировать предсмертные и посмертные процессы, происходившие с телом, установить различия между травмами, полученными прижизненно и посмертно [10, р. 77].

Целью исследования является выявление и описание тафономических проявлений, зафиксированных на остеологическом материале населения Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв.

Выветривание

Процесс выветривания костной ткани включает в себя несколько этапов: потеря органического компонента, потеря влаги, осветление поверхностных слоев кости, растрескивание и расслоение. После воздействия выветривания кости могут подвергаться дополнительному внешнему воздействию. Сухие костные останки чаще страдают от деятельности грызунов, ускорение разрушительных процессов может быть вызвано попаданием костей во влажную среду [7, р. 289].

Следы выветривания костной ткани были выявлены в ходе палеопатологического изучения сельского населения Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв. Остеологический материал был обнаружен в ходе археологического исследования сельского могильника близ д. Ивесь (Глубокский район, Витебская область), датирующегося XIV–XVI вв. [3, с. 334].

В данном случае нижняя челюсть, принадлежащая женщине в возрасте 20–25 лет, демонстрирует следы выветривания (рис. 1). Согласно классифи-

Рис. 1. Результат продолжительного процесса выветривания нижней челюсти, д. Ивесь, погребение № 5 (2012)

кации А. Беренсмейер, адаптация которой была представлена в исследовании Дж. Байкстра и Д. Убелейкера, данный случай выветривания демонстрирует IV стадию изменений: поверхность кости грубоволокнистая и шероховатая по текстуре; на ней образуются крупные и мелкие осколки, которые могут отвалиться от кости при ее перемещении. Трещины открытые и имеют зазубренные или закругленные края [4, с. 98].

Окрашивание

Изменение цвета костной ткани как погребенного, так и находящегося на поверхности скелета в большинстве случаев является результатом воздействия почвы, солнечного излучения, гемолиза (распада красных кровяных телец), разложения мягких тканей, присутствия грибков. Однако изменение цвета кости, например, ее обесцвечивание, может быть связано с разными тафономическими процессами – присутствием остатков жировой ткани, термическим воздействием, обесцвечиванием на солнце, наличием конкрементов и т. д. [5, р. 316].

В большинстве случаев окрашивание значительной доли костей скелета происходит в случае захоронения тела без гроба, чему способствует высокое содержание разлагающегося природного органического материала в почве. Однако специалистами зафиксированы обратные случаи, когда кости скелета человека, погребенного в гробу, меняли цвет в ходе контакта с дубильными веществами, присутствующими в древесине конструкции [8, р. 93].

Зачастую окрашивание костных останков связано с коррозией металлических предметов, находящихся в непосредственной близости с телом человека. Коррозия, являясь естественным разрушающим процессом металлов, возникает в результате соединения металлов и сплавов с окисляющим веществом (кислород, фторид и т. п.) [5, р. 325].

Рис. 2. Окрашивание кости вследствие окисления меди, Великий посад, Полоцк, погребение № 8

Следы окрашивания костного материала были зафиксированы в ходе палеопатологического исследования материалов, выявленных в процессе археологического изучения территории, относящейся к Верхнему замку г. Полоцка и датирующейся XVII в. [1]. На черепе, принадлежащем мужчине в возрасте 30–40 лет, были определены следы окисления меди, о чем свидетельствовало окрашивание лицевых, височных и частично теменных костей в зеленый цвет.

Деятельность человека

Зачастую при обнаружении или изъятии палеоматериала в ходе археологических раскопок выявленные костные останки повреждаются спецтехникой или используемым инструментарием. В данном случае палеоантропологу важно установить, является ли зафиксированное повреждение травмой, полученной индивидом незадолго до смерти, или же это результат неосторожности. При этом изучение цвета кости в области надлома позволяет установить, что повреждения, полученные в ходе работ, характеризуются более светлым цветом по отношению к окружающей кости; травмы же, полученные индивидом незадолго или в момент смерти, будут совпадать по цвету с близлежащей костью [4, р. 99].

Следы «псевдотравмы» были выявлены во время палеопатологического исследования остеологического материала, выявленного в ходе археологического изучения территории, примыкающей к Спасо-Преображенской церкви (г. Полоцк). Ввиду специфической ситуации с захоронением населения близ храма датировка погребений имеет широкие хронологические рамки – XII–XVIII вв. Однако, согласно предварительным исследованиям, большинство выявленных захоронений относится к XVIII ст. [2].

Рис. 3. Следы повреждения костей черепа в ходе деятельности человека, ПСЕМ, погребение № 11 (2019)

На лобной кости черепа, принадлежащего мужчине в возрасте 40–50 лет, был обнаружен след повреждения вдавленного характера. При более детальном изучении установлено, что данное нарушение целостности лобной кости является «псевдотравмой», нанесенной индивиду в ходе археологических работ.

Хотелось бы отметить, что не только вышеупомянутые тафономические факторы могут воздействовать на изменение костной ткани. Важную роль в этом вопросе играет культурная составляющая жизни человека, а именно традиционные практики, связанные с ритуалом погребения. В некоторых случаях скелетные останки могут иметь следы бальзамирования, кремации, скальпирования, являться предметами культуры и т. д. [4, р. 95; 10, р. 80].

Таким образом, в ходе проведения палеопатологической экспертизы остеологического материала населения Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв. были выявлены следы тафономических изменений костной ткани. В результате воздействия выветривания на поверхности нижней челюсти индивида из могильника Ивесь (Глубокский район) были зафиксированы тафономические изменения кости, относящиеся к IV стадии деформации. Можно предположить, что фрагменты скелета некоторое время после захоронения находились на поверхности почвы, что привело к его последующему разрушению.

На черепе индивида, погребенного на территории Великого посада, зарегистрировано изменение цвета кости, а именно окрашивание ткани в зеленый цвет. В данном случае этому способствовал процесс окисления меди, предмет из которого находился вблизи головы захороненного.

К третьему случаю относится фиксация «псевдотравмы», выявленная на черепе индивида, погребенного при Спасо-Преображенском храме. Нарушение целостности кости произошло в ходе проведения археологических раскопок вблизи храма, что подтверждается детальным изучением места повреждения. Данный случай можно отнести к тафономическим изменениям, связанным с деятельностью человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дук, Д. У. Справздача аб археалагічным наглядзе на помніку «Полацкі езуіцкі калегіум. Спартыўныя збудаванні для карпусоў Б і В» у 2010 г. / Д. У. Дук // Археалагічны архіў Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2010. – Спр. № 2535.

2. Емельянчик, О. А. Антропологические исследования погребений при Спасо-Преображенском храме Спасо-Евфросиниевского монастыря (по материалам раскопок 2005–2018 гг.) / О. А. Емельянчик // Спасо-Преображенский храм в г. Полоцке: вопросы изучения и реставрации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 17–18 сент. 2019 г. / Полоцкий Спасо-Евфросиниевский ставропигиальный женский монастырь. – Полоцк, 2022. – 344 с.

3. Чараўко, В. У. Пахавальны абрад познесярэдневяковага могільніка каля в. Івесь Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці (па матэрыялах археалагічных даследаванняў 2010–2015 гг.) / В. У. Чараўко // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VII Міжнар. навук. канф., Полацк, 1–2 лістап. 2017 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк, 2019. – С. 325–337.

4. **Standards** for data collection from human skeletal remains : Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History organized by Jonathan Haas / ed. by J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. – Arkansas : [s. n.], 1994. – 272 p.

5. **Dupras, T. L.** Taphonomic Bone Staining and Color Changes in Forensic Contexts / T. L. Dupras, J. J. Schultz // Manual of Forensic Taphonomy / ed. by J. T. Pokines, S. A. Symes. – Boca Raton, 2014. – Ch. 12. – P. 315–340.

6. **Henderson, J.** Factors determining the state of preservation of human remains / J. Henderson // Death, Decay and Reconstruction. Approaches to Archaeology and Forensic Science / A. Boddington, N. A. Garland, R. C. Janaway. – Manchester, 1987. – Ch. 5. – P. 43–54.

7. **Junod, Ch. A.** Subaerial Weathering / Ch. A. Junod, J. T. Pokines // Manual of Forensic Taphonomy / ed. by J. T. Pokines, S. A. Symes. – Boca Raton, 2014. – Ch. 11. – P. 287–314.

8. **Pokines, J. T.** Effects of Burial Environment on Osseous Remains / J. T. Pokines, J. E. Baker // Manual of Forensic Taphonomy / ed. by J. T. Pokines, S. A. Symes. – Boca Raton, 2014. – Ch. 5. – P. 73–114.

9. **Stodder, L. W.** Taphonomy and the Nature of Archaeological Assemblages / L. W. Stodder // Biological anthropology of the human skeleton / M. A. Katzenberg, A. L. Grauer. – Oxford, 2018. – Ch. 3. – P. 73–115.

10. **Ubelaker, D. H.** Taphonomic applications in forensic anthropology / D. H. Ubelaker // Forensic taphonomy. The postmortem fate of human remains / ed. by M. H. Sorg, W. D. Haglund. – Boston, 1997. – Ch. 5. – P. 77–90.

Каплиев А.А. (г. Минск)

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФЕКЦИОННЫХ БОЛЕЗНЕЙ
В БССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.
(НА ПРИМЕРЕ ЭПИДЕМИЧЕСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
ВСПЫШКИ ПАРАТИФА В ВИТЕБСКЕ ЛЕТОМ 1938 г.)**

С началом пандемии COVID-19 изучение исторических аспектов абераций санитарного состояния и эпидемиологической обстановки в Беларуси на различных исторических отрезках ее развития получило новый импульс, что выразилось в росте числа публикаций как в специализированных научных изданиях, так и на страницах популярной периодики, в телевизионных передачах и др. [1; 12]. В данном контексте как в историографии, так и в СМИ

приобрел популярность анализ эпидемической обстановки в годы Первой мировой и польско-советской войн, а также борьбы с их гуманитарными последствиями – эпидемиями тифа, холеры, дизентерии в начале 1920-х гг. Вместе с тем после локализации последствий данной эпидемической вспышки санитарное состояние БССР и развитие советского здравоохранения в целом традиционно представлялись исключительно в позитивном ключе как в советской, так и современной белорусской историографии. Однако проведенный в рамках подготовки настоящего материала анализ оригинальных архивных источников и трудов органов санитарной статистики БССР позволяет значительно дополнить и расширить имеющиеся представления о распространении инфекционных болезней в БССР в 1930-е гг.

К середине 1920-х гг. вызванная последствиями Первой мировой и польско-советской войн эпидемическая вспышка, достигшая пика в 1919–1922 гг., была локализована совокупными усилиями Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) БССР, чрезвычайных противоэпидемических комиссий, Белорусского управления по эвакуации населения и пр. Снижению заболеваемости способствовали и объективные факторы – окончание боевых действий, уменьшение потока беженцев, а также восстановление контрольных функций государственного аппарата и местных органов власти, что обусловило общее улучшение санитарного надзора в Беларуси. Стабилизация обстановки в стране напрямую повлияла на эпидемиологическую ситуацию, что предопределило дальнейшее перманентное снижение кривой заболеваемости инфекциями в БССР во второй половине 1920-х гг. [10, с. 175–176; 12, с. 296].

Однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в БССР проявились новые негативные тенденции в эпидемиологической обстановке, связанные с продовольственным кризисом начального этапа развертывания коллективизации. Так, одним из наиболее характерных для начала 1930-х гг. явлений стало существенное сокращение урожайности зерновых с гектара как в БССР, так и СССР в целом. В декабре 1932 г. в Центральном комитете Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР отмечалось, что фактические заготовки хлеба по БССР на 10 декабря 1932 г. составляют лишь 52,4% от показателей 1931 г., картофеля – 62,5%, по мясу и маслу выполнено лишь 50% квартального плана [3, с. 267]. В результате уже весной 1930 г. доклад Витебского окружного исполнительного комитета констатировал, что снабжение округа продовольствием на протяжении всего года неудовлетворительно: хлеб выдавался по норме 600–700 г рабочим и 300 г остальным потребителям [2, с. 240–241]. Дефицит необходимых для нормального обмена веществ питательных ингредиентов, особенно белков, приводил к снижению выработки защитных антител (по своей природе являющихся белками) и других компонентов иммунной системы организма, что обусловило снижение сопротивляемости инфекци-

ям и, следовательно, повышение заболеваемости и смертности населения. Уменьшение объема продовольствия привело к употреблению в пищу некачественных продуктов и суррогатов, что повышало риски заболевания кишечными инфекциями. В мае 1933 г. в специальной сводке Лиозненского районного отделения полномочного представительства ОГПУ по БССР «О недостатке хлеба в колхозах» отмечалось, что в Бабиновичском сельсовете в колхозе «собирают ореховые шишки, варят их, смешивают с шелухой... и пекут лепешки...» [3, с. 728–729]. Еще одним ключевым фактором роста заболеваемости населения стало увеличение производственных норм в рамках кампании по досрочному выполнению пятилетних планов как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, что дополнительно подрывало обесилленный голодом организм рабочих и крестьян [11, л. 10 об.].

К началу 1930-х гг. в БССР стали наблюдаться уже забытые населением вспышки характерных для периода Первой мировой и польско-советской войн заболеваний: сыпного и брюшного тифа, дизентерии, малярии, холеры и пр. Так, в спецсообщении секретно-политического отдела ОГПУ СССР от 21 ноября 1933 г. сообщалось об эпидемии брюшного тифа в Витебске, где заразились 1 тыс. 200 человек с ежедневным приростом в 60–70 заболевших [4, с. 310].

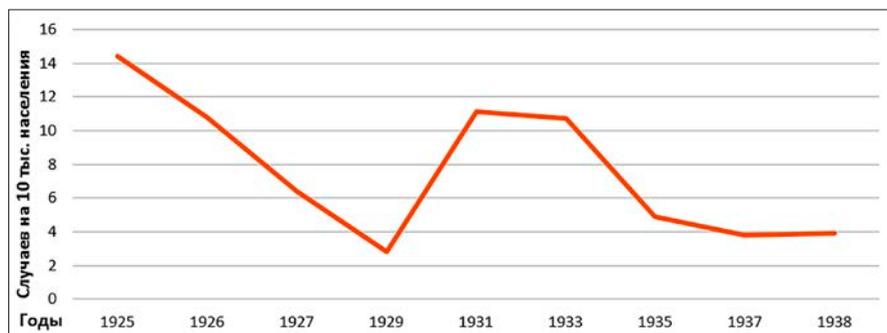

Рис. 1. Заболеваемость брюшным тифом на 10 тыс. человек населения в БССР в 1924–1938 гг. [6, л. 67]

Пик распространения инфекций пришелся на 1931–1934 гг. (рис. 1). Обстоятельствами, осложнявшими течение эпидемий, стали недостаток и низкая квалификация врачей, имевшихся на местах, особенно в сельской местности. Так, даже в конце 1930-х гг. в деревнях и селах БССР было заполнено немногим более половины всех врачебных должностей (табл. 1).

Вследствие этого на местах вместо врачей зачастую работали фельдшеры, квалификация которых не соответствовала новым эпидемическим вызовам. В итоге многочисленные случаи сыпного и брюшного тифа принимали

Таблица 1. Заполнение врачебных ставок в сельской местности по Витебской области в 1937–1938 гг. [7, л. 8]

Годы	Число врачебных должностей		Процент заполнения штатов
	Штатных	Занятых	
1937	216	106,5	49,0%
1938	261	147,0	56,4%

за грипп, ангину и другие заболевания, поэтому не производилась необходимая санитарная обработка очагов, болевшие опасными инфекциями не подвергались изоляции, информация о вспышках не поступала в санитарные органы своевременно [6, л. 62]. Кроме того, передаче инфекций способствовали низкая санитарная культура населения, а также общий недостаток и нерегулярная работа бань, являвшихся основой поддержания общественной санитарии в межвоенный период [5, л. 64].

В целом по БССР в 1933–1934 гг. отмечались пиковые значения распространенности инфекционных болезней с постепенным снижением к концу 1930-х гг. Однако полное искоренение тифа в БССР оставалось на повестке органов здравоохранения. Например, в 1938 г. в Витебской области неблагоприятными по сыпному тифу оставались Толочинский и Ушачский районы, по брюшному – Богушевский, Ветринский, Витебский, Дубровенский, Лепельский, Полоцкий, Сенненский, Суражский, Ушачский и Чашникский [6, с. 58, 69].

В ответ на вспышки инфекций органами здравоохранения БССР начали расширяться созданные еще в 1920-х гг. санитарные станции, углубляться работа по насыщению прежде всего сельской местности необходимым числом больничных коек, врачей и среднего медперсонала. К 1940 г. только по Витебской области было развернуто 635 эпидемических коек [7, л. 20]. В результате во второй половине 1930-х гг. в связи с общим улучшением социально-экономической ситуации, а также ростом числа санитарных учреждений и медицинских кадров заболеваемость заметно снизилась (см. рис. 1).

Относительно вспышек инфекций начала внедряться практика проведения эпидемиологических исследований – совокупность мероприятий по выявлению причин возникновения эпидемий. Расследование включало: 1) исследование очага болезни, оценивание масштабов эпидемии; 2) определение путей заражения инфицированных, выявление круга их контактов; 3) формирование рабочих гипотез о возможных причинах вспышки; 4) проверку гипотез, исключение ложных вариантов (по возможности установление источника вспышки); 5) организацию необходимых санитарно-противоэпидемических мероприятий. Значимое место в практике эпидемических исследований занимал анализ распространения кишечных инфекций и пищевых отравлений. В частности, в отчетах о состоянии здравоохранения Витебской области в конце 1930-х гг. отмечалось, что крупные горо-

да (Витебск, Орша, Лепель) особенно подвержены кишечным инфекциям [5, л. 78]. Типичным примером проводимых в 1930-е гг. эпидемических расследований стало изучение вспышки паратифа «Б» в Витебске в 1938 г., анализ которой приведен в «Обзоре эпидемического состояния БССР (за 1936–1938 гг.)», выполненном врачом А. Редером в секторе санитарной статистики Института социалистического здравоохранения и гигиены НКЗ БССР в 1939 г. [6, л. 49–147].

Паратифы – это группа кишечных инфекций, вызываемых микроорганизмами рода *Salmonella enterica*. Свое название болезнь получила за схожесть симптомов с брюшным тифом (боль в животе, тошнота, рвота, температура). Инкубационный период болезни составляет 6–8 дней, а основным средством борьбы с ней являлись предохранительные прививки на основе убитых возбудителей болезни. Однако в соответствии с практикой борьбы с эпидемиями вакцинация проводилась в местах, потенциально подверженных заражению, для предупреждения вспышек инфекций [9, с. 1–3]. В отличие от сыпного, брюшного тифов и других опасных болезней паратиф в БССР не получил серьезного распространения, что просматривается в абсолютных цифрах за 1937 и 1938 гг. (табл. 2) [8, л. 177].

Таблица 2. Распространение паратифа в БССР в 1937 и 1938 гг. [6, л. 82–83]

Область	1937 г.		1938 г.	
	Абсолютные данные	На 10 тыс. человек	Абсолютные данные	На 10 тыс. человек
Витебская	82	0,6	512	3,8
Гомельская	56	0,6	52	0,6
Могилевская	110	0,8	95	0,7
Минская	52	0,4	73	0,6
Полесская	15	0,2	29	0,5
По БССР	315	0,6	761	1,4

Согласно данным, приведенным в табл. 2, в 1938 г. в Витебской области произошел резкий подъем заболеваемости паратифом преимущественно за счет вспышки в Витебске, зарегистрированной 30 мая – 7 июля. Эпидемическое расследование вспышки проводилось по упомянутой выше схеме: было установлено, что всего паратифом были затронуты 112 улиц города, а общее число случаев составило 367. В первую очередь для уточнения диагнозов были произведены лабораторные тесты заболевших: паратиф был подтвержден в 210 случаях, 119 больных были отнесены к другим категориям заболеваний – малярии, гриппу, энтероколитам, пиелитам и прочим, а по 38 заболевшим лабораторную диагностику провести не удалось [6, л. 85].

Заболевшие были разделены по возрастным группам и занятости, после чего выяснилось, что большая часть из них (118 случаев) – это дети до 16 лет;

еще по 46 случаев отнесены в категории «молодежь до 20 лет» и «взрослые старше 20 лет» [6, л. 86]. Проанализировав исходные данные и характер болезни, основным источником инфекции была предположена пища. Очевидным ответом напрашивалось то, что инфицированные могли пользоваться одним и тем же источником питания (столовая, школьный буфет и пр.). Однако основная категория заболевших – дети – не принадлежала к одной и той же школе или детскому саду, как и взрослые: 42 учащихся были из разных школ, 26 дошкольников – из разных детских садов, 40 – «неорганизованного детского населения», 13 были студентами вузов и техникумов, 19 – служащими различных учреждений, 61 – рабочими различных предприятий и 3 – домохозяйками [6, л. 86].

Таким образом, заболевшие не были объединены одним местом работы, учебы или питания и тому подобным и проживали в различных частях г. Витебска. Ввиду данного факта были выдвинуты следующие гипотезы заражения: 1) употребление воды из зараженного источника; 2) употребление мясных или других зараженных продуктов питания [6, л. 86].

Первая теория была быстро исключена: в 189 случаях больные пользовались водой из центрального водопровода, которая в бактериологическом отношении была удовлетворительной (вода хлорировалась). Лишь в 20 случаях отмечалось пользование водой из колодцев, и в 1 случае – из Западной Двины. Кроме того, места жительства заболевших были рассредоточены по 112 улицам, что исключало возможность заражения через воду [6, л. 86].

Наиболее перспективной казалась версия употребления зараженной пищи. Однако в этом отношении вариантов источника заражения было множество: мясо, молоко и др. В первую очередь было проверено мясо: его зараженные употребляли в 63 случаях, однако, по опросу больных, они приобретали его в разное время и у разных поставщиков. Молоко употребляли в 20–25% случаев, но половина инфицированных пила его исключительно прокипяченным и также покупала в разных местах [6, л. 86–87].

Учитывая тот факт, что большинство заболевших – это дети, в результате подробных опросов наиболее вероятный возбудитель был выявлен относительно быстро: по результатам сбора анамнеза 179 человек из числа всех инфицированных ели мороженое, а оставшиеся заболевшие контактировали с ними. Следует отметить оперативность принятия решений по выявленным фактам: уже 6 июня 1938 г. все производство мороженого в Витебске было остановлено [6, л. 87].

В 1938 г. в Витебске мороженое производилось на четырех предприятиях: 1) цех мороженого при «Витебском холодильнике»¹; 2) цех мороженого городского молокозавода; 3) переварочный завод «Пищеторга»²; 4) пищевая

¹ «Витебский холодильник» Главного Управления холодильной промышленности Народного комиссариата мясной и молочной промышленности СССР.

² Организация по торговле пищевыми товарами.

артель «Колтруд»³ [6, л. 87]. В результате обследования работников перечисленных предприятий на предмет паратифа у расфасовщиц всех предприятий, кроме артели «Колтруд», было выявлено бациллоносительство. Исследование также показало, что на «Витебском холодильнике», молокозаводе и переварочном заводе «Пищеторга» во всем мороженом содержались возбудители паратифа. Основным источником заражения выступили брикеты и эскимо, то есть те сорта мороженого, которые были в руках фасовщиц [6, л. 87].

Со дня запрета выпуска мороженого 6 июня 1938 г. до 3 июля было зарегистрировано только 23 новых случая заражения паратифом, из которых 9 случаев контакта с больными, 2 случая привозного характера и 1 случай заболевания после купания в Западной Двине. Таким образом, гипотеза о происхождении инфекции от употребления зараженного мороженого окончательно подтвердилась [6, л. 87–88].

В результате проведенного эпидемического расследования вспышка паратифа в Витебске летом 1938 г. была оперативно локализована. Данный пример отражает изменения в подходах к борьбе с инфекциями в конце 1930-х гг., когда каждый крупный всплеск заболеваний являлся предметом детального разбирательства. Этот подход коренным образом отличался от эпидемической ситуации начала 1920-х гг., когда чрезвычайные условия боевых действий и масштабы эпидемий, принимавших общенациональный размах, не позволяли проводить противоэпидемические мероприятия должным образом. В результате к концу 1930-х гг. эпидемическая ситуация в БССР вернулась к стабильному уровню второй половины 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абраменко, М.** В борьбе с эпидемиями [Электронный ресурс] / М. Абраменко // Медицинский вестник. – 2020. – 6 июля. – Режим доступа: <https://medvestnik.by>. – Дата доступа: 16.10.2022.

2. **Голод** в СССР. 1929–1934 : [в 3 т. / Междунар. фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) ; сост.: В. В. Кондрашин и др. ; редкол.: В. В. Кондрашин (отв. ред.) и др.]. – Москва : МФД, 2011–2013. – Т. 1 : 1929 – июль 1932, кн. 1 / [предисл. В. В. Кондрашина]. – 2011. – 656 с. – (Россия. XX век. Документы).

3. **Голод** в СССР. 1929–1934 : [в 3 т. / Междунар. фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) ; сост.: В. В. Кондрашин и др. ; редкол.: В. В. Кондрашин (отв. ред.) и др.]. – Москва : МФД, 2011–2013. – Т. 2 : Июль 1932 – июль 1933 / [предисл. В. В. Кондрашина]. – 2012. – 912 с. – (Россия. XX век. Документы).

4. **Голод** в СССР. 1929–1934 : [в 3 т. / Междунар. фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) ; сост.: В. В. Кондрашин и др. ; редкол.: В. В. Кондрашин (отв. ред.) и др.]. – Москва : МФД, 2011–2013. – Т. 3 : Лето 1933–1934. – 2013. – 960 с. – (Россия. XX век. Документы).

5. **Государственный архив** Витебской области. – Ф. 1971. Оп. 1. Д. 13.

³ Промышленно-кооперативная артель «Коллективный труд».

6. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** – Ф. 8009. Оп. 6. Д. 529.

7. **ГАРФ.** – Ф. 8009. Оп. 6. Д. 530.

8. **ГАРФ.** – Ф. 8009. Оп. 6. Д. 463.

9. **Инструкция** по производству предохранительных прививок против брюшно-го тифа и паратифов : утв. 05.01.1938. – [Минск : б. и., 1938]. – 13 с.

10. **Каплиев, А. А.** Становление советского здравоохранения на территории Беларуси в 1917–1921 гг. / А. А. Каплиев. – Минск : Беларус. навука, 2022. – 559 с.

11. **Российский** государственный архив экономики [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/37170/rgae_1562_op_76_d.158_dinamika_kolhozov_za_1930-1932_gg.pdf. – Дата доступа: 15.10.2022.

12. **Юпатов, А. Н.** Борьба с эпидемиями в Витебской губернии в 1917–1922 гг. / А. Н. Юпатов // Віцебскі край : матэрыялы VII Міжнар. навук.-практ. канф. «Віцебскі край», Віцебск, 25 ліст. 2021 г. / рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2022. – Т. 7. – С. 283–298.

Карпекін К.Р. (з. Віцебск)

МАЁНТКІ І ФАЛЬВАРКІ ЛЁЗНЕНСКОЙ ВОЛАСЦІ Ў КАНЦЫ ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХХ ст.

У 1770-я – 1910-я гг. уласнасць на зямлю абумовіла існаванне маёнткаў і фальваркаў, якія мелі не толькі гаспадарчую, але і рэпрэзентатыўную, рэкрэацыйную функцыі [15, с. 37]. Тэндэнцыі іх развіцця ў пэўнай ступені могуць служыць паказчыкамі эканамічнага развіцця як асобнага рэгіёна, так і краіны ў цэлым. У дадзеным даследаванні ахарактарызаваны маёнткі і фальваркі як зямельныя ўладанні, а таксама прааналізавана змяненне іх адміністрацыйна-гаспадарчых цэнтраў на прыкладзе Лёзненскай воласці.

На карце Бабінавіцкага павета канца ХVІІІ – пачатку ХІХ ст., складзенай па выніках генеральнага межавання, на абшарах Лёзненскай воласці пазначаны сем зямельных уладанняў. Чатыры з іх мелі па адным адміністрацыйным цэнтры, размешчаным у такім тыпе населеных пунктаў, як сяльцо: Адаменкі, Завольша, Матэўшава і Чарнаручча. Астатнія тры ўладанні мелі па два сяльцы: Карнілава і Уна, Марцюткава і Станіславава, Палаводзіна і Цотава. Адметна, што тры сяльцы, а менавіта Адаменкі, Завольша і Чарнаручча, размяшчаліся побач з аднайменнымі вёскамі. Усе маёнткі мелі абсалютна розныя памеры: некаторыя з іх налічвалі па тры вёскі (маёнткі Завольша, Чарнаручча, Палаводзіна), іншыя – да 10 вёсак (Марцюткава, Карнілава). Самым жа вялікім з'яўляўся маёнтак Матэўшава, які ахопліваў больш за 20 вёсак.

Усяго ў межах Лёзненскай воласці налічвалася 10 сёльцаў, 1 сяло і 62 вёскі, адпаведна, населеныя пункты, дзе размяшчаліся сядзібы памешчыкаў, складалі каля 14% ад агульнай колькасці пасяленняў [14].

Заўважым, што ў іншых крыніцах маюцца звесткі пра тое, што на тэрыторыі, якая даследуецца, у канцы XVIII ст. меліся такія цэнтры зямельных уладанняў, як Лёзна, Завольша, Станіславава, Уна і Чарнаручча [3, с. 84–85].

Становішча на 1857 г. дазваляе прааналізаваць такія крыніцы, як «Поўны спіс населеных месцаў у Магілёўскай губерні» (адзначым, што звесткі прыведзены па прыходах праваслаўных цэркваў, таму можна дапусціць, што дакумент утрымлівае інфармацыю толькі пра тыя пасяленні, дзе пражывала насельніцтва праваслаўнага веравызнання). Паводле згаданай крыніцы, у межах Лёзненскай воласці налічвалася сем фальваркаў: Буі, Заволішча (Завольша), Лёзна (ці Адаменкі), Марцюткава, Станіславава, Уна і Чарнаручча. Такім чынам, на працягу першай паловы XIX ст. узнік як мінімум адзін новы фальварак – Буі.

Усяго на тэрыторыі, якая даследуецца, згаданы 51 населены пункт: 1 мястэчка, 1 сяло, 36 вёсак, 7 фальваркаў і 6 хутароў (значыць, фальваркі складалі каля 14% ад агульнага ліку – гэтаксама, як і ў канцы XVIII ст.) [12, арк. 362 – 362 адв., 371 – 371 адв.].

Другая палова XIX – пачатак XX ст. сталі перыядам інтэнсіўнага з’яўлення новых маёнткаў і фальваркаў у межах рэгіёна, які вывучаецца. У прыватнасці, паводле стану на 1910 г., у Лёзненскай воласці налічвалася 11 маёнткаў (Адаменкі, Альхімкава, Бржазова, Гарадок, Грышчонкі, Завольша, Марцюткава, Матушова, Станіславава, Уна, Чарнаручча) і 8 фальваркаў (Буі, Лешакі, Макаранкі, Малькава, Прудзішча, Сакалоўка, Яскаўшчына Малая, Яскаўшчына Вялікая). З улікам таго, што ўсяго на тэрыторыі воласці існавала 111 разнастайных пасяленняў (вёсак, сядзіб, засценкаў і інш.), маёнткі і фальваркі ў гэты час складалі 17% ад іх агульнай колькасці. Іншымі словамі, іх доля сярод населеных пунктаў у параўнанні з папярэднім перыядам павялічылася (хоць і нязначна) [13, с. 122–124].

Можна дапусціць, што на працягу перыяду, які даследуецца, статус некаторых пасяленняў быў акрэслены не дастаткова дакладна (ці не існавала строга распрацаваная тэрміналогія). У прыватнасці, на планах 1848 г. Альхімкава (Дадатак 2, мал. 1) і Малькава (Дадатак 2, мал. 2) пазначаны як сёльцы, у крыніцах 1857 г. – як хутары [12, арк. 371], а паводле стану на 1910 г. Альхімкава лічылася маёнткам, а Малькава – фальваркам [13, с. 122–123]. Іншымі словамі, малаверагодна, каб пэўныя пасяленні з цэнтраў зямельных уладанняў сталі хутарамі, а затым зноў пераўтварыліся ў маёнткі ці фальваркі.

Пераважная большасць маёнткаў і фальваркаў Лёзненскай воласці на працягу канца XVIII – пачатку XX ст. пераходзіла ў валоданне ад аднаго роду да іншага. У адзначаны перыяд адзіным прыкладам бесперапыннай

перадачы зямельнага ўладання ў спадчыну з'яўляецца маёнтак Альхімкава: у 1783 г. ён належаў Іосіфу Антонавічу Слежаноўскаму [9, арк. 1], а ў 1911 г. – Вячаславу Аляксандравічу Слежаноўскаму [5, арк. 77 адв.].

У сваю чаргу, прыкладамі больш частага змянення ўладальнікаў могуць служыць такія маёнткі, як Станіславава і Бржазова.

Што да Станіславава, то на працягу 1780-х – 1910-х гг. яно, па сутнасці, паслядоўна належала прадстаўнікам двух родаў. У 1783–1784 гг. уладальнікамі маёнтка адначасова з'яўляліся Адам, Антон і Фадзей Самуілавічы Рагозы [1, с. 112], у 1810 г. – Казімір Фадзеевіч Рагоза [4, арк. 290], у 1850 г. – Ягор Казіміравіч Рагоза [11, арк. 1]. У 1853 г. маёнтак па купчай крэпасці перайшоў да дваранкі Стафаніі Антонаўны Віткоўскай [7, с. 150–151], а 20 снежня 1880 г. па раздзельным акце яго атрымала Кацярына Антонаўна Карніцкая (сястра С.А. Віткоўскай) [6, арк. 75 адв.]. У 1910 г. маёнтак належаў усё той жа К.А. Карніцкай [13, с. 123].

У параўнанні са Станіслававам маёнтак Бржазова прадаваўся новым уладальнікам значна часцей. Так, у 1847 г. сяльцо належала калежскаму рэгістратару Іосіфу Фартунатавічу Бржазоўскаму [8, арк. 33]. У 1875 г. маёнтак купіў і ў пачатку 1880-х гг. валодаў ім надворны дарадца Іван Нілавіч Дубасаў [7, с. 154–155]. Ужо ў 1910 г. у маёнтку значыліся 32 розныя ўладальнікі праваслаўнага і лютэранскага веравызнання [13, с. 122] (можна меркаваць, што ён быў распрададзены мясцовым сялянам і каланістам-латышам).

На аснове статыстычных даных можна сцвярджаць, што ў першай палове XIX ст. для Лёзненскай воласці найбольш тыповымі былі пасяленні – цэнтры зямельных уладанняў, што налічвалі ад аднаго да некалькіх двароў (але іх колькасць не перавышала 15). У пачатку XX ст. самымі распаўсюджанымі з'яўляліся маёнткі і фальваркі, якія складаліся з 2–9 двароў (больш за 50% ад агульнага ліку); дастаткова распаўсюджанымі былі і тыя, у складзе якіх мелася 10 і да некалькіх дзясяткаў (каля 30%); самай жа малалікай катэгорыяй з'яўляліся пасяленні з 1 двара. Такім чынам, можна канстатаваць, што на працягу адзначанага перыяду ў цэлым адбылася павелічэнне памераў населеных пунктаў такога тыпу, як маёнткі і фальваркі.

Прасачыць агульную тэндэнцыю змянення колькасці насельніцтва ў сёльцах, маёнтках і фальварках дастаткова складана: у адных з іх лік жыхароў заставаўся дастаткова статычным на працягу значнага часу, у другіх – змяншаўся, а затым зноў павялічваўся. Адначасова звяртае на сябе ўвагу з'ява рэзкага павелічэння колькасці насельніцтва ў некаторых маёнтках і фальварках у другой палове XIX – пачатку XX ст., што, верагодна, было звязана з адменай прыгоннага права і арэндай ці набыццём зямлі на тэрыторыі некаторых маёнткаў. У прыватнасці, у параўнанні з 1857 г. у некаторых з іх лік жыхароў павялічыўся больш як у 30 разоў (табл. 1).

Табліца 1. Колькасць насельніцтва ў сёльцах, маёнтках, фальварках Лёзненскай воласці ў 1770-я – 1910-я гг. [2, арк. 26–38; 4, арк. 284–290; 8, арк. 21–33; 10, арк. 1; 12, арк. 362 – 362 адв., 371 – 371 адв.; 13, с. 122–124]

Назва сяльца, маёнтка, фальварка	Колькасць							
	жыхароў (хрысціян/іўдзеяў)	два-роў	жыхароў	два-роў	жыхароў (мужчыні/жанчыні)	жыхароў	два-роў	жыхароў (мужчыні/жанчыні)
	1777 г.	1810 г.	1847 г.		1857 г.	1910 г.		
Адаменкі	–	–	–	–	–	54	1	96 (50/46)
Альхімкава	–	–	–	20*	145* (72/73)	168*	9	41 (19/22)
Бржазова	–	–	–	15	114 (54/60)	4	29	135 (70/65)
Буі	–	–	–	–	–	6	21	154 (80/74)
Гарадок	–	–	–	–	–	–	9	75 (35/40)
Грышчонкі	–	–	–	–	–	–	13	69 (34/35)
Завольша	47* (47/0)	–	–	–	–	21	10	75 (40/35)
Лешакі	–	–	–	–	–	–	4	18 (10/8)
Макаранкі	–	–	–	6*	74* (39/35)	–	2	16 (9/7)
Малькава	–	–	–	1 (1848)	28 (12/16)	126*	3	7 (4/3)
Марцюткава	5 (5/0)	31*	100*	–	–	5	9	75 (35/40)
Матушова	–	450*	1822*	0	0	–	44	309 (150/159)
Палаводзіна	65* (65/0)	–	–	–	–	–	–	–
Прудзішча	–	–	–	–	–	–	4	31 (16/15)
Сакалоўка	–	–	–	–	–	–	2	9 (5/4)
Станіславава	11 (11/0)	12	68	–	–	22 (разам з в. Прудзішча)	1	19 (11/8)
Уна	17 (11/6) (разам з в. Пшчэтава)	15	70	–	–	29	59	385 (200/185)
Чарнаручча	36 (36/0)	29*	150*	–	–	14	4	58 (30/28)
Яськаўшчына Малая	–	–	–	3	30 (14/16)	–	3	37 (20/17)
Яськаўшчына Вялікая	–	–	–	6	43 (23/20)	–	1	7 (3/4)

Заўвагі: 1) табліца складзена аўтарам; 2) знакам * абазначаны звесткі, прыведзеныя для ўсяго ўладання ў цэлым ці для сяльца разам з суседняй вёскай.

На працягу XIX – пачатку XX ст. у межах Лёзненскай воласці ў цэлым адбывалася паступовае змяншэнне памераў зямельных уладанняў (табл. 2). У прыватнасці, калі ў пачатку XIX ст. плошча значнай колькасці маёнткаў перавышала 1 тыс. дзесяцін, то з сярэдзіны XIX ст. доля такіх уладанняў змяншаецца. Варта адзначыць, што такая з’ява была характэрна для ўсёй Магілёўскай губерні ў цэлым [15, с. 219]. У выніку, у 1910-я гг. уладанні памерам звыш 1 тыс. дзесяцін складалі каля 20% ад агульнага ліку маёнткаў воласці. Пры гэтым амаль усе маёнткі рэгіёна на працягу перыяду, які даследуецца, мелі ўстойлівую тэндэнцыю да скарачэння ўгоддзяў (некаторыя зменшыліся ў 20 разоў), і толькі асобныя з іх павялічыліся.

Табліца 2. Плошча зямельных уладанняў Лёзненскай воласці ў XIX – пачатку XX ст. [4, арк. 284–290; 7, с. 148–176; 8, арк. 21–33; 13, с. 122–124]

Назва зямельнага ўладання	Плошча (дзесяцін)			
	1810 г.	1847 г.	1882 г.	1910 г.
Адаменкі	–	–	7 003	9 168
Альхімкава	–	1 260	836 + 102	213
Бржазова	–	881	635	695
Буі	–	–	–	607
Гарадок	–	–	–	310
Грышчонкі	–	–	358	265
Завольша	–	–	2 754 (разам з Чарніцай)	1 500
Лешакі	–	–	325	279
Макаранкі	–	270	233	96
Малькава	–	1 363	700	70
Марцюткава	1 706	–	474	329
Магушова	7 639	–	–	1 620
Прудзішча	–	–	–	390
Сакалоўка	–	–	–	58
Станіславова	496	–	963	140
Уна	1 249	–	2 025	1 686
Чарнаручча	1 389	–	828	252
Яськаўшчына Малая	–	68	–	76
Яськаўшчына Вялікая	–	104	–	146

Заўвагі: 1) табліца складзена аўтарам; 2) у выпадку, калі ў крыніцах пазначаны 2 уладальнікі, плошча маёнтка ўказана праз знак +.

Драбленне маёнткаў адбывалася рознымі шляхамі: па-першае, праз падзел паміж нашчадкамі, па-другое, у выніку набыцця надзелаў зямлі рознымі асобамі. Напрыклад, 11 лістапада 1888 г. маёнтак Лешакі быў падзелены паміж Кацярынай Станіславаўнай, Паўлам, Мар’яй, Ганнай і Сафіяй

Буцэвічамі. Што тычыцца продажу часткі зямлі памешчыкамі, то 21 студзеня 1884 г. чыноўнік 14-га класа Рыгор Кузьміч Вішнякоў купіў надзел Бельская Пустка маёнтка Станіславава, а 12 студзеня 1899 г. М.Д. Хлюсцін набыў урочышча Мох маёнтка Уна [6, арк. 74 адв., 80 адв.].

З вышэйпрыведзеных фактаў вынікае, што ў канцы XVIII – пачатку XX ст. у межах Лёзненскай воласці адбывалася павелічэнне колькасці маёнткаў і фальваркаў пры адначасовым змяншэнні плошчы пераважнай большасці з іх. Пры гэтым доля такога тыпу пасяленняў, як сёльцы, маёнткі і фальваркі сярод іншых населеных пунктаў на працягу адзначанага перыяду кардынальным чынам не змянялася. Іх уладальнікі, за рэдкім выключэннем, змяняліся дастаткова часта: як правіла, прадстаўнікі аднаго роду валодалі маёнткам не больш за некалькі дзесяцігоддзяў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Анішчанка, Я. К.** Спісы шляхты Магілёўскай губерні за 1783–1784 гг. / Я. К. Анішчанка // *Архіварыус*. – Мінск, 2008. – Вып. 6. – С. 110–112.
2. **Ведомость** о дворянах Могилевской губернии, по разделению на двенадцать нижнеписанных уездов, с показанием какие каждый из них имеет во владении местечки, села и деревни и сколько в оных христиан и жидов состоит. – 1777. – 112 л.
3. **Вялікі** гістарычны атлас Беларусі : у 4 т. / гал. рэд. В. Л. Насевіч ; Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь, Рэсп. уніт. прадпрыемства «Белкартаграфія». – Мінск : Белкартаграфія, 2009–2018. – Т. 2. – 2013. – 347 с.
4. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 17.
5. **НГАБ**. – Ф. 2089. Воп. 1. Спр. 6.
6. **НГАБ**. – Ф. 2177. Воп. 2. Спр. 5.
7. **Опыт** описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : в 3 кн. / сост. [с предисл.] и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев-на-Днепре : Тип. губерн. правления, 1882–1884. – Кн. 3. – 1884. – 327 с. : табл.
8. **Российский** государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1319. Оп. 3. Д. 697.
9. **РГАДА**. – Ф. 1354. Оп. 232. Д. А-4 чырв.
10. **РГАДА**. – Ф. 1354. Оп. 232. Д. М-4 чырв.
11. **РГАДА**. – Ф. 1354. Оп. 232. Д. С-8 чырв.
12. **Российский** государственный исторический архив. – Ф. 1290. Оп. 4. Д. 80.
13. **Список** населенных мест Могилевской губернии. – Могилев : Губерн. тип., 1910. – 250 с.
14. **Старинные** карты уездов и губерний Российской Империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [maps.southklad.ru](https://southklad.ru). – Дата доступа: 07.10.2022.
15. **Шыдлоўскі, С. А.** Памеснае дваранства Беларусі: канец XVIII – пачатак XX ст. : этналагіч. даслед. / С. А. Шыдлоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2022. – 221 с.

ИНКРУСТИРОВАННЫЕ ПСАЛИИ ИЗ ПОЛОЦКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ

В 2021–2022 гг. были проведены масштабные раскопки в восточной части Верхнего замка г. Полоцка, где был полностью исследован раскоп № 5 (восточный). В результате раскопок кроме деревянных построек и других объектов была собрана большая коллекция индивидуальных находок, в том числе уникальных. С коллекции указанных артефактов и происходили удила с инкрустированными псалиями, о которых речь пойдет ниже.

Псалии – элемент конского снаряжения – вертикальные стержни, которые крепились перпендикулярно к концам удили и способствовали управляемости коня при натягивании поводьев [9, с. 232]. Псалии как элемент конской упряжи известен довольно давно. На территории Беларуси первые псалии были найдены на памятниках раннего железного века [4, С. 76–77, ил. 1, 3]. Подавляющее число псалиев изготовлялось из цветного или черного металла, однако встречаются и костяные псалии [8, с. 62–63, мал. 43:1–5].

Наибольшую популярность они преобрели в эпоху Средневековья, когда конница становится одним из основных родов войск. Несмотря на это, наборы псалиев в одном комплекте с удилами встречаются довольно редко. Очень часто можно наблюдать только одну пластину от псалиев. Так при раскопках Нижнего замка в Витебске был найден только один инкрустированный псалий в пласте X в. [1, с. 73, рис. 73:17]. При этом часто такие пластины типологически очень похожи между собой. Например, такую картину можно наблюдать относительно отдельных пластин псалиев (Дадатак 3, мал. 1) с памятников с Друцка и Лучно-1 [5, рис. 12.32:2; 7, с. 51, мал. 120:Г, 8]. Обратимся к более детальному разбору хронологии и типологии псалиев с раскопа № 5.

Псалии вместе с удилами были найдены в квадрате № 235 в пределах раскопного пласта № 16 на глубине 4,3–4,4 м от дневной поверхности (Дадатак 3, мал. 2). Основные находки с пласта № 16 датировались XII в. Преобладающий по численности массив керамики принадлежал горшкам с венчиками, которые в верхней части имели выгиб, обращенный внутрь. Такие горшки автором на основе материалов с Лучно-1 относились к типу I первого вида, а Г.В. Штыховым на основе раскопок Полоцка были классифицированы как тип IV [7, с. 185–186, мал. 71; 10, с. 82, рис. 40]. Эта керамика обычно датируется XII – первой половиной XIII в.

Рассмотрим вопросы типологии найденной находки. Наиболее известной является типология, разработанная А.Н. Кирпичниковым. Согласно ей, типологии псалии из раскопа № 5 близки к типу III, к которому относятся дугообразные изогнутые, иногда прямые псалии, снабженные широки-

ми двухпетельчатыми щитками и часто называемые «крылатыми» [6, с. 16, таб. III:3]. Однако на экземпляре из Полоцка пластины псалий вставлены во «внутреннюю» петлю восьмерковидного окончания грызла (Дадатак 3, мал. 3:А), что по той же классификации является признаком типа I [6, с. 13]. Для типа III, по А.Н. Кирпичникову, характерно размещение пластины псалия в одинарной петле окончания грызла вместе с кольцом (Дадатак 3, мал. 3:Б). Ясно, что массив новых находок позволяет говорить, что указанная классификационная схема несовершенна, что подтверждают так же псалии из Друцка. Здесь кроме единичного экземпляра, о котором шла речь выше (Дадатак 3, мал. 1:1), был найден такой же набор удил с псалиями, как и в Полоцке [5, 21.31:1]. Конечно, эти два набора не идентичны, но похожи. Главным идентичным признаком находок выступает вышеуказанная схема крепления пластин псалий во «внутреннюю» петлю восьмерковидного окончания грызла (Дадатак 3, мал. 3:А). Во «внешние» петли восьмерковидного окончания грызла здесь вставлены кольца, как и в артефакте из Полоцка. По мнению Е.В. Власовца, такая конструкция псалий в удилах выступает в качестве признака балтского влияния [5, с. 404, рис. 12.32:1]. Так как количество рассмотренных наборов псалий незначительно, нельзя говорить о том, какой из типов псалий превалировал, но уже тот факт, что два набора псалий с одного региона имеют одинаковую схему крепления пластин, позволяет говорить об укоренившейся традиции в использовании указанных изделий на территории Полоцкой земли.

Рассмотрим вопрос о реставрации псалий. Средневековые псалии, выявленные М.В. Климовым в ходе раскопок на Верхнем замке в Полоцке, поступили в реставрацию в июле 2022 г.

Артефакт был полностью покрыт продуктами коррозии, в частности вивианитом, минералом, представляющим водный фосфат железа, который обычно образуется на поверхности железных изделий, находящихся в погрешенных условиях в среде с повышенной влажностью и насыщенностью органическими соединениями. Наслоения имели черно-синий цвет, характерный для «мокрых» раскопов. В силу мощности коррозионных наростов (0,5–0,9 см) изделие было сильно деформированно, что затрудняло визуальное исследование поверхности.

Основанием к реставрационным мероприятиям стало наличие коррозионных наростов, искажающих внешний вид изделия и язв, наполненных рыжыми продуктами коррозии.

Первоначально была проведена механическая очистка изделия при помощи жестких кистей и этанола. В ходе очистки на кольце псалия были выявлены фрагменты инкрустации, предположительно из медного сплава. После укрепляющей пропитки предмет был подвергнут механической расчистке при помощи бормашины. В ходе расчистки были использованы твердосплавные боры и щетки-крацовки из высокоуглеродистой стали.

В процессе механической расчистки были выявлены не только фрагменты инкрустации из медного сплава, но и узоры из белого металла, нанесенные способом лакировки. Так как тестирование предмета во влажной камере выявило наличие процесса активной коррозии в виде капель воды, окрашенных солями железа в ярко-оранжевый цвет, было принято решение проводить стабилизацию памятника в растворе щелочного сульфита в ультра-звуковом поле [3]. Данная методика широко применяется сотрудниками Государственного Эрмитажа и Казанского Федерального (Приволжского) университета [2].

Для того, чтобы обезопасить инкрустации и лакировки от агрессивного воздействия химической среды, они были экранированы при помощи синтетического микрокристаллического воска.

Предмет подвергся четырем циклам обработки в растворе щелочного сульфита с последующими промывками до нейтрального pH. Тестирование во влажной камере после завершения последнего цикла не выявило наличия признаков активной коррозии. После просушки изделия в сухожаровом шкафу была проведена консервация изделия при помощи пятипроцентного раствора ParaloidB-72 на ксилоле с последующим покрытием поверхности восковой композицией.

По истечении трех месяцев признаков активной коррозии на предмете не выявлено.

Таким образом, инкрустированные псалми из Полоцка, происходящие со слоя XII в., свидетельствуют об распространении такого типа псалмий на территории Полоцкого Подвинья в XII в., что подтверждает и находка из Друцка. Вопрос о местном или привозном характере изделий остается открытым, что требует проведения дополнительных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бубенько, Т. С.** Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.): монография / Т. С. Бубенько. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова. – 2004. – 276 с. : ил.

2. **Буршнева, С. Г.** О сохранности археологического железа и дальнейшем развитии метода щелочного сульфита / С. Г. Буршнева, Н. В. Смирнова // Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера : сб. ст. – Вологда, 2011. – С. 220–232.

3. **Буршнева, С. Г.** Исследование и тестирование метода стабилизации железных археологических предметов с применением ультразвука / С. Г. Буршнева // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства : материалы III науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Эрмитажной школы реставрации. – Екатеринбург, 2012. – С. 139–146.

4. **Віцязь, С. П.** Аб адным тыпе псальіў з помнікаў Беларусі / С. П. Віцязь // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2006. – № 22. – С. 75–77.

5. **Друцк** : Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 619 с. : ил.

6. **Кирпичников, А. Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Ленинград : Наука, 1973. – 137 с.
7. **Клімаў, М. В.** Археалагічны комплекс Лучна-1 у акрузе Полацка (XI–XVI стст.) / М. В. Клімаў. – Мінск : Беларус. навука, 2019. – 567 с. : іл.
8. **Мядзведзева, В. У.** Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX–XIII стст. / В. У. Мядзведзева. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 236 с. : іл.
9. **Плавінскі, М. А.** Псаліі / М. А. Плавінскі // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]; склад. Ю. У. Каласоўскі. – Мінск, 2011. – Т. 2 : Л – Я. – С. 232.
10. **Штыхов, Г. В.** Древний Полоцк / Г. В. Штыхов. – Мінск : Наука и техника, 1975. – 136 с. : ил.

Комар Е.В. (г. Минск)

ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

История витебской земли – одна из ярких страниц военной истории Беларуси. Во все времена эти земли славились своими воинами. Не раз полоцкие и витебские дружины участвовали в сражениях, оставивших глубокий след в истории Древней Руси и Великого княжества Литовского. Витебская область стала родиной многих мужественных и отважных граждан, проявивших героизм в годы Первой и Второй мировых войн.

Межвоенный период охватывает временной отрезок с 18 марта 1921 г. (даты подписания Рижского мирного договора и начала процесса перехода к мирному строительству после польско-советской войны) до 1 сентября 1939 г. (дня начала Второй мировой войны), после которого осуществлялось строительство армии уже в условиях реальной военной угрозы. Данный период военной истории Беларуси до сих пор остается недостаточно изученным, но вместе с тем занимает важное место в строительстве военной организации государства. Именно в этот промежуток времени она достигла определенного уровня развития, с которым подошла к суровым испытаниям войны.

К марту 1921 г. на территории Советской Беларуси дислоцировались войска Западного фронта (ЗФ), основу которых составляла 16-я армия, и которые имели численный состав 197 327 человек, из них боевой состав – 96 536 военнослужащих. На территории Витебской губернии, административно входящей в то время в состав РСФСР, дислоцировалась 5-я стрелковая дивизия (Витебск), в которую входили 13-я, 14-я и 15-я стрелковые бригады (Лепель, Белая, Полоцк) [7, л. 40–82], а так же 7-й, 8-й, 17-й (Витебск) авиационные и 25-й (д. Заболотье под Оршей) воздухоплавательный отряды [1, с. 160].

Переход на мирное строительство запустил процессы массового сокращения и реформирования Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Трансформация структуры ЗФ проходила следующим образом. В первой половине 1921 г. 16-я армия была расформирована. Некоторые ее соединения были переформированы в подразделения пограничной и внутренней службы, а часть – переброшена в другие округа. Штаб фронта, размещавшийся в здании Кадетского корпуса в Полоцке, по оперативным соображениям переместился в Смоленск [8, л. 39, 40].

К концу 1921 г. на территории Витебской губернии дислоцировалась самая крупная часть группировки ЗФ в составе 5-й Саратовской стрелковой дивизии и 1-й Сибирской кавалерийской дивизии [9, л. 216, 217].

В декабре 1921 г. решением Революционного военного совета и штаба фронта в связи с прикреплением соединений к губернским исполнительным комитетам 5-я дивизия получила наименование Витебской [2, л. 589; 28, с. 65].

В 1922 г. 1-я кавалерийская дивизия была расформирована, ее подразделения вошли в состав пограничной (штаб дивизии – Полоцк), стрелковой и кавалерийской дивизий [10, л. 9; 11, л. 2; 28, с. 239].

В это время стрелковые войска начали переход на корпусную систему, высшим общевойсковым тактическим соединением становится стрелковый корпус, объединявший в оперативном отношении две-три дивизии и отдельные бригады. Один из двух первых корпусов на территории Беларуси был сформирован в Витебске (4-й), куда входило две дивизии (5-я Витебская, 27-я Омская) [12, л. 5, 6; 13, л. 1, 2].

Следует отметить, что на территории Витебской губернии, по которой проходили важные железнодорожные ветки и размещались крупные ж/д узлы (Витебск, Полоцк, Орша), дислоцировались три бронепоезда из семи, входивших в состав ЗФ [14, л. 74–80, 91, 92].

В начале 1920-х гг. в связи с сокращением вооруженных сил часть воинских частей переводилась на территориально-милиционную систему комплектования, которая заключалась в создании формирований, содержащих небольшое постоянное кадровое ядро (до 20% кадрового, в основной массе командного состава), осуществлявшего подготовку приписного переменного состава. Военнообязанные получали военные знания и навыки методом вневойсковой подготовки и прохождения учебных сборов в лагерях вблизи мест проживания с наименьшим отвлечением от хозяйственной деятельности [15, л. 12, 25–27, 78; 16, л. 1–18]. Интерес представляет тот факт, что в Витебской губернии (области) таких воинских частей не было, так как ее территория представляла собой важный оборонительный и наступательный рубежи и здесь содержались соединения кадрового состава.

После серьезного сокращения РККА в середине 1920-х гг. начался процесс постепенного увеличения численности армии, в том числе Западного (Белорусского) военного округа. Так, к 1937 г. на территории Витебской об-

ласти дислоцировалась крупная группировка войск, куда входили стрелковый корпус, три стрелковых и одна кавалерийская дивизии, три механизированные бригады [17, л. 27–37], единственный на территории Беларуси 7-й авиационный корпус, две легко-бомбардировочные бригады [18, л. 13–16].

Учитывая дислокацию крупной группировки войск в районе Витебска и Полоцка, возле ст. Дретунь был оборудован самый крупный окружной полигон [19, л. 5–10].

Важное место в процессе строительства военной организации СССР занимали вопросы подготовки территории Советской Беларуси как наиболее вероятного театра военных действий (ТВД). Оборонительное строительство в Беларуси было частью заблаговременной инженерной подготовки приграничных территорий Советского Союза. Согласно планам военного ведомства, Западный ТВД рассматривался как основной [5, с. 132].

Вопрос о подготовке Западного ТВД поднимался еще в 1919 г. Так, в приказе Реввоенсовета ЗФ, ставилась задача приступить к организации узлов обороны в Полоцке, Борисове, Бобруйске, Мозыре и др. В соответствии с документом, на местности проводилась рекогносцировка, планировалось возведение узлов обороны с постройкой не менее двух капониров на версту, оборудованием окопов и постройкой барakov. В 1920 г. уже проводились работы по сооружению Полоцкого укрепленного района (УРа), в ходе которых частично использовались позиции, размеченные в годы Гражданской войны [6, с. 8, 13; 20, л. 19]. Острая нехватка финансовых средств в 1920-х гг. стала основным сдерживающим фактором темпов оборонного строительства.

Первым в республике в 1927 г. началось строительство Полоцкого УРа, которому отводилась одна из ключевых ролей. Его оперативно-тактическое значение обуславливалось тем, что он частично прикрывал направление Смоленск – Москва, защищал мощный железнодорожный узел Полоцк, через который проходили важнейшие транспортные коммуникации и располагались удобные переправы через Западную Двину. Помимо этого, учитывались ограниченные мобилизационные ресурсы Полоцкого района.

В 1927 г. было построено четыре железобетонных пулеметных поста [21, л. 1]. К 1938 г. в огневую систему УРа входило 263 пулеметных ДОТа на 452 станковых пулемета и 10 противотанковых огневых точек на 10 45-мм пушек в башнях танков Т-26. 2 сектора обороны – Северный и Южный – включали 11 батальонных, 2 отдельных ротных и 6 отдельных взводных районов. Размеры УРа составляли: ширина по фронту около 55 км, глубина от 2 до 5 км, наименьшее удаление от границы на главном направлении 18 км [22, л. 52].

С 1938 г. в СССР начались работы по усилению и совершенствованию существующих и строительству новых УРов. В 1938–1939 гг. было возведено 38 сооружений, но даже они не были полностью оборудованы и вооружены [23, л. 14; 24, л. 3]. В период с 1936 по 1939 г. в УРе размещался гарнизон в составе 50-й стрелковой дивизии и 174 артиллерийского полка [5, с. 155].

Важное значение для повышения мобильности группировки войск округа и развития Советской Беларуси имело расширение транспортной сети. Значительные территории республики были удалены от железных дорог, что затрудняло их обслуживание народным хозяйством, поэтому работы по восстановлению железнодорожной сети сочетались со строительством новых путей сообщения. В 1923 г. завершена постройка участка Орша – Коммунары, протяженностью 176 км [25, л. 24, 24 об]. В феврале 1924 г. штабом РККА, при полной поддержке ЦИК Белоруссии, рассматривался вопрос строительства стратегической линии Орша–Лепель с целью укрепления западных границ и экономического развития приграничных районов. Оперативные соображения требовали прикрытия направления Смоленск–Москва сосредоточением в угрожаемый период в районе Витебск–Полоцк–Лепель–Борисов–Орша значительного количества войск [26, л. 3, 79, 79 об].

Несмотря на веские основания о стратегическом значении данной ветки, в Народном комиссариате финансов посчитали, что экономическое значение участка Лепель – Орша – ничтожно и призывали сдержанно отнестись к данному проекту [26, л. 8]. Правительством БССР и командованием фронта была проделана колоссальная работа для того, чтобы убедить руководство в целесообразности и добиться строительства ветки. В ходе развернутой кампании были проведены изыскания линии общей длиной 127 верст, разъяснительная работа среди населения, поиск новых экономических обоснований (проходила через лесные массивы и могла стать новой лесовозной веткой и в целом «оживить» район) [3, л. 199, 204; 26, л. 64]. Правительство республики брало на себя обязательство по обеспечению стройматериалами и рабочей силой, военное ведомство выделяло личный состав ж/д войск, а комиссариат путей сообщений – элементы и конструкции верхнего строения пути [26, л. 9, 22, 23, 28, 30, 45, 48].

Возведение 132-й километровой магистрали Орша – Лепель завершилось в 1926 г. Первый поезд прошел по линии 7 ноября 1925 г., а одним из пассажиров был командующий округом М.Н. Тухачевский [4, с. 68]. Общий объем выполненных на строительстве земляных работ составил 1,8 млн куб. м, было уложено 160 км пути на перегонах и станциях, сооружено 72 моста и 532 провода километра телеграфно-телефонной линии связи [27, с. 60].

Помимо строительства железнодорожных веток велось строительство дорог Витебск – Камень, Камень – Лепель – Березина и др. В 1934 г. правительством БССР была утверждена сеть местных авиалиний, одна из которых Минск – Холопеничи – Сенно – Бешенковичи – Витебск – Полоцк – Ушачи – Лепель – Минск протяженностью 575 км [29, с. 9].

В период 1921–1939 гг. в БССР была создана система подготовки граждан к прогнозируемым войнам. В межвоенные годы через военно-учебные пункты, лагеря, занятия в системе военной подготовки в учебных заведениях прошли тысячи граждан, которые получили базовые военные знания и навыки.

Таким образом, территория Витебской области в межвоенный период являлась важным в стратегическом отношении районом и рубежом. Здесь дислоцировалась крупная группировка войск, включавшая авиационные соединения. Особое внимание командованием РККА уделялось подготовке к прогнозируемым боевым действиям на территории северной Беларуси как части Западного ТВД. Значительная часть населения была подготовлена в морально-психологическом и физическом отношении к ведению вооруженной борьбы как в действующей армии, так и в партизанских формированиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. **История** Военно-Воздушных Сил Советской Армии: от начала зарождения воздухоплавания и авиации в России до Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : учеб. пособие / Упр. Главнокоманд. ВВС. – Москва : Воениздат, 1954. – 456 с.

2. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 38 А.

3. **НАРБ**. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 1959.

4. **Петриченко, С. С.** Железнодорожные войска в Беларуси : 130 лет на службе Отечеству / С. С. Петриченко ; под ред. А. Я. Степука. – Минск : Центр охраны труда и пром. безопасности, 2006. – 306 с.

5. **Пивоварчик, С. А.** Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941) / С. А. Пивоварчик. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2006. – 251 с.

6. **Поляков, С. И.** «Линия Сталина». Полоцкий укрепрайон, 1919–1941 гг. / С. И. Поляков, С. П. Копыл. – Полоцк : Полоц. кн. изд-во, 2009. – 55 с. – (Наследие Полоцкой земли ; вып. 7).

7. **Российский** государственный военный архив (РГВА). – Ф. 46. Оп. 23. Д. 6.

8. **РГВА**. – Ф. 7. Оп. 2. Д. 605.

9. **РГВА**. – Ф. 4. Оп. 5. Д. 64.

10. **РГВА**. – Ф. 7. Оп. 2. Д. 309.

11. **РГВА**. – Ф. 34912. Оп. 1. Д. 684.

12. **РГВА**. – Ф. 34912. Оп. 1. Д. 12.

13. **РГВА**. – Ф. 34912. Оп. 1. Д. 719.

14. **РГВА**. – Ф. 7. Оп. 2. Д. 243.

15. **РГВА**. – Ф. 54. Оп. 18. Д. 24.

16. **РГВА**. – Ф. 54. Оп. 3. Д. 165.

17. **РГВА**. – Оп. 280 с. Д. 19. Сведения о дислокации войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений Рабоче-крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-е января 1937 года (по материалам архива Генерального штаба Вооруженных Сил СССР).

18. **РГВА**. – Оп. 146 с. Д. 6. Сведения о дислокации технических и специальных частей и учреждений сухопутных, воздушных и морских сил Рабоче-крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-е января 1937 года (по материалам архива Генерального штаба Вооруженных Сил СССР).

19. **РГВА**. – Ф. 4. Оп. 2. Д. 436.

20. **РГВА**. – Ф. 22. Оп. 15. Д. 166.

21. РГВА. – Ф. 23. Оп. 1. Д. 151.
22. РГВА. – Ф. 22. Оп. 32. Д. 1525.
23. РГВА. – Ф. 36967. Оп. 1. Д. 182.
24. РГВА. – Ф. 22. Оп. 32. Д. 3654.
25. РГВА. – Ф. 33. Оп. 3. Д. 242.
26. РГВА. – Ф. 33. Оп. 6. Д. 724.

27. **Терехин, К. П.** Воины стальных магистралей : крат. воен.-ист. очерк о ж.-д. войсках Совет. армии за 50 лет / К. П. Терехин, А. С. Таралов, А. А. Томашевский. – Москва : Воениздат, 1969. – 309 с.

28. **Центральный** государственный архив Советской Армии : путеводитель : в 2 т. / сост.: Т. Ф. Каряева [и др.] ; редкол.: Л. В. Двойных [и др.]. – Москва : ЦГАСА, 1993. – Т. 2. – VI, 531 с.

29. **Щавлинский, Н. Б.** История создания и развития гражданской авиации Беларуси (1933 – середина 1980-х гг.) / Н. Б. Щавлинский. – Минск : Беларус. гос. аграр. техн. ун-т, 2011. – 184 с.

Крэнт Д.А. (з Мінск)

МІКАЛАЙ КАСПЯРОВІЧ – ТЭАРЭТЫК І АРГАНІЗАТАР КРАЯЗНАЎЧАГА РУХУ ў БССР

На перыяд 1920-х гг. прыходзіцца абуджэнне беларускага адукацыйнага, навуковага і культурнага жыцця. Адным з наступстваў дадзенага працэсу стала актыўнае развіццё такога культурнага феномену, як краязнаўчы рух. Краязнаўства ў 1920-я гг. дастаткова хутка выйшла за межы дылетантызму і стыхійнасці, фактычна ператварылася ў з’яву арганізаваную, якая, з аднаго боку, дзейнічала ў якасці шырокага грамадскага руху, а з іншага боку, мела свае тэарэтычныя распрацоўкі, з’яўлялася паўнаважнай формай даследчыцкай дзейнасці. Адною з выбітных постацей, якой належыў значны ўнёсак у развіццё краязнаўства як шырокага грамадскага руху, так і своеасаблівага спосабу пазнання рэчаіснасці на навуковых пачатках, з’яўляўся Мікалай Іванавіч Каспяровіч.

Мікалай Каспяровіч нарадзіўся 9 (22) мая 1900 г. у в. Ізабелёва Ігуменскага павета Мінскай губерні. У чэрвені 1917 г. М. Каспяровіч скончыў Кастрямскую гімназію. У лістападзе 1917 г. ён атрымаў званне настаўніка пры Бабруйскай мужчынскай гімназіі. З 1917 па 1921 г. з’яўляўся выкладчыкам шэрага пачатковых школ [8, арк. 59–60]. Паралельна з гэтым М. Каспяровіч праявіў сябе як актывіст беларускага нацыянальнага руху, з’яўляўся членам Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў [6, с. 59–60]. З 1922 па 1924 г. спачатку на працы ў сістэме Народнага камісарыята асветы, пасля ў Слуцкім павятовым адзеле адукацыі працаваў у якасці інструктара. У лістападзе

1921 г. скончыў Мінскі інстытут народнай адукацыі па літаратурна-мастацкім цыкле. Ужо ў дадзены перыяд сваёй працоўнай дзейнасці праявіў арганізатарскія здольнасці. У прыватнасці, прыклаў значныя намаганні для пошуку, падрыхтоўкі і апрацоўкі экспанатаў для Усерасійскай сельскагаспадарчай выставы ад Слуцкага павета. За дадзеную дзейнасць быў адзначаны мясцовым кіраўніцтвам, пра што сведчыць наступны запіс у фармулярным спісе: «По постановлению коллегии Слуцкого УОНО от 6–8 октября 1923 г. получил 30 пудов ржи в виде премии за работы по изготовлению и доставке экспонатов на всероссийскую сельскохозяйственную выставку» [8, арк. 61 адв.]. Са жніўня 1924 г. па пачатак кастрычніка 1926 г. – інспектар Віцебскага акрана. На новым месцы службы праводзіў актыўную грамадскую працу: займаў розныя пасады ў складзе праўлення Віцебскага акружнага таварыства краязнаўства; быў адным з ініцыятараў стварэння і адным з першых кіраўнікоў Віцебскага філіяла літаратурнага аб'яднання «Маладняк» [5, с. 14]. З кастрычніка 1926 па чэрвень 1930 г. на працы ў Інстытуце беларускай культуры (з 1929 г. Беларуская акадэмія навук), на пасадзе вучонага сакратара Цэнтральнага бюро краязнаўства. Арыштаваны ў чэрвені 1930 г. у межах справы «Саюза вызвалення Беларусі». Па выніках судовага разбіральніцтва быў асуджаны да пяці гадоў высылкі, якую адбываў у Кемераўскай вобласці. Вызвалены ў сакавіку 1936 г. Апошнія гады жыцця пражываў у Нова-сібірску, выкладаў рускую мову і літаратуру ў мясцовым тэхнікуме. Паўторна арыштаваны ў жніўні 1937 г., асуджаны, расстраляны 26 снежня 1937 г. Рэабілітаваны па другой справе ў 1958 г., а па першай – у 1960 г. [5, с. 47].

Свае здольнасці як арганізатар краязнаўчага руху М. Каспяровіч пачаў праяўляць падчас працы на Случчыне. Менавіта пры яго актыўным удзеле была створана павятовая камісія беларусазнаўства, якая ў будучым ператварылася ў мясцовую краязнаўчую арганізацыю [6, с. 71, 73]. Больш шырока раскрыць свае арганізатарскія задаткі даследчык змог падчас працы ў Віцебскім акружным таварыстве краязнаўства. Само таварыства было нанова ўтворана 25 жніўня 1924 г., што было абумоўлена пераходам большай часткі былой Віцебскай губерні ў склад Савецкай Беларусі. Першапачаткова М. Каспяровіч у дадзенай арганізацыі займаў пасаду старшыні праўлення, з пачатку 1925 г. – намесніка старшыні, з 24 лістапада 1925 г. з'яўляўся яго вучоным сакратаром. Мажліва дапусціць, што адной з задач, якая ставілася перад ім ва ўмовах занятасці па асноўным месцы службы, з'яўлялася наладжанне камунікацыі з навуковымі і вышэйшымі навучальнымі ўстановамі. У час, калі М. Каспяровіч знаходзіўся на кіруючых пасадах у акружным таварыстве, мясцовую краязнаўчую арганізацыю з мэтай кансультацый, прачытання лекцый і дакладаў неаднаразова наведвалі выбітныя беларускія даследчыкі, такія як У. Пічэта, Д. Даўгяла, А. Фядзюшын і інш. Падобную скіраванасць працы не хавалі і ўласна і ў таварыстве. У прыватнасці, на адным з пасяджэнняў акруговага таварыства была дадзена наступная характарыстыка яго дзейнасці:

«...праца Каспяровіча выяўлялася ў зносінах з рознымі навуковымі ўстано-
вам і прыватнымі асобамі, якія маюць вялікі ўплыў на краязнаўчую працу»
[9, арк. 78]. Варта падкрэсліць, што М. Каспяровіч з'яўляўся вельмі адказным
чалавекам, досыць эмацыянальна рэагаваў на фармалізм, уласцівы для кабі-
нетных функцыянераў, што яркава дэманструе яго адрывачнае ліставанне з
Цэнтральным бюро краязнаўства ў 1926 г. Так, у лісце ад 10 красавіка 1926 г.
ён адзначае, што «зважаючы на тое, што я за ўвесь час існавання ЦБК ні разу
не атрымаў ад Вас адказ на свае шматлікія лісты, змушаны канстатаваць,
што перапіска (з майго боку) нікому не карысна і затым змушаны спыніць
яе» [9, арк. 121].

У Віцебску М. Каспяровіч пачынае публікацыю шэрага матэрыялаў ін-
струкцыйнага і метадычнага зместу. Акрамя таго, займаецца і аналітычнымі
даследаваннямі як шараговы краязнавец. Менавіта падчас працы ў Віцеб-
скай акрузе даследчыкам быў сабраны багаты лінгвістычны матэрыял, які ў
выніку быў пакладзены ў аснову Віцебскага краёвага слоўніка. Пры гэтым
досыць яркава характарызуе працавітасць і апантанасць М. Каспяровіча
як даследчыка спосаб збірання матэрыялу: «у часе раз'ездаў (па службовых
справах. – Д. К.) М. І. па Віцебшчыне шляхам гутарак з селянамі ў іх звычай-
най абстаноўцы і з возчыкамі, якія наймаліся вазіць яго па справах службы,
а таксама бываючы на кірмашох, фэстах і ў іншых мясцох, дзе збіралася
шмат народу, ён рэгістраваў асабліва вымаўлення, словы і г. д. <...> нават,
і адзначаючы месца запісу, час, а бывала і фамілію ад каго чуў» [1, с. IX].
Гэта значыць, краязнавец праводзіў сваю тытанічную працу, не адрываючы-
ся ад сваіх службовых абавязкаў. Варта канстатаваць, што М. Каспяровіч ім-
кнуўся інтэграваць сваю працу з навуковай акадэмічнай супольнасцю. Пра
апошняе, у прыватнасці, сведчыць ліст, адрасаваны ЦБК у чэрвені 1926 г.:
«...я да 27 чэрвеня прыеду ў Менск і прашу Вас на 28 чэрвеня прызначы-
ць пасяджэнне Слоўнікавай камісіі ІБК для заслухвання майго дакладу аб
укладанні Віцебскага краёвага слоўніка. Добра бы было, каб з гэтай працаю
пазнаёмілася гэта Камісія і сказала свае слова аб ей у час, а ні тады, калі яе
рады ўжо непатрэбны будучы. Спадзяюся, што я прыеду не даром» [9, арк. 69].
Варта дапусціць, што дадзены зварот краязнаўца быў заахвочаны і падтры-
маны, пра што сведчыць факт з'яўлення ў слоўніку навуковых рэдактараў,
членаў Інбелкульта М. Байкова і Б. Эпімах-Шыпілы.

З кастрычніка 1926 г. М. Каспяровіч пераходзіць на працу ў Цэнтральнае
бюро краязнаўства, якое існавала пры Інбелкульце. Тут варта спыніцца на
той акалічнасці, што краязнаўчы рух у 1920-я гг. для ІБК (Інстытута беларус-
кай культуры) ва ўмовах адсутнасці працягла час навуковых і вышэйшых
навуковых устаноў у Беларусі стаў адным з удалых спосабаў рэтрансля-
цыі навуковых ведаў, заахвочвання да даследчай дзейнасці шырокай грамад-
скасці. ЦБК як спецыяльны орган распачаў сваю працу з пачатку 1924 г. У
першы яго склад уваходзілі выбітныя вучоныя – супрацоўнікі Інбелкульта:

А. Смоліч, У. Пічэта, С. Скандракоў, М. Азбукін, В. Дружчыц. Першаснай задачай новай структуры з’яўлялася фармалізаваць існуючыя лакальныя краязнаўчыя гурткі, іх рэгістрацыя. Значную ролю для інстытуалізацыі краязнаўчага руху адыграла правядзенне Першай Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі, якая адбылася ў лістападзе 1924 г. Пасля яе правядзення значная ўвага пачала надавацца выданню метадычнай літаратуры і апрацоўцы матэрыялаў, сабраных членамі краязнаўчых гурткоў. Інструктарамі ЦБК і акружнымі арганізацыямі праводзілася актыўная праца па навучанні актывістаў. У адной з праграм лекцый было досыць удала дадзена тагачаснае разуменне краязнаўства як з’явы: «...краязнаўства трэба разглядаць як энцыклапедыю мясцовага краю, як мікрагеаграфію, як метады усебаковага вывучэння пэўнай адносна невялікай тэрыторыі і яе вытворчых сіл» [7, арк. 115].

З гэтай папулярнага гуртка краязнаўчага руху з кастрычніка 1925 г. пачаў выдавацца часопіс «Наш Край». З 1926 г. праца ЦБК паступова эвалюцыянуе, арганізацыйная і каардынацыйная дзейнасць саступіла прыярытэтнае месца на карысць навукова-даследчай і метадычнай работы. У падобных умовах акурат і прыходзіць на працу ў бюро М. Каспяровіч. Менавіта падчас працы на пасадзе вучонага сакратара дадзенай структуры ён раскрыўся як тэарэтык краязнаўчага руху. Да гэтага прамежку часу адносіцца шэраг артыкулаў і кніг М. Каспяровіча, дзе вельмі ярка раскрываюцца яго погляды і падыходы ў дадзеным рэчышчы. Да гэтых публікацый варта аднесці «Краязнаўчыя музеі» (1927), «Арганізаванае вывучэнне Беларусі ў XIX і пачатку XX стагоддзя» (1928), «Наша Ніва і краязнаўства» (1928), «Краязнаўства» (нарысы) (1929).

Адной з асаблівасцей падыходу М. Каспяровіча з’яўлялася тое, што ён даў прыныпова новае для беларускага навуковага дыскурсу вызначэнне краязнаўства. Па словах М. Каспяровіча, краязнаўства – гэта пазнанне своеасаблівай прыродна-геаграфічнай адзінкі. Яно мае гэтай вывучэнне як сучаснасці, так і гісторыі – вывучэнне прыродных багаццяў краю і працы чалавека ў ім [3, с. 29]. Краязнаўства павінна мець навуковае, асветніцкае і практычнае вымярэнне. У адваротным выпадку, на думку даследчыка, «яно ператвараецца ў дылетанцкую працу аматара, кабінетную дзейнасць вучонага, калупанне практыка ў другасных дробязях жыцця» [2, с. 11]. М. Каспяровіч разглядаў краязнаўства як з’яву сацыяльную (калектыўную) скіраваную на пазнанне краю з гэтай усебаковага паляпшэння жыцця і змены гэтага краю на сваю карысць.

Даследчык размежаваў тэрміны краязнаўства і беларусазнаўства. Ён падкрэсліваў, што «край» і вытворчыя ад яго тэрміны варта разумець у сэнсе невялікай мясцовасці, якая ва ўмовах 1920-х гг. супадала з акружным і раённым падзелам [2, с. 10]. Падобнае тэрміналагічнае ўпарадкаванне было абумоўлена сэнсавай варыяцыйнасцю адзначаных паняццяў у навуковым і грамадскім дыскурсе. Праца М. Каспяровіча ў гэтым рэчышчы варта разгля-

даць як імкненне беларуса-інтэлектуала новай постімперскай генерацыі да ўспрыняцця сваёй Радзімы як дзяржаўнага і нацыянальнага ўтварэння, а не самастойнага культурна-гістарычнага рэгіёна.

Безумоўнай заслугай М. Каспяровіча як тэарэтыка з'яўляецца праца па асэнсаванні гістарычнага шляху беларускага краязнаўства. Даследчык лічыць, што краязнаўства як этанакіраваная праява інтэлектуальнай дзейнасці пачало развівацца з другой паловы XVIII ст. Працяглы час краязнаўства развівалася пад уплывам польскім і расійскім. Разам з тым ён аднолькава адмоўна ставіўся да падобных уплываў незалежна ад іх паходжання. Пра апошнія сведчаць наступныя радкі: «...на Беларусь прыходзіў жаўнер і ксёндз, або салдат і поп, а ўжо за імі спяшаліся польскі і рускі вучоныя, каб угрунтаваць на так званых, навуковых падставах іх дзеянні, дапамагчы зняволіць беларусаў» [2, с. 13]. Пачаткі ўласна беларускага па форме і змесце краязнаўства М. Каспяровіч бачыць пасля інстытуалізацыі беларускага нацыянальнага руху, стварэння яго інфраструктуры і ў першую чаргу з'яўлення беларускіх сродкаў масавай інфармацыі. Менавіта ў гэтым кантэксце даследчык лічыць пачатковай вехай для старту нацыянальнага краязнаўства з'яўленне газеты «Наша Ніва» [2, с. 47].

М. Каспяровічам надавалася значная ўвага не толькі асэнсаванню краязнаўчага руху ў Савецкай Беларусі. У сваіх публікацыях ён звяртаў увагу і на арганізацыю краязнаўства ў іншых рэспубліках СССР і ў краінах замежжа [2, с. 90, 92–104]. У гэтым сэнсе найбольш значную ўвагу М. Каспяровіч надаваў спосабу вывучэння невялікіх рэгіёнаў у Фінляндыі. Падобны інтарэс да гэтай краіны быў абумоўлены разгорнутай сістэмай даследаванняў, наяўнасцю шырокай грамадскай уключанасці ў гэтую з'яву. Даследчык мог арыентавацца не толькі на аналіз апублікаваных крыніц, але і на ўласныя назіранні, якія ён мог зрабіць падчас сваёй камандзіроўкі ў Фінляндыю і краіны Прыбалтыкі летам 1927 г. [4, с. 76].

Такім чынам, адметнасць асобы М. Каспяровіча, як адной з выбітных постацей краязнаўчага руху ў Беларусі, заключалася ў тым, што ён з'яўляўся прыкладам спалучэння краязнаўца-практыка, краязнаўца-арганізатара і краязнаўца-тэарэтыка. Эфектыўнасць М. Каспяровіча як арганізатара краязнаўчага руху варта звязаць з той акалічнасцю, што ён сам выйшаў з краязнаўцаў-шарагоўцаў, прайшоў усе прыступкі кіравання краязнаўчымі арганізацыямі. Як тэарэтыку краязнаўчага руху М. Каспяровічу была ўласціва беларусацэнтрычнасць, што выявілася ў выпрацоўцы гісторыі краязнаўства з нацыянальных пазіцый, увага да арганізацыі і карэктнага ўжывання тэрмінаў і паняццяў. У яго поглядах прасочваецца стаўленне да краязнаўства як да з'явы сацыяльнай (калектыўнай) і комплекснай, якая мае некалькі ўзаемязвязаных вымярэнняў (навуковае, асветніцкае, практычнае). У межах распрацоўкі і ўдасканалення практычных рэкамендацый і тэарэтычных абагульненняў ім актыўна вывучаўся замежны вопыт арганізацыі краязнаўчай дзейнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. **Каспяровіч, М. І.** Віцебскі краёвы слоўнік : матэрыялы / М. І. Каспяровіч. – Віцебск : Віцеб. акадэмічнае т-ва краязнаўства : «Заря Запада», 1927. – 371 с.
2. **Каспяровіч, М. І.** Краязнаўства : нарысы / М. І. Каспяровіч. – Менск : БДВ, 1929. – 159 с.
3. **Каспяровіч, М. І.** Краязнаўчыя музеі / М. І. Каспяровіч // Чырвоны сейбіт. – № 8/9. – С. 29–30.
4. **Лісаў, А. Г.** Мікалай Каспяровіч: шлях ад школьнага краязнаўства да акадэмічнай навукі / А. Г. Лісаў // Першы Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі ў рамках Года малой радзімы : зб. матэрыялаў : у 2 т. / укл.: П. М. Сапоцька, Ю. В. Юшкевіч ; рэдкал.: А. М. Карлюкевіч (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2020. – Т. 2. – С. 71–77.
5. **Лісаў, А.** Краязнавец Мікалай Каспяровіч / А. Лісаў, А. Падліпскі. – Віцебск : Віцеб. абл. друкарня, 2000. – 48 с.
6. **Пра час** «Узвышша» : матэрыялы навук. канф., узвышшаўскіх чытанняў (Мінск, 1999–2002) / рэдкал.: Г. В. Запартыка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелНДІДАС, 2002. – 167 с.
7. **Цэнтральны** навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 5.
8. **ЦНА НАН Беларусі.** – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 7.
9. **ЦНА НАН Беларусі.** – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 22.

Куксёнак М.В. (г. Наваполацк)

ТРАНСФАРМАЦЫЯ АРХІТЭКТУРНАГА ВОБРАЗА НАВАПОЛАЦКА Ў КАНЦЫ 1950-х – ПАЧАТКУ 2000-х гг. ЖЫЛЫЯ БУДЫНКІ

Пачатак будаўніцтва Наваполацка прыпадае на канец 1950-х гадоў. Гэта не магло не адбіцца на яго забудове. Жылыя дамы па тыповых праектах знайшлі ўвасабленне на вуліцах горада. У той жа час архітэктурны вобраз Наваполацка нельга лічыць простаай з’явай. За кароткі перыяд у праектаванні і будаўніцтве жылля адбыліся сапраўды істотныя змены.

Вядомы фотаздымак з адлюстраваннем брызентавых палатак і подпісы да яго ў перыядычным друку – «на першых парах ядрэнным жыллём з’яўляюцца палаткі. У іх размясціліся і будаўнікі, і кантора» [3], «палаткі УНР-121, якія пакуль служаць канторай і жыллём» [1, с. 2] – паспрыялі фарміраванню ўяўлення пра тое, што першабудаўнікі пражывалі ў палатках. Аднак гэта не адпавядае рэчаіснасці.

На месцы будучага горада сапраўды разглядаўся варыянт арганізацыі палатачнага гарадка, але пазней было прынята рашэнне размясціць рабочых, інжынерна-тэхнічны персанал і служачых у навакольных вёсках. З ліпеня па кастрычнік 1958 г. работнікамі жыллёва-камунальнай канторы трэста № 16

Раніца ў палатачным гарадку. Начальнік аддзела кадрў УНР-121
П. Несцяронак вывешвае аб'яву. Ліпень 1958 г.

«Нафтабуд» была арэндавана жылая плошча для размяшчэння 840 чалавек [8, с. 44]. Добрай ілюстрацыяй таму служыць фотаздымак з фондаў музея. Мы бачым першага домакіраўніка ў час заключэння дамовы з жыхаркай в. Слабада. Пацвярджэнне гэтага факта знаходзім і ва ўспамінах першабудуўнікоў: «Жили по деревням: в Слободе, в Охотнице, в Середоме, в Гвоздово, в Подкастельцах, в Махирово, в 1-ой Баравухе» [6, с. 4]. Размяшчэнне ў вясковых дамах было часовай мерай, таму з першых дзён прыступілі да будаўніцтва жылля.

У лістападзе 1958 г. першыя восем інтэрнатаў будуць зладзены ў эксплуатацыю. Яны ўзводзіліся са зборна-шчытавых драўляных канструкцый і звонку былі абліцаваны сілікатнай цэглай. Планіроўка была прастай: падоўжны калідор з уваходамі ў жылыя пакоі плошчай каля 20 кв. м. У адным з пакояў размяшчаўся чырвоны куток, дзе можна было паслухаць радыё, пачытаць газеты, часопісы. З дапаможных памяшканняў былі запраектаваны кухня, пакой для ўмывання, туалет.

«Шостага лістапада з Новага Двара, Шніткоў, Плаксаў і Слабады ішлі са сваім халасцяцкім скарбам маладыя будаўнікі ў першыя інтэрнаты жылога гарадка беларускіх нафтавікоў, – вяртае нас у той час Сяргей Грахоўскі. – Не раскладваючы рэчаў, яны па-гаспадарску абходзілі ўсе пакоі, спрабавалі, як дзейнічаюць краны ў рукамыніку, ці добра зачыняюцца дзверцы ў пліце на

Першы домакіраўнік заключае дамову з жыхаркай в. Слабада на часовае пражыванне будаўнікоў. Чэрвень 1958 г.

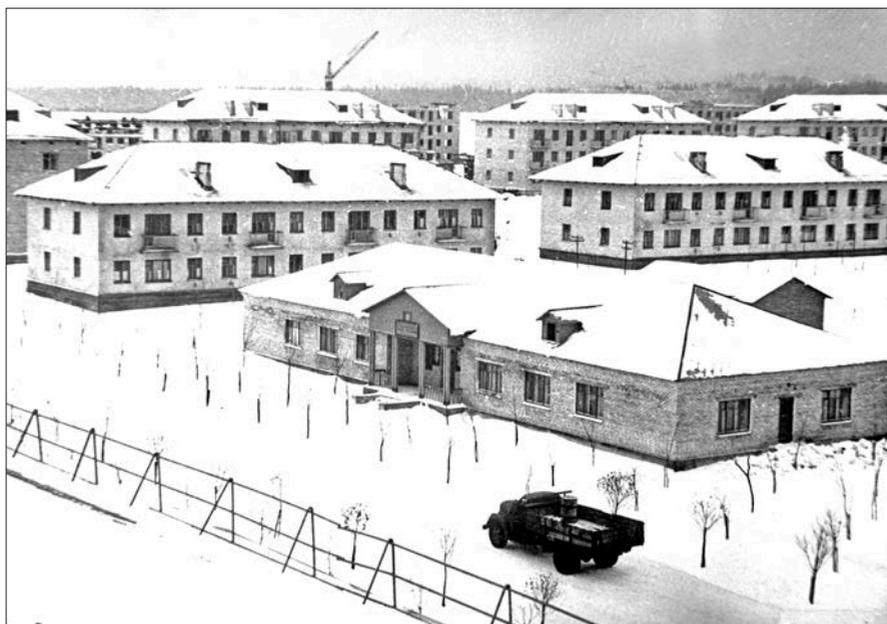
агульнай кухні, дакраналіся да гарачых радыятараў паравога ацяплення, а пасля агляду браліся ўладкоўваць свой быт: засцілалі ложка, прыбівалі кніжныя палічкі, развешвалі ў шафах свае выхадныя касцюмы» [2].

Варта адзначыць, што да нашага часу захаваліся будынкі двух зборна-шчытавых інтэрнатаў. У адным з іх размяшчаюцца гандлёвыя аб'екты, у другім – фінансавая міліцыя. Знешні выгляд будынкаў істотна змяніўся пасля рамонтных работ.

У 1958 г. адначасова з узвядзеннем інтэрнатаў пачалі будаваць двух-, трохпавярховыя жылыя дамы з цэглы. Жылыя будынкі прызначаліся для пасямейнага засялення, мелі адна-, двух- і трохпакаёвыя кватэры з кухняй і сумешчаным санітарным вузлом.

Наступны фотадакумент выдатна ілюструе, як рос горад. На прээднім плане мы бачым аднапавярховы будынак інтэрната, на заднім – двух- і трохпавярховыя жылыя дамы. Напачатку 2000-х гг. вонкавыя сцены гэтых будынкаў былі абтынкаваны і афарбаваны.

У далейшым у забудове выкарыстоўвалі тыпавыя праекты 32, 48 і 64-кватэрных жылых дамоў. Яны мелі практычна аднолькавую планіроўку і

Агульны выгляд вул. Маладзёжнай. 1960 г.

адрозніваліся па колькасці паверхаў і секцый. Секцыя складалася з чатырох кватэр, якія выходзілі на адну лесвічную клетку. Агульныя пакоі ў двух- і трохпакаёвых кватэрах былі прахаднымі. Лічылася, што такое рашэнне выключыць магчымасць засялення кватэр некалькімі сем'ямі. «Жылая плошча аднапакаёвых кватэр складала 17–20 кв. м, двухпакаёвых – 28–32, трохпакаёвых – 39–42» [7, с. 29].

У 1959 г. пачалося асваенне тэрыторыі, прызначанай для індыўдуальнага будаўніцтва. Першымі прыступілі забудоўшчыкі, якія ўзводзілі жылыя дамы ўласнымі сіламі. Крыху пазней, у канцы года, трэстам № 16 «Нафтабуд» было пачата будаўніцтва зборна-шчытавых аднапавярховых аднакватэрных трохпакаёвых жылых дамоў па тыпавых праектах. Узводзіліся два тыпы будынкаў, якія атрымалі найменне «фінскіх». «Іх габарыты складалі $9,0 \times 6,0$ і $9,0 \times 7,5$ м, жылая плошча адпаведна 37,2 і 46,6 кв. м» [7, с. 30]. З-за вострага недахопу жылля пасля завяршэння будаўніцтва было вырашана засяляць у дамы па дзве сям'і.

У канцы 1950-х гг. дырэктар нафтаперапрацоўчага завода Алег Аляксандравіч Ктатараў здолеў пераканаць кіраўніцтва ў Мінску ў неабходнасці будаўніцтва для запрошаных спецыялістаў двухпавярховых двухкватэрных дамоў. У 1960 г. былі пабудаваны першыя катэджы, а ў наступным годзе здадзены астатнія.

Аналіз жылля будзе няпоўным, калі не ўзгадаць жыллыя дамы па інды-відуальных праектах у раёне в. Шніткі і не прывесці факты самавольнай забудовы. Рашэнне № 40 выканкама Полацкага пасялковага Савета дэпутатаў працоўных ад 2 лістапада 1961 г. «О самавольной застройке жилых домов в районе д. Шнитки» дазваляе нам атрымаць уяўленне, калі і з якіх рэгіёнаў прыезджалі рабочыя на Усесаюзную ўдарную камсамольскую будоўлю, якім чынам вырашалі жыллёвыя праблемы і інш. Звернемся да тэксту архіўнага дакумента: «З. Комков Виктор Михайлович. Прибыл на стройку из Рассонского района, Клястицкого с/Совета в ноябре 1960 года, дом перевез от туда же...

4. Красник Елена Антоновна прибыла на стройку в декабре 1960 года из Лепельского района, Каменский с/Совет, дом перевезен от туда же...

5. Боган Иван Ильич. Прибыл на стройку в 1959 году, лес на дом купил в колхозе XXI съезд КПСС...

6. Волжин Валентин Христофорович. Прибыл на стройку с г. Николаева в июне 1961 года, дом взял у тестя из Рассонского района...» [5, с. 34–35].

Для больш хуткага забеспячэння жыллём выкарыстоўваліся і іншыя тыпы жылых будынкаў. Прырытэт быў за найбольш умяшчальнымі. У 1962 г. былі пабудаваны першыя два пяціпавярховыя жыллыя дамы калідорнага тыпу, разлічаныя на засяленне малымі сем'ямі.

Са жніўня 1962 г. на заводзе жалезабетонных вырабаў трэста № 16 «Нафтабуд» пачалі выпускаць першыя буйныя панэлі і элементы для вытворчасці пяціпавярховых жылых будынкаў. Каб забяспечыць мантаж першых буйнапанельных дамоў, некалькі груп рабочых былі камандзіраваны ў Мінск для навучання. Мантажныя работы на некалькіх пляцоўках занялі пэўны час. Прыёмка ў эксплуатацыю першага ў горадзе буйнапанельнага 80-кватэрнага жылога дома па вул. Школьнай, 4 адбылася 8 жніўня 1963 г. Да канца года былі ўзведзены яшчэ сем дамоў.

«С первым панельным домом хлебнули горя: строительство было экспериментальным, многие панели и детали “не вписывались” в конструкцию, да и у нас, строителей, не хватало опыта. Поэтому и монтировали первый капэдэшник целых 8 месяцев. Потом, правда, дело пошло веселей – монтаж вели непосредственно с колес и с отличным качеством» [4, с. 3], – узгадаў першабудаўнік Анатоль Пятровіч Гушча.

У наступныя гады масавае будаўніцтва забяспечвалася буйнапанельным домабудаваннем, але абыходзіцца без пабудовы жылля са сценамі з цэглы не атрымлівалася. Першым чынам, калі патрабавалася ўзвядзенне больш высокіх будынкаў, дамоў з убудаванымі крамамі ці жылых дамоў пэўных тыпаў: інтэрнатаў, з аднапакаёвымі кватэрамі для маласямейных або, наадварот, кватэр павышанай камфортнасці.

Важнай складаючай архітэктурнага вобраза Наваполацка 1960-х гг. з'яўляліся дзевяціпавярховыя жыллыя дамы з цэглы па вул. Маладзёжнай. Гэ-

тыя жылыя будынкi можна бачыць у фільме «Вуліца без канца». Галоўная геранія Вольга Русанова падыходзіць да аднаго з іх і заўважае, што вуліца названа імем яе бацькі Сяргея Русанова.

У канцы 1960-х гг. з мэтай прыцягнення ў Наваполацк кіраўнікоў, дасведчаных спецыялістаў з іншых рэгіёнаў Савецкага Саюза значная ўвага надавалася будаўніцтву жылых дамоў павышанай камфортнасці. Прыкладам таму служаць «дамы спецыялістаў» па вул. Кірава, 4, вул. Юбілейнай, 1 і вул. Калініна, 20.

Да найбольш прыкметных падзей у жыллёвым буданіцтве ў наступны перыяд варта аднесці ўзвядзенне першага дзевяціпавярховага буйнапанэльнага жылога дома па вул. Маладзёжнай, 99. На фотаздымку мы бачым вышэйзгаданы дом злева ад вуліцы і атрымліваем уяўленне пра забудову горада ў 1970-х гг. Дарэчы, у далейшым укараненне гэтага тыпу жылых дамоў з іх больш эфектыўнымі паказчыкамі практычна выключыла пяціпавярховае домабудаванне з буйных панэляў (мікрараёны № 6, 7, 8).

Агульны выгляд вул. Маладзёжнай. 1973 г.

Нягледзячы на перавагу ў 1970–1980-я гг. буйнапанэльнага домабудавання пэўная частка жылых па-ранейшаму ўзводзілася з цэглы. У ліку знакавых будынкаў – жылы дом па вул. Маладзёжнай, 92, комплекс інтэрнатаў на ўездзе ў горад па вул. Калініна, інтэрнат для студэнтаў на плошчы Будаўнікоў, інтэрнат па вул. Блахіна, 25А, жылы дом для маласямейных па вул. Паркавай, 16, комплекс інтэрнатаў па вул. Алімпійскай, жылыя дамы для маласямейных па вул. Маладзёжнай (мікрараён № 6), жылы дом на скрыжаванні вул. Маладзёжнай і Калініна.

Адметнай рысай апошніх трох дзесяцігоддзяў з'яўляецца ўстойлівая цікавасць навапалачан да ўзвядзення жылых дамоў па індывідуальных пра-

ектах. Катэджы ў пасёлку Міжрэчча і пры ўездзе ў горад (з боку Экімані) складаюць архітэктурны вобраз сучаснага Наваполацка. У той жа час асноўным тыпам жылых будынкаў з'яўляюцца шматпавярховыя жылыя дамы.

Сярод жылых аб'ектаў, узвядзенне якіх прыпадае на 2000-я гг., асабліваю ўвагу звяртае 33-кватэрны жылы дом па вул. Паркавай, 16А; 105-кватэрны жылы дом па вул. Алімпійскай, 8; 40-кватэрны жылы дом па вул. Маладзёжнай, 54; 48-кватэрны жылы дом па вул. Маладзёжнай, 213.

Жылы дом па вул. Паркавай, 16а. 2004 г.

Такім чынам, вывучэнне і аналіз шырокага кола крыніц дазволіў вызначыць пэўныя тэндэнцыі ва ўзвядзенні жылых будынкаў. Для першага этапа (1958–1962) з'яўляецца характэрным будаўніцтва паскоранымі тэмпамі аднапавярховых зборна-шчытавых інтэрнатаў, «фінскіх» домікаў, двух-, трох-, чатырох- і пяціпавярховых жылых дамоў з цэгля, якія адрозніваліся нязначнай плошчай, сціплым знешнім афармленнем. Гэта было абумоўлена вырашэннем у кароткі час жыллёвых праблем. Другі этап (1963–1971) характарызуецца інтэнсіўным развіццём жыллёвага будаўніцтва за кошт масавага ўзвядзення пяціпавярховых буйнапанельных жылых дамоў. Трэці этап (1972–1990) – неадназначны перыяд у будаўніцтве жылля. Для 1970-х –

першай паловы 1980-х гг. з'яўляецца ўласцівым шырокае асвойванне новых тэрыторый, узвядзенне дзевяціпавярховых буйнапанэльных дамоў і шэрага жылых будынкаў з адметным архітэктурным рашэннем. Другая палова 1980-х гг. вылучаецца зніжэннем аб'ёмаў жыллёвага будаўніцтва. Чацвёрты этап (1991–2000) супадае з пераходным перыядам у развіцці грамадства, што адмоўна паўплывала на будаўнічую сферу. У той жа час нельга пакінуць без увагі рост цікавасці пэўнай часткі гараджан да будаўніцтва катэджаў. На пятым этапе (2001–2020) мы назіраем павелічэнне колькасці жылых будынкаў павышанай камфортнасці, адзначаем выкарыстанне новых тэхналогій і матэрыялаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Голанд, Г.** Тут будзе горад нафтавікоў / Г. Голанд // Сцяг камунізма. – 1958. – 29 чэрв. – С. 2.
2. **Грахоўскі, С.** Горад маладосці : нарыс / С. Грахоўскі. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1960. – 46 с.
3. **Грышын, П.** У нафтаградзе пад Полацкам / П. Грышын // Чырвоная змена. – 1958. – 9 чэрв.
4. **Замирский, В.** Анатолий Гуца: «Ни о чем в этой жизни не жалею» / В. Замирский // Новая газета. – 1996. – 22 сак. – С. 3.
5. **Занальны** дзяржаўны архіў у г. Полацку (ЗДА у г. Полацку). – Ф. 1932. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 32–35. Полацкі пасялковы Савет дэпутатаў працоўных і яго выканаўчы камітэт.
6. **Успаміны** Маркевіч (Паўлавай) Яўгені Андрэеўны // Фонды УК «Музей гісторыі і культуры г. Наваполацка». – КП 2874.
7. **Шлеймович, М. М.** Архитектура и градостроительство Новополоцка / М. М. Шлеймович. – Новополоцк : ПГУ, 2013. – 252 с.
8. **Шлеймович, М. М.** Новополоцк: год за годом: история, архитектура, строительство / М. М. Шлеймович. – Минск : Беларусь, 2008. – 439 с. : ил.

Леоненко С.П. (з. п. Бешенковичи)

ПОЧТИ ШЕСТЬ ВЕКОВ БЕШЕНКОВИЧСКОЙ ИСТОРИИ

XV век

Существует легенда, согласно которой в 1447 г. великий князь литовский и король польский Казимир IV построил в Бешенковичах православный храм в честь святого пророка Илии. Эта дата считается первым упоминанием о населенном пункте. Настоятелю храма было разрешено организовать лодочную и паромную переправу (перевоз) через р. Западная Двина и пользоваться доходом от нее. По косвенным данным, в середине XV в. населенным

пунктом Бешенковичи мог владеть князь Федор Иванович Друцкий-Бабич. В 1490 г. Казимир IV подписывает привилей и передает имение Бешенковичи сыну Федора князю Семену Федоровичу Друцкому-Соколинскому.

XVI век

Первое достоверное документальное упоминание о Бешенковичах, как деревне в Кривинской волости Полоцкого воеводства, относится к 1508 г. С 1490 по 1515 г. населенным пунктом и имением владел Семен Федорович Друцкий – родоначальник князей Друцких-Соколинских. В завещании, которое датируется 1515 г., князь Семен Федорович Друцкий-Соколинский сообщал, что получил Бешенковичи во владение от великого князя Казимира IV в 1490 г. и что это владение – его отчина и дедовщина, это значит принадлежало отцу и деду, соответственно Федору Ивановичу Друцкому-Бабичу и Ивану Семеновичу Друцкому-Бабе. В 1552 г. в Бешенковичах насчитывалось 34 двора. Во второй половине XVI в. село Бешенковичи как населенный пункт Полоцкого воеводства, находящийся на берегу р. Западная Двина, важный центр пересечения сухопутных и речных торговых путей встречается в отчетах воевод царя Ивана Грозного. Во время Ливонской войны населенный пункт оказался в зоне боевых действий и сильно пострадал. Все XVI ст. Бешенковичами владели представители княжеского рода Друцких-Соколинских.

XVII век

В начале XVII в. Бешенковичи, размещаясь на пересечении сухопутных и речных торговых путей, превращаются в крупный населенный пункт, порт на р. Западная Двина. В 1630 г. умирает последний владелец Бешенковичей из княжеского рода Друцких-Соколинских маршалок сейма Речи Посполитой, референдарий великий литовский, писарь великий литовский князь Ян Друцкий-Соколинский, и имение Бешенковичи, а с ним и населенный пункт, переходит к гетману великому литовскому Льву Ивановичу Сапеге. После его смерти в 1633 г. Бешенковичами владеет его сын Казимир. При новом владельце Бешенковичи получают статус местечка, становятся центром волости. 4 октября 1634 г. король польский и великий князь литовский Владислав IV подписывает привилей на магдебургское право и разрешение на проведение в Бешенковичах двух ярмарок в год и одного торгового дня в неделю. Казимир Леон Сапега в 1637 г. строит в местечке униатскую Ильинскую церковь, а в 1650 г. – костел Святого Казимира королевича и Святого архангела Рафаила. В 1656 г. после смерти бездетного Казимира Леона Сапегы Бешенковичи перешли во владение к его племяннице Анне Сапеге (по мужу Нарушевич), а после к ее дочери Иоанне Теодоре. В 1660 г. Ян Огинский взял в жены Иоанну Теодору Нарушевич, которой по наследству от

матери Анны Сапеги отошло имение Бешенковичи. В 1654 г. русский царь Алексей Михайлович начал войну с Речью Посполитой. В 1654–1655 гг. русские войска заняли всю территорию Полоцкого воеводства, в том числе и местечко Бешенковичи. 20 декабря 1658 г. возле Бешенковичей произошел бой стрелецкого полка Василия Пушечникова с литовскими хоругвями полковника Кмитича, в результате чего местечко сильно пострадало.

XVIII век

Сыновья Яна и Иоанны Теодоры Огинских Александр, Казимир Доминик и Марциан Антоний владели многочисленным наследством Нарушевичей в Оршанском уезде, Бешенковичами, Кривином, Лугиновичами в Полоцком воеводстве и другими имениями и староствами. Самый известный из них – Казимир Доминик Огинский – достиг большого могущества, добился должности воеводы виленского для себя и воеводы трокского для своего сына Юзефа Яна. Последний был зятем и наследником магната Михаила Сервеция Вишневецкого. Позже сын Юзефа Яна Михаил Казимир построит во владениях деда знаменитый канал Огинского, соединивший Березину и Неман. Две сестры Юзефа Яна – Марьяна и Елена из Огинских – вышли замуж за своих троюродных братьев, соответственно Станислава Ежи и Игнатия Огинских. Эти браки оказались бездетными, и после смерти в 1775 г. каштеляна виленского Игнатия Огинского Бешенковичи переходят во владение графского рода Хрептовичей. Огинские в Северной войне поддержали русского царя Петра I, который в 1701, 1705 и 1708 гг. посещал Бешенковичи, а последний раз жил здесь две недели. 10 марта 1708 г. в Бешенковичах состоялся военный совет с участием Петра I, его военачальников и его союзников из рода Огинских. На совете рассматривался план военных операций против шведов. В честь Петра I владелец имения Бешенковичи Казимир Доминик Огинский, воевода виленский, построил православную Петропавловскую церковь. С этого времени Бешенковичская ярмарка начинается в день святых Петра и Павла и продолжается до 2 августа – дня святого пророка Илии. В XVIII в. Бешенковичи становятся одним из крупнейших портов на р. Западная Двина, а Бешенковичская Петропавловская ярмарка – крупнейшей на территории ВКЛ. Ее товарооборот достигает 1 млн злотых. 3 марта 1734 г. во время войны за польское наследство в результате столкновения сторонников Лещинского с отрядом русских войск местечко Бешенковичи было полностью сожжено. В 1762 г. Михаил Казимир Огинский освобождает бешенковичских мещан от барщины. В 1772 г., после первого раздела Речи Посполитой по р. Западная Двина проходит граница с Российской империей. Задвинская часть Бешенковичей отходит к России. В 1776 г. в Задвинской Слободке строится православная Никольская церковь. В 1785 г. в Бешенковичах отстраивается сгоревший костел Святого Казимира королевича и Святого архангела Рафаила. В 1789 г. в местечке строится православная

Свято-Михайловская церковь. После принятия в 1791 г. закона о черте еврейской оседлости в Бешенковичах начинает быстро увеличиваться количество еврейского населения. В 1793 г. в результате второго раздела Речи Посполитой Бешенковичи вошли в состав Российской империи.

XIX век

С 1775 по 1917 г. именем и местечком Бешенковичи владели представители графского рода Хрептовичей. Личности их яркие и известные. Иоахим Литавор Хрептович – политический деятель Речи Посполитой, экономист, ученый, просветитель, поэт, маршалок трибунала ВКЛ с 1765 г., подканцлер литовский с 1773 г., один из организаторов Эдукационной комиссии. Знатный род и незаурядный ум помогли ему дорасти до министра иностранных дел, а в 1793 г. стать канцлером ВКЛ. Он бывал в Бешенковичах лишь наездами. Зато его сын Ириней (камергер при Павле I, гофмейстер при Александре I) владел Бешенковичами с 1795 по 1850 г. С 1808 по 1821 г. Ириней с женой Каролиной Марией постоянно проживал в имении Бешенковичи, занимаясь экономическими реформами, перестройкой дворца, формированием парка по английскому образцу. От Иринея Хрептовича имение Бешенковичи перешло к его сыну, известному европейскому дипломату Михаилу Хрептовичу. Обер-камергер, член Государственного совета Российской империи, он всю жизнь служил в Министерстве иностранных дел: в 1840–1843 гг. – старший секретарь посольства в Лондоне, в 1853–1856 гг. – чрезвычайный посланник в Бельгии, в 1856–1858 гг. – чрезвычайный посланник в Великобритании, в 1862–1863 гг. – управляющий двором великого князя Константина Николаевича и т. п. Михаил Хрептович был бездетным и оставил после смерти почти все владения племяннику Михаилу Аполлинариевичу Бутеневу. Именным Высочайшим указом ему позволили принять титул графа Хрептовича с присоединением к фамилии Бутенева. Бешенковичи в 1876 г. перешли к его младшему брату Константину как плата за управление всеми имениями Михаила Хрептовича. Последний владелец Бешенковичей, Константин Аполлинариевич Хрептович-Бутенев (1848–1932), постоянно жил в Москве. Он занимался коллекционированием произведений искусства и был председателем совета Московского художественного общества. Второй этаж своего московского особняка на Поварской улице он отдал Толстовскому обществу, которое открыло в нем первый музей, посвященный великому писателю. В Бешенковичах Константин Аполлинариевич бывал наездами. Здесь во дворце граф хранил часть семейного архива и библиотеку.

В 1802 г. Бешенковичи вошли в состав Лепельского уезда. 11(23) июля 1812 г. Бешенковичи были заняты французской армией. В Бешенковичах останавливался и ночевал император Франции Наполеон I вместе с итальянским вице-королем Евгением Богарне и неаполитанским королем Мюратом.

Во дворце Хрептовичей несколько дней размещался штаб французской армии. Комната, где ночевал Наполеон, была превращена хозяевами бешенковичского дворца в музей. 20 октября (1 ноября) 1812 г. Бешенковичи были освобождены отрядом русских войск под командованием генерал-майора Василия Ивановича Гарпе. С 16 по 19 сентября 1821 г. в Бешенковичах находился император Российской империи Александр I, который проводил возле местечка смотр гвардейского корпуса. Во время пребывания русского императора бешенковичские мещане подали ему жалобу на владельца имения Иринея Хрептовича. Разбирательства по жалобе переросли в 1822 г. в бунт и противостояние мещан с полицией и присланной в местечко военной командой. В 1857 г. в Бешенковичах произошел крупный пожар, который уничтожил большую часть местечка, костел Святого Казимира Королевича и Святого Архангела Рафаила и церковь Петра и Павла. В 1870 г. в местечке Бешенковичи возводится кирпичное здание храма Святого Пророка Илии. Оно возведено благодаря стараниям отца Иосифа Никановича (на государственные деньги и с целью «упрочения православия в крае») в псевдорусском стиле – византийское направление (пятикуполье, луковичевидные купола, богатый декор в виде кокошников). В 1876 г. в местечке Бешенковичи ксендз Ромуальд Керсновский отстраивает костел, на торжественное открытие которого приезжает художник Наполеон Орда, мастер архитектурного пейзажа, который делает рисунок дворца Хрептовичей. В 1880-х гг. по р. Западная Двина было организовано регулярное пароходное сообщение. 27 октября 1892 г. в м. Бешенковичи родился Соломон Юдовин, белорусско-еврейский и советский график, художник, этнограф, представитель «Еврейского ренессанса» и модерна.

XX век

В начале XX в. местечко Бешенковичи – центр волости Лепельского уезда Витебской губернии. В населенном пункте размещались мещанская и волостная управы, земский начальник, судья, пристав первого стана, полицейский урядник, два акцизных чиновника, работали четыре постоянных двора, вольно-пожарное товарищество, почтовое отделение, телеграфная контора, больница, три народных училища и др. 9 июля 1905 г. еврейская молодежь (почти 300 человек) устроила в лесу около Бешенковичей демонстрацию под лозунгами «Долой самодержавие!» и «Да здравствует свобода!». В 1907–1910 гг. в Бешенковичах действовала группа РСДРП, которая распространяла среди населения нелегальную литературу. 14 мая 1911 г. по р. Западная Двина на пароходе «Атлет» состоялась экскурсия из Витебска в Бешенковичи Витебской ученой архивной комиссии. В 1915–1916 гг. в Бешенковичах функционировал отдел «Витебского еврейского общества помощи жертвам войны». 26 ноября 1917 г. в Бешенковичах была установлена советская власть,

а 18 марта 1918 г. создан Бешенковичский волостной совет. После оккупации г. Лепеля кайзеровскими войсками с февраля по сентябрь 1918 г. Бешенковичи временно стали центром Лепельского уезда. В 1922 г. местечко сильно пострадало от пожара, уничтожившего 90% зданий. 17 июля 1924 г. II сессия ЦИК БССР приняла постановление «Об административно-хозяйственном делении БССР», согласно которому был создан Бешенковичский район с центром в местечке Бешенковичи. 28 февраля 1928 г. в д. Бобино (Бобоедово) родился белорусский художник Иван Тимофеевич Бобоедов, мастер лирического пейзажа. 12 августа 1932 г. вышел первый номер районной газеты «Сталинец» (в 1956 г. была переименована в «За Родину», а с 1957 г. стала издаваться под названием «Зара»). В 1938 г. название «местечко» было упразднено и Бешенковичи получили статус городского поселка. С 5 июля 1941 по 25 июня 1944 г. г. п. Бешенковичи был оккупирован немецкими войсками. 11 февраля 1942 г. на правом берегу р. Западная Двина, в лесном массиве севернее поселка Стрелка, было расстреляно 1068 узников Бешенковичского гетто. В сентябре 1942 г. создан Бешенковичский подпольный райком КПБ, который возглавил Павел Минаевич Романов. 25 июня 1944 г. Бешенковичи освобождены войсками 1-го Прибалтийского фронта; 26 июня был освобожден весь район.

В 1966 г., в день 22-й годовщины со дня освобождения Бешенковичского района от немецко-фашистских захватчиков в г. п. Бешенковичи был заложен Курган Славы в память о воинах и партизанах, которые погибли в боях на территории района, и земляках, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Открытие Кургана Славы состоялось 6 ноября 1966 г., накануне 49-й годовщины Октябрьской революции. 28 апреля 1980 г. Николаю Александровичу Волгину и Алексею Ивановичу Волкову решением Бешенковичского поселкового Совета народных депутатов присвоено звание Почетного гражданина г. п. Бешенковичи. Аналогичные постановления были приняты 11.06.1981 г. в отношении Леонида Андреевича Перевощикова и 19.04.1985 г. в отношении Михаила Ивановича Мокарычева и Анатолия Михайловича Пузикова. В 1985 г. в центре г. п. Бешенковичи, по ул. Коммунистической, напротив Кургана Славы, заложена Аллея Героев, на которой размещены портреты Героев Советского Союза, погибших при обороне и освобождении Бешенковичского района, а также портреты Героев Советского Союза – уроженцев района. С 19 сентября 1991 г. г. п. Бешенковичи – районный центр Витебской области Республики Беларусь. Указом Президента Республики Беларусь от 20 января 2006 г. были утверждены флаг и герб г. п. Бешенковичи. 6 августа 2022 г., во время торжества в честь 575-летия г. п. Бешенковичи возле Бешенковичского районного историко-краеведческого музея открыта аллея Героев Советского Союза, уроженцев Бешенковичского района. На ул. Володарского установлены бюсты Константина Антоновича Абазовского, Михаила Амосовича Высогорца, Льва Михайловича Доватора, Ивана Ивановича Строчко и Михаила Николаевича Ткаченко.

О РАБОТЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДУБРОВЕНСКОГО РАЙОНА

Предметом нашего исследования являются материалы белорусских, российских и ряда иностранных архивов и публикации как источники информации по нацистской политике геноцида в отношении белорусов. В его вводной части кратко обоснована актуальность темы, охарактеризована степень изученности проблемы, оценены полнота и доступность источников. Проанализированы цели, задачи, структура Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Обоснована новизна данного изыскания, определены его цели и задачи: необходимость более широкого освещения в СМИ материалов о судебных процессах над гитлеровскими преступниками в Беларуси, использования архивных фондов Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (БГАКФФД), установления связи указанной базы источников с современным административно-территориальным устройством области, совершенствования библиографии. Приведен пример рассмотрения материалов со ссылкой на открытый судебный процесс в Бобруйске.

Итогом изучения российскими и белорусскими учеными данной темы стало опубликование в 2020 г. и размещение в открытом доступе материалов Всероссийского Федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников...», а затем аналогичного белорусского «Без срока давности...». Перечень и структура документальных источников по теме геноцида белорусского народа наиболее полно отражены в общедоступном фонде № 845 Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) «Белорусская Республиканская Комиссия Содействия ЧГК», ряде других изданных документов и исследований. Вместе с тем нужно отметить, что на протяжении длительного времени, особенно в 1991–2020 гг., ощущался недостаточный объем информации по теме. Остается также открытым вопрос о причинах пассивного и дозированного использования в СМИ и публицистике материалов судебных процессов над фашистскими преступниками, прошедшими в Минске, Бобруйске, Витебске и Гомеле в 1946–1947 гг.

ЧГК СССР была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Указ предусматривал, что в задачу ЧГК входит «полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими

ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области». Были определены основные задачи и структура ЧГК СССР, образованы комиссии при союзных, республиканских наркоматах, городские, районные, сельские, колхозные комиссии, комиссии при общественных организациях, при каждом пострадавшем от захватчика предприятия и учреждении, а также городских домоуправлениях, наделенные соответствующими полномочиями на конкретной территории. В исследовании приведены ссылки на итоги их работы [1; 2]. Белорусская Республиканская Комиссия содействия в работе ЧГК по объективным причинам смогла передать свои материалы в ЧГК СССР (г. Москва) только в начале 1946 г. Ее документы использовались также при публикации ряда сборников по истории Великой Отечественной войны [5; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 17; 18; 19; 20]. Однако несмотря на освещение деятельности ЧГК и комиссий содействия всех уровней в годы войны и первые послевоенные годы исследование различных аспектов их работы было затруднено, что сохраняет актуальность и до настоящего времени. Основная проблема существует в связи с недостаточным вовлечением документальных материалов и обоснованием версий при освещении темы, отсутствием ссылок во многих публикациях на достоверные источники. Предлагаемый нами материал является продолжением исследований других авторов, результатом анализа документов ЧГК, деятельности местных аналогичных комиссий содействия, созданных на освобожденных от оккупации территориях БССР.

После того как Дубровенский район был очищен от немецко-фашистских захватчиков, войска Красной армии, а затем специально созданные местные комиссии, состоявшие из представителей органов власти и жителей региона, расследовали совершенные злодеяния, собирали свидетельства, вещественные доказательства преступлений и документальные источники. Под их руководством при участии медицинских экспертов производились вскрытия массовых захоронений и исследования тел жертв, а также оценка причиненного материального ущерба. В данной работе содержится анализ материалов о двух недостаточно освещенных военных преступлениях на территории Дубровенского района. В ней, в частности, использованы кадры военной кинодокументальной хроники, снятые в 1943 г. в качестве дополнительной доказательной базы о злодеяниях. Выявленные в фондах БГАКФФД, они впервые, спустя почти 80 лет после документальной съемки, вводятся нами в более широкий научный оборот [2; 3, дадатак 4, фота 1, 3–11]. Научные исследования, касающиеся данных артефактов, в Республике Беларусь до сих пор не проводились, на них отсутствуют отсылки при освещении некоторыми авторами указанной темы в средствах массовой информации.

Так, отсылка на фонды БГАКФД не зафиксирована в библиографических источниках, относящихся к Дубровенскому району, в том числе в недавно изданном сборнике документов и материалов «Без срока давности...», и перечне фондов и источников местных архивов, публикациях в сети Интернет [54 10; 15; 19]. На основе анализа исследованных документов и материалов хотелось бы очертить круг проблемных вопросов по теме геноцида. Парадоксально, что, уделяя больше внимания указанной теме после периода длительного молчания и подчеркивая катастрофические последствия геноцида для белорусского народа, приводя цифры огромных людских потерь и материального ущерба, мы практически не говорим о белорусских судах над палачами, о справедливом возмездии за совершенные ими чудовищные преступления. О зловещих деяниях нацистов люди знают и помнят, а вот о наказании за них – почти нет! Однако же этому способствует и завеса недосказанности при умолчании о судебных трибуналах над фашистами. Главной проблемой остается недоступность или ограниченная доступность источников. Как показало данное исследование, материалы каждого судебного процесса составляли до 50 увесистых томов [3, Дадатак 4, фота 3], которые в своем большинстве до сих пор хранятся в архивах разных учреждений и редко публикуются. Приходится только догадываться, почему указанные и им подобные документы, со всей очевидностью обличающие преступления фашистов, оказались «взаперти», вследствие чего фашизм уже снова поднял голову в странах Запада и на постсоветском пространстве и оказывает свое тлетворное влияние на наших граждан, в первую очередь на молодежь и детей. Молчаливый запрет на демонстрацию указанных кадров не дает представления о неотвратимости наказания за совершенные преступления, не служит предостережением для профашистски настроенных западников и некоторых государств-соседей, не способствует просвещению детей и молодежи, а также консолидации общества в нашей стране. Видимо, нам все же не хватает культуры сохранения памяти. Даже в Нюрнберге в 2010 г. открылся большой музей, освещающий преступления фашизма, а мы продолжаем «стесняться» их преступлений?

Обобщенные последствия немецко-фашистской оккупации Дубровенского района, касающиеся людских потерь и страданий, зафиксированы в «Акте Дубровенской районной комиссии ЧГК об убийстве немецкими оккупантами населения в районе и угоне его на принудительные работы» от 16 августа 1945 г., который хранится в НАРБ [7]. Из него явствует, что «...немецкие захватчики в период временной оккупации территории Дубровенского района расстреляли, замучили и повесили всего = 4280 человек и угнали в немецкое рабство = 27 052 чел...». Фактические же потери оказались значительно больше. Из документов НАРБ установлено, что за 1941–1944 гг. были уничтожены полностью или частично 197 населенных пунктов Дубровенского района [10]. В других локальных актах, составленных мест-

ными районными комиссиями, созданными в соответствии с положением, разработанным ЧГК, зафиксированы конкретные факты злодеяний фашистских оккупантов на территории района. Дела об убийствах военнопленных и мирных граждан, которые могли рассматриваться выездными сессиями Военной коллегии Верховного Суда СССР, поступали также в военно-полевые суды при дивизиях и корпусах. Хронологически одним из первых официальных документов, относящихся к БССР, подтверждающих факт фашистских преступлений в отношении мирного населения Дубровенского района, стал «Акт о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в местечке Ляды Дубровенского района, Витебской области, Белорусской ССР». Он свидетельствует: «10 октября 1943 г. мы, нижеподписавшиеся, гвардии капитан Онишко, гвардии капитан Равкин, гвардии капитан Бабурин, председатель Дубровенского Районного Совета депутатов трудящихся Стефанович, секретарь Дубровенского райкома КП(б)Б Еленский, жители местечка Ляды: Прокопцева, Маринкина, Панулина А. и Панулина Е. составили настоящий акт о злодеяниях немецко-фашистских мерзавцев, учиненных ими на территории местечка Ляды, Дубровенского района, Витебской области, Белорусской ССР...» [20]. В других аналогичных актах комиссий, фиксировавших фашистские преступления в м. Ляды, в качестве свидетелей упоминаются также жители Василий Дордынов, Федор Дубов, Е. Дмитрухина, Н. Ерофенко, Н. Горбачева, а также представители воинской части майор юстиции И. Шапошник и майор Битюков. Во всех актах, основанных на показаниях местных жителей, оставшихся в живых, и заключениях представителей органов юстиции воинских частей, а также местных органов власти, публикациях центральных, армейских и краевых газет отражены чудовищные факты злодеяний фашистов. Суть их при наличии некоторых несущественных различий сводится к тому, что, оккупировав местечко Ляды в июле 1941 г., немцы с первых же дней занялись грабежом и насилием. На местных жителей наложили непосильные поборы, начали отбирать скот, хлеб, птицу и другое добро. Особенно нечеловеческим зверствам и издевательствам немцы подвергли еврейское население, загнав их в гетто. Ранней весной 1942 г. немцы произвели поголовное истребление евреев как в самом местечке, так и окрестных населенных пунктах Баево, Россасно, Дубовно и др. В Чистый четверг, перед Пасхой, немцы учинили чудовищную расправу над своими пленниками: группами по 200 и более человек гитлеровцы выводили их к противотанковому рву, расположенному за р. Мереей (Смоленская обл.), раздевали догола, приказывали ложиться, а затем расстреливали из пулеметов и автоматов. Многих «детей бросали в ров живыми и закапывали вместе с расстрелянными. Некоторым детям перед мученической смертью фашисты ударом о колено переламывали позвоночник, руки, ноги». Всего было расстреляно, замучено и закопано живыми более 1200 человек. С 18 июля 1941 по 8 октября 1943 г. немцы убили в Лядах около 2 тыс. евреев, а многие из

обитателей гетто погибли от голода и тифа. Общее руководство расстрелом и сам расстрел осуществлялся отрядом СС, а также отрядом карателей, который возглавлял обервахмистр Генрих Буль. В убийстве принимали участие также «гносные предатели и изменники родины» бургомистр волости Остапенко и начальник полиции Куликовский. Помимо нацистов в уничтожении лиц еврейской национальности в Лядах принимали участие полицаи и «народники» из гарнизона рабочего поселка Осинторф, впоследствии влившиеся в ряды «Русской освободительной армии». Кроме еврейского населения немцы истребили всех раненых военнопленных Красной армии, несколько десятков русских и белорусов из местечка Ляды и соседних деревень. В числе убитых учитель из д. Котовщина Казаков, колхозник из д. Лазарево Мартыновский, 60-летняя Мария Матвейкина, 65-летняя Арина Матросова и др. При отступлении в конце сентября – начале октября 1943 г. немцы сожгли или взорвали в м. Ляды 580 домов, школу, больницу, мельницу, магазины, церковь и все постройки пяти колхозов этого сельсовета. Сила воздействия указанного документа и других свидетельств, их правдивость, усиливаются еще и тем, что они были составлены сразу по горячим следам (местечко Ляды, как оказалось, не упоминается в источнике [22]). Благодаря публикациям в газетах вскоре весь фронт, вся страна узнали об этом злодеянии, по данному факту было инициировано дальнейшее судебное расследование. Заметим, что еще не было Нюрнбергского трибунала, многих других судебных процессов, инспирированных в Советском Союзе по фактам фашистских преступлений. Кроме указанных документов ЧГК и местных комиссий в БГАКФФД сохранились уникальные кадры хроники военного времени, выявленные нами, которые запечатлели работу государственной комиссии по расследованию преступлений фашистских захватчиков и их прислужников. Об этом злодеянии фашистов сразу после освобождения местечка Ляды в первых числах октября 1943 г. были сняты документальные кадры кинохроники, в последующем вошедшие в киножурнал «Савецкая Беларусь» [2]. К сожалению, эти кадры, обвиняющие фашизм, несущие сильнейшее эмоциональное воздействие, уже почти 80 лет «заморожены» и не демонстрируются в кинопрокате и на телевидении. Фотокадр из указанного киножурнала убедительно подтверждает показания свидетелей, изложенные в актах (Дататак 4, фота 1). С документами из фондов БГАКФФД, которыми можно дополнить материалы по геноциду белорусского народа, ознакомлены работники Дубровенской прокуратуры. Второй документ, составленный на территории Дубровенского района во исполнение поручений ЧГК, – оригинальный акт от 25.06.1944 г. о пытках и убийстве младшего сержанта Ю.В. Смирнова. Он уличает вермахт в военном преступлении, содеянном в отношении военнопленного [1]. На основании указанного акта немецкому генерал-лейтенанту командиру 78-й штурмовой дивизии Гансу Трауту было выдвинуто обвинение в совершении преступления – одного из многих дру-

гих, учиненных им на витебской земле и рассмотренных в октябре 1947 г. на Бобруйском открытом военном судебном процессе, материалы которого хранятся в НАРБ. В них указано, что «в октябре 1943 года, занимая линию обороны в Оршанском укрепрайоне [на территории Дубровенского и Оршанского районов], он отдал приказ об угоне населения в тыловые районы немецкой армии, где оно, в нарушение международных конвенций, использовалось на строительстве оборонительных сооружений. В октябре 1943 – июне 1944 гг. в распоряжении дивизии имелось 7 рабочих батальонов, состоявших из 1200 мирных граждан. По личному приказу Траута с ноября 1943 по июнь 1944 г. из населенных пунктов Шалашино, Буда, Осинстрой и др. в Германию угнано более 6000 человек, в том числе женщины и подростки...» [5]. Однако об этом судебном процессе достоверной информации в публикациях, к сожалению, очень мало. Первое краткое сообщение о Бобруйском военном трибунале 23.10.1947 г. появилось в газете «Советская Белоруссия» (№ 220 от 05.11.1947 г.), где в статье под названием «Приговор народа» сообщалось: «В Берлине закончен процесс по делу шестнадцати палачей из лагеря “Заксенхаузен”». В Сталино... осуждены фашистские варвары, совершившие преступления в Донбассе. В Бобруйске перед Военным трибуналом предстали фашистские шакалы, совершившие злодеяния в Белорусской ССР... По приказу осужденного генерал-лейтенанта Траута была взорвана краса и гордость Белоруссии – БелГРЭС». В публикации «Приговор гитлеровским военным преступникам», размещенной на этой же странице, было приведено лаконичное сообщение о состоявшемся накануне 4 ноября заключительном заседании суда по делу о злодеяниях, свершенных немецко-фашистскими преступниками в БССР и о принятом приговоре. «Военный трибунал Белорусского Военного Округа признал всех подсудимых виновными в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года ... и приговорил Траута Ганса и других к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет каждого» (всего 21). К началу военного трибунала в Бобруйске Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» аннулировал ее в качестве меры наказания. Помимо рассмотренного акта и задокументированных свидетельских показаний самих участников боев 24–25 июня 1944 г. в БГАКФФД сохранились и уникальные кинокадры, запечатлевшие работу военного трибунала 1947 г. в Бобруйске по обвинению фашистских захватчиков в преступлениях. На прикрепленных к докладу кинокадрах из фондов БГАКФФД (Дадатак 4, фота 3–11) видно, как убийце и деспоту генералу Г. Трауту, лично дававшему приказ на бесчеловечные приемы допроса и мучительную казнь младшего сержанта Юрия Васильевича Смирнова, на судебном процессе предоставлено право опровержения выдвинутых обвинений и выступления с последним словом. На первом допросе гитлеровец признал обстоятельства смерти Ю. Смирнова, но промолчал о

том, какими методами осуществлялось дознание. Вот о чем говорит фрагмент озвученных кадров фильма: «Вось ідуць на лаву падсудных пакарныя і агідныя Тарбук, Янеске, Траут ... і іншыя, каб атрымаць заслужаную кару за свае велізарныя злачынствы... Глядзіце, савецкія людзі, тут былі немцы. Дзе былі гарады – руіны! Дзе кіпела жыццё – там смерць, трупы, агонь, шыбеніцы! Не плач, маці! Мы знойдзем іх, яны адкажуць за твае слёзы!.. Глядзі, маці, вось яны, злоўленыя са зброяй і без зброі... А гэта – Траут, былы генерал-лейтэнант, адзін з самых агідных і мацёрных злачынцаў. Паслухайце, што гаворыць сведка, старшы лейтэнант Сакалоў: “Когда мы ворвались в блиндаж, то увидели на стене распятого бойца. Глаза его были выколоты, на лбу его была вырезана пятиконечная звезда и нанесены две раны штыком. В руках его были вбиты гвозди, а также в стопах ног. Сразу не могли его определить. Рядом, вместе с ним на столе лежал комсомольский билет, который был в крови. Вместе с ним лежала его красноармейская книжка, из которой мы узнали, что это боец Советской армии Юрий Смирнов, который погиб от рук палачей бывшего генерал-лейтенанта Траута”». Далее ідуць озвученыя кадры фильма: «Траутам узарвана наша краса і горадасць БелГРЭС. Ён запрагаў людзей у бораны і такім чынам прымушаў расчышчаць замініраваныя дарогі і палі. Ён ніяк не можа ўспомніць, кароткаю стала генеральская памяць (паказ асобы Траута буйным планам). Ён выкручваецца, як гадзіна. Але дакументы, падпісаныя па яго загаду яго намеснікам Фінкам і жывыя сведкі яго жудасных спраў выкрываюць яго. Здымаюць яго маску ціхасці, здзіраюць авечую скуру. І перад намі звер, люты звер!»

На кинокадрах отражен ход открытого судебного заседания: собравшиеся в зале граждане, коллегия, заседатели, обвинительные дела, свидетели, подсудимые, обвинительные заключения. Видно, как Траут пытается увильнуть от обвинений, отрицает факты, не признает своей личной ответственности, как его изобличают свидетели и представители обвинения путем предъявления ему собственных его показаний на допросе, подписей на приказах. Указанные кадры кинохроники подтверждают также показания других свидетелей, подписавших акт, что очень важно с процессуальной точки зрения. На данном судебном разбирательстве выступил один из непосредственных очевидцев факта совершения указанного преступления, подписавший акт от 25.06.1944 г., однополчанин распятого Юрия Смирнова, комсорг 79-го ГСП 26-й ГСД, старший лейтенант Семен Герасимович Соколов. Его свидетельств, изложенные в акте от 25.06.1944 г., и показания на судебном процессе 1947 г. совершенно идентичны и практически ничем не отличаются. Еще один понятой, подписавший акт от 25.06.1944 г., – однополчанин Петр Алексеевич Кустов, комсорг 2-го стрелкового батальона 79-го ГСП до процесса не дожил – погиб в январе 1945 г. Данные кинодокументы из фондов БГАКФФД пока нигде не демонстрируются, исключение составляют Дубровенский и Оршанский районы, где они используются в просветительских целях. Вме-

сте с тем, как оказалось, их просмотр намного усиливает эмоциональную составляющую и воздействие, поскольку они отражают события конкретных регионов и судьбы конкретных людей. Таких киносюжетов в фондах БГАКФФД, которые касаются других регионов витебской земли, огромное количество, и имеется смысл их совместно выявлять, анализировать и всячески продвигать на местах. На наш взгляд, серьезными проблемами являются малая доступность фондов БГАКФФД, высокая цена копий для граждан и государственных учреждений страны, а также недостаточное продвижение архивом своих коллекций через киносет, телевидение, СМИ. Витебскому областному совету ветеранов БООВ удалось приобрести в установленном порядке не только указанные кинокадры для научных и просветительных целей, но и тематические перечни фондов БГАКФФД, касающиеся области, которые доведены нами до всех районных (городских) советов ветеранов, райисполкомов и горисполкомов для последующего их тщательного изучения, выявления актуальной информации, ее использования в дальнейшей общественной и воспитательной работе. Ведь открытые суды в СССР над военными преступниками несли не только юридический смысл наказания виновных, но также политический и антифашистский. На скамье подсудимых оказались только те, чья вина многократно подтверждалась уликами и свидетелями, то есть была доказана. Приговоры этих судов, по мнению юристов, можно считать обоснованными даже по современным меркам, а потому никто из осужденных не был оправдан. Человечество осудило в 1945–1946 гг. за совершенные преступления главных военных преступников в их логове – Нюрнберге, однако в тени знаменитого процесса остался так называемый «советский Нюрнберг», то есть судебные процессы в СССР, предшествовавшие ему и состоявшиеся позднее, в том числе четыре в БССР. Между тем следовало бы помнить о том, что СССР стал первой страной, осудившей нацистов и их пособников. Доказательной базой всех судов, в том числе белорусских, стали подробные отчеты ЧГК о масштабах зверств и разрушений на оккупированных территориях. Вместе с тем в условиях развернувшейся холодной войны и оказываемого на СССР давления, борьбы вокруг вопроса о выдаче всех военных преступников почти все они, осужденные на 25 лет военными трибуналами СССР, к 1955 г. были уже репатриированы! [18]. Так, изверг Г. Траут был освобожден и передан ФРГ уже 6 октября 1952 г., а умер 9 декабря 1974 г. в Дармштадте (земля Гессен, ФРГ), прожив на свободе почти весь причитавшийся ему тюремный срок. За время отбывания наказания он успел поменять более десяти мест заключения в тюрьмах Бобруйска, Витебска, Гомеля, Могилева, Минска, Краснодара и других, значился даже среди пациентов спецгоспиталей МВД, где поправлял свое здоровье, пошатнувшееся «от недолгого сидения на нарах». После переговоров в октябре 1955 г. федерального канцлера Германии Конрада Аденауэра с Никитой Хрущевым об установлении дипломатических отношений с ФРГ были репатриированы

более 14 тыс. осужденных немецких военнопленных, среди которых фигурировали и генералы, оставившие кровавый след в судьбе многих поколений белорусов. В массовом неприкрытом оправдании США и западными странами фашистских военных преступников по формальным признакам, освобождении их от ответственности или амнистии видится нам исток выживания фашизма, нынешнего его массового проявления на Западе [18]. В том числе этому способствовало, на наш взгляд, ошибочное решение, принятое в СССР, о сокращении сроков тюремного заключения фашистским военным преступникам, по сути означавшем отмену возмездия за совершенные чудовищные и бесчеловечные преступления.

В свете раскрытия важности материалов об открытых судебных процессах необходимо подчеркнуть, что современным исследователям и общественности известно о них еще очень мало, однако нужно содействовать решению этой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Акт** о пытках и убийстве Ю. В. Смирнова. Подлинник.
2. **Белорусский** государственный архив кинофотофонодокументов (БГАКФФД). – Арх. номер 160, к/ж «Савецкая Беларусь», № 9–10, зв., бел., ч/б, 2 ч.
3. **БГАКФФД.** – Арх. номер 208.
4. **БГАКФФД.** – Арх. номер кинодокумента 1897.
5. **Без срока** давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Беларусь. Витебская область : [сб. архив. док. и материалов] / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; сост. А. Р. Дюков [и др.]. – Минск : НАРБ ; Москва : Фонд «Историческая память», 2020. – 930 с.
6. **Гернович, Т. Д.** Документы фонда 845 «Белорусская республиканская комиссия содействия ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» Национального архива Республики Беларусь как исторический источник по истории Великой Отечественной войны / Т. Д. Гернович // Вялікая Айчынная вайна ў лёсе беларускага народа : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 23–24 крас. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2020. – С. 166–178.
7. **Государственный** архив Российской Федерации. – Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 115–122. На немецком языке. Преступные цели – преступные средства : док. об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г. Ф. Заставенко [и др.]. – 3-е изд. – Москва : Экономика, 1985. – 325 с.
8. **Зверства** немецко-фашистских захватчиков / Гл. полит. управление РККА. – Москва : Воениздат, 1942–1945. – Вып. 1–15.
9. **Макаренко, Е. А.** Белорусская республиканская комиссия содействия в работе ЧГК СССР: история создания и формирование архивных комплексов документов /

Е. А. Макаренко // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дэпартамент па архівах і справядстве М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Археагр. камісія, Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і архіўнай справы. – Мінск, 2019. – Вып. 20. – С. 51–62.

10. **Национальный** архив Республики Беларусь. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

11. **Бувеч, Т. В.** Документы немецких оккупационных военных органов власти и коллаборационистских структур на территории Витебской области в 1941–1944 гг. / Т. В. Бувеч // Отечественные архивы. – 2020. – № 3.

12. **Памяць.** Дубровенскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / [уклад.: А. Я. Гаўруцікаў, Р. П. Кахноўская ; рэдкал.: А. Я. Гаўруцікаў і інш.]. – Мінск, 1996–1997. – Кн. 1. – 1997. – С. 275–283.

13. **Памяць.** Дубровенскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / [уклад.: А. Я. Гаўруцікаў, Р. П. Кахноўская ; рэдкал.: А. Я. Гаўруцікаў і інш.]. – Мінск, 1996–1997. – Кн. 2. – 1996. – С. 53–55.

14. **Выстояли** и победили: свидетельствуют архивы : [сб., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / Витеб. отд.-ние Археограф. комиссии Ком. по архивам и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь [и др. ; авт.-сост.: М. В. Пищуленок и др.]. – Витебск : БелНИИДАД, 2005. – 91 с.

15. **Преступления** немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944 / Центр. гос. архив Окт. революции и социалист. стр-ва БССР, Ин-т истории Акад. наук БССР, Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; [сост.: З. И. Белуга и др.]. – Минск : Беларусь, 1965. – 463 с.

16. **Российский** государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 159–160. Подлинник. Машинопись.

17. **Сборник** сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков / Чрезв. гос. комиссия по установлению и расследованию злодеяний нем.-фашист. захватчиков и их сообщников. – [Москва] : Госполитиздат, 1946. – 459 с.

18. **Судебный** процесс в городе Бобруйске по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР // Советская Белоруссия. – 1947. – № 219. – С. 5 ; № 220. – С. 4.

19. **Борьба** вокруг вопроса о выдаче военных преступников. Приговор гитлеровским военным преступникам. Приговор народа // Советская Белоруссия. – 1947. – № 221. – С. 5.

20. **Судебный** процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). – Минск : Гос. изд-во БССР, 1947. – 472 с.

21. **Акт** о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в местечке Ляды Дубровенского района // Зональный государственный архив в г. Орша. – Ф. 778. Оп. 3. Д. 5в. Л. 37.

22. **Справочник** о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / Гос. ком. по архивам и делопроизводству Респ. Беларусь [и др.]; [авт.-сост. В. И. Адамушко и др. ; науч. ред. Р. П. Платонов, В. И. Адамушко]. – Минск : Нац. архив Респ. Беларусь, 2001. – 158 с.

ІХ ЛЁС БЫЎ ЗВЯЗАНЫ З ВІЦЕБСКАМ: З ЖЫЦЦЯ І ДЗЕЙНАСЦІ ДЭПУТАТАЎ ВЯРХОЎНАГА САВЕТА БССР ПЕРШАГА СКЛІКАННЯ

27 лютага 1938 г. ЦВК БССР зацвердзіў Палажэнне аб выбарах у Вярхоўны Савет. У адрозненне ад дэпутатаў З'ездаў саветаў, якія абіраліся на мясцовых З'ездах саветаў, дэпутаты Вярхоўнага Савета абіраліся непасрэдна насельніцтвам. У адпаведнасці з нормаў прадстаўніцтва Прэзідыумам ЦВК БССР 21 красавіка 1938 г. было створана 273 выбарчыя акругі і прызначаны выбары на 26 чэрвеня [2, с. 299]. У выніку былі абраны 273 дэпутаты, уключаючы 206 мужчын і 67 жанчын. Нацыянальны склад дэпутацкага корпуса быў наступным: беларусаў – 167, рускіх – 75, украінцаў – 7, яўрэяў – 20, палякаў – 3, літоўцаў – 1 [10, арк. 157].

Выбары ў Вярхоўны Савет БССР першага склікання былі праведзены па васьмі выбарчых акругах Віцебска. У выніку дэпутатам па Віцебскай Ленінскай выбарчай акрузе быў абраны Мікалай Іванавіч Яжоў, па Віцебскай Валадарскай – Андрэй Аляксандравіч Жданаў, Віцебскай Фрунзенскай – Міхаіл Ігнатавіч Багрыноўскі, Віцебскай Пралетарскай – Дзмітрый Нікіфаравіч Маёраў, Віцебскай Мопраўскай – Дзмітрый Аўксенцьевіч Матлахаў, Віцебскай Кіраўскай – Вольга Афанасьеўна Немчанка, Віцебскай Кагановіцкай – Панцеляймон Кандратавіч Панамарэнка і па Віцебскай Вакзальнай – Яўгенія Саламонаўна Ханіна.

Калі пра жыццё і дзейнасць Народнага камісара ўнутраных спраў СССР М.І. Яжова, першага сакратара Ленінградскага абкама і гаркама партыі А.А. Жданава, а таксама першага сакратара ЦК КП Беларусі П.К. Панамарэнкі падрыхтавана вялікая колькасць самых разнастайных публікацый, то пра іншых дэпутатаў, якія прадстаўлялі інтарэсы віцеблян у вышэйшым заканадаўчым органе рэспублікі, вядома значна менш.

Першая сесія Вярхоўнага Савета БССР, якая адбылася ў Мінску 25–28 ліпеня 1938 г., мела арганізацыйны характар [4, арк. 44]. На гэтай сесіі Старшынёй Вярхоўнага Савета БССР была абрана Надзея Рыгораўна Грэк, а таксама два яе намеснікі Рыгор Мінавіч Барушкоў і Дзмітрый Нікіфаравіч Маёраў.

Дзмітрый Нікіфаравіч, як сведчаць архіўныя дакументы, нарадзіўся ў Віцебску 19 кастрычніка 1910 г. Паводле анкеты, ён скончыў фабрычна-заводское вучылішча пры дэпо станцыі Віцебск Заходняй чыгункі і тэхнікум халоднай апрацоўкі металаў [7, арк. 42]. Дзмітрый Маёраў некалькі гадоў працаваў машыністам паравоза, а потым – начальнікам паравознай службы Віцебскага аддзялення Заходняй чыгункі. У суровыя гады вайны ён узначальваў калону № 2 паравозаў асаблівага рэзерву Міністэрства шляхоў зносін. За гераізм праяўлены пры выкананні пастаўленых задач Д. Н. Маёраў

быў узнагароджаны ордэнамі Леніна і Чырвонай Зоркі, медалямі «За абарону Сталінграда», «За абарону Масквы», «За перамогу над Германіяй», «За доблесную працу ў гады Вялікай Айчыннай вайны» [7, арк. 43].

Для паўсядзённай працы і кіраўніцтва дзейнасцю Вярхоўнага Савета БССР быў абраны Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР на чале з Нікіфарам Якаўлевічам Наталевічам. У склад Прэзідыума былі абраны два дэпутаты ад Віцебска: Панцеляімон Кандратавіч Панамарэнка і Вольга Афанасьеўна Немчанка [11, с. 140].

Вольга Афанасьеўна нарадзілася ў ліпені 1901 г. Скончыла ў Віцебску пяць класаў, пасля атрымала спецыяльнасць токара. Перад вайной працавала токарам Віцебскага станкабудаўнічага завода імя С.М. Кірава [7, арк. 449]. У гады Вялікай Айчыннай вайны В.А. Немчанка была эвакуіравана ў г. Чкалаў, дзе працавала майстарам танкабудаўнічага завода № 174. Пасля вяртання з эвакуацыі яна працавала начальнікам цэха станкабудаўнічага завода імя С.М. Кірава ў Гомелі.

У ліку дэпутатаў, якія прадстаўлялі Віцебск у Вярхоўным Савеце БССР, была яшчэ адна ўраджэнка Віцебска – Яўгенія Саламонаўна Ханіна. Нарадзілася Яўгенія Ханіна ў 1903 г. У 1921 г. яна ўладкавалася матальшчыцай на Віцебскую панчошна-трыкатажную фабрыку імя Клары Цэткін. У 1922 г. Яўгенія ўступіла ў камсамол і неўзабаве была абрана сакратаром фабрычнай камсамольскай ячэйкі, на наступны год – сакратаром райкама камсамола, далей – членам бюро Віцебскага акружкама камсамола і членам ЦК камсамола Беларусі [1, с. 422]. У 1925 г. яна ўступіла ў рады Камуністычнай партыі [9, арк. 27]. Вышэйадзначаныя фактары ў нямай ступені паўплывалі на яе хуткі кар’ерны рост. У 1931 г. яна была прызначана дырэктарам панчошна-трыкатажнай фабрыкі імя Клары Цэткін. На пасадзе дырэктара Яўгенія Саламонаўна праявіла свае арганізатарскія здольнасці. План першай пяцігодкі калектыў фабрыкі выканаў на працягу двух гадоў, за што Я.С. Ханіна была ўзнагароджана граматай ЦВК БССР [1, с. 422].

7 верасня 1931 г. у Віцебску пачала функцыянаваць панчошна-трыкатажная фабрыка імя КІМ. Яўгенія Саламонаўна ў 1936 г. узначаліла калектыў маладога прадпрыемства і на гэтай пасадзе дасягнула істотных поспехаў. Сведчаннем гэтага з’яўляецца ордэн «Знак Пашаны», які дэпутат Вярхоўнага Савета БССР Я.С. Ханіна атрымала ў 1940 г. за выкананне плана і спецаданняў урада [9, арк. 28]. У пачатку Вялікай Айчыннай вайны Яўгенія Саламонаўна кіравала эвакуацыяй панчошна-трыкатажнай фабрыкі імя КІМ з Віцебска. У сярэдзіне ліпеня 1941 г. эшалон з абсталяваннем фабрыкі прыбыў ва Ульянаўск, дзе прадпрыемства неўзабаве аднавіла сваю работу. У 1946 г. Я.С. Ханіна была ўзнагароджана медалём «За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [9, арк. 28].

Дэпутатам ад Мопраўскай выбарчай акругі № 59 Віцебска быў выбраны Дзмітрый Аўксенцэвіч Матлахаў, які нарадзіўся 23 лютага 1901 г. у

в. Завадская Слабада Магілёўскага раёна Магілёўскай вобласці. У 1935 г. ён скончыў Усесаюзна інстытут маслайна-маргарынавай прамысловасці ў Краснадары. Паводле звестак анкеты, якая захоўваецца ў архіве, напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны Дзмітрый Аўксенцьевіч працаваў намеснікам загадчыка арганізацыйна-інструктарскага аддзела ЦК КП(б)Б, сакратаром Віцебскага гаркама КП(б)Б [7, арк. 50]. У пачатку Вялікай Айчыннай вайны ён быў камісарам партызанскага атрада, які вывеў з акружэння, пасля гэтага служыў у радах Чырвонай арміі адказным сакратаром партыйнай камісіі пры палітычным аддзеле 1-й паветранай арміі. За ўзорнае выкананне баявых задач камандавання на фронце барацьбы з нямецка-фашысцкімі захопнікамі Д.А. Матлахаў у лютым 1943 г. быў узнагароджаны ордэнам Чырвонай Зоркі, а ў 1944 г. – ордэнамі Айчыннай вайны I і II ступені [7, арк. 50].

Аднагодкам Д.А. Матлахава быў дэпутат Вярхоўнага Савета БССР першага склікання Міхаіл Ігнатавіч Багрыноўскі. Нарадзіўся ён 24 сакавіка 1901 г. у г. Мікалаеве ва Украіне. Воляй лёсу ў 1921 г. ён апынуўся ў Віцебску, дзе сустрэў сваё каханне і ў 1924 г. ажаніўся з віцяблянкаю Марыяй Адамаўнай Русецкай. У 1938 г. ён быў прызначаны старшынёй Віцебскага гарвыканкама і абраны дэпутатам вышэйшага заканадаўчага органа рэспублікі [12]. Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны Міхаіл Ігнатавіч узначаліў Віцебскі маслазавод [5, арк. 241]. Знаходзячыся ў эвакуацыі, у 1942 г., паводле архіўнай анкеты, М.І. Багрыноўскі працаваў дырэктарам будаўніцтва Туркестанскага маслазавода ў Казахскай ССР. У 1946 г. ён быў узнагароджаны медалём «За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [5, арк. 242].

Акрамя таго, некалькі ўрадженцаў Віцебска былі абраны дэпутатамі Вярхоўнага Савета БССР па іншых выбарчых акругах БССР. Гэта Анатоль Васільевіч Багатыроў, Сяргей Рыгоравіч Духовіч, Іван Станіслававіч Паліцан, Пётр Андрэевіч Патапаў і Міхаіл Натанавіч Шавялёў.

Так, па Дабрамысленскай выбарчай акрузе дэпутатам вышэйшага заканадаўчага органа рэспублікі быў выбраны Іван Станіслававіч Паліцан, які нарадзіўся 1 сакавіка 1904 г. у Віцебску. Паводле архіўных даных, ён спачатку атрымаў адукацыю ў парафіяльнай і гарадской школе, а потым скончыў школу каманднага саставу Народнага Камісарыята Шляхоў Зносін. Напярэдадні вайны Іван Станіслававіч узначалываў палітадзел Беластоцкай чыгункі. У гады Вялікай Айчыннай І.С. Паліцан займаў пасаду намесніка начальніка Траецкага Паўднёва-Уральскага аддзялення чыгункі. Пасля вайны ён быў прызначаны начальнікам паравознага дэпо Гродна Беластоцкай чыгункі. Іван Станіславіч Паліцан быў узнагароджаны ордэнам «Знак Пашаны», медалямі «За працоўную доблесць», «За перамогу над Германіяй», «За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [8, арк. 179–180].

Яшчэ адзін чыгуначнік, ураджэнец Віцебска, Пётр Андрэевіч Патапаў быў абраны дэпутатам па Дубровенскай сельскай акрузе. Нарадзіўся ён 5 ка-

стрычніка 1896 г. Пётр Андрэвіч скончыў чыгуначнае вучылішча, працаваў машыністам, а потым – памочнікам начальніка паравознага дэпо Віцебска. Быў узнагароджаны медалём «За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [8, арк. 172].

Дэпутат па Асіповіцкай гарадской акрузе Міхаіл Натанавіч Шавялёў нарадзіўся ў Віцебску ў 1906 г. У анкеце, якая захоўваецца ў архіве, таксама адзначаецца, што ён меў вышэйшую адукацыю і быў узнагароджаны ордэнам «Знак Пашаны» [9, арк. 247].

Зыходзячы з таго, што пра жыццё і дзейнасць выбітнага беларускага кампазітара, дэпутата Вярхоўнага Савета БССР па Мінскай Варашылаўскай акрузе Анатоля Васілевіча Багатырова напісана шмат, хацелася б звярнуцца да архіўных дакументаў перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Паводле архіўных дакументаў, 24 чэрвеня 1941 г. пасля бамбардзіроўкі А.В. Багатыроў разам з жонкай сышлі пешшу ў бок Масквы. Дабраўшыся да Масквы, ён атрымаў прызначэнне ў Свядлоўск на працу ў якасці намесніка дырэктара кансерваторыі па навуковай і вучэбнай частцы і прафесара. 8 мая 1942 г. у пісьме сакратару Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Лазару Еўдакімавічу Папкову дэпутат Анатоль Багатыроў адзначаў: «Дэпутацкія атрымаў, вялікі дзякуй. Атрымаў таксама некалькі разоў газету “Совецкая Беларусь”, дзе некаторыя творы беларускіх паэтаў будуць мною выкарыстаныя. Мною выслана песня на словы Танка “Мы вернемся” для надрукавання ў “Совецкай Беларусі”. У бліжэйшы час буду прасіць Камітэт мастацтваў выклікаць мяне ў Маскву ў камандзіроўку, для творчай сувязі з беларускімі пісьменнікамі» [5, арк. 374].

Працуючы ў Свядлоўску, Анатоль Васілевіч напісаў кантату на словы Джамбула Джабаева «Ленінградцы, дзеці мае!» для хору, песню на словы Янкі Купалы «Беларускім партызанам», кантату на вершы Пімена Панчанкі «Дарагая мая Беларусь». 3 жніўня 1942 г. ён звярнуўся з лістом да Старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Ніканора Якаўлевіча Наталевіча, у якім ён выказаў просьбу паспрыяць найхутчэйшаму пераводу са Свядлоўска ў Маскву адзначаў: «Выбачайце, што я турбую вас у такі суровы час, але я вымушаны гэта зрабіць. Больш за год працягваецца Айчынная вайна з германскім фашызмам, які захапіў нашу родную Беларусь. Усе работнікі навукі і мастацтва ўдзельнічаюць у барацьбе з азвярэлым ворагам нашага народа. Я таксама за гэты час напісаў шэраг твораў на тэксты Коласа, Танка, Панчанкі, Астрэйкі і інш.» [5, арк. 369].

Як дэпутат Вярхоўнага Савета БССР Анатоль Васілевіч аказваў значную дапамогу эвакуіраваным беларусам у наладжванні іх побыту, а таксама ў працаўладкаванні.

У пачатку жніўня 1942 г. ён атрымаў ад свайго земляка, ураджэнца Віцебшчыны, намесніка старшыні СНК БССР Івана Ануфрыевіча Крупені запрашэнне прыехаць у Маскву для пачатку працы над операй для беларускага

опера нага тэатра, але тэлеграмы, неабходнай для выезду са Свядрлоўска, не атрымаў. Выказваючы сваю занепакоенасць такімі абставінамі, ён ў лісце ў Прэзідыум Вярхоўнага Савета адзначаў: «Не разумею, у чым справа, чаму я дагэтуль не выкліканы ў Маскву, тады як туды выклікана шмат вядучых работнікаў беларускага мастацтва. Вельмі прашу Вас дапамагчы мне ў атрыманні ўрадавага выкліку і найбольш мэтазгодна гэта зрабіць праз т. Храпчанку або яго намесніка, праз якіх я атрымаю адпачынак у кансерваторыі» [5, арк. 369 адв.]. Пытанне было вырашана станоўча, і 10 жніўня 1942 г. у Свядрлоўск была накіравана ўрадавая тэлеграма СНК БССР наступнага зместу:

«Камандзіруйце Маскву Саўнаркам Беларусі дэпутата Вярхоўнага Савета Беларускай ССР кампазітара Багатырова» [5, арк. 371].

Не засталася па-за ўвагай даследчыкаў і асоба Сяргея Рыгоравіча Духовіча. Паводле архіўных даных, Сяргей Рыгоравіч нарадзіўся 11 верасня 1903 г. у Віцебску. Быў у 1940 г. выбраны дэпутатам ад Давыд-Гарадоцкай сельскай акругі Пінскай вобласці. Напярэдадні вайны, паводле анкеты, ён займаў пасаду намесніка наркама Дзяржбяспекі БССР. У жніўні – верасні 1941 г. ён займаў пасаду начальніка Асобага аддзела НКУС 30-й арміі, у верасні 1941 г. – маі 1943 г. начальніка Асобага аддзела НКУС 54-й арміі, а ў маі 1943 – сакавіку 1944 г. з'яўляўся намеснікам начальніка контрразведкі «Смерш» ВМФ [3, с. 73].

Быў узнагароджаны трыма ордэнамі Чырвонага Сцяга (1940–1944), медалямі «За абарону Ленінграда», «За перамогу над Германіяй» і «За перамогу над Японіяй» [6, арк. 102]. Даследчык Вячаслаў Міхайлавіч Лур'е ў сваёй кнізе дае вытрымку з узнагароднага ліста С.Р. Духовіча наступнага зместу: «Д., будучы на фронце, паказаў сябе як добры арганізатар чэкіскай працы, правёў вялікую работу па арганізацыі барацьбы са шпіёнамі, дыверсантамі і здраднікамі Радзімы. Будучы вылучаны на пасаду намесніка начальніка Упраўлення, паказаў сябе са станоўчага боку. Аказваў вялікую практычную дапамогу аператыўнаму складу Упраўлення ў працы па барацьбе з варожымі элементамі» [3, с. 73].

ЛІТАРАТУРА

1. **Барабаш, Н. В.** Первые женщины-депутаты Верховного Совета БССР первого созыва / Н. В. Барабаш // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2021. – Т. 66, № 4. – С. 418–424.

2. **История** белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Т. 3 : Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). – 639 с.

3. **Лурье, В. М.** Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941–1945) / В. М. Лурье. – Санкт-Петербург : БЛИЦ, 2001. – 280 с.

4. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 4.
5. **НАРБ.** – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 337.
6. **НАРБ.** – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 339.
7. **НАРБ.** – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 341.
8. **НАРБ.** – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 342.
9. **НАРБ.** – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 345.
10. **НАРБ.** – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 350.
11. **Первая** сессія Верховнага Савета БССР, 25–28 июля 1938 г. : стеногр. отчет. – Минск : Изд. Верхов. Совета БССР, 1938. – 164 с.
12. **Подлипский, А.** Витебский градоначальник / А. Подлипский // Народнае слова. – 2003. – 3 чэрв. – С. 5.

Макараў М.Д. (г. Мінск)

**АКТАВЫЯ КНІГІ ВІЦЕБСКІХ ЗЕМСКАГА
І ПАДКАМОРСКАГА СУДОЎ XVII ст.
З ФОНДАЎ ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА ЦВЯРСКОЙ ВОБЛАСЦІ**

У 2020 г. у выніку працы па выяўленні дакументаў па гісторыі Беларусі ў архівах, бібліятэках і музеях замежжа і ў рамках дамовы з Дзяржаўным архівам Цвярской вобласці (Расійская Федэрацыя) Нацыянальным гістарычным архівам Беларусі былі атрыманы высакаякасныя лічбавыя копіі дзвюх практычна невядомых айчынным навукоўцам актавых кніг Віцебскага павеата XVII ст. Першая з іх – кніга віцебскага земскага суда за 1684–1687 гг., другая – кніга віцебскага падкаморскага суда за 1642–1647 гг.

У чэрвені 2022 г. у часопісе «Архівы і справаводства» намі быў апублікаваны артыкул, прысвечаны зместу і гістарычным лёсам дзвюх вышэйзгаданых актавых кніг [6, с. 82–88]. Аднак, каб данесці інфармацыю пра даследчы патэнцыял гэтых надзвычай каштоўных крыніц да гісторыкаў і краязнаўцаў Віцебшчыны, яго асноўныя палажэнні ў некалькі перапрацаваным выглядзе варта было б паўтарыць на знакавай для навуковай грамадскасці рэгіёна канферэнцыі «Віцебскі край».

Паспрабуем сіцсла ахарактарызаваць гэтыя малавядомыя, але надзвычай цікавыя актавыя кнігі. У Дзяржаўным архіве Цвярской вобласці іх арыгіналы зберагаюцца ў фондзе 1409 «Калекцыя рукапісных кніг, старадрукаў і дакументальных матэрыялаў» [2; 3], аснову якога складаюць зборы рукапісаў былога Цвярскага археалагічнага музея (заснаваны ў 1866 г.), істотна папоўненыя ў савецкі час кнігамі з бібліятэк ліквідаваных цэркваў, манастыроў і дваранскіх маёнткаў рэгіёна [1, с. 5]. У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі лічбавыя копіі віцебскіх кніг XVII ст. уключаны ў

склад фонду «Калекцыя лічбавых копіяў № 1» (КЛК-1) [7; 8]. Яны даступны даследчыкам у чытальнай зале архіва.

Кніга віцебскага земскага суда 1684–1687 гг. істотна ўзбагачае фонд 1751 Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі «Віцебскі земскі суд» (1594–1772) і запаўняе прабелы ў захаванасці актавай дакументацыі гэтай устано-вы. Падкаморская кніга 1642–1647 гг. увогуле не мае адпаведнікаў, бо асобнага фонду віцебскага падкаморскага суда ў архіве няма, а іншыя кнігі яго актаў, па ўсёй верагоднасці, не захаваліся.

Перададзеныя з Цвяры матэрыялы па сваім змесце дастаткова цікавыя. Так, у складзе кнігі віцебскага земскага суда 1684–1687 гг. прысутнічае шмат дакументаў, якія маюць вялікае значэнне для вывучэння гісторыі г. Віцебска і абшара былога Віцебскага ваяводства. Сярод іх неабходна адзначыць акты фундацый прадстаўнікамі заможных шляхецкіх родаў (Акмінскія, Храпавіцкія, Агінскія) такіх важных аб'ектаў, як віцебскі бернардзінскі кляштар, дамініканскі кляштар у Смалянах, праваслаўны Маркаў манастыр пад Віцебскам [3, арк. 223 – 228 адв., 411 – 418 адв., 514–517].

Змешчаныя ў кнізе віцебскага земскага суда 1684–1687 гг. дакументы аб продажы ці дарэнні гарадскіх аб'ектаў нерухомасці ўтрымліваюць шэраг надзвычай яркіх і насычаных падрабязнасцямі апісанняў тапаграфіі Віцебска другой паловы XVII ст. Напрыклад, па матэрыялах кнігі незабудаваныя пляцы шляхціцаў Яна і Соф'і Пшасмыцкіх, якія тыя 9 верасня 1683 г. прадалі віцебскаму езуіцкаму калегіуму, размяшчаліся «ў замку Ніжнім віцебскім, як ісці на Рынак з левага боку, непадалёк ад брамы Завіцебнай Мокрай» і прылягалі «з аднаго боку, да дома і пляца ў Богу прападобных іх міласцяў айцоў езуітаў віцебскага калегіума Таварыства Ісуса, які называецца Сабоцінскім, з другога боку, да дома і пляца тых жа ў Богу прападобных іх міласцяў айцоў езуітаў, які называецца Клімашэўскім, з трэцяга боку тылам да валу насупраць вежы Круглікавай, з чацвёртага боку да вуліцы Вялікай, што ідзе з замка Ніжняга віцебскага да згаданай вышэй брамы Завіцебнай Мокрай, а праз тую вуліцу насупраць да касцёла згаданых вышэй у Богу прападобных іх міласцяў айцоў езуітаў» [3, арк. 49 адв. – 50 адв.]. Размова тут ідзе пра адрэзак колішняй вул. Вялікай, што перасякала тэрыторыю Ніжняга замка ад Заручаўскай да Завіцебнай брамы, у межах сучаснай плошчы Свабоды.

Дом і пляц шляхціцкі Марыны Кучукавай (у першым шлюбе – Куніцкай), які яна 17 лютага 1684 г. прадала віцебскаму земскаму пісару Адаму Кісялю, знаходзіліся «непадалёк ад форты мураванай, праз якую ходзяць да ракі Віцьбы па ваду і ў горад Віцебск на Узгор'е, у замку Верхнім віцебскім <...> як ісці да згаданай мураванай форты вуліцай Вялікай, з правага боку пры вуліцы Крыжовай, з аднаго боку на рагу насупраць праз вуліцу Крыжовую, таксама на рагу, двара яго міласці пана Адама Францішка з Брусілава Кісяля, пісара земскага віцебскага, з другога боку да дома і пляца яго міласці

пана Ежы Альшэўскага, лантвойта віцебскага, з трэцяга боку праз вуліцу Вялікую, якая ідзе ад Верхняй брамы ажно да згаданай мураванай форты, насупраць пляцаў і дамоў па большай частцы яго міласці пана Базыля Гуркі Хоцімскага, а часткова нашчадкаў яе міласці пані Андрэевай Бранскай Бялецкай, падстолінай віцебскай, з чацвёртага боку тылам да дома і пляца яго міласці пана Стафана Заранка» [3, арк. 185 адв. – 186]. Гэта – былое скрыжаванне вуліц у паўночнай частцы Верхняга замка (сучасная вул. Пушкіна), прычым назвы гэтых неіснуючых зараз вуліц у іншых крыніцах не згадваюцца. Асабліва каштоўнымі для рэканструкцыі гістарычнай тапаграфіі горада падобныя апісанні становяцца пры іх супастаўленні з «Чарцяжом» Віцебска 1664 г. [9], бо яны храналагічна блізкія да даты стварэння выявы. Прывядзём канкрэтны прыклад: сцэжка з мураванай форты Верхняга замка на Узгор’е, адзначаная ў апісанні і невядомая па іншых пісьмовых крыніцах, на «Чарцяжы» 1664 г. выразна прысутнічае.

Земская кніга 1684–1687 гг. змяшчае значную колькасць дакументаў, якія адлюстроўваюць спосабы вядзення гаспадаркі і асаблівасці быту эпохі. Напрыклад, на яе старонкі трапіла цэлая група анахранічных самой кнізе актаў («лісты» караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Старога – 1525 і 1532 гг., караля польскага і вялікага князя літоўскага Стафана Баторыя – 1581 г., віцебскага ваяводы Станіслава Паца – 1580 г.), што датычацца правоў уласнасці на воз. Сялявіца ў Віцебскім павеце (зараз воз. Сяляева ля в. Рыбакі Віцебскага раёна) і вылаўленую ў ім рыбу [3, арк. 107–111]. З гэтых дакументаў, сярод іншага, вынікае, што ў XVI ст. адным з найбольш эфектыўных спосабаў здабычы рыбных рэсурсаў вадаёма лічылася «лоўля на дух» («калі ў тым возеры дух лоўлі рыб бывае», «калі рыбы былі лоўленыя духавыя»). Яго сутнасць заключалася ў тым, што ў лютым і сакавіку падчас падлёдных замораў рыбу па-просту чэрпалі з палонак. З пункту гледжання сучаснага чалавека такі спосаб лоўлі выглядае сапраўдным браканьёрствам.

У падкаморскай кнізе 1642–1647 гг. прысутнічаюць у асноўным больш дробныя справы пра вырашэнне гранічных спрэчак і вызначэнне дакладных меж паміж шляхецкімі маёнткамі. Аднак і тут таксама ёсць дакументы, якія маюць несумненнае гістарычнае значэнне: інвентары маёнткаў, акты ўплывовых княжаскіх і магнацкіх родаў, высокапастаўленых ураднікаў Рэчы Паспалітай [2, арк. 60–73, 147–150].

Цікавым і вельмі істотным з’яўляецца пытанне, калі і якім шляхам згаданыя віцебскія актывыя кнігі маглі трапіць на Цвярскую зямлю. Выпадкі выяўлення падобных архіваў беларускага паходжання на прасторах Расійскай Федэрацыі, як правіла, звязваюцца гісторыкамі з наступствамі Першай сусветнай вайны і эвакуацыі ў 1915 г. фондаў Цэнтральнага архіва старажытных актывых кніг Віленскай, Гродзенскай, Ковенскай і Мінскай губерняў з Вільні ўглыб тэрыторыі Расійскай імперыі. Варта нагадаць, што ў 1903 г., пасля ліквідацыі аналагічнага Цэнтральнага архіва (Віцебскай і Магілёўскай

губерняў) у Віцебску, актавыя кнігі перыяду Рэчы Паспалітай з тэрыторыі паўночнай і ўсходняй Беларусі былі таксама перададзены ў Вільню.

Аднак прагляд вопісу фондаў Цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг Віцебскай і Магілёўскай губерняў у Віцебску, апублікаванага ў 1871 г. у I выпуску «Историко-юридических материалов» (археаграфічнае выданне ўстанова), дазваляе адназначна сцвярджаць, што ў другой палове XIX ст. ні земская за 1684–1687 гг., ні падкаморская за 1642–1647 гг. кнігі Віцебскага павета ў гэтым архіве не зберагаліся [4, с. XIII–XVI]. Таму трапіць з Віцебска ў Вільню пасля 1903 г. яны дакладна не маглі. Больш таго, што выключна цікава, абедзве кнігі, пра якія ідзе размова, не нясуць на сабе слядоў іх апрацоўкі расійскімі паверачнымі камісіямі 1830–1840-х гг. (няма новай нумарацыі аркушаў, шнураўкі і дзірак пад яе, подпісаў членаў камісіі і пятак на апошняй старонцы справы) [прыклад: 5, с. 349]. Гэта азначае, што яны трапілі ў прыватныя рукі і, па ўсёй верагоднасці, ужо былі вывезены з Віцебшчыны не пазней канца першай трэці XIX ст.

З чым ці кім можа быць звязаны такі індывідуальны шлях дзвюх віцебскіх актавых кніг? Даць дакладны адказ на гэта пытанне ў святле захаваных крыніц, на жаль, не ўяўляецца магчымым. Аднак, у саміх рукапісах ёсць маргінальныя запісы, на падставе якіх можна збудаваць дастаткова абгрунтаваную гіпотэзу адносна гэтага. На форзацы падкаморскай кнігі 1642–1647 гг. прысутнічае наступны запіс на польскай мове, зроблены алоўкам почыркам другой паловы XIX ст.: «1642, Андрэй Гурка, падстолі віцебскі, 31, 211, 234, 291, 399, 431. 1645, Мікалай Гурка, падсудак віцебскі, 229, 275» [2, форзац]. Перагляд адпаведных аркушаў наводзіць на думку, што нехта з тагачасных уласнікаў кнігі (ці іх прадстаўнік) мэтанакіравана выпісваў нумары першых старонак судовых спраў, у якіх адным з бакоў выступалі прадстаўнікі рода Рамейкаў – Гуркаў. Той, хто зрабіў запіс, несумненна, цікавіўся выключна гісторыяй рода Гуркаў, і можна дапусціць, што лёс кніг пераплецены з лёсам гэтай шляхецкай сям’і.

З Цвярской зямлёй шчыльна звязана гісторыя найбольш вядомай галіны рода Гуркаў – Рамейкаў. Не пазней 1829 г. выхадзец з віцебскай шляхты расійскі генерал Уладзімір Іосіфавіч Гурка (1795–1852) набыў маёнтак Сахарава пад Цверру (у наш час у складзе Заволжскага раёна г. Цвер) і зрабіў яго любімым месцам свайго летняга адпачынку. Пазней гэта сядзіба належала яго сыну – герою Руска-турэцкай вайны 1877–1878 гг. генерал-фельдмаршалу Іосіфу Уладзіміравічу Гурку (1828–1901), які памёр і быў пахаваны менавіта тут, а пасля смерці апошняга перайшла ў рукі ўнука – расійскага дзяржаўнага дзеяча і папечніка П.А. Стальпіна Уладзіміра Іосіфавіча Гуркі (1862–1927). Варта дадаць, што дзед генерала У.І. Гуркі Юзаф Гурка, а таксама яго дзядзька па бацьку Аляксандр Гурка ў другой палове XVIII ст. па чарзе займалі пасаду віцебскага падкаморыя [10, с. 16]. Як службовыя асобы яны, несумненна, мелі доступ да адпаведнай дакументацыі, чым і мож-

на было б патлумачыць наяўнасць у цвярскай бібліятэцы Гуркаў віцебскай падкаморскай кнігі. Як падаецца, у XIX – пачатку XX ст. дзве актывыя кнігі Віцебскага павета XVII ст. маглi захоўвацца менавіта ў маёнтку Сахарава.

У адрозненне ад дакументаў, што зберагаліся ў віцебскім і віленскім Цэнтральных архівах старажытных актывых кніг і трапілі ў археаграфічную апрацоўку яшчэ ў другой палове XIX – пачатку XX ст., віцебскія земская 1684–1687 гг. і падкаморская 1642–1647 гг. кнігі, што захоўваліся спачатку ў прыватных руках, а пасля ў перыферычным расійскім архіве, дагэтуль фактычна не прыцягнулі належнай увагі беларускіх гісторыкаў і крэзнаўцаў. Іх змест застаецца невядомым даследчыкам мінулага ўсходнебеларускіх зямель. Таму на сучасны момант Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі з гэтай увядзення ў навуковы абарот гэтых матэрыялаў ажыццяўляе археаграфічную падрыхтоўку выдання кнігі віцебскага земскага суда 1684–1687 гг.

ЛІТАРАТУРА

1. **Голубев, И. Ф.** Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области : крат. обзор / И. Ф. Голубев. – Калинин, 1960. – 67 с.
2. **Государственный** архив Тверской области (ГАТО). – Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1001.
3. **ГАТО.** – Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1521.
4. **Историко-юридические материалы**, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1871. – Вып. 1. – 374 с.
5. **Кніга** магістрата места Полацка 1727 г. = *Księga magistratu miasta Połocka 1727 r.* / падрыхт.: А. М. Латушкін, М. Д. Макараў. – Вільня ; Беласток, 2012. – 406 с.
6. **Макараў, М. Д.** Актывыя кнігі віцебскіх судоў XVII стагоддзя ў фондах Дзяржаўнага архіва Цвярскай вобласці / М. Д. Макараў // *Архівы і справаводства.* – 2022. – № 3. – С. 82–88.
7. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. КЛК-1. Воп. 1. Спр. 2.
8. **НГАБ.** – Ф. КЛК-1. Воп. 1. Спр. 3.
9. **Российский** государственный архив древних актов. – Ф. 192. Оп. 1. Витебская губ. Д. 2.
10. **Boniecki, A.** Herbarz polski. Część I. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich / A. Boniecki. – Warszawa, 1905. – Т. VIII. – 396 s.

**«...В ВИТЕБСКЕ ИМЕЮТСЯ БОГАТЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ
ЦЕННОСТИ»: К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ
БИБЛИОТЕКИ ВИТЕБСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ**

Музейные ценности в здании губернского архива

Главным архивохранилищем Витебской губернии было отдельно стоящее каменное здание бывшего фарного костела на Замковой улице, перестроенное под архив к 1862 г. Здесь с этого года находился старейший на территории современной Беларуси Витебский центральный архив древних актов книг. После передачи документов в 1903–1908 гг. в аналогичный Виленский архив в Витебске оставались на хранении документы губернского правления и канцелярии генерал-губернатора, ставшие основой Витебского губернского архива. После Октябрьской революции 1917 г. начался прием на хранение документов многочисленных ликвидированных единовременно организаций.

На 22 октября 1919 г. здание было настолько переполнено, что в нем невозможно было вести работу как по приведению в порядок самого архива, так и по разборке архивных материалов. Дела в связках размещались либо на стеллажах, либо лежали на полу. Многие документы не были разобраны и систематизированы, описи частично отсутствовали [2, л. 49 – 49 об.]. При этом по инициативе руководителя Витебского губернского архивного управления Главного управления архивным делом НКП РСФСР Болеслава Ричардовича Брежго осенью 1920 г. в одной из комнат в здании архива разобрали полки и сложили имущество Витебского отделения Московского археологического института (МАИ) [1, л. 104], заведовал которым также Б.Р. Брежго.

До весны 1919 г. имущества у отделения не было. После ликвидации Витебской ученой архивной комиссии (ВУАК) 12 апреля 1919 г. библиотека, музей и архив были переданы Витебскому отделению МАИ [4, л. 153], затем в ведении отделения оказались музей церковно-археологического общества (церковное древлехранилище) [1, л. 44–45], с августа 1920 г. – богатейшее музейное собрание города, коллекция умершего Вацлава Петровича Федоровича [1, л. 21 – 21 об.], в 1920–1921 гг. – библиотеки Витебской духовной семинарии и Александровской гимназии.

Таким образом, к 1922 г. в здании губернского архива оказались предметы богатейшего музейного и библиотечного собрания Витебска и губернии. «Принимая во внимание, что имущество института и архива оценивается знатоками культуры очень высоко, и что местная власть ранее недостаточно видимо была информирована о том, что в Витебске имеются богатые культурные ценности», начальник I спецотделения Витебского губернского от-

дела ГПУ составил рапорт на имя начальника секретно-оперативной части с предложением о создании авторитетной комиссии из лиц, знакомых с научной работой (вероятно, музейным делом), которая в том числе должна была определить дальнейшую судьбу имущества Витебского отделения МАИ [1, л. 29 – 29 об.].

Историю собраний, оказавшихся под одной крышей в здании губернского архива в 1922 г., можно исследовать бесконечно, так и не поставив точку.

Библиотека Витебской духовной семинарии

С 1856 г. Полоцкая духовная семинария была переведена в г. Витебск, разместилась в здании на Успенской горке и в декабре 1871 г. была переименована в Витебскую. В течение длительного времени в семинарии формировалась библиотека, в состав фундаментальной части которой входили книги Жидичинской и Радомысльской библиотек, полоцкого Софийского собора, архиепископа Иоанна (Красовского), иезуитской Ужвалдской библиотеки, Лядунского духовного училища, Поддубийского базилианского монастыря, Мархировской Покровской церкви. В декабре 1900 г. большая часть книг этой древней библиотеки (около 10 тыс. томов) была передана Киевской духовной академии [5].

Фундаментальная библиотека, насколько это было возможно, оберегалась. Так, в правилах пользования библиотекой 1913 г. зафиксировано, что получить книгу воспитанник мог только при наличии у него письменной рекомендации преподавателя. На книгах не позволялось делать никаких пометок даже карандашом, следовало при получении фиксировать тщательно все недочеты, чтобы сдавать их в том виде, в каком книга была получена [6].

После ликвидации Витебской духовной семинарии путем реорганизации ее в 1918 г. в советскую трудовую школу 2-й ступени и переезда школы в здание Витебского мужского духовного училища в здании на Успенской горке одну комнату занял Витебский губернский музей, в следующей за музеем комнате остались шкафы с книгами фундаментальной библиотеки семинарии [4, л. 157 – 157 об.]. По оценке уполномоченного отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины из г. Петрограда В.К. Лавровского, «обнаруженная в г. Витебске семинарская библиотека являлась редким видом иезуитской библиотеки» [3, л. 9]. Шкафы были опечатаны 12 мая 1919 г. печатью Витебского губернского отделения Государственного контроля Западной области (с февраля 1920 г. – Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) РСФСР) [4, л. 157 – 157 об.].

В течение 1920–1921 гг. решалась судьба библиотеки.

17 апреля 1920 г. на заседании Витебской губернской комиссии по охране памятников старины слушали вопрос о семинарской библиотеке. Мнения специалистов разделились. А.Г. Ромм, например, отмечал, что богословский характер библиотеки затрудняет возможность передачи ее в ведение

какого-либо учреждения, поэтому предлагал передать ее на хранение в губернский архив. Товарищ Бирилко полагал, что богословскую (фундаментальную) часть библиотеки следовало передать в ведение духовного ведомства, а общеобразовательную – Витебскому отделению профессионального союза работников просвещения. В.К. Лавровский указывал, что «ни в коем случае нельзя разъединять семинарскую библиотеку, представляющую в целом историческую ценность – очень редкий вид иезуитской библиотеки». На этом заседании постановили оставить библиотеку в том виде, в каком она находилась, не передавать ее и не дробить без предварительного обследования библиотечной комиссией во главе с В.К. Лавровским. В связи с этим последнему предложили произвести обследование библиотеки [3, л. 9].

20 апреля 1920 г. контролер Витебского губернского отделения НК РКИ и В.В. Федорович прибыли в здание бывшей семинарии и вскрыли книгохранилище. Комиссия в составе В.К. Лавровского, а также А.Г. Ромма и С.Н. Юренева в присутствии заведующего музеем А.Р. Бродовского произвела осмотр книг и запланировала перемещение их в другое помещение; приняла решение не опечатывать каждый шкаф, как это было сделано ранее, а запереть библиотеку на ключ [4, л. 157 – 157 об.].

В.К. Лавровский уехал в Петроград «для доклада в библиотечном отделе» НКП о состоянии семинарской библиотеки, до его возвращения вопрос о судьбе собрания был отложен [3, л. 11]. 12 мая 1920 г. комиссия в составе представителей Витебских губернских комиссий по охране памятников старины и искусства А.Г. Ромма, музея А.Р. Бродовского, отделения НК РКИ М.А. Прокоповича опечатала заново все шкафы с книгами (всего было наложено 100 печатей на 21 шкаф – 44 отделения) до приема библиотеки по описям и каталогам [4, л. 142]. 15 июня 1920 г. на заседании Витебской губернской комиссии по охране памятников старины и искусства В.К. Лавровский сообщил, что по постановлению библиотечного отдела НКП РСФСР предлагалось все же разделить библиотеку, образовательную часть передать в распоряжение губернского отдела народного просвещения, а иезуитскую (фундаментальную) библиотеку и книги специального характера передать в Витебское отделение МАИ [3, л. 21].

Желание разобрать семинарскую библиотеку и составить ее опись выразили Е.М. Цшохер-Михайлова и А.Л. Фишкова, что им и было предложено сделать на заседании губернской комиссии по охране памятников старины и искусства 24 декабря 1920 г. Следовало также «тщательно и аккуратно» вести дневник занятий [3, л. 26].

Работа по разбору и описанию библиотеки длилась до апреля 1921 г. [3, л. 28; 4, л. 8]. Затем книги были переданы Витебскому отделению МАИ и библиотечной секции Витебского губоно [4, л. 9]. 22 июля 1921 г. представители от губернской комиссии по охране памятников старины и искусства Н.Н. Богородский, губернского музея А.Р. Бродовский и Н. Редемейстер, от-

деления МАИ Б.Р. Брежго, а также научный сотрудник Российской академии наук Н.Н. Зарубин и старший библиотекарь Пушкинского дома при Российской академии наук Е. Милютин произвели вскрытие шкафов библиотеки бывшей Витебской духовной семинарии в целях изъятия книг и передачи их Витебскому отделению МАИ [4, л. 17]. В июле 1921 г. Витебской губернской комиссией по охране памятников старины и искусства было принято постановление об образовании единой научной библиотеки поиезуицких, побазилианских и старопечатных книг при Витебском отделении МАИ, частью которой стали и книги бывшей духовной семинарии [4, л. 10].

При ликвидации Витебского отделения МАИ Б.Р. Брежго на заседании комиссии об имуществе отделения 21 ноября 1922 г. говорил, что из библиотеки бывшей духовной семинарии на хранение поступило до 500 томов [7]. Затем часть библиотеки была передана Витебскому высшему педагогическому институту [3].

Дальнейшая судьба книг из собрания Витебской духовной семинарии требует изучения. Следует отметить, что в документах Государственного архива Витебской области на сегодняшний день не выявлено описей книг, «дневников занятий» Е.М. Цшохер-Михайловой и А.Л. Фишковой по разбору библиотеки, а также отчетов и докладов о ее состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 131. Оп. 2. Д. 22.
2. **ГАВт.** – Ф. 289. Оп. 1. Д. 7. Л. 49 – 49 об.
3. **ГАВт.** – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 2.
4. **ГАВт.** – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 3.
5. **Горидовец, В.** История духовной семинарии в Полоцко-Витебской епархии [Электронный ресурс] / В. Горидовец // Седмица.ru, 2016. – Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/6864886/>. – Дата доступа: 12.11.2022.
6. **Правила**, определяющие порядок и образ жизни воспитанников Витебской духовной семинарии. – Витебск, 1913. – С. 3.
7. **Шумейко, М. Ф.** Из истории Витебского отделения Московского археологического института [Электронный ресурс] / М. Ф. Шумейко // Вестник архивиста, 2011. – Режим доступа: <https://www.vestarchive.ru/ubilei/1481-iz-istorii-vitebskogo-otdeleniia-moskovskogo-arheologicheskogo-instituta.html>. – Дата доступа: 12.08.2022.

ПОЛОЦК В ВОЙНЕ 1812 г.

Более двух веков отделяют нашу современность от трагических и героических страниц войны 1812 г., но это обстоятельство несколько не умаляет ее огромного значения в истории нашего города. В октябре 2022 г. полочане отметили знаменательное событие – 210 лет тому назад, 8 октября 1812 г. Полоцк был освобожден от наполеоновских войск.

Война 1812 г. оставила глубокий след в истории Полоцкой земли. Здесь произошло несколько крупных и судьбоносных сражений российской армии с французской. Полотчина стала одним из тех героических мест, где решалась судьба Российской империи и многочисленных народов, населявших ее территорию. В районе Полоцка российским войскам удалось сковать значительную воинскую группировку французов, которая обеспечивала безопасность путей снабжения наполеоновской армии.

В ночь на 12 июня 1812 г. французский император Наполеон I Бонапарт во главе более чем 600-тысячной Великой армии вторгся в пределы Российской империи. С началом войны 1-я русская армия под командованием М.Б. Барклая де Толли отступала в направлении Дриссенского укрепленного лагеря, а затем – через Полоцк на Витебск, где русское командование рассчитывало соединить 1-ю и 2-ю армии для решительного сражения с армией Наполеона. 6 июля 1812 г. император Александр I, находящийся с 1-й Западной армией под Полоцком, перед отъездом из своей ставки в Москву, обратился с воззванием к жителям Москвы встать на защиту Отечества против наполеоновского вторжения и издал манифест о сборе внутри государства земского ополчения. 8 июля 1-я русская армия под командованием Барклая де Толи покинула Полоцк.

10 июля первые французские части под командованием маршалов Франции И. Мюрата и М. Нея заняли город и его окрестности. 13 июля маршал М. Нея отдал своим войскам Полоцк на разграбление. Порядок в городе удалось навести только со вступлением в Полоцк 14 июля 2-го армейского корпуса Великой армии под командованием Н.Ш. Удино, который пришел на смену войскам М. Нея [9, с. 267].

Расположился он со своим штабом в зданиях иезуитской академии. Оставив в Полоцке небольшой французский гарнизон, 16 июля Н.Ш. Удино с основными силами 2-го армейского корпуса двинулся в направлении д. Клястицы, имея задачу уничтожить оставленный на Себежской дороге для прикрытия Санкт-Петербурга 1-й отдельный русский корпус П.Х. Витгенштейна, и таким образом создать угрозу столице Российской империи [1, с. 34].

18–19 июля у д. Клястицы произошло сражение, в результате которого русские войска 1-го пехотного корпуса под командованием генерал-лейте-

нанта П.Х. Витгенштейна одержали победу и заставили корпус Н.Ш. Удино вновь отойти к Полоцку. В этой битве был смертельно ранен легендарный российский генерал Я.П. Кульнев. В 25 км от Полоцка по дороге на Себеж находится место, где была могила знаменитого полководца.

После поражения французских войск у Клястиц Наполеон направил в помощь понесшему большие потери Н.Ш. Удино 6-й баварский корпус генерала Г. Сен-Сира. Преследуя врага, русский корпус П.Х. Витгенштейна подошел к Полоцку. Началось Первое сражение под Полоцком. 5–6 августа основные военные действия происходили у имения Спас и мызы Присменицы вблизи Полоцка. Все же, пользуясь численным превосходством, Сен-Сир перешел в наступление и заставил Витгенштейна отойти на север, к д. Сивошино. Русские войска, заняв удобные позиции у Сивошино, в короткое время возвели здесь прочную линию обороны. Укрепленные позиции русских войск французы не решались атаковать и отошли к Полоцку. В таком положении обе стороны оставались до начала октября, ограничиваясь мелкими стычками небольших отрядов и не предпринимая значительных военных действий.

В районе Полоцка расположился более чем 30-тысячный франко-баварский корпус под командованием маршала Франции Лорана Гувиона Сен-Сира. Две пехотные дивизии французов Ж. Вердье и П. Мерля (8-я и 9-я) и тяжелая кирасирская дивизия Ж. Думерка (3-я) перешли на левый берег р. Западной Двины. Третья французская (6-я) пехотная дивизия К. Леграна и две баварские пехотные дивизии Б. Деруа и К. Вреде (19-я и 20-я) заняли непосредственно сам город, который вместе с околицами превратился в огромный военный лагерь. Офицеры располагались в лучших домах города, одна часть солдат – в построенных наскоро бараках на окраинах, другая часть – в близлежащих селениях. Штаб французских войск находился в центре города в иезуитской академии [7, с. 561].

По свидетельствам французских офицеров, с началом оккупации в городе царил полный хаос. Улицы города были загромождены зарядными ящиками, обозом и ранеными. «Часто в Полоцке невозможно было дышать, потому что воздух был отравлен злокачественными испарениями от трупов, которые лежали вокруг города, еле погребенные и наполовину разложившиеся», – отмечал один из офицеров 2-го корпуса [2, с. 115]. Избегая ужасов войны и лишений, полочане покидали свои дома, уходили в села, пробирались в глубь страны. Вот что писал участник похода капитан 4-го швейцарского полка 9-й дивизии 2-го пехотного корпуса Гаспар Шумахер: «8 августа мы пришли в Полоцк. Дома и церкви в Полоцке были полны ранеными. В домах горожан мы нашли только мертвых солдат. Жители разбежались...» [2, с. 115].

Хозяйственная жизнь города была частично парализована. Многие ремесленники прекратили работу, большинство лавок были закрыты. Можно

предположить, что некоторая часть производства работала на оккупантов. Граф Марбо, командир 23-го конно-егерского полка 2-го армейского корпуса вспоминал, что во время оккупации сотрудничал с полоцкими иезуитами, получая от них водку в обмен на защиту от мародеров, а также обеспечивал сбор и обмолот пшеницы солдатами. Иезуиты производили это при помощи установок, которые были размещены в имении Лушонки Полоцкого уезда. Скопление воинских частей вокруг города сделало алкогольные напитки очень редкими и дорогими, из-за чего служащим солдатских кухонь приходилось совершать многодневные походы в Вильно, чтобы раздобыть там водку. Монахи получили большую прибыль, продавая водку французам [7, с. 580].

Под госпитали в городе были заняты здания гимназии, училищ, административные здания, некоторые наиболее обширные частные дома. Переполненность полоцких госпиталей, антисанитарные условия, отсутствие квалифицированной медицинской помощи, плохое питание приводило к большой смертности. Так, только за один день от ран и голода в госпитале базилианского монастыря умерло 70 баварцев [3, с. 27]. Чтобы уменьшить число умерших среди больных и раненых, их отправляли из Полоцка в Вильно, как отмечает граф Марбо, «где было больше помещений и продовольствия, однако большинство этих несчастных умерли по дороге от голода и нужды...». В зданиях иезуитской академии также находился госпиталь, но для раненых офицеров высшего звена. Возмущенный Марбо писал по этому поводу: «Хотя обширный Полоцкий монастырь имеет свыше сотни комнат, которые могли бы быть столь полезными для раненых, Сен-Сир захотел поселиться там один, считая, что делает очень большую уступку, разрешив поместить в общих помещениях монастыря высших раненых офицеров» [7, с. 561].

Французскими военными был принят ряд мер военного характера. Вокруг города силами солдат и согнанных насильственно местных жителей спешно возводились укрепления для защиты от возможного штурма города русскими войсками. Швейцарский офицер Т. Леглер вспоминал: «В дни затишья нами были сделаны многие траншеи, большие валы, сильно укрепленные по всей линии, окруженные полисадами, уничтожение всех содовых кустов, деревьев и домов на правом берегу между нашими линиями...» [2, с. 103]. Еще в самом начале оккупации французами были построены два понтонных и один плавучий мост из бревен через р. Западную Двину, необходимые французам в случае отступления из города.

Несмотря на ряд жестких мер и указов Наполеона по предотвращению мародерства, дисциплина в частях 2-го и 6-го армейских корпусов, что были размещены в Полоцке и окрестностях, была неудовлетворительной. Солдаты грабили население, отнимали съестные припасы, домашний скarb. Для поддержания порядка в городе и защиты сохранившегося производства часть солдат выполняла охранные функции [4, с. 23]. Согласно некоторым

документам, военные суды жестко наказывали наполеоновских солдат за мародерство. Вот некоторые примеры из документов: «5 сентября. Полоцк. Бернар Гитц, солдат 21 линейного полка, Мигель Гомес – солдат 1-го португальского полка, Ян Иличанеци – солдат 3-го хорватского полка, виновны в мародерстве». По приговору военного суда эти солдаты были расстреляны [3, с. 25].

Церкви, костелы и монастыри подвергались безжалостному разграблению. Согласно донесению «о нашествии французов на город Полоцк» униатского Архиепископа Иоана Красовского Министру духовных дел и народного просвещения князю А. Голицыну, «поместье Архиепископа в Струнье, при вторжении французов было разграблено, разорено, пропала ценная библиотека и архив, а также церковные принадлежности. 2 церкви в Струнье были разграблены и осквернены». Из приложенных к донесению ведомостей видно, какие убытки понесли униатские церкви Полоцкой епархии: ограблению подверглось 28 церквей в Полоцком уезде, в частности униатская церковь Полоцкого уезда понесла убытки на сумму 22 тыс. рублей [8, с. 7].

Не обошли наполеоновские солдаты и православные храмы, монастыри Полотчины. Согласно донесению Архиепископа Рязанского Феофелакта в Полоцке были разграблены Покровская церковь и все четыре церкви Богоявленского монастыря. Крайнее разорение Полоцкого православного Богоявленского монастыря побудило после окончания войны графа П.Х. Витгенштейна пожертвовать монастырю 5760 рублей, о чем и свидетельствует рапорт от 17 января 1813 г. Архимандрита Александра Могилевской духовной консистории [8, с. 8].

С началом войны с Россией Великая армия практически полностью перешла на обеспечение за счет местного населения. Французские военные мемуаристы по-разному оценивают ситуацию с наличием припасов и продовольствия в Полоцке при его занятии в начале июля 1812 г. Одни отмечают, что «русские в спешке покинув город, оставили огромные припасы продовольствия и провианта». Однако офицер 4-го швейцарского полка Гаспар Шумахер писал в своих мемуарах иное: «Почти во всех местах, куда мы приходили, съестные припасы были вывезены или сожжены русскими, деревни были пусты, жителей почти не было: они убежали, унося с собой свою провизию, в большие окрестные леса. На нашем пути мы не встретили ничего, кроме жалких и безлюдных деревень, дома которых были скорее несчастными избами. Скот, обозы со съестными и боевыми припасами, предназначенными для нас, были по большей части захвачены и уничтожены казаками, которые проскальзывали мимо наших флангов...» [2, с. 115]. Но абсолютно ясно то, что в дальнейшем оккупационный франко-баварский корпус обеспечивался провиантом и фуражем за счет населения Полоцка и уезда.

Специальные реквизиционные отряды отнимали у окрестных крестьян зерно, скот, сено. Подвоз продуктов в город часто прерывался и шел с перебоями. Согласно документам, в связи с перебоями в снабжении корпуса Г. Сен-Сира в Полоцке в сентябре Борисовской подпрефектуре пришлось доставлять провиант для франко-баварского корпуса по требованию Дисненской и Лепельской подпрефектур. В октябре продолжают поставки для той же армии [5, с. 43].

Как показывают документы, первоначально французы пытались наладить заготовку продовольствия и фуража за деньги, но вскоре перешли к прямой конфискации, направляя в помощь осуществлявшим заготовку фуражирам крупные воинские силы. По признанию маршала Г. Сен-Сира, в подобных акциях была задействована по меньшей мере четвертая часть всех наличных сил [4, с. 23]. Отдельный французский отряд под командованием генерала Н. Мезона, который находился в 12 верстах восточнее Полоцка, у д. Козяны, имел своей задачей прикрытие фуражировок в Полоцком уезде [6, с. 253]. Иногда французским фуражирам приходилось в поисках продовольствия и фуража выходить и за пределы Полоцкого уезда, так как местность вокруг города была опустошена.

К октябрю 1812 г., ситуация для противоборствующих сторон на полоцком направлении кардинально изменилась. Русский корпус П.Х. Витгенштейна получил существенное подкрепление, которое по решению императора Александра I составили части регулярных войск Финляндского корпуса и отряды Санкт-Петербургского и Новгородского народного ополчения. Таким образом, численность русского корпуса увеличилась до 50 тыс. человек. П.Х. Витгенштейн во главе I отдельного корпуса, согласно плану русского командования, должен был отбросить франко-баварский корпус от Полоцка на запад, в пределы Литвы, а затем идти на соединение с наступающей армией адмирала Чичагова. 6 октября 1812 г., войска Витгенштейна начали наступление, атаковав французов у селений Юровичи и Белое, а во второй половине дня – вблизи г. Полоцка. Сражение развернулось на всем протяжении между р. Полотой и Воловьем озером. 8 октября 1812 г. в результате кровопролитного сражения Полоцк был освобожден от наполеоновских войск. В боях за древний город погибло около 7 тыс. русских солдат. Потери французов были сопоставимы с потерями русских войск. Есть сведения, что многие из погибших во время боев в Полоцке были похоронены на холме вдоль р. Полоты неподалеку от Софийского собора.

Полоцк сильно пострадал от военных действий и его оккупации наполеоновскими войсками. После освобождения город представлял картину страшного разорения. Много домов было разрушено артиллерийским обстрелом либо сгорело, в оставшихся были выбиты окна и двери, разрушены крыши. Улицы были завалены обломками разрушенных артиллерией домов, покинутыми повозками, военным имуществом. Город за время «хозяйничанья»

оккупантов был разграблен, население его сильно уменьшилось: в 1817 г. в нем насчитывалось только 3340 жителей, тогда как в 1811 г. – 6320 человек [3, с. 9].

Таким образом, на протяжении трех месяцев, с июля по октябрь 1812 г., Полоцк был занят франко-баварской армией. Несмотря на неудавшееся наступление французов на Санкт-Петербург, главной задачей наполеоновского командования 2-го и 6-го армейских корпусов было удержание Полоцка под своим контролем для обеспечения безопасности тыла Великой армии. Нужно отметить, что в Полоцке наполеоновская администрация установила достаточно жесткий оккупационный режим, главной задачей которого было обеспечение франко-баварской оккупационной армии продовольствием и фуражом, материальными и людскими ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беспалов, А.** Битвы при Полоцке и Клястицкая баталия / А. Беспалов // Сражения при Полоцке 1812 год. – Полоцк, 2010. – 64 с. : ил. – (Наследие Полоцкой земли ; вып. 9).

2. **Васютинский, А. М.** Французы в России : 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 т. / А. М. Васютинский, С. П. Мельгунов, А. К. Дживелегов. – Москва : Задруга, 1912. – Ч. 1 : Неман – Смоленск – Бородино. – Вступление в Москву. – 200 с.

3. **Ерошевич, А. В.** Полоцк во время войны 1812 года / А. В. Ерошевич // Сражения при Полоцке 1812 год. – Полоцк, 2010. – 64 с. : ил. – (Наследие Полоцкой земли ; вып. 9).

4. **Литвиновская, Ю. И.** Мародерство наполеоновских солдат на территории Беларуси / Ю. И. Литвиновская // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2003. – № 1. – С. 19–24.

5. **Литвиновская, Ю. И.** Деятельность органов местной власти в Беларуси, созданных Наполеоном / Ю. И. Литвиновская // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2005. – № 2. – С. 40–46.

6. **Лякин, В. А.** 1812 год. Ратные поля Беларуси : хроника битв / В. А. Лякин. – Минск : А. Н. Вараксин, 2012. – 423 с., [10] л. ил.

7. **Марбо, М.** Мемуары генерала барона де Марбо : пер. с фр. / М. Марбо – Москва : Эксмо, 2005. – 736 с.

8. **Матюшенский, А. М.** Униатское и православное духовенство Полоцкой епархии в войну 1812 г. : чит. 5 дек. 1912 г. по случаю открытия памятника павшим воинам под Витебском в Отечественную войну 1812 г. в г. Витебске / прот. А. М. Матюшенский. – Витебск : Губ. тип., 1913. – 22 с.

9. **Zaleski, S.** Jezuiści w Polsce porozbiorowej / S. Zaleski. – Krakow : Druk W. L. Anzczyca I Spolki, 1907. – Т. 5, cz. 1. – 369 s.

ОПАСНЫЕ НАХОДКИ: СКЛАДЫ БОЕПРИПАСОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В 1944–1950 гг.

Покидая с боями территорию Витебской области, немецко-фашистские войска оставили помимо противотанковых, противопехотных мин и мин-ловушек большое количество разнообразного военного имущества. Особенно много военной техники, вооружения, боеприпасов и военного имущества находилось в районах боевых действий и местах окружения немецких войск: при неосторожном обращении оно представляло значительную угрозу для жизни гражданского населения. Перешедшим в наступление советским войскам, военизированным и гражданским организациям крайне необходимо было брошенное военное имущество собрать, рассортировать и сдать на хранение в военно-хозяйственные органы.

До конца июня 1944 г. некая работа по сбору вооружения велась, но ее масштаб был сравнительно невелик с тем, что предстояло сделать во время и после Белорусской стратегической наступательной операции. Проследить это можно по десятидневным донесениям о работе разминерных команд Осоавиахима [1, л. 53–125]. Так, если за май и начало июня 1944 г. на территории области было собрано и учтено 430 артиллерийских снарядов различного калибра, то на конец июня – июля этого года боеприпасов этого же вида было собрано уже 19 тыс. Такого же рода скачкообразный рост фиксируется и в других категориях трофейного имущества – стрелкового оружия, боеприпасов к нему, артиллерийских орудий, автомобилей.

Выделенный для этой работы наряд сил был явно недостаточным – не хватало людей и транспорта, даже самого простого, вроде гужевых подвод. Потому все это имущество накапливалось на временных местах хранения, ожидая своей очереди для доставки на армейские склады или для ликвидации (в случае взрывоопасных предметов, вроде мин, снарядов и патронов). По правилам работы и техники безопасности собранное осоавиахимовцами оружие, мины и боеприпасы должны были передаваться в ведение армии через районные военкоматы. На практике же значительные запасы снарядов и мин, собранные за лето – осень 1944 г., остались на зиму на временных полевых складах в колхозах и районных центрах области. Таких складов в области насчитывалось 136. Их ликвидация ввиду большого количества взрывоопасных предметов растянулась на всю весну 1945 г. В Витебске, к примеру, осенью 1945 г. находилось 80 пунктов складирования немецких боеприпасов, где были артиллерийские снаряды (21 193 шт.), минометные мины (1390 шт.), авиабомбы (74 шт.) и патроны к стрелковому оружию (37 198 шт.) [4, л. 42]. Хранить это имущество на территории города было крайне небезопасно, но и вывести его возможности не было ввиду отсутствия горючего для транспорта.

Особенно тяжело обстояла ситуация со складами мин, снарядов и прочего военного имущества в так называемой рубежной части области – территории восточных районов, где в 1943–1944 гг. проходила линия советско-германского фронта. Несмотря на всю работу, проделанную в 1944–1945 гг. саперными частями Белорусского военного округа, летом 1946 г. еще тысячи мин и десятки тысяч снарядов оставались на территории районов области, при том, что официально эти земли уже были полностью очищены от взрывоопасных предметов. Их по-прежнему было необходимо собрать и уничтожить [2, л. 13].

В марте 1947 г., согласно приказу министра МВД БССР, к работам по очистке территории области от взрывоопасных предметов была подключена еще одна организация (помимо Советской армии и Осоавиахима) – войска местной противовоздушной обороны, которым было поручено собирать и уничтожать обнаруженные на местности авиационные бомбы [3, л. 6].

В целом же к окончанию массовых работ по разминированию территории области (1946–1947) большая часть складов трофейного военного имущества была ликвидирована – по документам советских военизированных организаций области сведения о нахождении таковых мест хранения в оставшиеся три года четвертой пятилетки встречаются sporadически. Однако склады боеприпасов и прочего опасного военного имущества обнаруживали и позже, вплоть до настоящего времени, так что минно-взрывная опасность до сих пор не покинула витебские земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 359. Оп. 2. Д. 1.
2. ГАВт. – Ф. 359. Оп. 2. Д. 30.
3. ГАВт. – Ф. 359. Оп. 2. Д. 60.
4. ГАВт. – Ф. 1966. Оп. 8. Д. 11.

Павлючков В.М. (г. Витебск)

ЗДАНИЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ – ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ КОНЦА XIX в.

История г. Витебска насчитывает уже не одно столетие. Город жил, развивался по тем законам и особенностям, подвластным и известным только ему и тому времени. И в этот процесс развития многократно вмешивались всевозможные обстоятельства: войны, революции, правители, стихийные бедствия и многое другое. Особенно бурно Витебск начал развиваться в кон-

це XIX – начале XX в. Город значительно увеличился территориально, были построены промышленные здания и сооружения, культовые строения. Витебск окончательно сформировался в административный губернский центр (с функциями торгового, промышленного и культурного) Северо-Западного края Российской империи.

Окончательно сформировались три административно-промышленных района г. Витебска. Каждый из них имел свои особенности.

Первый район города, сформированный на территории бывшего Взгорья, можно охарактеризовать как административный. Здесь большинство зданий имело административное значение. Второй район города – основной. Это территория бывших Верхнего и Нижнего замков. Он характеризовался плотной жилой застройкой. И третий район города, расположенный за Двиной и сформировавшийся позже других, промышленный. Здесь находилось большинство промышленных и торговых заведений.

Именно во второй части города решением городской думы и городской управы был выделен участок земли площадью 150 квадратных саженей для строительства электрической станции.

Место необычное, место, пропитанное и дышащее историей. Оно охватывает территорию Нижнего замка, Задуновского посада и Задуновской улицы. И без описания здешних достопримечательностей информация будет недостаточно полной.

Как отмечал А.П. Сапунов, «...самая древняя часть города заключается между реками Витьбой, Двиной и Ручьем, т. е. та самая местность, где впоследствии явились уже два замка (Верхний и Нижний)» [2].

Первые упоминания о Витебских замках относятся к началу XIV в. Историк Стрыйковский подробно описал осаду города в 1396 г. Пострадавшие во время осады замки были восстановлены в конце XVI в. Именно их описал ротмистр Гваньини: «В этом городе два обширных и благодаря местоположению весьма укрепленных замка, один из них, расположенный на равнине, и называется Нижним замком, а другой – Верхний замок – положен на довольно возвышенном холме. Оба эти замка укреплены башнями и стенами, которые построены из дуба и наполнены землей и камнем. Замки достаточно снабжены военными снаряжениями и камнеметательными орудиями» [2].

Витебские замки неоднократно подвергались разрушениям.

Летом 1614 г. при въезде воеводы Раковского оба замка сгорели. В 1654 г. во время осады Витебска воеводой Шереметьевым витебские замки были почти разрушены. В 1708 г. 28 (17) сентября капитан Соловьев выжег целый Витебск: замки, город, ратушу, лавки, Узгорье, Заручавье, Задуновье, 4 костела, 12 церквей. С XVIII в. витебские оборонительные сооружения больше не возобновлялись.

Первые изображения Витебских замков помещены на чертеже Волховно в 1579 г. Более детальное представление о витебских замках дает «Чертеж

1664 года» [5]. На чертеже видно, что Нижний замок был более сложным в сравнении с планировкой Верхнего замка. Он занимал вытянутую с запада на восток территорию, окруженную Западной Двиной, Ручьем, а с севера соединялся с оборонительными стенами Верхнего замка. Планировка была обусловлена особенностями рельефа. Замок окружали деревянные стены с восемью башнями, двумя кругликами и воротами. Со стороны Западной Двины находилась Средняя башня, при впадении Ручья в Западную Двину – Заручавские проезжие ворота (главный въезд на территорию Нижнего замка). В стене, которая шла вдоль Ручья, находились Старосельская, Швыковская, Доминиканская, Торопецкая, Княжеская башни, Духовской круглик, Задуновская калитка, Мещанский круглик, Нагрудная башня, Волконский круглик – Витебские большие проезжие ворота.

Оборонительные сооружения Витебских замков состояли из деревянных рубленых стен и башен. Детальный анализ сооружений в свое время был сделан Т.И. Чернявской [5, с. 23]. Она, в частности, указывает следующее. Оборонительные стены между башнями были устроены по типу срубов, пространство которых было засыпано землей и камнем. Над ними были двускатные крыши. Башни рубили двумя способами: в клеть (прямоугольные в плане) или шатром (восьмиугольные). Стены башен прорезаны узкими бойницами. Большинство витебских башен в три помоста, а некоторые – в два. Все башни имели четырехскатные или восьмискатные крыши.

Витебские оборонительные сооружения свидетельствовали о высоком мастерстве строителей и давали представление о сложившемся местном деревянном зодчестве.

Интересный материал по истории Нижнего замка дали археологические исследования, проводившиеся Г.В. Штыховым, О.Н. Левко, М.А. Ткачевым и Т.С. Бубенько на протяжении 1970–1980-х гг. [1]. В ходе раскопок, производившихся в разное время, была вскрыта оборонительная башня (Духовской круглик), часть крепостной стены. Были выявлены фрагменты жилой застройки, а также найден многочисленный вещевой материал. Среди вещевого материала есть уникальные находки: литейная форма VI–VIII вв. для изготовления подвесок, золотое кольцо XII в., бронзовая створка иконки склада с изображением сцены из евангельского цикла «Рождество Христово», складня бронзовый крест XIV в. и др.

По инвентарю 1641 г. посад Задуновский насчитывал 29 домов с огородами, 9 пляцев, 1 гумно, 1 лачугу, 1 баню [2]. О внутренней планировке посада в письменных источниках сведений нет. Некоторые сведения дает «Чертеж 1664 года».

В Задуновье, расположенном под Кстовской горой и именуемом в документах XVI – начала XVII в. посадом Витебска, проживали мещане как на земле «меской» (городской), так и на земле «земян» (шляхты).

Таким образом, территория Нижнего замка является местом, где располагался Задуновский посад, главной магистралью которого стала Задуновская улица.

Данный участок представляет историко-археологическую ценность и является уникальным памятником Витебска.

Формирование Задуновской улицы началось в XVI в. как продолжение ул. Великой (позже Замковой). Как и основная часть Задуновского посада, улица была застроена жилыми постройками мещан. В конце XIX в. стали появляться каменные постройки. Во второй половине XIX в. над руслом ручья Дунай была насыпана дамба, что окончательно соединило улицу с центром города. В конце XIX в. на Задуновской улице были построены здания аптеки, земельного банка Витебской губернии, трамвайной конторы и электростанции, церкви Иоанна Предтечи.

Второй частью современного проспекта, которая начиналась от бывшей Задуновской площади (сейчас пересечение проспекта Фрунзе с ул. 5-я Фрунзе), была ул. Русская. До середины XIX в. с этой улице начиналась дорога на Лиозно.

В конце XIX в. на Задуновской площади были построены Лазаретные здания Ленкоранско-Нашебурского полка 41-й пехотной дивизии 16-го армейского корпуса, которые впоследствии стали основой для создания Витебского медицинского института (открыт в 1934 г.) и современного университетского городка.

В 1922 г. ул. Задуновская была переименована в ул. Свердлова, а в 1925 г. – ул. Фрунзе, в 1938 г. – в пр. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны улица была частично разрушена. Основная часть застройки улицы относится к 1950–1960 гг.

В связи с тем, что большая часть исторической застройки современного пр. Фрунзе утеряна, сохранность и восстановление хотя бы небольших фрагментов застройки Витебска прошедших лет имеет первостепенное значение. Это утверждение в полной мере относится к зданию, расположенному по адресу: пр. Фрунзе, 13.

Необходимость строительства электрической станции в Витебске связана с постройкой и пуском в городе электрического трамвая. Отправной точкой в этой непростой и интересной истории необходимо считать 27 сентября 1895 г., когда на заседании городской думы представители городской управы представили доклад о намерении строительства в городе электрического трамвая.

Началась очень хлопотная работа по оформлению необходимых документов [3; 4]. Процедура оформления была соблюдена, но были многочисленные жалобы и проверки. Тем не менее 4 февраля 1896 г. был заключен договор по устройству в городе электрической железной дороги между городской управой и французским гражданином Фернаном Гильоном, кото-

рый представлял в Витебске интересы холдинга «Союз трамваев» и его владельца гражданина Бельгии Эдуарда Отле.

Именно этот холдинг и его владелец являлись собственниками предприятия, по их инициативе и с разрешения правительства Российской империи было создано и зарегистрировано 25 апреля 1896 г. акционерное общество «Витебский трамвай» (по другим источникам «Трамвай Витебска»). Именно это акционерное общество фигурирует во всех официальных документах от начала строительства до момента его национализации в январе 1918 г.

По просьбе АО «Витебский трамвай» для строительства электростанции городской управой был отведен участок земли на Задуновской улице, на косогорье возле «Ямы» площадью в 150 квадратных сажений, где предусматривалось построить кроме основного здания еще деревянный домик для начальника станции и деревянные кладовые.

Строительный проект был разработан на основе типового проекта Томаса Эдисона для электрических станций, а архитектурная часть была разработана с учетом особенностей центральной части города при непосредственном участии Витебского архитектора Т. Кибардина.

Это практически центральная часть города: рядом располагался Банк земельный Витебской губернии, аптека фон Рейдемейстера, Николаевский кафедральный собор с неповторимым ансамблем замечательных зданий и строений, а также потрясающим видом на Успенский собор, Воскресенскую церковь, костел Святого Антония и прилегающие территории, Покровскую и Духовскую церкви. Еще это место в народе называлось «Яма». Именно в этом месте сливались воедино ручьи Дунай, Гапеев и Замковый и направляли свои воды в Витьбу и Западную Двину.

Центральная электрическая станция состояла из:

- здания для самой электрической станции – 1;
- деревянных домиков – 1;
- деревянных кладовых – 1.

Электрическая станция представляла собой каменное здание в один этаж, крытое железной крышей, состоящее из двух отделений.

В первом отделении находились три котла трубчатой системы фирмы «Бабкок и Вилькокс» (производство Великобритания, Лондон). Котлы предназначены для отопления как дровами, так и нефтяными отходами (мазутом); общий объем 132 м³ и давление в 9,5 атм., коэффициент полезного действия 70%. Договор на поставку котлов был подписан 5–7 января 1897 г. в Нюрнберге и Лондоне.

В особых условиях к данному договору было оговорено, что все элементы котла должны быть выполнены из высококачественных материалов, тщательно подогнаны, надежно скреплены и испытаны. В обязательном порядке поставщик должен предоставить заказчику образцы материалов с соответствующим сертификатом, подтверждающим, что именно из этого материала

изготовлен тот или иной элемент котла. Кроме того, все должно быть строго по чертежам и описаниям. Никаких серьезных отклонений не допускается. Доставка котлов в Витебск должна быть произведена не позднее 15 июля 1897 г. Вместе с котлами должны были прибыть монтер и кочегар. Очень подробно оговорены все технические вопросы от температуры, давления, коэффициента полезного действия, норм расходов, гарантийных сроков и других обязательств. И все это теснейшим образом связано с оплатой и штрафными санкциями. Следует заметить, что фирмой «Шукерт и К^о» совсем не случайно выбрана английская компания. Англия являлась бесспорным мировым лидером в изготовлении и эксплуатации паровых установок разнообразного применения.

Во втором отделении размещены три паровые машины системы «Компаунд», изготовленные на заводе Ф. Шихау в Эльбинге (Германия) общей мощностью 570 лошадиных сил и давлением в 8,5 атм., коэффициент полезного действия 87%. Договор на поставку паровых машин был подписан 28 декабря 1896 г. в Нюрнберге и 4 января 1897 г. в Эльбинге. Особые условия к договору поставки составлены аналогично с условиями на поставку котла. Паровые машины должны были поставить не позднее 25 августа 1897 г. Следует добавить, что интересы фирмы Ф. Шихау в Витебске представлял инженер Гордес, а контроль за наладкой и испытаниями со стороны фирмы «Шукерт и К^о» осуществляли строительный инспектор Соберски и главный инженер Кинбах.

Согласно технологическому процессу паровые машины должны быть соединены с динамо-машинами. Так вот, три динамо-машины поставила сама фирма «Шукерт и К^о» модели AF-180 силой тока в 208 А и напряжением 600 В при 190 об/мин.

Кроме того, в комплектность электростанции входило: две горизонтальные помпы системы «Ворингтон», две мраморные доски с приборами, 267 элементов аккумуляторных батарей общей емкостью 670 А·ч фирмы TUDOR, дизель-мотор в 350 л. с., основной и запасной баки нефтяных отходов, резервуары воздушные.

В результате электростанция имела очень сложное, дорогостоящее и ответственнойшее хозяйство, которое должно на протяжении многих лет безотказно работать на нужды города и горожан. Но сначала это простое оборудование необходимо было установить и подготовить к пуску и испытаниям. Казалось бы, что может быть проще, чем установка готовых изделий? На самом деле это был очень сложный и важный момент, чему имеются подтверждения. Так, в городе не нашлось соответствующих специалистов, которые бы взялись за эту работу и дали на нее гарантии. Именно поэтому представитель акционерного общества «Шукерт и К^о» инженер Пауль Штайгер был вынужден заключить 12 июня 1897 г. контракт на выполнение данных работ с австрийским подданным предпринимателем – строителем

Рудольфом Урбаницким, проживающим в г. Линце. Кроме того, что в подряд входили фундаменты для машин, котлов, еще присутствовал пункт на постройку дымовой трубы и установку (вмуровывание) паровых котлов. В договоре очень подробно и детально прописаны все требования к выполнению работ, а также возможность контролировать и инспектировать ход работ на любом этапе. Особое внимание уделялось качеству выполняемых работ. В п. 10 договора указано, что предприниматель обязуется использовать только качественные материалы для своих работ. Руководством стройки непригодные материалы сразу же будут удаляться. Все фундаменты должны производиться кирпичной кладкой, использовать следует только качественные материалы; предприниматель должен продемонстрировать руководству стройки качество и огнеупорность кирпича. Для раствора нужно использовать только чистый песок. Прописано было почти все и по многим позициям даны строгие рекомендации, что и как должно быть сделано. Интересен тот факт, что менее ответственная часть кирпича производилась местным заводом «Калкуны» (вблизи Двинска), а самая ответственная часть – огнеупорный кирпич – выписывал и привозил предприниматель Р. Урбаницкий из-за границы. Оговорены были и сроки окончания работ – 15 августа 1897 г.

Несколько слов о принципе работы центральной электростанции (или тепловой электрической станции). Электростанция, вырабатывающая электрическую энергию за счет преобразования химической энергии топлива в механическую энергию вращения вала электрогенератора (при помощи котельной установки и паровой турбины). Выработка электричества происходит при участии последовательных этапов, но общий принцип работы прост. Вначале топливо сжигается в специальной камере сгорания, при этом выделяется большое количество тепла, которое превращает воду, циркулирующую по специальным системам труб, расположенным внутри котла, в пар. Постоянно нарастающее давление пара вращает ротор турбины, которая передает энергию вращения на вал генератора, и в результате вырабатывается электрический ток. Система вода – пар замкнута. Пар после прохождения через турбину конденсируется и вновь превращается в воду, которая дополнительно проходит через систему подогревателей и вновь попадает в паровой котел.

Взглянем на это очень интересное сооружение глазами строителя. В плане здание электрической станции представляет собой два прямоугольника неодинаковых размеров и имеющих одну общую сторону. Здание расположено с Запада на Восток вдоль ул. Задуновской. Стены выложены из красного кирпича, фасады отделаны пилястрами и карнизной кладкой, горизонтальными поясами и в основании фронтонов, выделенные лучковые перемычки проемов, украшенные замком.

Одна часть здания, где располагался машинный зал размером 22,2х9,9 м, общей площадью около 220 м² с пятью оконными проемами размером

1,85x3,28 м и шагом пилястр 4,32 м выходила на ул. Задуновскую. Около 1915 г. машинный зал был расширен за счет вынесения западной торцевой стены на 4,9 м для размещения дизель-мотора и устроен воротный проем со стороны улицы шириной в 2,9 м. Для технического обслуживания оборудования предусматривался кран-балка на рельсовом пути, который был уложен на высоте 5,31 м от уровня чистого пола. Машинный зал имеет подвальное помещение с одномаршевой лестницей. Высота зала от пола до стропильной конструкции составляет 7 м. Конструктивное решение крыши: бесчердачное с устройством треугольной висячей строительной формы из деревянных брусьев. Кровля двухскатная с железным покрытием по обрешетке из досок и брусков, в центральной части ограждения крыши устроен световой фонарь с дополнительной функцией вентиляции. Высота до конька кровли – 10 м, и до конька фонаря – 11,1 м.

Во второй части здания, где расположены паровые котлы размером 11,2x13,6 м, фасад с восточной стороны выделен пилястрами, периметр стен имеет 11 оконных проемов двух типов размеров, один дверной и один воротный проем. Высота этого зала – 7 м, высота фронтона – 3,1 м, высота фонаря над коньком двухскатной кровли – 1,35 м. Стропильная ферма деревянная. Крыша всего здания электростанции сложная Т-образного соединения в плане над машинным и залом паровых котлов.

Толщина наружных стен от 700 до 763 мм. Глубина заложеного фундамента составляет от 4,75 до 5,65 м. Здание располагало обширными подвальными помещениями технологического назначения, площадь которых превышала площадь надземной части. Для удаления продуктов сгорания топлива и улучшения тяги к западной части здания в 1,5 м от него выложена из красного кирпича труба размером в основании 4,6x4,5 м и высотой около 43,6 м.

К южной стороне здания примыкает деревянная пристройка размером 8,5x12,2 м.

К восточной стене станции примыкает аккумуляторная пристройка (вероятнее всего пристроена позже) размером 9,8x24,8 м с наружной лестницей, с односкатной крышей с 6 оконными проемами и одним дверным.

Данная информация получена из газет и некоторых документов, и можно наглядно представить, что получилось под руководством инженера-строителя И. Розенталя.

Следует заметить, что электрическая станция в Витебске была оснащена самым лучшим оборудованием того времени: паровое и котельное оборудование было поставлено из Великобритании, электрическое оборудование, моторные трамвайные вагоны и аккумуляторы – из Германии и Франции, строительное оборудование и прицепные трамвайные вагоны – из Австрии и Бельгии. Электрическая станция была построена в 1897 г. мощностью в 425 кВт, что позволяло устойчиво эксплуатировать на городских линиях не менее 24 вагонов одновременно.

При этом сохранялся запас по мощности, что позволяло использовать часть электрической энергии на электрическое освещение города. С вводом в работу электрической станции в Витебске произошли значительные события:

1. Было открыто трамвайное движение – первое на территории Беларуси, одно из первых в Российской империи.

2. Была зажжена электрическая лампочка и началось электрическое освещение в городе.

3. Был выработан электрический ток, сгенерирована энергетическая мощность, что послужило началом энергетики.

Электрическая станция находилась в собственности АО «Витебский трамвай», а с 1911 г. в собственности банкиров Израила Вульфовича и Лазаря Израилевича Вишняковых.

Электрическая станция проработала относительно устойчиво и надежно до 1931 г. В этом году город стал получать электричество от БелГРЭС, и электростанция перешла в резерв. В резерве она находилась совсем немного. В 1932 г., согласно постановлению горсовета, здание было передано в распоряжение Зеркальной фабрики, образованной еще в 1925 г. на базе трудового коллектива «зеркальщиков». Фабрика специализировалась на производстве зеркал, технического стекла, калейдоскопов, стаканов. В 1938 г. фабрика первая в СССР освоила выпуск стеклянных елочных игрушек и бытовых люстр. Фабрике было присвоено имя М.В. Фрунзе.

Сохранилась уникальная информация о работе зеркальной фабрики в 1938 г. На фабрике ежедневно изготавливали около 5 тыс. елочных украшений 18 наименований. За год было изготовлено 1113 тыс. штук этих неповторимых изделий. Особым спросом пользовались игрушки в виде танка, парашюта, автомобиля М1, моторной лодки и, конечно же, все новогодние персонажи: деды морозы, снегурочки, зайчики и белочки, шишки и конфетки. Не менее интенсивным спросом пользовалась и другая продукция фабрики. Первоначально изготавливались люстры двух видов, а уже в 1939 г. их стало девять: овальные, сердцевидные различных типов. Изготавливались так же разнообразные зеркальные изделия, но особым спросом пользовались трельяжи. И, конечно же, посуда. Только стаканов производилось четыре вида, в том числе знаменитые «ребранные» или «граненые». Продукция распространялась по многим городам СССР. Следует отметить, что изделия Витебской зеркальной фабрики можно было приобрести в Москве, Ленинграде и даже во Владивостоке. В Витебске продукцию фабрики можно было купить в «Детском мире» на ул. Правды (ныне ул. Замковая) и в магазине «Школьник» на ул. Кирова.

Следует заметить, что первоначально зеркальная фабрика была в ведении Витебского промышленного треста и подчинялась Народному комитету легкой промышленности БССР. После – в ведении Белорусского треста

стекольного оборудования, наглядных и лабораторных пособий «Культ-промтреста» Высшего совета народного хозяйства и подчинялась Управлению стекольной промышленности Народного комиссариата местной промышленности, а затем Народному комиссариату легкой промышленности БССР (ГАВТ, ф. 576).

Прекратила фабрика свое существование в 1941 г. в связи с оккупацией города немецко-фашистскими захватчиками.

В 1941–1944 гг. немецкой оккупационной администрацией в здании электрической станции был организован трудовой лагерь, так называемая «Зеркалка». Здесь были установлены тюремные порядки и правила, подневольный труд длился по 11 и более часов на особо тяжелых ручных работах по разгрузке угля, разборке разрушенных зданий и сооружений, земляных работах, в том числе на оборонительных сооружениях, как говорили в народе, «на окопах».

В лагере содержались лица, которые нарушали новый оккупационный порядок и подлежали наказанию в виде принудительного труда на тяжелых и особо тяжелых работах. Иными словами, это были осужденные оккупационными властями советские граждане. Кроме того, в лагере содержались лица, которых в принудительном порядке отправляли в Германию для выполнения различных работ.

После изгнания оккупантов и освобождения города в июне 1944 г. здесь разместился военный госпиталь. Фронт быстро продвигался на Запад и госпиталь также переместился к линии фронта, здание освободилось, но совсем ненадолго.

В конце 1944 г. здание станции приняло новых жильцов – военнопленных немцев, которые вплоть до 1955 г. были задействованы на разборках разрушенных зданий, очистке города и строительстве.

По данному вопросу в открытом доступе не очень много информации. Однако достоверно известно, что первый этап репатриации начался в 1947 г. и продолжался до 1949 г., в основном распространялся на определенную категорию военнопленных: больных, инвалидов, частично или полностью нетрудоспособных. Все другие категории попали в статус военных преступников, получили конкретные сроки за свои деяния и отбывали их. Шло время, менялась политическая обстановка и было достигнута договоренность между руководством СССР и канцлером Германии Аденауэром о том, что последний немецкий военнопленный должен быть освобожден и возвращен на родину до сентября 1955 г., что было, за редким исключением, выполнено.

С 1956 по 1988 г. это здание было передано городскому жилищно-коммунальному хозяйству и использовалось после внутренней перепланировки под жилой фонд. Город испытывал острую нехватку жилья и все более-менее пригодное приспособлялось для проживания людей.

1998–2008 гг. – новый поворот в жизни здания электростанции – здесь размещался Литературный музей, часть здания была передана под кафе.

Открытие музея предшествовала серьезная работа по сохранению первичной архитектуры здания, были проведены реставрация и ремонтно-строительные работы. В 2016 г. после очередной реконструкции и капитального ремонта в здании был открыт Музей истории частного коллекционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бубенько, Т. С.** Средневековый Витебск. Посад Нижний замок / Т. С. Бубенько. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2004. – 276 с.
2. **Витебская старина** : в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правления, 1883. – XXII с. + 668 с. : ил.
3. **Павлючков, В. М.** Витебский трамвай: документы и материалы / В. М. Павлючков. – Минск : Парадокс, 2012. – 411 с.
4. **Павлючков, В. М.** Витебский трамвай. Люди, события, факты / В. М. Павлючков. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2014. – 558 с.
5. **Чарняўская, Т. І.** Архітэктурна Віцебска: з гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т. І. Чарняўская. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 110 с.

Падалінскі У.А. (г. Мінск)

НЕПРЫМЕТНАЯ КРЫНІЦА: КАЛЕКТЫЎНЫЯ ЛІСТЫ ВІЦЕБСКОЙ ШЛЯХТЫ ДА ГЕТМАНАЎ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА (1598–1651)

Вывучэнне лакальнай гісторыі Беларусі XVI–XVIII стст. немагчыма без даследавання мясцовых шляхецкіх супольнасцей, якія адыгрывалі вядучую ролю ў сацыяльна-палітычным жыцці на ўзроўні павеятаў і ваяводстваў Вялікага Княства Літоўскага. На павятовых соймах і сходах з нагоды зямскіх рокаў або нейкіх надзвычайных падзей шляхта абмяркоўвала шырокае кола мясцовых і агульнадзяржаўных пытанняў. Сярод разнастайных пахвал, што ствараліся на такіх з'ездах, былі таксама лісты да вышэйшых дзяржаўных ураднікаў, перш за ўсё, вялікага і польнага гетманаў. Мэтай артыкула з'яўляецца выяўленне крыніцзнаўчай каштоўнасці калектыўных лістоў да вялікакняжацкіх гетманаў, якія складаліся на шляхецкіх сходах Віцебскага павеата ў канцы XVI – першай палове XVII ст. Даследаванне заснавана на аналізе 9 лістоў за перыяд 1598–1651 гг., адрасаваных віленскаму ваяводзе і вялікаму гетману Крыштафу Радзівілу Перуну, польнаму гетману Крышта-

фу Радзівілу (з ліпеня 1633 г. – віленскі ваявода), полацкаму ваяводзе і вялікаму гетману Янушу Кішку¹.

Пры вывучэнні сацыяльнай актыўнасці асобных шляхецкіх карпарацый або лакальных прадстаўнічых інстытутаў галоўная ўвага даследчыкамі надаецца пасольскім інструкцыям, якія складаліся на перадсоймавых соймаках. А вось калектыўныя лісты займаюць у гістарыяграфіі, відавочна, другаснае месца. Адным з першых звярнуў увагу на выкарыстанне шляхтай соймакаў ці іншых сходаў у паведах для складання калектыўных пасланняў расійскі гісторык Іван Лапа². У найноўшым даследаванні парламенцкіх структур ВКЛ польскі гісторык Анджэй Рахуба вылучыў тры віды соймакавых пахвал (ляўдум, інструкцыя і крэдэнс для паслоў), а павятовыя з'езды, якія склікаліся ў надзвычайных абставінах, асобна не разглядаў³. Не згадваюцца лісты як асобныя крыніцы і ў грунтоўных работах па гісторыі соймакаў Троцкага і Берасцейскага павеатаў⁴. Беларускі даследчык Павел Лойка толькі фрагментарна выкарыстаў калектыўныя лісты пры аналізе ўдзелу павятовай шляхты ВКЛ у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай⁵. У манаграфіі айчыннага спецыяліста Віталія Галубовіча, прысвечанай інстытутам самакіравання і палітычнай актыўнасці шляхты Полацкага ваяводства ў дадзены перыяд, дзейнасць мясцовага соймака вывучаецца выключна на аснове пасольскіх інструкцый. Праўда, лісты ўсё ж выкарыстоўваюцца для аналізу элементаў свядомасці полацкай шляхецкай супольнасці⁶. Аднак лічым, што на падобныя калектыўныя пасланні варта звярнуць большую ўвагу, паколькі складаліся яны, як правіла, у надзвычайных сітуацыях і былі водгукам на самыя актуальныя праблемы жыцця дзяржавы. Дадатковую важнасць яны набываюць ва ўмовах абмежаванай базы крыніц па гісторыі палітычнай дзейнасці шляхты Віцебскага павеата ў канцы XVI – першай палове XVII ст.

Зразумела, што ў лістах, адрасаваных гетманам ВКЛ, у першую чаргу адлюстроўваліся пытанні арганізацыі абароны Віцебскага павеата ў час розных войнаў і сацыяльных канфліктаў. Амаль пастаяннымі былі скаргі на кепскі стан віцебскіх замкаў. У кастрычніку 1598 г., асцерагаючыся новага на-

¹ Archiwum Główne Akt Dawnychw Warszawie (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR). Dz. II. – Sygn. 396 (14.10.1598), 421 (22.12.1600), 760 (25.06.1621), 894 (27.11.1624), 1074 (28.11.1632), 1102 (21. і 23.01.1633), 1106 (18.02.1633), 1121 (13.09.1633), 1253 (11.07.1651).

² *Lanno И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия / И. И. Лаппо // Литовско-русский повет и его сеймик. – Юрьев, 1911. – С. 534–535, 596, 605–615.

³ *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa, 2002. – S. 131, 291–292.

⁴ *Konieczna D.* Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzesko litewskiego w latach 1565–1763 / D. Konieczna. – Warszawa, 2013. – S. 16–17, 72–78 ; *Zakrzewski A.* Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie : sejmik trocki / A. Zakrzewski. – Warszawa, 2000. – S. 17–19, 114–127.

⁵ *Лойка П.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. / П. Лойка. – Мінск, 2002. – С. 58, 87, 97–98.

⁶ *Галубовіч В. У.* Полацкая шляхта і дынастыя Вазаў / В. У. Галубовіч. – Мінск, 2016. – С. 92–167, 184–191.

бегу казакоў з украінскіх зямель, шляхта пісала К. Радзівілу Перуну аб значным занядбанні замкавых умацаванняў, на якіх немагчыма не толькі ўстанавіць гарматы, але нават «пешаму з гакаўніцай месца няма»⁷. Аб «вялікім разбурэнні замка» ў Віцебску мясцовая шляхта інфармавала яго і ў снежні 1600 г.⁸ Пачатак у верасні 1632 г. чарговай вайны Рэчы Паспалітай з Расійскай дзяржавай яшчэ больш абвастрыў праблему абараназольнасці Віцебска. У лістападзе 1632 г. шляхта паведамляла К. Радзівілу аб «спуштанні замкаў нашых віцебскіх», а ў верасні 1633 г. скардзілася, што замкавы гарнізон не жадае далей служыць, пяхота не атрымлівае аплаты, у мяшчан да ваеннай службы з'явілася «халоднасць», Віцебская воласць не выконвае павіннасці на рамонт замка і забеспячэнне яго вартай ды стральцамі, а самі замкі «з-за старасці ў вялікім заняпадзе застаюцца»⁹. Пастаянна гучалі просьбы ў найбліжэйшы час накіраваць у горад жаўнераў, зброю і іншы ваенны рыштунак. Просьбы аб дапамозе падмацоўваліся згадкамі аб стратэгічнай важнасці Віцебска, страта якога адкрыла б непрыяцелю шлях «ва ўсё Вялікае Княства Літоўскае»¹⁰. У першыя месяцы вайны шляхта нават асабіста была вымушана абнаўляць замкавыя ўмацаванні. Пры гэтым і ў такіх цяжкіх умовах удавалася здабываць перамогу. У студзені 1633 г. польнаму гетману паведамлялі, што на подступах да горада атрады ротмістра Яна Клячкоўскага разам з мясцовай пяхотай, шляхтай і мяшчанамі, жаўнерамі віцебскага ваяводы Самуэля Сангушкі і добраахвотнікамі на чале з Янам Бірулем разбілі варожыя сілы ды захапілі палон¹¹. Аднак у цэлым лісты 1632–1633 гг. адлюстроўваюць трагічную карціну вялікіх страт мясцовага насельніцтва: «шмат сялян пасеклі, замучылі, у палон забралі»¹². Заўважым, што адносіны з усходнім суседам аказвалі значны ўплыў на палітычную пазіцыю шляхты Віцебскага павета. Так, у лісце 1598 г. выказвалася заклапочанасць парушэннем перамір'я паміж дзяржавамі¹³. А калі ў 1600 г. К. Радзівіл Пярун заклікаў шляхту ВКЛ выходзіць у паспалітае рушэнне для абароны Інфлянтаў ад шведскіх войскаў, то ад віцебскай шляхты атрымаў адказ, што яна перш за ўсё мусіць клапаціцца аб бяспецы ўсходніх меж краіны ў сувязі з заканчэннем перамір'я з Расійскай дзяржавай¹⁴.

⁷ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 396. S. 1.

⁸ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 421. S. 1–2.

⁹ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1074. S. 1 ; Sygn. 1121. S. 1.

¹⁰ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1074. S. 2.

¹¹ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1102. S. 1 ; Сагановіч Г. Вайна на полацка-віцебскім рубяжы ў 1632–1633 г. і «паўстанне» ў Полацку / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд. – 2011. – Т. 18, сш. 1–2 (34–35). – С. 31–32.

¹² Гл. напр.: AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1102. S. 5 ; Sygn. 1106. S. 1, 4 ; Sygn. 1121. S. 1.

¹³ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 396. S. 2 ; Лойка П. Шляхта беларускіх зямель... С. 58.

¹⁴ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 421. S. 1–2 ; *Herbst S. Wojnainflancka 1600–1602. Wyd. 2 / S. Herbst. – Zabrze, 2006. – S. 57–58, 217–218.* Акрамя таго, шляхта Віцебскага павета падкрэслівала, што не атрымлівала належных каралеўскіх лістоў аб скліканні паспалітага рушэння ды ўніверсалаў аб часе і месцы яго збору.

Лісты, што ствараліся падчас сацыяльных канфліктаў, змяшчаюць інфармацыю аб міжаслоўных адносінах у ВКЛ. Безумоўна, узброеныя выступленні ніжэйшых сацыяльных слаёў успрымаліся шляхтай адназначна негативно. Так, набегі ўкраінскага казацтва ў канцы XVI ст. вызначаліся, як «свавольныя беспарадкі і злыя справы», а ў час казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. шляхцічы выказвалі гатоўнасць да «супакаення гвалтоўнай чэрні»¹⁵. У ліпені 1651 г. віцебская шляхта выставіла на барацьбу з казацкімі і сялянскімі атрадамі конную роту ў складзе 96 жаўнераў на чале з ротмістрам Янам Пыпкам. Пры гэтым у лісце да Я. Кішкі паведамлялася, што «*тое польмя злашчаснае*» выяўляецца ўжо і ў некаторых мясцовасцях Віцебскага павета¹⁶. Вельмі цікавыя даныя аб адносінах паміж шляхтай і мяшчанствам утрымлівае ліст ад 14 кастрычніка 1598 г. Віцебская шляхта скардзілася К. Радзівілу Перуну, што пасля надання магдэбургскага права мяшчане Віцебска адмовіліся выконваць свае абавязкі па забеспячэнні абароны горада, у тым ліку па ўтрыманні цэхгаўза. Звыш таго, мяшчане не выконвалі распараджэнняў мясцовай (замкавай) адміністрацыі, пагражалі і нават нападлі на шляхту, у выніку чаго адзін шляхціч быў забіты, а некалькі паранены. Па меркаванні аўтараў ліста, віцебскія мяшчане атрымалі магдэбургскае права «*з абразай і вялікай шкодай усёй Рэчы Паспалітай ды са знявагай і пагардай роду шляхецкага*», а самі гараджане дзейнічалі «*без аніякай справядлівасці, будучы, як вольныя, без закону і ярма*»¹⁷.

На прыкладзе некаторых лістоў можна выявіць моцную карпаратыўную салідарнасць у межах шляхецкай супольнасці Віцебскага павета. Напрыклад, удзельнікі перадсоймавага сойма ў лістападзе 1624 г. выступілі з просьбай аб матэрыяльнай узнагародзе віцебскага падстоля Мікалая Жабы за яго і яго бацькі Барыса Жабы заслугі ў час войн 1558–1582 і 1609–1618 гг. І да К. Радзівіла быў дасланы ліст з просьбай быць заступнікам М. Жабы перад каралём польскім і вялікім князем літоўскім Жыгімонтам Вазай. Абраныя на соймаку паслы на вальны сойм Рэчы Паспалітай таксама атрымалі даручэнне дабівацца належнага адорвання віцебскага падстоля¹⁸. Заўважым, што гэта пасланне падпісалі шляхцічы розных хрысціянскіх канфесій. Прынамсі яшчэ ў першай трэці XVII ст. карпаратыўная салідарнасць была вышэйшая за канфесійныя падзелы¹⁹. На моцнае пачуццё еднасці ў межах сваёй сацыяльнай групы ўказвае, на нашу думку, ужыванне амаль ва ўсіх гэтых лістах у адносінах да асобных шляхцічаў выказаў «*брат наш*» або «*браты нашы*».

¹⁵ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 396. S. 1 ; Sygn. 1253. S. 1.

¹⁶ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1253. S. 1.

¹⁷ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 396. S. 1–2. Гл. таксама: Макараў М. Д. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. / М. Д. Макараў. – Мінск, 2008. – С. 108–109, 192–200.

¹⁸ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 894. S. 1–2.

¹⁹ Галубовіч В. У. Канец эпохі братэрскай згоды: абставіны і інтэрпрэтацыі расколу віцебскага грамічнага сойма 1640 г. / В. У. Галубовіч // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2022. – Т. 35. – С. 23–31.

Калектыўныя лісты віцебскай шляхты змяшчаюць важныя звесткі для вывучэння яе палітычнай свядомасці. Перш за ўсё, на іх старонках адлюстраваны ўяўленні павятовай шляхты аб абавязках, як сваіх, так і вышэйшых дзяржаўных ураднікаў ВКЛ, у дадзеным выпадку гетманаў. Важнейшы шляхецкі абавязак – абарона дзяржавы. Шляхта выказвала гатоўнасць выходзіць на вайну не толькі з-за сваёй «павіннасці», але і паводле «жадання» ды «міласці да Айчыны», а таксама па прыкладзе сваіх продкаў²⁰. У сваю чаргу, гетманы павінны былі быць «*вартавымі і абаронцамі Айчыны*», якія мусілі «*мудра*», «*пільна*» і «*чуйна*» дбаць аб бяспецы дзяржавы²¹. У студзені 1633 г. выразна адзначалася роля К. Радзівіла ў кіраванні абаронай ВКЛ у надзвычайных умовах вайны і бескаралеўя – «*вярхоўнага камандуючага і нашага абаронцы*»²². Затое невыкананне ўраднікамі сваіх абавязкаў выклікала з боку шляхты рэзкую крытыку. У 1621 г. канфлікты ў кіроўных колах ВКЛ і Рэчы Паспалітай побач з сур'ёзнай ваеннай небяспекай віцебскія шляхцічы называлі «*няшчасцем*» Айчыны, бо менавіта добрыя нарады паміж вышэйшымі службовымі асобамі з'яўляліся самым надзейным адпорам усім войнам. Пры гэтым шляхта прасіла К. Радзівіла і надалей клапаціцца «*аб публічным міры*» (о *Pokoju Pospolitym*)²³. А вось адсутнасць надзейнай абароны ва ўмовах чарговай вайны вымушала мясцовую шляхту ў лістападзе 1632 г. «*наракаць і адплаты прасіць у П[ана] Бога*» для тых службоўцаў, якія былі адказныя за забеспячэння віцебскіх замкаў жаўнерамі і зброяй²⁴.

Калектыўныя пасланні з'яўляюцца важнай крыніцай для вызначэння семантыкі такіх падставовых для шляхты паняццяў, як *Айчына* (*Ojczyzna*), *Рэч Паспалітая* (*Rzecz Pospolita*), *грамадзяне* (*obywatele*)²⁵. У чэрвені 1621 г. складальнікі ліста дзякавалі К. Радзівілу за яго клопат аб арганізацыі аба-

²⁰ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 396. S. 1 ; Sygn. 421. S. 2 ; Sygn. 760. S. 1 ; Sygn. 1074. S. 1.

²¹ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 396. S. 1 ; Sygn. 421. S. 1 ; Sygn. 760. S. 1 ; Sygn. 1074. S. 1–2 ; Sygn. 1253. S. 1.

²² AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1102. S. 2. У 1598 г. складальнікі ліста да К. Радзівіла Перуна называлі яго нават сваім «*патронам і апекуном*», што сведчыла не аб іх кліентальнай залежнасці, але аб прызнанні значнай ролі віленскага ваяводы ў грамадскім жыцці ВКЛ і ўсёй Рэчы Паспалітай: Ibidem. Sygn. 396. S. 2.

²³ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 760. S. 1. Аб канфлікце, перш за ўсё паміж Жыгімонтам Вазай і К. Радзівілам, гл. напр.: *Czwołek A. Pióremibuława. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwołek.* – Toruń, 2012. – S. 463–464, 467–469, 470–471.

²⁴ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1074. S. 1. Дададзім, што ў 1598 г. шляхта скардзілася на віцебскага ваяводу Мікалая Сапегу, што той у небяспечны для ваяводства час адсутнічаў у Віцебску: *Падалінскі У.* «За залецаньем их милости панов вранниковъ земських и шляхты повету витебского учинилюм...»: палітычныя адносіны шляхты Віцебскага павета з ваяводам Мікалаем Паўлавічам Сапегам (1588–1599) / У. Падалінскі // Сапегі: асобы, кар'еры, маенткі : зб. навук. арт. / уклад. А. А. Скеп'ян. – Мінск, 2018. – С. 67–68.

²⁵ Аб сістэме каштоўнасцяў палітычных народаў ВКЛ і Польшчы, гл. напр.: *Лойка П.* Шляхта беларускіх зямель... С. 87–88 ; *Grześkowiak-Krwawicz A.* Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Pojęcia i idee / A. Grześkowiak-Krwawicz. – Toruń, 2018 ; *Opaliński E.* Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652. System parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie / E. Opaliński. – Warszawa, 1995. – S. 27–38.

роны «той дзяржавы Вялікага Княства Літоўскага»²⁶. Падобнае ўжыванне тэрміна «дзяржава», безумоўна, адлюстроўвала разуменне з боку віцебскай шляхецкай карпарацыі асаблівага месца ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай. Таксама цікава, што ў снежні 1600 г. удзельнікі соймака Віцебскага павета ўжылі самавызначэнне «ўскрайныя людзі» (*ukrainneludzie*)²⁷. А гэта, на наш погляд, дазваляе паставіць пытанне аб фарміраванні спецыфічнага самаўсведамлення шляхты памежных зямель Вялікага Княства.

У лістах, якія разглядаюцца, знайшлі сваё адлюстраванне праявы крызісных з'яў, што пашыраліся ў тагачасным грамадскім жыцці ВКЛ і ўсёй Рэчы Паспалітай. Самай важнай з іх стала ўхіленне часткі шляхты ад свайго абавязку абараняць дзяржаву. Сабраныя ў лютым 1633 г. у Віцебску шляхцічы скардзіліся, што яны абараняюць замак у невялікай колькасці, бо іншыя «*абывацелі і браты нашы не жадаюць нам дапамагаць і з намі на тым месцы заставацца*»²⁸. У 1651 г. у лісце да Я. Кішкі адзначалася, што частка шляхты Віцебскага павета ўхіляецца ад удзелу ў барацьбе з казацка-сялянскімі атрадамі, а некаторыя мясцовыя старасты і дзяржаўцы нават не з'явіліся на месца збору войскаў у вызначаны тэрмін²⁹. Разам з тым і сама дзяржава не заўсёды належна выконвала свае функцыі ў адносінах да шляхецкага саслоўя. Так, у 1624 г. удзельнікі віцебскага соймака наракалі, што іх частыя просьбы на соймах узнагародзіць Барыса і Мікалая Жабазу за іх выдатную ваенную службу не прыносяць ніякіх вынікаў. Не дапамагала нават тое, што першы меў прывілей ад караля і вялікага князя Стэфана Баторыя за заслугі пры захопе замка Дынеборк яшчэ ў час Інфлянцкай вайны, а другі – абяцанне аб узнагародзе ўжо ад Жыгімонта Вазы³⁰.

Велізарнае значэнне дадзеныя дакументы маюць для вывучэння асабістага складу мясцовай палітычнай эліты. Паколькі лісты складаліся, як правіла, у нейкіх надзвычайных сітуацыях, то іх падпісантамі былі тыя людзі, якія непасрэдна бралі ўдзел у прыняцці рашэнняў на лакальным узроўні. Сярод тых, хто аператыўна адгукаўся на найбольш пільныя праблемы Віцебскага павета, былі прадстаўнікі уплывовых мясцовых родаў: Войнаў-Ясянецкіх, Гуркаў, Кісялёў, Косавых, Пышніцкіх, Старасельскіх, Храптовічаў і інш. Калектыўныя лісты змяшчаюць унікальную інфармацыю аб удзельніках перадсоймавых соймакаў Віцебскага павета. Так, ліст ад 22 снежня 1600 г., напісаны адразу па завяршэнні соймакавай працы, падпісаны 23 шляхцічы, а ліст ад 27 лістапада 1624 г., складзены ў час соймака, – 60 чалавек³¹. Нарэшце, падобныя пасланні паказваюць змены ў культурным жыцці вышэйшых колаў віцебскай шляхты. Па-першае, усе дзевяць лістоў

²⁶ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 760. S. 1.

²⁷ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 421. S. 1.

²⁸ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1106. S. 1.

²⁹ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 1253. S. 1.

³⁰ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 894. S. 1.

³¹ AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 421. S. 2–3 ; Sygn. 894. S. 2–3.

былі напісаны на польскай мове, што сведчыць аб яе высокім сацыяльным статусе і распаўсюджванні польскамоўнай адукацыі на землях ВКЛ. Па-другое, няўхільна скарачалася колькасць подпісаў на старабеларускай мове. Аднак адзначым, што сярод актыўных удзельнікаў палітычнага жыцця Віцебскага павета канца XVI – першай трэці XVII ст. былі шляхцічы, якія пастаянна карысталіся старабеларускай мовай. Напрыклад, пад лістамі 1598, 1621 і 1624 гг. стаяць менавіта кірылічныя подпісы Фёдара Войны-Ясянецкага³².

Такім чынам, калектыўныя лісты шляхты Віцебскага павета да гетманаў ВКЛ з’яўляюцца важнай крыніцай для вывучэння персанальнага складу мясцовай палітычнай эліты, яе інтарэсаў, уяўленняў і каштоўнасцей. Дадзеныя пасланні выяўляюць праблемы арганізацыі абароны на мясцовым узроўні, паказваюць фактары, якія ўплывалі на ваенна-палітычную дзейнасць шляхты. Разгледжаныя лісты могуць быць дадатковай крыніцай інфармацыі па сацыяльных і культурных працэсах на беларускіх землях у канцы XVI – першай палове XVII ст.

ЛІТАРАТУРА

1. **Галубовіч, В. У.** Полацкая шляхта і дынастыя Вазаў / В. У. Галубовіч. – Мінск, 2016.
2. **Галубовіч, В. У.** Канец эпохі братэрскай згоды: абставіны і інтэрпрэтацыі расколу віцебскага грамянічнага сойма 1640 года / В. У. Галубовіч // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2022. – Т. 35. – С. 23–31.
3. **Лаппо, И. И.** Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик / И. И. Лаппо. – Юрьев, 1911.
4. **Лойка, П.** Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. / П. Лойка. – Мінск, 2002.
5. **Макараў, М. Д.** Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. / М. Д. Макараў. – Мінск, 2008.
6. **Падалінскі, У.** «За залецаньнем их милости панов владниковъ земскихъ и шляхты повету витебского учиниломъ...» : палітычныя адносіны шляхты Віцебскага павета з ваяводам Мікалаем Паўлавічам Сапегам (1588–1599 гг.) / У. Падалінскі // Сапегі: асобы, кар’еры, маенткі : зб. навук. арт. / уклад. А. А. Скеп’ян. – Мінск, 2018. – С. 49–68.
7. **Сагановіч, Г.** Вайна на полацка-віцебскім рубяжы ў 1632–1633 г. і «паўстанне» ў Полацку / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд. – 2011. – Т. 18, сш. 1/2 (34/35). – С. 21–42.
8. **Archiwum Główne Akt Dawnychw Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. II.** – Sygn. 396, 421, 760, 894, 1074, 1102, 1106, 1121, 1253.
9. **Czwołek, A.** Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwołek. – Toruń, 2012.

³² AGAD. AR. Dz. II. – Sygn. 396. S. 2 ; Sygn. 760. S. 2 ; Sygn. 894. S. 3.

10. **Grześkowiak-Krwawicz, A.** Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Pojęcia i idee / A. Grześkowiak-Krwawicz. – Toruń, 2018.

11. **Herbst, S.** Wojnainflancka 1600–1602 / S. Herbst. – Wyd. 2. – Zabrze, 2006.

12. **Konieczna, D.** Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzeskolitewskiego w latach 1565–1763 / D. Konieczna. – Warszawa, 2013.

13. **Opaliński, E.** Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652. System parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie / E. Opaliński. – Warszawa, 1995.

14. **Rachuba, A.** Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa, 2002.

15. **Zakrzewski, A.** Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki / A. Zakrzewski. – Warszawa, 2000.

Пецюкевіч Т.У. (г. Мінск)

РАЗВІЦЦЁ ПРАДПРЫЕМСТВАЎ ЭНЕРГАЗАБЕСПЯЧЭННЯ г. ВІЦЕБСКА Ў ПЕРЫЯД НЭПА (1921–1928)

Прадпрыемствы энергазабеспячэння з’яўляюцца важнымі складнікамі камунальнай гаспадаркі і адыгрываюць значную ролю ў функцыянаванні гарадоў. У перыяд новай эканамічнай палітыкі (1921–1928) гарадскія электрастанцы адносіліся да прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці і знаходзіліся ў распараджэнні камунальных аддзелаў.

У адзначаны час прадпрыемствы энергазабеспячэння Віцебска былі прадстаўлены дзвюма камунальнымі электрастанцыямі, якія ўваходзілі ў склад трэста «Водосвет». Былая трамвайная станцыя, якая мела магутнасць 425 кВт, была пабудавана ў 1897 г. і працавала на патрэбы гарадскога транспарту і асвятлення. Яе абсталяванне ўяўляла сабой тры паравыя машыны і дызель, якія былі моцна амартызаваныя [4, л. 16 адв.]. Месцазнаходжанне станцыі ў цэнтры горада абумовіла неэтаэагаднасць яе пашырэння дзеля перадачы энергіі прамысловым прадпрыемствам, што былі лакалізаваны бліжэй да ўскраін [4, л. 17].

Другая электрастанцыя, якая размяшчалася на Полацкай шашы, была абсталявана трыма нафтавымі рухавікамі і дызелам. Механізмы не адпавядалі па магутнасці адзін аднаму і таксама мелі высокую ступень зношанасці. Найбольшы паказчык энергіі, што выпрацоўвала дадзеная станцыя, складаў 56 кВт [4, л. 17].

У зімовыя месяцы максімальная нагрузка цэнтральнай станцыі была роўнай 405 кВт, полацкай – 56. Святлом забяспечвалася 25% гарадскога насельніцтва [1, с. 109]. 35% вырабленай электраэнергіі спажываў трамвай, прычым энергазабеспячэнне ажыццяўлялася бясплатна. Разам з дэфіцыт-

насю трамвая дадзена акалічнасць абумовіла высокі кошт кілават-гадзіны, які складаў ад 23 да 40 кап. [3, л. 92].

Недахоп электраэнергіі прадвызначыў узнікненне дробных электрастанцый, якія дзейнічалі пераважна пры прамысловых прадпрыемствах. У 1925 г. колькасць такіх станцый дасягнула 43 [4, л. 68]. Аднак і яны не маглі забеспечыць усе патрэбы горада, таму ў красавіку – маі 1925 г. Дзяржплан БССР узяў пытанне аб будаўніцтве ў Віцебску новай цэнтральнай электрастанцыі.

Эскізны праект новага прадпрыемства магутнасцю 2 тыс. кВт быў прадстаўлены Віцебскім акруговым выканкамам у маі 1925 г. Дамова на яго рэалізацыю была заключана з камунальным трэстам «Водосвет». Будаўніцтва планавалася весці ў дзве чаргі. Згодна з каштарысам, вартасць электрастанцыі ацэньвалася ў 1 млн 243 тыс. руб., што для падобнага намеру было нязначнай сумай. Прамсекцыя Дзяржплана адобрыла праект і прызнала яго эканамічна мэтазгодным, аднак унесла карэкцыі: улічыць пры будаўніцтве магчымасць павелічэння магутнасці да 6 тыс. кВт. Такія змены патрабавалі ад Віцебскага акрвыканкама прыняцця новых рашэнняў па абсталеванні і фінансавым плане электрастанцыі. Адначасова неабходна было атрымаць дазвол на пабудову і зацвердзіць праект у Вышэйшым савеце народнай гаспадаркі Беларусі [4, л. 66 адв.].

Акрамя праграмы адносна Віцебскай электрастанцыі прамсекцыя Дзяржплана БССР распрацоўвала пытанне аб узвядзенні раённай Асінаўскай, якая праектавалася невялікай па памерах і павінна была працаваць адначасова з віцебскай. Абмеркаванне зацягнулася ў Галоўным электратэхнічным кіраўніцтве (Галоўэлектра) ВСНГ і Дзяржплане СССР, якія не давалі згоды на будаўніцтва абодвух прадпрыемстваў. Неўзабаве Дзяржплан БССР прыняў рашэнне працягваць працы па Віцебску.

Будаўніцтва Віцебскай станцыі павінна было распачацца ў маі 1926 г., аднак на працягу некалькіх месяцаў «Водосвет» не адказваў на запыты Дзяржплана наконт ходу прац. Толькі ад прадстаўнікоў Віцебскага акрвыканкама прамсекцыя даведалася, што будаўнічыя работы так і не былі пачаты з-за таго, што месца пад станцыю занята прыватнымі дамамі. Віцебскі акрвыканкам загадзя не вырашыў дадзенае пытанне [4, л. 66].

Пастановай СТО ад 6 мая 1927 г. працы па Віцебскай станцыі было вырашана спыніць. Пастанова СТО ад 20 мая 1927 г. дэкларавала будаўніцтва раённай электрычнай станцыі на Асінаўскіх балотах, якая павінна была забяспечыць электрычнасцю Віцебскі, Магілёўскі і Аршанскі раёны [2, с. 43].

Рашэнне аб ліквідацыі будаўніцтва Віцебскай станцыі было выклікана шэрагам фактараў. Па-першае, абласны цэнтр павінен быў стаць адным з галоўных спажыўцоў электраэнергіі будучай Асінаўскай станцыі, што рабіла будаванне ўласнай электрастанцыі ў горадзе неэтазгодным. Зменшыць памер Асінбуда за кошт гарадской электрастанцыі было немагчыма па прычы-

не стандартнай магутнасці турбін у 10 тыс. кВт. Функцыянаванне двух такіх прадпрыемстваў не прадугледжвалася, тым больш што Асінаўская станцыя павінна была пастаўляць электрычнасць у Віцебск ніжэй за сабекошт гарадской станцыі [4, л. 71].

Па-другое, прапанова ўзвядзення першай раённай электрастанцыі на тэрыторыі БССР у Галоўэлектра не мела адзінагалоснай падтрымкі: былі прыхільнікі будаўніцтва асобных станцый у Віцебску, Оршы і Шклове. Прасоўванне прадстаўнікамі Дзяржплана БССР ідэі будаўніцтва гарадской станцыі магло прывесці да адмовы ад Асінаўскай электрастанцыі, узнікненне якой было важным крокам для энергетычнай галіны рэспублікі [4, л. 71 адв.].

Устрыманне ад пабудовы новай гарадской электрастанцыі ў Віцебску стварала шэраг праблем, бо існуючага забеспячэння электраэнергіяй было недастаткова. Абавязковая нагрузка ў Віцебску ацэньвалася ў 5 кВт на 1 тыс. жыхароў, а ў рэальнасці дасягала толькі 2,15 [4, л. 120 адв.].

Пры Дзяржплане БССР нават была створана спецыяльная камісія па даследаванні пытанняў, звязаных са спыненнем будаўніцтва. Камісія канстатавала, што гораду неабходны новыя крыніцы энэргазабеспячэння. У выніку на цэнтральнай электрастанцыі быў усталяваны дадатковы агрэгат у 200 кВт. Паралельна вяліся працы па пераабсталяванні электрычнай сеткі з пастаяннага току на пераменны трохфазны [4, л. 8]. Камунальныя электрастанцыі Віцебска працавалі з вялікім перанапружаннем да красавіка 1931 г., калі горад пачаў карыстацца энэргіяй Асінаўскай электрычнай станцыі.

Такім чынам, у перыяд нэпа Віцебск адчуваў недахоп электраэнергіі. Двух камунальных электрастанцый было недастаткова для забеспячэння патрэб горада ў электрычнасці, што абумовіла неабходнасць пабудовы новага прадпрыемства. У 1925 г. адпаведнае рашэнне было прынята Дзяржпланам БССР. Паралельна абмяркоўвалася пытанне аб узвядзенні Асінаўскай электрычнай станцыі, якая павінна была стаць першай у БССР электрастанцыяй раённага значэння. Менавіта ёй была аддадзена перавага, што зрабіла будаўніцтва Віцебскай станцыі немэтазгодным. У выніку на цэнтральнай электрастанцыі быў пастаўлены дадатковы агрэгат у 200 кВт і ажыццёўлена пераабсталяванне электрычнай сеткі для прыняцця электрычнасці ад Асінаўскай станцыі, якая пачала сваю работу ў 1931 г. Будаўніцтва раённай электрастанцыі стала пераходам ад энэргазабеспячэння праз ізаляванія гарадскія і фабрычныя электрастанцыі да цэнтралізаванай выпрацоўкі электраэнергіі.

ЛІТАРАТУРА

1. Каплан, А. М. Местная электрификация / А. М. Каплан // Советское строительство. – 1927. – № 10. – С. 104–113.

2. Литвиновский, И. А. Осуществление плана ГОЭРЛО в Беларуси / И. А. Литвиновский // Энергетическая безопасность белорусского государства: историче-

ский опыт, достижения, проблемы, перспективы : материалы кругл. стола, посвящ. 90-летию со дня принятия ленинского плана ГОЭЛРО, Брест, 22 дек. 2010 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. техн. ун-т, Каф. соц.-полит. и ист. наук ; под ред. М. В. Стрельца. – Брест, 2011. – С. 43–49.

3. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Воп. 1. Спр. 61.

4. **НАРБ**. – Ф. 31. Воп. 1. Спр. 56.

Пісавар М.В. (г. Віцебск)

ПОМНІКІ МАНУМЕНТАЛЬНАЙ І МАНУМЕНТАЛЬНА- ДЭКАРАТЫЎНАЙ СКУЛЬПТУРЫ Ў ВІЦЕБСКІМ РАЁНЕ ЯК МЕСЦЫ ПАМЯЦІ

Надаўна да нас трапіў дакумент «Произведения монументального и монументально-декоративного искусства, находящиеся на территории Витебского района». Ён уяўляе сабой адказ на запыт упраўлення культуры Віцебскага аблвыканкама на 61 старонцы, на якіх пералічаны 187 помнікаў. У дакуменце прапанаваны наступны падзел: 28 помнікаў, 13 помнікаў-бюстаў, 25 памятных знакаў, 13 памятных (мемарыяльных) дошак, 4 мемарыяльныя (інфармацыйныя) пліты (памылкова дошка), 51 абеліск, 22 стэлы, 31 помнік на воінскіх пахаваннях.

На жаль, дакумент не адлюстроўвае сапраўднага стану рэчаў у раёне. З 187 пералічаных аб'ектаў усе, акрамя 8 бюстаў, размешчаны на алеі славурых землякоў у аг. Ноўка, з'яўляюцца помнікамі, звязанымі з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны. Неадлюстраваны цэлыя катэгорыі помнікаў: мемарыяльных комплексаў, твораў манументальна-дэкаратыўнага мастацтва рэлігійнага характару, манументальна-дэкаратыўнай скульптуры, дэкаратыўна-аддзелачных форм, комплексаў манументальна-дэкаратыўных твораў, надмагільных манументаў. Але такі стан не адпавядае жыццю. У раёне ёсць помнікі палітычным дзеячам (У. Леніну, С. Кіраву), культурным дзеячам (І. Рэпіну), якія дакладна можна аднесці да манументальна-дэкаратыўнай скульптуры. Ёсць шэраг помнікаў, памятных знакаў, прысвечаных важным гістарычным падзеям, скульптурных кампазіцый як савецкай спадчыны, так і нашых дзён. Ёсць у справаздачы і шэраг памылак, напрыклад, «памятная табличка», што з'яўляецца няўдалай калькай пры перакладзе з беларускай мовы тэрміна «памятная шыльда». Правільна пісаць «мемарыяльная дошка». Пэўнае непаразуменне выклікалі і крытэрыі падзелу і сістэматызацыі аб'ектаў культурнай спадчыны, іх катэгорыі.

У гэтым артыкуле аўтар прапануе сваю сістэму класіфікацыі аб'ектаў культурнай спадчыны на аснове нарматыўных дакументаў і досведу прак-

тычнай работы, а таксама пералік тых аб'ектаў, якія на сённяшні момант на тэрыторыі Віцебскага раёна трапляюць пад разуменне «культурная спадчына» (у катэгорыі манументальнай і манументальна-дэкаратыўнай скульптуры ці месцаў, якія можна імі адлюстраваць). Заўважым, што з такіх аб'ектаў статус гісторыка-культурнай каштоўнасці маюць толькі адзінкі. Спіс мае рэкамендацыйны характар і створаны для разумення сітуацыі і інвентарызацыі аб'ектаў, якія ўжо існуюць, але не маюць дзяржаўнай аховы.

Такім чынам, задачы артыкула: інвентарызацыя аб'ектаў культурнай спадчыны Віцебскага раёна, спроба аўтарскай сістэматызацыі, парады па яе захаванні.

У адпаведнасці з артыкулам 83 «Кодэкса аб культуры» [3] да матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей адносяцца дакументальныя помнікі; запаведныя мясціны; помнікі археалогіі; помнікі архітэктуры; помнікі гісторыі – капітальныя пабудовы (будынкi, збудаванні), іншыя аб'екты, тэрыторыі, якія звязаны з важнейшымі гістарычнымі падзеямі, развіццём грамадства і дзяржавы, міжнароднымі адносінамі, развіццём навукі і тэхнікі, культуры і быту, палітычнымі, дзяржаўнымі, ваеннымі дзеячамі, дзеячамі навукі, літаратуры, культуры і мастацтва; помнікі горадабудаўніцтва; помнікі мастацтва.

З тых, што знаходзяцца на тэрыторыі Віцебскага раёна, большая частка, гэта помнікі археалогіі і помнікі мастацтва. Іншыя ці прадстаўлены адзінкавымі аб'ектамі, ці не прадстаўлены ўвогуле. Катэгорыі помнікаў мастацтва вызначаюцца ў пастанове Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 14 студзеня 2022 г. № 26, дзе змяшчаецца «Палажэнне аб парадку стварэння (рэканструкцыі) і прыёмкі твораў манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва» [4]. Тут у раздзеле «Тэрміны і іх значэнні» змяшчаюцца асноўныя тыпы твораў манументальнага і дэкаратыўнага характару: абеліск, вітраж, дэкаратыўна-аздабленчыя формы, комплекс манументальна-дэкаратыўных твораў, мазаіка, манументальна-дэкаратыўная тканіна, мемарыяльная (інфармацыйная) пліта, мемарыяльны комплекс, надмагільны манумент, памятны знак, помнік, помнік-бюст, роспіс, стэла, твор манументальна-дэкаратыўнага мастацтва рэлігійнага характару.

У распрацаванай галоўным спецыялістам упраўлення культуры віцебскага аблвыканкама Д.В. Юрчакам прэзентацыі [1], якая размешчана на сайце Віцебскага аблвыканкама, прадстаўлена тлумачэнне адносна асноўных відаў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва. Да іх адносяцца мемарыяльны комплекс, помнік, надмагільны манумент, помнік-бюст, памятны знак, памятная (мемарыяльная) шыльда, мемарыяльная (інфармацыйная) пліта, абеліск, стэла, твор манументальна-дэкаратыўнага мастацтва рэлігійнага характару, манументальна-дэкаратыўная скульптура, дэкаратыўна-аддзелачныя формы, комплекс манументальна-дэкаратыўных твораў.

Практычна з усімі прапанаванымі пазіцыямі можна пагадзіцца. Пытанне выклікаюць пункты «абеліск» і «стэла» таму, што, на наш погляд, гэта не катэгорыя аб'екта культурнай спадчыны, а форма творчага ўвасаблення. Іншымі словамі, падзею можна адлюстравать і форме абеліска, стэлы, помніка ці мемарыяльнай дошкі.

Усе помнікі, памятныя знакі і шыльды, надмагільныя манументы з прычыны іх вялікай колькасці (больш 250) мы адносім да асобнай катэгорыі, звязанай з Вялікай Айчыннай вайной. Больш падрабязна пра іх у кнізе [5].

Некаторыя адзінкі вайсковай тэхнікі – самалёты, верталёты, танкі, БМД і іншыя аб'екты адносім да помнікаў гісторыі, якія адлюстроўваюць час і гістарычныя падзеі. Творы манументальна-дэкаратыўнага мастацтва рэлігійнага характару на тэрыторыі раёна амаль не прадстаўлены. Выключэнне складаюць памятныя крыжы, якія ўсталёўваюцца на памятных месцах (месцах былых храмаў), на перакрываваннях дарог.

Зразумелым з'яўляецца частае рашэнне асоб, якія ўстанаўліваюць помнік. Каб пазбегнуць патрэбнай, але складанай у выкананні, дарагой і доўгай працэдуры зацвярджэння і ўзгаднення па шэрагу інстанцый, яны абвешчаюць аб'ект не помнікам (дазвол на які патрэбна атрымаць у Прэзідэнта), а манументальна-дэкаратыўнай скульптурай. Гэта паскарае працэдуру, але зніжае каштоўнасць такога аб'екта.

Усяго па нашых падліках на тэрыторыі раёна да твораў манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва можна аднесці больш за 130 аб'ектаў. Асобна ўлічваюцца каля 260 помнікаў, якія маюць дачыненне да падзей Вялікай Айчыннай вайны. Прыводзіцца спіс памятных мясцін з амаль 40 пазіцый, якія варта адзначыць у будучым манументальнай ці манументальна-дэкаратыўнай скульптурай (Дадатак 5). Усе звесткі пра адзначаныя аб'екты сабраны ў паходах, экскурсіях на працягу 1996–2022 гг. Выкарыстоўвалася выданне «Збор помнікаў» [2], парады краязнаўцаў Л. Нікіцінай, В. Марозава, Л. Ларковай, за што ім асаблівы дзякуй.

ЛІТАРАТУРА

1. **Виды** произведений монументальной и монументально-декоративной скульптуры [Электронный ресурс] // Витебский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: <https://vitebsk-region.gov.by/uploads/files/Vidy-monumentalnogo-iskusstva-2022-1.pdf>. – Дата доступа: 12.12.2022.

2. **Збор** помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская воблаць / рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БСЭ імя П. Броўкі, 1985. – 496 с.

3. **Кодэкс** Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] // Нацыянальнай прававой інтэрнет-партал Рэспублікі Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Нк1600413>. – Дата доступа: 12.12.2022.

4. **Порядок** создания и реконструкции произведений монументального и монументально-декоративного искусства [Электронный ресурс] // Витебский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: <https://vitebsk-region.gov.by/>

ru/porjadok-sozdaniya-i-rekonstruktsii-proizvedenij-monumentalnogo-i-monumentalno-dekorativnogo-iskusstva/. – Дата доступа: 12.12.2022.

5. **Звод** помнікаў воінскай славы, памятных месцаў, воінскіх пахаванняў і пахаванняў ахвяр Вялікай Айчыннай вайны Віцебскага раёна / склад. М. В. Півавар. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2021. – 134 с.

Подлинский А.М. (г. Витебск)

**«ПРОТИВНИК УМНЫЙ И ИСКУСНЫЙ...»
(МИТРОПОЛИТ «ЖИВОЙ ЦЕРКВИ», УРОЖЕНЕЦ
ВИТЕБСКА АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ)**

В воспоминаниях К. Чуковского «Современники» есть такие строки: «Как известно, у Луначарского бывали ошибки и прежде. Крупнейшая из них – “богостроительство”, от которого он, как опять-таки всем известно, начисто отрекся под влиянием Ленина. Но церковники не забывали его старых грехов, и впоследствии, уже в советскую пору, священник Александр Введенский на одном из публичных диспутов с Анатолием Васильевичем ловко использовал его старую книгу, которую сам автор давно осудил. Прочитав из нее несколько “богоискательских” строк, Введенский обратился к аудитории с вопросом:

– Знаете ли, кто написал эти благочестивые строки?

И выдержав эффектную паузу, ответил:

– Нарком Луначарский.

Луначарский возразил ему не сразу. Он долго говорил о другом и, лишь сойдя с трибуны и шагнув по направлению к выходу, вдруг словно спохватился:

– Ах, да! Я совсем позабыл ответить моему оппоненту вот о тех строках, которые он сейчас процитировал. Строки эти действительно написаны мною. Помню, прочтя их, Владимир Ильич сказал: “Как вам не стыдно, Анатолий Васильевич, писать такую чушь! Ведь за нее всякий поганый попик схватится”. И ушел под ураган аплодисментов».

Упомянувшийся К. Чуковским оппонент А. Луначарского был не просто «попиком», а архиепископом. Причем очень известным и блестяще образованным, пользовавшимся большим авторитетом как в среде верующих, так и атеистической интеллигенции Москвы и Петрограда (Ленинграда).

Александр Введенский родился 30 августа (11 сентября) 1889 г. в Витебске. Он был сыном директора витебской мужской гимназии Ивана Андреевича Введенского, который после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета преподавал в учебных заведениях

Пскова, Тюмени, Тобольска и Слуцка. В 1887 г. И. Введенский был назначен инспектором в витебскую мужскую гимназию, которую возглавил три года спустя. В этой должности Иван Андреевич пробыл до своей кончины 25 августа (6 сентября) 1899 года. За многолетнюю беспорочную службу педагог был удостоен орденов Святой Анны и Святого Станислава (двух степеней). В год 100-летия со дня рождения А. Пушкина (1899) он совершил с учащимися гимназии поездку к месту вечного упокоения поэта и незадолго до смерти издал в Вильне небольшую книжку «Панихида на могиле А.С. Пушкина. (Из личных воспоминаний)». Поощряя своих воспитанников в их поэтическом творчестве, в том же 1899 г. И. Введенский издал в Витебске сборник «Избранные стихотворения учеников Витебской мужской гимназии», для которого сам написал предисловие.

Александр Введенский остался без отца в десять лет. Мать вскоре вышла замуж за известного в городе педагога Ивана Неруша, с июля 1898 г. преподававшего древние языки в витебской мужской гимназии. В сентябре 1906 г. он открыл частную с правами правительственных 4-классную мужскую прогимназию, два года спустя реорганизованную с правами государственной 8-классную мужскую гимназию.

Учился А. Введенский в губернской мужской гимназии вместе с будущим академиком И. Лупполом (1896–1943), а затем окончил Петербургский университет. Увлечшись богословием, он вскоре стал крупным специалистом в этой области, что способствовало его церковной карьере. В 1913 г. А. Введенский был рукоположен епископом Двинским Пайтелеймоном (Рожновским) в сан. Сначала вел пастырскую деятельность в Новгороде, потом был священником в Петербурге. В 1923 г. наш земляк стал архиепископом, год спустя – митрополитом. Известность Введенскому принесли и его труды по богословию и логике. Учебник «Логика для гимназии», написанный Александром Ивановичем, выдержал три издания и еще в 1910 г. был удостоен премии императора Петра I. Ученый комитет Министерства народного просвещения рекомендовал его для использования в средних учебных заведениях. В дореволюционные годы А. Введенский издал также книги «Психология без всякой метафизики» и «Логика как часть теории познания». Как пишет автор книги «Русская православная церковь в XX веке» Д. Поспеловский, еще в 1910-е гг. Александр Введенский приобрел себе имя, выступив в светских журналах либерального направления с рядом эссе о религиозных представлениях и взглядах российской интеллигенции. В них он утверждал, что интеллигенция в России на 90% либо атеистическая, либо равнодушная к религии. А вывод сделал такой: чтобы вернуть ее в лоно церкви, необходимы радикальная реформа, обновление самой церкви. В политических вопросах такого же радикализма за А. Введенским тогда не замечалось. Напротив, будучи во время Первой мировой войны армейским проповедником, он достаточно активно высказывался против социализма.

7 марта 1917 г. в Петербурге был образован Всероссийский союз демократического православного духовенства, лидером которого стал А. Введенский. Организация эта пользовалась поддержкой обер-прокурора Синода В. Львова, издавала газету «Голос Христа» и журнал «Соборный разум». Главным очагом обновленческой пропаганды стала церковь Захария и Елизаветы в Петрограде, где настоятелем являлся отец Александр. С приходом к власти большевиков влияние традиционной церкви стало падать. Появился Союз церковного возрождения, в котором А. Введенский также играл значительную роль. Свои отделения этот союз имел в Москве, Киеве, Одессе, Новгороде, Харькове и в других крупных городах. Странники так называемой живой церкви требовали демократизации церковного управления, отказа от патриаршества вообще и исправления кое-каких обрядов, ликвидации института монашества, введения брачного епископата, согласования церковного календаря с гражданским, признавали советскую власть и даже готовы были с ней сотрудничать. «Марксизм – это “Евангелие”, изложенное атеистическим языком», – говорили они. В мае 1922 г., будучи протоиереем, А. Введенский написал письмо «Инициативной группы прогрессивного духовенства “Живая церковь”», положившее начало расколу в православной церкви. Год спустя журнал «Жизнь и религия» опубликовал «Положение об организации ревнителей церковного обновления». С тех пор их стали именовать «обновленцами», а на 2-м Всероссийском церковном соборе «введенцы» оказались в большинстве, победив сторонников избранного в 1917 г. патриарха Тихона. «Я посещал заседания 2-го поместного собора в Москве и диву давался, с каким ораторским, нет, больше того – актерским искусством Введенский отбивал яростные нападки тихоновцев, – писал автор книги «Необыкновенные собеседники» Э. Миндлин. – Противники обвиняли его в карьеризме, в самовольном присвоении высоких санов, в отступничестве. Введенский не оставлял без ответа ни одного из сыпавшихся на него обвинений. И какого ответа! Уж не знаю, имела ли русская православная церковь со времен Аввакума подобного мастера русской речи! Ораторское искусство сочеталось в нем с очевидным искусством актера и хитроумного диалектика в споре. От уничтожающих ответов противникам он переходил к демонстрации собственного христианского смирения, от гнева и разоблачения к смиренному покаянию. Буквально преображаясь на глазах, со скрещенными на груди руками, тряс красивой головой с якобы нечаянно упавшими на лоб волосами и на весь зал иступленно вопил: “Грешен, да грешен, аз есмь грешен!”».

Советская власть относилась к «обновленчеству» гораздо лояльнее, чем к последователям Тихона. Интерес к этому движению и его духовному лидеру А. Введенскому проявлял и В.И. Ленин. В его кремлевской библиотеке имелись две книги нашего земляка, изданные в Москве в 1923 г.: «За что лишили сана бывшего патриарха Тихона : речь прот. А. И. Введенского, про-

изнесенная на заседании 2-го Всероссийского священного поместного церковного собора 3 мая в Москве» и «Церковь и государство: очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918–1922 гг.». Последняя (объемом более 250 страниц) являлась фактическим манифестом «обновленцев».

Борьба между «обновленцами» и «тихоновцами» продолжалась вплоть до начала Великой Отечественной войны. Александр Иванович был избран членом и заведующим просветительным отделом обновленческого Синода, стал доктором философии, а с начала 1940-х гг. – действительным руководителем движения. Однако оно не имело поддержки в среднем и нижнем звеньях священнослужителей (а следовательно, и среди большинства рядовых верующих, особенно в сельской местности), поэтому обновленцы с каждым годом все больше теряли сторонников. А 8 августа 1946 г., так и не принеся покаяния, А. Введенский умер в расколе. После этого обновленчество стало угасать и вскоре вообще самоликвидировалось.

Современная православная церковь считает нашего земляка раскольников и дает резко отрицательную оценку его деятельности. Так, автор книги «Русская православная церковь в XX веке» Д. Поспеловский пишет о нем следующее: «Натура психологически неуравновешенная – эдакое романтическое порождение декадентского “серебряного века”, Введенский и службу вел примерно в такой манере, как декадентствующие поэты читали стихи, временами доводя себя чуть ли не до транса, к великому раздражению церковного своего начальства в ту пору, когда он еще находился в лоне Русской православной церкви. Религиозность его, по-видимому, была непритворная – каким образом, однако, она сочеталась с моральной нечистоплотностью – в самых различных ее проявлениях. Будучи уже лидером обновленчества – и это на фоне развода и второго брака – что, останься он в традиционной церкви, его бы лишили сана за одно только это. Как женатый священник и человек сатанинского честолюбия, монахов он попросту ненавидел, полагая делом своей жизни утвердить брачность епископата».

Возвращаясь к публичным диспутам между А. Луначарским и А. Введенским, можно привести воспоминание народного артиста СССР Игоря Моисеева. «Несколько раз я присутствовал на диспутах Луначарского с митрополитом Александром Введенским, – пишет он. – Это были публичные дискуссии, проходившие при огромном стечении зрителей, толпившихся не только в самом здании нынешнего Театра оперетты, но и вокруг него. Анатолий Васильевич уступал митрополиту в вопросах церкви. А. Введенский был великолепно знаком с марксизмом и одинаково свободно оперировал цитатами из Плеханова, Маркса и Блаженного Августина. К тому же побеждать в споре ему помогали замечательные ораторские способности. Но Сталин вскоре запретил это интеллектуальное пиршество, а самого Луначарского отправил подальше от себя – послом в Испанию». Другой очевидец этих диспутов, уже упоминавшийся Э. Миндлин, вспоминал в книге

«Необыкновенные собеседники»: «Особое место в жизни Москвы занимали публичные диспуты между А.В. Луначарским и лидером “Живой церкви” митрополитом А.И. Введенским. Митрополит и нарком дискутировали о том, есть ли бог и что такое религия. Совместные их выступления собирали очень большую, всегда беспокойную, а главное, невероятно разнообразную аудиторию – от комсомольцев в шапках-ушанках до бородатых священников в рясах с широкими рукавами.

Священнослужители обычно обособливались от прочей аудитории. Они садились все рядышком, занимали один-два ряда поближе к трибуне и неистово аплодировали митрополиту Введенскому, любой его реплике Луначарскому. Однако каких-либо перебранок между сторонниками Введенского и сторонниками Луначарского, между верующими и неверующими, в зале никогда не бывало. Сторонники Введенского составляли в публике немногочисленное меньшинство. Но это меньшинство на диспутах “Есть ли бог?” объединяло “живоцерковников” и тихоновцев – представителей двух враждующих между собой партий. Во всех этих диспутах в церковной жизни Введенский был тихоновцам ненавистен. Они обрушивали на него хулы и проклятия, считая еретиком и отступником. Зато на диспутах, когда враг тихоновцев – “живоцерковник” Введенский – полемизировал с большевиком Луначарским и, не вдаваясь в разногласия между старой и новой церковью, отстаивал идею “бытия бога”, тихоновцы хлопали “еретику” и “отступнику” митрополиту Введенскому».

Последний диспут между А. Луначарским и А. Введенским был посвящен вопросу происхождения человека и запомнился многим. На нем под аплодисменты нескольких десятков своих сторонников-священников архиепископ сказал: «Если Анатолию Васильевичу более нравится происходить от обезьяны, пусть происходит! Мы же предпочитаем считать себя сотворенными богом». Эта и в самом деле остроумная фраза довольно часто упоминается в мемуарах.

Кстати, Александр Введенский неоднократно приезжал в родной город, читал в нем лекции и тоже проводил диспуты на богословские темы. Его витебскими оппонентами были известный музейный работник и коллекционер А. Бродовский (1859–1928) и профессор А. Покровский. 26–27 июня 1923 г. в губернском показательном и городском театрах, а также в саду им. Свердлова А. Введенский прочитал четыре лекции. 20 февраля 1924 г. витебские «Известия» сообщали, что «в воскресенье 24 и понедельник 25 февраля архиепископ Александр Введенский проездом прочтет в губ<ернском> показательном театре две лекции на тему: “Церковь, брак и свободная любовь” и “Примирение Тихона с Синодом”». И, наконец, в июле 1926 г. во 2-м городском театре состоялся диспут на тему «Жил ли Христос?» между А. Введенским и А. Покровским. Причем этот «поединок» был не последним. 25 декабря 1927 г. витебская газета «Заря Запада» опубликовала объ-

явление такого содержания: «Белгостеатр (среда, 28 декабря). Публичный диспут с участием митрополита Александра Введенского на тему: “Трагедия христианства (Можно ли спасти церковь?)”. Оппонент – проф. Ленинградского университета А.М. Покровский. Тезисы: Кризис современного православия. Уход верующих из церкви. Церковь и последние международные события. Правда коммунизма и правда православной религии. Тайна, чудо и авторитет. Современные церковные реформаторы на Западе и у нас. Попытки возродить церковь. Возможно ли примирение тихоновцев с обновленцами. Церковная смута. Куда идет церковь, ее будущее и судьба. Возможна ли советская церковь? С Богом или без Бога.

На диспут приглашаются: представители старообрядцев, баптистов и др.<угих> сект, представители общественных организаций и все желающие. Билеты продаются. Начало ровно в 8 с половиной часов вечера».

Однако диспут этот не состоялся. Об этом сообщала та же «Заря Запада». По какой причине – неизвестно.

Мемуарист Э. Миндлин так характеризовал нашего земляка: «Лидер “живоцерковников” Александр Иванович Введенский нисколько не походил на типичного православного священнослужителя. Луначарский не раз говорил, что Введенский, широко образованный человек, искусный оратор, утонченный собеседник скорее напоминает католического служителя. В 1923 году Введенскому было всего 35 или 36 лет. Он был для священнослужителя элегантен, носил холеную бороду, скорее европейского образца, нежели русского. Ряска на нем выглядела щегольски – наверняка сшита была отличным портным. Да и сидела эта ряска на нем так, что не сразу можно было понять, то ли это священник, то ли строгий внешности джентльмен в наглухо застегнутом от лучшего закройщика сюртуке!» И далее автор воспоминаний рассказывает о своей встрече с отцом Александром: «В очень большой старомосковской квартире, по-видимому, превращенной в общежитие священнослужителей <...> я спросил, где комната митрополита Введенского. Мне указали на дверь в большой светлой передней, я постучал и, в ответ на отклик “Да, да!”, вошел. Введенский в темном подряснике завтракал за маленьким овальным столом посреди очень большой комнаты, уставленной мебелью красного дерева. Хозяин поднялся мне навстречу, пригласил к столу. Беседа поначалу не ладилась – я плохо подготовился к ней. Введенский, искуснейший собеседник, помог мне <...>, заговорил обо всем, что разделяет два лагеря православной церкви. <...> Он рассыпался в превознесении достоинств А.В. Луначарского и в уверениях в чрезвычайном к нему уважении. <...> Еще раз спросил, сколько мне лет, удивился, что я хорошо знаком с Максимилианом Волошиным, сказав, что тоже знаком с ним и ценит его. Постепенно разговор перешел к русской поэзии. Заговорили о Тютчеве, о Каролине Павловой, о ком-то еще... и к религиозным диспутам больше не возвращались».

А вот как описывала А. Введенского баронесса М. Врангель (мать генерала Врангеля): «Особенно выделяется теперь отец Александр Введенский. Он пользуется громадной популярностью, за ним ходят толпы народа. Приезд его для служения в какую-нибудь церковь производит сенсацию. Из него уже сделали фетиш: рассказывают даже о целом ряде его чудес. Это молодой человек 32 лет, с университетским образованием, окончил два факультета, с большой эрудицией, увлекательный оратор. Так как собеседования, устраиваемые им по разным частным учреждениям, собирали такое скопление народа, что залы не могли вместить, и вокруг здания были большие сборища толпы, рвавшей его послушать, то власти запретили ему собеседования. Он перенес их в церковь. Все его речи чужды всякой политики; мне случилось присутствовать на двух из бесед. Темы были: “Об унынии”, а вторая: “Что такое счастье?”. Я вынесла глубокое впечатление: громадная эрудиция, глубокая вера и искренность. Проповеди его совсем своеобразные. Много тепла, сердечности, дружественности, я бы сказала: под впечатлением его слов озлобление смягчается. Чувствуется его духовная связь с паствой. Богослужение его – экстаз. Он весь горит и все время приковывает внимание, наэлектризовывает вас. Популярность и деятельность этого священника уже у властей на примете».

Высокую оценку нашему земляку дал и его оппонент А. Луначарский. Он утверждал, что «Введенский – редчайшее явление среди православного духовенства, но что на Западе среди католических священнослужителей деятели типа Введенского – образованные, умные и искусные спорщики – встречаются часто», что «охотно выступает в публичных диспутах с митрополитом Введенским по разным причинам. Во-первых, денежный сбор с этих диспутов обычно идет на очень полезные общественные нужды, например, в пользу студенческих общежитий и землячеств. Во-вторых, – и тут он в какой-то мере напомнил мне признание своего присяжного оппонента, – приятно дискутировать с умным и искусным противником!».

Попова А.С. (г. Минск)

ПОЛОЦК – ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА БЕЛАРУСИ

Полоцк – первый город на белорусской земле, откуда берет свое начало белорусская история и государственность. Полоцк являлся столицей крупнейшего в Европе княжества – одного из наиболее древних и первого на этнических белорусских землях государственного образования восточных славян.

Первое упоминание о столице кривичей – Полоцке, датированное 862 г., мы находим в «Повести временных лет». Однако современные археологи считают, что он существовал и раньше (780). На данный момент историю города принято отсчитывать от 862 г. Потому что в те времена было сложно отследить год происхождения того или иного города. Никто не был свидетелем того дня, когда в этом месте появились люди [2, с. 12].

Основу духовной культуры племен составила языческая религия. Примерно со второй половины X в. на белорусские земли начало проникать христианство, что оказало значительное влияние на развитие древней культуры Беларуси.

Уже в IX в. Полоцк активно включился в политическую жизнь восточно-славянских племен. Этому способствовало его размещение на крупнейшем торговом пути из варяг в греки, проходившего по Западной Двине и Днепру. Путь соединял Балтийское и Черное моря и содействовал экономическому росту Полоцка.

Благодаря торговому пути Полоцкая земля стала контактной зоной между севером и югом, востоком и западом. Данный древний торговый путь сам по себе является всемирно известным культурным памятником [5, с. 12].

С принятием христианства в 992 г. (тогда же была создана Полоцкая епархия) территория Беларуси начала входить в метакультурное христианское сообщество. Христианство принесло не только новое мировоззрение, но и характерный образ жизни, тип культуры, византийский художественный стиль [7, с. 36–42].

В 1021 г. при князе Бречиславе Изяславовиче к Полоцку были присоединены Усвяцкие и Витебские горы. Почувствовав свою власть, полоцкие князья дважды заняли Новгород, боролись за власть над Псковом и Смоленском.

После смерти Бречислава в 1044 г. престол занял его сын Всеслав. Во время правления Всеслава стремительно развивается и стольный град Полоцкой земли. Его площадь составляет более 60 га, активно разрастаются посады, возникают городские предместья. На Верхний замок, возвышающийся над водами Двины, был перенесен детинец города, где был возведен храм святой Софии (третий после киевской и новгородской Софий). Храм символизировал могущество и независимость Полоцкого княжества и являлся центром культурной и общественной жизни полочан [6, с. 3–4].

После смерти Всеслава Чародея (1101), который имел шесть сыновей, территория Полоцкой земли начинает дробиться на уделы – наступил период феодальной раздробленности. К середине XII в. в ее границах существовало уже восемь удельных княжеств – Полоцкое, Витебское, Друцкое, Менское, Изяславское, Логойское, а также Герцике и Кукенойс в Нижнем Подвинье [1, с. 12–14].

С конца XII в. немецкие рыцари – крестоносцы – вышли на арену борьбы за Полоцкие земли. Полочане первыми из восточных славян пострадали от

их кровавых набегов. Тевтонское войско на протяжении десятилетий пыталось завоевать земли Полоцкого княжества.

В IX–XIII вв. на белорусских землях в связи с образованием первых княжеств развивалось и расширялось образование и просвещение. Положительное влияние на развитие грамотности оказало христианство. Возросла роль городов и монастырей как центров культуры. Первой идеи просветительства в Полоцке передавала Евфросиния Полоцкая в XII в., а продолжили эту деятельность не менее именитые полочане – Франциск Скорина в XVI в. и Симеон Полоцкий в XVII в. [3, с. 34–36].

В 1307 г. Полоцкая земля входит в состав ВКЛ, но при этом остается территориально и политически обособленной единицей со своими местными правами и привилегиями. Полоцкий наместник назначался великим князем только с согласия полочан, которые были защищены от его самовольных поборов.

В битве под Грюнвальдом в 1410 г., где принимали участие полоцкие «хоругви» (полки), была окончательно ликвидирована опасность немецкой агрессии. Полоцкая хоругвь была одной из самых крупных и хорошо вооруженных. В свою очередь, эта победа положила начало стремительному росту экономики Полоцка.

В 1498 г. Полоцк получает магдебургское право на самоуправление, что дает мощный толчок в развитии города. В 1558–1583 гг. Полоцк был захвачен войсками Ивана Грозного и играл роль военной крепости в Ливонской войне. Московское княжество захватило город на 16 лет, приведя его в упадок, что в некоторой степени повлияло на скорейшее заключение Люблинской унии в 1569 г. и образование Речи Посполитой.

В 1580 г. в город прибывают иезуиты во главе с католическим теологом Петром Скаргой, которые год спустя строят иезуитский коллегиум и необычайной красоты собор Святого Стефана. При соборе иезуитами были открыты издательство, типография, театр [1, с. 17–20].

В XVII в. Полоцк был практически разрушен многочисленными пожарами, голодом и мором, на что также повлияли русско-польская (1654–1667) и Северная (1700–1721) войны. Во время последней Полоцк из-за произвола русской армии, возглавляемой Петром I, понес самую страшную утрату: символ города – Софийский собор, который являлся в то время униатским, – по приказу российского монарха был превращен в пороховой склад. Взрыв в 1710 г. почти до основания разрушил шедевр полоцкого зодчества. В 1750-х гг. храм был отстроен в стиле виленского барокко.

В результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. правобережная часть Полоцка входит в состав Российской империи при правлении императрицы Екатерины II, которая внесла большой вклад в развитие полоцкого иезуитского коллегиума.

После запрета деятельности католического ордена иезуитов в Западной Европе (1773) Полоцк приобретает статус мировой столицы Общества Иисуса. Полоцкий иезуитский коллегиум становится одним из крупнейших образовательных центров Европы.

В 1776 г. Указом императрицы Екатерины II была образована Полоцкая губерния. В 1776–1784 гг. построены жилые и административные постройки в стиле классицизма по проекту архитектора И. Зигфрида (сохранились частично) [6, с. 15–16].

В войне 1812 г. Полоцк принял большой удар на себя, обороняя пути к Москве и Санкт-Петербургу от войск Наполеона. Сегодня о тех кровопролитных событиях напоминает Красный мост в центре города, созданный как дань памяти павшим солдатам. В битве за освобождение города от французов в октябре 1812 г. с обеих сторон погибло не менее 14 тыс. воинов: около 8 тыс. русских и более 7 тыс. французских солдат. Император Александр I был в Полоцке трижды (1802, 1807, 1812), во время войны 1812 г., после 2 дней русских боев.

Командующий 1-й русской армией генерал Барклай де Толли оставил 25-тысячный корпус генерала Витгенштейна под Полоцком, чтобы преградить врагу путь на Санкт-Петербург. Сначала французская армия взяла Полоцк. Однако, когда французы собрались в поход на столицу Российской империи, они были остановлены в 25 км от города [8, с. 36–37].

В 1839 г. в Полоцком Софийском соборе состоялось воссоединение православной церкви и униатов, что не встретило сопротивления. Отныне уния была упразднена на территориях Российской империи. Софийский собор был признан вновь православным [6, с. 17–18].

В годы Первой мировой войны Полоцк был прифронтовым городом. Полочане принимали активное участие в революционных событиях 1917 г. В ноябре 1917 г. рабочие города вместе с солдатами 3-й армии Западного фронта с большевиками во главе установили на полотчине советскую власть. Начались преобразования в социальной жизни населения. Был создан Полоцкий Совет рабочих депутатов, который начал издавать газету «Голос революционера». 3 марта 1924 г. Полоцк вошел в состав БССР. Он стал центром Полоцкого уезда Витебской губернии.

В 1920–1930-е гг. выросла экономика и культура Полоцка. Началась активная индустриализация и коллективизация. Были открыты новые заводы, школы и больницы. Возобновилась деятельность политических и общественных организаций [4, с. 271].

Войны XX в. нанесли множество невосполнимых утрат населению и историко-культурному наследию Полоцка: были уничтожены костел Святого Стефана и часть строений иезуитского коллегиума, костел бернардинского монастыря XVIII в., Староверская и Покровская церкви. После Великой Отечественной войны Полоцк оказался разрушенным более чем на 95%, а в

войне погиб практически каждый третий житель города, но, оправившись от горя и разрухи, полочане приложили все свои силы на восстановление города и городской инфраструктуры.

К концу 1947 г. в Полоцке было реконструировано 22 предприятия. В 1950 г., когда уже работали все довоенные заводы и фабрики, началось строительство общественных и административных зданий, а также культурных и образовательных учреждений. Значительный импульс развитию города дало возведение в конце 1950-х гг. вагоноремонтного завода и завода стекловолокна. Многие продукты местного фабричного и заводского производства экспортировались в другие республики Советского Союза.

К 1986 г. в городе было 5 средних специальных учебных заведений, 19 общеобразовательных школ, 26 дошкольных учреждений, 6 кинотеатров, работали библиотеки, краеведческий музей и другие центры культуры, велась реставрация архитектурных памятников. Все это свидетельствует о том, что Полоцк – передовой культурный центр страны, в котором много памятных мест и культурных традиций [4, с. 275–278].

С 1991 г. Республика Беларусь – независимое государство. Полоцк стал административным и культурным центром области, но утратил этот статус в 2013 г. Указом Президента Республики Беларусь № 27 «Об объединении районов и городов областного подчинения Республики Беларусь, имеющих общий административный центр». Сейчас Полоцк – один из районных центров Витебской области Республики Беларусь.

Сегодня в Полоцке проживает около 85 тыс. человек, каждый третий из которых работает на предприятиях города. В 2012 г. город отметил свой юбилей – 1150 лет. Полоцк считается географическим центром Европы. По сей день тут сохранилось множество архитектурных памятников, привлекающих к себе туристов со всего мира.

Многие полочане прославили свой город как на всю страну, так и за ее пределами, внесли свой вклад в развитие и процветание Полоцка. Среди них белорусско-польский автор произведения «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апаваданнях» Ян Борщевский; белорусский писатель, известный ученый Дмитрий Кайгородов; руководитель литературного объединения «Надзвінне» Герман Крылов; поэт и культурный деятель Геннадий Буравкин; заслуженный учитель Беларуси, подпольщик в период Великой Отечественной войны, краевед Николай Манис; руководитель партизанского движения на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны; директор Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (1991–2006) Николай Ильницький; заслуженный работник культуры Татьяна Рудова; художница Нинель Счастливая и др. [1, с. 54–58].

Город имеет большой туристический потенциал: хорошую ресурсную базу событийного туризма и широкие культурные программы для туристов,

такие как Дни славянской письменности и Экологический фестиваль. Наиболее значимые материальные памятники культуры включены в Государственный список историко-культурных ценностей Беларуси. В их состав входит исторический центр Полоцка и Софийский собор. Тысячи туристов ежегодно посещают Полоцк, чтобы почтить память просветительницы и заступницы земель белорусских – Евфросинии Полоцкой в Спасо-Евфросиниевском монастыре, воочию увидеть родину известнейшего восточнославянского первопечатника Франциска Скорины и монументальный архитектурный памятник – Софийский собор, который претерпевал изменения на протяжении многих веков, но дошел до нас в своем современном виде.

За всю свою многовековую историю Полоцк не переживал такого стремительного всплеска духовности и культуры, положительных изменений в своем внешнем виде, как это происходит сейчас. Полоцк не относится к числу больших городов, однако с полным правом он может стать городом-музеем и туристическим центром, а также претендовать на роль исторической и культурной столицы Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гальпяровіч, Н. Я.** Полацк – бацька гарадоў беларускіх / Н. Я. Гальпяровіч, Н. Г. Ваніна. – Мінск : Пачатковая шк., 2010. – 96 с.
2. **Гісторыя** Беларусі : падручнік : у 2 ч. / Я. К. Новік і [інш.] ; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – Мінск : Выш. шк., 2003. – Ч. 1 : Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. – 406 с.
1. **Гісторыя** Беларусі : у 2 ч. : курс лекцый / І. П. Крэнь, І. І. Коўкель, С. В. Марозава [і інш.]. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 1 : Са старажытных часоў да канца XVIII ст. – 656 с.
2. **Полоцк** : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – Мінск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
3. **Полоцк** : Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.] ; под ред. О. Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 743 с.
4. **Полоцк** : [путеводитель] / текст В. Лобач ; фот. С. Плыткевич. – Мінск : Рифтур, 2016. – [20] с.
5. **Тарасов, К. И.** Память о легендах : белорусской старины голоса и лица / К. И. Тарасов. – Мінск : Польша, 1984. – 143 с.
6. **Тарле, Е. В.** Нашествие Наполеона на Россию : 1812 год / Е. В. Тарле. – Москва : Воениздат, 1992. – 304 с.

**КАДРЫ ПРАДПРЫЕМСТВАЎ МЯСЦОВАЙ ПРАМЫСЛОВАСЦІ
ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ НАПЯРЭДАДНІ АБВЯШЧЭННЯ
ДЗЯРЖАЎНАГА СУВЕРЭНІТЭТУ БЕЛАРУСІ**

Старшыня Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта ў красавіку 2017 г. паведаміў, што ствараецца дзяржаўнае аб'яднанне прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці [13]. У перыяд савецкай мадэрнізацыі падобныя структуры былі пры рэгіянальных органах выканаўчай улады. Так, напярэдадні абвяшчэння дзяржаўнага суверэнітэту існавала ўпраўленне мясцовай прамысловасці Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта (аблвыканкам), гісторыя якога пачынаецца 26 студзеня 1940 г., калі быў створаны аддзел мясцовай прамысловасці выканаўчага камітэта Віцебскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных. Адноўлены ў студзені 1944 г., пасля шэрагу рэарганізацый і аб'яднанняў, пад рознымі назвамі, дзейнічаў да 29 кастрычніка 1965 г., калі пасля пераўтварэнняў з'явілася ўпраўленне мясцовай прамысловасці (Упраўленне), праіснаваўшае да 12 сакавіка 1993 г., на месцы якога было створана Віцебскае вытворчае ўпраўленне мясцовай прамысловасці выканаўчага камітэта Віцебскага абласнога Савета дэпутатаў [1, с. 179].

У 1980-я гг. Упраўленню падпарадкоўваліся наступныя прадпрыемствы мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці: Віцебскае вытворчае аб'яднанне (ВА) будаўнічых матэрыялаў «Будаўнік», Віцебскае ВА «Хімпласт», Віцебскае тэкстыльнае ВА, Віцебскае швейнае ВА «Віцячанка», Аршанскі і Докшыцкі камбінаты будматэрыялаў, Бешанковіцкая шорная фабрыка, Браслаўскае ВА будматэрыялаў, Дубровенскі камбінат прамысловых тавараў, Лепельскае дрэваапрацоўчае ВА, Варапаеўскі дрэваапрацоўчы камбінат, Віцебскае ВА надомнай працы, Пастаўскі завод па вытворчасці камплектаў абсталявання па чарчэнні і маляванні, Талачынская тэкстыльная фабрыка, Чашніцкі камбінат прамысловых тавараў (усяго – 15, апошніх двух не было ў справаздачах на 15.09.1987 г.) [5, арк. 1; 4, арк. 63].

Колькасць работнікаў на прадпрыемствах мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці ў 1986 г. складала 9973 чал., з іх 8963 рабочых, 1010 служачых, 27 спецыялістаў, 22 кіраўнікі прадпрыемстваў (у 1987 г. адпаведна 10 341, 9307, 1034, 24, 23 чал.) [7, арк. 22].

Агульная колькасць усіх работнікаў, якія былі занятыя ў асноўнай і дапаможнай дзейнасці прадпрыемстваў Упраўлення, на 1 студзеня 1989 г. – 11 329 чал. Займалі пасады кіраўнікоў і спецыялістаў 1112 чал. (449 кіраўнікоў розных узроўняў і 663 спецыялісты), з іх 802 жанчыны (264 і 379), 348 (148 і 200) мелі вышэйшую адукацыю, 615 (236 і 379) – сярэдняю спецыяльную, 270 (67 і 203) былі ва ўзросце да 30 гадоў, 50 гадоў і старэйшых 142 чал. (81 і 61). За 1988 г. прынялі на працу 79 спецыялістаў і 39 кіраўнікоў, звольнілі (выбылі) 72.

У склад кіраўнікоў уваходзілі 26 дырэктараў, 25 намеснікаў дырэктара, 22 галоўныя інжынеры, 15 галоўных бухгалтараў, 60 начальнікаў аддзелаў і іх намеснікаў, 18 начальнікаў цэхаў, 8 начальнікаў аддзелаў кадрў, 248 старшых майстроў і майстроў, 27 іншых галоўных спецыялістаў. 3 агульнай колькасці дырэктараў (26 чал.) было 4 жанчыны, 16 мелі вышэйшую адукацыю, 9 – сярэдняю спецыяльную, 20 былі ва ўзросце 31–49 гадоў і 6 – старэйшыя за 50 гадоў, за год змянілася 2 дырэктары.

Сярод спецыялістаў было 75 працаўнікоў эканамічных і планавых аддзелаў, 42 работнікі АпіЗ, 35 – АТК, 91 тэхнолаг, 19 канструктараў, 40 механікаў і энергетыкаў, 9 юрыстаў, 21 работнік па кадрах, 118 падлікова-бухгалтарскіх работнікаў, 42 работнікі МТЗ, 171 інш. [9, арк. 23 – 23 адв.].

У цэлым прадпрыемствы ўпраўлення мясцовай прамысловасці Віцебскага аблвыканкама паспяхова выконвалі план па асноўных тэхніка-эканамічных паказчыках. Пры гэтым на некаторых прадпрыемствах Упраўлення свядома прымалі заніжаныя планы. Напрыклад, Віцебскае і Браслаўскія ВА будматэрыялаў, Бешанковіцкая шорная фабрыка і інш. [7, арк. 53–54].

У другой палове 1980-х гг. паступова адбывалася павелічэнне выпускаемых тавараў народнага спажывання. Але марудна ішоў працэс абнаўлення асартыменту. За 1986 г. з’явілася толькі 130 новых відаў тавараў – 26% ад агульнай колькасці, пры штогадовым заданні – 35%. Тавары палепшанай якасці і асабліва модныя выпускалі толькі 3 прадпрыемствы з 13, удзельная вага такой прадукцыі ў агульным аб’ёме тавараў народнага спажывання складала ў 1986 г. 5,6%, у першым паўгоддзі 1987 г. – 9,7%, па Віцебскай вобласці гэты паказчык складаў 19,4%. Характэрнымі былі нізкая якасць прадукцыі і высокі ўзровень ручной працы. Так, за 1986 г. 10 прадпрыемстваў з 13 атрымалі 111 рэкламацый на дрэнную якасць прадукцыі, па якіх было выплачана штрафаў на 37 тыс. руб. (1985 г. – 91 рэкламацыя і 28,2 тыс. руб. штрафу). Адсутнічалі вырабы, якія адпавядалі патрабаванням вышэйшай катэгорыі якасці. Аб’ём працы, выкананы ўручную, складаў на Браслаўскім ВА БМ 55,2%, ВА «Хімпласт» – 34%, цалкам па Упраўленню – 29% [5, арк. 57–61].

За 1986–1987 гг. на шэрагу прадпрыемстваў і ў цэлым па Упраўленні з-за прагулаў павялічваліся страты працоўнага часу і склалі ў 1988 г. 777 чал. дзён (за год адбыўся рост на 15,5%). Асабліва на Віцебскім ВА будматэрыялаў – рост на 81,8% [7, арк. 54]. Пераважную колькасць звольненых за прагулы і парушэнні працоўнай дысцыпліны складалі рабочыя.

Дзякуючы размеркаванню маладых спецыялістаў і навучанню без адрыву ад вытворчасці на прадпрыемствах мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці за 1986–1988 гг. вага практыкаў, якія займалі кіраўніцкія пасады, паменшылася з 20,8 да 13,4%, а ўзровень меўшых вышэйшую адукацыю павялічыўся з 23,8 да 31%, у тым ліку займаючых пасады кіраўнікоў – з 24,3 да 33%. Пры гэтым колькасць кіраўнікоў у цэлым па Упраўленні скарацілася з 461 чал. да 449 чал.

Тым не менш пры агульным скарачэнні практыкаў па Упраўленні вага практыкаў, якія займалі пасады спецыялістаў на пэўных прадпрыемствах, заставалася высокай: Варапаеўскі ДАК – 25,5%, Браслаўскае ВА БМ – 23,5%, Лепельскае ПДА – 20%. Асабліва значная вага практыкаў – 28% – была на пасадах бухгалтараў [7, арк. 53–54].

Памяншалася бягучасць кадраў: у 1986 г. яна складала 12,8%, 1987 г. – 11%, 1988 г. – 9,3%. Але на шэрагу прадпрыемстваў нават узрасла (1988 г.): Віцебскае ВА БМ – 15,7%, Бешанковіцкая шорная фабрыка – 14,9%, «Віцябчанка» – 13,1%. У сувязі з увядзеннем новых умоў працы ў 1988 г. узрасла сярэднямесячная зарплата спецыялістаў і стала перавышаць сярэдні заробак рабочых на 30–40%. Так, у рабочых Віцебскага тэкстыльнага ВА яна склала 194 руб., у спецыялістаў – 271 руб. [7, арк. 53–54, 56].

Пераход на новыя метады гаспадарання, укараненне гаспадарчага разліку і самафінансавання павялічылі значэнне эканамічнай адукацыі працоўных, павышэння кваліфікацыі кадраў [10; 11, с. 139–145; 12]. Пры падрыхтоўцы і павышэнні кваліфікацыі кадраў выкарыстоўваліся розныя формы і метады (табл. 1).

Табліца 1 – Падрыхтоўка і павышэнне кваліфікацыі рабочых на прадпрыемствах мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці за 1984–1988 гг. (чал.) [2, арк. 38; 6, арк. 9; 9, арк. 43 – 43 адв.]

	1984	1985	1986	1988
Усяго, у тым ліку:	1 307	1 036	922	1 403
Групавое	173	67	111	–
Індывідуальнае	1 107	969	811	1 316
З іх прайшлі абучэнне:				
Новых рабочых	377	228	210	132
Перападрыхтоўка	428	374	394	973
Другой прафесіі	502	434	318	298
Жанчын	–	–	–	1 028
Новай тэхніцы і тэхналогіям	–	–	–	29
Павысілі кваліфікацыю				
Усяго, у тым ліку:	931	1 017	888	1 641
На вытворча-тэхнічных курсах	468	376	349	322
На курсах мэтавага прызначэння	212	341	312	419
У школах па вывучэнні перадавых метадаў	170	222	160	237
На курсах брыгадзіраў	81	78	67	36

За 1988 г. 428 кіраўнікоў і спецыялістаў прайшлі абучэнне па павышэнні кваліфікацыі (з іх жанчын – 280): 95 – у інстытутах павышэння кваліфікацыі міністэрстваў (ведамстваў); 7 – на факультэтах павышэння кваліфікацыі пры

ВНУ, 30 – на курсах павышэння кваліфікацыі, 51 – на вытворча-эканамічных семінарах (школы майстроў), 1 – ва ўніверсітэце тэхніка-эканамічных ведаў, 244 – у школах сацыялістычнага гаспадарання (па тэмах: арганізацыя вытворчасці, гаспадарчы разлік, новая сістэма кіравання і інш.). У выніку павысілі кваліфікацыю для засваення новай тэхнікі і тэхналогіі 25 кіраўнікоў і намеснікаў, 65 майстроў, 21 бухгалтар, 3 юрысты, 4 работнікі аддзела кадрў, 6 аддзела працы і заробку, 21 планава-эканамічных аддзелаў, 5 механікаў, 5 з аддзелаў тэхнічнага кантролю, 11 інжынераў і 16 спецыялістаў з іншых структур; 1 прайшоў стажыроўку на Пскоўскім заводзе аўтаматычных ліній [9, арк. 43–43 адв.].

Для арганізацыі і каардынацыі эканамічнай вучобы сярод рабочых і спецыялістаў пры Міністэрстве мясцовай прамысловасці БССР быў створаны савет па эканамічнай адукацыі (навучанні) працоўных, прафесійным абучэнні кадрў на вытворчасці, і ўзначальваў яго намеснік міністра [3, арк. 90]. У рэгіёнах ствараліся метадычныя саветы па эканамічнай вучобе. 3 сакавіка 1986 г. – саветы па эканамічнай адукацыі працоўных і прафесійным навучанні кадрў. Падобны быў створаны восенню 1985 г. пры ўпраўленні мясцовай прамысловасці Віцебскага аблвыканкама [8, арк. 83].

У 1985/1986 навучальным годзе на прадпрыемствах мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці былі створаны і распачалі працу з 1 кастрычніка 88 школ камуністычнай працы, 18 школ канкрэтнай эканомікі. У першых вывучаліся наступныя курсы: 1) «Рэзервы эканоміі і ашчаднасць у дзеянні» – 73 школы, 1529 слухачоў; 2) «Працоўны калектыў: кіраванне, дысцыпліна, выхаванне» – 13 школ, 322 слухача; 3) «Інтэнсіфікацыя вытворчасці» – 2 школы, 59 слухачоў. У школах канкрэтнай эканомікі: 1) «Ад эксперымента да новай сістэмы гаспадарання» – 17 школ, 320 слухачоў; 2) «Інтэнсіфікацыя вытворчасці» – 1 школа, 20 слухачоў [3, арк. 1–2].

Па выніках 1986/1987 навучальнага года на 13 прадпрыемствах мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці эканамічнай вучобай было ахоплены 30,2% работнікаў – 2389 слухачоў [3, арк. 91]. У наступным навучальным годзе працавалі 95 школ сацыялістычнага гаспадарання (у спісах слухачоў налічвалася 2001 рабочы і 388 служачых), дзе вывучаўся курс «Гаспадарчы разлік і самафінансаванне працоўнага калектыву», і 20 вытворча-эканамічных семінараў для служачых на тэму «Поўны гаспадарчы разлік і самафінансаванне прадпрыемстваў» [8, арк. 3].

Трэба адзначыць, што масавы эканамічны «всеобуч» прыводзіў да фармалізму ў правядзенні эканамічнай адукацыі. Абучэнне вялося ў адрыве ад канкрэтных задач, якія вырашаліся калектывамі, асобныя кіраўнікі прадпрыемстваў (аб'яднанняў) не бывалі на занятках, ухіляліся ад арганізацыі эканамічнай падрыхтоўкі [8, арк. 1]. Заняткі праводзіліся фармальна, з большага дзейнасць заставалася на паперы, прыведзеныя лічбы аб вялікай колькасці слухачоў не сведчаць аб якасным засваенні прапанаванага на курсах

матэрыялу. Эфектыўнасць падобнай формы працы была не вялікай. Тым не менш пры ўсім фармалізме гэтая форма дапамагала выявіць асабістыя здольнасці і дзелавыя якасці спецыялістаў.

Аналіз кадравага складу прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці дазваляе зрабіць выснову, што поспехі індустрыяльнага развіцця БССР сталі магчымыя, найперш, дзякуючы напружанай працы прамысловых кадраў, іх уменню вучыцца, засвойваць новыя тэхналогіі і віды працы. У савецкі час адбылося станаўленне кадраў прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў Беларусі – складаны працэс, у якім важную ролю адыграла як палітыка кіруючай эліты БССР і СССР, так і самадзейнасць, творчасць мясцовых органаў кіравання, работнікаў працоўных калектываў. Многія прыёмы і метады падрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі кадраў, вырашэння кадравых і вытворчых пытанняў заслугоўваюць нашай увагі. У той жа час эканамічная неэфектыўнасць многіх тагачасных метадаў працы патрабуюць удумлівага асэнсавання і асцярожнага прымянення.

ЛІТАРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области : путеводитель, 1917–2006 / сост.: Т. В. Бувич, Ю. С. Петухов. – Минск : Медисонт, 2011. – 936 с.

1. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 6. Спр. 286.

2. **ДАВц**. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 54.

3. **ДАВц**. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 62.

4. **ДАВц**. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 119.

5. **ДАВц**. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 155.

6. **ДАВц**. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 189.

7. **ДАВц**. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 194.

8. **ДАВц**. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 210.

9. **Пушкін, І. А.** Кадровая палітыка партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР у 1970-я гг. (на прыкладзе Віцебскай і Магілёўскай абласцей) / І. А. Пушкін // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі.* – 2018. – № 2. – С. 25–30.

10. **Пушкін, І. А.** Кадровы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991) : манаграфія / І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў : БДУТ, 2022. – 302 с.

11. **Пушкін, І. А.** Кадры и социально-экономические проблемы в промышленности восточных регионов Советской Беларуси в 1971–1990 гг. / И. А. Пушкін // *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук.* – Воронеж, 2022. – Вып. 3. – С. 41–50.

12. **Тихонова, А.** Все промышленные предприятия Витебской области войдут в региональное гособъединение [Электронный ресурс] / А. Тихонова. – Режим доступа: <https://vitebsk-region.gov.by/ru/news-ru/view/vse-promyshlennye-predpriyatija-vitebskoj-oblasti-vojdut-v-regionalnoe-gosobjedinenie-14697-2017/>. – Дата доступа: 16.10.2022.

ВИТЕБСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА «ЗАРЯ ЗАПАДА» В СИСТЕМЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БССР 1920-х гг.

20 июня 1924 г. постановлением ЦИК СССР было принято решение, предусматривавшее введение нового административно-территориального деления БССР, которое предполагало ликвидацию губерний и уездов и создание вместо них новых территориальных структур: округов, районов, сельсоветов. Таким образом, в Беларуси было образовано 10 округов: Бобруйский, Борисовский, Витебский, Калининский, Могилевский, Мозырский, Минский, Оршанский, Полоцкий и Слуцкий. Административно-территориальные преобразования повлекли за собой изменения в организации деятельности периодической печати. Информационным ядром округов стали газеты, направленные на освещение как событий местного значения, так и новостей общесоюзного и мирового масштаба. В Витебском округе с декабря 1924 г. начала издаваться газета «Заря Запада», которая стала преемницей «Витебских известий».

«Заря Запада» являлась органом Витебского окружного комитета КП(б)Б, окружного исполнительного комитета и окружного совета профессиональных союзов. Газета издавалась 6 раз в неделю со вторника по воскресенье тиражом 5–6 тыс. экземпляров. Издание выходило в типографии «Красный октябрь», с 1926 г. – в типографии издательства «Заря Запада».

Изначально газета публиковалась преимущественно объемом 6 полос. Однако в связи с наметившимся в СССР бумажным кризисом была поставлена задача пересмотра и сокращения издательских планов [13, л. 265]. Согласно постановлению заседания Президиума Комитета по делам печати от 7 октября 1926 г. устанавливался максимально допустимый объем «для руководящих местных газет, как правило, не более 24 полос в неделю или 4 полосы (большого формата) ежедневно» [12, л. 107]. С 1926 г. объем издания был сокращен до 4 полос. Несмотря на данные ограничения в связи со значимыми датами и событиями объем газеты мог быть увеличен. Например, в ноябре 1927 г. «Заря Запада» освещала проведение 4-й окружной партийной конференции, вследствие чего вышла в объеме 6 полос; выпуск за 1 мая 1928 г. также был увеличен в связи с праздничной датой [9; 10].

Редакция «Зари Запада» не имела возможности самостоятельно покрыть свои расходы, в связи с чем считалась дефицитной. Для выхода из кризиса были приняты меры по государственному субсидированию и сокращению количества работников [5, л. 205]. Штат редакции состоял из заведующего издательством, исполняющего также обязанности главы военного и местного отделов; редактора, являющегося по совместительству редактором «Витебской крестьянской газеты»; заместителя редактора, который вместе с тем

был заведующим рабочим и партийными отделами, вел еврейскую страничку и курировал сеть рабочих корреспондентов издания; секретаря редакции, работающего по совместительству заведующим отделом информации; машинистки; выпускающего хроникера; курьера; экспедитора; работника по распространению [5, л. 224]. Редактор газеты М. Коган в докладной записке о положении периодической печати в г. Витебске отмечал наметившиеся в редакции трудности, связанные с уменьшением количества ее работников. Так, например, была упразднена должность кладовщика и его функции переданы заведующему складом, который в силу специфики своей работы не мог там постоянно находиться, в связи с чем работа редакции и типографии постоянно приостанавливалась. Также М. Коган отмечает, что в штате не было ни одного правщика, что вело к ухудшению качества издаваемого материала [4, л. 449]. Таким образом, с одной стороны, сокращение количества работников издания имело положительный результат, выразившийся в уменьшении расходов, с другой стороны, исполнение одним сотрудником сразу нескольких функций вело к затруднению работы редакции. Помимо постоянных работников газета располагала сетью внештатных рабочих корреспондентов, информирующих о ситуации на местах в представляемых ими организациях. По данным на ноябрь 1926 г. их насчитывалось 285 человек [5, л. 206].

В 1920-е гг. на территории Беларуси начинает осуществляться курс на белорусизацию, одним из основных направлений которого стало расширение употребления белорусского языка в общественно-политической и культурной жизни республики. Перевод периодических изданий в БССР на белорусский язык начинает осуществляться после опубликования постановления «О печати», принятом на XIII съезде РКП(б) (23–31 мая 1924 г.) [11, с. 14]. В резолюции по докладу бюро Витебского окружного комитета КП(б)Б 1925 г. выносятся решения об обязательном размещении статей на национальном языке в структуре газеты «Заря Запада» [3, л. 122]. В выпусках издания появляются единичные публикации на белорусском языке, однако основное содержание по-прежнему выходит на русском, что можно объяснить продолжительным нахождением Витебской губернии в составе РСФСР и невозможностью в связи со слабой материально-технической и кадровой базами быстрого перехода на белорусский язык.

В соответствии с разделом «О работе среди молодежи» вышеупомянутой резолюции предусматривалось обратить особое внимание на периодические издания для молодежи и национальных меньшинств [11, с. 18–19]. С октября 1924 г. в структуре газеты появляется еженедельная страничка «Молодой большевик» – орган Витебского окружного комитета ЛКСМБ. Редакция рубрики призывала к коллективному чтению и обсуждению публикуемых статей, в связи с чем разместила в газете ряд рекомендаций, следуя которым «руководитель чтения должен пояснять каждую мысль и вызывать ребят на

то, чтобы они высказывали свои соображения... В обсуждение прочитанного должны вовлекаться все ребята, каждый должен высказать свое мнение о написанном, а потом уже все выносят одно коллективное мнение» [1, с. 4]. Тематический дискурс статей определялся необходимостью воспитания молодого поколения в рамках советской идеологии. Согласно постановлению Совета Труда и Оборона от 29 ноября 1928 г. из-за острого бумажного кризиса выносилось распоряжение о закрытии всех приложений как к центральным, так и к окружным газетам, в связи с чем «Молодой большевик» перестал издаваться [6, л. 39]. Несмотря на вышеуказанное постановление в издании выходила еврейская страничка, издание которой было обусловлено высоким удельным весом населения данной национальности.

Основной блок новостей соответствовал существующим в структуре редакции газеты «Заря Запада» отделам, которые и определяли тематическую направленность издания: рабочий, военный, партийный, местной жизни, а также отдел информации, занимающийся подготовкой новостей республиканского, союзного и мирового масштаба [5, л. 221–222]. Таким образом, в издании присутствовали все необходимые рубрики, направленные на обеспечение целевой аудитории – рабочих – необходимой информацией.

Выборка мировых новостей, представленная в газете, имела ряд особенностей. Во-первых, большое внимание редакции уделялось опубликованию информации об успехах в распространении советской модели государственного развития и идеологических постулатов. Так, например, в номере 277 за 1924 г., сообщается о победе коммунистов на городских выборах в Остро-ве, проведении реформ в Монголии по советскому образцу [7, с. 1]. Во-вторых, сообщения о событиях в странах капиталистического блока носили в основном негативный оттенок. Номер 110 за 1925 г. констатирует, что «политика великих держав очень часто напоминает малярийного больного, у которого вдруг повышается температура, а в следующий день температура падает чрезвычайно низко. Европа во время войны заболела подобной политической малярией... поэтому наша политика ставит себе целью учесть всякие неожиданности и предотвратить всевозможные опасности». В этом же выпуске публикуются новости об убийстве рабочих в Германии, судах над коммунистами в Польше, трудностях в управленческих структурах, отсутствии развития в промышленности, угрозе голода и коррупции в Румынии [8, с. 1–2]. В-третьих, важной особенностью подачи новостей общемирового характера является их представление в сравнении с ситуацией в БССР, положение в которой всегда описывалось оптимистично, с акцентом на достижениях в социалистическом строительстве. Это стало весомым аргументом в укреплении в сознании читателей идеи о правильности советского пути развития.

Практически ежедневно в «Заре Запада» присутствовала партийная рубрика. Большая часть материала в ней представлена заметками о деятельно-

сти партийных ячеек, которые носят отчетный характер, кроме того, публикуется хроника, статьи о просветительской работе.

Одним из самых обширных тематических блоков газеты являлся рабочий. Освещая вопросы фабрично-заводского строительства, в издании размещались статьи об улучшении условий труда рабочих, модернизации производства, повышении производительности труда, заслугах отдельных сотрудников [18, с. 3]. Кроме того, редакция обращала внимание на повышение культурного уровня читателей, помещая в издании художественные рассказы, ревью на театральные постановки, отчеты о деятельности стенных газет [14, с. 2; 16, с. 2; 19, с. 4]. Посредством газеты осуществлялась связь рабочих с представителями советской власти. Сеть рабочих корреспондентов издания присылала в редакцию заметки об определенных сложностях на предприятиях, которые рассматривались соответствующими ответственными органами [15, с. 2].

В разделах газеты «Витебский день», «По Витебску»¹ публикуются информационные заметки, отражающие важнейшие произошедшие и планируемые события в городе, отчеты о работе местных органов власти, изменения в законодательстве, хроника происшествий [2, с. 4; 17, с. 4].

В конце каждого выпуска «Зари Запада» публиковались реклама и объявления, которые, наряду с подпиской и розничной продажей, стали источником дохода газеты. Выручка издания по данной категории составляла около 17% от общего дохода [5, л. 210].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что газета «Заря Запада» являлась частью республиканской системы периодических изданий Советской Беларуси. Она играла важную роль в информировании местного населения о событиях различного масштаба. Тематический дискурс издания был подчинен задачам партийно-советской идеологии и направлен на организацию и сплочение населения, вовлечение его в общественную и партийную работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Молодой большевик» в комсомольской ячейке // Заря Запада. – 1924. – 30 нояб. – С. 4.
2. Витебский день // Заря Запада. – 1927. – 26 июля. – С. 4.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 253.
4. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 380.
5. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 552.
6. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 702.
7. Заря Запада. – 1924. – 5 дек.
8. Заря Запада. – 1925. – 17 мая.
9. Заря Запада. – 1927. – 16 нояб.

¹ Рубрика газеты «Заря Запада», освещающая события местного значения, меняла свое название на протяжении существования издания. Автор приводит два наименования.

10. **Заря** Запада. – 1928. – 1 мая.
11. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – Москва : Изд-во полит. лит., 1987. – 608 с.
12. **Национальный** архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 17. Оп. 1. Д 1.
13. **НАРБ**. – Ф. 17. Оп. 1. Д 3.
14. **Наша** стенгазета растёт // **Заря** Запада. – 1926. – 21 мая. – С. 2.
15. **О действительности** заметок рабселькоров // **Заря** Запада. – 1928. – 5 мая. – С. 2.
16. **Окунев, Я.** Цветы в бурьяне // **Заря** Запада. – 1926. – 12 авг. – С. 2.
17. **По Витебску** // **Заря** Запада. – 1928. – 6 апр. – С. 4.
18. **По фабрикам** и заводам // **Заря** Запада. – 1925. – 15 янв. – С. 3.
19. **Театр** // **Заря** Запада. – 1924. – 3 дек. – С. 4.

Рзаева Ж.В. (г. Минск)

АРГАНІЗАЦЫЯ ДЗЕЙНАСЦІ ВЯЛІКАЛЯТЧАНСКАГА БАТАНІЧНАГА САДА Ў ПЕРЫЯД ІНБЕЛКУЛЬТА

Вялікалятчанскі батанічны і даследча-акліматызацыйны сад у Вялікіх Лётцах, што недалёка ад Віцебска, быў заснаваны ў канцы XIX ст. вядомым геабатанікам, фларыстам і дэндралагам Уладзімірам Уладзіміравічам Адамавым (1875–1939). Будучы вучоны нарадзіўся і атрымаў першапачатковую адукацыю на Віцебшчыне, а потым працягнуў сваё навучанне ў Пецябургскім універсітэце ў лепшых прафесараў таго перыяду: А.М. Бекетава, Х.Я. Гобі, А.Г. Генкеля і інш. Пасля атрымання дыплама застаўся працаваць там жа і больш за 10 гадоў ажыццяўляў сваю прафесійную дзейнасць у Батанічным кабінэце. У гэты перыяд ён назапасіў багаты вопыт у заснаванні батанічных садоў, паколькі з’яўляўся ўдзельнікам арганізацыі шэрага дэндрарыяў у розных губернях тагачаснай Расіі [1]. У закладзеным ім садзе былі сабраны расліны з розных месцаў Паўночнага паўшар’я і акліматызаваныя прадстаўнікі азіяцкай, заходнееўрапейскай і іншых відаў флары, якія добра прызвычаліся да клімату поўначы Беларусі. Асабліваю цікавасць выклікалі калекцыі дрэвавых і травяністых раслін-альбіносаў і ўзоры сямейства араліевых [4]. Сад спачатку складаўся з раслін, атрыманых з Пецябургскага і іншых батанічных садоў Расіі, а таксама замежжа (Германіі, Францыі). Далей ён папаўняўся і ў парадку абмену раслінамі [1]. Завезеныя расліны адаптавалі да ўмоў Беларусі пры дапамозе спецыяльных працэдур [6]. Сам жа У.У. Адамаў вельмі ганарыўся калекцыяй розных сартоў бэзу, які квітнеў на працягу некалькіх месяцаў. Трэба адзначыць, што пры Вялікалятчанскім батанічным і даследча-акліматызацыйным садзе былі пабудаваны цяпляца, парнікі, утвораны гадавальнік, дзе вырошчвалі і вывучалі лекавыя расліны. У наяўнасці былі добрая бібліятэка, батанічны музей, гербарый [4].

Фота. Заснавальнік Вялікалятчанскага
батанічнага даследча-
акліматызацыйнага сада
У.У. Адамаў [1]

Адным са значных выданняў вучонага, звязаных з працай у батанічным садзе, стаў «Каталёг расьлін Большалетчанскага Ботанічнага Саду». Уладзімір Уладзіміравіч ажыццяўляў сваю прафесійную дзейнасць у розных месцах: выкладаў у вышэйшых навучальных установах [1], працаваў у Інстытуте беларускай культуры, кіраваў батаніка-лізіметрычным аддзяленнем Мінскай балотнай даследчай станцыі, секцыяй натуралізацыі Беларускага аддзялення Усесаюзнага інстытута прыкладной батанікі [3]. Акрамя гэтага прымаў актыўны ўдзел у арганізацыі батанічных садоў на Віцебшчыне.

У 1926 г. Вялікалятчанскі батанічны даследча-акліматызацыйны сад быў перададзены Інстытуту беларускай культуры [5]. Пытанне аб перадачы дэндрарыя разглядалася на пасяджэнні Прэзідыума Інбелкульту 17 верасня 1925 г. [9]. Супрацоўнікі навуковай установы, якіх непакоіў лёс гэтага ўнікальнага збору раслін, звярнулі ўвагу на стан батанічнага сада, у выніку чаго быў падрыхтаваны ліст у Савет Народных Камісараў БССР наступнага зместу: «У зьвязку з перадачай сельска-гаспадарчай Асьветы Народнаму Камісарыяту Асьветы Больша-Летчанскі сад, які да гэтага знаходзіўся пад загадам Віцебскага Вэтэрынарнага Інстытуту і праходзіў па яго каштарысах, апынуўся без кіруючай установы і без каштарысу. Дзеля таго, што сад гэты, сам па сабе каштоўны, як прыклад акліматызацыйных дасягненняў на абшары Савецкай Беларусі, ня мае ніякага дачынення да Вэтэрынарнага Інстытуту і сувязі іх асноўных мэт, Калегія НКА БССР пастанавіла перадаць Больша-Летчанскі сад Інстытуту Беларускай Культуры. Прынцыпова згаджаючыся прыняць Больша-Летчанскі сад, Інбелкульт нічога не можа вылучыць з сваіх каштарысных сум на яго ўтрыманне. Таму, далучаючы да гэтага каштарыс Больша-Летчанскага саду на 1925–1926 год у суме 7.639 рублёў 94 кап. Інстытут Беларускай Культуры просіць адпусціць з рэзэрвнага фонду гэту суму на ўтрыманне Ботанічнага саду і працяг распачатай там акліматызацыйна-навуковай працы» [3, с. 94; 6, арк. 153].

У справаздачы за 1927/1928 акадэмічны год азначалася, што «шмат вельмі каштоўных раслін былі раскіданы па ўсім садзе, не было пэўнага плану далейшага развіцця саду, некаторыя расліны не мелі азначэнняў. Сад не меў належнага абсталявання, штату і сродкаў на абсталяванне лабараторыі, набыццё літаратуры і г. д.» [3, арк. 94; 8, арк. 163]. Акрамя таго, свой адбітак на калекцыю і саму гаспадарку саду наклаў ваенны перыяд [5]. Таму адной

з першачарговых задач кафедры батанікі Інбелкульта стала прывядзенне ў парадак Вялікалятчанскага сада і аднаўленне ў ім навуковай працы [3; 7]. З гэтай мэтай летам 1927 г. туды былі камандзіраваны спецыялісты і прызначаны пастаянны штатны навуковы супрацоўнік [5]. Па выніках абвешчанага конкурсу на пасаду намесніка дырэктара Вялікалятчанскага батанічнага сада быў абраны В.Н. Чацьвярыкоў [8].

Ва ўстанову быў запрошаны прафесар Рыжкоў, які ў Радзе аддзела Прыроды і Гаспадаркі спачатку зрабіў даклад аб змесце сваёй працы, практычным і тэарэтычным значэнні альбінуючых раслін і апошніх дасягненнях у гэтым напрамку ў сусветнай навуцы. Затым ён на працягу двух месяцаў працаваў у Вялікалятчанскім батанічным садзе і падрыхтаваў вынікі сваіх назіранняў, якія павінны былі быць прадстаўлены ў Інбелкульт. Ім быў складзены даклад у форме ліста да прэзідэнта Інбелкульта і напісаны артыкулы для віцебскіх газет, а таксама ў цэнтральную прэсу Саюза [8].

Дзеля стварэння эканамічнай базы, якая б спрыяла ў будучым разгортванню навукова-даследчай працы ў садзе, быў закладзены плодowy расаднік, арганізаваны пчальнік, дэкаратыўны кветнік, зроблена пяць сажалак для развядзення кармаў і г. д. У выніку быў здзейснены наступны аб'ём работ, які ахапіў батанічную частку саду: 1) зроблена 1 тыс. 200 батанічных градак для перасадкі раслін са старых, якія параслі пустазеллем; 2) перасаджаны і этыкеціраваны каля 500 відаў раслін і 163 стракалісныя расліны, што былі знойдзены на тэрыторыі батанічнага саду; 3) павялічаны ў два разы расаднік садоных дрэў; 4) сабрана больш за 1 тыс. відаў раслін для гербарыя; 5) пабудавана цяпліца; 6) пасаджана 20 сартоў суніц; 7) закладзены дапаможны плодowy сад (96 дрэў); 8) прышчэплены каля 150 парод розных плодowych дрэў; 9) у плодowy выхавальнік пасаджана да 10 тыс. дзічак і інш. [2; 3; 8].

Сярод дасягненняў Вялікалятчанскага батанічнага сада можна лічыць тое, што яго супрацоўнікамі былі выкананы работы гаспадарчага напрамку, накіраваныя на паляпшэнне ўмоў функцыянавання ўстановы прыроды, і арганізавана грамадска-карысная праца сярод мясцовага насельніцтва. «Так, напрыклад, сіламі Батанічнага Саду ўвесну былі праведзены двухтыднёвыя сельскагаспадарчыя курсы, якія ахапілі 30 слухачоў-сялян. Сад даваў для насельніцтва расаду палепшаных гатункаў капусты, караньплодаў і інш.» [2, арк. 111; 3, арк. 96; 8, арк. 163]. Яшчэ адным вынікам дзейнасці спецыялістаў Вялікалятчанскага батанічнага сада [2; 3; 8] сталі падрыхтаваныя імі да друку навуковыя і навукова-практычныя працы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Вывучэнне** культурнага стану краю (з досьледу Віцебшчыны) // Наш край. – 1927. – № 6/7 (21/22). – С. 65–75.
2. **Вяліка-Летчанскі** Батанічны Сад // Бюлетэнь : 1927–1928 / Ін-т беларускае культуры. – Менск, 1928. – № 2. – С. 110–111.

3. **Інстытут** беларускай культуры : 1922–1928 г. / У. Р. Гусакоў [і інш.] ; рэдкал.: У. Р. Гусакоў [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2022. – 223 с.

4. **Півавар, М. В.** Сядзібы Віцебшчыны : даведнік / М. В. Півавар. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2020. – 256 с.

5. **Прыродазнаўчая** Сэкцыя і Камісія для вывучэння прыродных вытворчых сіл БССР // Бюлетэнь : 1926–1927 / Ін-т беларускае культуры. – Менск, 1927. – № 1. – С. 34–40.

6. **Цэнтральны** навуковы архіў НАН Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 13.

7. **ЦНА** НАН Беларусі. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23.

8. **ЦНА** НАН Беларусі. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 36.

9. **ЦНА** НАН Беларусі. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 9.

Рогач В.В. (г. Витебск)

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК В.Г. ЯКОВЛЕВИЧ

Дневник как вид регулярных записей о происходящих событиях, личных мыслях и переживаниях возник давно. Особую популярность и распространение дневники получили в XVIII–XIX вв. Предмет нашего исследования – дневник середины XX в. Автор его – Валентина Григорьевна Яковлевич, участница Великой Отечественной войны. А в дневнике – события, свидетелем которых она была, жизнь на войне и любовь в условиях войны.

Валентина Григорьевна Яковлевич (1917–2003) оказалась в поле зрения историков-краеведов в 2008 г. как жена художника Владимира Алексеевича Смерединского¹. Тогда благодаря энергии А.М. Подлипского была организована первая персональная выставка работ этого живописца, которая вызвала большой интерес в художественной среде Витебска. После смерти В.А. Смерединского прошло много лет, при жизни он почти не выставлялся. Тем интересней было познакомиться с его творчеством всем вовлеченным в художественную жизнь Витебска. На открытие выставки работ В.А. Смерединского и презентацию книги «Художник Владимир Смерединский», которую написали А.М. Подлипский и искусствовед М.Л. Цыбульский, со-

¹ Владимир Алексеевич Смерединский (1897–1984) – уроженец с. Марьяновки Елизаветградского уезда Херсонской губернии. В 1930 г. окончил Одесский художественный институт (ныне – Одесское театрално-художественное училище). Работал художником на Киевской кинофабрике (ныне – Национальная киностудия художественных фильмов им. А. Довженко), на студиях «Кинохроника» и «Киевтехфильм». Участник Великой Отечественной войны. Награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красной Звезды. С 1946 г. жил и работал в Витебске. С 1949 по 1957 г. преподавал в Витебском художественно-графическом педагогическом училище (в 1959 г. оно было реорганизовано в художественно-графический факультет Витебского педагогического института). Похоронен на Мазуринском кладбище в Витебске.

бралось много людей. Выступали те, кто помнил В.А. Смерединского, кто у него учился. Но большинство присутствовавших на мероприятии, которое проходило в стенах Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина, открыли для себя этого художника, его творчество.

В художественном наследии В.А. Смерединского, которое хранилось в семье его дочери, много портретов жены художника Валентины. Валентина Григорьевна Яковлевич родилась в Витебске в семье служащих. У родителей кроме нее были еще старший сын Петр и две младшие дочери Лида и Нина. К началу Великой Отечественной войны Валентина и Лида окончили четыре курса Витебского медицинского института, а Нина – два. Валентина была направлена на летнюю практику в Мозырь, где жил и работал первым секретарем Полесского обкома комсомола ее старший брат Петр Григорьевич Яковлевич. Там и застала их война. Промышленные предприятия Мозыря отправляли в эвакуацию на Алтай. П.Г. Яковлевич предлагал и сестре Валентине ехать с ним туда же, так как даже вернуться в родной город она не могла – Витебск уже был оккупирован фашистами. Но она решила закончить свое образование и, выехав с братом из Мозыря, отправилась в Сталинград, потому что там еще продолжал работать местный медицинский институт². Она оказалась в чужом городе совершенно одна, без родных и друзей. В военное время без поддержки семьи жить и учиться ей, конечно, было очень непросто. В это время она познакомилась с Георгием Михайловичем Раткиным, который только что окончил лечебный факультет этого же института. Он вместе с родителями жил в Сталинграде. Приняв в ноябре 1941 г. предложение Г. Раткина стать его женой, В.Г. Яковлевич пришла жить в дом его родителей, которые очень тепло к ней отнеслись.

После окончания учебы Г.М. Раткин был призван в действующую армию и отправлен на фронт в конце декабря 1941 г. Летом 1942 г. началось наступление войск нацистской Германии и ее союзников с целью захвата большой излучины Дона, волгодонского перешейка и Сталинграда. Красная армия отступала, неся огромные потери во время кровопролитных боев. Письма от Г.М. Раткина приходили перестали. Валентина Григорьевна Яковлевич и родители Георгия решили, что он погиб. Только сейчас благодаря поискам в государственной информационной системе России «Память народа» удалось установить, что Георгий Раткин летом 1942 г. не погиб! Он прошел всю войну, в 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды, в 1945 г. медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны I степени. Архивными документами, хранящимися в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, подтверждается, что родился Ге-

² Сталинградский мединститут был основан постановлением СНК СССР № 1818 в 1935 г. Первый выпуск состоялся в 1940 г. В годы войны институт не прекращал работу вплоть до августа 1942 г. Во время Сталинградской битвы помещение института, все оборудование, библиотека сгорели. Но уже 1 октября 1943 г. первым из вузов мединститут возобновил работу и уже в 1944 г. состоялся очередной выпуск врачей под девизом «Ответ Сталинграда».

оргий Михайлович Раткин 16 января 1916 г. в Сталинграде, там же в 1941 г. горвоенкоматом был призван на фронт, служил в 907-м стрелковом полку 244-й стрелковой дивизии, а затем с мая 1943 г. – в 531-м армейском минометном Запорожском полку в звании старшего лейтенанта медицинской службы.

После войны Валентина Григорьевна пыталась найти родителей Георгия Раткина, но их следы в разрушенном Сталинграде затерялись. Вполне возможно, что они погибли во время страшных боев в самом Сталинграде или выжили, но их местонахождение Валентине Григорьевне установить не удалось, так как их дом, скорее всего, был разрушен. Улица Хопёрская, на которой он стоял, находилась в самом центре города, недалеко от Мамаева кургана. Всего в Сталинграде в результате военных действий было разрушено 41 685 домов (90,5% довоенного жилого фонда), в городе остался 32 181 житель из довоенных 450 000.

Георгий Раткин, возможно, тоже пытался искать Валентину Яковлевич, но он не знал ничего о ее судьбе, о том, где ее искать. В.Г. Яковлевич покинула дом родителей Г.М. Раткина, уйдя на фронт, нового ее адреса он не знал. Связь между Георгием и Валентиной прервалась. Так война разлучила этих людей навсегда. Их планам на долгую, счастливую, совместную жизнь не суждено было сбыться.

Валентина Григорьевна Яковлевич окончила ускоренный курс Сталинградского медицинского института в июне 1942 г., и была направлена на работу врачом-ординатором в создаваемый в г. Малая Ахтуба под Сталинградом госпиталь. В этот же госпиталь начальником административно-хозяйственной службы был назначен Владимир Алексеевич Смерединский. По рассказам Веры Владимировны Гернец – дочери В.А. Смерединского: «На организационном собрании папа сидел за какой-то девушкой-врачом. Его сразу поразил необычайной красоты цвет ее волос: светлый, словно солома. А когда мама вдруг повернулась назад, и папа увидел ее лицо, то влюбился с первого взгляда». Несмотря на большую разницу в возрасте (20 лет), В.А. Смерединский стал ухаживать за Валентиной Григорьевной. Недавно пережив личную утрату – гибель первого мужа – Валентина Григорьевна не могла сразу ответить на чувства В.А. Смерединского, но его искренние участие, внимание, забота все же тронули ее и пробудили взаимную любовь. Военная кочевая жизнь неоднократно разлучала В.Г. Яковлевич и В.А. Смерединского. Общаясь с В.В. Гернец, выяснилось, что сохранились письма ее родителей, которые они писали друг другу во время войны. Переписка родителей военного времени была подготовлена к печати А.М. Подлипским и выпущена отдельным изданием в 2010 г.

Разбирая семейный архив, Вера Владимировна обнаружила записи матери, которые та делала на войне. Сама Валентина Григорьевна называла свои записи дневником – текст начинается словами «Прерванный на время дневник начинаю снова».

В одном из писем В.Г. Яковлевич писала В.А. Смерединскому: *«В это время до вечера безвыходно я сижу в комнате, читаю и пробовала писать по твоему завету мне, но дошла в своем дневнике до Стасовки и остановилась. Там начался и развился наш роман. Там личное и общественное настолько переплелись для меня, что, написав, я боюсь, чтобы не получился перевес в сторону первого. Но писать все же буду»*. В письме Валентине Григорьевне от 7 апреля 1944 г. Владимир Алексеевич написал: *«Мои вещи все разбросали, и вообще ничего не осталось, все, наверное, пропало, а жаль, там много вещей мне очень нужных, а главное, твой портрет и дневник. Я попробую еще заняться розысками, но боюсь, что не найду»*. Валентина Григорьевна ответила ему 4 мая 1944 г.: *«Мой милый Володя! Ты огорчаешься, что пропал мой дневник. Это ничего, любимый. Я решила писать тебе частые письма. Это будет нечто похожее на дневник, только в другом роде»*. В письме от 24 апреля 1944 г. В.А. Смерединский сообщает Валентине Григорьевне: *«Вчера прибыли машины с личными вещами, про которые я думал, что пропали, почти все сохранилось, а главное, за что я боялся, – это за твой дневник и портрет. Несмотря на длительное путешествие, все хорошо сохранилось»*.

Но все же какая-то часть дневниковых записей пропала. То, что сохранилось, – это разрозненные листки, некоторые из них затем были сброшюрованы, возможно, уже в послевоенное время. Объем записей невелик – три десятка листов, исписанных с обеих сторон. Бумага пожелтела, края потрепаны, надорваны, разрывы. Листки из тетради в косую линейку соседствуют с листами шероховатой бумаги, непохожей на писчую. Некоторые записи сделаны на оборотной стороне разорванной немецкой карты. Такое впечатление, что свои записи В.Г. Яковлевич делала на том, что было под рукой, возможно, во время ночных дежурств или в выдавшуюся свободную минуту. Даты нигде не проставлены. В тексте только упоминаются празднования 1 Мая и 7 Ноября. Расположить фрагменты рукописи в хронологическом порядке удалось благодаря названиям населенных пунктов, которые фигурируют в тексте: Сталинградская область, Лиски, Острогужск, Валуйки, Лозоватка, Лошкаревка, Кривой Рог. С востока на запад, вслед за наступающей Советской армией, двигался военный госпиталь. Опираясь на вышесказанное, а также судя по описываемым событиям, В.Г. Яковлевич вела свой дневник с лета 1943 по весну 1944 г.

В дневнике Валентина Григорьевна фиксирует события, которые касаются ее непосредственно. Она описывает кочевой быт во время передислокации фронтового госпиталя на поезде на запад, ближе к фронту. Кроме непосредственной фиксации событий в дневнике встречаются несколько книжные описания природы, пейзажа, погоды. Это вполне объяснимо – в молодости все интересно: новые места, новые впечатления. Дневник пишет молодая, только вступившая во взрослую жизнь девушка. Безусловно, дни,

недели, месяцы, прожитые в условиях войны, быстро формировали людей, их взгляды на жизнь, в тех условиях быстро накапливался собственный опыт и знание жизни. Но пока она еще повторяет слова из прочитанных книг, ведь совсем недавно именно они давали ей представление об окружающем мире. А может быть, эти красивые, литературные фразы несколько уводили ее от страданий, боли и грязи окружающей жизни.

«Мы в эшелоне. Покидаем Сталинградскую область. Едем по сталинградским степям. Очень скудная растительность на опаленной солнцем земле, но необъятные просторы земли не распаханной и потому какой-то пустынной. Поезд следует какими-то рывками, то очень быстро спешит на юг, приближая нас к намеченной цели, то останавливаясь по суткам на полустанках. Причиной этому однопутная дорога, заставляющая подолгу ждать встречных поездов. Я сижу на площадке, свесив ноги на подножку, и тихая грусть наполняет сердце. Жаль расставаться со Сталинградом.

Я помню красавец Сталинград еще не разрушенным, с пестрой нарядной публикой, с коврами цветов на площади Павших борцов и около горсада, помню приволжские улицы с пирамидальными деревьями. Я полюбила Волгу, ее пышную, сильную, многоводную. Как живо я ее представляю и в пасмурный день серую и холодную, со злой рябью на мутной поверхности. Вот памятник Хользунову, дворец пионеров, опять цветы и цветы вокруг, отлогую асфальтированную набережную. Огромный диск луны повис в воздухе, дробятся полосками ее бледные лучи горизонтально по Волге и дрожат в ней. Светятся маяки и движутся черные пароходы. Волга живет. Когда я сходила со ступенек читальни им. Горького поздно вечером, то обязательно останавливалась на каждой ступеньке лестницы и без всяких мыслей, отдыхая, любовалась Волгой, вдыхая всем существом волжский воздух, от которого ширится грудь. Я ощущаю обаяние Волги. Эта своеобразная красота природы помогла мне веселее переносить неудобства моей тогдашней жизни».

«Проезжаем озеро Эльтон. Свежее теплое утро, яркие, но еще холодные утром лучи солнца и вдали распластавшись, формы огромной амебы голубая, даже ярко-голубая гладь воды, такая же, как и небо».

«Возвратились в эшелон с букетом белых мелких цветов. Пили душистый чай из самовара, который бесконца дымит на площадке.

Река Хопер шумит в метрах 70.купаются красноармейцы. Один из них мне преподнес букетик ландышей. Он сорвал их в березовой роще на противоположном берегу, бережно держа их над головой. Трогательно нежен был скромный букетик цветов, свесив головки, дрожат на них хрустальные капли воды».

«Проезжая безымянный разъезд, поезд остановился под вечер. После нескольких партий в домино мы вышли и легли на травке, какая она сочная, пышно зеленая, ее хочется мять и ласкать от нахлынувших воспоминаний о лугах Белоруссии. Ночью луна заливает кусты и в долине рощицу, тихо, безмолвно

вокруг, соловей поет свою песнь любви. Это кажется сказочным миражем, парадоксальным отзвуком по отношению настоящей войны. Я не хочу спать, хожу по линии в лисьей безрукавке и кажется, что я какая-то боярышня, а не военный врач. Лежа на 2-ой полке, я гляжу в открытое окно и упиваюсь безмолвием красивой природы. Поезд ночью тронулся, нам объявили, что мы выезжаем в прифронттовую полосу, маскируют окна, снимают электропроводку, нам запретили одевать гражданское платье, все это делает нервы несколько натянутыми и настороже. Мне страшно хочется знать, куда мы едем, на какой фронт. Я слежу за глазами полковника по карте, осторожно касаюсь этого вопроса, но он со скользнувшей улыбкой на губах молчит. Ну и пусть, если человек боится сказать, не надо, пусть не мучится в случае открытия им тайны. Но ко мне пристают коллеги и не сомневаются, что я знаю. Майор Миневи́ч тоже был убежден в этом (помощник полковника), он пришел в купе и объявил полковнику, что маршрут до Валук уже известен. И так мне все стало ясно – мы едем на Харьковский фронт.

Проезжаем Лиски. Большой город, к пепельно-пыльной земле приросли дома, пугливо жмутся друг к другу. Здесь почти ежедневно бывает бомбежка. Мост большой, изломанный в виде зигзага с неразрушенными кирпичами, склонился к воде и повис над ней. Рядом стоит целый мост, меньший, по которому едем. Как по туннелю в горах идет поезд между крутым берегом с одной стороны и отлогим глубоким Доном с другой. Как ленивая черная лань ползет поезд, бросая в пространство одинокие выкрики паровоза. Так вот он какой, Дон. Вода темно-рыжеватая в багряных лучах заходящего солнца. Дон даже в этот момент мрачен. Резко обрезанные, поросшие травой берега говорят о бездне, о глубине этой неширокой мрачной реки. Вода течет медленно-медленно, т. ч. из поезда глядя, можно сказать, что она стоит, только ветер вспахивает на поверхности буроватые гребни. Порой видны заливные луга с деревьями, которые пышно ветвятся, как будто родились на воде. Плавают лилии рядом с воронками от маленьких бомб, о присутствии которых говорят омуты, в которых вода крутится как колесо. Поезд ждет встречного, остановился в горах. Обрывистый крутой берег из породы, состоящей из мела, который издали создает впечатление снежной горы. Наверху стоят одинокие березки, изгибаясь тонкими белыми стволами и беспорядочно шурша нежной кволой зеленью. Посмотришь вверх, шапка валится, кажется, что и березки могут упасть и лишь цепляются оголенными корнями за кручу обрыва. Этот берег был местом укрепления немцев, отсюда они обстреливали всеми видами оружия г. Лиски и деревни с нашими частями. Здесь были военные позиции, каждый кусок земли минирован. Железнодорожники говорят, что здесь недавно взорвался на mine один генерал и 16-летняя девушка».

«Ночью проезжаем Острогорск³. За стеной купе дребезжит телефон, у телефона майор Миневи́ч. Воздух, тяжелые бомбардировщики над нами,

³ Правильно – Острогожск.

людям не спать, быть наготове, всем одетыми. Поезд, не останавливаясь, пропускают транзитом, оглушительно бьют зенитки с конца поезда, со станции, с Острогорска во всех направлениях. Мутно-белые полосы прожекторов цупают небо, а поезд спешит, спешит, чтобы проскользнуть. Промелькает мысль – проскочить бы, есть ли искроулавливатель у паровоза? Стучат колеса под вагоном, рвутся зенитные снаряды в выси. Все эшелоны прошли благополучно. Хочется думать, что и наш пройдет так же благополучно. Но мы то проскочили, а следующий эшелон прямо по паровозу попала бомба-фугаска, исковеркав его корпус и сбросив под откос, тогда погиб наш воен. фельдшер Целуенко. А сколько мы видели изуродованных остовов вагонов по пути следования, ржавых, изогнутых, отброшенных в сторону, с облупившимися стенами. Все это промелькает в голове и всплывает в памяти именно в этот момент, когда угрожает опасность. Ведь линия жел. дороги, по которой мы едем, проходит на 100 км вдоль линии фронта. Поезд остановился, опять команда головного “воздух”, предательски из серых облаков выглядывает и прячется луна. Мы вышли из вагона, громяхают где-то в облаках вражеские самолеты, где-то здесь, близко, но идти некуда. Белые корпуса станции, превращенные в груды развалин, не могут служить укрытием. Так как ночью враг не видит эшелон, он бросает бомбы в шахматном порядке и большинство из них ложится недалеко по сторонам. Восемь разрывов слились воедино, цепью разметав огненные гейзеры в темноту ночи. Это было метров в 500 от нас. Мы поехали дальше.

«Станция Лошкаревка – конечный путь следования и конечная ветвь обрывающегося дальше железного пути. Тупик. Перед нами разрушенный элеватор, горы зерна, перемешанного с песком. Развалины станции, с торчащими вверх трубами и остовами уцелевших наполовину стен. Рядом на пути стоит бронепоезд, оглушая всех он изрыгает из жерл орудий смертоносные снаряды, равнодушно поворачивая стволы орудий. В 6-ти километрах фронт, немец обстреливает соседние деревни с левого фланга.

Местность заминирована.

А на улице идет дождь как сито, превращая землю в топкое месиво. Пока что мы без места, командирuem д-ра Майзельса на поиски места дислокации, эшелон нельзя задерживать, предлагают выгружать. Поступает депеша, что место есть в 3-х км отсюда, но в ней всего 4 дня как был немец. Под проливным дождем люди производят выгрузку во мгле темной ночи, о себе нет мысли. Предстоит большая работа, раз близко фронт, то много раненых ждут нашей помощи. Перед нами разрушенная местность и непроходимая грязь.

В разрушенных зданиях вокзала мы устроили себе теплушку. Плащ-палатками завесили окна и поставили печь. Вещи сгружены под открытым небом. ЭП стоит здесь недалеко у полотна железной дороги. В 3 часа дня мы маршем направляемся на место новой дислокации. Восстанавливается

железная дорога. Ужасно тяжелый труд для людей. Немец не оставил, отступая, ни одной целой шпалы, каждая из них переломана надвое. Шпала за шпалой, рельса за рельсой удлиняется железнодорожное полотно. Люди носят ящики с железом, шпалы, по обочинам пирамидами сложены ружья, кое-где у одиноко горящего костра бойцы греют руки и курят махорку. Дальше, км в 3-х дорога обрывается изломанным мостом, который зигзагообразными краями свисает над пропастью. Построить дорогу – это исполинский труд. Каждый человек на войне (боец) – это герой, будь он не только на фронте, но и в тылу. Единственный способ наладить транспортировку грузов, подачу боеприпасов и людей на передовую в такую непроходимую грязь – это восстановить железную дорогу. Там впереди люди – герои, раненые стонут в лачугах и избах. Автомашины буксуют, одну телегу тянут 3–4 лошади, и то каждые 5 шагов надо лопатами очищать колеса. И вот бойцы железнодорожного восстановительного батальона понимают свою задачу. И день, и ночь освещается полотно, и день, и ночь гремят железные рельсы и ввинчиваются винты».

В дневнике находит отражение работа в госпитале, лечение раненых, условия в которых приходится работать.

«Дом, в который мы вошли хозяевами, с выступающими балконами в соновую рошу. Запустение в здании и холодная непроглядная сырость и грязь. Без окон, без дверей, с кое-где уцелевшими печками. Вот, что нашли мы здесь. И вот в этом здании нужно создавать тепло, создавать уют – не сегодня, так завтра придут раненые, т. к. идет наступление. В 6-ти км фронт, наш госпиталь... других и занял базу М.С. Бата. С утра до позднего вечера работаем. Люди, которые прямо с дороги, которые ночью выгружали эшелон. Женщины наравне с мужчинами. Закладывают кирпичи и лепят печи, стеклят окна, моют полы. И вот первый раз я пожалела о своем положении. Как неуместно это сейчас, нужно бояться за себя, в то время как все работают физически, мне приходится стоять в стороне, оберегать в своем чреве зародившийся кусочек новой жизни.

Вечер, маскировки нет, нач. состав расположился на полу в комнате верхнего этажа здания, пьют чай и шутят. Вдруг в темноту ночи врываются толчки вражеского самолета. Гасят свет, закрывают печи с опозданием. Вдруг громыхающие взрывы, зловещие, потрясающие воздух и окна, один, другой, пятый. Суетливо бежит нач. О.В.С.⁴ В его голосе дрожь: “Бомбит станцию, там наши люди, команда, имущество”».

«Лошкаревская операция близится к концу. Но наше 1-ое отделение еще работает. Наш контингент – это раненные дети. Зайдешь в палату – это детская палата. Маленькие, они тоже являются жертвами войны. Радостное летнее солнце манит их своими ласкающими лучами. Родители на работе. В погоне за мотыльком или цветком маленькими рученками они

⁴ О.В.С. – обозно-вещевое снабжение.

берут предательски блестящий запал и, играя красивой игрушкой, искалеченные и окровавленные падают рядом со своим домом, побелевшие, запекшиеся губы напрасно шепчут “мама” – мама далеко. Каждый день новые жертвы. Одного из них на руках принесла в госпиталь молодая мать – учительница. Дойдя до лестницы, она передала ребенка на руки сестре и сама обессиленная от душевного волнения, прислоняясь лицом к холодной стене. Маленький 2-х летний, разбросав ручки, лежит мальчик. Какой страх и слезы в одиноко блуждающем испуганном глазу. У него еще много ран.

Детская палата – дети в возрасте от 2-х до 5 лет. При входе врача или сестры испуганно прячут личико в подушки, они боятся белых халатов. Этот маленький кричит “ратуйте” и зовет мать. Это Вова – “майор”, так он себя называет. Он протягивает ручку врачу, здоровствуется как взрослый.

Здесь 17-летняя Нина – трактористка, 2 брата, раненные в брюшную полость и много других».

«Идут занятия у врачей ежедневно. Я тоже делала доклад о ранении грудной клетки. Материал очень сложный. К лекции я готовилась 5 дней по разным книгам. В это время тронулся поезд и мне с трудом приходилось перекрикивать нарастающий стук колес. Сочувственные возгласы – вы устали, отдохните – со стороны Юдовича, Россинской, Штерн. Эта лекция заняла у меня полных 2 часа, не оставив время для прений, чему я была довольна».

«Идя через пути, подлезая под вагоны, я как-то совсем запуталась, не находя своего эшелона. Вдруг слышу свое имя. Один из раненных бойцов, который лечился в нашем госпитале год тому назад, с радостью обеими руками трясет мою руку, по-искреннему рад, перегнулся из вагона, в котором он везет боеприпасы. Хвастается званием сержанта и медалью “За боевые заслуги”. Говорит об убитых товарищах – общих наших знакомых по госпиталю. Чувствуется в этой радости и восторженности солдатское спасибо тебе, и мне легко как-то на душе, чувство братское, в котором все люди в армии принадлежат к одной семье, связанной единым интересом».

«Разговор принимает другой оборот. Бродская говорит, что она уйдет из войны, т. к. она скоро кончится, с седыми волосами и без одной медали. Мои слова: “И почему вам обязательно должна быть дана медаль? Вы квалифицированный работник, хорошо работаете, потому что иначе не умеете. Работаете много, потому что этого требуют обстоятельства, но вы не рискуете жизнью. Сколько рядовых незамеченных людей там, на передовой рискуют жизнью, теряют кровь, а иногда и жизнь. Вот те все должны быть награждены”». Кап. Ник. дополняет, что солдатское спасибо нам, как медработникам, выше всяких медалей. Я с ней согласна. Что может быть лучше ощущения, что ты сделала большое, полезное дело, помогла беспомощным раненым, измученным физически и отчасти морально людям. А тот, кто побыл там, в огне, в томительном ожидании смерти и сильным желанием жить или, в лучшем случае, раненный, перенес моральную травму. Попав

в госпиталь, он чувствует себя счастливым, наново возродившимся на свет. Он не капризен, он готов обнять всех, кто протянет ему руку помощи, кто поможет ему победить болезнь, залечить рану. Это приносит тебе большое моральное удовлетворение и медали здесь не причем».

Очень показательна эта запись. Она полностью дает представление об отношении Валентины Григорьевны к своей работе, о ее бескорыстном служении своей профессии.

В дневнике В.Г. Яковлевич пишет о доме, матери, сестрах.

«Станция Красный Кут, хороший тенистый садик поодаль. Мы ходим туда компанией – начальник, Двороковская, Брик, комиссар штаба и я. Люди – железнодорожники копаются в огородах, бежит водопроводная вода по канавкам, обильно орошая овощи на грядках. Сидит белоголовая девочка с удивленными глазенками, босая, беленькая, дрыгая ножками, и все это напомнило мне Витебск, маму на огороде и себя рядом с учебником, от которого я поминутно отрываюсь, отвечая на замечания мамы относительно огурцов, крыжовника, отвечаю на вопросы, мне в данную минуту не интересные, чтобы ее не обидеть своим безразличием к ее труду. Милые, дорогие воспоминания».

«Мне снился сон. Я приехала в Витебск, дом все тот же. Бесшумно с замиранием сердца иду по коридору. Только что вымытые полы и разбросанные беспорядочно белые пуховые подушки на кровати. В доме прохладно. Вечерет. Отыскиваю младшую сестру Нину, я нахожу белокурую и голубоглазую, наспех одной рукой спешу обнять и целую затем Лиду. Самое главное – где же мама? Я лихорадочно, с бьющимся сердцем, в какой-то тревоге отыскиваю ее. Порывисто беру за плечи. Ловлю ее взгляд. Мама, мамочка, родная, признай, узнай свою Вальку. Я ловлю ее взглядом. Гляжу в измученное скорбное лицо матери. Я пришла к тебе женщиной. Пойми и прости. Голова матери прижимается к моей груди и шее. Без единого слова я покрываю поцелуями ее волосы, тусклые, жесткие и такие кровно родные. И вдруг слова строгие: “О твоей беременности поговорим потом”. Я просыпаюсь. Долго плакала я этим утром, уткнувшись в подушку. Я была так далеко в этот миг от всех окружающих. До боли мучает вопрос – поняла ли она меня и такой ли будет наша встреча? Бродская утирает слезы, когда я ей сообщила, что только что во сне была дома».

Удивительно, но любовь сильнее войны. В дневнике зафиксировано много личных переживаний. Тоска и ожидание встречи с любимым человеком, который стал ее мужем и отцом ее ребенка. Радость встреч. Горячее молодое сильное чувство. Горечь обид на любимого. Все это так естественно в дневнике молодой влюбленной девушки. Если бы не знать, что идет война и оба они подвергаются опасности, не ведая, что принесет с собой завтрашний день.

«Несмотря на май месяц ночи бывают сырые и темные. Осталось проехать каких-нибудь 50 км. Я стою на площадке с Мирзояном. Все уже спят. Моросит дождь. В сторону Купинска и дальше вспыхивают огни от даль-

нобойных орудий, вспыхивают как молния и гаснут. Мы едем долго. Еще за сутки я чувствую радостное чувство, меня ждут там... Володя! Наконец-то! Кончились дни испытаний, дни разлуки, ты ждешь свою Вальку. У меня бесконца гаснет папироса. Васильев грустно замечает это. Мне его жаль. Я скоро буду такой счастливой, я увижу Владимира, а его никто не ждет».

«За время моего пребывания в Лозоватке 3 раза приходил В. Один раз поздно вечером весь мокрый от быстрой ходьбы, принес мне паек. Другой раз тогда, когда садилось солнце и его багряные лучи играли на карминно-красных цветочках принесенного им букетика цветов. Мы ужинали с ним, уйдя в степь. На небо надвигалась, ползла огромная туча, серо-буроватые краски становились сгущенной и мрачней, небо угрожало грозой. Небо беззвучно польхало молниями, чуть-чуть гремел вдали. Надвигающиеся мрачные тучи, багрово-оранжевые молнии озаряли небо и степь, они как бы прорезывали, хлестали небо и грозили двум затерявшимся в степи фигурам. Я прижалась к сильной груди, губы слились и все нипочем. Смеялись, радость жизни захлестывала бурной волной все существо, как хорошо нам сейчас.

Он прислал мне письмо. Милый романтик с душой юноши, какое это милое теплое письмо. Я не хотела его показывать Фаине, не хотела ее расстраивать, но не утерпела. Или слова, я все равно буду приходить, если даже ты не сможешь, то оставь записку в дупле старого дуба, я узнаю, что ты занята, и уйду снова, т. е. 5 км туда и 5 км обратно ради записки. Это лестно, романтично, совсем как у Пушкина в “Дубровском”, но бессмысленно, пойми, любимый глупышка».

«Несколько дней длится прощание с другом, эти дни тянут за душу. Он говорит мне страстные, полные нежности речи, как будто спешит высказать всё то, что было недосказано раньше. В этих словах его растворяются все лучшие наши чувства, и вместе с тем они тяжелы, они звучат как прощание, как горечь о своих лучших неудавшихся чаяниях. В сегодняшних его речах я слышу голос художника. Особенно тонкое восприятие душевного переживания, оно передается и мне. Боже, зачем дана мне эта чувственность, от нее не уйдешь, не скроешься».

«Завтра я иду, опершись на твою руку, поступь неуверенная. Где найти силы в себе, чтобы крепче чувствовать почву? Отрывается, ускользает от тебя самое лучшее и дорогое. Вьется дорога вверх, извиваясь. Вот сейчас ты уйдешь далеко, ты одиноко будешь мерить километры по украинским степям и холмам, а я останусь здесь со своими мыслями одна. Я не могу оторваться от твоих ласковых теплых губ, слезы струятся по лицу, теплый ветер обвеивает лицо, так минуту, две, сколько не знаю, только в этот миг существуем только мы с тобой, окружающего как будто нет. Прощай. Оторвавшись, я бегу, чтобы не зарыдать, бегу в отделение. И вот там за простынями в умывальной беззвучно рыдаю, не стесняясь ни сестры Латышевой, ни Кирсановой, они не успокаивают, они всё понимают».

Современная медицина смотрит на «дневниковедение» как на лечебный психологический прием. Так что, ведя свой дневник, В.Г. Яковлевич находила в этом облегчение и утешение. Нам трудно представить, живя в благополучной, мирной, безопасной обстановке, что переживала молодая девушка, оторванная от семьи и друзей, лишенная заботы и материнского совета. Живя месяцами при отсутствии нормальных бытовых условий, подвергаясь реальным опасностям, рискуя жизнью, она находила хотя бы некоторое отдохновение от грубых и жестоких реалий, погружаясь в запись событий собственной жизни и мысли о доме и любимом человеке.

Записи В.Г. Яковлевич вела для себя. В одном месте своих записок она отметила, что это В.А. Смерединский посоветовал ей вести дневник. Она писала: *«Я выполнила его завет – писать дневник. Это для него. Вечерами мы читали этот дневник, и за полночь уходила домой»*. Конечно, Валентина Григорьевна не предполагала, что когда-либо эти ее очень личные записи станут читать посторонние люди. Только прошедшие со времени их написания 80 лет, уход из жизни самой В.Г. Яковлевич и В.А. Смерединского, дают нам право заглянуть в их душевный мир и переживания, которые их волновали тогда в тех условиях.

Дневник и письма, написанные Валентиной Григорьевной Яковлевич в военное время, не претендуют на большую литературную и историческую ценность. Вместе с тем они являются несомненным историческим документом, одним из фрагментов общей мозаичной картины, отражающей события Великой Отечественной войны.

Например, Вальтер Кемповски (1929–2007), немецкий писатель и историк-архивист реализовал уникальный проект «Эхолот». Он произвел титаническую работу – изучил гигантское собрание дневников, писем и других личных документов воевавших немецких солдат. В. Кемповски издал документальную хронику «Эхолот» в четырех томах общим объемом в 25 тыс. страниц, охватывающую события в Германии и на фронтах Второй мировой войны в январе и феврале 1943 г. В издании представлены письма, фотографии, воспоминания из самых разных источников. Исследователи получили труд, который нуждается в анализе и осмыслении, показывает возможности массовых источников в совокупности с другими отобразить объемную картину поведения человека на войне, трансформацию восприятия своего места в ней, пределы его нравственного выбора.

Возможно, что и дневники В.Г. Яковлевич будут когда-нибудь востребованы нашими историками при реализации подобного проекта с целью создания общей картины войны через сумму личных взглядов конкретных воевавших индивидуумов.

Жизнь сильнее смерти. В 1943 г. Валентина Григорьевна и Владимир Алексеевич поженились. 22 июля 1944 г. у них родилась дочь Вера. Они прожили в счастливом браке более 40 лет, до ухода из жизни В.А. Смерединско-

го. Работали. Валентина Григорьевна – врачом, Владимир Алексеевич – художником, педагогом. Жили наполненной, радостной жизнью, сознавая всю ценность этого дара.

Русін А.Д. (г. Мінск)

СПЕЦЫФІКА ПРАЦЭСАЎ САЦЫЯЛЬНАЙ МАБІЛЬНАСЦІ СЕЛЬСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР У ЗАХОДНІМ РЭГІЁНЕ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ (1944–1965)

Заходні рэгіён сучаснай Віцебскай вобласці ўключае ў сябе Глыбоцкі, Шаркаўшчынскі, Міёрскі, Браслаўскі, Пастаўскі і частку Докшыцкага раёнаў. На працягу 1944–1965 гг. на ўсёй тэрыторыі БССР сельскае насельніцтва было ўключана ў працэсы сацыяльнай мабільнасці, якія на захадзе Віцебшчыны вылучаліся шэрагам спецыфічных рыс, што было звязана з гістарычным мінулым краю. У 1921–1939 гг. заходні рэгіён Віцебскай вобласці ўваходзіў у склад Польшчы. Пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі ў верасні 1939 г. пачалося будаўніцтва савецкіх сацыяльных інстытутаў, якія давалі магчымасць сацыяльнага ўздыму ў савецкай сістэме. Аднак за перыяд 1939–1941 гг. не ўдалося поўнаасцю саветызаваць усе сферы грамадскага жыцця, што спарадзіла новы этап у савецкім будаўніцтве адразу пасля вызвалення Беларусі ад нацысцкай акупацыі летам 1944 г.

Мэта артыкула – вызначыць асаблівасці працэсаў сацыяльнай мабільнасці сельскага насельніцтва ў заходнім рэгіёне Віцебскай вобласці ў 1944–1965 гг. Для дасягнення мэты даследавання неабходна прасачыць асаблівасці і выявіць характэрныя рысы функцыянавання ліфтаў сацыяльнай мабільнасці ў заходніх раёнах сучаснай Віцебскай вобласці.

Важнейшым працэсам, які ў пасляваенны час закрануў менавіта заходнія тэрыторыі Віцебскай вобласці, была калектывізацыя сельскай гаспадаркі. Па стане на 1948 г. толькі на Глыбоччыне налічвалася 1500 гаспадарак, якія не мелі коней, аднак пераважная большасць належала адзінаасобнікам. З лютага 1949 г. калектывізацыя набыла суцэльны характар. Бяднейшыя пласты вясковага насельніцтва звязвалі з калгаснай сістэмай спадзяванні на павышэнне свайго сацыяльнага статусу. У той жа час савецкая палітыка былі скіравана супраць сацыяльнай групы «кулакі», да якой адносілі заможных сялян, што выкарыстоўвалі наёмную працу і здавалі прылады працы ў арэнду. Да 1949 г. кулацтва заціскалі падаткамі. Пасля лютага 1949 г. была звернута ўвага на тое, што Пастаўскі раённы суд выносіў дастаткова мяккія прысуды ў адносінах да заможнікаў, якія не плацілі падаткі. У 1952 г. у

адносінах да кулакоў і іх сямей была праведзена акцыя па высяленні, якая закранула 70% прадстаўнікоў дадзенай катэгорыі. Гэты паказчык датычыўся Маладзечанскай вобласці, у склад якой на той час уваходзілі заходнія раёны сучаснай Віцебскай вобласці. Такім чынам, ва ўмовах сацыялістычнага будаўніцтва сацыяльная група кулакоў зведала вертыкальную сыходную мабільнасць. Аднесенасць да кулацтва абумоўлівала прымяненне больш высокіх падаткаў з асабістай гаспадаркі, строгія пакаранні за нявыплату падаткаў або абвінавачанне ў антысавецкай дзейнасці. На ўзроўні Глыбоцкага і Пліскага раёнаў за 1949–1950 гг. на тэрыторыю Казахскай ССР было выслана каля 30 асоб, прылічаных да кулакоў [2, л. 4–5].

Пасля 1953 г. прадстаўнікі сацыяльнай групы «кулакі» маглі спадзявацца на вяртанне са спецасяленняў, сведчаннем чаму з'яўляецца лёс селяніна з Глыбоцкага раёна Юсіфа Габрыцкага. Ён быў выселены ў Казахскую ССР у 1952 г., хаця пражываў асобна ад бацькі, якога аднеслі да кулацтва. Вяртанне зсылкі і аднаўленне ў правах можна разглядаць як вертыкальную ўзыходную мабільнасць [3, л. 7–8].

Матэрыяльны стан сельскага насельніцтва вымушаў вяскоўцаў шукаць заробаткі па-за межамі БССР. У гэтых умовах адным з напрамкаў міграцыі сельскага насельніцтва стала Карэла-Фінская ССР, дзе пасля вайны адбывалася гаспадарчае асванне. У якасці прыкладу можна прасачыць лёс жыхара в. Забелле Глыбоцкага раёна Уладзіміра Міхно. Ён выехаў у Карэлію па ўласнай ініцыятыве пасля дэмабілізацыі з войска ў 1957 г. У калгасе быў нізкі заробак (200 г збожжа за працадзень). Выезд у гэты перыяд ужо не быў масавай з'явай у БССР, паколькі асноўныя патокі міграцыі прыпалі на 1949–1951 гг., калі праводзіўся масавы аргнабор. У той жа час лёс Уладзіміра Міхно – тыповы для беларускіх перасяленцаў, якія вярнуліся на радзіму па прычыне спынення працы леспрамгасаў у Карэліі. Такім чынам, складаныя эканамічныя ўмовы ў толькі што створаных калгасах прымушалі найбольш актыўную частку сельскага насельніцтва шукаць лепшай долі ў Карэла-Фінскай ССР, каб павысіць свой дабрабыт, нягледзячы на неспрыяльны клімат і цяжкія ўмовы працы там [1, с. 183–188].

Яшчэ адным з кірункаў сацыяльнай мабільнасці вяскоўцаў было атрыманне адукацыі. У заходнім рэгіёне Віцебскай вобласці на працягу першых пасляваенных гадоў развіццё адукацыі адбывалася ў складаных умовах. У 1944–1950 гг., паводле дакументальных крыніц, назіраліся нізкая паспяховасць сельскіх навучэнцаў і дрэнная забяспечанасць вучэбнымі матэрыяламі. У той жа час у адпаведнасці з загадам наркама адукацыі ад 22 снежня 1944 г. ад платы за навучанне ў 8–10-х класах былі вызвалены дзеці афіцэраў і афіцэраў-інвалідаў, якія загінулі на вайне. Гэта рашэнне пашырыла магчымасці атрымання агульнай сярэдняй адукацыі сельскімі жыхарамі. Адным з бакоў развіцця адукацыі ў заходнім рэгіёне Віцебскай вобласці быў усеагульны ахоп навучаннем сельскага насельніцтва. На тэрыторыі Докшыцкага раёна

выяўленнем непісьменных займаўся ваенны камісарыят. Па стане на 1949 г. на тэрыторыі Шаркаўшчынскага раёна падлягала навучанню 127 чалавек, а фактычна прыступіла да заняткаў 88. Да 1950 г. назіралася тэндэнцыя да прагрэсу паспяховасці навучэнцаў і змяншэння адсеву са школ [5, с. 87–90].

З гэтай паляпшэння стану сельскіх настаўнікаў у 1948 г. было прынята рашэнне аб адмене абавязковых паставак мяса і малака дзяржаве ў адносінах да тых, хто меў пагалоўе свойскай жывёлы не болей, чым прадугледжана ўставам аб сельгасарцелі. Такая мера павінна была спрыяць захаванню настаўніцкіх кадрў у вёсцы, паколькі ў гэты час стаяла задача ліквідацыі непісьменнасці. Такім чынам, прафесія настаўніка ў сельскай мясцовасці заходняга рэгіёна сучаснай Віцебскай вобласці прадугледжвала пэўныя льготы, якія тлумачыліся неабходнасцю ўтрымання педагагічных спецыялістаў [5, с. 76–79].

У першыя пасляваенныя гады сацыяльныя інстытуты савецкага грамадства толькі пачыналі фарміравацца і адразу сутыкаліся з моцным рэлігійным уплывам. Паказальным з'яўляецца прыклад настаўніцы Палачкінай са Слабадской сямігадовай школы ў Браслаўскім раёне. У выпадку, калі работнік установы адукацыі не адмовілася б ад веравызнання, яе чакала звальненне з працы [5, с. 33–36].

У БССР адзін са шляхоў сацыяльнай мабільнасці сельскага насельніцтва заключаўся ў пераездзе па арганізаваным наборы ў гарады для працы на прамысловых прадпрыемствах. У заходнім рэгіёне сучаснай Віцебскай вобласці гэты працэс быў больш марудным, паколькі перадаваенная індустрыялізацыя не праводзілася, а ўзровень развіцця прамысловасці ў Заходняй Беларусі, якая знаходзілася пад уладай Польшчы, быў даволі нізкі. На прыкладзе Глыбоцкага раёна можна сцвярджаць, што буйныя прадпрыемствы ў гарадах (напрыклад, Глыбоцкі малочна-кансервавы камбінат) з'явіліся толькі ў пачатку 1970-х гг., таму міграцыя калгаснага сялянства ў раённыя цэнтры не набыла шырокага распаўсюджвання ў 1944–1965 гг. На момант 1960 г. па Глыбоцкім раёне ў прамысловасці было занята толькі 1749 чалавек. Нягледзячы на ўвядзенне ў дзеянне кансервавага завода ў 1948 г., Глыбоцкі раён, як і астатнія раёны заходняй часткі Віцебскай вобласці, заставаўся да 1965 г. пераважна аграрным. Прамысловыя прадпрыемствы арыентаваліся ў асноўным на харчовую вытворчасць, а таксама перапрацоўку мясцовай сыравіны. Адсутнасць буйных аб'ектаў цяжкай прамысловасці замаруджвала тэмпы прыросту насельніцтва гарадоў у заходнім рэгіёне Віцебскай вобласці. У той жа час з 1958 г. пачалося ўдарнае будаўніцтва г. Наваполацка, у якім актыўна ўдзельнічалі камсамольцы з сельскай мясцовасці заходняга рэгіёна сучаснай Віцебшчыны [2, л. 5–7].

Высновы. Заходні рэгіён сучаснай Віцебскай вобласці ўвайшоў у склад БССР у верасні 1939 г. Пасля вызвалення БССР ад нацысцкай акупацыі незавершанасць сацыялістычных пераўтварэнняў (да чэрвеня 1941 г.) патра-

бавала аднаўлення будаўніцтва савецкіх сацыяльных інстытутаў. На сацыяльную мабільнасць сельскага насельніцтва заходняга рэгіёна сучаснай Віцебскай вобласці ў 1944–1965 гг. значны ўплыў аказала ажыццяўленне калектывізацыі, якая прывяла да стварэння калгаснай сістэмы. Заможная частка сялян была вымушана ўступаць у калгасы або, у выпадку аднясення да кулацтва, плаціць больш высокія падаткі. Многія з кулакоў былі высланы ў аддаленыя рэгіёны СССР. У 1950-я гг. вяскоўцы ўдзельнічалі ў гаспадарчым асваенні Карэла-Фінскай ССР, ударным будаўніцтве Наваполацка і арганізаваным наборам на працу ў прамысловасці. Нізкі, у параўнанні з іншымі рэгіёнамі Віцебскай вобласці, узровень прамысловага развіцця, замаруджаў тэмпы сацыяльнай мабільнасці ўнутры заходніх раёнаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Белорусы** в Карелии (середина XX – начало XXI в.) : сб. науч. ст. / редкол.: И. И. Калачева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 199 с.
2. **Зональный** государственный архив в г. Глубокое (ЗГА в г. Глубокое). – Ф. 135. Оп. 1. Д. 4.
3. **ЗГА** в г. Глубокое. – Ф. 163. Оп. 1. Д. 2.
4. **ЗГА** в г. Глубокое. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 22.
5. **Послевоенное** восстановление системы народного образования в Браславском, Докшицком, Глубокском, Миорском, Поставском, Шарковщинском районах (1944–1950 гг.) : сб. док. / Зонал. гос. архив в г. Глубокое ; [сост.: Н. А. Боровик, З. Н. Рослевич ; редкол.: О. В. Пашкевич, С. В. Рублевский]. – Минск : Медисонт, 2012. – 418 с.
6. **Послевоенное** развитие Глубокского района: 1944–1950 гг. : док. и материалы / Гос. архив Витеб. обл., Зонал. гос. архив в г. Глубокое ; [сост.: Н. А. Боровик и др. ; редкол.: Н. А. Боровик и др.]. – Минск : Медисонт, 2010. – 422 с.

Седов В.В. (г. Санкт-Петербург)

АВИКАТАСТРОФА 1925 г. В ВИТЕБСКЕ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Я являюсь уроженцем г. Витебска. В свое время учился в СШ № 31 г. Витебска, в Ленинграде окончил Университет аэрокосмического приборостроения и впоследствии Санкт-Петербургский педагогический университет им. А.И. Герцена. Работал в учреждениях образования Ленинградской области по подготовке кадров для военного приборостроения, а затем – в комитете общего и профессионального образования Ленинградской области.

Еще школьником увлекся коллекционированием. Как и многие дети, начинал собирать монеты, но вскоре заинтересовался дореволюционными открытками г. Витебска. Сейчас у меня достойная коллекция открыток и

фотографий, связанных с нашим городом. Связи с Витебском никогда не прерывал: во-первых, в нем жили мои родители, которых часто приезжал навещать. А, во-вторых, любовь к городу осталась навсегда. Так что на протяжении уже многих лет ежегодно бываю в Витебске, часто довольно продолжительное время.

Как и у любого коллекционера, у меня много коллег по увлечению не только в Беларуси и России, но и за рубежом. Интересные книги, фотографии, журналы и газеты витебской тематики я приобретал во Франции, Германии, Польше, Нидерландах. И многочисленные мои знакомые знают, что меня интересует все витебское и о Витебске.

Хотелось бы рассказать об одном приобретении, которое, на мой взгляд, представляет общественный интерес. Было это сравнительно недавно – лет пять назад.

Все началось с того, что из Москвы позвонил один частный знакомый антиквар и сказал: «Продается лот из 15 фотографий летчиков, погибших в Витебске в 1925 г. Если хочешь приобрести, срочно приезжай!». Я поспешил в российскую столицу. Лот и в самом деле оказался очень интересным: фотографии отличного качества запечатлели похороны двух витебских летчиков, которые состоялись почти сто лет назад.

Самолеты середины 1920-х гг. еще были не очень совершенны, поэтому авиационные катастрофы происходили, к сожалению, не так уж редко. В Витебске в здании бывшего женского духовного училища Полоцко-Витебской епархии (ныне там находится облисполком) размещался штаб, где стояли крупные летные части.

Похороны погибших летчиков проходили торжественно. Гробы были выставлены на балконе центральной части здания, который сохранился до наших дней. Духовые оркестры играли траурные марши. Перед зданием собралась большие толпы людей.

Возвращаясь к приобретенным фотографиям, могу констатировать, что спустя какое-то время к ним добавились еще две фотографии, на которых изображен один из погибших летчиков – Кулешов (Дадатак 6, фота 16). Еще позднее мне прислали номер витебской газеты «Заря Запада» (Дадатак 6, фота 17), в котором был опубликован некролог о погибших летчиках. Так образовался комплекс документов, о котором идет речь.

Вот что сообщалось в материале под названием «Спите спокойно! (похороны погибших летчиков тт. Кулешова и Власкова)», помещенном в газете «Заря Запада» от 28 июля 1925 г.: «Провожать останки борцов и героев собрались, помимо летного состава и красноармейских частей, также и профсоюзы. Из здания авиагарнизона были вынесены на руках два красных гроба. Впереди венки. За гробами – семьи, затем красноармейские части. По бокам кавалерийская цепь. Двигались медленно. Чем дальше двигались, тем больше к траурной процессии присоединялось народа. Вышли с двумя вен-

ками. На площади Свободы их стало пять, на Замковой – девять, на мосту – тринадцать, не считая букетов живых цветов. Когда голова траурного шествия проходила через виадук, конец сходил с моста через Двину.

Шли с многочисленными оркестрами музыки и траурными знаменами. Шли отдавать последний долг жертвам воздушной стихии, погибшим товарищам. На кладбище выступили военком эскадрильи, товарищ из летного состава, секретарь окружкома, от академии Воздухфлота, от красноармейцев, профсоюзов, пионеров и др. В выступлениях не было уныния, не было слез, а было товарищеское прощание – прощание навсегда – с обещаниями и клятвой добиться во что бы то ни стало полной победы над воздушной стихией. Прощаясь с погибшими, выступавшие отмечали, что они были стойкими борцами, крепкими революционерами и хорошими товарищами. Под трехкратный залп, при преклоненных знаменах, под звуки Интернационала гробы были опущены в могилу. А над могилой вместо памятника были поставлены два пропеллера. Спите спокойно, дорогие товарищи! Дело ваше находится в твердых и верных руках!» Автором данной публикации был некто Л.

А сейчас обратимся к фотографиям. Они восстанавливают шествие похорон буквально через каждые несколько сотен метров. Рассмотрим их в той же последовательности, то есть от здания нынешнего облисполкома до Семеновского кладбища, где летчики были преданы земле.

На четырех первых фотографиях (Дадатак 6, фота 1–4) запечатлены обломки потерпевшего аварию самолета: и общим планом, и вблизи. На следующей фотографии (Дадатак 6, фота 5) – повозка, запряженная лошастью, в которой перевозят останки летчиков с места произошедшей катастрофы. Далее две фотографии запечатлели момент прощания: летчики в гробах, установленных в штабе авиаэскадрильи (Дадатак 6, фота 6, 7). На одной из них отчетливо видны знамена и лента одного из венков («От общества друзей воздушного флота»). Из-за плохого освещения эти фотографии несколько худшего качества, чем остальные. Остальные фото сделаны уже на улицах города. Сначала на современной ул. Гоголя (Дадатак 6, фота 8). Слева виднеется овраг, застроенный частными деревянными домами, справа – два дома. Причем дальний из них, по воспоминаниям старожилов, стоял еще в 1960-е гг. и был снесен при реконструкции данной улицы. Следующие фотографии свидетельствуют о движении траурной процессии по тогдашней ул. Гоголя (ныне это часть ул. Ленина: от Покровского собора до пл. Свободы). На первом снимке – район современной транспортной остановки напротив «синего» дома (Дадатак 6, фота 9), на втором – вход на пл. Свободы (Дадатак 6, фота 10). Два фотоснимка запечатлели Замковую улицу, причем на втором отчетливо просматривается Николаевский собор (Дадатак 6, фота 11, 12). На следующих двух фотографиях отображено хорошо известное в городе здание на углу ул. Замковой и Пушкина (в нем до 1917 г. находился

магазин Розенгольца), вдали виден Успенский собор (Дадатак 6, фота 13, 14). Завершает эту серию фотография у свежей могилы (Дадатак 6, фота 15).

Как уже отмечалось, удалось приобрести и две фотографии одного из погибших – Кулешова. На той, что левее, – он еще красноармеец; фотография, расположенная справа, явно более поздняя, возможно, последняя или одна из последних этого летчика.

Пока, к сожалению, не удалось найти хотя бы краткие биографии погибших. Их поиск – дело будущего. Не установлен и автор этих, без сомнения, высокопрофессиональных фотографий.

И в заключение несколько слов о самой могиле. Возможно, следует сделать попытку ее отыскать на Старо-Семеновском кладбище. Проблема в том, что своеобразный памятник – винт самолета – едва ли сохранился до наших дней. Единственной тонкой ниточкой к ее обнаружению могут послужить свидетельства проживающих рядом с погостом людей.

Сімакоў А.В. (г. Гомель)

УРАДЖЭНЦЫ І ЖЫХАРЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ Ё КАНТАКТАХ З ІНДЗЕЙЦАМІ: СУСТРЭЧЫ, ПЕРАПІСКА

Корпус апісанняў кантактаў паміж ураджэнцамі Беларусі, сталымі яе жыхарамі, любымі асобамі беларускага этнічнага паходжання з'яўляецца часткай калекцыі «Бібліятэка і архіў Беларуска-індзейскага таварыства». Пры гэтым разглядаюцца толькі сустрэчы з прыкметамі вербальнага або знакавага абмену (як выключэнне – назіранне за індзейцамі на невялікай адлегласці).

Мы ўключаем у нашы «Беларуска-індзейскую энцыклапедыю» і анталогію «Індзейцы вачыма беларусаў» (асноўныя звесткі для каментарыяў узяты з чарнавой версіі манаграфіі «Індзейская сцэжка праз Беларусь: беларуска-індзейскія сувязі») усіх без выключэння ўраджэнцаў Беларусі ў сучасных яе межах, але існуе праблема выхадцаў з «беларускіх губерняў», якія не ўвайшлі ў межы сучаснай краіны. Асоб з гэтых анклаваў без выяўленых родавых сувязей з беларускім народам і не ўстаноўленым дакладна месцам нараджэння мы часам пробна, з агаворкай, дыскусійна ўключаем (праблема асабліва тычыцца Віцебскай губерні, адкуль паходзіў удзельнік кругасветнага плавання Г. Зівальд, ураджэнец маёнтка Лавішчы Себежскага павета).

Акрамя выкарыстання апублікаваных тэкстаў мы імкнемся максімальна задзейнічаць унутраны рэсурс: перапіска як першакрыніца звестак па гісторыі беларуска-індзейскіх сувязей дае нямала інфармацыі пра прамыя кантакты. Важнай лічым і гістарыяграфію на падставе публікацый

і карэспандэнцыі ў архіве аўтара: 1) узнаўляецца гісторыя пошуку інфармацыі пра кантакты; 2) дэталізуюцца найбольш ярскравыя выпадкі абнародавання беларусамі біяграфічных звестак пра асоб, што звязаны з дыяспарамі ўсходнеўрапейскіх народаў; 3) прадстаўлены ўзоры звычайнай і электроннай перапіскі з асобамі, якія зрабілі ўнёсак у кантакты ў апошнія дзесяцігоддзі. У дужках падаюцца даты лістоў (калі электронныя паведамленні, то гэта ўдакладняецца).

Мы не ўключаем *ураджэнцаў Віцебскай губерні* па-за сучаснымі межамі Беларусі (найбольш цікавыя з іх – Л. Мурашка (Мур), М. Цімафееў, М. Іваноў, Г. Зівальд (і іншыя ў Рускай Амерыцы), У. Кавалеўскі), але лічым дарэчным згадаць некаторых з падобных асоб, якія пэўным чынам дапаўняюць перакрыважанні індзейскай тэмы і Віцебшчыны.

Нявысветленае або спрэчнае месца нараджэння патрабуе ўдакладнення малой радзімы мяшчан і сялян, а таксама прадстаўнікоў шляхты тых ці іншых мясцін Віцебскай губерні. Мастак Л. Гаспар, месцам нараджэння якога называюцца родныя мясціны: Віцебск (гэта версія дамінуе на Захадзе), Кашэвічы, што ў 9 км ад мяжы з Беларуссю, і іншыя, з 1918 г. звязаны з Таосам (Нью-Мексіка). Ён меў сталы кантакт не толькі з індзейцамі, але і з А. Фешынай (народжаная Бяльковіч, мае беларускія карані на Смаленшчыне; жыла ў Таосе з 1927 г. да смерці ў 1983 г., да 1933 г. – з мужам і дачкой, якая памерла ў Таосе ў 2002 г.).

Па славытым М. Сяляве, гісторыю якога зрабіў сусветна вядомы Г. Сянкевіч, дзве агаворкі: 1) месяца яго нараджэння ў губерні невядома, хаця бясспрэчнай з’яўляецца яго прыналежнасць да этнічных беларусаў; 2) цесныя адносіны яго з індзейцамі ў некалькіх раёнах Паўднёвай і Паўночнай Амерыкі ў апавяданні «Лятарнік» маюць толькі эфемернае пацвярджэнне не толькі ў паведамленнях Сянкевіча, але і ў непасрэднай крыніцы – карэспандэнцыі Ю. Гарайна – гэтага няма; не маем і іншых доказаў геаграфіі падарожжаў і сустрэч, але заклікаем іншых зацікаўленых шукаць іх.

Звесткі пра « апекуна індзейцаў » Аляксандра Райзіна прыйшлі да савецкага чытача ад А. Сафронава і іншых удзельнікаў дэлегацыі пісьменнікаў і журналістаў з СССР, якія наведалі Арызону ў 1955 г. і якім ён не змог паведаміць дакладна, дзе нарадзіўся – у Віцебску ці Гомелі, або паміж імі [1]. Паводле сайтаў findagrave.com, familysearch.org, Alexander Alexis Raisin (але Сафронаў запісаў яго імя па бацьку як Сцяпанавіч) Райзін нарадзіўся 20.08.1885 г. у Расіі, а памёр у 1969 г. Ёсць даныя, што ён жыў у Каларада (Пуэбла) ужо ў першыя гады пасля рэвалюцыі, пазней – у Тусане і, нарэшце, – у Фініксе, дзе працаваў у кампаніі Mountain States Telephone and Telegraph, быў уцягнуты ў арызонскую палітыку, у сувязі з чым, напрыклад, згаданы ў выданнях Western Interstate Commission for Higher Education. Н. Куэйл, ураджэнку рэзервацыі апачаў Сан-Карлас, але дзякчы з рэзервацыі явапаі, з якімі меў справу Райзін, савецкія госці запамнілі як прадстаўніцу апачаў

[1, с. 106], але толькі яе дзед быў апачам; таксама гэта можа тлумачыцца і адным з варыянтаў назвы гэтай групы – махавэ-апачы.

Да «частковых» жыхароў Віцебшчыны адносіцца Ігар Ждаркін – індзейніст і ўраджэнец Гомеля, са старавераў, які ў апошнія гады жыў і ў Мінску, і на Віцебшчыне; маскоўскі ваенны перакладчык, які ў час службы, у тым ліку ва ўмовах баявых дзеянняў у Анголе, ужываў індзейскі псеўданім Джэроніма; з краін Амерыкі (паводле звестак, атрыманых у час размовы з ім праз Інтэрнэт 06.12.2021 г.) наведваў Бразілію, Перу і Венесуэлу. Сустрэўся, у прыватнасці, і з сяржантамі: апачам – на выставе МАКС, гуахіра – у Венесуэле (пра тую камандзіроўку яму нагадваюць падараваныя індзейцам каталіцкі крыж і нашыйнае ўпрыгажэнне).

Мы ўключаем у выглядзе выключэння (з прычыны іх выключнай ролі на сусветнай арэне) ураджэнцаў іншых краін у сучасных межах, чые *продкі жылі на Віцебшчыне*. Г. Апалінэр (па маці Анжаліцы – з Кастравіцкіх, звязаны з Дзісеншчынай, маёнткам Дарожкавічы) пісаў пра «індзейскі» каларыт Парыжа ў асобах «артыстычных», а, магчыма, і пра сапраўдных індзейцаў – прадстаўнікоў мапучэ (араўканаў), патагонцаў, каманчаў; сустракаў «неіндзейцаў»-апашаў. Напэўна, з індзейцамі сустрэўся яго брат Альбер (Albert de Kostrowitzky), які пераехаў у Мексіку ў 1913 г. (памёр у Мехіка ў 1919 г.). З гэтай акалічнасці і канкрэтна з перапіскі з братам узніклі мексікана-індзейскія імпульсы ў творчасці Апалінэра. Мастак М. Пашкевіч, адзін з важных нашчадкаў, дапоўніў кранальнымі або кур’ёзнымі дэталямі гісторыю мастацкіх узаемасувязей беларусаў з індзейскім светам.

Прыклады кантактаў ураджэнцаў і жыхароў Віцебшчыны з індзейцамі:

БАРШЧЭЎСКІ Леанід – філолаг і грамадскі дзеяч, удзельнічаў у канферэнцыі ў Сан-Сальвадоры. «Экзотыка мне даспадобы ў іншым. На закрыццё канферэнцыі гаспадары падрыхтавалі тое, што бальшавікі называюць “культурнай праграмай”, а папросту добры выступ фальклорнага ансамблю спевакоў і танцораў. Вось дзе патыхнула старою і, відаць, аўтэнтчнаю індзейшчынай.

На заканчэнне на мове nahuatl яны спявалі гімн Богу-Сонцу (Туналь), і гэта было нешта неверагоднае: / Кан калагуі Туналь [...] (Як Сонца заходзіць, наш Бог, / Сэрца мне баліць [...]. Памірае – Сонца, Сонца! / – ад агню!!!).

Дзеля гэтага напраўду варта было ляцець у іншы свет...» [2, 15–21 сак.].

У запісах пра паездку ёсць звесткі і пра экскурсію ў Панчымалька – адзін з двух (разам з Ісалька) гарадскіх індзейскіх «бастыёнаў», што засталіся ў Сальвадоры [2, 8–14 сак.].

ГАЎРЫЛАВА Міла пазнаёміла гледачоў са сваімі фатаграфіямі індзейцаў у 2004 г. на фотавыставе «Жылі-былі ў Каліфорніі», якая ладзілася ў Музычнай гасцёўні ў Віцебску. Аўтар фотаработ – студэнтка Стэнфардскага ўніверсітэта, а перад тым – Віцебскага дзяржуніверсітэта (факультэт замежных моў).

«Гэта яе першая персанальная выстава, якая сведчыць аб тым, што віцэпаня не магла застацца абьякавай да каліфарнійскага каларыту.

Фатаграфій сотні, але на суд віцебскіх глядачоў Міла прадставіла некалькі фотаработ з серый “Індзейцы”, “Амерыканец”, “Вуліцы Сан-Францыска” і некаторых іншых. Выстава будзе адкрыта да 11 ліпеня» [3].

ДЗЕРАЖЫНСКІ Францішак – кіраўнік Таварыства Ісуса ў ЗША. «Беларускія езуіты» Ф. Малевэ і Дж. Анры накіроўваліся да індзейцаў на рацэ Ілінойс, але параўнальна хутка пасля прыезду Дзеражынскага, Корвін-Крукоўскага і іншых яны памерлі. Дзеражынскі прадоўжыў вывучэнне місійных спраў, быў у сталай перапісцы з місіянерамі сярод індзейцаў – оседжаў, кікапу, аява і іншых. У 1827 г. ён наведваў «індзейскую семінарыю» ў Фларысенце (Місуры), адкрыццё якой сам ухваліў (хаця яна праіснавала з мая 1824 г. па чэрвень 1831 г., але мела значэнне як для развіцця вышэйшай адукацыі індзейцаў, так і ўсёй сістэмы адукацыі ў раёне Сент-Луіса). «У індзейскай школе адзін настаўнік, свецкі брат. Дзякуй Богу, яна выдатна прагрэсуе як у маралі, так і ў пісьме, і ў фізічнай працы на палях, дзе кожны дзень, раніцай і днём, хлопчыкі праводзяць некалькі гадзін са сваімі настаўнікамі. Хлопчыкаў усяго трынаццаць, але дом больш не можа змясціць. Падобная школа для індзейскіх дзяўчынак ёсць у вёсцы Святы Фердынанд, знакамітым старым іспанскім паселішчы» [6, с. 52]. Кранальны эпізод: «адзін з іх ліку з большай чым звычайнымі працаздольнасцю і стараннасцю прыйшоў да мяне ў пакой вельмі ціха, каб яго не бачылі іншыя, і папрасіў мяне ўзяць яго разам з сабой у Джорджтаўнскі каледж. “Калі я застануся тут, я пайду да дрэннага”. Я захваціў яго запэўніваннем, што ласка захаваць сваю нявіннасць не падвядзе яго ў Місуры. Ён паверыў мне на слова і пайшоў задаволены» [6, с. 53].

КЕНЬКА Міхась звязаны з «адысеяй» М. Сялявы – адным з трох надрукаваных перакладаў белетрызаванай яе версіі («Лятарнік» (1925), «Вартаўнік маяка» (1955), «Дарозца маяка» (у 2006 г. змешчаны ў «Краязнаўчай газеце», у 2010 г. – у «Полымі»)), а таксама сам ажыццявіў сваю невялікую «адысею»: «Тут, у Канадзе, я больш уведаў пра жыццё індзейцаў. Адночы прысутнічаў на іх свяце» (электроннае паведамленне ад 08.05.2022 г.). «У мяне было такое ўяўленне, калі першы раз ляцеў у Канаду, што тут індзейцы ходзяць чародамі па вуліцах у сваіх яркіх уборах з пер’ямі. І дзіва: ці не адзін з першых канадцаў, якіх я сустрэў у аэрапорце быў... індус. У ярка-чырванай чалме. Іх тут многа. А індзейцы сапраўды ў рэзервацыях» (электроннае паведамленне ад 14.05.2022 г.).

МАЛКІН (Малькін) Барыс родам з Віцебска, выдатны даследчык-натураліст і этнограф, падарожнік. Яго кніга па этназаалогіі серы, заснаваная на палявых даследаваннях у Саноры [8], выйшла ў Пакатэла ў Айдаха, горадзе, размешчаным у двух графствах, частка – у рэзервацыі Форт-Хол. Пасля шматгадовага жыцця і падарожжаў у Амерыцы ён вярнуўся ў Польшчу, дзе жыў з ранняга дзяцінства. Яго індзейскі досвед апублікаваны ў кнізе

«Адыходзячы свет. Па слядах індзейскіх культур і свету прыроды Паўднёвай Амерыкі» [7]. Магчыма, віцебскія музеі маглі б атрымаць што-небудзь з калекцый Малкіна ў парадку абмену з польскімі музеямі [11]. Звяртае ўвагу яго (з суаўтарамі) артыкул пра жабу, яд якой выкарыстоўваецца эмбера [10]. Надзвычай каштоўныя лісты Б. Малкіна з Амерыкі да жонкі [9].

ПАЎЛАЎ Савелій – у 1973 г. разам з прадстаўніком БССР у ААН В.С. Смірновым наведаў у Чыкага «Музей Дзюсабль афрыкана-амерыканскай гісторыі» (DuSable Museum of African American History, цяпер – DuSable Black History Museum and Education Center). Прыведзеныя туды камуністам Т. Пірсанам, яны былі сустрэты старшынёй яго савета А. Лістанбэ, а «супрацоўніца музея Марыён Біч павязала галаву Віталя Смірнова рознакаляровай стужкай. Такога гонару ў індзейцаў удастойваюцца самыя паважаныя людзі племені. У дадзеным выпадку стужка азначала прысвячэнне Віталя Смірнова ў ганаровыя індзейцы» [4, с. 230], пры гэтым дакладна ўказваецца паходжанне М. Біч: «Як індзянка, – сказала яна, – я з’яўляюся сапраўднай гаспадыняй гэтай краіны» [4, с. 231], што гучыць таксама як фемінізм.

Нам вядома пра лісты і электронныя паведамленні ў адрас індзейскіх арганізацый, фірм, якія звязаны з індзейскай атрыбутыкай, мовамі і г. д., індзеяністаў А. Скрашчука (Віцебск) і Г. Здаравенкі (Орша). В. Рамук (да шлюбу Жызнеўская), дзячка беларускай дыяспары (Чыкага; ураджэнка Докшыцкага раёна), і яе муж Вітаўт, магчыма, прыязджалі наведаць дачку ў рэзервацыі ў Мантане, а іх лісты дакладна траплялі ў паштовае аддзяленне там. Выпадак Ірэны Рамук (Толівер) трапіў у друк у 1998 г. [5, с. 104], але быў паведамлены нам В. Кіпелем яшчэ ў 1990 г.: «Гэтак пару гадоў таму я спаткаў, здаецца, у Чыкага дзяўчыну-настаўніцу беларускага паходжання, добра размаўляла і валодала беларускай мовай, якая пару гадоў працавала настаўніцай недзе на індзейскай рэзервацыі ў штаце Мантана» (06.02.1990). «Гэта актыўныя ў амерыканска-грамадскім жыцці асобы, і іх дачка Ірына працавала настаўніцай у рэзервацыі. Найпэўнейшы адрас [так] для яе – гэта бацькоўская паштовая скрынка! Пішыце і пытайце, што Вас цікавіць. Я з імі гутарыў аб Вас» (10.04.1990).

У наш пералік уключаны толькі нямногія з выяўленых віцебскіх удзельнікаў кантактаў з індзейцамі. Такія прыклады, як з М. Шагалам, Я. Кацярынічам (Васілам, Аляскам), Ч. Берніковічам, рэдактарам глыбоцкага радыё, які ўзяў інтэрв’ю і ў катэгорыі «індзейцы з Перу», яшчэ патрабуюць распрацоўкі, але паказваць значную актыўнасць ураджэнцаў і жыхароў рэгіёна ў дыялогу Старога і Новага Светаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Аджубей, А.** «Серебряная кошка», или Путешествие по Америке / А. Аджубей. – Москва : Мол. гвардия, 1956. – 128 с.
2. **Баршчэўскі, Л.** За Бэрмудскім трохкутнікам / Л. Баршчэўскі // Свабода. – 1994. – 1–7 сак. – С. 5 ; 8–14 сак. – С. 5 ; 15–21 сак. – С. 5.

3. **Кутынко, А.** На фото Калифорния. Галерея портретов / А. Кутынко // Витебский курьер. – 2004. – 9 июля. – С. 7.
4. **Павлов, С.** Репортаж с борта Земли / С. Павлов. – Минск : Беларусь, 1975. – 270 с.
5. **Сімакоў, А.** Неэтнацэнтрчны курс гісторыі і этнаграфіі карэнных амерыканцаў для беларускай дыяспары ў ЗША / А. Сімакоў // Нацыянальная адукацыя : тэматычны зб. навук. прац. – Брэст, 1998. – Кн. 9 : Адукацыя дыяспар / навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – С. 102–104.
6. **Сімакоў, А.** Сустрэчы беларускіх езуітаў з індзейцамі / А. Сімакоў // Наша вера. – 2022. – № 1. – С. 50–53.
7. **Malkin, B.** Odchodzący świat: tropem kultur indiańskich i świata przyrody Ameryki Południowej / B. Malkin. – Warszawa : Akot, 2007. – 400 s.
8. **Malkin, B.** Seri ethnozoology / B. Malkin. – Pocatello, ID : Idaho State College, 1962. – 59 p. – (Occasional Papers of the Idaho State College Museum ; № 7).
9. **Myers, C. W.** A dangerously toxic new frog (Phylllobates) used by Emberá Indians of Western Colombia, with discussion of blowgun fabrication and dart poisoning / C. W. Myers, J. W. Daly, B. Malkin // Bulletin of the American Museum of Natural History. – 1978. – Vol. 161. – P. 307–366.
10. **Nierzwicka, M.** Badania etnograficzne Borysa Malkina w świetle listów do Heleny Przestalskiej-Malkin. Wyprawa do Indian Kofán / M. Nierzwicka // Sztuka Ameryki Łacińskiej. – Toruń, 2011. – T. 1 : Studia o sztuce prekolumbijskiej i iberoamerykańskiej / red. E. Kubiak. – S. 93–112.
11. **Nierzwicka, M.** Zbiory kolumbijskie w muzeach polskich z kolekcji podróżnika i antropologa – Borysa Malkina / M. Nierzwicka // Rocznik Muzeum Okręgowego w Toruniu. – 2009. – T. 18. – S. 79–90.

Тимова Н.И. (г. Витебск)

ИСТОРИЯ ФРОНТОВОЙ ПРАЧКИ

Написание данной работы меня натолкнула встреча с удивительным человеком Валентиной Александровной Артеменко, бабушка которой была фронтовой прачкой.

В этой истории все символично: и судьба героини Медведевой (Воробьевой) Нины Федоровны, фронтовой прачки, и д. Поддубье, в которой она родилась в многодетной крестьянской семье Варвары и Федора Воробьевых.

Многое повидала на своем долгом веку д. Поддубье, которая находится в 17 км от Витебска. Один день, 14 января 1943 г., стал самым черным в ее истории. В этот день два отряда партизанской бригады Алексея «Смерть врагам» (командир Антоненко Евгений Никитич) в д. Дуброва и отряд им. Чапаева (командир Ахмедчик Михаил Петрович) в д. Пихтия вели ожесточенный бой с карателями. Тогда же гитлеровские войска проводили специальную

санитарную операцию против мирных жителей. В результате были сожжены восемь деревень Суражского района, в том числе и Поддубье. Утром 14 января 1943 г. здесь появились каратели. Взрослых и детей согнали в хлев. Поняв, что к чему, мужчины плечами выбили две доски в стене. Из 21 дома с хозяйственными постройками в деревне не осталось ни одного.

Чудом удалось спастись нескольким семьям, в том числе и семье Воробьевой Нины Федоровны. Жили в суровых условиях, в лесу в землянках, голодали. Мама, боясь, что старшую дочь Нину угонят в Германию, исправила в документах год рождения девушки с 1928 на 1926 г. Видя те злодеяния, которые сотворили гитлеровцы с односельчанами, Нина приняла решение: идти служить в армию. В 1944 г. ее служба началась с 2185-й полевой армии в обозно-вещевом батальоне, номер полевой почты 92 884. Позже эта армия влилась в 39-ю армию 3-го Белорусского фронта. Так, 16-летняя Нина Воробьева стала упаковщицей белья, однако часто ей приходилось выполнять обязанности фронтовой прачки. Долгими дорогами войны она прошла Прибалтику, закончила войну на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, и только в 1948 г. вернулась в родную деревню. Нина Федоровна не любила рассказывать о войне, тяжело давались ей воспоминания. Отдельные эпизоды рассказов Нины Федоровны остались в памяти внуков ветерана, с которыми познакомил Валентина Александровна Артеменко.

Под пулями и снарядами, в непогоду и нестерпимую жару бок о бок с бойцами Красной армии прошли всю войну незаметные женщины и девушки – фронтовые прачки. Пешком, лишь иногда на лошадях, передвигаясь вслед за войском, жертвовали собой, своим здоровьем и красотой. Не разгибая спин и, казалось, не зная усталости, они стирали днем и ночью. Ведь каждый раз, уходя на схватку с врагом, перед смертью красноармейцы надевали чистую рубаху. Думали ли они тогда, откуда взялась эта рубаха?

С началом Великой Отечественной войны у советских солдат появился еще один свирепый враг, ставший на некоторое время неотъемлемой частью солдатского быта – вши. Особенно страдали от паразитов в холодное время года – осенью и зимой, когда даже элементарное мытье было затруднительным. «Кормить вшей на фронте» – эту фразу, наверное, слышал каждый советский солдат с самого начала Великой Отечественной войны, когда сражался на два фронта: против гитлеровской армии и армии паразитов. Широко известно, что 96 из 100 красноармейцев страдали «от второго врага после гитлеровцев» [2]. Вши разносили многочисленные инфекции, особо опасными были сыпной тиф и окопная лихорадка. К тому же один человек мог заразить несколько десятков бойцов.

Чистота на фронте – дело исключительной важности. По утверждению врачей-гигиенистов, если не стирать одежду, то грязь и вши очень быстро превратят армию в сборище больных и дурно пахнущих оборванцев. Согласно нормативным документам, раз в неделю солдаты по возможности должны

были посещать баню, и раз в неделю же получать чистое исподнее – кальсоны, рубашку и портянки. На каждого красноармейца в неделю стиралось по три килограмма белья. Ватники и шинели тоже стирали, но реже.

Наибольшее количество заболевших бойцов пришлось на осень 1941 г., когда в реках и озерах вода стала замерзать, и мыться в ней было невозможно. Педикулезом в это время заболели более 80% красноармейцев [2]. К этому следует добавить и заболевших другими инфекциями. Особенно страдали от вшей больные и раненые. И это-то в самый сложный период войны, когда каждый боец был наперечет!

Все эти обстоятельства требовали скорейшего решения.

2 февраля 1942 г. Государственный Комитет Оборона издал постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» [2]. В этом документе была изложена программа предупреждения распространения инфекционных заболеваний как на фронте, так и в тылу противника, и на освобожденных от врага территориях. Постановление предписывало Главному военно-санитарному управлению до 20 февраля 1942 г. сформировать 200 полевых прачечных отрядов, службу в которых несли вольнонаемные женщины и девушки.

Красноармейцы вели тяжелые бои, в которых постоянно были заняты, а значит, возможности помыться, заменить белье не было. Хорошо летом, да и то в минуты тишины при наличии реки или озера солдаты могли искупаться. А зимой?!

Валентина Александровна вспомнила рассказ бабушки, как она добиралась до места службы: «Мы пешком шли за армией вместе с корытом и ребристой стиральной доской. Прибыв на место, нам выделяли какую-нибудь хату или землянку и сразу приставляли к корытам. Здесь же мы и стирали, и сушили это белье, и тут же мы спали. Девочки все моего возраста, юные, тоненькие, а тут надо таскать воду, топить печь, а часто еще и дрова колоть. Трудно было, но выдержали».

С созданием банно-прачечных отрядов и батальонов ситуация изменилась в лучшую сторону. Они разъехались по фронтам и взяли на себя уход за вещами солдат. Что стирали девушки, свидетельствует вещевая книжка ветерана Великой Отечественной войны Коренистова Леонтия Ивановича. Это обмундирование (пилотка суконная, пилотка хлопчатобумажная, фуражка суконная железнодорожной милиции, шапка-ушанка, шапка-финка железнодорожной милиции, берет шерстяной, шинель суконная, китель и гимнастерка шерстяные, гимнастерка хлопчатобумажная, шаровары суконные или брюки на выпуск, шаровары хлопчатобумажные); белье (рубаха нательная, кальсоны нательные, полотенце, портянки хлопчатобумажные летние, носки хлопчатобумажные – две пары); теплые вещи (рубаха нательная, кальсоны теплые, портянки байковые, портянки зимние, перчатки зимние); инвентарные вещи (тулупы, полушубки); платный фонд (плащ-пальто) [4].

Нина Федоровна много раз повторяла, как трудно было стирать вещи во время Великой Отечественной войны. Стирка была ручной. Воду приносили из колодца или близлежащего водоема, затем ее кипятили в огромных чанах на кострах. Иногда у юных девушек не хватало сил поднять ведро. От таскания тяжестей у них болели руки, ныла спина.

Как они отстирывали форму, в которой армия проползла по грязи сотни километров, остается загадкой. В избе было парно, сыро, дышать тяжело. В помощь прачкам давались корыто и ребристая доска, о которую надо было тереть намыленную грязную вещь, чтобы она очистилась. Вещи были земляного цвета, пропитанные кровью, потом, вшами. Со слезами на глазах прачки отмачивали засохшую кровь, стирали в нескольких водах белье, маскировочные халаты и ватники бойцов. Чтобы добиться белоснежного цвета, в больших чанах белье вываривали на печках и плитах, а чаще на кострах. За один раз нужно было выстирать от двадцати до восьмидесяти комплектов белья. Ежедневно девушки стирали до полусотни тонн солдатской одежды. Было тяжело физически, но ни с чем сравнить моральные страдания, когда приходилось обрабатывать насквозь пропитанные кровью или изрешеченные осколками вещи. Каждая думала о своем защитнике: «Как ему там, на передовой?» Каждый раз Нина Федоровна плакала, вспоминая о белье солдата, перед стиркой которого она вытряхнула кости погибшего воина.

В те времена не было хороших средств для стирки и обработки, да и простого мыла не хватало. Его суточная норма составляла 25 граммов. Это очень мало, чтобы постирать черное, как земля, белье. Бойцы в окопах находились сутками, вши к солдатам привязывались моментально и обычный педикулез – это полбеды, страшна платяная вошь, которая переносила сыпной тиф. Борьбу с этими паразитами проводили подручными средствами – с помощью бани, «жарилки» и «поджарки». «Жарилка» – отдельное помещение при бане для прогрева одежды. «Поджарка» представляла собой большую бочку, под которой разводился огонь, а сверху укладывалась решетка с вещами. В бочку наливалась вода и при кипении пар убивал вшей. Кроме этого, были немилосердно разъедающие руки хлорка и щелок – водный раствор древесной золы, а также мыло «К» – желтая вонючая паста, в которой надо было прокипятить одежду. С 1944 г. стали использовать дуст. В обработанном им белье вши не приживались, зато здоровье прачек подрывалось. От постоянного контакта с мыльной водой на руках появлялись кровавые мозоли, слазили ногти и кожа, но они не позволяли себе раскисать. Через день-другой отдыха они вновь становились к корытам.

Постирать – одно дело, еще необходимо выжать и высушить вещи. Ладно, гимнастерку, а ватник, да еще в зимних условиях?! Девушки справлялись и с этим без стенаний и жалости к себе.

После сушки выстиранное белье и одежду гладили тяжелыми, чугунными, на углях утюгами. И как только все, казалось, сделано – поступала новая партия одежды. И так до самой Победы.

Нина Федоровна говорила, что ей пришлось стирать и вещи, привезенные из госпиталей. Кроме одежды должны быть чистыми и продезинфицированными простыни, бинты, перевязочный материал. Их кипятили, отбеливали. Одежду с раненых обеззараживали и отстирывали от крови.

Когда уже после войны в семье появилась стиральная машина, Нина Федоровна вспомнила свою ручную, появившуюся в самом конце войны, требовавшую в течение одного часа вручную крутить загруженный одеждой барабан. Но вытаскивать, отжимать, развешивать, гладить белье все равно приходилось распухшими руками. И снова кипяток, снова белье... Дни и ночи... Когда не работали и эти примитивные машины, белье вновь стиралось с помощью стиральных досок в тазах, корытах или просто на мостках у рек, озер.

Порванное или пробитое пулями и осколками белье чинили на месте или отсылали в тыл, где его штопали и выдавали снова. Так, молоденькие девушки возвращали на фронт чистое, продезинфицированное и отремонтированное белье.

Банно-прачечные отряды располагались вдали от передовой, но на войне как на войне: Нине Федоровне пришлось один раз поменять корыто и доску на автомат, когда отряд попал в окружение. Столько боли, гнева скопилось в этой хрупкой девушке! Остервенело трещал ее автомат. Однако Нина Федоровна не заметила, был ли убит гитлеровский солдат или нет.

В свободное от работы время помогала присматривать за ранеными, копать землянки и даже переносить снаряды, когда не было возможности подвезти.

Шутливо называли бойцы банно-прачечные отряды мыльными пузырями, но эти бойцы невидимого фронта вынесли на своих плечах немало тягот и ужасов войны. Они спасли десятки тысяч солдат, имевших все шансы погибнуть если не от пули, то от эпидемий в окопах. Это их стараниями удалось предотвратить эпидемию тифа, это благодаря их труду в 1945 г. педикулез на фронте стал редкостью.

Таковыми были будни девушек и женщин, бойцов невидимого фронта, из банно-прачечных отрядов. Лучше писателя-фронтовика Константина Михайловича Симонова о подвиге девушек, женщин-прачек, пожалуй, не скажешь: «Девушки, девушки из банно-прачечного! Это ваш-то отряд, как вы сами с усмешкой рассказываете, зовут на фронте “мыльный пузырь”? <...> главная правда про вас та, что не было и не могло быть на целом свете... лучше людей, чем вы, и не было рук добрей и небрезгливей, чем ваши, и не было стараний святей и чище, чем ваши, – помочь человеку снова сделаться человеком! И ни одна из вас не дрогнула, не растерялась, не ушла, не закатилась в обморок... Ни одна!» [5, с. 779].

После войны счастливо сложилась жизнь Нины Федоровны. В 1948 г. она вернулась в Витебск. Отец купил ей дом по ул. 2-я Стадионная (теперь

ул. Белохвостикова). Вышла замуж за Николая Герасимовича Медведева, который в годы Великой Отечественной войны был малолетним узником. Гордостью Нины Федоровны стали сыновья Александр (1953 г. р.) и Сергей (1959 г. р.). Радостью бабушки были внуки. 6 апреля 1985 г. приказом министра обороны СССР Нина Федоровна Медведева была награждена орденом Отечественной войны II степени. В 2001 г. Нина Федоровна умерла и похоронена в родной д. Поддубье.

Прошлого не вернешь, но помнить об этом надо. Пока есть жизнь на Земле, должна жить и память. Память о тех, кто принес нам освобождение. Память о подвигах во имя нашей мирной жизни...

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексиевич, С.** У войны не женское лицо / С. Алексиевич // Последние свидетели : повести / С. Алексиевич. – Москва : Сов. писатель, 1988. – С. 116–119.

2. **Гигиена** и быт солдат Красной армии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов [Электронный ресурс] // Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиенического образования населения» : история санитарного просвещения. – Режим доступа: <https://cgon.rosпотrebnadzor.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/iz-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/gigiena-i-byt-soldat-krasnoi-armii-vo-vremya-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-godov/>. – Дата доступа: 22.10.2022.

3. **Материалы** личного архива семьи Артеменко В. А.

4. **Материалы** музея 6-го дальнебомбардировочного Берлинского ордена Кутузова III степени авиационного полка.

5. **Симонов, К. М.** Живые и мертвые : трилогия / К. М. Симонов. – Москва : Альфа-книга, 2018. – 1279 с. – (Полное издание в одном томе).

Харкевич В.В. (г. Витебск)

ПАМЯТНЫЙ ЗНАК ВОИНАМ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМ «БОЛЬ»

В памятниках и монументах Витебска запечатлены не только легендарные личности, но и знаковые для горожан события. О скорбных потерях афганской войны и других локальных конфликтов напоминает памятник «Боль» И.В. Казака, посвященный погибшим землякам.

Идея создания мемориала, увековечивающего память воинов-интернационалистов, родилась, когда в Республике Афганистан еще шли бои. Ее инициаторами стали Витебский совет ветеранов войны в Афганистане и Витебский горком ЛКСМБ [2]. В 1989 г. был объявлен республиканский конкурс на эскиз памятного знака. Победил проект минских авторов А. Артимовича и М. Инькова [7]. Скульптор А. Артимович был связан с воен-

ной тематикой в течение многих лет: совместно с А. Бембелем работал над проектом комплекса Брестской крепости, входил в коллектив авторов архитектурно-скульптурного ансамбля «Курган Славы», создал памятник А. Горовцу в Витебске. Предложенный мемориал был принят Республиканским монументальным советом и одобрен воинами-афганцами. Он представлял собой ритуальную площадь, разделенную на несколько тематических зон, с двумя бронзовыми многофигурными композициями. Скульптурная группа «Прощание – Встреча» открывала мемориал. Фигуры двух юношей и девушки должны были символизировать проводы, ожидание и возвращение воинов. Композиция «Выход из боя» переносила на поля сражений: двое солдат выносили на руках раненого. Эта часть мемориала подчеркивала трагедию военных действий, гибель солдат и офицеров. Третьим акцентом площади по проекту был шестиметровый шар со сколотой поверхностью. Внутри шара размещалась выполненная из бетона и смальты диорама одного из боев афганской войны. Расколота Земля – знак раны, которую наносит война обществу и стране. В связи с тем, что проект был дорогостоящим, его продвижение шло медленно.

Витебский скульптор Иван Казак, известный горожанам по памятникам В.С. Короткевичу и А.С. Пушкину, не принимал участие в конкурсе 1989 г., но проект монумента, посвященного воинам-интернационалистам, уже был создан им в небольшом объеме. Впервые автор продемонстрировал свою работу в Германии на выставке. Позже скульптуру в мастерской увидели воины-интернационалисты, их заинтересовал данный проект. Поступило предложение сделать памятник «Боль» основой мемориала, так как реализовать масштабную задумку А. Артимоновича было затруднительно. Минские авторы пошли навстречу и отказались от своего проекта в пользу витебского скульптора. Как отмечал И. Казак, эта работа интересна тем, что она не похожа на памятники, которые строили раньше: воины со знаменами, с автоматами наперевес – и все на одно лицо. Эта скульптурная композиция представляет собой охваченную горем мать, стоящую на коленях, через которую словно проходит тело сына [1]. Изначально в 1996 г. памятник был изготовлен из глины в натуральную величину, затем отлит из алюминия в Минске. Предполагалось, что монумент будет окружен тремя стенами с фамилиями погибших. От этого решения отказались, как и от первоначального места размещения – четной стороны ул. Чкалова. Мемориальный комплекс дополнили двумя гранитными плитами с именами 156 погибших воинов-интернационалистов, участников локальных конфликтов в Афганистане, Анголе, Сирии, Эфиопии. За памятником по проекту архитектора В. Рыбакова была выстроена небольшая часовня из красного кирпича. Внутреннее убранство (канун для поминальных свечей, изображение лика Христа, Богородицы), декоративные решетки, крест разработал архитектор И. Лапунов. Вышеперечисленные мастера во главе с И. Казаком составили авторский коллектив мемориала.

Решением Витебского городского исполнительного комитета № 284 от 11 апреля 1996 г. был определен участок территории микрорайона «Юг-5», на котором должен разместиться комплекс. Городские власти финансировали работы по благоустройству мемориальной зоны и прилегающих территорий [3]. Основные расходы по изготовлению и установке памятника взял на себя Витебский союз ветеранов войны в Афганистане. Большую работу по сбору средств провели председатель союза С.Б. Карпетченко, его заместитель С.Е. Кривошеков, воин-интернационалист А.И. Ивонин. Общая стоимость проекта составила 850 млн бел. руб. (в перерасчете более 58 тыс. долларов). Такую сумму собрать было очень сложно. Подключились Витебская ассоциация воинов-интернационалистов, спонсоры, такие как Витебский мясокombинат, железная дорога, макаронная фабрика, автопредприятие г. Лепель [6]. Были открыты благотворительные счета, на которые горожане могли перечислить пожертвования. Значительную сумму предоставил Народный артист СССР И.Д. Кобзон. Тема афганской войны была ему близка – певец неоднократно посещал Афганистан, выступая в воинских частях перед воинами.

Летом 1997 г. начались работы по подготовке площадки, порученные СПО АП «Трест № 9» [4]. Благоустройство было проведено в сжатые сроки, уже в июле памятник был установлен на черные гранитные камни, символизирующие скалы. У подножия монумента разместили стилизованный осколок снаряда с надписью «Помним и скорбим о вас, братья». 2 августа 1997 г. почетное право открыть мемориал было предоставлено матери погибшего командира вертолета, капитана А. Королева Ольге Королевой [5], заместителю председателя облисполкома Н.А. Федорчуку, первому заместителю председателя горисполкома А.В. Русецкому, председателю союза ветеранов войны в Афганистане С.Б. Карпетченко. Во время своего выступления Н.А. Федорчук подчеркнул, что афганская война стала кровоточащей раной для страны [8]. Освящал памятник епископ Витебский и Оршанский Димитрий, ему помогал настоятель Свято-Михайловского кафедрального собора в Орше отец Михаил, бывший десантник [10]. На церемонии открытия мемориала выступил командующий мобильными силами Республики Беларусь Л.С. Суринт. Народный камерный хор КДЦ ОАО «КИМ» исполнил музыкальное произведение Джулио Каччини «Ave Maria». Пара молодоженов поклонилась мемориалу, прошли парадным маршем солдаты и офицеры Витебского гарнизона. Поэт Давид Симанович прочитал свою «Афганскую балладу»:

И еще один голос умолк.

И еще один «выполнил долг»...

Только мама печальная ждет:

сын домой невредимым придет. [9]

Множество горожан пришли к новому памятнику, но главными гостями торжественного открытия стали родные и близкие погибших воинов-интернационалистов и войны-афганцы. Все присутствующие почтили память

погибших минутой молчания. После возложения цветов место у мемориала занял почетный караул.

Осенью того же года вдоль дорожек, лучами расходящихся от памятника, воины-интернационалисты высадили туи [11]. Первоначально планировалось посадить вокруг дерева по количеству погибших, но проект осуществился не полностью.

Сегодня памятный знак «Больш» – это то, место, где ежегодно в День памяти воинов-интернационалистов 15 февраля встречаются воины-афганцы, их родственники, люди, в чьи судьбы ворвалась война. Время отодвигает от нас трагические события, затягиваются раны, уходят из жизни родители погибших. Но на одной из улиц Витебска есть мать, которая всегда пытается защитить своего сына, оградить его от боли, уберечь, закрыть собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** городской музей воинов-интернационалистов (ВГМВИ). – КП 1439.
2. **ВГМВИ**. – Н/В 2983.
3. **ВГМВИ**. – Н/В 6652.
4. **ВГМВИ**. – Н/В 6653.
5. **Костюкевич, В.** Он не вернулся из Афганистана. Он сегодня памятником стал! / В. Костюкевич // Віцебскі рабочы. – 1997. – 5 авг. – С. 1.
6. **Матеюн, А.** Спасибо вам, люди добрые! / А. Матеюн // Витьбичи. – 1996. – 18 июля. – С. 3.
7. **Нас** там дружно встречали из стволов автоматов // Витьбичи. – 1991. – 27 июля. – С. 5.
8. **Они** погибли, выполняя свой долг. Родина их не забыла // Витьбичи. – 1997. – 5 авг. – С. 1.
9. **Симанович, Д. Г.** Радость молнии : избр. лирика шестидесятилетия, 1946–2006 / Д. Г. Симанович. – Минск : Медисонт, 2007. – С. 134.
10. **Чтобы** помнили... // Народное слово. – 1997. – 23 окт. – С. 1.
11. **Шпаковская, Г.** Афганское эхо / Г. Шпаковская // Витьбичи. – 1993. – 18 февр. – С. 1.

Чэрнова К.С., Ляневіч А.С. (г. Мінск)

АДНАЎЛЕННЕ КУЛЬТАВЫХ ЗБУДАВАННЯЎ У ВІЦЕБСКУ ЯК ФАРМИРАВАННЕ ІДЭНТЫЧНАСЦІ ГОРАДА

Сёння ўжо амаль ні ў кога не ўзнікае сумнення наконт неабходнасці захавання культурнай спадчыны. Адну з самых важных частак матэрыяльнай і духоўнай спадчыны кожнага народа выяўляюць культурныя збудаванні. Так здарылася, што Віцебск сёння апынуўся на перадавай аднаўлення разбура-

ных помнікаў культавай архітэктуры. На працягу адносна хуткага часу былі адноўлены Дабравешчанская царква (1998), царква Уваскрэшання (2009) і Успенскі сабор (2011). Для Беларусі прыведзены прыклады адноўленых культавых збудаванняў з'яўляюцца рэдкімі спробамі цэласнай рэканструкцыі, што, безумоўна, выклікае непадробную цікавасць.

Цікавы менавіта той факт, што дзейнасць, якая пачала адбывацца ў Віцебску на працягу двух апошніх дзесяцігоддзяў, накіравана не на захаванне значна ўнікальных аб'ектаў спадчыны, не на аб'екты, якія знаходзяцца на мяжы знішчэння, – «перамяшчэнне або пагроза страты стварае дадатковы імпульс да захавання прадметаў даўніны як сімвал нацыянальнай спадчыны» [4, с. 592], а на вяртанне страчаных каштоўнасцей, аднаўленне страчанай спадчыны. Гэта магчыма растлумачыць клопамі краін былога Савецкага Саюза па ажыўленні і захаванні нацыянальнай ідэнтычнасці. Зараз можна назіраць за аднаўленнем краінамі былога Савецкага Саюза сваёй страчанай спадчыны: «У публічнай прасторы было і ёсць імкненне запоўніць прабелы, якія ўзніклі ў каталозе знакаў і нацыянальнай ідэнтычнасці, якія выявіліся і ў спробах аднаўлення страчаных гістарычных помнікаў» [17, с. 83].

Культывае дойлідства Віцебска і ўсёй Беларусі напатакаў трагічны лёс: паслярэвалюцыйная ідэйная палітыка савецкай улады нанесла культавай гісторыка-архітэктурнай спадчыне краіны незлічоныя страты. У 1932 г. у СССР была прынята пастанова па абвясчэнні «антырэлігійнай пяцігодкі», якая паставіла задачу фізічнай ліквідацыі да 1 траўня 1937 г. усіх культавых збудаванняў [15, с. 23]. У выніку гэтага цэласнасць кампазіцыі архітэктурнага аблічча гістарычнага цэнтра горада была зменена да непазнавальнасці, а шматлікія ўнікальныя збудаванні страчаны практычна назаўсёды.

Разглядаючы падзеі антырэлігійнай пяцігодкі ў Савецкім Саюзе, можна казаць пра дзеянні, якія былі накіраваны на ўзмацненне ўлады, у тым ліку праз паслабленне моцы ўздзеяння культавых збудаванняў і рэлігіі ўвогуле. Імкнучыся зменшыць уплыў рэлігіі на насельніцтва, савецкая ўлада ажыццяўляла захаванні па скарачэнні колькасці культавых будынкаў; аб'ектам мэтанакіраваных рэпрэсій з'яўляліся культавыя ансамблі розных канфесій. У выніку Беларусь і іншыя краіны былога Савецкага Саюза страцілі асабістыя помнікі гісторыі, якія вылучаліся пэўнай значнасцю для народа. Што датычыцца менавіта Віцебска, то неабходна яшчэ раз звярнуць увагу, што ў горадзе было каля чатырох дзясяткаў культавых забудов. Гэта значыць, што, па сутнасці, Віцебск з'яўляўся горадам царкваў, што можна адзначыць як адлюстраванне яго асабістай ідэнтычнасці.

Аднаўленне ўзятых для абмеркавання аб'ектаў адлюстроўвае аднаўленне гістарычнага цэнтра: у пачатку XX ст. у г. Віцебску было каля чатырох дзясяткаў храмаў розных канфесій. Варта зрабіць спасылку на тое, што «культывае будаўніцтва было найбольш пашыраным і эстэтычна выразным для Віцебска ў XVIII стагоддзі. Менавіта ў гэтых пабудовах нашы прод-

кі ўвасобілі сваё майстэрства і мастацкі густ і менавіта ў XVIII стагоддзі Віцебск набыў сваё непаўторнае аблічча, якое захаваў амаль нязменна да 30-х гадоў XX стагоддзя» [14, с. 6]. Такім чынам, аднаўленне дадзеных аб'ектаў можна лічыць абгрунтаваным на падставе аднаўлення аблічча горада: «Можна зрабіць толькі бледную і фальшывую копію. Але магчымы рэдкія выключэнні, калі гаворка ідзе аб аднаўленні горадабудаўнічага ансамбля або будынка – сімвала горада» [11, с. 38].

Зразумела, што немагчыма аналізаваць праблему па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, грунтуючыся толькі на тэхнічных ведах захавання каштоўнасцей, трэба разумець функцыі сацыяльнай памяці і гістарычную культуру рэгіёна. Але тут ўзнікае іншае пытанне: праблема «спрэчнай памяці», якая стала клопатам краін былога Савецкага Саюза, што выклікае неабходнасць складання новых традыцый і пераасэнсавання ўласнай калектыўнай памяці.

На фарміраванне спадчыны ўплывае некалькі колаў грамадства. Дзяржава, якая часта вырашае значныя моманты накіравання помніка ўвогуле, таксама маюць дачыненне рэлігійныя колы (у гэтым выпадку яны з'яўляліся заказчыкамі), акадэмічныя пласты, актывісты і часам фундатары [13, с. 18].

З самага пачатку ўсе гэтыя групы па-іншаму ўспрымаюць спадчыну, таму ўжо напачатку могуць узнікаць непаразуменні і праблемы, якім шляхам фарміраваць культурную спадчыну, у тым ліку і культывую. Кожная група па-рознаму ўспрымае культурную спадчыну і разумее яе функцыі, прымае розны ўдзел у яе кіраванні, што залежыць ад іх сферы дзейнасці і вызначае іх разуменне праблемы і вынікі зробленай працы. Трэба адзначыць, што ўяўленне кожнай групы з'яўляецца суб'ектыўным і што адна група не мае права вырашаць лёс помнікаў і будучыні спадчыны, гэта павінна набываць свой шлях існавання (або не існавання) і станаўлення напрамкаў згодна з усімі коламі насельніцтва, то бок вырашацца грамадствам, а не толькі з боку дзяржавы ці яшчэ якой-небудзь групы, якая мае важкі ўплыў ці вялікія сродкі.

Згодна з апытаннямі розных колаў насельніцтва г. Віцебска можна вылучыць наступныя змены ва ўспрыманні горада яго жыхарамі. Пасля рэалізацыі праекта аднаўлення культываваных збудаванняў змяніліся прасторавая і культурная панарамы г. Віцебска, успрыманне горада і крыху па-іншаму пачала ўсведамляцца яго гісторыя: цэрквы спалучаюць разам неверагодна прыцягальную гульню скрыжаванняў у абліччы горада, якая нават вельмі нечаканая ў розных ракурсах, што не можа не ўздзейнічаць на жыхароў горада, не змяняць іх звычак, успрымання гісторыі, не выклікаць цікавасці да свайго мінулага. У вернікаў з'явіліся новыя прыходы, а Віцебск набыў царкоўныя рысы. Але ў жыхароў Віцебска вылучаецца праблема калектыўнай памяці: не існуе агульнага ўяўлення датычна знішчаных у мінулым і адноўленых зараз помнікаў, агульнага разумення гісторыі. Насельніцтва

задаволена аднаўленнем культавых гістарычных помнікаў і вяртаннем храмам іх функцыі. Падзеі выклікаюць у жыхароў горада жаданне да вывучэння мінуўшчыны і належных ёй каштоўнасцей, якія яны калісьці страцілі [132, с. 396–404].

Адноўленыя храмы, Дабравешчанская царква, царква Уваскрэшання, Успенскі сабор, безумоўна, змянілі гістарычны сілуэт горада і сілуэт гістарычнага цэнтра, які ўплывае на жыхароў горада. Відавочна, што адноўленыя помнікі ўздзейнічаюць на жыхароў Віцебска, на асэнсаванне імя горада сваёй гісторыі; у Віцебска з'явіліся іміджавыя збудаванні і яркая візітоўка горада, ён пачаў успрымацца як духоўны горад, больш акрэсліўся яго гістарычны сілуэт.

Значную важкасць мае злучэнне звыклага асяроддзя ў цэласны ансамбль з адноўленымі помнікамі, якое дае магчымасць зразумець і адчуць эстэтыку ўспрымання і трансфармацыі нашымі папярэднікамі ўласнага асяроддзя. І нават усведамляючы доўгатэрміновасць аднаўлення страчаных аб'ектаў, магчыма ў саміх спробах вярнуць былому больш рамантыкі, чым навуковай абгрунтаванасці, аднаўленне цэркваў у Віцебску, няхай і не заўсёды паспяхова, можа закласці добры кірунак у фарміраванні агульнага гісторыка-культурнага ўспрыняцця мінуўшчыны ў жыхароў Віцебска.

ЛІТАРАТУРА

1. **Габрусь, Т. В.** Мураваныя харалы : сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.
2. **Казакевіч, З.** Уваскрэсенка – уваскрэсла! / З. Казакевіч // Витебский проспект. – 2009. – 25 июня. – С. 24.
3. **Кулагін, А. М.** Праваслаўныя храмы на Беларусі / А. М. Кулагін. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2008. – 328 с.
4. **Лоуэнталь, Д.** Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. – Санкт-Петербург : Рус. остров, 2004. – 624 с.
5. **Матвеев, А.** Добрая весть для Воскресенской церкви / А. Матвеев // Віцьбічы. – 2000. – 15 жн. – С. 5.
6. **Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест [Электронный ресурс]** (Венецианская хартия). – Венеция, 1964. – Режим доступа: <http://www.akme.ru/dek/chart2.htm>. – Дата доступа: 06.03.2012.
7. **Пастернак, Т.** Воскресенка уже не воскреснет, хотя и будет построена / Т. Пастернак // Белорусская деловая газета. – 2001. – 19 дек. – С. 13.
8. **Подлипский, А.** Как спасали Благовещенскую церковь / А. Подлипский // Народнае слова. – 2008. – 6 верас. – С. 5.
9. **Прокопович, Т.** Исторический центр Витебска: детальный план для будущего [Электронный ресурс] / Т. Прокопович // Архитектурно-строительный портал. – Режим доступа: <http://ais.by/story/1167>. – Дата доступа: 06.03.2012.
10. **Пукшанский, А.** Борьба за святое место / А. Пукшанский // Витебский курьер. – 2000. – 21 июля. – С. 3.

11. **Рыцарев, К. В.** Европейская реставрационная мысль в 1940–1980-е годы : пособие для изучения теории архитектурной реставрации / К. В. Рыцарев, А. С. Щенков. – Москва : Рохос, 2003. – 96 с.
12. **Степанцова, К. С.** Аднаўленне культавых збудаванняў Віцебска ў кантэксце сучаснай тэорыі спадчыны / К. С. Степанцова // АРСНЕ. – 2014. – Крас. – С. 377–404.
13. **Стурейко, С. А.** Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь / С. А. Стурейко. – Минск : Юнипак, 2010. – 183 с.
14. **Цішкін, І.** Віцебск. Страчаная прыгажосць горада / І. Цішкін. – Віцебск : Віцеб. абл. друкарня, 2002. – 48 с. : іл.
15. **Чантурия, В. А.** Архитектурные памятники Белоруссии / В. А. Чантурия. – Минск : Полымя, 1982. – 23 с.
16. **Чепайтене, Р.** Культурное наследие в глобальном мире / Р. Чепайтене. – Вильнюс : Европ. гуманитар. ун-т : Ин-т ист. Литвы, 2010. – 296 с.

Шадыро В.И. (г. Минск)

ВИТЕБСКИЙ КРАЙ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рассматриваемая в статье территория Витебского Подвинья включает в себя бассейн Западной Двины от границы с Россией до устья рек Оболи и Уллы. По современному административному делению – это Витебский, Городокский, Бешенковичский, Шумилинский, Сенненский, Лиозненский, частично Лепельский и Чашникский районы.

В период раннего железного века (VII в. до н. э. – IV в. н. э.) здесь обитали племена днепро-двинской археологической культуры. Весь ареал днепро-двинской культуры включал в себя территорию Белорусского и Смоленского Подвинья, Псковского Поозерья, а также Могилевско-Оршанско-Смоленского Поднепровья. Эта культура имеет целый ряд признаков, которые отличают ее от соседних и синхронных культур железного века. В комплекс отличительных признаков входят: поселения только укрепленного типа – городища, имеющие разновременную систему оборонительных сооружений; жилые постройки наземного типа столбовой и кольевой конструкции. Некоторое своеобразие носит и материальная культура населения (особые формы орудий труда: серпы, топоры; характер керамической посуды и т. д.). Археологически фиксируется долговременное бытование изделий из кости и камня, а также некоторые особенности хозяйственной деятельности населения.

Эти и другие признаки еще больше дифференцируются внутри самой культуры. Вполне понятно, что отдаленность различных регионов, их разоб-

щенность и замкнутость, различная степень этнокультурных влияний и ряд других факторов не могли не сказаться на появлении локальных различий. Что касается региона Витебского Подвинья, то есть Витебского края то локальные особенности, как и в других местах, начинают рельефно проявляться в позднем периоде развития культуры во II–IV вв. н. э.

Сравнительный анализ археологических данных с территории Белорусского Подвинья и Смоленско-Могилевско-Оршанского Поднепровья позволил нам, в свое время, выделить ряд отличительных черт западно-двинских городищ по сравнению с однокультурной областью Верхнего Поднепровья. Суммирование их дало возможность нам еще в начале 1980-х гг. (Шадыро, 1981) выделить западный вариант днепро-двинской культуры и провести его границу от Чашников на юге до верховьев р. Оболь, то есть до Езерища – на севере. Далее в своей монографии (Шадыро, 1985) мы дали обоснование этому разграничению, которое основывалось, главным образом, на особенностях керамической посуды Витебского Подвинья, имеющих много общих черт с подобными артефактами с городищ Оршанского и Смоленского Поднепровья. Одним словом, в регионе Витебского Подвинья были констатированы схожие характерные особенности в развитии днепро-двинской культуры на ее последнем этапе существования в I–IV вв. н. э.

Если рассматривать белорусскую территорию бассейна Западной Двины в целом, то именно в регионе Витебского Подвинья днепро-двинская культура начинает менять свой облик уже с конца II – начала III в. н. э. И связано это было с продвижением потомков зарубинецких племен, а точнее, постзарубинецкого влияния на территорию Верхнего Поднепровья в области милоградской, штрихованной керамики и днепро-двинской культур.

Мощные культурные импульсы в направлении юг – север в первых веках н. э. находят свое подтверждение по материалам раскопок последних десятилетий поселений Витебского Подвинья. Это раскопки, проведенные в этом регионе О.Н. Левко, Ю.В. Колосовским, П.Н. Подгурским, Т.С. Бубенько (Левко, 2003; Левко, Колосовский, 2003; Подгурский, 2016, 2019; Шадыро, 2005; Бубенько, Подгурский, 2019). Материалы раскопок, которые включали в себя фибулы южных типов среднелатенской схемы, характерные усеченно-биконические пряслица, усовершенствованные типы серпов с крючками и тому подобное – являются свидетельством южных контактов. Более того, под влиянием постзарубинецких древностей, в том числе и культуры киевского типа, материальная культура днепро-двинцев в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье заметно трансформируется на месте. В ряде случаев новые элементы проникают даже в области Верхнего Подвинья, где проживало финно-угорское население дьяковской археологической культуры. Кстати, на территории Витебского Подвинья в железном веке было весьма ощутимо влияние финно-угорских древностей, на что мы неоднократно указывали (Шадыро, 1985; 1999; 2006).

В результате симбиоза местных и пришлых элементов, в том числе культуры штрихованной керамики позднего периода и постзарубинецких древностей киевского типа в материальной культуре Витебского Подвинья, появляются новые специфические черты и, в частности, производство профилированной посуды со штрихами и расчесами, украшенной зашипами, насечками, оттисками ногтей, различными штампами. В ряде случаев имеет место также распространение бронзовых ажурных подвесок, блях, характерных по стилю древностям волжско-камских финнов (городища Бураково, Баронники, Кубличи).

Ощутимое влияние в Витебском Подвинье древностей культуры постзарубинецкого или киевского типа сближает регион Витебского Подвинья со смоленским вариантом днепро-двинской культуры вместе со всеми процессами, которые имели место во второй четверти I тыс. н. э. на этой территории. Отдавая должное культурным взаимовлияниям, не следует, на наш взгляд, преувеличивать значение новых (связанных с киевской культурой. – *В. III*) традиций в культуре населения Подвинья и Верхнего Поднепровья. Некоторые российские исследователи отводят носителям киевской культуры роль чуть ли не культуртрегерства в рассматриваемом регионе (быстрая смена керамических форм посуды и культурная ассимиляция местного населения) (Лопатин, Фурасьев, 1994; Лопатин, 2000). На наш взгляд, распространение влияний и незначительное расселение носителей постзарубинецких традиций (киевского типа) происходило в форме включения переселенцев в местную социальную среду, что повлияло на появление локальных особенностей в рассматриваемом регионе, но, безусловно, не влекло за собой смену этносоциальной структуры местного населения. Однако этот фактор отразился на формировании последующих культурно-хронологических новаций третьей четверти I тыс. н. э. банцеровско-гушемлинского облика.

Таким образом, дальнейшая судьба населения Витебского Подвинья связана с распространением древностей типа Банцеровщины-Гушемли, характерных для Центральной и Северной Беларуси, а также Смоленского Поднепровья. В результате наших многолетних исследований древностей раннего средневековья, то есть середины и третьей четверти I тыс. н. э. на территории Белорусского Подвинья удалось выявить региональные особенности в этом ареале, выделив их в три локальные группы. Область Витебского Подвинья относится к Восточному региону в отличие от Центрального (Полоцкое Подвинье) и Западного (белорусско-литовско-латышское порубежье) (Шадыро, 2009).

Восточный регион (Витебский край. – *В. III*) бассейна Западной Двины включает в себя территорию к востоку от рек Уллы и Оболи до границы с Россией. Как говорилось выше, эта область бассейна Западной Двины, или Витебское Подвинье, еще с эпохи раннего железного века довлела к синхронным древностям Смоленского и Могилевско-Оршанского Поднепровья. В

основе керамического материала представлены сосуды, которые по профилировке весьма схожи с посудой Смоленского Поднепровья на позднем этапе днепро-двинской культуры. В этом регионе можно наблюдать культурные традиции памятников типа среднего слоя Тушемли и Заозерья (Смоленщина). Красноречиво это подтверждают и присутствие в ряде мест керамики с расчесами. Основные типы керамики выявлены на городищах Вышадки, Казиново (Городокский район), Старое Село, Баронники (Витебский район); нижние пласты Витебска; на селищах Городок, Бураково (Городокский район), Лужесно, Старое Село (Витебский район) (Шадыро, 2006). Спецификой этого региона является большая схожесть с древностями тушемлинской (смоленский регион) культуры, не исключая, безусловно, влияния банцеровской (центрально-белорусской регион). Следует подчеркнуть, что банцеровская и тушемлинская культуры мало чем отличались друг от друга и принадлежали к одному родственному этнокультурному массиву восточных балтов (Шадыро, 2002). В основе их отличий лежали субстратные элементы материальной культуры и традиций более раннего времени. Что касается древностей банцеровской и тушемлинской культур в пределах Белорусского Подвинья, то их разграничение можно условно проводить по рекам Усвейка – Улла – Оболь. Это коррелируется с линией размежевания западного и восточного вариантов днепро-двинской культуры эпохи раннего железа (Шадыро, 1985).

Субстратные особенности предшествующего населения отразились на своеобразии региона Витебского Подвинья в последующие времена. Линия разграничения древностей днепро-двинской культуры в эпоху железа на западный и восточный варианты по территории Витебского Подвинья и дальнейшее разделение банцеровской и тушемлинской культур эпохи раннего средневековья, примерно по этой же линии, продолжают оставаться линией племенного членения в среде кривичей на полоцких и смоленских. В летописный период здесь, по мнению историков и лингвистов, проходило разграничение полоцких и смоленских кривичей, а также территорий Полоцкой и Смоленской земель.

На карте белорусских диалектов и групп говоров (Титов, 1983) все Белорусское Подвинье входит в северную группу говоров северо-восточного Белорусского диалекта. Здесь также проходит линия, которая выделяет в этом ареале витебско-могилевскую группу говоров. Таким образом, и данные языкознания указывают на разграничение, которое своими корнями уходит в эпоху железного века и проявляется сквозь века в средневековом периоде, но это уже область иного исследования. Нам же остается подчеркнуть, что регион Витебского Подвинья имеет свое порубежно-контактное своеобразие еще с далеких времен.

Остановимся на вопросе конкретной этнической привязки населения, обитавшего в этих местах в рассматриваемое время.

Аборигенным населением в эпоху железа на территории Белорусского Подвинья были восточнобалтийские племена, скорее всего, предки латгалов. Они занимали почти всю белорусскую часть бассейна Западной Двины и Верхнего Поднепровья. Данные топонимики свидетельствуют о том, что на севере Беларуси довольно широко распространены топонимы с формантом «лат» (Латонишки, Латовщина, Латушки, Латыгава, Латыголь, Латыголичи, Латышки, Латышова, Латышы, Латышонки и т. д.). Только на Витебщине их можно насчитать более 30 (Рапановіч, 1977, с. 224–225). Наибольшая их концентрация наблюдается в Витебском Подвинье. Особо следует отметить топоним «латыголь» (производные – латыговка, латыголичи и т. п.), что, как известно, означает «конец лоты» (Фасмер, 1967, с. 466). Эти названия чаще всего встречаются в Чашникском, Толочинском, Сенненском, Витебском и Городокском районах Витебской области. Вполне допустимо, что носители днепро-двинской культуры были предками лоты, лотвы, латыголи («летьго-лы»). Больше того, предки балтской латыголи заселяли, видимо, не весь ареал культуры, а ее западную часть (то есть выделенный нами западный вариант культуры. – В. Ш.) (Шадыра, 1993, с. 86–88), который включает в себя территорию Северной Беларуси.

К настоящему времени довольно прочно утвердилось мнение, что латгалы как этнос сформировались в третьей четверти I тыс. и толчок этому процессу дали миграции с юго-востока, в основном с территории Белорусского Подвинья и Верхнего Поднепровья (Денисова, 1990, с. 72–73; Радиныйш, 1999, с. 207–220). Так, Я. Циглис отметил, что характер латгальской культуры носит ярко выраженный восточнобалтский и отличается от местных предшествующих культур. В VI–VII вв. на территории Латгалии появляются украшения, более ранние аналогии которым известны в Поднепровье (трапещевидные подвески, подковообразные фибулы со спиральными концами, браслеты с круглой дугой и утолщенными концами, посоховидные булавки и др.) (Циглис, 1996, с. 87–88). С.М. Прохорова, изучая белорусские диалекты Подвинья и Поднепровья, пришла к выводу о распространении в этих районах латышских изоглосс (Прохарава, 1993).

В отличие от этнонима «криви» этноним «латыголь» не успел получить славянского суффикса -ич, так как значительная часть этой этнической группировки мигрировала на территорию Восточной Латвии. Как исключение можно назвать топоним Латыголичи в Чашникском районе Витебской области.

Вытеснение латгалов, видимо, началось уже с расселения на Подвинье кривичских, а точнее, кривских племен, которые осваивали эту территорию во второй половине I тыс. н. э. Этот народ, говоривший не на славянском языке, но и не на языках «литвы», земголы, корси, норомы и либи» (ПВЛ, с. 13), как свидетельствует летописец «Повести временных лет». Только после IX в. язык кривичей стал меняться, то есть когда началась сплошная славяниза-

ция края. Кривичи еще долго сохраняли особенности своего языка, что и давало основания для летописца не причислять их к славянским «полянам», «древлянам», «дреговичам», «полочанам» (Шмидт, 2006, с. 118–119). Какие взаимоотношения были у кривичей с местным латгальским населением, трудно сказать: здесь, видимо, имело место как мирное сосуществование, так и «враждебные» отношения (следы пожарищ на городищах. – В. III).

Следует отметить, что пришлое население широко использовало в быту и в одежде местные традиции, женские украшения, о чем свидетельствуют исследования древностей культуры полоцко-смоленских длинных курганов (VIII–X вв.), то есть курганов с трупосожжением.

Активизация славянского расселения, которая происходила в конце X в. и связана с расселением на Подвинье славян-полочан, привела к тому, что кривичское население было отеснено на восток «...на верх Днепра, Волги и Западной Двины...», а латгальское («летьгола») – к западу, то есть на территорию современного белорусско-латышского порубежья, где и проживало еще долгое время, вплоть до недавнего прошлого.

Причин объяснения различных изменений в облике материальной культуры может быть много. Нельзя только все сводить к бурному росту производительных сил и социальных изменений. В таком случае, следствие принимается за причину. Смена традиционных форм социально-экономической жизни за короткий срок в глухих и закрытых социумах не происходит. Безусловно, причину необходимо искать в глобальных континентальных процессах, охвативших всю Европу, и в которые были втянуты многочисленные восточноевропейские племена, в том числе и на рассматриваемой территории западно-двинского бассейна. Это известные трансевропейские процессы Великого переселения народов, вызванные борьбой варварских народов с Римской империей, которые обусловили выход на широкую историческую арену европейских народов. Отражение этих глобальных процессов на судьбах населения Беларуси – тема особого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бубенько, Т. С.** Археологический комплекс в деревне Старое Село Витебского района Витебской области: предварительные итоги и перспективы изучения / Т. С. Бубенько, П. Н. Подгурский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период : к 95-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. – Минск, 2019. – Кн. 2. – С. 298–319.

2. **Денисова, Р. Я.** География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в начале тысячелетия н. э. на территории Литвы и Латвии. Балты, славяне, прибалтийские финны : этногенетические процессы / Р. Я. Денисова. – Рига, 1990. – С. 28–81.

3. **Короткевич, Б. С.** Пять вариантов днепро-двинской культуры / Б. С. Короткевич, А. Н. Мазуркевич // Петербургский археологический вестник. – Санкт-Петербург, 1992. – № 2. – С. 63–82.

4. **Краснов, Ю. А.** Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР / Ю. А. Краснов // Краткие сообщения Института археологии. – Москва, 1966. – Вып. 107 : Археологические памятники раннего железного века / редкол.: Т. С. Пассек [и др.]. – С. 17–27.

5. **Левко, О. Н.** Археологическое исследование селища у оз. Луговое на территории г. п. Городок Витебской области / О. Н. Левко // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – С. 164–182.

6. **Левко, О. Н.** Раскопки городища у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области / О. Н. Левко, Ю. В. Колосовский // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – Вып. 8. – С. 182–206.

7. **Лопатин, Н. В.** Культурные традиции населения Верхнего Поднепровья и Подвинья в III–V вв. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Лопатин ; РАН, Ин-т археологии. – Москва, 2000. – 24 с.

8. **Лопатин, Н. В.** О роли памятников III–V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли Банцеровщины / Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасев // Петербургский археологический вестник. – Санкт-Петербург, 1995. – Вып. 9. – С. 136–142.

9. **Медведев, А. Ф.** Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Археология СССР. Свод археологических источников СССР / под общ. ред. Б. А. Рыбакова. – Москва : Наука, 1966. – Вып. Е1-36. – 182 с.

10. **Подгурский, П. Н.** Археологические исследования в Новом Селе (предварительные результаты) / П. Н. Подгурский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период : к 95-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Леонида Давыдовича Побоя : в 2 кн. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – С. 263–270.

11. **Прохарава, С.** Славяна-балтыйскія сінтаксічныя ізагласы / С. Прохарава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 20, [2] с.

12. **Радиньш, А.** К вопросу об этнической истории латгалов / А. Радиньш // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1999. – № 12. – С. 207–220.

13. **Рапановіч, Я. Н.** Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я. Н. Рапановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 504 с.

14. **Седин, А. А.** Оружие из городища Никодимово / А. А. Седин // Пятая абласная Магілёўскія краязнаўчыя чытанні (28 кастр. 1993 г.). – Магілёў, 1994. – С. 7–16.

15. **Титов, В. С.** Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов XIX – начала XX вв. / В. С. Титов. – Минск : Наука и техника, 1983. – 152 с.

16. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. – М. : Прогресс, 1967. – Т. 2 : Е – Муж. – 671 с.

17. **Циглис, Я.** Роль юго-восточных связей в процессе формирования латгальских культур / Я. Циглис // Беларусь у сістэме трансэўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н. э. : тэз. дак. і паведамленняў Міжнар. канф., Мінск, 12–15 сак. 1996 г. / Цэнтр этнакасмалогіі Крыўя. – Мінск : Vaukalaka, 1996. – С. 87–88.

18. **Шадыро, В. И.** Ранний железный век северной Белоруссии / В. И. Шадыро. – Минск : Наука и техника, 1985. – 128 с.

19. **Шадыра, В. І.** Фіна-угры, балты і славяне на поўначы Беларусі ў I тыс. н. э. / В. І. Шадыра // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 1993. – № 3. – С. 83–90.

20. **Шадыра, В. І.** Днепра-дзвінская культура / В. І. Шадыра // Археалогія Беларусі : у 4 т. / М. В. Біч [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча / пад рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. – С. 174–231.

21. **Шадыра, В. І.** Банцараўская культура / В. І. Шадыра // Археалогія Беларусі : у 4 т. / М. В. Біч [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча / пад рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. – С. 359–376, 410–419.

22. **Шадыра, В. І.** Гарадзішча Вышадкі / В. І. Шадыра // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2005. – № 20. – С. 73–81.

23. **Шадыра, В. І.** Банцараўская і тушамлінская культуры: агульнае і рознае (да пастаноўкі праблемы) / В. І. Шадыра // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2002. – № 17. – С. 96–101.

24. **Шадыра, В. І.** Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) / В. І. Шадыра. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. – 150 с.

25. **Шадыро, В. І.** Культурна-локальныя змены ў матэрыяльнай культуры населяння Беларускага Подвінья ў эпоху Вялікага пераселення народаў / В. І. Шадыро // Древняя история Восточной Европы : сб. науч. ст., посвящ. 80-летию Э. М. Загорюльского. – Минск, 2009. – С. 112–125.

26. **Шмидт, Е. А.** Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья / Е. А. Шмидт // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1995. – № 6. – С. 105–117.

27. **Шмидт, Е. А.** Верхнее Поднепровье и Подвине в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2003. – 296 с.

Шемплекова Н.А. (г. Могилев)

Я.Н. ОФРОСИМОВ – ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОТ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

Яков Никандрович Офросимов родился в 1862 г. Получил образование во 2-й Московской гимназии и Московском университете. Являлся кандидатом права. После окончания университета проживал в имении в Опочечком уезде Псковской губернии, где занимался сельским хозяйством и общественной деятельностью [2, с. 62]. В 1901 г. был назначен уездным предводителем дворянства и председателем Люцинского уездного по крестьянским делам присутствия [3, л. 31]. Тогда же поселился в Себежском уезде в имении, доставшемся ему по наследству [2, с. 62]. В 1909–1913, 1914–1916 гг. занимал должность почетного мирового судьи Себежского уезда [1, с. 196].

В октябре 1910 г. Я.Н. Офросимов был избран в состав Государственного совета от землевладельцев Витебской губернии вместо выбывшего в связи с окончанием срока полномочий С.И. Лопацинского [1, с. 196].

Одним из наиболее значимых законопроектов, по которому излагал свою позицию на заседаниях верхней палаты Яков Никандрович, являлся законо-

проект «О применении Положения о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской». Я.Н. Офросимов поддерживал введение земств на территории западных губерний Российской империи. Он выражал несогласие с основными претензиями, предъявляемыми к законопроекту. Они были связаны с быстрым составлением текста проекта, отсутствием учета интересов местного населения и исключительно желанием изменить правила выборов в Государственный совет. Офросимов отмечал, что основные положения законопроекта рассматривались и были единогласно поддержаны на съезде «западнорусских людей» в Киеве в октябре 1909 г. Позднее этот же вопрос рассматривался в Совете по делам местного хозяйства МВД. По результатам вышеназванных мероприятий представители русского дворянства выступали за введение земств. Офросимов считал, что их стремления мотивировались реальной необходимостью введения земств в западных губерниях, а не намерением изменить порядок выборов в Госсовет [4, с. 890]. Он также обращал внимание на причины введения земств, которые носили как экономический, так и исторический характер. Экономические причины выражались усложнением земского управления, а исторические – затруднительным положением русского населения вследствие доминирования поляков на территории западных губерний. Яков Никандрович полагал, что введение земств позволило бы создать возможности для объединения русских общественных сил и культуры [4, с. 891–893]. Кроме того, в своей речи Офросимов уделял большое внимание вопросу национальных курий. Он заключался во взаимоотношениях русского населения, численно преобладавшего среди жителей западных губерний, и польского, которое при своем количественном меньшинстве имело более выгодные позиции по представительству в верхней палате Российской империи, которым русские не обладали в связи с сословным принципом выборов в Госсовет [4, с. 1235–1236]. Также Яков Никандрович подчеркивал, что введение земств позволит создать условия для защиты интересов русского населения и уменьшит национальные противоречия. Еще один вопрос, по которому высказывался Офросимов, касался распределения количества гласных, подлежащих избранию в земства. Так, предполагалось, что 16% гласных будет предоставляться полякам, которые составляют 4% населения. В случае же выборов по имущественному принципу поляки получали 23% мест гласных в соответствии со стоимостью своего имущества [4, с. 894–895]. Офросимов полагал, что данная разница не является значительной, потому как отмечал, что нельзя в земских вопросах исходить исключительно из финансового состояния, необходимо в обязательном порядке учитывать историческую ситуацию, сложившуюся на территории края [4, с. 895].

Яков Никандрович просил членов Госсовета согласиться с основными положениями обсуждаемого законопроекта и не испытывать сомнений относительно его реализации [4, с. 897].

Однако в ходе обсуждения законопроекта была принята поправка об отмене национальных курий [4, с. 1256]. Позднее в процессе продолжительного рассмотрения законопроект «О применении Положения о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской» был отклонен во всей совокупности большинством членов Госсовета [4, с. 1362]. Но несмотря на это, работа верхней палаты была приостановлена 12 марта и возобновилась 15 числа текущего месяца [4, с. 1365]. 14 марта 1911 г. по просьбе П.А. Столыпина императором вопреки отклонению законопроекта было принято решение о его принятии.

Еще один законопроект, по которому высказывался Я.Н. Офросимов, – «О преобразовании местного суда». Он выражал свое мнение по вопросу отделения судебной власти от административной. Яков Никандрович отмечал, что для простого жителя сельской местности гораздо удобнее, чтобы судебная система была устроена таким образом, чтобы люди имели возможность обращаться к большему количеству представителей, возглавляющих определенную инстанцию. Если они будут находиться на близком расстоянии к населению, значит их будет легче найти. Такой принцип являлся очень важным условием для правильного функционирования судопроизводства во многом из-за значительной площади территории Российской империи [5, с. 1910].

Разъясняя свою точку зрения, Офросимов обращался также к Высочайшему указу Правительствующего сената от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию Государственного порядка». Он указывал на обязательное исполнение этого распоряжения, касающегося единства суда, его равенства и независимости. В том числе Офросимов высказался по вопросу наличия должности земских начальников и выражал несогласие с мнением министра юстиции, который считал, что сохранение вышеназванной должности не позволит ввести новое Уложение о наказаниях. Он утверждал, что опасения министра не имеют никакого обоснования [5, с. 1914]. В целом Офросимов отмечал отсутствие ущерба для судебной системы вследствие сохранения деятельности земских начальников. Яков Никандрович уверял, что в данном случае эффективнее уберечь данное представительство, чем его искоренять [5, с. 1914]. После обсуждения законопроекта в верхней палате было принято решение о создании согласительной комиссии из двух палат российского парламента для его рассмотрения [5, с. 2682]. В результате их работы законопроект был принят.

Еще одним законопроектом, в обсуждении которого Офросимов принимал участие, был «О праве застройки». Яков Никандрович выступал за принятие данного законопроекта. Он высказывался против ограничения кредита застройщикам, отмечая в своем выступлении, что суть данного законопроекта заключается в том, чтобы дать возможность ввести

право застройки для тех лиц, которые не в состоянии по нежеланию собственников продать землю, им принадлежащую, или по каким-то причинам приобрести землю под застройку. Член Госсовета подчеркивал, что очень важно не создавать ограничения для застройщиков, кроме тех, которые касаются непосредственно интересов собственника земли. По его мнению, надлежало распространить право застройки с той целью, чтобы владельцы земли имели возможность получать большую и лучшую прибыль от сдаваемых в аренду площадей. Кроме того, он обращал внимание на то, что невозможность получения кредита застройщиками лишит весь законопроект смысла, так как они окажутся в весьма затруднительных условиях [5, с. 416].

При принятии Госсоветом первой части законопроекта Я.Н. Офросимов отмечал, что, если бы законодательно право застройки было признано ранее, это позволило бы избежать сложных взаимоотношений между застройщиками и собственниками земли [5, с. 541]. Также Яков Никандрович просил о принятии перехода к постатейному рассмотрению второй части законопроекта, при котором возможно было при необходимости осуществить объяснение статей [5, с. 5260].

В итоге вышеуказанный законопроект был утвержден обеими палатами российского парламента в 1912 г.

В 1913 г. Яков Офросимов был переизбран в число членов Государственного совета от Витебского губернского земского собрания. В верхней палате входил в состав правых [2, с. 63]. В 1916 г. отказался от звания члена Госсовета. Умер в Париже в 1946 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** совет Российской империи, 1906–1917 : энциклопедия / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 343 с.
2. **Левенсон, М. Л.** Государственный совет : [портреты и биографии] / М. Л. Левенсон. – 2-е изд. – Петроград : Тип. Петроград. тюрьмы, 1915. – 263 с.
3. **Российский** государственный исторический архив. – Ф. 1162. Оп. 6. Д. 772.
4. **Стенографические** отчеты / Гос. Совет. – Санкт-Петербург : Гос. тип., [1906–1916]. – 1910–1911 годы : Сессия 6. Заседания 1–49 (15 окт. 1910 – 28 мая 1911). – 1911. – [2], XXIX с., 2460 стб.
5. **Стенографические** отчеты / Гос. Совет. – Санкт-Петербург : Гос. тип., [1906–1916]. – 1911–1912 годы : Сессия 7. Заседания 1–81 (15 окт. 1911 – 25 июня 1912). – 1912. – LI с., 5560 стб.

РАЗОРИТЕЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ (ЭПИЗОД ИЗ «ГОЛИЦЫНСКОГО ВРЕМЕНИ»)

В своей книге «Странички недавней старины города Витебска» Н.Я. Никифоровский называет «голицынским временем» (1846–1853) период нахождения в должности генерал-губернатора князя Андрея Михайловича Голицына (1792–1863). Витебск был местом пребывания генерал-губернатора, в ведении которого находились Витебская, Могилевская и Смоленская губернии (с 1823 по 1856 г.).

Н.Я. Никифоровский в ярких красках описывает оживленную жизнь Витебска того времени, «центром» которой была жена генерал-губернатора Софья Петровна (в девичестве Балк-Полева, 1805–1888), ставшая популярнейшим лицом в городе, под «симпатично произносимым именем» – «Премудрость свет-Петровна». Вокруг нее «группировалось не бедное тогда дворянство, в лице лучших своих представителей, как и служилая знать города; насколько то было возможно по времени, туда тянулось и толстосумое русское купечество города и губернии».

В городе оживилась театральная и музыкальная жизнь. Балы у генерал-губернатора сменялись балами у губернского предводителя дворянства и в дворянском собрании. Устраивались пикники, загородные гулянья, карусели, зимой – ледяная горка вдоль Губернаторского бульвара.

Софья Петровна, по словам Никифоровского, «умела будить жизнь тогдашнего барства и общества» и в «материальном значении слова». Княгиня знала к кому нанести визит, чтобы вручить билет на благотворительный спектакль или концерт – «ложа, например, оплачивалась 25–100 руб., кресло в партере 25 руб. <...>» [3, с. 12–19]. Предлогом для сбора денег была необходимость содержать детский приют и «преувеличенная же молва определяла скопленную на сей предмет сумму чуть ли не в 60 000 рублей». Автор воспоминаний туманно намекает и на другие цели такого сбора: «Сейчас, со значительной дали, понятны цели игривых, по-видимому, деяний княгини Софьи Петровны: она очень хорошо знала окружное общество, так сказать, поддакивала суетным потребностям его и – ловила момент» [3, с. 26].

Но как, показывают документы, сохранившиеся в фонде III отделения Собственной его императорского величества канцелярии в Государственном архиве Российской Федерации, сбор денег с благотворительными целями не ограничивался Витебском, а охватывал и другие губернские центры, вверенные генерал-губернатору.

По сложившимся представлениям Отдельный корпус жандармов, подчиненный III отделению, осуществлял политический сыск и следствие по делам о государственных преступлениях, боролся с массовым крестьянским и рабочим движением, этапировал особо опасных преступников и арестантов,

занимался (до отмены крепостного права) поимкой беглых крестьян, а также дезертиров, уголовных преступников, следил за настроениями в различных слоях общества и так далее. Менее известно, что жандармы осуществляли негласное наблюдение за служебной деятельностью представителей центральной и местной бюрократии, а также надзирали за частной жизнью чиновников, их нравственным обликом и поведением [1].

В конце 1849 г. последовало донесение штаб-офицера 2-го округа корпуса жандармов полковника Ивана Васильевича Романуса (1803–1861) о некоторых обстоятельствах проведения 18 декабря бала в Смоленском дворянском собрании.

Далее, 4 января 1850 г., начальник округа генерал-лейтенант Степан Васильевич Перфильев (1796–1878) докладывал шефу жандармов генерал-адъютанту графу Алексею Федоровичу Орлову (1786–1861):

«Секретно.

Корпуса жандармов полковник Романус доносит, что с каждым приездом в г. Смоленск военного генерал-губернатора рождается ропот в публике в следствие его налога, который в особенности весьма ощутителен для бескорыстных должностных чиновников, обремененных семейством и живущих одним лишь жалованием. В последний приезд генерал-губернатора в г. Смоленск, как доносит полковник Романус, назначен был по его приказанию 18-го числа декабря в зале дворянского собрания бал-маскарад в пользу тамошнего детского приюта с платою за вход по 1 р. 50 коп. серебром с каждой особы. Билеты на этот бал независимо от продажи у входа в залу для желающих, еще были посланы по приказанию генерал-губернатора чрез полицию ко всем лицам, в таком количестве, как он сам назначил: к вице-губернатору и председателям палат по 10-ти билетов каждому.

Служащие в губернии, получившие оказанные билеты, находясь в зависимости от генерал-губернатора, вполне убеждены, что буде они не примут все присланные на их имя билеты, и дозволят себе обозначенные отослать, то заслужат не удовольствие со стороны генерал-губернатора, и что неудовольствие это, может иметь влияние на их службу, во избежания неприятности, беспрекословно вносят деньги за полное число присылаемых билетов, между тем ропщут, говоря, что труден и невыносим этот бесконечный настоятельный налог.

В публике же неслужащие, по донесению полковника Романуса, ропщут также не менее и замечают: как же председателям и другим чиновникам не взять взятку и при первой удобной okazji, чтобы пополнить в своем бумажнике непредвидимый расход, сделанный из него по приказанию генерал-губернатора.

Я долгом считаю о таковом донесении полковника Романуса представить на благоуважение Вашего сиятельства». На документе есть приписка: «В Могилеве также ропщут на это» [2, л. 1 – 2 об.].

О происшедшем граф Орлов «посчитал своим долгом» довести до сведения министра внутренних дел Льва Алексеевича Перовского (1792–1856) и 11 января отправил ему донесение с кратким изложением дела [2, л. 3 – 3 об.].

Следующий документ в деле датирован 16 февраля 1850 г. и не содержит указания ни на отправителя, ни на получателя: «Находящийся здесь в отпуске подполк<ник> Тобизен, получил из Витебска известие, что генерал-губернатор кн. Голицын, катаясь с гор, снял шубу, простудился и при смерти болен» [2, л. 5].

Вероятно, тяжелое состояние здоровья генерал-губернатора привело к тому, что ни каких мер к прекращению злоупотреблений на ниве благотворительности предпринято не было. Во всяком случае в деле других документов по этому вопросу не имеется. Между тем князь А.М. Голицын выздоровел и до 29 мая 1854 г. занимал пост генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского, а затем был назначен сенатором.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бибиков, Г. Н.** Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) / Г. Н. Бибиков // *Философия : журн. Высш. шк. экономики.* – 2019. – Т. III, № 2. – С. 79–108.
2. **Государственный архив Российской Федерации.** – Ф. 190. Оп. 1. Д. 33.
3. **Никифоровский, Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губерн. типолиотогр., 1899. – VIII, 252 с.

Юнатов А.Н. (г. Витебск)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ В ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В 1944–1946 гг.

Восстановление библиотечной сети в Витебской области началось еще в ходе активных боевых действий на территории региона в годы Великой Отечественной войны. По мере освобождения оккупированных районов в города и села возвращалась нормальная жизнь: возобновлялась деятельность органов власти, промышленных предприятий, колхозов и совхозов, школ, вузов и культурно-просветительных учреждений, в населенные пункты возвращалось население. Несмотря на крайне напряженную финансовую ситуацию, из госбюджета выделялись средства на развитие культуры, в том числе на восстановительные работы.

Восстанавливались и библиотеки – массовые (общедоступные) и научные. Несмотря на страшные разрушения, люди верили в победу и возрождение Белоруссии. Жители освобожденных районов, особенно молодежь, стре-

мились к получению знаний, а старшее поколение – к получению сведений о положении дел на фронте и в стране. Не следует исключать и такой факт, как отрицательное воздействие оккупационной пропаганды на сознание населения, особенно молодежи. Три года нахождения территории Витебской области «под немцами» не прошли бесследно. Требовалась кропотливая идеологическая работа с населением в освобожденных районах по восстановлению «социалистического сознания». Решить эти задачи можно было, в первую очередь, восстановив работу библиотек.

Последствия войны на территории первых освобожденных районов области были страшны. В докладной записке от 24 ноября 1943 г. председателя исполкома Витебского областного Совета депутатов трудящихся И.Н. Рябцева на имя председателя Совета Народных Комиссаров БССР И.С. Былинского указывалось, что «до 20 ноября 1943 г. были освобождены от немецких оккупантов 40 сельсоветов Витебской области, в которых проживали 21 742 человека: в Лиозненском районе – 10, Суражском – 9, Дубровенском – 9, Меховском – 7 и Россонском районе – 5. Отступая, оккупанты полностью уничтожили г. Сураж. Такому же разрушению подверглись местечки Яновичи, Ляды, а районный центр Лиозно был разрушен на 75%. Из 104 населенных пунктов в Суражском районе уцелело только 4. В 16 населенных пунктах Пудотского сельсовета Суражского района сохранилось всего лишь 3 человека»¹. Все бывшие библиотечные здания были полностью уничтожены немецкими оккупантами, как и весь книжный фонд.

До периода немецкой оккупации в Витебской области было 70 библиотек (областная библиотека – 1, городских – 3, районных – 20, сельских – 46) и 312 изб-читален. На начало 1944 г. сохранились 1 районная, 1 городская, 2 сельские библиотеки и 14 изб-читален.

О комплектовании книжного фонда

Возрождение работы библиотек стало всенародным делом, в котором принимали участие простые граждане, а также партийные, профсоюзные и комсомольские организации. По всей территории Витебской области был организован сбор средств и литературы для библиотек освобожденных городов и сел. Из дублетных и обменных фондов библиотек составлялись комплекты для городских, районных и сельских библиотек, выделялись оборудование, наглядные пособия. В первые дни после освобождения г. Витебска работники библиотек, учащиеся школ, красноармейцы воинских частей проводили сбор книг, извлекая их из-под обломков зданий, собирая по улицам и дворам. Эти книги были переданы в городскую библиотеку.

21 июля 1944 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров БССР № 410 о восстановлении книжного фонда Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина, областных, городских и районных библиотек.

¹ ГАВГ. – Ф. 1966. Оп. 12. Д. 18. Л. 254.

Согласно постановлению, комплектование библиотек республики должно было осуществляться с использованием книжных фондов городов Москвы, Ленинграда, Энгельса и др.²

Комплектование книжного фонда библиотек и изб-читален Витебской области после возобновления их работы проходило в несколько этапов. В октябре 1944 г. начальник Управления Государственного фонда литературы тов. Марчуков сообщал заведующему Витебским областным отделом образования тов. Т.П. Шакинко, что в Витебскую область отправлены: 2 комплекта по 5 тыс. книг для городских библиотек в г. Полоцк и Оршу; 8 комплектов по 2 тыс. книг для районных библиотек в Лиозненский, Меховский, Суражский, Дубровенский, Городокский, Сиротинский, Витебский районы; комплект вузовской библиотеки из 1 тыс. книг в Оршанский учительский институт. В ноябре 1944 г. планировалось отправить комплект из 1 тыс. книг для детской библиотеки в г. Витебск и 5 комплектов по 2 тыс. книг для районных библиотек в Ветренский, Богушевский, Ушачский, Бешенковичский, Лепельский районы. Комплект книг из 5 тыс. томов предполагалось отправить в Витебский педагогический институт и еще 1 тыс. томов – в Оршанский учительский институт³.

Для Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина Государственным фондом литературы до конца 1944 г. планировалось отправить 20 тыс. томов (13 тыс. экз. из Москвы и 7 тыс. экз. из Казанского филиала Государственного фонда). Кроме того, около 500 книг на немецком языке марксистско-ленинской, общественно-политической и художественной литературы было отправлено в адрес областной библиотеки из филиала Государственного фонда в г. Энгельсе⁴.

В 1944–1945 гг. комплекты книг продолжали поступать адресно в библиотеки Витебской области и из других филиалов Государственного фонда литературы – Новосибирска и Красноярска⁵.

В условиях военного времени иногда возникали проблемы с доставкой отправленных комплектов книг в избы-читальни.

О восстановлении библиотек

Учитывая то обстоятельство, что здания практически всех библиотек области были разрушены во время войны, требовалось решение вопроса с размещением библиотек. В первые месяцы после освобождения районных центров Витебской области, открываемые библиотеки располагались в зданиях, которые требовали текущего ремонта и в приспособленных под библиотеки крестьянских домах (Лиозненский, Меховский, Дубровенский районы)⁶.

² ГАВТ. – Ф. 1966. Оп. 10. Д. 3. Л. 18–20.

³ ГАВТ. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

⁴ ГАВТ. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁵ ГАВТ. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

⁶ ГАВТ. – Ф. 1966. Оп. 12. Д. 17. Л. 148 – 151 об.

Сиротинская районная библиотека находилась в землянке⁷. Избы-читальни в большинстве находились при сельских Советах, не имея своих помещений, что мешало развертыванию работы⁸.

После освобождения г. Витебска решением исполкома Витебского городского Совета депутатов трудящихся от 1 июля 1944 г. № 26 была открыта городская библиотека в помещении бывшей учительской библиотеки и городского комитета профсоюза работников образования по ул. Биржевой, д. 1⁹.

10 июля 1944 г. в целях быстрого восстановления разрушенных немецко-фашистскими захватчиками изб-читален, библиотек и усиления политической и культурно-массовой работы среди широких слоев населения было принято решение исполнительного комитета Витебского городского Совета депутатов трудящихся «обязать городские и районные комитеты КП(б)Б, горсоветы и райисполкомы до 15 октября 1944 г. восстановить во всех городах и районах области библиотеки и избы-читальни, выделив благоустроенные помещения или построить новые здания, широко используя для этой работы инициативу самого населения»¹⁰.

7 сентября 1944 г. исполнительный комитет Витебского областного Совета депутатов трудящихся принял постановление о ремонте здания областной библиотеки им. В.И. Ленина. Согласно постановлению в 3-м квартале 1944 г. из областного бюджета для этой цели выделялись 10 тыс. рублей, а областной строительный трест должен был окончить ремонт здания до 1 октября 1944 г.¹¹

О материально-техническом положении библиотек

Как же выглядели здание и помещения областной библиотеки в 1944 г.?

До начала Великой Отечественной войны Витебская областная библиотека занимала всю площадь дома № 1 по ул. Володарского (сегодня здание краеведческого музея по ул. Суворова). На первом и втором этажах были размещены читальные залы и основное книгохранилище, в полуподвале находился специальный фонд. К августу 1944 г. здание библиотеки сохранилось, но помещения были разрушены на 50%. Оборудование было уничтожено полностью. Первый этаж был занят 13-й столовой треста ресторанов и столовых, а полуподвал – жильцами. По этой причине библиотека не имела необходимой площади для размещения все увеличивающегося книжного фонда, для читальных залов и детского отделения. Кроме того, «размещение основного фонда на 2-м этаже угрожало проломом межэтажного перекрытия 2-го этажа, а, следовательно, могло привести к человеческим жертвам»¹².

⁷ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 8. Л. 328.

⁸ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 2. Л. 233–235.

⁹ ГАВт. – Ф. 322. Оп. 3. Д. 4. Л. 89.

¹⁰ ГАВт. – Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 21. Л. 4-5.

¹¹ ГАВт. – Ф. 1966. Оп. 8. Д. 10. Л. 263.

¹² ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 9. Л. 490–491.

К сожалению, ремонт помещений областной библиотеки шел медленно. В докладной записке инспектора политико-просветительной работы тов. Е.И. Тростниковой на имя заведующего Витебским областным отделом народного образования тов. Т.П. Шакинко от 21 февраля 1945 г. о результатах проверки работы областной библиотеки им. В.И. Ленина говорится, что «ремонт читального зала не закончен, а в других помещениях и не начинался. В зале книгохранилища и выдачи книг грязно, холодно, неудобно, не хватает полок, в результате чего часть книг валяется на полу. В библиотеке не хватает столов, стульев. Для развертывания нормальной работы чувствуется недостача залов, в то время как 1-ый этаж здания библиотеки занят под столовую»¹³.

К середине 1945 г. был отремонтирован и оборудован полностью второй этаж здания областной библиотеки, в котором разместились следующие отделы: отдел выдачи и детский отдел, два читальных зала, кабинет научных работников, методический кабинет и отдел обработки. В сентябре 1946 г. от столовой № 13 треста столовых и ресторанов был освобожден первый этаж здания библиотеки. Был произведен ремонт и остекление оконных проемов. И только в ноябре 1946 г. здание библиотеки было освоено полностью. На первом этаже помещение площадью 80 м² было приспособлено под книгохранилище вместимостью 70–80 тыс. книг, в двух других помещениях первого этажа разместились детский отдел и отдел обработки.

Областная библиотека к концу 1946 г. располагала следующим оборудованием: 25 двухсторонних стеллажей, 5 односторонних стеллажей, 20 столов, 50 табуретов, пианино, радиоприемник. Библиотека была полностью электрифицирована¹⁴.

Чтобы обеспечить комфортные условия для плодотворной работы читателей и работников областной библиотеки, требовалось около 80 кубометров дров на отопительный сезон 1946–1947 гг. Однако еще в октябре 1946 г. топливо для нужд библиотеки не было завезено. Поэтому руководство библиотеки было вынуждено обратиться к председателю исполкома Витебского областного Совета депутатов трудящихся тов. Ермошенко для решения вопроса с топливом, тем более, что «коллектив библиотеки, возложенные на него задания по заготовке дров для города, выполнил полностью». Вопрос был решен положительно, что дало возможность обеспечить нормальную работу библиотеки в зимних условиях¹⁵.

Не все библиотеки Витебской области имели даже такие, скромные, как покажется современным работникам библиотек, условия, не говоря уже об избах-читальнях.

¹³ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–51.

¹⁴ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 10. Л. 62.

¹⁵ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 8. Л. 402.

Так Богушевская районная библиотека (заведующая библиотекой Блиничих Рахиль Ильевна) в 1944–1946 гг. не имела специального помещения, а находилась в «маленькой комнатухе, при школе. Ее оборудование: 1 стол, 1 шкаф, 3 скамейки, 1 полка для книг, этажерка, 1 лозунг»¹⁶.

Оршанская городская библиотека (заведующая библиотекой Лебянок Александра Ивановна) в июле 1946 г. не имела своего помещения и занимала отдельный дом, состоящий из одной комнаты по адресу г. Орша, ул. К. Маркса, д. 10¹⁷.

Библиотека имела 3 двухсторонних стеллажа, 4 витрины, прилавки для выдачи, 3 больших и 4 малых стола, 6 скамеек, 18 табуреток, 2 этажерки, всевозможные географические карты, портреты вождей, лозунги, плакаты, макеты¹⁸.

Но уже в конце августа 1946 г. помещение, в котором располагалась Оршанская городская библиотека, по личному распоряжению председателя Оршанского горисполкома тов. Питкевича была предоставлена швейной артели. Библиотека была «переселена» в другое, совсем не соответствующее помещение. Это здание размещалось во дворе горвоенкомата рядом с конюшней на краю города. В новом помещении не было читального зала и отдела выдачи литературы детям. Потолок в библиотеке был настолько низок, что пришлось уменьшать книжные стеллажи и другую библиотечную мебель. В связи с этим библиотека вынуждена была свернуть свою работу. После вмешательства руководства облисполкома Оршанская городская библиотека им. Пушкина продолжила работу в другом здании¹⁹.

17 октября 1946 г. решением исполкома Лепельского районного Совета депутатов трудящихся помещение, в котором размещалась районная библиотека, было передано под детский дом, а библиотеке взамен не было предоставлено другое помещение. В результате чего библиотека прекратила свое существование, а ее книги и фонд были сложены в сарае, что привело к их порче и разворовыванию²⁰.

Тем не менее в 1945–1946 гг. положение с восстановлением зданий библиотек не так быстро, как хотелось бы, но все же улучшалось.

О решении кадровых вопросов

Восстановление библиотечной сети Витебской области в рассматриваемый период наряду с материально-техническими трудностями столкнулось и с серьезной кадровой проблемой.

В послевоенный период было усилено партийно-государственное руководство библиотечным делом. В целях удовлетворения культурных за-

¹⁶ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–20.

¹⁷ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 2. Л. 241–242.

¹⁸ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 9. Л. 530.

¹⁹ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 10. Л. 79–80.

²⁰ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 8. Л. 400.

просов населения и укрепления руководства работой библиотек, клубов и других учреждений культуры в БССР 15 мая 1945 г. вышло постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б об образовании Комитета по делам культурно-просветительных учреждений Беларуси на правах республиканского наркомата. В соответствии с постановлением исполкома Витебского областного Совета депутатов трудящихся от 3 июля 1945 г. отдел народного образования передал все культурно-просветительные учреждения, находящиеся в его ведении, с сохранением штата работников учреждений и помещений, а также инвентаря вновь образованному отделу культурно-просветительных учреждений при исполкоме областного Совета депутатов трудящихся. Согласно постановлению, до 1 августа 1945 г. при исполкомах городских Советов депутатов трудящихся были созданы отделы культурно-просветительной работы, а при райисполкомах вводился штат инспекторов по культурно-просветительной работе, в ведение которых от городских и районных отделов образования передавались кадры и функции культурно-просветительной работы²¹.

Создание республиканского комитета и его местных органов позволили в невероятно сложных условиях войны и послевоенной разрухи успешно решать кадровый вопрос в библиотечной системе.

К моменту освобождения первых районов Витебской области, да и позднее, когда была освобождена вся территория области, кадровая проблема состояла из двух основных частей – отсутствие библиотечарей и отсутствие специального образования у имеющихся работников.

Например, к 29 мая 1944 г. в освобожденных Меховском, Лиозненском, Суражском и Дубровенском районах Витебской области были открыты четыре районных библиотеки. Все заведующие этими библиотеками окончили 9 классов. Только у заведующей Лиозненской районной библиотекой Свиридовой Елены Алексеевны был 1 курс политико-просветительного техникума²². Наблюдалась большая текучесть кадров. Поэтому по мере освобождения территории области от немецко-фашистских захватчиков областной и районные отделы народного образования, а с июля 1945 г. отделы по делам культурно-просветительных учреждений стали ежемесячно организовывать и проводить семинары-совещания с библиотечными работниками²³.

21 июля 1944 г. вышло постановление № 410 Совета Народных Комиссаров БССР о восстановлении книжного фонда Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина, областных, городских и районных библиотек, согласно которому прорабатывался вопрос организации при Московском библиотечном институте трехмесячных курсов на 50 человек по подготовке заведующих областными и городскими библиотеками для нашей республики.

²¹ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

²² ГАВт. – Ф. 1966. Оп. 12. Д. 17. Л. 148 – 151 об.

²³ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

Кроме того, было направлено обращение в Комитет по делам Высшей школы при СНК СССР о разрешении создать при Минском педагогическом институте библиотечный факультет²⁴.

Архивные документы свидетельствуют о том, что только областная библиотека была достаточно хорошо укомплектована специалистами с высшим образованием (директор Зайцев Георгий Семенович, заведующая отделом выдачи Гаврильчик Елена Ивановна, старший библиотекарь Пурыжонок Мария Ивановна и др.). Причем были и те, кто имел высшее библиотечное образование (заведующая отделом обработки Минина Мария Максимовна, которая до войны работала в библиотеке им. В.И. Ленина г. Витебска)²⁵.

Понятно, что для полного решения кадрового вопроса было необходимо время, поэтому руководство областного отдела по делам культурно-просветительной работы допускало назначение заведующих избами-читальнями, районными и сельскими библиотеками лиц со средним образованием, но с обязательным условием повышения ими своего профессионального уровня путем прохождения различных обучающих курсов. Было установлено, что библиотечные работники, не имеющие специального библиотечного образования, обязаны были обучаться в библиотечных учебных заведениях на заочных отделениях²⁶.

О работе восстанавливаемых библиотек

В сложных условиях 1944–1946 гг. представляет интерес непосредственная работа восстанавливаемых библиотек. С точки зрения современного человека, формы работы библиотек того времени, наверно, выглядят наивно, но в этом, как мне кажется, их подкупающая искренность. Но прежде о штатах, структуре библиотек и немного о людях, которые в них работали.

25 апреля 1944 г. вышло распоряжение СНК СССР о типовых штатах массовых, городских, районных и детских библиотек системы Народных комиссариатов просвещения союзных республик. Типовой штат был следующим:

- 1) заведующий библиотекой;
- 2) заведующий детским отделом;
- 3) заведующий абонементом;
- 4) заведующий читальным залом;
- 5) библиотекарь (от 1 до 3);
- 6) заведующий передвижным фондом;
- 7) уборщица, истопник, сторож²⁷.

На основании распоряжения СНК СССР 27 сентября 1944 г. исполнительный комитет Витебского областного Совета депутатов трудящихся

²⁴ ГАВг. – Ф. 1966. Оп. 10. Д. 3. Л. 18–20.

²⁵ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 1. Л. 376–377.

²⁶ ГАВг. – Ф. 1966. Оп. 8. Д. 71. Л. 244–245.

²⁷ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

своим постановлением утвердил штатное расписание Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина на 1944 г.

Оно выглядело следующим образом:

- заведующий библиотекой – 1, должностной оклад – 1200 руб.;
- заведующий библиотечным фондом, должностной оклад – 500 руб.;
- заведующий абонементным отделом – 1, должностной оклад – 450 руб.;
- библиотекарь – 2, должностной оклад – 350 руб.;
- бухгалтер – 1, должностной оклад – 400 руб.;
- счетовод-кассир – 1, должностной оклад – 250 руб.;
- завхоз – 1, должностной оклад – 250 руб.;
- техничка – 1, должностной оклад – 125 руб.;
- сторож – 1, должностной оклад – 125 руб.²⁸

Следует сказать, что еще в конце 1946 г. штаты библиотек были укомплектованы только на 60%²⁹.

Архивные документы сохранили для потомков имена тех, кто своим героическим (и это не преувеличение) трудом в военные и первые послевоенные годы возрождали из пепла библиотеки Витебской области. Многие из них в годы войны сражались на фронтах и в партизанских отрядах, а затем добросовестно трудились в мирное время. Среди них: директор областной библиотеки Зайцев Георгий Семенович³⁰, заведующая Витебской районной библиотекой Ковалева Людмила Ивановна³¹ и многие другие.

В докладной записке от 23 января 1945 г. инспектора политико-просветительной работы тов. Е.И. Тростниковой заведующему Витебским областным отделом народного образования тов. Т.П. Шакинко имеются сведения о работе одной из лучших изб-читален в Лиозненском районе – Черноручинской избы-читальни. Вот ее описание: «Изба-читальня занимала отдельную комнату в частной избе. Заведующая избой-читальней Воробьева Вера Яковлевна. Помещение было хорошо оформлено – на стенах имелись портреты, лозунги и плакаты.

Изба-читальня получает газеты, которые аккуратно подшиваются и ежедневно на витрине вывешиваются для читателей свежие номера и сводки Совинформбюро. Рядом с газетной витриной висит географическая карта, на которой обозначена линия фронта Великой Отечественной войны. В газетах красным карандашом подчеркнуты главнейшие события. При избе-читальне есть библиотека, в которой имеется 219 экз. книг. Книги хранятся в отдельном шкафу, распределены по отделам. Читателей – 58 человек.

Изба-читальня хорошо организовала работу по разоблачению фашистской лжи и демагогии. В избе-читальне вывешен подробный перечень деяний, совершенных фашистскими бандами в селе Черноручье.

²⁸ ГАВт. – Ф. 1966. Оп. 8. Д. 10. Л. 326.

²⁹ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 9. Л. 490–491.

³⁰ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 3. Л. 88.

³¹ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 5. Л. 243–250.

При избе-читальне создан совет из 8 человек, в который входит председатель, парторг, агроном, учителя. Совет руководит всей работой. При избе-читальне работают следующие кружки: политический, драматический, хоровой и литературный.

При избе-читальне работает стол справок, где организовано дежурство»³².

Кстати, стол справок выполнял для местных жителей роль современного «одного окна». Дежурный по столу справок мог выдать справку колхозникам, написать заявление, отправить письмо в розыскное бюро, но самое главное – написать за пожилых и неграмотных людей письма на фронт.

О работе Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина

При записи в библиотеку с читателя брался залог, но не деньгами, а книгами. Книги в залог принимались не ветхие, «пригодные к употреблению, стоимостью от 2 рублей и выше». Книги по содержанию должны были быть идеологически выдержанными. Брошюры в залог не принимались. Залог обратно читателям не возвращался, так как книги вносились в инвентарную книгу библиотеки³³.

Пополнение книжных фондов областной библиотеки шло путем получения литературы из Государственного фонда литературы, Союзпечати, сбора и закупки книг у населения.

Изучение книжных фондов библиотекарями проводилось систематически при поступлении новой литературы. Весь книжный фонд библиотеки был расставлен согласно десятичной классификации Русинава. За каждым работником абонемента и читального зала были закреплены отделы. После поступления новой партии книг в отделы библиотекари информировали друг друга о новинках, доставленных в их отдел. Ежемесячно проводился обзор вновь поступившей литературы.

При библиотеке был сделан станок и закуплены соответствующие материалы для переплета ветхих книг. Среди читателей велась разъяснительная работа о бережном отношении к книге. В библиотеке имелся уголок охраны книг³⁴.

В начале июня 1945 г. при областной библиотеке был организован методический кабинет, что дало возможность расширить рамки методической работы (выезды в районные библиотеки, методические консультации)³⁵.

Библиотека организовала политико-массовую работу среди читателей и широких масс населения, читались лекции, был организован литературный кружок, проводились литературные вечера, диспуты, читательские конференции, громкие читки, стало практиковаться коллективное обсуждение

³² ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 1. Л. 24-26.

³³ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 10. Л. 255.

³⁴ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 1. Л. 156–158.

³⁵ ГАВг. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–11.

книг. Областная библиотека приняла участие в подготовке к весенней посевной кампании 1946 г. Был организован фотомонтаж на тему «Борьба за высокий урожай – важнейшее общенародное дело», организована книжная витрина с сельскохозяйственной литературой. На отдельной витрине ежедневно вывешивался материал из газет на тему «Весенняя посевная кампания и агротехнические новинки»³⁶.

Таким образом, в течение 1944–1946 гг. в Витебской области в трудных условиях продолжавшейся войны и послевоенной разрухи была проведена колоссальная работа по восстановлению библиотечной сети. Организованная работа органов власти и трудолюбие работников библиотек Витебщины позволили к концу 1946 г. достигнуть серьезных успехов.

По итогам социалистического соревнования среди работников культурно-просветительных учреждений БССР за 1946 г. Витебской областной библиотеке им. В.И. Ленина (директор тов. Г.С. Зайцев) Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР было вручено переходящее Красное Знамя и первая премия в 7 тыс. руб. (среди областных библиотек).

Плисской избе-читальне Плисского района Полоцкой области (заведующий тов. Рыбина), Кабищенской избе-читальне Городокского района Витебской области (заведующий тов. Л.Д. Лаппо) были вручены первые премии в размере 3 тыс. руб.

Козляковской избе-читальне Бешенковичского района (заведующая тов. М.Т. Шиенок) и Оршанской городской библиотеке им. Пушкина (заведующая тов. А.И. Ледянок) были вручены грамоты Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР и БРК профсоюза политико-просветительных учреждений и они были занесены в Республиканскую книгу почета³⁷.

³⁶ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.

³⁷ ГАВт. – Ф. 2806. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–3.

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА. КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЎСТАНОВЫ І ЎСТАНОВЫ АДУКАЦЫІ Ў СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

Антонова К.А. (г. Новополоцк)

ЕДИНСТВО И БРАТСТВО НАРОДОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИЗ ФОНДА НАРОДНОГО МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ ГУО «СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 2 г. НОВОПОЛОЦКА»

«Освобождение России заканчиваем. Дальше Европа», – сказал Бойко и, закрыв портфель, щелкнул замками. Хотя сам был украинец и освобождал Белоруссию, но сказал обо всем вместе, как о России, все разом вложил в это одно понятие, как в ту пору делали и другие, воевавшие на всех фронтах русские и нерусские люди.

Константин Симонов «Живые и мертвые»

Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко 1 января 2022 г. подписал Указ № 1 «Об объявлении 2022 года Годом исторической памяти», тем самым подчеркнув приверженность Беларуси своим незабываемым достижениям, уважению к ушедшим поколениям, которые отдали свои жизни за нашу свободу. Историческая память – это связь времен и поколений, неразрывность судьбы независимого государства с героическими страницами истории белорусского народа. Год исторической памяти как символ включает в себя пантеон героев, прославивших народ, являющихся образцом для подражания.

Великая Отечественная война в контексте истории – самая небывалая по своим масштабам и ожесточенности битва советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В этой военной кампании Беларусь потеряла каждого третьего жителя. Война отразилась на судьбах не только всей страны, но и каждой семьи в отдельности, разделив жизнь на до и после, став важным событием личной биографии.

Осмысление событий более чем 80-летней давности на основе воспоминаний ветеранов, с одной стороны, и свидетельств о боях на этой территории – с другой, позволяет детализировать происходившее в то время, одновременно расширяя глобальную картину войны.

Письма, дневники, листовки времен Великой Отечественной войны, посмертные записки, солдатские треугольники, фотографии, мемуары, вырезки из газет – все это, собранное воедино, воссоздает страницы недавнего

героического прошлого, ставшего историей. Эта история всегда остается живой в народной памяти.

В Народном музее боевой славы государственного учреждения образования «Средняя школа № 2 г. Новополоцка» хранятся тысячи анкет, писем с воспоминаниями, фотографии, которые на протяжении нескольких десятилетий собирались учениками поисковой группы «Красные следопыты».

В канун 40-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. «Красными следопытами» была разработана анкета, предназначенная для заполнения солдатами, выжившими при освобождении г. Полоцка летом 1944 г. Анкета была разослана школьниками по всему Советскому Союзу, а также в страны ближнего зарубежья.

Проанализировав заполненные анкеты, мы пришли к выводу, что ответы были присланы в 1985 и 1986 гг. Общее количество анкет – 271.

Приведем некоторые сведения о респондентах.

Национальный состав: русский – 173 человека, украинец – 42, белорус – 16, еврей – 6, казах – 4, татарин – 4, армянин – 3, мордвин – 2, немец – 1, поляк – 1, грузин – 1, коми – 1, башкир – 1.

По дате рождения: 1895 г. – 1 человек, 1899 – 2, 1904 – 3, 1906 – 4, 1907 – 6, 1908 – 1, 1909 – 2, 1910 – 5, 1911 – 4, 1912 – 5, 1913 – 4, 1914 – 7, 1915 – 8, 1916 – 5, 1917 – 3, 1918 – 26, 1919 – 12, 1920 – 13, 1921 – 17, 1922 – 37, 1923 – 39, 1924 – 32, 1925 – 25, 1926 – 10, 1927 – 1, 1928 – 2, 1930 – 1. Исходя из приведенных данных самому старшему участнику освобождения города Полоцка было 45 лет, а самому младшему – 14. В большинстве своем к лету 1944 г. анкетированные достигли возраста 20–21 года.

Места службы респондентов: 67-я гвардейская Витебская Краснознаменная стрелковая дивизия; 51-я ордена Ленина, ордена Суворова стрелковая дивизия; 71-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия; 51-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия; 47-я ордена Ленина, ордена Суворова II степени стрелковая дивизия.

Часто описываемые ветеранами темы в разделе анкеты «Краткое описание наиболее памятных эпизодов периода Великой Отечественной войны, перечень военных операций, в которых участвовал»:

1. Описание боя.
2. Фронтовая повседневность.
3. Осмысление подвига.
4. Коммунистическая партия.
5. Награждение.
6. Ранение.

Поскольку в самой формулировке имеется вопрос о военных операциях, в которых участвовал боец, то данный аспект раскрыт более полно и подробно. Примечательно, что большинство ветеранов упоминают свое участие в самых значимых сражениях Великой Отечественной войны, среди ко-

торых – Московская битва (1941–1942), Сталинградская битва (1942–1943), Курская битва (1943), Белорусская операция (1944). Одну из последних стратегических операций советских войск в европейском театре военных действий – Берлинскую операцию (16 апреля – 8 мая 1945 г.) называли около 8% респондентов.

И хотя крупные операции перечисляются первыми, но подробности не описаны. Так, Чумаков Михаил Мифодьевич (ветеран 67-й гв. сд., с. Спаское Оренбургской области) приводит перечень битв, в которых он принимал участие: оборона Киева, Сталинградская битва, Курская дуга, освобождение Белоруссии, освобождение Прибалтики.

Схожую информацию дают Шевченко Иван Васильевич (ветеран 67-й гв. сд., г. Белгород): Сталинградская операция, Курская дуга, операция «Багратион» по освобождению Белоруссии и Прибалтики, разгром Курляндской группировки немецко-фашистских войск; Шепетов Василий Александрович (ветеран 67-й гв. сд., г. Батуми): Кавказский фронт – битва за Кавказ (1942), Калининский фронт, Белорусская операция «Багратион», разгром и ликвидация Прибалтийской группировки немецких войск в Литве и Латвии; Карапетян Ншан Очалесович (47-й сд., г. Ереван): с начала войны участвовал в боях на Юго-Западном, Сталинградском, Калининском фронтах, затем – 1-м Прибалтийском фронте и многие другие.

Благодаря такой выборке информации сохранился пласт воспоминаний о защите и обороне деревень, сел и городов, которые не настолько растиражированы в научно-исследовательской и мемуарной литературе. Для многих воинов Красной армии запоминающимся был момент боев за малую родину. Беседина Мария Яковлевна, медсестра 51-й гв. сд., писала, что она принимала участие в военной операции на Курской дуге с первого до последнего дня. Было много населенных пунктов на ее пути. Но ей показалось, что под родным Белгородом случилось самое страшное, так как было много раненых и рядом страдали родные и близкие [4].

Гусев Василий Сергеевич, ветеран 47-й сд. из г. Ульяновска, отмечал: «Вели успешные бои за Великие Луки – окружили их и уничтожили фашистскую группировку – эти бои подробно описал Борис Полевой, тот самый, что написал “Повесть о настоящем человеке”, не вспомню, как называется произведение о Великих Луках» [1].

Благодаря личным переживаниям ветеранов в архиве Народного музея боевой славы имеются воспоминания о боях под Прохоровкой, Курском, Ржевом, Себежем, Невелем, на Калининской земле и на Псковщине, об освобождении Витебской области, Украины, городов Латвии, Литвы, Курляндии, Калининграда и многих других.

В своих воспоминаниях участники Великой Отечественной войны в очередной раз осмысливают свой вклад в Победу, место своего подвига в контексте событий. Практически каждый ветеран помнит дату и место сво-

его награждения, а предшествующие события – в подробностях. При этом респонденты отмечают, что без товарищей и боевых друзей им бы было не справиться.

Дружба и братство народов СССР выдержали самые суровые испытания, принесенные войной с немецко-фашистскими захватчиками. В ней участвовали сыновья и дочери всех национальностей страны. Каждая часть Красной армии являла пример боевого братства воинов разных народов. Можно смело и однозначно утверждать, что основой взаимоотношений в армии была дружба. Сражаясь на фронте, воины сознавали, чувствовали, что за их спиной – вся необъятная страна, весь народ.

О героизме, проявленном в боях, пишет ветеран 47-й сд. Гулин Семен Прокофьевич: «В упорном бою за освобождение ж/д станции и поселка Оболь великий подвиг совершил комсорг стр. батальона лейтенант Зуев Алексей, который под сильным огнем противника первым поднялся в атаку и увлек за собой батальон, первым ворвался во вражескую траншею и уничтожил 17 гитлеровцев, пулемет, миномет противника вместе с их расчетами. За это и другие боевые действия Алексей Зуев был удостоен звания Героя Советского Союза, а дивизия была награждена за указанную операцию и освобождение Витебска Орденом Ленина. Многими бойцами был проявлен массовый героизм» [3].

Отдельной строкой хотелось бы отметить воспоминания об обороне г. Полоцка. Ветчинкин Алексей Петрович, ветеран 67-й гв. сд. из Курска писал следующее: «Отбив танковую атаку противника, полк перешел в наступление и занял оборону на дальней окраине Полоцка.

Перед утром 1-й батальон стал двигаться вперед в сторону противника. Шли мы осторожно по земле, на которой еще вчера хозяйничал враг. Шел и я с ручным пулеметом. Редкий туман позволил батальону незаметно подойти почти вплотную к вражеским траншеям. Солдаты залегли. Наша артиллерия открыла огонь по обороне врага. Бойцы ринулись вперед и ворвались в траншею врага. Во время рукопашной я заметил, как раненый командир роты упал на землю. Я подбежал к нему, взвалил раненого к себе на спину и отнес в безопасное место и вернулся к товарищам. Враг был выбит из траншеи и отступил. Подвиг мой был по достоинству оценен. Меня наградили орденом Славы 3-й ст.» [2].

Воспоминания указанных выше авторов содержат богатый материал для характеристики боевого пути частей, где они служили. В совокупности мемуары многих очевидцев представляют гораздо большую источниковедческую ценность, чем взятые в отдельности, так как описываемые в них факты и явления предстают перед исследователем в объемном, многоплановом и беспристрастном освещении.

Многие анкеты содержат теплые и трогательные воспоминания о встречах с мирными жителями.

Павел Федорович Безбородов, ветеран 47-й сд. из г. Курган вспоминал, как во время операции «Багратион» «...взяли к себе в роту разведчика Володю, ему было лет 12. Затем отправляем его в Суворовское училище (1944). Был у нас и дядя Миша. Это местный житель (из с. Козловка на берегу р. Дрисса). Он был постарше нас, потому мы его звали «дядя», был у него всего один глаз. Но очень умный и толковый человек. Он ходил с нами в операциях по захвату «языков», он награжден орденом Красной Звезды. Случай исключительный, когда гражданский человек награждался военным орденом за боевые операции» [5].

Василий Германович Яковенко, ветеран 47-й сд. из Кировоградской области, вспоминает форсирование р. Оболь и встречу с местными жителями: «При взятии т. у. ст. Оболь мы прочесывали населенный пункт, было это где-то в последних числах июня (точно не помню). С одного из этих домов вышла семья: женщина, мужчина и мальчик 3–4-х лет, который спросил: “Папа, это русские, теперь мне можно играть на улице?”. Мы ответили, что мы русские, и только солнышко поднимется, выходи и играйся себе весело и спокойно (мы вступили в этот населенный [пункт] ранним утром). Хотелось бы увидеть этого мальчика спустя 40 лет». И после заполнения анкеты на ее последних строчках В.Г. Яковенко оставил такую пометку: «Р. С. Разговор с мальчиком описал кратко, потому что в его детской головке при встрече с русскими солдатами родилась умная и ясная мысль о том, что с приходом русских он будет играть на улице весело и задорно со своими друзьями. Да, русский солдат приносил не только освобождение нашему народу, но вместе с тем и веселую игру детям. Пусть всегда будет Мир и Счастье!» [6].

Таким образом, анкеты являются специфической формой передачи индивидуального опыта автора, его наблюдений, переживаний и вместе с тем они представляют собой своеобразный отчет перед современниками и потомками. Рассмотренные воспоминания отразили многие переломные моменты войны, ее будни через призму простого человека, попавшего в чрезвычайную ситуацию.

Нередко эти свидетельства изобилуют грамматическими и стилистическими ошибками, в них содержатся описания отдельных боевых эпизодов. Часто встречались случаи, когда в памяти авторов не сохранились названия населенных пунктов либо они были даны в искажении. В силу причин идеологического характера, а также внутренних убеждений источника информации подача сведений может быть искаженной с разной степенью. В анкетах отмечено, что собственное видение очевидцев событий менялось со временем, шла переоценка произошедшего по мере того, как менялся сам человек. В то же время записи анкет позволяют увидеть события глазами их непосредственных участников.

Важными отличительными чертами Советского Союза являлись единство и дружба всех народов, проживавших на его территории. С особой си-

лой это проявлялось в годы Великой Отечественной войны. Готовясь к нападению на СССР, главари фашистской Германии рассчитывали на распад советского многонационального государства. Вопреки их ожиданиям с первых же дней войны представители разных наций и народностей сплотились в борьбе с врагом.

И пока люди помнят прошлый опыт, общество имеет возможность развиваться и совершенствоваться. Память о войне призывает к ответственности за сохранение мира на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Из анкеты** Гусева В. С., ветерана 47-й сд., 1907 г. р., собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка» 24 октября 1985 г., хранящейся в школьном музее.

2. **Из анкеты** Ветчинкина А. П., ветерана 67-й гв. сд., 1916 г. р., собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка», хранящейся в школьном музее.

3. **Из анкеты** Гулина С. П., ветерана 47-й сд., 1915 г. р., собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка» 1 ноября 1985 г., хранящейся в школьном музее.

4. **Из анкеты** Бесединой М. Я., ветерана 51-й гв. сд., 1924 г. р., собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка» 23 октября 1985 г., хранящейся в школьном музее.

5. **Из анкеты** Безбородова П. Ф., ветерана 47-й сд., 1925 г. р., собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка» 15 октября 1985 г., хранящейся в школьном музее.

6. **Из анкеты** Яковенко В. Г., ветерана 47-й сд., 1923 г. р., собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка» 17 октября 1985 г., хранящейся в школьном музее.

Афанасьева Ю.В. (г. Витебск)

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ 1970–1990-х гг. В КОЛЛЕКЦИИ «ЖИВОПИСЬ» ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Город Витебск необычайно красив. Этот город всегда удивляет, восхищает и заставляет очередной раз влюбиться в него. Старый Витебск расположен на высоких холмах, с вершин которых постоянно открываются чудесные панорамы. Каким запомнился Витебск художникам, когда город напоминал большую стройку, а скромная легковушка считалась роскошью? Каждый город имеет свой неповторимый облик, колорит. Прежде всего эта уникальность достигается благодаря его правильному развитию в пространстве и времени. Очертания города, его индивидуальный художественный облик

определяются главными площадями, главными магистралями и доминирующими сооружениями. Каждый из художников видит город по-своему: кто-то изображает яркие постройки, иным же ближе тихий дворик в спальном районе, а кому-то – кусочек природы среди каменных джунглей. Но так или иначе, художникам удается главное – поймать время.

На протяжении всей своей жизни горожанин становится свидетелем глобального изменения урбанистического пространства: увеличивается количество машин, появляются новостройки в исторической части города или рядом с ней и т. д. Это касается крупных современных белорусских городов, прежде всего областных центров. Иногда постепенное преобразование городской среды влечет за собой разрушение ее исторической части и некоторое «обезличивание» города. Вместе с тем меняется и психология личности, живущей в городской среде. Однако, несмотря на динамику городской жизни, человек в силу своих возможностей старается сохранить в памяти места и образы города, вызывающие у него определенный интерес и положительные эмоции, и передать их с помощью выразительных средств изобразительного искусства. Пейзаж в данном контексте является одним из наиболее доступных и востребованных жанров для отображения городской тематики.

Тема родного города всегда волновала и вдохновляла витебских художников, а пейзаж, и в особенности городской пейзаж, традиционно занимал в их творчестве значительное место.

Тема городского пейзажа 1970–1990-х гг. в коллекции «Живопись» представлена художественными произведениями А.С. Корженевского, А.И. Толкача, В.К. Дзежица, В.А. Андросова, Г.П. Лебедева, П.Н. Баранова, В.А. Шилко. Каждый из художников предлагал свой, отличный от других образ знакомого города. В то же время наблюдается удивительная схожесть в восприятии архитектуры, бережное отношение к ее деталям, пропорциям. Но наряду с этим произведения художников отличались отсутствием пленэрности, вымышленностью, эмоциональной насыщенностью, свободой в трактовке сюжета.

Изучив произведения, нетрудно заметить, что некоторые фрагменты городского пространства выступают излюбленными мотивами городских пейзажей, написанных витебскими художниками. Именно эти пространства воспринимаются жителями в качестве визитных карточек города и представляют собой наиболее значимые фрагменты городского пейзажа. В Витебске, несомненно, к таким ключевым пространствам и объектам следует отнести архитектурные ансамбли улицы Ленина, площадь Победы, площадь Свободы, улицы Кирова, ансамбль площади Тысячелетия, здания Ратуши, Национального академического драматического театра им. Якуба Коласа, площади у вокзала и т. д.

Этим список достопримечательных объектов г. Витебска, отображенных в полотнах художников, конечно же, не ограничивается. В витебских пейза-

жах отражены практически все яркие архитектурные ансамбли и объекты, относящиеся к различным периодам и эпохам.

Есть в Витебске несколько пространств, выражающих дух города и часто отражаемых в пейзажах художников. Одним из них является *Рыночная (Ратушная) площадь*. Главным архитектурным акцентом площади являлась Ратуша. Именно здание Ратуши мы часто встречаем в пейзажах витебских художников: А.С. Корженевского «Витебская Ратуша» (1972), «Витебск – древний город» (1981), «Над Витьбой» (1981), В.А. Шилко «Зимний пейзаж» (1985), Г.П. Лебедев «Непарадный Витебск» (1998).

Можно отметить, что интерес художников к центральной части города во многом предопределен их вниманием к исторической застройке, которая привлекает художников как своими эстетическими характеристиками, так и исторической значимостью. И наоборот, строчная жилая застройка в силу своей невыразительности редко привлекает художников и удостоивается изображения.

Частым объектом пейзажей витебских художников является ансамбль площади Победы (А.С. Корженевский «Витебск. Первый снег» (1966), «Новая школа» (1966), «Площадь Победы в Витебске» (1975), «Бульвар на пл. Победы в Витебске» (1976), площади Тысячелетия (П.Н. Баранов «Витебск в 1961 г.» (1961), «Витебску 1000 лет» (1973–1975) [1]. Так, в работе «Витебск. Первый снег» А.С. Корженевский изображает панораму площади Черняховского (нынешней площади Победы). Интересно, что площадь Победы свое нынешнее название получила в один день с Московским проспектом – 27 декабря 1973 г. До этого, с 24 июня 1949 г., она называлась площадью Черняховского, а еще раньше – Оршанской площадью. Район площади Победы в конце 1960-х гг. был типичной городской окраиной. В конце 1960-х гг. территория в районе площади Победы уже активно застраивалась пятиэтажками. Вскоре появился дом с магазином «1000 мелочей». Одним из самых примечательных зданий на площади Черняховского был кинотеатр «Заря», который действовал до 1969 г. и стал центром культурной жизни Витебска. Он находился на месте ресторана «Журавинка», рядом с пересечением шоссе на Смоленск, Оршу и Бешенковичи [3]. Интересна также работа П.Н. Баранова «Витебск в 1961 г.», на которой художник показывает ансамбль площади Тысячелетия – Благовещенскую церковь и драматический театр. В глубине пространства картины запечатлена Благовещенская церковь, которая уже в декабре 1961 г. была взорвана.

Монументальный, парадный образ Витебска дополняется серией лирических камерных пейзажей, в которых еще ярче угадываются отношения художника и города, потому как камерный формат предполагает больший уровень доверительности отношений, некую погруженность в мир эмоций и переживания своего отношения к пространству.

Самым ярким примером камерного городского пространства является двор. С одной стороны, он является пространством относительно локальным

и замкнутым, пространством полуприватным, в котором уже появляется деление всех на своих и чужих, ярко проявляется чувство близости и родства.

Пространство двора – пространство утилитарное, оно наполнено повседневными делами и обязанностями. Во дворе может сушиться белье, стираться ковры и т. д. Это пространство, допускающее деятельность по жизнеобеспечению, деятельность обыденную, но от этого не менее значимую.

Ярким примером такого дворового пространства является картина Г.П. Лебедева «Непарадный Витебск», где художник изобразил обыденную жизнь жителей одного из старых дворов Витебска.

Характеристика Витебска как города основанного на реках является одной из ключевых метафор его образного каркаса. Образ р. Витьбы, Западной Двины, Лучёсы неразрывно вплетен в образ города. Соответственно, изображение рек является крайне значимым элементом городских пейзажей. Многие картины витебских художников показывают главную водную артерию города – Западную Двину, ее берега, их укрепление, витебскую пристань, пароходы, пляж, здания рядом с набережной. Это работы А.С. Корженевского «Витебская пристань» (1983), «У причала» (1984), «На витебской пристани», В.К. Дзежица «Судоремонтные мастерские», В.А. Андросова «Апрель на Двине» (1986), П.Н. Баранова «Витебск» (1976), «Витебску 1000 лет» (1973–1975).

Одним из атрибутов, связанных с речным пространством, являются мосты. Мосты не только в прямом смысле позволяют преодолеть естественную преграду в виде реки, но и в символическом смысле связывают природу и город. Очень ярко эта функция мостов проявлена в работах П.Н. Баранова «Витебск» (1976), А.И. Толкача «Город живет», А.С. Корженевского «Витебск».

В 1970-е гг. Витебск – один из крупнейших индустриальных городов республики. Широкое развитие получает здесь станкостроение, приборостроение, легкая и пищевая промышленность. В урбанистических пейзажах витебских художников четко прослеживается стремление передать современный облик города через индустриальную макросреду, под которой подразумевается районы-новостройки, крупномасштабные технические сооружения и т. д.

Жанр индустриального пейзажа призван был акцентировать внимание на поэтике технического прогресса. Произведения в этом жанре знакомили зрителя с достижениями в области промышленного строительства и ускоренными темпами урбанизации, повествуя о возведении крупных заводов, электростанций, строительстве автомагистралей и др. Так, в Витебске в 1970-е гг. были открыты кинотеатр «Беларусь», ресторан «Аврора», Мемориальный комплекс в честь советских воинов-освободителей, партизан и подпольщиков Витебщины, построен мост через Витьбу, связавший ул. Гуторовскую с пр. Фрунзе, построена гостиница «Витебск», открыт новый речной порт на правом берегу Западной Двины.

Основой содержания в таких художественных произведениях выступает идея созидательно преобразующей деятельности человека в окружающем мире. Живописные работы характеризуются наличием ритма линий и контуров, пропорционального соотношения планов в композиции: первый – земля или асфальтовая дорога; второй – новостройки, строительная техника или сооружения; третий – небо. Пейзажи реалистичны, однако в них присутствует и романтический оттенок, вызванный чувством новизны и социальными преобразованиями в стране. Можем отметить, что художники прослеживают тенденцию образной трактовки города как индустриально-урбанистического пространства. Это произведения А.И. Толкача «Новые кварталы» (1967), «Город живет», А.С. Корженевского «Гостиница “Витебск”» (1986), «Площадь Победы в Витебске» (1975), «У памятника Победы», «Бульвар на пл. Победы в Витебске» (1976), «Проспект Черняховского» (1965) и др.

Городские пейзажи 1970–1990-х гг. проникнуты глубоким патриотическим чувством, вниманием к аспектам культурной памяти и культурному наследию во всех его гранях и аспектах. Историческое прошлое выступало и как опора современности, и как ее неотъемлемая часть.

Известные живописцы Витебска А.С. Корженевский, А.И. Толкач, Г.П. Лебедев, В.А. Андросова, В. К. Дзежиц по-своему изобразили город на холстах, но каждому из них удалось передать то, что называют душой города. У каждого свой город – большой, изменчивый и многогранный, динамичный и неспешный, шумный и спокойный, тревожный и жизнерадостный, торжественный и будничный, пасмурный и солнечный. У Антона Корженевского – уют старых предместий и улиц, у Виктора Андросова – яркие парады и демонстрации, у Григория Лебедева – неповторимый колорит истории и современности. Вот такую красоту и спешат запечатлеть местные художники, чтобы их любимый город навеки остался в памяти потомков. Художники стараются передать самое характерное, существенное в явлениях городской жизни. В данных работах на передний план выступают также особенности творческой манеры мастера. Поэтому среди этих картин большое количество работ, на которых изображены достопримечательности исторического центра Витебска, – Ратуша, театр, церкви. Удивительно, что, не прибегая к фотографической точности в изображении архитектурных элементов, художникам удается создать достоверный образ города. В их работах мы читаем сожаление об утекающем времени в городе, где неизбежно стареют дома, деревья, люди. Художники стремятся передать связь времен. При этом опять же можно отметить, что каждый из них вкладывает в картину частичку своего настроения и мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Антон** Станиславович Корженевский. Живопись : каталог / авт. вступ. ст. Н. А. Гугнин, А. Ф. Ковалев. – Витебск, 1991. – 15 с.

2. **Возвращение** Корженевского // Витебский проспект. – 2010. – 18 нояб. – С. 23.
3. **Подлипский, А.** Певец витебских улиц / А. Подлипский // Народные слова. – 1996. – 1 лют. – С. 4.
4. **Салаўёва, Т.** Класіка колеру Віктара Андросава / Т. Салаўёва // Витебский проспект. – 2007. – 1 нояб. – С. 2.
5. **Цыбульский, М. Л.** Андросов Виктор Александрович / М. Л. Цыбульский // Регионы Беларуси : энциклопедия : в 7 т. / редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Т. 2, кн. 1 : Витебская область. – С. 18.

Барановский А.Л. (г. Минск)

ГАЗЕТА «КАЛГАСНАЯ ПРАЎДА» (ЛЕПЕЛЬ) 1930–1941 гг.: МАТЕРИАЛЫ К АННОТИРОВАННОМУ УКАЗАТЕЛЮ ИМЕН

Издавания периодической печати вообще и региональной в частности являются важнейшими, ценными и уникальными источниками по истории, краеведению и повседневности определенной местности, региона или населенного пункта. Основные их преимущества: оперативность, регулярность, локальность и фактографическая насыщенность информации.

Предварительно, во время проведения исследования в фондах крупных библиотек и архивохранилищах Беларуси и России нами было выявлено 23 периодических издания Лепельщины 1911–1913, 1918–1919, 1920–1921, 1930–2022 гг.: 17 газет, в том числе 1 стенная, 1 однодневная и 2 – отдельные специальные выпуски, 2 журнала и 4 бюллетеня на русском (12) и белорусском (11) языках, среди которых 2 наименования (газета, журнал) дореволюционного периода и 4 наименования (3 газеты, 1 журнал) оккупационного периода [2].

В настоящее время единственным периодическим изданием в Лепельском районе Витебской области является районная газета «Лепельскі край» (общественно-политическое издание, в центре внимания которого – новости, социально-экономическое и культурное развитие г. Лепеля и Лепельского района), имеющая также сайт www.lepel-kraj.by. Издание награждено Почетными Грамотами Верховного Совета БССР, Национального собрания Республики Беларусь, Почетными грамотами и Дипломами Министерства информации Республики Беларусь, отраслевых министерств и ведомств, Витебского облисполкома и Лепельского райисполкома, Витебского областного и Лепельского районного Советов депутатов; трижды лауреат Премии им. Франциска Скорины в номинации «Лучшая районная газета» [3; 6].

Историческая справка: **Калгасная праўда** : орган Лепел. РК КП(б) Беларусі і райвыканкама; орган Лепел. акрама, РК КП(б) Беларусі і акрывканкама; орган Лепел. РК КП(б) Беларусі і райсавета; орган Лепел. [падпольнага]

РК КП(б) Беларусі; орган Лепел. [падпольнага] РК КП(б) Беларусі і райсавета; орган Лепел. РК КП Беларусі і райсавета; газ. Віцеб. абкама КП Беларусі і аблсавета, Лепел. тэрытар.-вытвор. калгас.-саўгас. упр. / адк. рэд., нам. адк. рэд.: **У.К. Мятла** (1930–1932), **Ф.У. Куроўскі** (1932, 1933), **М.П. Стральчонок** (1932–?), **С.І. Сялюк** (1933), **Д.А. Бароўскі** (? – 1935), **Б.Б. Пяркоўскі** (1936, 1938), **Л.В. Садоўскі** (1936, 1938), **І.Л. Масленнікаў** (1937, 1938), **Е.М. Прахарэнка** (1936–1939), **Г.І. Каралёў** (1939, 1940), **Ф.Я. Кляцкоў** (1939), **Я.М. Пліско** (1940). – Лепель: [б. в.], 1930–1941; 1943–1962. – Перапынак у выд.: 1941, 16 чэрв. – 1943, 13 сак. №№: 1930, № 1 (21 лістап.) – 5 (снеж.); 1931, № 1 (6) (8 студз.) – 95; 1932, № 1 – 148; 1933, № 1 – 188; 1934, № 1 – 201; 1935, № 1 – 192; 1936, № 1 – 9, № 1 – 173; 1937, № 1 – 295; 1938, № 1 – 289; 1939, № 1 – 288; 1940, № 1 – 219; 1941, № 1 – 74 (2178) (15 чэрв.). 2–4 с. Бел./рус./пол. мова. Перыяд: 1–5 р. у дэк.; 5–6 р. у тыдз. Фармат: 40x29. Тыраж: [1000]–3000 экз. 3 1962, № 1 (1 мая) – **Ленінскі сцяг**; з 1992, № 1 (3 студз.) – **Лепельскі край** [1; 4].

Ніжэ в алфавіце фамілій впершыя прадставлены матэрыялы к аннотаванаму указателю імен (выборка: всего 98 персон) прадставіцелей партыйных і выбарных органаў, ісполніцельнай власті, спеціалістаў, рукаводіцелей прадпрыятій і учрэдзеній, рэдактараў і замесціцелей рэдактараў раённай газеты, военнага камандавання, правоохраніцельных органаў Лепельшчыны перыода 1932–1941 г. Істочнік ісследавання: падшыўкі газеты «Калгасная праўда» за даннаы перыод врэмені, прасмотренныя намі de visu (к жоаленію, комплекты за 1930, 1931, 1934 і 1941 г. в бібліотеках і архівах Беларусі і Россіі не выявлены; практычэскі во всех годовах падшыўках імеюцца разлічнэй степені лакуны) [5].

Фаміліі, атмеченныя звездочкай, суправаджаюцца в перыодычэскім ізданні чэрно-белымі фотопортретами, в квадратных скобках прыводяцца прадполагаемыя сведенія, в круглых скобках – дата першаго упамінаня ліца. Атрыбуцыя – уточненія, ісправленія і допалненія сведеній (імя, отчество, годы жыці, место рожденія, должность, званіе і пр.) – выполнена із открытых авторітетных справочных істочніков і баз данных, прі этом по некоторым персонам проведена впершыя. В свою очередь, інформация із газеты позволіла допалнїть біографічэскіе сведенія ізвестных людеі. Біографічэскіе сведенія частічно суправаждены фотопортретами.

Таким образом, ісследаваніе позволіло частічно персоніфіцырвать старіцы довоенной історіі – партыйной, эканомічэской і культурной жыці рэгіона, оно послужит істочніком для дальнейших біографічэских разысканій і інтересных открытіі, а также меморізаціі імен – прэжде всего малоізвестных, ізвестных і забытых деятелей і, безусловно, інтересует історіков і краеведов не только Лепельшчыны. Выражаем прызнательность за помощь прі подготавке матэрыяла ізвестному краеведу Витебшчыны Федору Івановічу Шкірандо.

Автух Николай Герасимович (1905 – ?), род. в д. Ладосно Лепельского уезда Витебской губернии, член КП(б) Б, председатель Каменского сельского Совета депутатов трудящихся Лепельского района (декабрь 1939 г.).

Аммосов Сергей Николаевич (1897–1943/1946), род. в г. Москве, в РККА с 1919 г., член ВКП(б) с 1920 г., участник Гражданской войны, первый командир 16-й механизированной бригады БВО (1935–1937), полковник, в/г Боровка, член пленума Лепельского окружного комитета КП(б)Б (июнь 1936 г.), репрессирован.

Антонов Петр Иосифович (1900–1938), род. в с. Романове Касимовского уезда Рязанской губернии, член ВКП(б) с 1918 г., в РККА с 1919 г., с 1935 г. командир и военный комиссар 24-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса БВО, комбриг, разезд 116-й км (июнь 1936 г.).

Асмоловский Степан Алексеевич (1900 – ?), Лепельский районный ветеринарный врач (ноябрь 1939 г.).

Бейнерович, заведующий Лепельским районным отделом народного образования (апрель 1938 г.).

Березников Григорий Никитович (1902–1937), род. в д. Знаменка Тамбовского уезда Воронежской губернии, председатель Лепельского городского Совета рабочих, сельских и красноармейских депутатов (декабрь 1932 г.), управляющий Заготзерно (август 1937 г.), репрессирован.

Болтиков [Павел Иванович (1905 – после 1985)], род. в д. Малая Митьковщина Оршанского уезда Витебской губернии, сотрудник милиции (ОГПУ?) Лепельского района (апрель 1932).

Боровский Дмитрий Алексеевич (1903 – ?), ответственный редактор газеты «Калгасная праўда» (январь – февраль 1935 г.), репрессирован.

Брусованик Лев Семенович (1913 – после 1985), род. в г. Гомеле, член ВКП(б), помощник начальника Лепельского городского отдела УГБ НКВД БССР, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Булах Александра Максимовна (1912–1942), род. в д. Гарани Лепельского уезда Витебской губернии, в 1929 г. вступила в колхоз, член КП(б)Б с 1938 г., депутат, председатель Несинского сельского Совета депутатов трудящихся Лепельского района (декабрь 1939 г.).

***Бутенко Дмитрий Никифорович** (1905 – после 1985), род. в с. Сергеевке Кустанайского уезда Оренбургско-Тургайской губернии, в РККА с 1927 г., член ВКП(б) с 1930 г.; помощник начальника полковой школы 360-го гаубичного артиллерийского полка АРГК, старший лейтенант, в/г Боровка, кандидат в депутаты Верховного Совета БССР от Лепельского избирательного округа (май 1938 г.).

Вашук Климент Антонович (1902 – ?), член ВКП(б), заведующий Лепельским районным отделом народного образования (ноябрь 1939 г.).

***Волков Евстигней Илларионович** (1896 – ?), род. в с. Городец Балахнинского уезда Нижегородской губернии, в РККА с 1918 по 1922 гг., член ВКП(б) с 1920 г., ранее работал начальником политотдела Витебской МТС, секретарем Ушацкого районного комитета КП(б)Б, 1-й секретарь Лепельского районного комитета КП(б)Б, депутат Верховного Совета БССР (май 1938 г.).

Волосюк Данила Антонович (1901 – ?), член КП(б)Б, председатель Лепельского сельского Совета депутатов трудящихся Лепельского района (декабрь 1939 г.).

Вольтер М.И., председатель Лепельского окружного потребительского Союза (ноябрь 1936 г.), 2-й заместитель председателя Лепельского районного исполнительного комитета (январь 1940 г.).

Гаврушев Тимофей Евстигнеевич, 2-й секретарь Лепельского районного комитета КП(б)Б (май 1938 г.).

Галуза А.М., 3-й секретарь Лепельского районного комитета КП(б)Б (май 1938 г.).

Галуза Василий Иосифович (1896 – ?), род. в д. Мозолы Толочинского уезда Витебской губернии, член ВКП(б), председатель Лепельского районного Совета ОСОВИАХИМа, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Гирнис, председатель Лепельского районного комитета Союза работников начальных и средних школ (до 22 ноября 1937 г.).

Гловацкий Семен Михайлович (1893–1941), род. в с. Завалево Грубешовского уезда Люблинской губернии, Царство Польское, член ВКП(б) с 1918 г., в РККА с 1918 г., командир 95-го кавалерийского полка 24-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса БОВО, полковник, разъезд 116-й км, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Гольнский Борис Григорьевич (1902 – ?), род. в д. Мамоновщина Дриссенского уезда Витебской губернии, в РККА с 1924 г., начальник дорожного отдела Лепельского районного исполнительного комитета (март 1938 г.).

Довжик, военный комиссар Лепельского района (август 1939 г.).

Дружинин Григорий Иванович (1903 – ?), член ВКП(б), начальник Лепельского окружного отдела милиции (декабрь 1937 г.), начальник Лепельского районного отдела милиции, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Езерский, заведующий Лепельским районным отделом народного образования (август 1939 г.).

Ермолаев Василий Андреевич (1900–1942), род. в с. Печерники Михайловского уезда Рязанской губернии, член ВКП(б) с 1919 г., в ОГПУ с 1924 г.,

с 1935 по 1936 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД 24-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса БВО, разъезд 116-й км, с 1936 г. начальник Лепельского окружного отдела УГБ НКВД БССР, старший лейтенант государственной безопасности (ноябрь 1937 г.).

Ероменок, заведующий дорожным отделом, председатель Лепельского районного исполнительного комитета (декабрь 1939 г.).

Иванов, член ВКП(б), сотрудник Лепельского городского отдела УГБ НКВД БССР (апрель 1932 г.).

Каждан Израиль Борисович (1905 – после 1985), род. в г. Минске, 2-й секретарь Лепельского окружного комитета КП(б)Б (апрель 1936 г.).

Калитуха, секретарь Лепельского районного исполнительного комитета (февраль 1935 г.).

Камиронов [Константин Михайлович (1901–1974)], род. в д. Пыренка Жиздринского уезда Калужской губернии, сотрудник ОГПУ Лепельского района (апрель 1932 г.).

Кацнельсон Борис Маркович (Миронович) (1905 – ?), председатель Лепельского районного комитета Союза работников начальных и средних школ (с 22 ноября 1937 г.).

Кельнер Казимир Генрихович, секретарь Лепельского районного исполнительного комитета (октябрь 1932–1933 гг.).

Клецков [Федор Егорович (1913–1978)], врио ответственного редактора газеты «Калгасная праўда» (сентябрь 1939 г.).

Клибанов, секретарь Лепельского городского Совета рабочих, сельских и красноармейских депутатов (февраль 1933 г.).

Князев Иван Михайлович (1895 – ?), член КП(б)Б, секретарь Лепельского районного исполнительного комитета (декабрь 1939 г.).

Королев Георгий Иванович (1903 – ?), член КП(б)Б, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.), редактор газеты «Калгасная праўда» (июнь – сентябрь 1939 г., январь 1940 г.).

Кроль Александр Стефанович (? – 1938), род. в м. Романово Слуцкого уезда Минской губернии, заведующий Лепельским окружным отделом народного просвещения (июль 1936 г.), член ВКП(б); учитель средней школы, репрессирован.

Круглов, техник машинно-дорожного отряда при 3-м дорожно-строительном участке (июль 1932 г.).

Крысин Дмитрий Иванович (1898 – ?), начальник Лепельского окружного отдела УГБ НКВД БССР, старший лейтенант государственной безопасности (май 1936 г.).

Курганов Гиля Беньяминович (1902 – ?), член КП(б)Б, начальник Участка дорожного строительства № 709, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (март 1938 г.).

Куровский Феликс Владиславович (1904–1938), род. в Сумском уезде Харьковской губернии, ответственный редактор газеты «Калгасная праўда» (ноябрь 1932 г. – август 1934 г.), директор Белицкой неполной средней школы, репрессирован.

Лазарев Иван Гаврилович (1898–1979), род. в д. Большое Среднее Юхновского уезда Смоленской губернии, в РККА с 1918 г., с 1935 г. начальник штаба – заместитель командира, с 1937 г. командир 16-й механизированной бригады БВО, комбриг, в/г Боровка, избран делегатом XVII съезда КП(б)Б (май 1938 г.).

Ломако Кузьма Иосифович (1899–1941), род. в г. Ейске Кубанской области, член КП(б)Б, в РККА с 1918 г., помощник командира 24-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса БОВО, полковник, разезд 116-й км, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Лучина Константин Никифорович (1900 – ?), род. в д. Выдрица Борисовского уезда Минской губернии, член ВКП(б) с 1929 г., председатель Лепельского районного исполнительного комитета (январь 1940 г.), депутат Витебского областного Совета депутатов трудящихся (с 22 сентября 1939 г.).

Ляхов Прокофий Денисович (1898 – ?), 1-й секретарь Лепельского окружного комитета КП(б)Б (сентябрь 1936 г.).

Масленников Иван Леонтьевич (1905–1941), врио ответственного редактора (октябрь 1937), ответственный редактор (ноябрь 1937 г. – январь 1938 г.) газеты «Калгасная праўда», депутат Верховного Совета БССР (июнь 1938 г.); командир Столинского партизанского отряда, погиб в бою.

***Мельников Сергей Петрович** (1894 – ?), род. в Зарайском уезде Рязанской губернии, член ВКП(б) с 1918 г., ранее работал в Московской области, с октября 1937 г. председатель Лепельского окружного исполнительного комитета, выборщиками Лепельского сельского избирательного округа выдвинут кандидатом в депутаты Совета Национальностей БССР (ноябрь 1937 г.).

Метла Владимир Кондратьевич (1897 – после 1985), род. в д. Гаевка Вилейского уезда Виленской губернии, ответственный редактор (первый) газеты «Калгасная праўда» (ноябрь 1930 г. – август 1932 г.).

Миненок Федор Данилович (1906 – ?), род. в д. Слободка Лепельского уезда Витебской губернии, с 1932 по 1934 г. работал участковым милиционером, помощником уполномоченного Любанского районного отдела милиции, с 1934 г. заместитель по казначейской части директора Лепельского кирпичного завода (апрель 1936 г.).

Михайлов Панкрат Никитич (1900–1974), род. в д. Мосоловка Бобровского уезда Воронежской губернии, в РККА с 1919 г., член КП(б)Б с 1921 г., с 1937 г. начальник политотдела, с 1938 г. военный комиссар – заместитель по политической части командира 24-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса БОВО, полковой комиссар, разъезд 116-й км, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.).

Морозов Степан Ильич (1893–1950), род. в д. Филатово Тульского уезда Тульской губернии, в РККА с 1918 г., с 1936 г. командир и комиссар 79-го стрелкового полка 27-й стрелковой Омской дивизии им. Итальянского пролетариата БВО, полковник, г. Лепель (ноябрь 1936 г.).

Мотра Семен Эльевич (1903 – ?), член КП(б)Б, директор Лепельского строительного завода, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.).

Навроцкий Сергей Степанович, заведующий Лепельским городским отделом народного образования (ноябрь 1937 г.).

Нароенко Яков Григорьевич (1895 – ?), председатель Лепельского районного исполнительного комитета (май 1932 г.), начальник управления Лепельской районной организации Автодор (декабрь 1932 г.), с декабря 1939 г. прокурор (первый) Брестской области.

Начинкин Николай Александрович (1907–1986), род. в д. Рязаново Тверского уезда Тверской губернии, член ВКП(б), в РККА с 1929 г., военный комиссар 79-го стрелкового полка 27-й стрелковой Омской дивизии им. Итальянского пролетариата БВО, полковой комиссар, г. Лепель (декабрь 1937 г.).

Нечиперович Бронислав Владиславович (1904? – после 1955?), член КП(б)Б, начальник 4-го отделения Лепельского окружного отдела УГБ НКВД БССР, младший лейтенант государственной безопасности (май 1936 г.), член бюро районного комитета КП(б)Б, член партийного комитета Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (май 1938 г.), 1-й заместитель председателя Лепельского районного исполнительного комитета, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Панов Михаил Владимирович (1895 – ?), член КП(б)Б, 1-й секретарь Лепельского районного комитета КП(б)Б, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся, выдвинут депутатом Лепельского районного Совета депутатов трудящихся, Витебского областного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.).

Паценгель Григорий Михайлович (1893 – ?), род. в г. Санкт-Петербурге, в 1917 г. уполномоченный Петроградской губернской ЧК, с 1930 г. слушатель-аспирант Института красной профессуры, 1-й секретарь Лепельского районного комитета ВКП(б) (май 1936 – 1937 г.), осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Перепечкин Александр Демьянович (1889 – ?), член КП(б)Б, начальник Лепельского строительного участка, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Перковский Борис Борисович (1906–1973), род. в м. Бешенковичи Витебской губернии, член КП(б)Б, ответственный редактор (май 1936 г., май – август, октябрь – ноябрь 1938 г.), врио ответственного редактора (апрель 1938 г.) газеты «Калгасная праўда», военнослужащий, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.).

Петров Владимир Богданович, военный комиссар 16-й механизированной бригады БВО, полковник, в/г Боровка (июнь 1936 г.), избран делегатом Витебской областной партийной конференции, XVII съезда КП(б)Б (май 1938 г.), погиб на фронте.

Петровская, учитель Боровской неполной средней школы (август 1939 г.).

Плиско Егор Матвеевич (1917 – ?), род. в г. Ленинграде, член ВКП(б), член исполнительного комитета Лепельского городского Совета депутатов трудящихся, и. о. ответственного редактора газеты «Калгасная праўда» (январь 1940 г.).

Попов, военнослужащий, начальник клуба Лепельского военного гарнизона, г. Лепель (март 1932 г.).

Прохоренко Ефим Николаевич (1902–1964), род. в д. Нестерово Мстиславского уезда Могилевской губернии, член ВКП(б) с 1926 г., заместитель директора Могилевской районной газеты (1930–1932), редактор Плещеницкой и Чашникской районных газет (1932–1936), заместитель ответственного редактора (заместитель директора) газеты «Калгасная праўда» (декабрь 1936 – август 1939 г.).

Проخورчук, политрук Лепельского учебного пункта (март 1938 г.).

Пуцин Франц Францевич (1898–1937), род. на ст. Птичь Мозырского уезда Минской губернии, член ВКП(б), сотрудник Житковичского районного исполнительного комитета Мозырского округа (июнь 1925 г.), секретарь Дзержинского районного комитета КП(б)Б Минской области (ноябрь 1932 г.); председатель Лепельского окружного исполнительного комитета (ноябрь 1936 г.), репрессирован.

Радиковский А.И., инструктор культпропотдела Лепельского окружного комитета КП(б)Б (на 1936), заведующий Лепельским окружным отделом народного образования (март 1938 г.).

Разгонов Василий Федосеевич (1899 – ?), начальник политического отдела 24-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса БВО, полковой комиссар, разъезд 116-й км (июнь 1936 – 1937 г.).

Ращинский Павел Мефодьевич (1907–1942), род. в г. Орша Витебской губернии, заведующий дорожным отделом Лепельского окружного исполнительного комитета (июнь 1936), начальник облдоротдела Витебского облполкома (1938–1940), председатель Брестского горисполкома (1940–1941), погиб на фронте.

Рудак, председатель Лепельского городского Совета рабочих, сельских и красноармейских депутатов (июль 1939 г.).

Рубайло Ефрем, военнослужащий, руководитель (дирижер) военного оркестра, младший командир взвода (май 1938 г.).

Рутковский Михаил Васильевич, военный комиссар Лепельского округа, капитан (август 1933 – 1936 г.).

Садовский Леонид Васильевич (1912 – ?), заместитель (февраль 1935 г. – апрель 1936 г., январь 1938 г.), врио (апрель – май 1936 г., апрель 1938 г.) ответственного редактора газеты «Калгасная праўда».

Сафонов [Дмитрий Потапович (1895–1941)], род. в г. Царицыне Саратовской губернии, в РККА с 1918 г., командир 24-го конно-артиллерийского полка 24-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса БВО, полковник, разъезд 116-й км (май 1938 г.).

Селюк Сергей Иванович (1912 – ?), род. в с. Вольберовичи Борисовского уезда Минской губернии, заместитель ответственного редактора газеты «Калгасная праўда» (октябрь 1933 г.), с ноября 1933 по сентябрь 1934 г. секретарь Лепельского райкома комсомола.

Семашко С.Е., председатель Лепельского районного исполнительного комитета (июнь 1936 г.).

Семитко Иван Алексеевич (1900 – ?), род. в д. Вербовичи Мозырского уезда Минской губернии, председатель Лепельского районного исполнительного комитета (август 1937 г.).

Сигалов Афроим Исакович (1903 – ?), род. в г. Лепеле Витебской губернии, член ВКП(б), председатель Лепельского районного Союза, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Сигалов Вигдор Мордухович (Виктор Миронович) (1900 – ?), род. в г. Лепеле Витебской губернии, член КП(б)Б, председатель (апрель 1932), секретарь партийной ячейки (июнь 1933 г.) Лепельского городского Совета рабочих, сельских и красноармейских депутатов, директор Лепельского районного промышленного комбината, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.).

Сиднева (Москалева) Евгения Ивановна (1903–1985), род. в г. Риге, Латвия, работница Лепельской нефтебазы, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Силантьев Николай Михайлович (1887 – ?), член КП(б)Б, заведующий Лепельским районным социальным обеспечением, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.).

Сильванович Василий Трофимович (1899 – ?), род. в д. Большой Полсвиж Лепельского уезда Витебской губернии, кандидат в члены КП(б)Б, секретарь Лепельского сельского Совета депутатов трудящихся Лепельского района (декабрь 1939 г.).

Синельников Я.С., председатель Лепельского городского Совета рабочих, сельских и красноармейских депутатов (апрель 1936 г.).

Слепов Григорий Иванович (1913 – ?), член КП(б)Б, начальник Лепельского городского отдела УГБ НКВД БССР, младший лейтенант государственной безопасности, депутат Лепельского районного Совета депутатов трудящихся (ноябрь 1939 г.).

Старинский Николай Васильевич (1909 – ?), род. в д. Черноручье Лепельского уезда Витебской губернии, кандидат в члены КП(б)Б, начальник разъезда 116 км, депутат Полянского сельского Совета депутатов трудящихся Лепельского района (декабрь 1939 г.).

Стрельченко Николай (Никонор) Павлович (1908 – ?), род. в д. Недадь Борисовского уезда Минской губернии, с декабря 1931 г. секретарь редакции, врио редактора (июнь 1932), заместитель ответственного редактора (декабрь 1932, январь – октябрь 1933 г.) газеты «Калгасная праўда», с марта 1933 г. в РККА.

Судак Александр Тимофеевич, от рабочих и служащих Лепельского строительного завода по Лепельскому городскому избирательному округу выдвинут в депутаты Верховного Совета БССР (апрель 1938 г.).

Сукачев Даниил Киреевич (1901–1973), род. в д. Семукачи Могилевского уезда Могилевской губернии, участник Гражданской войны, член ВКП(б), председатель Лепельского районного исполнительного комитета (до 20 сентября 1939 г.), с 1940 г. председатель Едвабновского райисполкома Белостокской области.

Счастный, директор Лепельского кирпичного завода (апрель 1936 г.).

Фейгельман Соломон Абрамович (1895 – ?), кандидат в члены КП(б)Б, директор (с 1932, года основания), технический директор Лепельского строительного завода, депутат Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Фильманович Василий Яковлевич (1897 – ?), род. в д. Осиновка Двинского уезда Витебской губернии, заведующий Лепельским районным отделом народного образования (июнь 1933 – 1936 г.).

Фомин, начальник машинно-дорожного отряда при 3-м дорожно-строительном участке (июль 1932 г.).

Фроленков Прохор Иванович (1895 – после 1985), род. в д. Ветухна Климовичского уезда Могилевской губернии, член КП(б)Б, депутат, председатель Лепельского городского Совета депутатов трудящихся (декабрь 1939 г.).

Ханин Залман Абрамович (1906 – ?), род. в г. Витебске, секретарь Лепельского районного комитета КП(б)Б (октябрь 1937 г.).

Хотько Павел Васильевич (1901 – ?), род. в д. Радунь Лепельского уезда Витебской губернии, член КП(б)Б, депутат, председатель Вороньского сельского Совета Лепельского района (декабрь 1939 г.).

Шакиров [Григорий Тарасович (1898 – ?)], род. в д. Олешковичи Могилевского уезда Могилевской губернии, в РККА с 1918 г., начальник продовольственного склада № 393 БВО, интендант 2-го ранга, склад НКО (июнь 1938 г.).

Янанис П.И., председатель Лепельского районного исполнительного комитета (февраль 1935 г.), Лепельский окружной прокурор (апрель 1936 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Барановский, А. Л.** Из истории газеты «Калгасная праўда» (1932–1940 гг.) [Электронный ресурс] / А. Л. Барановский // Лепельскі край. – 2020. – 15 ліст. (№ 93). – Режим доступа: <http://www.lepel-kraj.by/z-gistoryi-gazety-kalgasnaya-pra%D1%9Eda-1932-1940-gg/>. – Дата доступа: 22.10.2022.

2. **Барановский, А. Л.** Периодические издания Лепельщины (1911–2021 гг.): библиогр. обзор / А. Л. Барановский // Краеведение: проблемы и перспективы развития в XXI веке : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 95-летию краевед. музея Полоцка (Полоцк, 2–3 дек. 2021 г.) / сост. И. П. Воднева. – Полоцк : Полоц. кн. изд-во, 2022. – С. 11–16.

3. **Воюш, І. Д.** Раённая газета Лепельшчыны: вернасць традыцыям і пошукі новага / І. Д. Воюш // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 29–30 крас. 2010 г. : у 2 ч. / [рэдкал.: Л. Ц. Кілевая і інш.]. – Магілёў, 2010. – Ч. 2. – С. 221–227.

4. **Газеты Беларусі, 1776–1975** : бібліягр. паказ. / Нац. кн. палата Беларусі. – Мінск : НКП, 2003. – № 748. – С. 93.

5. **Калгасная** праўда (Лепель) [Электронны ресурс] : 1932–1962 гг. // Электронны каталог Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі. – Режим доступу: <https://e-catalog.nlb.by/Collection/BY-NLB-br1579510>. – Дата доступу: 22.10.2022.

6. **О редакции** [Электронны ресурс] // Лепельскі край. – Режим доступу: <http://www.lepel-kraj.by/o-redakcii/>. – Дата доступу: 22.10.2022.

Васильева Г.С. (г. Витебск)

АРТ-ОБЪЕКТ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИТЕБСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Арт-объект – конструирование формы

XX в. внес свои коррективы в жизнь и быт людей, наука преобразовала мир, открыла новые горизонты познания, мир техники и новых технологий ворвался в жизнь человека. Художники, выходявшие в процессе экспериментов с формой в предметный мир, обратили внимание на художественные потенции техники и заговорили о приоритете вопросов формообразования и проблеме изобретения в художественном творчестве. В искусстве начала XX в. стали актуальны функционализм – важной составляющей стала функция; конструктивность построения предметов, формы, пространства; лаконичность в выборе материала, форм, цветовых решений. История возникновения арт-объектов связана с появлением абстрактного искусства, именами К. Малевича, В. Татлина, А. Родченко, М. Дюшана, Л. Лисицкого, братьев Стенбергов, К. Кобро. Для этих художников характерно создание оригинального языка искусства, принципиально другого художественного мышления. Искусство стало глобальным, расширяя свои границы, все больше пересекаясь с окружающим миром в русле новых концепций формообразования, таких как конструктивизм, супрематизм, неопластицизм. «Получилось так, что радикальные стилиобразующие процессы в первой трети XX века происходили в обстановке резкого усиления научно-технического прогресса и широкого распространения рационально-логических приемов формообразования во всех видах творческой деятельности» [5, с. 51].

В развитии конструктивистского направления определяющая роль принадлежала В. Татлину (1885–1954). Вернувшись из Парижа в 1913 г., художник начал заниматься беспредметной пластикой. В мае 1914 г. он открыл двери своей мастерской широкой публике. В афише к выставке было написано «синтезо-статичная композиция». Рельефы В. Татлина выполнены при помощи чистых геометрических форм, что свидетельствует о создании своего неповторимого языка в искусстве. Первые рельефы художник называл «живописными», и располагались они на вертикальной плоскости стены. Объемные трехмерные элементы – треугольники, конусы – как бы

вытаскивались в реальное пространство, возможно, отсюда произошло их название «контррельефы». В 1915 г. на смену «живописным» рельефам пришли «угловые» рельефы, которые были представлены на «последней футуристической выставке 0, 10». В 1919–1920 гг. по поручению Наркомпроса В. Татлин построил удивительную конструкцию – проект «Памятника III Интернационалу». Спиралевидный каркас сооружения и кинетическая структура вращения внутренних объемов (куб, конус, цилиндр) поражали своей дерзостью. Геометрическая безупречность проекта «заставляет вспомнить, с каким упорством Малевич выдвигал на первый план <...> универсальную и всеобъемлющую роль первоэлементов – квадрата и куба, – настаивая на бесконечных формальных возможностях» [3, с. 116].

А. Родченко. Мобили

А. Родченко (1891–1956), один из основателей конструктивизма, помимо живописи и графики, также занимался пространственными конструкциями. К ним относятся циклы «Складывающиеся и разбирающиеся» (1918) (работы состоят из плоских картонных элементов), «Плоскости, отражающие свет» (1920–1921) – представляет собой свободно висящие мобили из вырезанных из фанеры концентрических форм (круг, квадрат, эллипс, треугольник и шестиугольник), которые двигались без механической силы. Третий цикл был создан «по принципу одинаковых форм» (1920–1921). Это пространственные структуры из стандартных деревянных брусков, соединенные по комбинаторному принципу. Родченко, как и многие художники того времени, искал некое простейшее, пытался расщепить основы на мельчайшие единицы, которые затем заново конструировал, пересоздавал совершенно в новой эстетической категории. Проблематика беспредметности рассматривалась им с

точки зрения передвижения плоскостей, пересечения элементов различной конфигурации – окружностей, прямоугольников, продольных плоскостей. В своих подвесных конструкциях А. Родченко пытался разрешить один из самых сложных вопросов – проблему отношений между категорией беспредметности и реальным пространством.

Особое место в списке новаторов XX в. принадлежит К. Малевичу, основателю супрематизма. В середине 1920-х гг. художник создал свои знаменитые архитектонки и планиды, которые ознаменовали собой новый шаг в «выходе» супрематизма в архитектуру. Это были реальные объемные композиции в реальном пространстве, своеобразные эскизные модели экспериментальных архитектурных композиций («архитектура как проблема»), в которых различные по форме и размерам параллелепипеды примыкают и как бы врезаются друг в друга под прямым углом. К. Малевич определял свои пластические модели-архитектонки как архитектурные формулы, согласно которым архитектурным строениям может быть придана форма. Четкие геометрические формы супрематических композиций сыграли роль своеобразных кристаллов, брошенных в перенасыщенный раствор. Их влияние сказалось на творческих поисках голландской группы «Де Стил», художественных принципах немецкого Баухауса и на работах многих советских архитекторов (Н. Ладовского, И. Леонидова, К. Мельникова, Л. Лисицкого, А. Никольского, Л. Хидекеля). Яркими представителями творческого развития супрематизма в русле объемных композиций, без сомнения, можно назвать Л. Лисицкого и Д. Якерсона. В 1919–1920 гг. ВХУ фактически превратилось в большую мастерскую-лабораторию, исследовавшую возможности новоизобретенного искусства. Малевич поручил Лисицкому перевести супрематизм в объемные формы, что и стало импульсом к созданию проунов. В процессе разработки концепции проунов Лисицкий много экспериментировал с пространственными интерпретациями супрематизма, добавляя в него элементы конструктивизма. В этих объектах он сумел соединить геометрическую плоскость с законами конструктивного построения объемной формы. Для Лисицкого проун стал инструментом, с помощью которого оказалось возможным связать масштабы станковых композиций с масштабом архитектуры и города. Неслучайно некоторые из проунов он назвал «Мост», «Город», «Арка». В 1920–1921 гг. Лисицкий разработал проект постановки оперы «Победа над солнцем» как электромеханического представления, где вместо актеров должны были действовать «фигурины» – огромные марионетки, приводимые в движение электромеханической установкой.

Среди радикалов того времени необходимо отметить американских художников М. Дюшана и А. Колдера. Творчество М. Дюшана оказало влияние на формирование таких направлений в искусстве второй половины XX в., как поп-арт, минимализм, концептуальное искусство. Принципиально новый тип художественного мышления, новую концепцию искусства он обо-

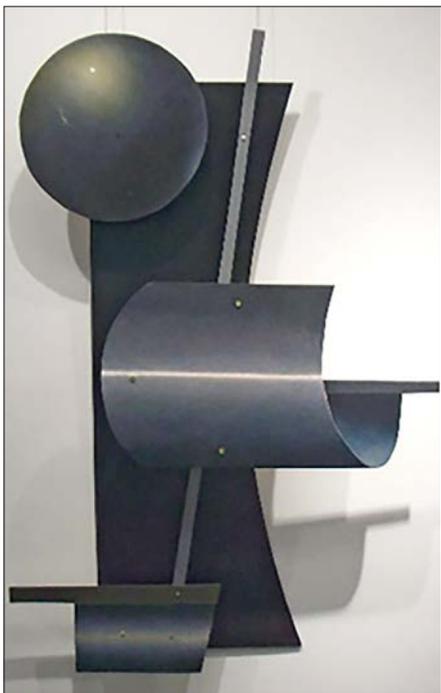
значил в 1916 г. термином «ready-made» («готовый объект»). Еще в 1913 г. Дюшан создал «Велосипедное колесо», представлявшее собой колесо велосипеда с вилкой, установленной в сиденье табурета. Следующая его работа «Сушилка для бутылок» состояла из оцинкованного металлического держателя бутылок (около 64–42 см), приобретенного художником в 1914 г. в универсаме *Bazar de l'Hôtel de Ville*. Подобного рода приспособления широко применялись во французских винодельческих хозяйствах и погребах для сушки бутылок. Предмет промышленного производства вырывался из обычной обстановки и экспонировался в выставочном пространстве. Зритель видел в предмете не утилитарную вещь, а художественный объект. Абстрактные динамические конструкции-мобили в 1930 г. начал создавать и скульптор А. Колдер. Художник поставил перед собой задачу создать динамические системы, отражающие непрерывную изменчивость природы. Ранние мобили, иногда весьма близкие к композициям Мондриана, приводились в движение мотором. В дальнейшем Колдер отказался от механики и нашел «естественный» способ динамизации формы путем расчета ее собственного конструктивного баланса, соотношения опорных и подвесных элементов. Легкие пластинки, прикрепленные к тонким металлическим стержням, непрерывно колеблются, а вся система раскачивается и вращается при малейшем дуновении воздуха.

В начале 1960-х гг. в США возник минимализм, основой для которого стали конструктивизм, супрематизм и формальное искусство начала XX в. К наиболее известным минималистам относятся К. Андре, М. Бочнер, Р. Моррис, Д. Джад, Т. Смит. Их объединяло стремление вписать артефакт в окружающую среду, обыграть естественную фактуру материала. Отвергая классические приемы творчества и традиционные художественные материалы, минималисты использовали промышленные и природные материалы простых геометрических форм и нейтральных цветов, малых объемов, применяли серийные, конвейерные методы индустриального производства. Своеобразие и новаторский подход в развитии современных тенденций в искусстве арт-объекта принадлежат также немецким художникам 1960–1970-х гг. Это Г. Юккер, Й. Бойс, Р. Гейгер, группа «Zero». Участники группы после трагедии Второй мировой войны искали новый светлый мир. В противовес классическим живописи и скульптуре за новую, нулевую точку отсчета художники взяли чистый свет и движение. Свои идеалы они воплотили в кинетических световых произведениях: дисках, шарах, световом пространстве.

Арт-объект в творчестве современных витебских художников

В 1980-х гг. волна художественных течений постмодернизма коснулась города Витебска. С одной стороны, творческое наследие авангарда 1920-х гг. стало базой для формирования нового видения искусства. С другой стороны, перестройка смела все барьеры, и на постсоветском пространстве актив-

но стали проводиться выставки современных художников Германии и Америки, чье творчество открыло путь для экспериментов с формой, материалом и пространством. Молодое поколение художников оказалось под влиянием творческих идей конструктивизма, супрематизма, конкретного искусства и минимализма. В их числе А. Досужев, А. Слепов, Т. Маклецова, Г. Фалей, А. Фалей, Н. Абрамович, Н. Гончарова, М. Сидин, А. Малей, В. Васильев, Г. Васильева.

А. Малей. Метафизическая конструкция

2000-х гг. А. Малей создал живописные объекты, выполненные из фанеры. Геометрические формы разного цвета художник соединял в пространстве на расстоянии друг от друга с помощью анкеров. В результате получался своеобразный живописный рельеф, который, находясь на белой стене выставочного зала, включал ее в пространственное восприятие.

Александр Слепов, автор проекта «Фигуративный супрематизм», в своих формальных поисках опирается на творчество Д. Якерсона. Художник из пластика создает скульптурные объекты посредством геометрических объемов, трансформируя человеческую фигуру до абстрактных форм. «Идея “фигуративного супрематизма” заключается в том, чтобы из элементов беспредметности вновь собрать образ, который наталкивал бы зрителя на кон-

Так, являясь приверженцем творчества К. Малевича, Александр Малей создал свою теорию под названием «Обратная информация» («Супрематизм с тремя шарами» (1991), «Малиновый объект» (1993)). Художник так писал о своем проекте: «“Обратная информация” – это двойное пространство на основе трехмерного и трансцендентного сознания человека, кубоквадрат – это его эстетическое выражение. Кубоквадратное пространство строится в сознании человека как виртуальное действие, расщепляя пространство на два эстетических события (куб и квадрат), скрепленное в единую структуру сознанием» [2, с. 41]. Основными художественными средствами выражения такого пространственного мышления для художника стали объекты, инсталляции, в которых он соединял плоскость и трехмерные объекты. В середине

кретные, заданные художником, размышления», – так представляет свою концепцию Александр Николаевич. На белую поверхность скульптуры он наносит геометрические элементы супрематизма – треугольник, квадрат, крест, подчеркивая знаковую основу творчества. Одна из его работ называется «Держащий огонь» (2010). В ней художник создал образ Прометея, отдающего тепло своего сердца людям. Сердце, изображенное в виде куба, разделенного по диагонали на две части, удивительным образом напоминает первый эскиз квадрата К. Малевича к опере «Победа над солнцем». Скульптура состоит из геометрических элементов, которые, переключаясь в ритме танца, создают динамичную, полную цветовых и пластических контрастов фигуру.

Одним из направляющих для Василия Васильева стало творчество Г. Юккера и группы «Zero». Нетрадиционный материал (веревки, песок, гвозди, пластик, ткань, пепел, движущиеся объекты), философская концепция, новые формообразующие понятия – все это оказало существенное влияние на художественный подход создателя. В 1994 г. В. Васильев провел авторскую акцию под названием «Проект Z» в пяти выставочных залах Витебска. В каждом зале демонстрировалась отдельная концепция, формулирующая движение от живописи к предмету, затем к объекту и далее – к минимальному искусству и концептуализму. В проекте были представлены работы, выполненные за последние 7 лет (с 1986 г.), а также первые объекты и абстрактная живопись в духе минимализма. В творчестве художника значимое место принадлежит теме пластического стандарта. Стандарт, как известно, образец для подражания, измерения, применения, то есть в нем заложена возможность практического использования. Размышления автора над проблемами наследственности, опыта генетической памяти легли в основу серии работ под названием «Пути крови», эпиграфом к которой могут служить слова М. Булгакова: «Вопросы крови – самые сложные вопросы в мире». Это неосознанное предназначение человека, близкое связанное с судьбой, кармой (серии работ «Колесница», «Лестница», «Маятники»).

Галина Васильева создает арт-объекты во время проведения акций, перформансов не только в выставочных залах, но и в ландшафте. Первый арт-объект в ландшафте был создан в рамках Второго международного пленэра «Малевич. Уновис. Современность» (1996). В бывшем поместье Цехановецких в распоряжение художников был предоставлен уникальный парк XVIII в. На одной из террас был размещен «Оранжевый квадрат» из 9 камней и чуть дальше – «Оранжевая линия», выстроенная из камней вдоль липовой аллеи, деревья которой были изогнуты в виде арки. Особое место в творчестве автора отводится теме солнца, игре теней, солнечным часам. Так, 19 сентября 1996 г. была проведена акция «Солнечные часы» на берегу р. Западная Двина в г. Витебске. Акция началась в 9 утра под бой часов

на Ратуше. Солнце осветило столб, и тень от него упала в воду; там был положен первый камень, обернутый в золотую пленку. «Каждый час этого дня отмечался камнем, место которого отмечала тень от столба. 10, 11, 12, 13, время шло тихо и незаметно, тень шла своим обычным путем по земле. К 12 часам столб полностью был обернут золотой пленкой, и его сияние было ослепительным. В 18-30 луч солнца скрылся за тучами, световой день заканчивался. Последним штрихом картины, созданной в ландшафте города, были “золотые” камни в реке Витьба» [1, с. 40].

В 2001 г. Г. Васильева создала еще один арт-объект в ландшафте, в котором использовался солнечный свет – «Mittag», или «12» (Веренцхайн, Германия). Полдень символизирует пик солнечного диска на небосклоне, расцвет жизни, культуры. Объект представлял собой 12 двухметровых столбов, выкрашенных в золотую краску, расположенных друг от друга на расстоянии 20 см в направлении юг – север. В полдень тень от столбов образует единую линию, которая подчеркивалась белой мраморной крошкой между рядами, а золотая вертикаль столбов уносит зрителя в голубую высь, к солнцу.

Активное включение солнечного света в создание объекта отражено в работе «Солнечные часы» (2009), созданной в г. Ребург-Локкум (Германия). Объект представлял собой красный квадрат, на котором располагался срез дерева серебристого цвета. Тень, падающая от небольшого выступа треугольной формы, показывала время.

Выводы

С развитием индустриальной эпохи в начале XX в. изменилась картина мира, трансформировалось восприятие человеком этого мира. Начиная с 1910 г. в истории мировой практики искусства также произошли кардинальные перемены. Многие художники вышли на новый уровень воспроизведения бытия – беспредметное творчество. Искусство перестало быть иллюстрацией чего бы то ни было, оно стало самостоятельным объектом.

Возникли новые стилеобразующие концепции – конструктивизм, супрематизм, неопластицизм. С отходом от передачи действительности на смену традиционным видам искусства – живописным полотнам и скульптурам – пришли рельефы и пространственные конструкции. Наиболее ярко сближение научного, технического и художественного творчества отразилось в таком направлении искусства, как арт-объект. История возникновения арт-объектов связана с именами К. Малевича (архитектоны), В. Татлина (контррельефы), А. Родченко (мобили), М. Дюшана (ready-made), Л. Лисицкого (проуны) и многих других художников авангарда. Для этих художников характерно создание нового языка искусства, возникновение принципиально нового вида художественного мышления. Изначально они стояли на общей позиции: исходили из нового видения пространства, обращаясь к формальному языку искусства. В начале 60-х гг. прошлого

столетия с возникновением постиндустриальной эпохи творческие эксперименты авангарда 1920-х гг. получили свое дальнейшее развитие. Актуальность приобрели такие направления в искусстве, как минимализм, геометрическая абстракция, конкретное искусство, инсталляция, перформанс, арт-объект.

В 1990-х гг. перестройка открыла дорогу новому мировосприятию, новым течениям в искусстве на постсоветском пространстве, в частности в Беларуси. В Витебске возникло конструктивное направление, тесно связанное с именами таких художников, как А. Малей, В. Васильев, А. Слепов, Г. Фалей, Г. Васильева. Витебская школа современного искусства – особое направление в национальном искусстве Беларуси, которому свойственны как преемственность формообразующих традиций авангарда, так и индивидуальный путь развития в рамках современных направлений в искусстве. Многочисленные проекты А. Малей, В. Васильева, Г. Васильевой, А. Слепова демонстрируют своеобразие развития искусства в Витебске, в котором отразилась личная приверженность художников к поиску новых форм в искусстве XX в. В своем творчестве они обратились к арт-объектам, при создании которых широко использовались предметы и материалы индустриального производства.

Арт-объекты преобразовали выставочные проекты актуального искусства, захватив при этом не только экспозиционное пространство музеев и центров современного искусства, но и став частью городской среды, сельских ландшафтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Васільеў, В. В.** Залатая серэнада для Віцебска / В. В. Васільеў // Мастацтва. – 1997. – № 11. – С. 40–41.
2. **Малей, А. В.** Станковая живопись в пространстве среды объекта и инсталляции. Живопись как объект : арт-проект Александра Малей : [альбом-каталог] / А. В. Малей. – Витебск, 2018. – 158 с.
3. **Наков, А. Б.** Беспредметный мир / А. Б. Након. – Москва : Искусство, 1997. – 416 с.
4. **Хан-Магомедов, О. С.** Архитектура советского авангарда : в 2 кн. / О. С. Хан-Магомедов. – Москва : Стройиздат, 1996. – Кн. 1 : Проблемы формообразования. Мастера и течения. – 709 с.
5. **Хан-Магомедов, О. С.** Пионеры советского дизайна / О. С. Хан-Магомедов. – Москва : Галарт, 1995. – 423 с.

МЕТОДЫ АРХИТЕКТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ (из опыта работы Гомельской областной библиотеки)

Глобализация, неизбежно нивелирующая особенности культур, вызывает необходимость в воссоздании традиционных ценностей, что, в свою очередь, способствует росту институализированных форм коллективной и национальной памяти. Возникают интегративные модели культурных институтов: библиотек, музеев, архивов [8, с. 36]. Библиотечный музей является учреждением музейного типа, который выполняет музейные процессы не в полном объеме. Например, музейное комплектование – это системная деятельность, а основой формирования музейных собраний библиотек, как правило, становятся дары ее читателей и друзей [6, с. 30].

В 2019 г. Гомельская областная библиотека стала обладателем уникального архива семьи Бурлака, переданного дочерью зодчих. Иван Федорович и Валентина Саввична Бурлака участвовали в восстановлении Гомеля и Гомельской области после Великой Отечественной войны, проекты архитекторов являются ценным свидетельством региональной градостроительной истории 1950–1970-х гг. Иван Бурлака спроектировал площадь Победы, на которой расположен библиотечный комплекс, а Валентина Бурлака – архитектор здания Гомельской областной библиотеки (Дадатак 7, фота 1).

Сложносоставное собрание из 428 объектов включает 276 артефактов: семейную коллекцию (личные документы, фотографии и вещи), творческое наследие (эскизы, наброски, фотографии проектов, архитектурные и интерьерные фотографии, инструменты черчения и рисования) – всего 212 предметов, семейную библиотеку – 64 документа, 152 цифровые копии.

Гомельской областной библиотекой стал осуществляться процесс актуализации наследия зодчих, получивший название архитектурное краеведение. Основными способами организации деятельности библиотеки в сфере архитектурного краеведения стали методы музеефикации и научного исследования.

Музеефикацией называется репрезентация региональных объектов в качестве потенциального музейного артефакта с целью их сохранения, выявления научной ценности, включения в современную культуру, передачи будущим поколениям. Библиотеки – собиратели, хранители, трансляторы культурного наследия. Процедура музеефикации вызвала необходимость в ознакомлении с принципами комплектования музейных фондов, правилами классификации, учета, хранения музейных предметов, особенностями создания музейных экспозиций. Важнейшим этапом музеефикации является атрибуция. Атрибуция – выявление всех присущих музейному объекту признаков: материала, формы, устройства, размера, способа изготовления, назначения, стиля, времени и места изготовления, авторства, принадлежности, среды бытования, научного значения [3, с. 144–146].

Сложносоставное собрание было разделено на три мемориальные коллекции: Ивана, Валентины и общую, каждая с подфондами: архитектурным, печатных изданий и комплексным. Едиными для всех разделов коллекций были графы степени сохранности, принадлежности, источника и формы поступления, шифра.

Атрибуция объектов архитектурного подфонда соответствовала принятой в художественных музеях: определялись предмет, авторство, название, описание, датировка, размеры, материал и техника, сохранность, источник и форма поступления. Но смысловое наполнение этого подфонда было разработано автором самостоятельно, для чего потребовалось ознакомиться с архитектурной графикой.

Архитектурная графика – это архитектурные эскизы и архитектурные чертежи. Архитектурное эскизирование – живописное или графическое, трехмерное или объемное изображение интерьеров, зданий, улиц, площадей и т. д. Архитектурный чертеж – плоскостное, с указанием размеров (длина, ширина, высота или масштаб) изображение фасадов зданий, планов и т. д. Материал и техника исполнения описывались как кистевая (тушь и краски) и стержневая (перо или карандаш) графики, монохромное (одноцветное) или полихромное (многоцветное) исполнение (Дадатак 7, фота 2, 3). Усваивалась терминология: перспектива, развертка, фасад главный и боковой, план генеральный и ситуационный, обмерочный чертеж, поисковый набросок, кроки, антураж, стаффаж [10, с. 110–148].

Второй подфонд включал документы семейной библиотеки. Первоначально домашняя библиотека понималась исключительно как книжное собрание. Но атрибуция выявила альбомы, брошюры, буклеты, комплекты открыток и почтовых карточек, газету и отрывной календарь. Раздел, включающий документы семейной библиотеки, решено было назвать подфондом печатных изданий [7, с. 4–38]. Документы характеризовались по виду издания, формату, характеру оформления и полиграфического исполнения [4, с. 74]. Семейная библиотека понималась как домашний документный фонд, который раскрывался через библиографическое описание и инскрипты. При описании степени сохранности издания и наличия в нем провененций применялись наименования внешних структурных элементов произведения печати: обложка, суперобложка, футляр, переплет, корешок, книжный блок, форзац, титульный лист, авантитул, контртитул, колонтитул [9, с. 26–78].

Третий подфонд был назван комплексным, потому что включал личные документы (свидетельства, удостоверения, членские и партийный билеты, характеристики, справки, грамоты, поздравления), личные предметы (украшения, подарочные медали и подарочная кружка), документы личного происхождения (приглашения, фотоальбомы, стенгазета и т. д.), инструмент математический (логарифмическая линейка), инструменты черчения (готовальня, треугольник, линейка, карандаши, перья, кнопки), инстру-

менты рисования (краски акварельные и гуашевые), предмет домашнего обихода (скатерть) и т. д. Объекты комплексного подфонда описывались в соответствии с архивной (документы) и музейной (предметы) практикой [1, с. 106–112].

Большой интерес представляет атрибуция фотоснимков. От первоначальной идеи создать фототеку (подфонд фотографий) пришлось отказаться из-за большого типологического и видового разнообразия фотокарточек.

Фотографии проектов, созданных Иваном и Валентиной, были отнесены в архитектурный подфонд. Фотоизображения архитектурных объектов (зданий, интерьеров, памятников и т. д.), которыми вдохновлялись супруги, были определены в документы личного происхождения этого же подфонда. Атрибуция выявила отличие интерьерной фотографии и фотографии интерьера: первая предусматривала выявление архитектурных особенностей интерьера профессиональным фотографом.

Остальные фотоснимки описывались как документы личного происхождения комплексного подфонда. Фотографии подразделялись на документальные, постановочные или сюжетные; сделанные профессионалом или любителем; групповые или семейные фотопортреты. Атрибуция выявила видовую фотографию – хроникальную фиксацию урбанистического пейзажа фотографом-любителем [5, с. 123–234].

Были определены основные разделы: архитектурная графика (АГ), фотография (Ф), печатные издания (ПИ), личные документы (ЛД), документы личного происхождения (ДЛП), личные предметы (ЛП), математические инструменты (МИ), инструменты черчения (ИЧ), инструменты рисования (ИР), предмет домашнего обихода (ПДО).

Номенклатура артефактов была первичной и вторичной. Например, были дифференцированы брошюры (Б) и буклеты (Л) – то есть листовое издание; буклет (Л) и линейка (Лн); поздравления (Пд), приглашения (Пр) и почтовые карточки (Пч); графика (Г), газета (Гз) и гравюра (г); макет (Мк), мандат (Мн) и медаль (М) и т. д.

Последняя цифра в шифрах указывала на количество музейных объектов конкретного раздела. Например, ГОБ-АГ/АЭИ-12 означает 12-й архитектурный эскиз, выполненный И.Ф. Бурлака. Цифры N/N, завершающие шифр, показывали общее количество составных объектов (коробки с карандашами, коробки с кнопками, конверты с вырезками, кружки заварочные с крышкой и ситечком, медали в футляре и т. д.), где цифра над чертой – общее количество элементов составного объекта (пример: кружка заварочная, крышка, ситечко – 3 элемента), а цифра под чертой – порядковый номер объектов раздела. Интересен шифр ГОБ-ЛП/ЖИ-3/1, который описывает три эскиза – крымские пейзажи, написанные И.Ф. Бурлака. Эскизы описывались как составной предмет: авторские названия изображений отсутствуют, а все остальные структурные элементы объектов идентичны.

Самый ответственный процесс музеефикации – присвоение шифра музейному предмету. Шифр выглядит следующим образом: ГОБ-ИЧ/ГК-(ИВ)-1, где ГОБ – название учреждения, где находится музей (Гомельская областная библиотека); ИЧ – название общего раздела (инструмент черчения); ГК – наименование объекта музеефикации (готовальня конструкторская); ИВ – авторство И.Ф. Бурлака и В.С. Бурлака или (ИВ) – принадлежность И.Ф. Бурлака и В.С. Бурлака. Завершал шифр порядковый номер объекта в разделе подфонда (первый инструмент черчения в общем подфонде).

Итогом музеефикации стало создание раздела, посвященного Ивану и Валентине Бурлака в музейной экспозиции «История Гомельской областной библиотеки» (Дадатак 7, фота 4).

Второй метод архитектурного краеведения – научно-исследовательский. Автор опубликовала циклы статей в журналах «Библиотечное дело», «Архитектура и строительство», Республиканской строительной газете, статьи в журналах «Бібліятэчны свет», «Беларускі гістарычны часопіс», статью в газете «Культура». С выступлениями по заявленной теме автор приняла участие во II Международных Паскевичских чтениях в Гомеле (23–24 сентября 2021), XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Библиотека в XXI веке. Социальная миссия» (24–25 марта 2022, г. Минск), VIII Топоровских чтениях на Белгородчине (29–30 июня 2022, г. Белгород), Республиканском круглом столе «Редкие коллекции библиотек – опыт сохранения и популяризации» (8 сентября 2022, г. Минск), Международной научно-практической конференции «Личные книжные собрания и архивы в фондах библиотек. К 80-летию Б.С. Елепова» (14–16 сентября 2022, г. Новосибирск), Международной научной конференции «Архитектурное наследие И.Г. Лангбарда и современность», посвященной 140-й годовщине со дня рождения И.Г. Лангбарда (6–7 октября 2022, г. Минск).

Автором был написан текст книги «Гомель созидающие: архитектурное наследие Ивана Федоровича и Валентины Саввичны Бурлака». Текст был отрецензирован ведущими учеными на предмет соблюдения автором требований ВАК, стандартов, принятых в науке в целом, достоверности научных результатов, наличия научной новизны и практической значимости.

Рукопись получила положительные рецензии доктора архитектуры, профессора, заведующего кафедрой «Теория и история архитектуры» БНТУ В.Ф. Морозова и кандидата педагогических наук, доцента, профессора кафедры информационных ресурсов и коммуникаций БГУКИ В.А. Касап.

К 2022 г. в системе областной библиотеки сформировались необходимые внутренние и внешние компоненты, необходимые для музеефикации ее здания.

Внутренние элементы:

1. В библиотеке есть помещения как для сохранения музеефицированных артефактов семейной коллекции, так и пространства для экспонирования мемориальных объектов по истории комплекса.

2. Ведется просветительская и научно-исследовательская работа по популяризации творческого наследия архитекторов с особым вниманием к истории библиотеки и прилегающей территории, благодаря чему история библиотеки раскрывается через историю ее здания.

3. Поощряется даритель и транслятор памяти – дочь архитекторов Елена Ивановна.

Внешние элементы:

1. Библиотечный комплекс расположен в историческом центре города и сохраняет свое первоначальное назначение в максимально достоверной форме [2, с. 100].

2. Здание Гомельской областной библиотеки, спроектированное Валентиной Саввичной Бурлака, в 2002 г. было внесено в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь, в 2007 г. – получило статус культурной ценности третьей категории.

Следующим этапом организационной деятельности в сфере архитектурного краеведения предполагается музеефикация здания Гомельской областной библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Айгистов, Р. А.** Международные проекты и стандарты описания библиотечных, архивных и музейных фондов / Р. А. Айгистов // Библиография. – 2015. – № 3. – С. 103–128.

2. **Виноградова, Е. Б.** Мемориальные функции библиотек : науч.-метод. пособие / Е. Б. Виноградова. – Москва : Либерия-Бибинформ, 2009. – 127 с. – (Библиотекарь и время. XXI век).

3. **Джумантаева, Т. А.** Музеелагічны аспект праблемы актуалізацыі культурнай спадчыны / Т. А. Джумантаева // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2021. – № 4. – С. 143–150.

4. **Кулак, М. И.** Технология полиграфического производства : учебник / М. И. Кулак, С. А. Ничипорович, Н. Э. Трусевич. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 370 [1] с.

5. **Мусорин, М. К.** Фотография : учеб. пособие для вузов / М. К. Мусорин. – Москва : Владос, 2003. – 336 с.

6. **Навіцкая, Н. В.** Мемарыяльнае асяроддзе і асаблівасці яго музеефікацыі ў Рэспубліцы Беларусь (1991–2013 гг.) / Н. В. Навіцкая // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 7. – С. 26–37.

7. **СТБ ГОСТ 7.60–2005.** Выданні. Асноўныя віды. Тэрміны і азначэнні. – Узамен СТБ 7.60–93. – Уведз. 2005–08–01. – Мінск : Дзяржстандарт, 2005. – 44 с.

8. **Стычинский, М. С.** Кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализации в условиях глобализации / М. С. Стычинский // Вопросы философии. – 2020. – № 7. – С. 35–39.

9. **Сукиасян, Э. Р.** Практическое документоведение : учеб.-практ. пособие / Э. Р. Сукиасян. – Санкт-Петербург : Профессия, 2014. – 96 с. – (Азбука библиотечной профессии).

10. **Чинь, Франсис Д. К.** Архитектурная графика / Франсис Д. К. Чинь. – Москва : АСТ, 2007. – 215 с.

**ЗУБЫ ПОСЛЕДНЕЙ СМЕНЫ (МЗ) МАМОНТОВ
MAMMUTHUS PRIMIGENIUS (BLUMENBACH 1799) В ФОНДАХ
ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Слоны Elephantidae – своеобразная, специфически организованная группа млекопитающих, имевшая широкое распространение в плиоцене и плейстоцене. В ископаемом состоянии чаще сохраняются зубы слона, поэтому систематика семейства слоновых, одним из представителей которого является шерстистый мамонт *Mammuthus primigenius*, построена почти исключительно на различиях в строении зубов [3]. По этой же причине и возраст отложений определяют по находкам именно зубов и их обломков. Особенно важны для этой цели зубы взрослых особей, а именно зубы последней смены (МЗ) [8].

Зубная система мамонтов сильно редуцирована. Редукция проявляется в сокращении числа резцов, исчезновении клыков, а также первого премоляра. В ротовой полости у мамонта одновременно функционировали два верхних резца, образующих бивни, и четыре жевательных зуба, по одному в каждой половине верхней и нижней челюстей. В процессе пережевывания пищи они стирались, выпадали и замещались последующими. Такие смены зубов происходили в течение жизни пять раз.

Что касается сроков смены зубов, то она известна лишь у ныне живущих слонов. Зуб последней смены (МЗ) – третий коренной – появляется у слона в 20 лет (или немного ранее) и существует до самой его смерти, то есть находится в употреблении примерно 50 лет. Можно предполагать, что и у мамонтов смена зубов происходила примерно в те же сроки.

Коронка зуба мамонта образована рядом тонких пластин, расположенных более или менее перпендикулярно к ее продольной оси. Каждая пластина зуба образована дентином и покрыта с поверхности слоем эмали. Характерной особенностью зуба является сильное развитие костного вещества – цемента, который не только покрывает с поверхности корни, как это имеет место у большинства других млекопитающих, но и обволакивает стенки коронки, заполняя даже узкие промежутки (долинки) между пластинками. Подобный факт следует рассматривать как результат приспособления мамонтов к питанию грубым растительным кормом: заполняя долинки, цемент выполняет важную механическую функцию – предохраняет тонкие, высокие пластины от повреждения во время пережевывания пищи [3].

Вид шерстистого мамонта *Mammuthus primigenius* появился в начале среднего плейстоцена и существовал до конца позднего плейстоцена. Еще Рулье К.Ф. в 1840-х гг. высказал предположение о том, что мамонт, живший

в Европе, принадлежал к трем различным видам и что, возможно, сибирский мамонт не тождественен восточноевропейскому. Депре Ш.Ж. подтвердил существование двух типов мамонтов (сибирского и западноевропейского), различающихся строением последних коренных зубов. У сибирского мамонта последний коренной зуб состоял из 27–29 пластин с частотой пластин 10–11, у западноевропейского на 10 см длины зуба приходилось не более 8 пластин при полном их числе 22–23.

В.И. Громов доказал разновозрастность типов мамонтов, обитавших на Русской равнине, и выделил два типа – ранний и поздний, а также указал временные границы их существования. Для раннего типа мамонта – рисс (средний плейстоцен; начало эпохи днепровской стадии припятского оледенения) – первая половина рисс-вюрма (верхний плейстоцен; первая половина муравинского межледниковья). Для позднего типа мамонта – вторая половина рисс-вюрма (верхний плейстоцен; вторая половина муравинского межледниковья) – вюрм (верхний плейстоцен; эпоха поозерского оледенения). На территории Республики Беларусь останки мамонтов *Mammuthus primigenius* известны из очень большого числа пунктов, где они приурочены к отложениям рисского и вюрмского возрастов. Шерстистый мамонт здесь представлен тремя типами: ранним, поздним и переходным. Переходный тип мамонта существовал на нашей территории предположительно в конце рисс-вюрма (верхний плейстоцен; конец муравинского межледниковья) – первой половине вюрма (верхний плейстоцен; первая половина эпохи поозерского оледенения).

Характерным для зубов последней смены (М3) мамонта раннего типа из белорусских местонахождений является общее число пластин, равное 22–24, частота пластин на вогнутой боковой стенке 7–9, толщина эмали 1,8–2,0 мм. У мамонтов позднего типа общее число пластин равно 25–30, частота пластин на вогнутой боковой стенке (8) – 9–11, толщина эмали 1,5–1,6–(1,75) мм. Для зубов шерстистых мамонтов переходного типа характерно смешение признаков раннего и позднего типов [8].

В остеологической коллекции ископаемых хоботных Витебского областного краеведческого музея числится 40 зубов мамонтов, а также 4 фрагмента челюстей с сохранившимися в них зубами разной сохранности. Почти 30% изолированных зубов представлены в виде разных по размеру обломков.

Зубов последней смены (М3) выявлено семь. Шесть из них были найдены на территории г. Витебска в долине р. Западная Двина. Все находки случайные. Точная привязка местонахождений отсутствует. В связи с этим геологические условия местонахождений не изучались.

В коллекции имеется четыре зуба, определенных как зубы шерстистых мамонтов *Mammuthus primigenius* раннего типа (табл. 1).

Верхнечелюстной зуб мамонта (КП 12096) был найден в 1956 г. в Витебске при закладке фундамента одного из жилых домов на правом берегу

Таблица 1. Зубы последней смены (МЗ) *Mammuthus primigenius pavlowae* – шерстистых мамонтов раннего типа (ВОКМ КП 12096, КП 16740, КП 16912)

	КП 12096 [8] (верхнечелюстной)	КП 16740 [6] (нижнечелюстной)	КП 16912 [6] (верхнечелюстной)
Наибольшая длина коронки зуба, мм	300,0	245	260
Наибольшая ширина коронки, мм	100,0	–	88
Наибольшая ширина жевательной поверхности, мм	103,0	–	–
Число пластин, составляющих зуб, шт.	22,0	18	17
Число пластин на выпуклой боковой стенке (на 100 мм длины коронки), шт.	7,5	5	7
Число пластин на вогнутой боковой стенке (на 100 мм длины коронки), шт.	–	5,5	8
Частота пластин на жевательной поверхности (на 100 мм длины коронки), шт.	7,0	6	7,5
Толщина эмали, мм	2,0	2,3	2,2
Высота коронки, мм	184,0	–	–
Число пластин, захваченных стиранием, шт.	15,0	18	–

р. Западная Двина (район находки не указан). Это самый крупный зуб мамонта в коллекции [10, с. 238 об.]. Длина его коронки – 30 см, ширина – 10 см, высота – 18,4 см.

Фрагмент нижней челюсти (КП 16740) с коренным зубом в 1971 г. нашли на глубине 6 м в карьере по дороге Дубровно-Витебск [11, с. 16 об.].

Редкая для территории Республики Беларусь находка была сделана в 1972 г. в Витебске недалеко от парка им. Советской Армии (парка Мазурино). На дне р. Западная Двина на глубине 5 м от уровня воды была найдена разломанная на две части верхняя челюсть мамонта (КП 16912) с двумя сохранившимися зубами [11, с. 73 об.].

Зубов, которые принадлежали шерстистым мамонтам *Mammuthus primigenius intermedius* переходного типа, в коллекции выявлено три. Все они – нижнечелюстные, найдены в г. Витебске (табл. 2).

Таблица 2. Зубы последней смены (М3) *Mammuthus primigenius primigenius* – шерстистых мамонтов переходного типа (ВОКМ КП 11916, КП 12190, КП 12209)

	КП 11916 [8] (нижнечелюстной)	КП 12190 [8] (нижнечелюстной)	КП 12209 [8] (нижнечелюстной)
Наибольшая длина коронки, мм	310	210	225
Наибольшая ширина коронки, мм	96	82	73
Наибольшая ширина жевательной поверхности, мм	87	76	61
Число пластин, составляющих зуб, шт.	21	23	24
Число пластин на выпуклой боковой стенке (на 10 см длины коронки), шт.	6,5	8,5	8,5
Число пластин на вогнутой боковой стенке (на 10 см длины коронки), шт.	8,0	9,5	9,5
Частота пластин на жевательной поверхности (на 10 см длины коронки), шт.	7,0	11,0	–
Толщина эмали, мм	1,6	1,6	1,4
Высота коронки, мм	109	–	121
Число пластин, захваченных стиранием, шт.	16	14	–

Один зуб (КП 11916) найден в микрорайоне Орехово на берегу р. Западная Двина в гравийном карьере на глубине 4 м [10, с. 196 об.]. Два других (КП 12209, КП 12190) – в карьерах ДСК при добыче песка и гравия [10, с. 258 об., 263 об.].

Промеры зубов последней смены (М3) мамонтов *Mammuthus primigenius* раннего типа остеологической коллекции ископаемых хоботных ВОКМ выявили небольшие отклонения от усредненных значений: число пластин, составляющих зуб, – 17–22, частота пластин на вогнутой боковой стенке – 5,5–8, толщина эмали – 2,0–2,3 мм. Также был подтвержден факт, что для зубов последней генерации (М3) мамонтов переходного типа характерно сочетание небольшого, как у раннего типа, числа пластин, составляющих зуб (21–24), с тонкой эмалью (1,4–1,6 мм) и высокой частотой пластин на вогнутой боковой стенке (8–9,5). Такие изменения связаны с приспособлением этих животных в процессе их естественного отбора к переходу от питания

мягкой, сочной растительностью к более грубому веточно-лиственному корму и траве.

Зубы (КП 11916, КП 12096, КП 16740, КП 16912) последней смены (МЗ) шерстистых мамонтов *Mammuthus primigenius* (*Blumenbach 1799*) представлены на экспозиции «Природа Витебского края».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеева, Л. И.** Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европы (крупные млекопитающие) / Л. И. Алексеева. – Москва : Наука, 1990. – 108 с.
2. **Гарутт, В. Е.** Зубная система слонов в онтогенезе и филогенезе / В. Е. Гарутт // Труды Зоологического института АН СССР. – Москва, 1977. – Т. 73. – С. 3–36.
3. **Гарутт, В. Е.** Исследование зубов вымерших слонов : метод. рекомендации / В. Е. Гарутт, И. В. Фофонова. – Новосибирск : Наука, 1976. – 36 с.
4. **Дуброво, И. А.** Древние слоны СССР / И. А. Дуброво // Труды Палеонтологического института АН СССР. – Москва, 1960. – Вып. 1. – 79 с.
5. **Калиновский, П. Ф.** Ископаемые слоны Белоруссии / П. Ф. Калиновский // Стратиграфия и палеогеография антропогена. – Минск, 1975. – С. 163–179.
6. **Калиновский, П. Ф.** Териофауна позднего антропогена и голоцена Белоруссии / П. Ф. Калиновский. – Минск : Наука и техника, 1983. – 153 с.
7. **Шпанский, А. В.** Вариации зубов шерстистого мамонта *Mammuthus primigenius* *Blumenbach* / А. В. Шпанский. – Санкт-Петербург : Зоолог. ин-т РАН, 2014. – Т. 318, № 1. – С. 24–33.
8. **Щеглова, В. В.** О фауне антропогеновых млекопитающих Белоруссии / В. В. Щеглова // Палеонтология и стратиграфия БССР. – Минск, 1963. – Вып. 4. – С. 218–248.
9. **Витебский** областной краеведческий музей (ВОКМ). – Книга поступлений ВОКМ № 2 музейных предметов основного фонда.
10. **ВОКМ.** – Книга поступлений ВОКМ № 4 музейных предметов основного фонда.
11. **ВОКМ.** – Книга поступлений ВОКМ № 10 музейных предметов основного фонда.

Давидовская О.Н. (г. Витебск)

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И РЕЭВАКУАЦИЯ ФОНДОВ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1944–1945 гг.

Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ) – один из старейших в Беларуси. Он был создан в 1918 г. как губернский музей на основе коллекции А.Р. Бродовского (1859–1928), вывезенной владельцем из Вильно в Витебск в годы Первой мировой войны. Собрание Бродовского насчитывало около 10 тыс. предметов. На сегодняшний день фонды ВОКМ насчитывают

более 296 тыс. единиц хранения, в том числе более 230 тыс. предметов основного фонда. Пополнение музейного собрания осуществлялось на протяжении всего периода существования учреждения за исключением периода немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. В эти годы музею пришлось пережить тяжелые испытания.

Накануне Великой Отечественной войны музейный фонд насчитывал около 38 тыс. экспонатов [13]. Музей размещался в здании бывшей городской ратуши. Экспозиция состояла из трех разделов: 1) древней истории, 2) средневековой истории, 3) соцстроительства и сталинской конституции. В отдельном помещении экспонировалось 22 работы Ю. Пэна [3].

7 июля 1941 г. директор музея В.К. Зейлерт получил разрешение на эвакуацию учреждения. Большая часть музейных предметов была погружена в товарный вагон и вместе с фондами художественной галереи Ю.М. Пэна отправлена в г. Саратов. Точные списки эвакуируемых коллекций составить не успели. Часть фондового собрания осталась в оккупированном городе. По воспоминаниям Зейлерта, в здании музея «в бронированной кладовой были сложены изделия продукции фабрик “КИМ” и “Знамя индустриализации”, второстепенные стенды с фотографиями, а в подвале – каменные древнеславянские бабы, громоздкие и тяжелые, а также французские митральезы времен войны 1812 года. Они в подвале пролежали всю войну».

В годы оккупации в здании музея размещались радиоузел, казарма солдат-связистов, в нижнем этаже – кинозал для немцев. По свидетельству общественного деятеля Юрки Витьбича, «... все экспонаты и фонды Витебского исторического музея немцы выбросили через окна на улицу». Витьбич вспоминал также, что он, как и другие жители города, «кое-что из выброшенного подобрал». В числе «подобранных» и впоследствии вывезенных им в США предметов были, например, акварель И.Е. Репина «Три пальмы», погоны генерала Духонина, печать Белорусской Народной Рады 1918 г., коллекция бумажных денег периода гражданской войны [4].

Предположительно, до начала 1943 г. остатки музейных фондов находились в «4-х помещениях на верхнем этаже городской библиотеки» (до войны библиотека находилась в пристройке к ратуше со стороны ул. Суворова. – *О. Д.*) [8]. В октябре 1942 – январе 1943 г. часть этих предметов была вывезена немцами в Ригу, где находился административный центр рейхскомиссариата Остланд. Подтверждение тому – итоговое донесение главной рабочей группы Остланда от 30 ноября 1943 г., касающееся деятельности зондеркоманды Витебска. Из документа следует, что «...музей обнаружен совершенно запущенным (большинство экспонатов поломано, разбросаны по полу). По предположению работника отдела культуры горуправы Рагули, такое опустошение является следствием разбойного нападения, во время которого была похищена коллекция нумизматики и коллекция благородных металлов. При участии назначенного нами руководителем музея профес-

сора Василевича <...> был произведен тщательный отбор еще пригодных материалов и экспонатов, в ходе которого были отобраны лишь остатки доисторического отдела, без перечня и данных о местах находок, малая керамика, а также отдельные экспонаты исторического оружия и униформы. Материал был упакован в два ящика и вместе с ценной музейной библиотекой (около 5 тыс. томов) в 46 ящиках в одном вагоне отправлен <...> в Ригу» [8].

Оставшаяся часть предметов, не вывезенная в Ригу, предположительно, по распоряжению оккупационных властей была перемещена в здание телеграфа на ул. Толстого, где они находились до конца оккупации.

26 июня 1944 г. Витебск был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В числе первых учреждений, возобновивших работу, был исторический музей. Исполком Витебского областного совета депутатов трудящихся принял решение о восстановлении Витебского государственного исторического музея с 1 июля 1944 г. [6]. Позже, 4 сентября того же года, Совет Народных Комиссаров БССР утвердил это решение.

Исполняющим обязанности директора был назначен Н.В. Кочетов. 3 июля 1944 г. приказом по музею № 2 был утвержден штат сотрудников, состоящий, кроме Кочетова, из заместителя по хозяйственной части, четырех научных сотрудников, уборщицы и сторожа [12].

В августе 1945 г. был составлен первый послевоенный план работы учреждения, согласно которому в музее предполагались следующие отделы: 1) историческое прошлое Витебщины, 2) советский Витебск, 3) Витебская область в годы Великой Отечественной войны. Последний отдел, в свою очередь, должен был состоять из трех самостоятельных разделов: «Витебская область под гнетом оккупантов», «Партизанское движение в Витебской области», «Освобождение и восстановление Витебской области» [5].

Основными направлениями работы в 1944–1945 гг. были подготовка музея к открытию, создание экспозиции, комплектование фондов, «ремонт экспонатов». Важным вопросом был возврат эвакуированных в Саратов и вывезенных в Ригу предметов, а также учет и систематизация предметов, находившихся в годы оккупации в Витебске.

В июле 1944 г. в здании телеграфа по ул. Толстого были обнаружены музейные предметы, находившиеся в Витебске в период оккупации. Общее их количество, согласно «Книге поступлений экспонатов Витебского исторического музея 1944–1945 гг.», составленной летом 1948 г., достигало 1965 единиц [11]. Преимущественное большинство их составили предметы геологической коллекции (минералы, 1186 единиц). Также в здании телеграфа были обнаружены предметы палеонтологии, археологии, документы, оружие и предметы вооружения (в том числе ядра, наконечники стрел), литографии, фотографии, живопись и др. К числу наиболее ценных предметов можно отнести набойные доски 2-й четверти – конца XIX в., костные останки мамон-

тов, швейцарскую алебарду последней трети XVII в., печать Дворянского собрания Витебской губернии начала XIX в.

Отметим, что с учета именно этих предметов началось ведение послевоенных книг поступлений – основных учетных документов музея, которые используются в работе на сегодняшний день (КП 1 – 341).

Работа по возвращению предметов из Риги была начата в январе 1945 г., когда для получения «экспонатов витебского музея» в Рижский исторический музей был отправлен сотрудник Управления НКВД по Витебской области С.Н. Юдинский. Однако музейных предметов в Риге не оказалось: еще до приезда Юдинского они были вывезены в Минск представителем КП(б) БССР Кругликовым. 12 апреля 1945 г. витебский музей обратился в ЦК КП(б)Б с просьбой о содействии в доставке музейных предметов в Витебск (к тому времени они находились на хранении в музее Великой Отечественной войны). В том же месяце предметы были возвращены в Витебск [1].

21 апреля 1945 г. комиссия Витебского исторического музея составила акт приема № 1, в котором отметила, что «ящики с экспонатами, хранившиеся в музее Великой Отечественной войны в Минске, вскрывались», и указала общее количество вывезенных предметов – 1099 единиц [1]. После подробного их описания в книге поступлений основного фонда № 1, сделанного в начале 1950-х (?) гг., количество предметов с пометкой «вывезены из Риги» составило 1262 единицы. В их числе: археологические находки (955 единиц), предметы фалеристики и сфрагистики (175 единиц), оружие и воинское снаряжение (105 единиц) и др. Наиболее значимыми среди них являются личная печать Ш.-Н. Розенфельда, тестя художника М.З. Шагала; штамп для тиснения бумаги историка А.П. Сапунова; печать витебского Николаевского собора; пехотные тесаки Златоустовской оружейной фабрики 1-й половины XVIII в., предметы раскопок Люцинского могильника, проводившихся под руководством Е.Р. Романова в 1890–1891 гг.; фрагменты керамики XII–XIV в. и керамическая посуда XVII–XVIII вв., найденные при раскопках Замковой горы в Витебске.

В январе – феврале 1945 г. научный сотрудник музея Е.И. Рогозина была командирована в Саратов с целью организации работы по реэвакуации музейных предметов¹. Подробности этой деятельности на данный момент выяснить не удалось. Известно, что в начале апреля Рогозина все еще находилась в Саратове, а вывоз предметов в Витебск состоялся не позже конца августа 1945 г.

С 22 по 30 августа 1945 г. в музее работала комиссия по приему «экспонатов Витебского исторического музея, вывезенных в Саратов» [1]. В акте приема было указано, что ящики и бочки, в которых находились предметы, «не

¹ Точная дата командирования Е.И. Рогозиной в Саратов в документах ВОКМ не выявлена. В приказе по музею № 34 от 05.04.1945 г. содержится информация о том, что «реэвакуация экспонатов из Саратова не продвинулась ни на шаг, несмотря на то, что сотрудник Рогозина Евдокия Игнатьевна находится там свыше 1,5 месяцев» [12].

опломбированы, не опечатаны, только заколочены гвоздями», общее количество предметов точной цифрой не обозначено; из шести мешков с монетами три не опломбированы, два имеют разрывы. К акту прилагалась опись принятых экспонатов, где перечислены все «ящики, бочки, тумбочки, чемоданы», в которых были привезены предметы, а также частично сами предметы с номерами. Общее количество предметов, реэвакуированных из Саратова, согласно «Книге поступления экспонатов Витебского исторического музея», составленной в 1948 г., достигало 27 889 единиц [11]. В начале 1950-х гг. было произведено более подробное их описание, в результате чего общее их количество увеличилось до почти 32 тыс. единиц (КП 1030 – КП 7335).

После возвращения всех вывезенных в годы оккупации предметов, а также учета тех, что были обнаружены в Витебске, сотрудники музея составили «Опись экспонатов, пропавших в годы Великой Отечественной войны» [9] и «Опись недостающих экспонатов» [10]. Среди пропавших предметов, общее количество которых составило 11791 единицу, больше половины (6365 единиц) – предметы нумизматики, 1 тыс. единиц – минералы, более 800 единиц – украшения, около 450 единиц – предметы археологии.

В числе недостающих предметов в описи указаны преимущественно предметы живописи, графики, скульптуры, литографии, фотоснимки, диапозитивы – всего 1173 единицы. Следует отметить, что эта цифра требует уточнения, так как некоторые из перечисленных предметов были переданы в художественную галерею г. Минска еще до войны (например, «Натюрморт» И.И. Машкова), а некоторые были внесены в список ошибочно – они находятся в фондах музея в настоящее время (например, «Натюрморт» Д.П. Штеренберга).

Комплектование фондов музея новыми предметами началось уже в августе 1944 г. В числе первых экспонатов, принятых в музей, – вывески оккупационных властей, найденные на улицах и снятые со зданий города.

До конца 1944 г. и на протяжении всего 1945 г. музейное собрание пополнялось преимущественно предметами по теме «Витебск и область в годы оккупации» (в том числе «Партизанское движение», «Освобождение»), а также материалами, отражающими процесс восстановления города и области [2].

Источники комплектования были разные. Большое количество фотоснимков было закуплено музеем у артели «Гигиена» – 279 единиц. Преимущественное большинство из них – фотографии с изображением разрушенного города: отдельных зданий, панорам, улиц. Также в музей были переданы негативы и снимки бараков и территории бывшего концлагеря «5-й полк», надписей на стенах бывшей фашистской тюрьмы СД. Часть снимков отражала работы по восстановлению города.

Отдельный комплекс материалов был передан в музей непосредственно из бывшего концлагеря «5-й полк», находившегося на окраине города (в конце современной ул. Титова). В числе поступивших в фонды предметов –

медали, знаки, значки, личные фотографии военнослужащих немецкой армии, одежда и обувь, которую носили охранники лагеря, монеты и банкноты оккупационных властей (пфенниги, марки).

Из отдела агитации и пропаганды Витебского обкома КП(б)Б в фонды музея поступили документы о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, воспоминания жителей Витебщины о периоде оккупации, а также материалы о партизанском движении. Уникальными среди них являются рукописные газеты, журналы и боевые листки, созданные в различных партизанских соединениях Витебской области.

Большие комплексы материалов были переданы из Чашникского и Лепельского райкомов партии: документы о деятельности партизанских бригад «Дубова» и «Железняк», издания подпольной печати Лепельского райкома КП(б)Б (газеты, листовки, сводки совинформбюро, плакаты).

Часть предметов, пополнивших музейное собрание в 1944–1945 гг., представлена оружием. Немецкие противотанковые мины, пулемет МГ-34, винтовки системы «Маузер», самодельные автоматы партизан бригады «Дубова» и 1-й бригады им. К.С. Заслонова, пистолет системы «Парабеллум» 1916 г. и другие предметы были переданы из Витебского областного военкомата, Витебского областного общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, а также после проведения военной трофейной выставки.

Большой комплекс фотографий, посвященных Великой Отечественной войне, был приобретен сотрудниками музея в Москве в Бюро наглядных пособий. Эти снимки отражают историю партизанского движения в Беларуси, освобождение территории республики, а также последствия немецко-фашистской оккупации. Авторами фотографий являются фотокорреспонденты ТАСС П.Б. Бернштейн, Л.А. Великжанин, Ф.И. Кислов, Г.Ф. Коновалов, Е.Д. Копыт, В.Н. Лупейко, Д.И. Чернов, Я.Ф. Ярин и др.

Для отдела «Восстановление Витебской области» были приобретены образцы продукции витебских предприятий, в том числе предметы кухонной утвари, произведенные на заводе им. Кирова, изделия из керамики, изготовленные на кирпичном заводе. Тарелки, пепельницы, горшки, кружки, чернильные приборы из глины, произведенные в 1945 г., хранятся в музейной коллекции и в настоящее время. Некоторые из этих предметов представлены в экспозиции «Защитники Отечества».

Интересны предметы, поступившие в фонды музея в 1944–1945 гг. от частных лиц. Ученики 13-й школы передали бумажные деньги (5, 10, 50, 100, 500, 1000 руб. 1909 г.) и монеты (1, 2, 3, 5 коп. 1783, 1799, 1840, 1857, 1862, 1908, 1914 гг.) Российской империи, монеты Польши и Румынии – всего более 200 единиц. От бывших командиров и комиссаров партизанских бригад, действовавших на территории Беларуси, в музей поступили материалы, касающиеся их деятельности. М.Ф. Бирюлин передал комплекс фотографий по

истории 1-й Витебской партизанской бригады, Б.К. Иванов сдал документы 1-й бригады им. К.С. Заслонова, которой он командовал в 1944 г., Ф.Ф. Дубровский – фотографии по Чашникской бригаде «Дубова». Мать витебской подпольщицы Зинаиды Васильевой передала фотографию своей погибшей дочери, а врач Ярхо – нагрудный знак, который он носил, находясь в немецком концлагере.

Кроме того, по заказу музея специально для экспозиции витебские художники выполнили ряд графических и живописных работ: В.К. Дзежиц – портреты В.И. Ленина, И.В. Сталина, командиров партизанских бригад Ф.Ф. Дубровского и В.Е. Лобанка; В.И. Кухарев – портреты партизан М.Ф. Сильницкого и К.С. Заслонова; А.А. Ткаченко – портреты партизан М.Ф. Шмырева, М.Ф. Бирюлина, Ю.В. Смирнова; А.П. Мозолев – портрет П.М. Машерова, рисунки «Бой с карателями», «Партизаны в лесу», «В засаде» и др. Художник Табаков изготовил макет лагеря «5-й полк» (исключен из фондов в 1973 г.).

Первые итоги работы по комплектованию фондов в 1944–1945 гг. были представлены на выставке «Витебская область в годы Великой Отечественной войны», открывшейся в июле 1945 г. Она состояла из трех отделов: «Витебская область под игом немецко-фашистских оккупантов», «Партизанское движение Витебской области и освобождение Красной Армией», «Восстановление Витебской области». Как писали газеты, материалы первого отдела выставки «воспроизводят мрачные дни немецкой оккупации», во втором отделе, рассказывающем «о славных народных мстителях», было представлено большое количество трофейного и отечественного оружия. В третьем отделе были помещены «фотографии многих воинов, генералов и офицеров Красной Армии, принимавших участие в изгнании немцев из Витебска» [7].

Таким образом, в 1945 г. около 75% довоенного музейного фонда было возвращено в Витебск из Саратова и Риги. В течение 1944–1945 гг. в музей поступило более 2400 новых предметов. До настоящего времени не все из них сохранились. В 1946 г. часть фотографий с изображением разрушенного Витебска была передана в Минск в музей Великой Отечественной войны. Некоторые экспонаты были похищены (например, фотография «Витебск в первый день освобождения»). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. оружие частично было передано в музеи Бегомля, Полоцка, Кобрина, Могилева, в Белорусский государственный исторический музей. Ряд документов, касающихся деятельности партизанских бригад «Дубова» и «Железняк», в 1971 г. были переданы в партархив г. Витебска.

Предметы, поступившие в фонды музея в 1944–1945 гг., в настоящее время активно используются в экспозиционной и исследовательской деятельности музея, а эвакуированные предметы составляют «золотой фонд» ВОКМ, являются основой практически всех существующих в настоящее время коллекций.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** областной краеведческий музей (ВОКМ). – Акты и накладные поступления экспонатов Витебского областного исторического музея. – 1945 г.
2. **ВОКМ**. – Книга поступлений основного фонда № 2.
3. **Віцебскі** пралетарый. – 1938. – 22 чэрв. – С. 4.
4. **Віцьбіч, Ю.** Лшоно Габоо Бйрушалайм : даваен. проза / Ю. Віцьбіч. – Мінск : Кнігазбор, 2011. – 232 с.
5. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1947. Оп. 3. Д. 3.
6. **ГАВт**. – Ф. 1966. Оп. 8. Д. 10. Л. 173.
7. **Научный** архив Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ). – Ф. 43/1. С. 4.
8. **Научный** архив ВОКМ. – Ф. 994.
9. **Научный** архив ВОКМ. – Ф. 1028/3.
10. **Научный** архив ВОКМ. – Ф. 1028/4.
11. **Научный** архив ВОКМ. – Ф. 1033/6.
12. **Научный** архив ВОКМ. – Ф. 1353.
13. **Советская** Белоруссия. – 1941. – 22 июня.

Дейко А.А. (г. Полоцк)

ПРОЕКТ «ПЕДАГОГИ ПОЛОТЧИНЫ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ОДНОГО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ КРАЕВЕДЕНИЯ В УЧРЕЖДЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

О Беларусь! Кошмары лихолетья
Ты пережить и выстоять смогла,
В наш Полоцк не вернулся каждый третий –
По ним у нас звонят колокола.
Вглядимся в строгий мрамор обелисков,
Поклонимся от всей души своей
И над рекою в вечный путь неблизкий
Проводим мы гранитных журавлей.
Они летят, расправив гордо крылья,
Вещая миру радость и покой,
Как будто души павших не забыли
Спасенный ими город над Двиной.
*Котова Инна Ефимовна,
ветеран педагогического труда*

История не только просвещает, учит, но и воспитывает. Это коллективная память народа, обращенная не только в прошлое, но и в будущее.

В нашем учреждении образования на протяжении пяти лет ведет свою работу Музей истории развития образования Полоцкого региона. Деятельность музея способствует развитию творческой самостоятельности и общественной активности учащихся в процессе сбора, исследования, оформления материалов, занятий просветительской деятельностью. Современная форма подачи информации в виде мультимедийных программ, путем использования телевизора, мультиторда привлекает внимание учащихся и способствует формированию чувства гордости за великие подвиги предков.

Музей включает в себя различные экспозиции: «Летописный зал», «Зал развития образования на Полотчине», «Зал боевой и трудовой славы Полоцкого района», «Война. Победа. Память» и др. «Зал боевой и трудовой славы» посвящен педагогам – участникам Великой Отечественной войны и самым преданным своему делу учителям, поощренным за свой труд различными наградами. Посещение учащимися школы данной экспозиции и дало толчок к началу работы над проектом о педагогах-ветеранах Великой Отечественной войны. Экспедиционные отряды учащихся учреждения образования решили изучить вопрос участия педагогов Полоцкой земли в Великой Отечественной войне. Это способствовало формированию патриотических чувств не через усвоение теоретических положений, а посредством активной деятельности.

В Зале боевой и трудовой славы

Цели проекта: гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения; создание условий для изучения героических страниц жизни педагогов Полотчины – участников Великой Отечественной войны; воспитание чувства гордости за земляков, осознания личной ответственности каждого человека за судьбу малой родины, своей страны; приобщение учащихся к музейной деятельности.

Задачи проекта:

– активизировать поисково-исследовательскую деятельность по изучению судеб педагогов Полотчины, прошедших Великую Отечественную войну (изучение биографии, боевого пути, а также подвигов педагогов-героев: подпольщиков, партизан, солдат);

– изучить и систематизировать документальные, исторические и фотоматериалы, воспоминания об учителях-фронтовиках;

– создать условия для формирования у учащихся навыков проектной деятельности, аналитического мышления при работе с дополнительным материалом и историческими документами;

– издать сборник эссе о педагогах Полотчины – участниках войны;

– развивать творческие способности в сотрудничестве с учителями;

– привлечь внимание работников образования, учащихся, общественности к данной категории участников войны путем создания музейной экспозиции, мультимедийных презентаций, видео- и аудиоматериалов по данной теме.

В целях осуществления проекта педагоги и учащиеся школы изучали документы и архивные материалы Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, периодические издания музея, а также работали с материалами, предоставленными педагогами – участниками и ветеранами войны и их родственниками. Учащиеся учились наблюдать, анализировать, обмениваться опытом, передавать свои знания другим, приобретать навыки поисково-исследовательской деятельности.

Совместный поиск сведений о педагогах, общение с педагогами-ветеранами, их родственниками, участниками различных боевых операций способствовали сбору материалов для пополнения музейной

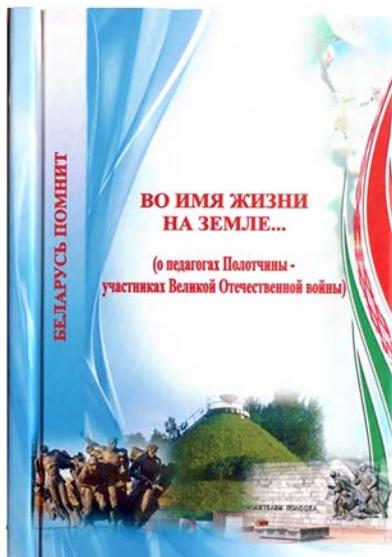
Работа с архивными материалами

экспозиции. Учащимися написаны эссе, исследовательские работы о боевом, трудовом и жизненном пути педагогов-ветеранов войны. Собранный отрядом материал использован в оформлении экспозиции музея, проведении интерактивных музейных уроков, занятий Школы Активного Гражданина, классных и информационных часов и других воспитательных мероприятий учреждения образования.

В результате реализации мероприятий проекта мы пришли к выводу, что высокие качества самоотверженности и гуманизма, характерные для работников образования, с особой силой проявились в ходе военных действий на фронте и в тылу.

Наш проект о тех, кто бесстрашно и гордо шагнул в зарю войны, грохот канонад, шагнул и не вернулся, о тех, кем мы гордимся сейчас и будем гордиться всегда. Он – о подвиге простого человека, который прошел через смертоносную войну, а потом изо дня в день трудился. Трудился добросовестно, на износ, не за награду, не за большие деньги, а просто в силу своей порядочности и любви к своей стране, в которой он родился.

Факты биографии и судьбы некоторых педагогов известны не полностью, поэтому мы будем продолжать начатую работу и попытаемся восстановить жизненный и боевой путь учителей – ветеранов войны нашей Полоцкой земли. Несомненно, жизнь педагога, опыт его деятельности должны быть осмыслены всем народом. Сохранять память о наставниках, воевавших в годы Второй мировой войны, – наша задача.

Сборник эссе

ЛИТЕРАТУРА

1. **Историческое** краеведение Беларуси : учеб. пособие для ист. фак. высш. учеб. заведений республики / [А. Н. Ваганова и др.] ; под ред. Э. М. Загоруйского. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 264 с.
2. **Материалы** // Музей истории развития образования Полоцкого региона.
3. **Памяць** : Полацк : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / [склад. С. С. Чарняўская ; навук. рэд.: Г. В. Штыхаў, С. В. Тарасаў ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – 908 с.

ОРШАНСКИЙ КРАЕВЕД ВИКТОР ПАВЛОВИЧ ЛЮТЫНСКИЙ

Виктор Павлович Лютынский окончил среднюю школу № 17 г. Орши (1980), историко-филологический факультет Гомельского государственного университета (1985).

Работал учителем истории, заместителем директора по учебной работе в школах Жлобинского района, Гомельской области, Оршанского района, ПТВ № 110, г. Орши. Работал научным сотрудником Оршанского музея истории и культуры (1995–1997), заведующим (с 1997 г.). С декабря 2006 г. работает преподавателем социально-гуманитарных дисциплин в Оршанском государственном механико-экономическом колледже. Преподаватель высшей квалификационной категории.

Заинтересовался краеведением во второй половине 1980-х гг., после того как окончил университет и начал работать в школе в Жлобинском районе. В 1993 г. вернулся в Оршу. Сначала исследовал события Отечественной войны 1812 г. на Оршанщине. Работая учителем в Смольянской школе Оршанского района, на основе архивных материалов и мемуарной литературы написал книгу «Орша в войне 1812 года» (1995).

Комплексно изучает Оршанщину, отдавая предпочтение исследованию жизни и деятельности знаменитых земляков, праву и преступности в истории Орши, исследует события двух последних мировых войн в Оршанском районе. Наиболее значительным произведением является иллюстрированный календарь-справочник «Орша: события и люди. 1067–2007», «Орша в первой мировой войне», «Еврейский пагром 1905 года в Орше», «История оршанской тюрьмы (XVIII – начало XX в.)». Работает над «Иллюстрированной хронологией истории Орши», биографическим справочником «Кто есть кто в истории и культуре Орши».

Участник ряда республиканских и региональных ежегодных научно-краеведческих конференций в г. Орше, Республиканской научно-практической конференции, посвященной 60-летию освобождения Беларуси (Витебск,

Редакция находилась в двух шагах от музея, поэтому доводилось бывать там часто. Главным редактором газеты была тогда Галина Васильевна Игнатенкова, замечательный журналист и толковый руководитель творческого коллектива, который (1990-е гг.) был весьма богат на таланты.

Правда, большинство тогдашних журналистов были воспитанниками предыдущих редакторов – Кирилла Викторовича Суворова и Виктора Ивановича Петрушина (с последним В.П. Лютынский знаком и высоко ценит его человеческие качества и творческие способности). В.П. Лютынский называет лишь имена тех сотрудников редакции, с которыми были наиболее близкие творческие контакты: Алла Самуиловна Танчевская, Ольга Никитична Шутова и Юрий Александрович Коптик. Голос В.П. Лютынского часто звучал тогда в передачах, посвященных истории и культуре Орши.

С сентября 1995 г. В.П. Лютынский работал в музее «Истории и культуры г. Орши». Работа в музее очень нравилась. Кажется, там В.П. Лютынский нашел себя. Нравилась и научно-исследовательская работа, и фондовая (искать интересные предметы и документы, связанные с историей и культурой города), и экспозиционная (сделали временную экспозицию «Орша в XX веке»), и экскурсионная. Познакомился с большим количеством замечательных людей. Назову лишь двух, с кем связывали его тесные дружеские связи. Это Герой Советского Союза А.Д. Соляников и народный художник Беларуси В.А. Громыко.

Работал с людьми, увлеченными своим делом, порядочными и ответственными: это Тамара Георгиевна Игнатьева, Людмила Аркадьевна Котева, Алёна Михайловна Загорельская.

ИЗ АТТЕСТАЦИОННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Лютынского Виктора Павловича, преподавателя

Оршанского государственного механико-экономического колледжа

Специальность по образованию: Историк, преподаватель истории и обществоведения

Должность, дата назначения: Преподаватель, 02.10.2006 г.

Категория: высшая

Виктор Павлович работает преподавателем социально-гуманитарных дисциплин в составе цикловой комиссии социально-гуманитарных наук. За время работы показал достаточно высокий уровень профессионализма.

Преподаватель хорошо подготовлен теоретически, умело использует различные формы организации учебного труда учащихся, активизации познавательной деятельности. Много внимания уделяет повышению своего профессионального уровня, внедрению и использованию инновационных методов.

Творчески использует методы интерактивного обучения, информационные технологии.

Учебные занятия проводит методически грамотно, учебный материал излагает доходчиво и ясно. Абсолютная успеваемость по преподаваемым дисциплинам достигает 100%, высока и качественная успеваемость. Ведет целенаправленную работу по систематизации КМО по преподаваемым учебным дисциплинам, а также активную работу с одаренной молодежью. Подготовил для участия в городской олимпиаде по обществоведению в 2010/2011 учебном году уч-ся Купцову С., гр. 26к (диплом III степени), в 2011/2012 учебном году уч-ся Шкутко Д., гр. 21к (диплом III степени), для участия в областной олимпиаде по истории среди учащихся ссузов уч-ся Шкутко Д. и Агафонова П. (2-е командное место). Работает над проблемой «Использование

краеведческого материала на уроках истории Беларуси и обществоведения». Активно участвует в методической и научно-исследовательской деятельности. Постоянно принимает участие в Республиканских выставках научно-методической литературы и педагогического опыта. Участвовал в научно-практических конференциях в городах Брест, Витебск, Гомель. Имеет публикации в сборниках работ участников данных конференций. Руководит научно-исследовательской работой учащихся. Оказал помощь уч-ся Рабею М. в подготовке проекта «Поиски святыни» для Республиканского молодежного проекта БРСМ «100 идей для Беларуси» (сентябрь – октябрь 2011 г.).

Проект признан одним из лучших в республике и запланирован к реализации. Руководит творческим объединением «Наследие» (музей). Активно участвует в просветительской работе. Проводит экскурсии для учащихся 1–4-х курсов «Орша обзорная», «Орша героическая», «Орша православная», «Орша криминальная», а также выездные занятия по дисциплине «История Беларуси», спецкурсу «Великая Отечественная война...». Активно и плодотворно участвует в популяризации знаний по истории Орши и колледжа в средствах массовой информации, в газете «Вести колледжа». Проводит большую организаторскую и методическую работу как председатель цикловой

комиссии социально-гуманитарных наук. Активно участвует в подготовке и проведении мероприятий недели цикловой комиссии. Компетентен в вопросах трудового законодательства, охраны труда, техники безопасности и экологии. Занимает активную жизненную позицию, выполняет общественные поручения председателя совета ветеранов труда колледжа, председателя первичной организации общества «Знание».

В повседневной жизни Виктор Павлович равняется на своих родителей. Что касается истории и педагогики, примером для него был и есть известный в городе педагог Александр Михайлович Шишкевич, а что касается краеведения, то равняться для него есть много на кого: от Даниила Василевского до Владимира Короткевича, из ныне здравствующего замечательным примером и идеалом является Александр Николаевич Шинкевич.

В 2020 г. символическим тиражом вышла брошюра В.В. Жуковского «Оршазнаўства. Выкарыстанне публікацый краязнаўцы В.П. Лютынскага на ўроках». В брошюре приведен список публикаций на момент издания: книга, две статьи в энциклопедиях, 37 статей в научных и научно-популярных изданиях и книгах «Память», 378 статей в периодической печати районного, областного и республиканского масштабов. Помещены краткие методические рекомендации по использованию материалов Виктора Павловича в периодической печати на уроках и во внеклассной работе, его краткая биография и фотоматериалы.

С 2014 г. статьи В.П. Лютынского регулярно появляются на Оршанском региональном сайте.

Кропотливая и нужная всем нам деятельность знаменитого оршанского краеведа плодотворно продолжается и по сей день. Его замечательные статьи читаются любителями краеведения с большим интересом и все ждут разгадок истории Оршанщины в его новых статьях.

Комлева Т.Г. (г. Минск)

**АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ВИТЕБСКА
НА ОТКРЫТКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.
ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЕЛАРУСИ:
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Витебск – один из древнейших центров культурной и духовной жизни Беларуси с богатейшей историей и глубокими национальными традициями. Согласно легенде, город был заложен киевской княгиней Ольгой в 974 г. Первые упоминания о нем встречаются в «Повести временных лет» и датированы 1021 г. [3, с. 313].

Издrevле земли Витебского края окутаны многочисленными легендами и преданиями, богаты загадочными местами, которые наделены неповторимым природным колоритом и неразгаданными тайнами. В наши дни можно услышать о молчаливых валунах, тропе и сокровищах французского императора и полководца Наполеона, подземном дворце и несметных богатствах Царевны Замковой горы.

Множество храмов, белокаменных церквей, костелов, часовен, замков, старинных усадеб и родовых поместий, архитектурных и ландшафтных ансамблей вносят особенный колорит и дополняют художественный образ Витебщины, являясь частью историко-культурного и духовного наследия, источником вдохновения для творцов. Городу посвятили свои работы композитор М. Анцев, музыкальный деятель В. Мессман, композитор-любитель О. Крамер, художник М. Шагал, поэт В. Маяковский и др. [2, с. 185].

За свою богатейшую историю Витебск неоднократно становился очевидцем смены целых эпох, знаковых исторических и политических событий, которые внесли существенные изменения в художественный облик города и повлияли на его дальнейшее развитие. Далеко не все памятники старины сохранились до наших дней, большинство из них разрушено и предано забвению, некоторые – далеки от своего первоначального вида и нуждаются в проведении художественных и научно-реставрационных работ. Среди утраченных: церковь Святого Михаила, костел Святого Антония Падуанского (Бернардинский монастырь), дворец Огинского, здание мужской гимназии, Фарный костел (монастырь мариавиток), дом Витенберга и др. [1].

Репродуцированные изображения Витебска на открытках конца XIX – начала XX в. (период вхождения белорусских земель в состав Российской империи) позволяют с достаточной полнотой и документальной точностью передать утраченные образы памятников культуры и искусства древнего города и послужить надлежащим подспорьем для их дальнейшего восстановления. Они дают уникальную возможность совершить экскурсию по старинным улицам и площадям, увидеть удивительные места и памятники архитектуры, познакомиться с бытовыми сценами из жизни города, оценить культурный уровень общества той далекой поры.

Выбранный нами хронологический период не случаен: первые почтовые открытки с презентацией художественного образа Витебска появились в конце XIX в. и вскоре получили широкий резонанс в обществе, стали своеобразной визитной карточкой города. Выпускались как отдельно, так и целыми сериями, объединенными по тематическому либо сюжетному признаку, постепенно превращаясь в художественный объект для коллекционирования.

В фондах Национальной библиотеки Беларуси художественный образ Витебска представлен на многих изобразительных документах, в том числе на открытках с конца XIX в. по настоящее время. Для нашего исследования

особый интерес представляют почтовые картинки, находящиеся в ведении отдела хранения специализированных фондов с хронологическим охватом от 1890 до 1918 г. Это 24 оригинальные открытки, на оборотной стороне которых встречаются штампы частных коллекций и издательские марки той далекой поры. Среди них штамп «г. Ленинград. Коллекция Арбидан Ю.А.», штамп «Коллекция Козырева Н.А.», издательская марка «S.Z.J.W.» в треугольнике. Среди издателей Писчебумажный магазин Ш.З. Яхнина, издание Ф. Доброга и М. Голощекина, издание наследников М.Б. Неймана. Согласно историческим сведениям, типография купца М. Неймана, основанная еще 1818 г., считалась одной из крупнейших в Беларуси, на ее долю приходилось 15–16% витебских изданий [2, с. 114].

Отсутствие даты выпуска на самих открытках затрудняет определение наиболее ранних из указанного массива. Условно их можно распределить по следующим тематическим рубрикам: «Утраченное историко-культурное наследие Витебщины», «По старинным улочкам и скверам Витебщины», «Культурная жизнь Витебска».

В своем большинстве это отдельно изданные открытки, либо единичные экземпляры, входящие в состав определенной серии. На них можно увидеть утраченные памятники архитектуры, познакомиться с историко-художественным обликом древнего города. Особенность этих открыток заключается в том, что одно и то же здание, сооружение либо улица представлены в различных временных периодах, что позволяет проследить историю их создания и дальнейшую судьбу. К примеру, ряд открыток посвящен Двинскому мосту, который был построен в 1863 г. Этот мост на протяжении долгих лет соединяет «двинские» берега, являясь безусловной стратегической артерией города, пережил на своем веку неоднократные разрушения и возрождения. Документальными подтверждениями этому являются открытки «Витебск. Вид с моста на Могилевскую ул.» (между 1890 и 1911 гг., изд. Ф. Доброга и М. Голощекина); «Привет из Витебска. Общий вид и мост» (между 1890 и 1918 гг., изд. Писчебумажного магазина Ш.З. Яхнина, имеется штамп «Коллекция Козырева Н.А.»); «Витебск. Двинский мост» (между 1890 и 1917 гг., место издания неизвестно); «Витебск. Вид с моста» (между 1890 и 1904 гг., изд. Ф. Доброга и М. Голощекина); «Привет из Витебска. Успенский собор и мост» (между 1904 и 1909 гг., изд. Писчебумажного магазина Ш.З. Яхнина). Несомненно, эти документальные источники послужили реальным подспорьем для современных мостостроителей, которые работали над его реконструкцией и восстановлением.

Ряд открыток подчеркивает культурный уровень общества и отражает духовную сторону общественной жизни горожан, принадлежащих к различным религиозным конфессиям. Об этом свидетельствуют изображения уникальных объектов культурного наследия той эпохи – Николаевского собора, Немецкой кирхи, Успенского собора, мужской гимназии Неруша, Учи-

тельского института, городского театра, женского духовного училища, дома Дворянского собрания.

Отдельные открытки раскрывают историю развития железнодорожного транспорта, который начал активно развиваться с середины XIX в. В 1866 г. начала действовать Рига-Орловская железная дорога, которая проходила через Витебск и в дальнейшем связала город с Москвой, Киевом, Петербургом и Ригой. В этом же году в Витебске был построен железнодорожный вокзал и Привокзальная площадь, что способствовало увеличению численности населения и расширению городской территории [2, с. 114]. Первоначальный облик здания железнодорожного вокзала запечатлен на открытом письме «Привет из Витебска. Подъезд к вокзалу» (между 1890 и 1918 гг., Ш. З. Я.). Здание перестраивалось в 1912 г., а в годы Великой Отечественной войны и вовсе было разрушено. Позднее на этом же месте был возведен Витебский вокзал, современное здание которого было построено в 1952 г. и успешно функционирует по настоящее время.

Исторические факты свидетельствуют, что на 1864 г. в Витебске существовало восемь городских площадей, связанных между собой пересекающимися улицами и центральными магистралями. Открытки хранят в себе уникальные сведения о главных улицах города с их прежним видом и названиями, иллюстрируют как отдельные моменты повседневной жизни горожан, так и архитектурные решения храмовых построек, парков, скверов, мостов и набережных. Среди них – открытка «Витебск. Вид с моста на Могилевскую ул.» (между 1890 и 1911 гг., изд. Ф. Доброго и М. Голощекина), которая хранит облик лучших каменных зданий, к которым относится бывший дворец губернатора (конец XVIII – начало XIX в.). Ныне Могилевская улица носит имя Кирова [2, с. 188]. Открытка «Витебск. Гоголевская улица» (между 1890 и 1918 гг., издательская марка «S.Z.J.W.» в треугольнике) иллюстрирует облик улицы, которая существовала с середины XIX в. и в разное время называлась Ново-Могилевской, Большой Могилевской, Гоголя, а сейчас носит имя Ленина. На ней и сейчас располагается дом с фасадом того времени [1].

Источником для отражения исторических сведений является открытка «Витебск. Гостиница Брози» (между 1890 и 1918 гг., издательская марка «S.Z.J.W.» в треугольнике). На открытом письме запечатлено несохранившееся до наших дней здание гостиницы Брози с уникальным фасадом, декорированным арочными окнами и открытыми галереями с ажурными металлическими решетками. Построено в центре города – на углу Смоленской и Подвинской улиц, у каменного моста через р. Витьбу. На открытке запечатлен и существовавший в то время способ передвижения в виде конных карет, который был доступен лишь состоятельной части населения. Гостиница являлась не только местом для отдыха и ночлега, но и местом, где сосредоточивалась общественная и культурная жизнь города. Здесь были размещены кегельбан, бильярдная, первоклассный ресторан с русской и французской

кухнями, кондитерская «Жан-Альбер», фотоателье А. Маковского, мебельный магазин Х. Шестера и писчебумажный Ш. Яхнина, роскошный магазин часов и ювелирных украшений Шмуля-Неуха Розенфельда [4].

Таким образом, проведя анализ открыток как документальных источников, можно проследить изменения в архитектурно-художественном облике Витебска, который, сменяя стили и предпочтения, оставил на себе отпечаток целых эпох. Это дает уникальную возможность исследователям изучать один из старейших и загадочных городов Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **В поисках** утраченного [Электронный ресурс] // Витебская энциклопедия. – Режим доступа: <http://evitebsk.com/wiki>. – Дата доступа: 10.09.2022.
2. **Памяць** : Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / [склад. А. І. Мацяюн ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. ; маст. Э. Э. Жакевіч]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2002. – Кн. 1. – 643 с. : іл.
3. **Культура** Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2 : Б – Г. – 543 с. : іл.
4. **Утраченное** наследие Витебска [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-poiskakh-utrachennogo-334.html/>. – Дата доступа: 10.09.2022.

Котович Т.В. (г. Витебск)

ШАГАЛ. МАЛЕВИЧ. 1918–1922. УСЛОВИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. ИСКУССТВО ПОВЕРХ ГОРИЗОНТАЛЕЙ

1.1. Бэкграунд. Обстановка 1918–1922 гг.

С февраля по июнь 1918 г. кайзеровские войска стояли в Полоцке. Развернулось мощное партизанское и подпольное сопротивление. С. Крылов, военный комиссар Витебска, вспоминал: «Наступление немцев на Витебскую губернию подняло мощное партизанское движение среди крестьян. С удивительной быстротой в уездах организовались партизанские отряды под командою унтер-офицеров и солдат, прибывших с фронта. Оружие нашлось в деревнях (бросали демобилизовавшиеся солдаты), недостающее свободно давал Революционный штаб. Крестьяне твердо стали на защиту своих волостей и деревень. По линии фронта создавалась крестьянская вооруженная завеса тысяч из тридцати вооруженных человек. Начались бесперывные стычки с немцами. В тылу германской армии вспыхнули пожары. Тыловые части немцев разбивались партизанами. Картина ярко напоминала работу русских партизан во времена нашествия Наполеона на Москву в 1812 г. (по описанию Л. Толстого в “Войне и мире”» [1].

В. Костерин позднее описывал события в Витебске в феврале 1918 г. так: «Немцы берут Полоцк, двигаются к Витебску. Мы организуем революционный штаб, пытаемся организовать оборону, созываем гарнизонное собрание, ставим вопрос о борьбе с немцами» [2].

Тогда на заседании революционного штаба решились на крайний шаг и за три дня демобилизовали весь гарнизон целиком. Ситуация в городе была отчаянная.

В ночь на 23 февраля собрали заседание горисполкома и реально начали готовиться к подпольной работе.

Именно Крылов приступил к формированию вооруженных отрядов, так как его штаб был наделен диктаторскими полномочиями и сам Крылов командовал отрядами при обороне Витебска от немецких кайзеровских войск.

25 февраля 1918 г. из 5 тыс. витебских красноармейцев была сформирована 1-я Витебская пехотная дивизия.

Г. Аронсон вспоминал жаркое лето 1918 г.: «Большевицкий суд ликвидировал последних, только что изловленных, провокаторов. <...> Военные дозоры по вечерам занимались проверкой документов. В домах производились постоянные обыски. <...> Это был период, когда аппарат Чеки начинал впервые чувствовать под собой твердую почву, когда он, под видом “комбедов” уже готовился дать бой “кулакам” в русской деревне и уже обрстал опричниной, специфическими отрядами особого назначения, в городе» [3, с. 18].

Из очерка Семена Крылова «Военная работа (1917–1918 гг.)», помещенного в книге «Красная быль», описывающего события восстания красноармейцев в Витебске летом 1918 г., очевидно, что харизма, которой он обладал, позволила прекратить начавшееся было выступление/восстание военных и организовать отряды.

22 октября 1918 г. член Витебской губЧК Савелий Дудочкин сигнализировал, что около четырех недель в Витебске действовала «хулиганствующая группа из находящегося там кавалерийского латышского стрелкового полка». Это была громкая история, в которой разбирались и Троцкий, и Дзержинский, история, которая могла иметь тяжелые последствия.

Осень – зима 1918 г. – это еще и время злостных заболеваний: «губернский отдел народного здравоохранения только справился с эпидемиями холеры и дизентерии. Непосредственно вслед за этими эпидемиями в губернии стала быстро развиваться эпидемия так называемой испанской болезни, поразившая почти все уезды и отличавшаяся большой заболеваемостью, а местами и смертностью. Одновременно в Витебске стала развиваться эпидемия сыпного тифа» [4].

21 декабря 1919 г. Малевич писал в Москву М. Гершензону: «Послезавтра иду в очередь посылать Вам хлеб, 10 фунтов, авось дойдет. Сегодня не удалось, большая очередь. Прежде чем обратилась Мария Борисовна (жена Гершензона. – Т. К.) о присылке продуктов, и прежде чем купить себе, я подумал

о Вас. Но сильный чрезвычайный карантин не дает ни послать, ни переслать ни одного фунта, по почте можно послать 10 фунтов хлеба, но когда дойдет, неизвестно» [5, с. 118–119].

Вторая волна «испанки» пришлась на зиму 1918–1919 гг. и уже захватила всю Европу, постепенно распространяясь по миру. Третья волна эпидемии прокатилась весной 1919 г. и была легче второй. Полагают, что испанский грипп унес от 75 до 100 млн жизней. Многие смерти были обусловлены вторичной бактериальной пневмонией, поражающей ослабленные вирусом легкие. Смерть наступала от неадекватно бурной реакции иммунной системы на активность вируса (так называемого цитокинового шторма). Последние вспышки фиксировались в 1920 г.

28 декабря Малевич в письме к Марии Гершензон сообщал: «Сейчас разрешили посылать двадцать фунтов хлеба, и что же получилось, очередь с пяти часов утра на улице, спекулянты действуют, и чтобы послать хлеб, нужны люди сменять друг друга. Я уже простоял до четырех часов целый день и послать не удалось, потом еще новости, что не все посылки доходят или доходят кирпичи или половина. Я решил с женою все-таки добиться послать, но у нее тоже свои родственники, но у меня свои. <...> Но в общем ни ей, ни мне не удалось послать. Сегодня иду опять с надеждой, и если удастся, буду доволен. <...> и я вынужден был лишний раз отстаивать очередь в кошмарном отделении почты» [5, с. 120].

1.2. В ноябре 1918 г. в Витебске торжественно отмечали первую годовщину Октябрьской революции

Комиссар Крылов инициировал кино съемку этих событий. Он обратился в кинематографический комитет при Наркомате Народного Просвещения с просьбой о 500 м пленки для создания кинохроники парада красноармейских частей [6], а также в Московский Окружной Комиссариат по военным делам и в Комиссариат по военным делам Петроградской коммуны с просьбой о фотоматериалах для витебских фотографов.

Газета «К оружию!», которую редактировали Крылов и Окунев, в № 4 за 4 ноября 1918 г. (понедельник) опубликовала лозунги для военных знамен: «На штыках пролетариата – смерть капитализма», «Пролетарий всего мира – стройся в боевые ряды», «Глубже ройте могилу старому миру», «Мы солнце новое зажгли» (предчувствие скорой постановки «Победы над Солнцем» в Витебске?), «Теснее ряды – и победа за нами», «Кто не работает, тот не ест», «Да здравствует пролетарская культура», «Пролетарское искусство – орлиные крылья рабочего класса», «Мир хижинам, война дворцам».

Требование витебского губернского военного комиссара С.Н. Крылова в комиссию по украшению города к Октябрьским торжествам о выдаче материалов.

г. Витебск 5 ноября 1918 г.

Для управления коменданта губвоенкома 8 флажков для мачт, 4 флага размер 1 ½ на аршин или 10 аршин красной материи, один плакат «К свету» художника Пэна, один портрет Ленина, один портрет Троцкого, бумажные ленты, цветную бумагу и цветы.

Военный комиссар
Комендант [7].

Фото 1. Фрагмент из фильма «Октябрьская годовщина». Демонстранты несут портрет Фердинанда Лассаля

Фото 2

Крылов писал в кинематографический комитет при Наркомпросе о быстрой проявке и печати пленки («кинематографической картины»).

Фильм о праздновании демонстрировали в «Кино Арс», куда позвали местную власть и прессу. Как писали в «Витебском листке» от 19 ноября 1918 г., «несмотря на то, что картина не обнимает полностью октябрьские торжества, она все же оставляет хорошее впечатление. Для витеблян эта картина представляет особый интерес, как сотни и тысячи людей получают возможность увидеть себя и своих знакомых на экране. Кроме того, на экране зритель может, так сказать, с высоты полета увидеть грандиозное зрелище октябрьских торжеств в Витебске. Картина, несомненно, будет иметь историческую ценность для Витебска» [8].

Город был *фантастически* украшен. Такого здесь еще не видели.

В Комиссию по украшению города под руководством Марка Шагала вошли Ю. Пэн, С. Юдовин, А. Бразер, Д. Якерсон, А Ромм. Плакаты, транспаранты и панно были созданы на холстах, на полотнищах белого фона. Для Шагала это был новый символический мир свободного человека, как на знаменитом эскизе «Мир хижинам, война дворцам». Еще 26 сентября в «Витебском листке» (№ 988) Шагал взывал: «Всем художникам, декораторам и рисовальщикам, вдохновленным идеей великой революции, предлагается ко дню 25-го октября – годовщине революции – подготовить ряд больших, выразительных и ярких плакатов. <...> Срок представления плакатов 15 октября в отдел народного образования».

Через несколько дней, 1 октября, в «Известиях...» (№ 210) была опубликована информация о приглашении художников, декораторов, рисовальщиков, скульпторов, живописцев и архитекторов на общее совещание по поводу предстоящих работ в связи с Октябрьскими торжественными днями. Все местные живописцы и маляры были объединены в Государственную декоративно-художественную мастерскую, которая исполняла оформление. Шагал, Якерсон, Фридендер и другие делали эскизы, разлинованные клетками, которые затем переносились на большие плоскости.

Бэкраундом всей работы стало введение военного положения в губернии, утвержденного приказом Витебского губисполкома от 15 июля 1922 г., подписанного С. Крыловым, в целях окончательной ликвидации бандитизма. Губисполком брал на себя право: 1) издавать распоряжения, воспреещающие въезд – выезд из той или иной местности; 2) образовывать особые дружины для оказания технической помощи в борьбе с бандитами; 3) воспрещать отдельным лицам находиться в пределах определенной местности; 4) устанавливать охрану населенных пунктов; 5) проводить военное положение на железной дороге; 6) применять строжайшие меры и наказания виновных в бандитизме; 7) не вводить ограничений свободы движения в городах после известного часа; 8) патрулировать улицы [9]. К сентябрю бандитизм был практически ликвидирован, главари были убиты, а рядовые члены банд являлись с повинной.

Фото 3

Из протокола заседания Витебской губернской комиссии по борьбе с бандитизмом от 24 сентября 1922 г., подписанного С. Крыловым, следовало, что из 130 бандитов убито 15, взято в плен 29, явились добровольно 68. «С нашей стороны за все время операции понесено потерь: 4 убитых, 4 раненых и 1 лошадь», – указывал Даубе. Была высказана благодарность партизанам, крестьянам, частям ЧОН, ГПУ и войсковым частям.

В конце января 1923 г. Крылов издал новый приказ о мерах по борьбе с бандитизмом, где отмечалось, что в городе и губернии вновь усилились уголовный бандитизм и грабеж, и президиум губисполкома постановил взятых с поличным на месте преступления немедленно подвергать расстрелу; подвергать расстрелу и лиц, по отношению к которым «ходом дознания установлено бесспорное участие в бандитских налетах» [10]. Приказ вступал в силу 24 января.

1.3. «Социальное алиби УНОВИСа (как до этого для Шагала и его учеников) – агитационное искусство» [11, с. 141]

В условиях крайней нестабильности социальной обстановки М. Шагал основывает школу, в которой собственный проект создает К. Малевич.

В первом выпуске Альманаха УНОВИСа (1920) был обобщен опыт выхода супрематизма в среду и полугодового пути в данном направлении. Украшение города к майским праздникам стало продолжением всех уже созданных подобных проектов и новым этапом в формировании огромной метафоры – «виртуального супрематического города».

1. Оформление белых казарм Комитета по борьбе с безработицей: панно, знамена, сценография, типографика. Декабрь 1919 г.

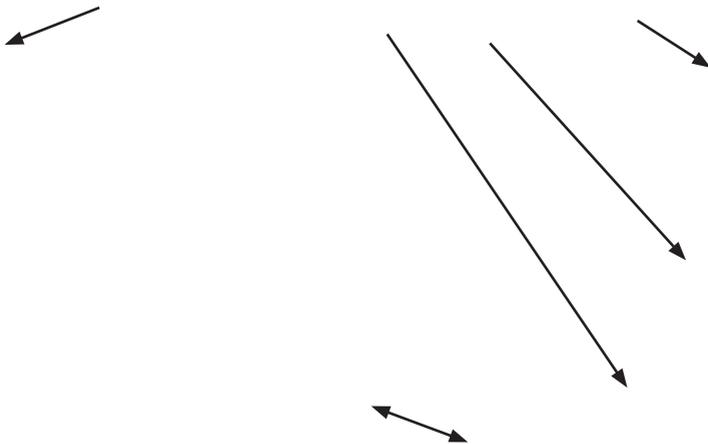
2. Митинг/перформанс: выступления, футуристическая опера «Победа над Солнцем», Супрематический балет. Доклады, сценография, мизансценирование, хореография. Февраль 1920 г. «Все декорации, костюмы и буфатория построены по специальным эскизам и исполнены коллективным усилием самих художников» [12].

3. Создание Альманаха УНОВИСа № 1 с эскизами росписей стен, трибун, плакатов, трамваев. Апрель 1920 г.

4. Оформление торжеств. Май 1920 г.

Среди многочисленных художественных проектов – оформление жизни обыденной, повседневной, профанной; украшение ее серости и буро-кирпичности; устройство выхода в полетность, в пływучесть, в пространство, в перевоспитание глаза и ощущения (от предмета с его визуализацией к космической бесконечности и невесомости); организация среды.

В марте 1920 г. был принят План работы Совета утверждения новых форм искусства. Комиссия в составе Эль Лисицкого, В. Ермолаевой, Н. Ко-

ган под руководством К. Малевича определила программу трансформации среды по сегментам: 1) праздничное оформление; 2) создание орнамента; 3) проекты мебели; 4) строительство книги; 5) проекты новой архитектуры. Кроме того, определились с пропагандой нового искусства через: 1) лекции; 2) выставки; 3) музеи; 4) издания УНОВИСа; 5) консультации по вопросам изобразительного искусства во время опытного, общественного рисования в школах города.

В сегментах супрематического проекта (май 1920 г.) располагались росписи на стенах, вывески, эскизы росписей интерьеров столовых, матрицы продвольственных карточек, трибун ораторов, скульптурные памятники, росписи щитов на бортах трамваев.

Е. Школьник вспоминал: «Вне института художественная жизнь города также была ключом. Я уже писал, что все заборы, трамваи и частично фасады многих домов были расписаны разными фигурами и лозунгами вроде: “Владыкой мира будет труд!”, “Мы наш, мы новый мир построим!”, “Искусство, принадлежи народу!”, “Ученье – свет, неученье – тьма” и др.

Росписи на трамваях напоминали супрематические картины, изображающие геометрические фигуры и в беспорядке написанные буквы лозунга (подчеркнуто нами. – Т. К.).

На заборах чаще всего изображались до предела обобщенные рисунки фигур рабочих в синих блузах, несущих бревно или размахивающих большим молотом и бьющих по наковальне; или фигуры широко шагающего художника с палитрой и кистями в руках на фоне неба и условно изображенного, где-то вдаль, города с фабричными трубами. Символом просвещения был горящий факел на фоне раскрытой книги. Плакаты с такими символами и лозунгами были вывешены на многих домах» [13].

Эскизы оформления Супрематического трамвая были помещены в Альманахе УНОВИС № 1 за 1920 г. (эскизы Н. Коган – на с. 39–40 и эскиз Цетлина – на с. 41).

На эскизах Коган яркие, многосоставные композиции: на одной стороне с черным квадратом в центре и равновесием полукружия в левой части и черного треугольника – в правой. Динамику всей структуре задают наклонные красные кресты. Небольшой желтый круг слегка увеличивается на другой стороне трамвая. И здесь динамика предопределяется красными крестами, один из которых трансформируется в стрелу, указующую вместе с черным треугольником динамическое направление. Обе композиции отличаются яркостью, сочетанием крупных форм и мелких деталей, игрой масштабов, сильным акцентированием линий и линейного движения.

Эскиз Цетлина основывается на статике супрематических форм, их взаимодействии и согласовании. В композицию введены буквы разной величины, задающие легкость всей композиции и особую типографику «Владыкой мира будет труд».

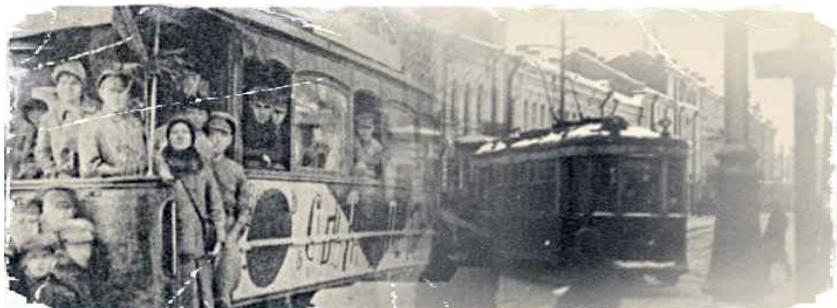

Фото 4, 5. Оформление трамвая в Витебске по эскизам УНОВИСа. 1920 г.

И на фото 1920 г. мы видим воплощение малевичского эскиза из двух крупных фигур – круга и треугольника – с такой же крупной надписью из расположенных треугольником длинных узких букв «Всю жизнь превратим в субботник».

Художественное предложение Н. Сутина (1921) более мобильное, скупое, лаконичностью своей увеличивающее воздействие всей композиции. Оно основано на красном полукруге, из которого вырывается или наслаивается на него/ударяется о него черный прямоугольник, расположенный диагонально, и на который налагаются/к которому примыкают еще два небольших прямоугольника – серо-голубой и красный. Буквы, черные и красные, из которых слагается лозунг «Да здравствует мировая революция», рифмуются с диагоналями формы и усиливают динамику композиции.

Супрематический трамвай связывал все районы Витебска, трансформировавшись в своеобразный передвижной супрематический музей/галерею. Он соединял воедино весь запас витебского пространства в одну целостную идею супрематизма, прокламировал ее, постоянно напоминал о ней, воздействуя, как эхо конфетти. Он стал подвижной границей внешнего и внутреннего: человек входил внутрь супрематического проекта и двигался в нем и вместе с ним, его глаз впитывал супрематическую форму, привыкал, воспитывался – во время ожидания на остановке, во время пребывания внутри, во время наблюдения за движением со стороны улицы. Супрематический трамвай «передвигал» и другие элементы оформления города (стационарные). Трамвай с росписями уновистов эксплуатировался в Витебске, по воспоминаниям витеблян (в частности студента художественного техникума В. Атуфьева), еще и в 1925–1926 гг., и оформление производило на них впечатление яркости, свежести, живости [14].

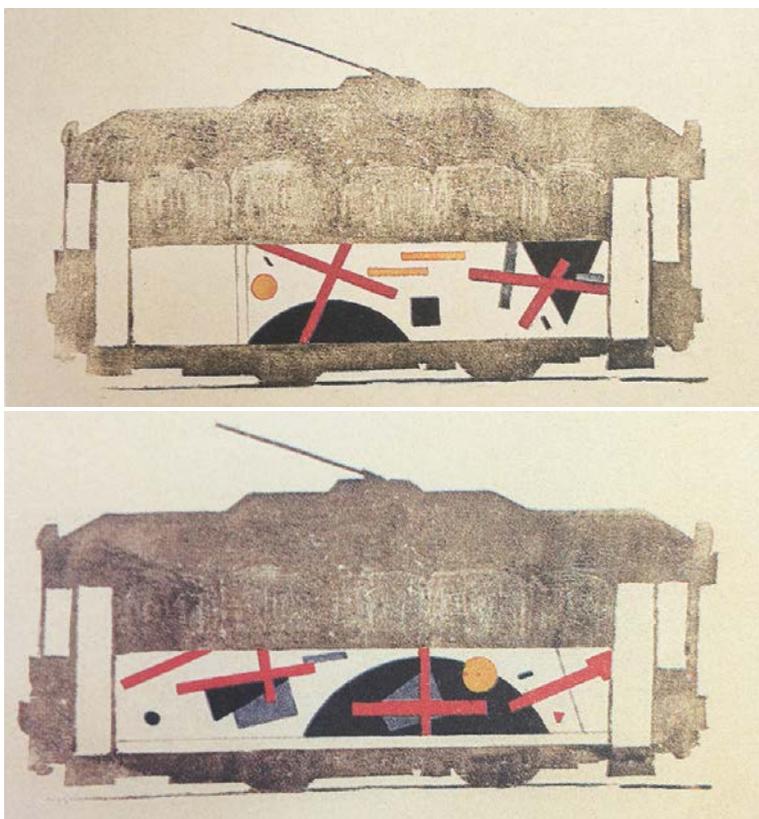

Фото 6, 7. Эскизы Н. Коган

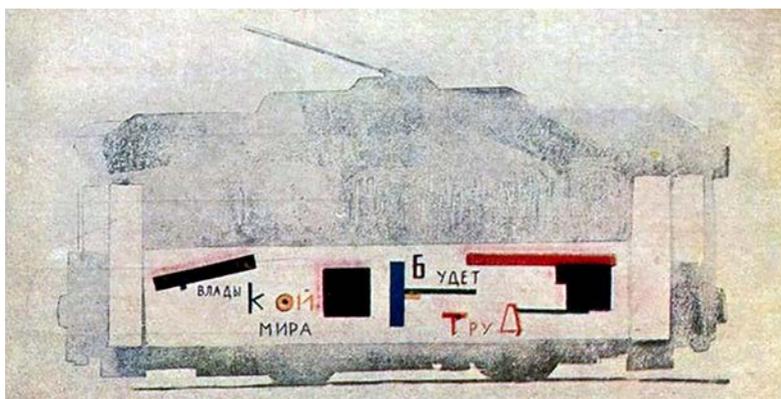

Фото 8. Эскиз Цетлина

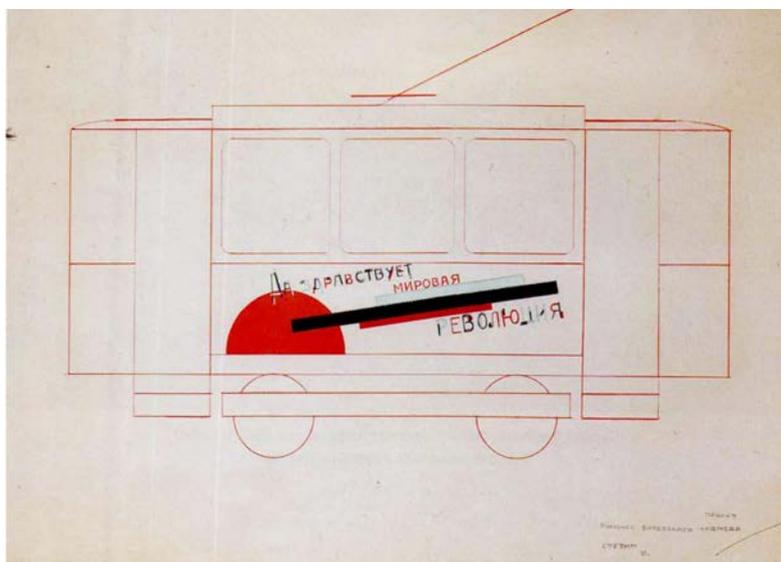

Фото 9. Эскиз Н. Суетина «Трамвай». 1921 г.

1918–1922 гг. были наиболее тяжелыми в истории Витебска первой четверти XX в. Вместе с тем эти годы были самыми плодотворными в художественной жизни города. На фоне войны, бандитизма, эпидемий, лишений, атак ЧК, наступающего голода художники круга Марка Шагала, Казимира Малевича меняли облик города, представление о пространстве и внутренний мир своих молодых учеников. Это было время, когда город выбросил протуберанец, подобный Солнцу, энергию жизни и творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Крылов, С.** Военная работа / С. Крылов // Красная быль. Большевики в Витебске : сб. ст., воспоминаний и материалов / под ред. С. Крылова. – Витебск, 1923. – С. 208 ; **Государственный архив** Витебской области (ГАВт). – Ф. 9742. Оп. 1. Д. 155.
2. **ГАВт.** – Ф. 9742. Оп. 1. Д. 155. Л. 172.
3. **Аронсон, Г. Я.** На заре красного террора, [1917–1921] : ВЧК – Бутырки – Орловский централ / Г. Я. Аронсон ; [предисл. Д. Д. Зелова]. – Москва, 2017. – 255 с. – (Б-ка рус. революции).
4. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 319. Т. 2. Л. 401.
5. **Малевиц** о себе. Современники о Малевиче : письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т. / авт.-сост.: И. А. Вакар, Т. Н. Михиенко. – Москва : Рус. авангард, 2004. – Т. 1. – 583 с.
6. **ГАВт.** – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1127.
7. **ГАВт.** – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1161. Копия. Машинопись.
8. **Октябрьские торжества** в Витебске на экране // Витебский листок. – 1918. – 19 нояб. – С. 4.
9. **ГАВт.** – Ф. 56. Оп. 1. Д. 162. Л. 163–164.
10. **ГАВт.** – Ф. 56. Оп. 1. Д. 226. Л. 29.
11. **Ракитин** : [в 2 т.] / сост. Е. Ракитина, А. Сарабьянов. – Москва : Global Expert & Service Team : RA, 2019. – Т. 1 : Ракитин. Тексты. – 503 с. – (Энциклопедия русского авангарда).
12. **Известия** Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. – 1920. – 5 февр. – С. 2.
13. **Наше наследие.** – 2005. – № 75/76. – С. 185.
14. **В начале XX века** по Витебску ходили бельгийские вагоны... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vkurier.by/155314>. – Дата доступа: 15.11.2022.

Лисов А.Г. (г. Витебск)

ОБ ЭВАКУАЦИИ ВИТЕБСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ ХУДОЖНИКА Ю.М. ПЭНА. ИСТОРИЯ СОБЫТИЙ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Тема этой статьи не представляется новой. К истории Витебской картинной галереи художника Ю.М. Пэна исследователям приходилось неоднократно обращаться. Делалось это в разных контекстах. Автору этих строк впервые пришлось обратиться к теме, опираясь на архивные документы и довоенные публикации белорусской прессы, еще три десятка лет назад, когда на рубеже 1980–1990-х гг. на волне общественных перемен созрела идея возвращения коллекции галереи в Витебск и организации в городе художественного музея [4].

Витебская картинная галерея Ю.М. Пэна была организована и открыта на основе произведений его творческой мастерской в июне 1939 г. Сохранившиеся после трагической смерти художника работы были реставрированы, оформлены усилиями реставрационной мастерской Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ) и экспонированы в двух разделах, представлявших дореволюционный и советский периоды творчества мастера. Был утвержден небольшой штат галереи, в состав которого входили директор, научный сотрудник, необходимые штатные технические и хозяйственные единицы. Накануне перед Великой Отечественной войной галерея активно функционировала. Ее работники проводили выставки, экскурсии. В июне 1941 г. в ее залах была открыта выставка художников Л. Альперовича, Я. Кругера, Ю. Пэна из собраний Витебской галереи и Государственной картинной галереи БССР в Минске. В первые дни войны коллекция галереи одного из немногих белорусских музеев была эвакуирована в труднейших условиях быстро двигавшегося на восток фронта. Все военные годы, вплоть до июня 1946 г., когда было принято решение Витебского облисполкома о реэвакуации собрания, она сохранялась в Саратовском художественном музее. Однако организовать музей в сильно пострадавшем в ходе войны городе, при условии развернувшейся «политической кампании борьбы с космополитизмом», оказалось невозможно. В послевоенные годы, вплоть до окончания советского времени, основной массив живописных и графических произведений художника находился на хранении в запасниках Национального художественного музея в Минске. В постоянной экспозиции этого музея на протяжении многих советских лет экспонировался лишь один автопортрет Ю.М. Пэна, сыгравшего чрезвычайно заметную роль в белорусском искусстве XX в. Сюжет, связанный в истории коллекции галереи художника с ее эвакуацией, требовал ответа на вопрос: почему из числа около 830 работ довоенного фонда галереи, из которых 134 находились в развернутой для зрителей экспозиции, в Саратов поступило лишь 178, а до наших дней в музейном фонде Республики Беларусь числится 224? Речь идет об утере трех четвертей собрания. К сожалению, выявленные архивные документы дать однозначный ответ на этот вопрос не позволили.

Исследователи ставили вопрос об утратах культурного наследия много раз. Впервые тему обсуждали непосредственно после возвращения коллекции в республику в первые послевоенные годы. Затем с новой остротой эта тема вновь возникла в годы перестройки, в постсоветское время становления суверенной Беларуси. В 2004 г. мне пришлось обратиться к истории галереи еще раз в связи с подготовкой специального номера витебского альманаха «Шагаловский международный ежегодник», посвященного 150-летию со дня рождения Пэна, первого учителя Марка Шагала и многих других выдающихся художников XX в. [5].

На протяжении последних десятилетий к истории галереи в разных аспектах обращались и другие авторы – М.С. Рывкин, А.Л. Шульман, А.М. Подлипский [6; 8]. Наиболее основательно это сделал в своей монографии, посвященной жизни и творчеству мастера, А.М. Подлипский [6]. Все названные публикации показали недостаток архивных источников для объективного и полного освещения темы. Привлекавшиеся мемуарные материалы, опубликованные и не публиковавшиеся, традиционно грешат субъективностью и автоцензурой. И этому есть вполне понятные причины. Ведь написанные в советское время они не были рассчитаны на скорую публикацию, могли быть истолкованы как желание снять с себя вину за недолжное поведение, могли стать для их авторов источником известной опасности.

Актуальность темы в новом, современном ее прочтении связана с формированием непрофессионального общественного мнения, что она не достаточно добросовестно изучена, что в ней присутствует криминально-детективная составляющая. В этом убеждает заголовок интервью, опубликованного в газете «СБ. Беларусь сегодня» и ставшего отправной точкой для инициативы создания рабочей группы для проведения специального расследования [2]. Рабочая группа для этого образована в соответствии с приказом Министерства культуры Республики Беларусь. Инициаторы расследования, вероятно, убеждены в том, что до них никто из специалистов (музейных работников, историков искусства) в проблеме не разобрался, не пытался ответить на вопрос – куда же подевались в период ее эвакуации 1941–1946 гг. около 600 произведений творческого наследия художника Пэна, принадлежавших государству. Заметим, что впервые этот вопрос поставило руководство Национального художественного музея Беларуси (тогда носившего название Государственной картинной галереи БССР) еще в 1946–1947 гг.

Намерение общественности в 1992 г. вернуть коллекцию Пэна в Витебск и на ее основе открыть художественный музей в городе с культурными традициями мирового уровня привело автора этих строк к необходимости проследить историю музейной коллекции на основании архивных документов. Архивы, как и музейные собрания республики, в начальный период войны эвакуировать в подавляющем большинстве не удалось. Минск был оккупирован 28 июня 1941 г., на шестой день войны, Витебск – 11 июля, Гомель – 19 августа. Собрания музеев двух последних городов в спешке частично были спасены и отправлены в тыл. Особенно удручающей была судьба архивных документов, большая часть которых оказалась утрачена. Фрагментарный характер сохранившихся архивов не дает возможности подвести под тему эвакуации витебских музеев строгую документальную базу. Непосредственные участники событий не торопились делиться воспоминаниями, опасаясь, что их усилия по спасению культурных памятников будут использованы для их же обвинения в условиях жесткого сталинского

времени. Долгое время они молчали, делились с самыми близкими людьми. А если и писали мемуары, то делали это «в стол». Не оставили письменных воспоминаний музейные работники – предвоенный директор галереи Пэна Л.И. Эстрина и научный сотрудник Е.П. Сумник. От их имени позднее, уже после их ухода из жизни свидетельствовали дочь Эстриной Майя Зауберман и сын Сумник З. Вальшонок. На их свидетельствах свои версии событий построили исследователи темы М.С. Рывкин [8], А.М. Подлипский [6]. За последние десятилетия к этим устным преданиям прибавились ныне доступная архивная и неизданная рукопись мемуаров предвоенного директора ВОКМ В.К. Зейлerta [9] и книга бывшей в те годы научным сотрудником Государственной картинной галереи БССР в Минске, а в послевоенные годы ее директором Е.В. Аладовой [1], которая работала с коллекцией витебской галереи Пэна в период эвакуации в Саратове [4]. Воспоминания и В.К. Зейлerta, и Е.В. Аладовой фрагментарны и не содержат ответов на многие вопросы, которые совершенно необходимы для установления обстоятельств эвакуации витебской галереи. К тому же они не были непосредственными участниками эвакуации, в отличие от Эстриной и Сумник. Названные мемуарные источники были введены в научное использование в последние полтора-два десятилетия. Их субъективный характер, не подкрепленный документами, не позволяет реконструировать историю эвакуации коллекции Пэна из Витебска в полной мере, дать объяснение катастрофическим потерям, о которых стали писать современные авторы. Тем не менее авторы публикаций пытаются строить догадки о том, почему из более 800 произведений довоенной коллекции в музейных собраниях в настоящее время насчитывается около 200 работ художника. А.М. Подлипский в своей книге называет пять основных версий исчезновения работ Пэна, рассматривая их большую или меньшую вероятность. Как нам представляется, оценки вероятности той или иной версии, как и у других исследователей, достаточно субъективны [6, с. 189]. В силу уже указанных причин обоснованной оценки здесь быть не может, пока не выявлены неизвестные достоверные документальные источники. Отсутствие объективных способов решения проблемы не отменяет известного общественного интереса к ней. Увы, этот интерес носит обывательский характер.

Отметая последовательно все выдвинутые варианты утраты коллекции витебской галереи, А.М. Подлипский выдвигает свой, шестой, который является некоторым вариантом им же отвергнутого третьего: «оставленное творческое наследие Ю. Пэна, скорее всего, было оккупантами (или по их указанию городской управой) то ли уничтожено (сожжено), то ли вывезено из Витебска» [6, с. 190]. В ряду безусловно отвергнутых вариантов – наш, высказанный в тех публикациях, о которых уже шла речь [4; 5]. Мотивом к этому видятся свидетельства детей Л. Эстриной и Е. Сумник. Не пытаюсь отстаивать нашу позицию, которая столь же субъективна, сколь и не при-

обрела дополнительных аргументов за последние годы, отметим еще раз и то, что мотивы отказаться от нее столь же уязвимы. Прежде всего, обратим внимание, что свидетельства сделаны не непосредственными участниками событий, а через детей. Прибавим к этому, что маршруты непосредственных участников событий и произведений эвакуированной коллекции были разделены. Для Эстриной и Сумник конечным пунктом эвакуации был г. Молотов (сегодняшний г. Пермь), а для коллекции – г. Саратов.

Прибавлением к уже высказывавшейся нами версии можно считать еще одно свидетельство. В известном смысле весьма показательна одна из последних публикаций, затрагивающая судьбу наследия Ю.М. Пэна, которая уже в названии опять же несет детективный оттенок [1]. Поводом для рассуждений ее автора стал источник, который вновь же следует характеризовать как субъективное свидетельство – переписка бывшей заведующей отделом искусства ВОКМ Е.М. Кичиной с Майей Зауберман, дочерью все той же Л.И. Эстриной, которая непосредственно принимала участие в эвакуации галереи Пэна в 1941 г. Несмотря на некоторые авторские неточности, статья примечательна цитируемым фрагментом переписки и некоторыми высказанными предположениями. Свидетельства дочери Эстриной в цитированных фрагментах примечательны теми мелкими подробностями, которые придают картине эвакуации более конкретный характер, в многочисленных устных преданиях они приобретали творческие домыслы, но записанные на бумаге в одном из более ранних вариантов становятся зафиксированной версией, хоть и субъективной. Опись эвакуировавшихся из Витебска работ Пэна, по свидетельству дочери Эстриной, составляла 203 произведения. А. Подлипский сообщает, со слов все той же дочери, что вагон с коллекцией картин не пострадал. Но что это был за вагон? Сама процедура эвакуации выглядит не столь уж идеально: упаковки с произведениями были погружены «в вагон без крыши (для перевозки угля)», что явно создавало риски для благополучного их перемещения. В момент, когда спасали имущество любыми средствами, это было уже не существенно. Других вариантов могло и не представиться. О картинах «никто не думал». Эвакуационный состав отправился на восток не самым кратчайшим путем, который должен был пролегать через станции Рудня и Смоленск. Это направление 5 и 6 июля 1941 г. было опасным из-за прорыва фронта быстро продвигавшимися немецкими войсками. По свидетельству Эстриной, эшелон направился обходным маршрутом через Невель, Новосокольники, Великие Луки.

Примечательно то, что в своей статье А. Богатенок обращает внимание еще на одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Экспозиционные и служебные площади довоенной галереи Пэна были совсем невелики. Они давали возможность развернуть для показа лишь часть всей коллекции, которая была для этого отреставрирована и оформлена в ВОКМ, штат которого был более представительным. Хранение остальной, очень значительной части

коллекции осуществлять на ограниченных площадях галереи тоже было невозможно. Если для этой цели использовались фондохранилища краеведческого музея, то в условиях спешной эвакуации ее ожидала незавидная участь. О тех проблемах, с которыми столкнулся в это время краеведческий музей, также спешно эвакуировавший свое собрание, сообщает в неопубликованных воспоминаниях назначенный на пост директора музея перед началом войны В.К. Зейлерт [9].

Можно, конечно, только сожалеть, что большая часть коллекции галереи Ю.М. Пэна утрачена и, вероятно, безвозвратно. Можно высказывать о ее судьбе гипотезы, но они не перестанут оставаться гипотезами без опоры на достоверные документальные источники, какими бы ни были конъюнктурные запросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багацёнак, А. Віцебскія росшукі : факты і разважанні пра спадчыну мастака Юдаля (Юрья) Пэна / А. Багацёнак // Мастацтва. – 2022. – № 8. – С. 8–11.
2. Давыдова, О. Куда исчезла во время войны картинная галерея знаменитого художника Юрия Пэна? По следам вдохновения Пэна [Электронный ресурс] / интервью с И. Богачевым ; провела О. Давыдова // СБ Беларусь сегодня. – 2021. – 12 авг. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/po-sledam-vдохновения-pena.html>. – Дата доступа: 27.12.2022.
3. Елена Аладова. Музей – ее судьба : воспоминания, документы, исследования / сост.: Б. Крепак, В. Прокопцов, Н. Усова. – Минск : Маст. літ., 2006. – С. 16–23, 70–76.
4. Лисов, А. Г. Из истории витебской картинной галереи имени Ю. М. Пэна / А. Г. Лисов // Шагаловский сборник. – Витебск, 1996. – Вып. 1 : Материалы I–V Шагаловских дней в Витебске (1991–1995). – С. 188–196.
5. Лисов, А. Г. Галерея, которой не суждено было возродиться : из истории Витебской картинной галереи имени Ю. М. Пэна / А. Г. Лисов // Шагаловский международный ежегодник : сб. ст. / под ред. А. М. Подлипского. – Витебск, 2005. – С. 106–116.
6. Подлипский, А. М. Жизнь и судьба художника Юрия Пэна / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2020. – 215 с.
7. Рывкин, М. С. Краеведческие очерки и статьи / М. С. Рывкин. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2011. – 159 с.
8. Рывкин, М. С. Запомните его имя: Юдэль (Юрий) Пэн / М. С. Рывкин, А. Шульман. – Витебск : Витеб. обл. тип., 1994. – 71 с.
9. Государственный архив Витебской области. – Ф. № 391. Личный архивный фонд Зейлерта Валентина Карловича.

**ВЫСТАВАЧНЫ ПРАЕКТ «2022 – ГОД ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ»
ЯК ФОРМА СУМЕСНАЙ КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ
ЎСТАНОЎ КУЛЬТУРЫ БРАСЛАЎСКАГА РАЁНА**

Патрыятычнае выхаванне з’яўляецца адной з найбольш значных сфер развіцця краіны і грамадства. У сучасных умовах, калі патрыятычнае выхаванне ў Рэспубліцы Беларусь вызначана на дзяржаўным узроўні ў якасці прыярытэтнага кірунку, музеі значна актывізавалі дзейнасць у гэтым напрамку. Неабходным і адпавядаючым выклікам часу з’яўляецца пошук новых музейных форм патрыятычнага выхавання.

Выставачны праект «2022 – Год гістарычнай памяці» накіраваны менавіта на актыўнае ўкараненне сучасных падыходаў музейнай дзейнасці па патрыятычным выхаванні.

Мэта выставачнага праекта «2022 – Год гістарычнай памяці» – выхаванне павагі да гістарычнага мінулага Рэспублікі Беларусь, прывіццё пачуцця гонару да гераічных старонак развіцця краіны і рэгіёна, далучэнне да народных традыцый і рамёстваў сродкамі музейнай дзейнасці.

Для дасягнення пастаўленай мэты былі пастаўлены наступныя задачы:

1. Арганізацыя выязных выстаў «2022 – Год гістарычнай памяці» ва ўстановах культуры Браслаўскага раёна (згодна з графікам).
2. Правядзенне экскурсій па выставах для жыхароў аграгарадкоў і турыстаў Браслаўскага раёна.
3. Асвятленне мерапрыемстваў праекта ў друкаваных і электронных СМІ.
4. Прыцягненне ва ўстановы культуры новых наведвальнікаў.
5. Устанаўленне карпаратыўных сувязей паміж установамі культуры ў працэсе рэалізацыі праекта.

Праект быў рэалізаваны на працягу сакавіка – верасня 2022 г. Уяўляў сабой цыкл выязных выстаў, якія экспанаваліся ва ўстановах культуры ў 14 аграгарадках Браслаўскага раёна. Адкрыццё і падвядзенне вынікаў выставачнага праекта адбывалася ў г. Браславе. У аг. Відзы і Ахрэмаўцы выстава экспанавалася як у памяшканнях бібліятэк, так і на адкрытай пляцоўцы.

За час работы выставу наведалі больш за 1400 чалавек. «Музейна-бібліятэчнай хваляй» былі ахоплены мясцовыя жыхары, школьнікі, наведвальнікі летніх школьных лагераў адпачынку ў складзе арганізаваных груп, шматлікія турысты зон адпачынку і аграсядзіб Браслаўскага раёна.

Выстава складалася з трох раздзелаў:

1. «Гераічныя старонкі: у сэрцы назаўсёды» (Вялікая Айчынная вайна на Браслаўшчыне);
2. «Нашы славуцья землякі»;
3. «Жыццё з талентам у душы» (народныя майстры краю).

На выставе экспанаваліся больш за 50 музейных прадметаў з фондаў Навукова-даследчай установы культуры «Браслаўскае раённае аб'яднанне музеяў». Гэта прадметы ваеннай пары: салдацкія каскі, палявая сумка, процівагаз, кампас, запальнічкі, кацялок, іншыя рэчы. У якасці інфармацыйнай падтрымкі першага раздзела былі прадстаўлены 10 планшэтаў фармата А3 «Вялікай Айчыннай вайне прысвячаецца...». На планшэтах у храналагічным парадку адлюстраваны асноўныя этапы вайны на тэрыторыі раёна.

Другі раздзел выставы прысвячаўся славетным людзям Браслаўшчыны. На ім былі прадстаўлены інфармацыя і прадметы, звязаныя з дзейнасцю краязнаўца і гісторыка Отана Гедэмана, этнографа Мар'яна Пецюкевіча, доктара Станіслава Нарбута.

Трэці раздзел выставы адлюстроўваў традыцыйныя рамёствы краю і ўтрымліваў інфармацыю пра найбольш вядомых майстрах народнай творчасці. Экспанаваліся вырабы з гліны, лазы, саломы, чароту, узоры разьбы па дрэве, ткацтва, вышыўкі, мясцовыя маляванкі, карціны з бісеру, тканыя паясы. Акрамя саміх рэчаў былі прадстаўлены ламініраваныя планшэты з творчымі біяграфіямі майстроў М. Чэркаса, П. Карэніка, А. Чапулёнак, У. Лук'янца і інш.

Усе музейныя прадметы, прадстаўленыя на выставе, можна было ўзяць у рукі, каб разгледзець больш дэтална; прадметы адзення (напрыклад, галаўныя ўборы з саломы) дазвалялася прымерыць. Асабліва актыўна карысталіся гэтай магчымасцю дзеці, што бачна на фотаздымках.

Музеем была праведзена пэўная арганізацыйная работа перад пачаткам дзеяння выязных выстаў, падрыхтаваны наглядныя матэрыялы і інфармацыйнае суправаджэнне. Распрацаваны карта і каляндар «руху» праекта, якія размяшчаліся ў сацыяльных сетках і былі прадстаўлены на самой выставе. Гэта інфармацыя дапамагала жыхарам раёна арыентавацца, у які час выстава прыедзе ў іх населены пункт.

У кожным населеным пункце адбывалася «мясцовае» адкрыццё выставы з удзелам навуковага супрацоўніка музея. На працягу далейшай работы выставы экскурсіі па яе матэрыялах праводзіў работнік культуры дадзенай установы з дапамогай прыкладнага тэксту, складзенага музеям. У кожным населеным пункце інфармацыя дапаўнялася звесткамі аб падзеях, звязаных з канкрэтнай тэрыторыяй, мясцовымі традыцыямі і абрадамі; у выставу ўключаліся вырабы мясцовых жыхароў. Такая сувязь непасрэдна з месцам работы выставы мела станоўчы вынік. У кнізе водгукаў, якая прысутнічала на выставе ў кожным аграгарадку, з 32 запісаў 19 прысвечаны менавіта прадстаўленым мясцовым матэрыялам.

Партнёрамі праекта з'яўляліся дзяржаўная ўстанова культуры «Цэнтралізаваная бібліятэчная сістэма Браслаўскага раёна», дзяржаўная ўстанова культуры «Цэнтралізаваная клубная сістэма Браслаўскага раёна». Гэтымі ўстановамі культуры былі прадастаўлены пляцоўкі для работы выставы –

памяшканні сельскіх бібліятэк, клубаў-бібліятэк. Бібліятэчным транспартам ажыццяўлялася перавозка выставы па маршруце яе руху. Бібліятэкай была аформлена кніжная частка агульнай выставы, на якой былі прадстаўлены больш за 30 друкаваных выданняў (энцыклапедыі, фотаальбомы, кнігі па гісторыі і этнаграфіі Беларусі), шмат цікавых краязнаўчых і іншых матэрыялаў з фондаў бібліятэк.

Інфармацыя аб рэалізацыі мерапрыемстваў у рамках праекта размешчана на старонках раённай газеты «Браслаўская звезда», абласной газеты «Витебские вести», «Краязнаўчай газеты». Навіны праекта пастаянна адлюстроўваліся на сайце музеяў Браслава braslav.museum.by, старонках Браслаўскага райвыканкама, Браслаўскай бібліятэкі, музеяў Браслава ў Інтэрнэце («ВКонтакте», «Інстаграм», «Телеграм»). Усяго на розных інтэрнэт-пляцоўках размешчана больш за 30 матэрыялаў аб мерапрыемствах праекта.

Аўтар праекта дзялілася вопытам работы па яго рэалізацыі на семінары «Патрыятычнае выхаванне сродкамі музейнай дзейнасці: вопыт і перспектывы» ў Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь (24.06.2022) і на навукова-практычнай канферэнцыі «П Броўкавы чытанні» ў Літаратурным музеі Петруся Броўкі (27.10.2022).

Папярэднія вынікі.

За час дзеяння праекта была дасягнута яго асноўная практычная мэта – зрабіць больш даступнымі для жыхароў Браслаўскага раёна музейныя экспанаты і інфармацыйныя матэрыялы, прысвечаныя гераічнаму мінуламу, народным традыцыям і рамёствам краю.

Музей аправаваў новую форму экспазіцыйна-выставачнай работы і ўкараніў яе ў сваю практыку для больш поўнага раскрыцця музейных фондаў.

Дзейнасць музеяў Браслава была актыўна папулярызавана ў СМІ, што ў аддаленым выніку абавязкова дасць дадатковы прыток наведвальнікаў з боку турыстаў і мясцовых жыхароў.

Падчас рэалізацыі праекта Навукова-даследчай установай культуры «Браслаўскае раённае аб'яднанне музеяў» былі наладжаны сувязі з сельскімі выканаўчымі камітэтамі, установамі культуры Браслаўскага раёна, рэдакцыямі друкаваных СМІ, музеямі Беларусі.

Такім чынам, падчас рэалізацыі выязнога выставачнага праекта «2022 – Год гістарычнай памяці» ўстановамі культуры Браслаўскага раёна набыты станоўчы вопыт сумеснай дзейнасці, які можна працягваць ў далейшым. Сістэматычная і мэтанакіраваная работа ўстаноў культуры па патрыятычным выхаванні паслужыць агульнай справе захавання гістарычнай памяці беларускага народа, выхаванню грамадзянскасці і высокай патрыятычнай свядомасці, далучэнню да культуры памяці, умацаванню сувязей пакаленняў.

ВИТЕБСК НА ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ НАЧАЛА XX в. ИЗ СОБРАНИЯ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Важное место в фонде Витебского областного краеведческого музея занимают такие предметы коллекционирования, как открытки, наборы открыток, конверты, марки, календари, этикетки. Все эти предметы отражают исторические события, которые происходили не только на Витебщине, но и в мире. Коллекция «Филателия. Филокартия» ежегодно пополняется новыми интересными материалами. На сегодняшний день в ней находится около 34 тыс. музейных предметов.

Музей хранит многочисленную филокартическую коллекцию, которая позволяет проследить почти всю историю развития открытки: от скромных маркированных бланков до многоцветных художественных произведений. Первая неиллюстрированная почтовая открытка появилась 1 октября 1869 г. в Вене, на территории Беларуси распространилась с 1872 г. Простота написания, дешевизна, быстрая скорость доставки – эти качества открытки оказались созвучны общественным изменениям рубежа веков. Возросшая мобильность населения, увеличение досуга и удешевление транспорта, первые успехи индустрии туризма, рост грамотности широких слоев населения – все это увеличивало потребность в простом и дешевом средстве коммуникации. Помимо практичности и функциональности открыток рост их производства и потребления был связан с массовым собирательством. Именно коллекционирование открыток можно считать первым собирательским хобби с универсальной популярностью: если собирание монет требовало определенного уровня материальной обеспеченности, а марки являлись преимущественно мужским увлечением, то дешевые и яркие открытки привлекали представителей обоего пола из разных социальных слоев [1].

В конце XIX в. особую популярность приобрели иллюстрированные почтовые карточки с видами живописных пейзажей, исторических достопримечательностей, городов. В собрании музея более 10 тыс. предметов филокартии, из них около 300 – почтовые карточки с изображением г. Витебска начала XX в. Основными источниками поступления данных предметов являются дарение и закупка у частных лиц. Любопытно, что в 1950–1960-е гг. немалое количество открыток было прислано в дар по почте из Москвы, Ленинграда, Минска, Киева, Смоленска, Тамбова, Ульяновска, Липецка, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Харькова, г. Фурманова Ивановской области, Городище Черкасской области, поселка Полатка Магаданской области и др.

Например, маркированная открытка с черно-белым изображением мужской гимназии издательства Ш.З. Яхнина была передана родственниками

Михаила Александровича Сахарова, бывшего учителя, работавшего там в 1887–1908 гг. (КП 16387). А открытка с цветным изображением Двинского моста была найдена в местечке Утена в 1944 г. во время прохождения советских войск по территории Литвы (КП 12401). Основную часть собрания старых открыток составляет коллекция, которую подарил известный витебский коллекционер М.И. Колков. Благодаря ей можно попутешествовать не только по Витебску, но и по другим городам и населенным пунктам: Полоцку, Орше, Двинску, Варшаве, Риге, Смоленску, побывать на Урале и в Крыму.

Витебск начала XX в. – это город многочисленных площадей, улиц, переулков, соборов, церквей, костелов, синагог, училищ, гимназий, институтов, мостов, рек... И все это великолепие можно увидеть на дореволюционных открытках. Витебские открытки изготавливали местные и иностранные издательства: Ф. Доброго и М. Голощёкина, Ш.З. Яхнина, М. Захаревича, наследников М.Б. Неймана в Витебске, контрагентства А.С. Суворина, товарищество А.И. Мамонтова, фототипия Шерер, Набгольц и Ко, Т-во «Контрагент печати» в Москве, графическое заведение Б. Вержбицкого и Ко в Варшаве, товарищество Гранберг в Стокгольме, А. Фиалко в Вильно, Р. Голике и А. Вильборг в Санкт-Петербурге и др.

Каждое издательство, как правило, стремилось типизировать свои открытки, чтобы они всем своим «лицом» – оформлением, бумагой, даже шрифтом и расположением надписей – сразу отличались от продукции других фирм. Они выходили сериями – по несколько десятков сюжетов. Но тиражи их были небольшими. Обычно каждая почтовая открытка имела свой порядковый номер, с выходом новых изданий той или иной серии нумерация увеличивалась. Подписи на них были на русском, французском, польском, немецком, английском языках (часто на нескольких одновременно). Витебские почтовые открытки печатались со снимков местных фотографов, которые имели разрешение на увековечение видов своего города и окрестностей. В середине 1890-х гг. основным способом печати оставалась литография, но на рубеже веков к ней добавились хромолитография и различные фотомеханические способы печати. Изображения встречаются в черно-белом, коричневом и зеленоватом тонах, реже – в цветном (раскрашенном) варианте [2].

Коллекции старых открыток донесли до нас самые разнообразные сюжеты. Фотографы стремились отразить не только архитектуру, но и повседневную жизнь, этнографический облик города. На открытках можно увидеть горожан разного сословия, одетых по моде начала XX в. Документально зафиксированы виды как улиц, так и отдельных зданий. Это и памятники культовой архитектуры, гимназии, заведения, которых уже давно нет. Открытки, издаваемые разными издателями, печатались с одних и тех же негативов, поэтому количество сюжетов значительно меньше, чем общее количество изданных открыток. Исторические кадры позволяют погрузиться в

настоящую атмосферу губернского города начала XX в. Старые витебские почтовые открытки сегодня стали ценными документами по истории города.

Самая известная открытка начала XX в. в стиле «Gruss» с надписью «Gruss aus» («Привет из...»), после которой шло название местности, отличалась роскошной графикой и печатью (толстая бумага высокого качества, аккуратные композиции и рисунки, цветная печать). Не редкость и «Привет из Витебска». Карточки с такой надписью издавали несколько издательств. «Приветы» использовали больше как сувениры, нежели почтовые открытки, обычно их покупали на память о посещенном городе. Например, мы видим открытку с изображением женщины, передающей воздушный поцелуй, на фоне реки и деревьев, стилизованную под альбом с золотым тиснением. В раскладке четыре вида Витебска: «Гоголевская ул.»; «Подъезд к вокзалу»; «Кост. Св. Варвары»; «Мост». Адресная сторона разделена для написания письма и адреса, в середине нижнего края указан издатель «Deposé D.R.G.M» (Дадатак 8, мал. 1).

Как правило, на открытках изображали самые значимые и узнаваемые места города. Витебский вокзал, сооруженный в 1866 г. по последнему слову техники тех лет, представлял собой сложное архитектурное и инженерное сооружение, аналогов которому было мало в России. Мы видим каменное, трехэтажное здание с закрытым пешеходным мостом через пассажирские платформы. В 1912 г. станцию расширили за счет пристройки одноэтажного здания. На первом этаже были залы для пассажиров I, II, III классов, почта и телеграф. На верхних этажах располагались жилые помещения и офисы. В годы Великой Отечественной войны старое здание вокзала было полностью разрушено (Дадатак 8, мал. 2, 3).

После постройки железной дороги стала оформляться Вокзальная улица (с 1934 г. ул. им. С.М. Кирова). Одноэтажные, двухэтажные, трехэтажные дома разнообразной застройки, первые этажи которых были заняты торговыми заведениями. На фасадах домов не было свободного места от многочисленных магазинных вывесок: мебелированные комнаты, где можно было дешево снять комнату и поесть, приобрести посуду, обувь, одежду, канцтовары, сфотографироваться на память или сходить в театр (Дадатак 8, мал. 4, 5).

До 1860-х гг. через Западную Двину в Витебске существовал только деревянный свайный мост, который перестраивали каждый год после его разрушения ледоходом и паводком. И, наконец, в 1863 г., по проекту французских инженеров Эми и Грина, под руководством подполковника А.П. Феттинга начинается строительство нового постоянного четырех-пролетного моста на бутобетонных опорах с металлическими арками, длиной около 225 м. Торжественно мост был открыт в 1866 г., получив название Двинского, сегодня на этом месте – Кировский мост, который является одной из достопримечательностей города (Дадатак 8, мал. 6, 7).

Одна из старейших городских улиц – Замковая, мощеная камнем, застройка которой начиналась еще в XI–XII вв. Улица дорогих гостиниц и ресторанов, фешенебельных магазинов, нотариальных и банкирских контор, одна из самых коротких и в то же время самая ухоженная, с уличными часами на фонарях... (Дадатак 8, мал. 8, 9).

Многих поражало обилие административных и рыночных площадей в Витебске. Соборная площадь известна с XIV в. В начале XX в. ансамбль состоял из Николаевского кафедрального собора, архиерейского дома, Окружного суда, пожарного депо и еще нескольких зданий. Построенные в разное время и в разных стилях, они подчеркивали официозное назначение площади. Здесь отмечались официальные праздники, совершались торжественные богослужения, проводились парады и шествия (Дадатак 8, мал. 10, 11).

Более молодая Рынковая (Ратушная) площадь сначала была торговым центром. После получения городом Магдебургского права в 1597 г. здесь, в специально построенном здании – Ратуше – расположились органы местного самоуправления. Деревянные постройки площади неоднократно горели, пока во второй половине XVIII в. не был создан каменный архитектурный ансамбль. Удачно расположенные, выдержанные в стиле эпохи здания костела Святого Антония, Ратуши, Воскресенской церкви и примыкающие к ним торговые ряды придали площади завершенный, неповторимый вид, который ставил ее в ряд красивейших архитектурных ансамблей позднего барокко Восточной Европы. Ратушная площадь в Витебске – лебединая песня эпохи белорусского Возрождения (Дадатак 8, мал. 12, 13).

На Смоленской улице (сейчас ул. Ленина) располагались важнейшие учреждения губернии: Губернское присутствие, Казенная палата, Казначейство, Жандармское управление и городские службы: Дума, Управа, полицейское управление и городской банк. Здесь же находилась редакция «Витебских губернских ведомостей» и типолитография. На этой же улице располагались гостиницы, в том числе и старейшая в городе – «Брози». В этом же здании были популярные кондитерская и ресторан «Жан-Альбер», известный ювелирный магазин Ш. Розенфельда. По вечерам улица заполнялась празднично одетой публикой, для которых прогулка заканчивалась посещением городского театра (Дадатак 8, мал. 14, 15).

Самая ухоженная городская площадь – Дворцовая – была не похожа на другие. Над всем пространством площади возвышался дворец – резиденция губернатора, где находились служебные помещения, личные апартаменты, домовая церковь, канцелярия и губернское правление. Дворцовый комплекс доминировал и подчеркивал свое назначение. В нем чувствовались сила и спокойствие. Горожане любили приходить сюда посмотреть на струящуюся воду фонтана, послушать духовую музыку, посидеть на скамеечках вдоль Двины. В год столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. на площади

был воздвигнут почти 20-метровый обелиск из красного финского гранита (архитектор И. Фомин) (Дадатак 8, мал. 16, 17).

Одной из старейших улиц – Придвинской, в начале века переименованной в ул. Л.Н. Толстого – столько же лет, сколько и городу. Она – одна из немногих сохранивших свой облик. На этой небольшой улице размещались банк, коммерческое училище, общество купеческих приказчиков, частная гимназия. Успенский собор, возведенный в 1743–1745 гг. по проекту итальянского архитектора И. Фонтана, возвышался над Витебском и приковывал взгляды всех, кто приезжал сюда (Дадатак 8, мал. 18, 19).

Предметом особой гордости горожан был электрический трамвай. В 1898 г., когда по улицам Москвы и Петербурга еще ходила конка, в Витебске состоялся пуск пятикилометровой линии нового вида транспорта. Неудивительно, что трамвайные вагончики часто фигурировали на почтовых карточках (Дадатак 8, мал. 20, 21).

Сохранилось значительное количество старых открыток с изображением учебных заведений города – училищ, гимназий, институтов. Это дает все основания говорить о высокой культуре горожан прошлого века (Дадатак 8, мал. 22, 23).

Для коллекционеров особый интерес представляют открытки из выпуска, изготовленного как блокнот. В целом виде он представляет собой миниатюрный альбом о городе. Карточки можно было легко открывать и использовать по назначению. В собрании музея данный альбом состоит из 14 почтовых карточек с изображением популярных видов города (КП 22428/220).

Сегодня открытка является малораспространенным видом почтовой связи по причине наличия более скоростных вариантов передачи информации, ее функция – атрибут праздника и поздравлений. Однако возвращается интерес к ней как к своеобразному памятнику былых эпох. Это важный исторический источник, экспонат на выставках, предмет коллекционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Медяков, А. С.** Открытка рубежа XIX–XX вв. как социокультурный феномен / А. С. Медяков // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 67. – С. 146–162.
2. **Подлипский, А. М.** Белорусия на почтовых открытках / А. М. Подлипский. – Минск : Полюмя, 1988. – 108 с.
3. **Русецкий, А. В.** Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Минск : БелЭн, 2001. – 288 с.

ГДЕ ПОГИБЛИ МОИ ЗЕМЛЯКИ?

В конце ул. Ореховской г. Витебска (ранее д. Орехово Витебского района) находится памятник 15 землякам, погибшим на фронте в годы Великой Отечественной войны. Он установлен в 1989 г. по инициативе местного жителя Евгения Павловича Прусакова (1926–1993). Учащиеся ГУО «Средняя школа № 35» ухаживают за обелиском и обратились в объединение по интересам «Краеведение» Витебского городского центра дополнительного образования детей и молодежи, чтобы мы помогли узнать о людях, фамилии которых высечены на граните.

Нам удалось разыскать родственников 13 погибших односельчан, указанных на памятнике. Мы сделали копии 15 фотографий 7 человек. Воспользовавшись сайтом ОБД «Мемориал», установили дату, места гибели и захоронения жителей д. Орехово, погибших на фронте. Результаты нашего исследования представлены в таблице.

№ п/п	Ф. И. О.	Год рождения	Звание	Дата смерти	Место смерти, захоронения
1	Кокшинцев Федор Игнатович	1923	сержант	14.03.1945	Штольценбург Калинингр. обл., Багратионовский р-н, п. Корнево (центр)
2	Матлахов Василий Федорович	1912	рядовой	1945	пропал без вести
3	Могучий Терентий Иванович	1905	рядовой	1944	пропал без вести
4	Пальвинский Иван Тимофеевич	1920	рядовой	25.08.1941	Брянская обл., д. Сасковичи
5	Петухов Василий Петрович	1911	рядовой	12.09.1944	Литва, д. Бунга
6	Петухов Василий Ефимович	1911	рядовой	1944	Литва
7	Петухов Владимир Романович	1920	лейтенант	06.1941	пропал без вести
8	Прусаков Антон Никонорович	1920	рядовой	16.07.1941	Украина, Белая Церковь
9	Радченко Александр Евдокимович	1910	рядовой	?	?
10	Радченко Тимофей Семенович	1909	рядовой	01.1940	пропал без вести
11	Ружевич Иван Фомич	1919	рядовой	09.09.1943	Украина, Черниговская обл., с. Поповка

№ п/п	Ф. И. О.	Год рождения	Звание	Дата смерти	Место смерти, захоронения
12	Старченко Константин Антонович	1900	рядовой	16.12.1944	Латвия, п. Вайнеде
13	Чаплинский Михаил Иванович	1904	рядовой	15.07.1944	Браславский р-н, д. Зарачье
14	Шаварновский Александр Никитович	1920	старший сержант	07.03.1945	Восточная Пруссия, Алленштайнский округ, Ортельсбургский р-н, а/д Гросс Шциманен
15	Шпакова Юлия Антоновна	1923	партизанка	17.01.1944	?

Ф.И. Кокшинцев, В.Ф. Матлахов, К.А. Старченко были награждены орденом Красной Звезды.

Из наградных листов Кокшинцева:

«В наступательном бою 25.01.45 года в районе населенного пункта Дарксмен (Восточная Пруссия) отделение Кокшинцева уничтожило 13 немецких солдат, сам лично он уничтожил 4 и одного офицера взял в плен. На своем личном счету мл. сержант Кокшинцев имеет более десятка уничтоженных гитлеровцев».

«В период наступательных боев, проводимых полком в районах Штольценберг и Хемродорф Восточная Пруссия 13 марта 1945 г. во время наступления на высоты безымянная и 120,8, противник оказывал сильное огневое сопротивление. Тов. Кокшинцев, увлекая личным примером бойцов своего отделения, первым ворвался в траншею противника и лично сам убил трех немецких солдат. Во время отражения атаки противника на высоты безымянная и 120,8, поддерживаемые тремя самоходными орудиями и двумя танками, тов. Кокшинцев, отражая третью атаку противника, пал смертью» [2].

В.Ф. Матлахов воевал с августа 1941 г., 4 раза был ранен на Ленинградском фронте, погиб в апреле 1945 г. *«Пятое ранение получил в наступательном бою при форсировании реки Десна 13 сентября 1943 г. По возвращении из госпиталя в феврале 1944 г. участвовал во всех боях в составе 407-го стрелкового полка, как за Днепром, так и под Красницей и неоднократно проявлял мужество и отвагу» [2].*

К.А. Старченко был самым старшим из односельчан, погибших на фронте. Он родился в 1900 г., числился без вести пропавшим. Только в 1987 г. дети узнали, что их отец погиб в Латвии и похоронен на Вайнёдском воинском кладбище Лиепайского района.

Мы передали семье фотографию воинского кладбища и копию наградного листа: *«В бою 02.08.44 г. проявил мужество и находчивость при подби-*

тии немецкой легковой автомашины, взял в плен немецкого офицера с ценными документами и доставил в штаб батальона, сбил немецкий мотоцикл и уничтожил при этом 7 немецких солдат» [2].

Об Александре Никитовиче Шаварновском нам рассказала его родная сестра. В 1939 г. Александр поступил в Кировобадское авиационное военное училище. Когда началась война, стал воздушным стрелком 12-го бомбардировочного авиаполка. В июне 1944 г. он видел с самолета разрушенный оккупантами Витебск, сожженный родительский дом. Встретиться с семьей не было возможности, и на аэродроме в Улле он попросил одну женщину найти его родных и передать им фотографии, чтобы они знали, что он жив. Просьба Александра была исполнена на следующий день, вот только отметить Победу ему не пришлось: 7 марта 1945 г. он погиб в Восточной Пруссии.

С помощью сайта ОБД «Мемориал» мы узнали о военном пути А.Н. Шаварновского. За успешное выполнение боевых вылетов он получил три благодарности Сталина и был представлен к медали «За отвагу». Сестре героя мы передали копию наградного листа:

«Участник Великой Отечественной войны тов. Шаварновский имеет 26 успешно выполненных боевых вылетов.

Тов. Шаварновский на Ленинградском фронте участник прорыва укрепленной полосы финнов в р-не оз. Светлое и оз. Пасторокое, а также участник налета на ж/д узел Выборг, за что имеет две благодарности от Главнокомандующего товарища Сталина.

Участник налета на ж/д узел Минск, в результате чего противником остались невывезенными до 50 эшелонов, за что имеет благодарность от Главнокомандующего товарища Сталина и от генерал-полковника авиации т. Хрюкина.

На 1-м Прибалтийском фронте тов. Шаварновский имеет 5 успешно выполненных боевых вылетов на ж/д станции Малта, Мейтене и Митава, в результате чего ж/д ст. были выведены из строя, взорван склад с горючим и по переправам противника в р-не Дрисса и Друя. В воздушном бою тов. Шаварновский самоотверженно оборонял самолет от яростных атак истребителей противника, не давая вести прицельный огонь по самолету, имеет один сбитый истребитель в групповом бою на Калининском фронте» [2].

Родители Ивана Тимофеевича Пальвинского узнали о смерти сына в июле 1944 г. Они получили от незнакомой женщины письмо следующего содержания:

«...В 1941 г. 25 августа в нашу деревню ворвались немцы, и завязался бой с частями Красной Армии. По окончании перестрелки жители деревни собрали все трупы наших бойцов и похоронили. Несколько человек утонуло в реке. Брат мой, 1924 г. рождения, постарался достать и тех бойцов. При похоронах документы всех были взяты. В числе утонувших был и ваш сын Пальвинский Иван Тимофеевич, 1920 г. рождения. Документы его остались

у меня. И вот 24 июня я узнала, что ваша местность освобождена от немецких поработителей, и решила написать письмо. Я вам могу выслать его документы и фотокарточки.

Мой адрес: Орловская область, Климовский район, с/с Сасковичи, Яшкова Нина Степановна.

Извините за беспокойство» [2].

Воспользовавшись электронной базой воинских захоронений Браславского района, мы сообщили родственникам Чаплинского Михаила Ивановича, что он погиб 15 июля 1944 г. в бою у д. Вейкишки, похоронен в братской могиле в д. Зарачье.

«Где погибли мои земляки?» – одно из направлений программы «Не было безымянных солдат...» по увековечению памяти защитников Отечества. Больше половины воевавших не увековечены в тех местах, где погибли в годы Великой Отечественной войны. Наш долг – вернуть из небытия их имена.

На городской выставке детского творчества был представлен наш коллаж «Навеки – двадцатилетние» (Дадатак 9, фота 1). Собранный нами материал передан в музейную комнату ГУО «Средняя школа № 35».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алфавитные** книги призванных военнообязанных по Витебскому городскому и районному военкомату в 1941 г., 1944 г., 1945 г.

2. **Обобщенный** банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/>. – Дата доступа: 02.10.2022.

3. **Семейные** архивы.

Овчинникова А.О. (г. Витебск)

ИЗДАНИЯ Н.Я. НИКИФОРОВСКОГО ИЗ ФОНДОВ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Николай Яковлевич Никифоровский (1845–1910) принадлежит к плеяде выдающихся витебских этнографов и краеведов. Он родился в семье пономаря в д. Вымно Велижского уезда Витебской губернии. Выходец из простого народа, он с детских лет интересовался народными сказками, легендами, поговорками и пословицами. В 1867 г. окончил Витебскую духовную семинарию. Был назначен учителем в д. Ловша Полоцкого уезда, затем работал учителем в Первом приходском училище, в Свислочской и Молодечненской учительских семинариях, преподавал в гимназии Неруша в Витебске. На протяжении нескольких десятилетий Николай Никифоровский

много и успешно занимался любимым делом – изучением истории родного края, народных традиций, фольклора. Долго сотрудничал с этнографом П.В. Шейном, высылал ему фольклорно-этнографические материалы, которые публиковались в сборниках «Белорусские народные песни» и «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». А с 1890 г. Никифоровский сам уже публиковал собственные работы, и за 20 последующих лет увидели свет около двух десятков его книг и брошюр. А также краевед редактировал журнал «Этнографическое обозрение».

В фондах Витебского областного краеведческого музея хранятся несколько изданий Н.Я. Никифоровского. В 1895 г. вышла его первая самостоятельная работа «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (21791/03). Книга поступила в фонды в 1992 г. из музейной библиотеки, куда попала из фондов гродненского музея: на титульном листе довоенный штамп «Муzeum w Grodnie» и на обложке послевоенный «Гродненский Обл. Музей Фонд №».

Но особую ценность изданию придает автограф Н.Я. Никифоровского на первой странице вступления: «Глубокоуважаемому Евфимию Федоровичу Карскому, почтительно-усердный дар составителя “Очерков”, Николая Никифоровского. Витебск, 3 окт. 1895 г.». Фамилия Карского затерта и почти не читается, вероятно, поэтому гродненские музейщики не придали книге большого значения, и издание из библиотеки известного филолога-слависта, этнографа оказалось в Витебске.

В книге размещено восемь содержательных статей с подробным комментарием и сохранением всех орфоэпических особенностей произношения жителей Витебщины. Тут собраны сведения о материальной культуре крестьян Витебской губернии и их занятиях. Здесь рассказывается о социально-экономическом и общественном положении различных групп рабочего населения Витебщины накануне отмены крепостного права и в первые десятилетия после реформы. Жизнь и быт белорусского крестьянина, очень тяжелые экономические условия, положение женщин в обществе и в семье, судьба народных талантов – все это нашло свое отражение в очерках. Если рассматривать подробно, то в первой статье Никифоровский дает описание одной из язв классового общества – нищенства. Автор видит основную причину нищенства в тяжелом материальном положении крестьян. Во второй статье рассказывается об изготовлении такого музыкального инструмента, как дуда, который в середине XIX в. практически исчез с музыкального небосклона Беларуси – его постепенно заменили скрипка, гармонь и цимбалы. В третьей и четвертой главах автор отражает особенности быта крестьян: дает их классификацию, описание еды, одежды, жилья, хозяйственных построек, а также ремесел, промыслов и занятий населения. Пятая глава о том, что из-за нищеты появилось много крестьян, употребляющих спиртные напитки. Шестая глава посвящена описанию игр, их здесь более 50. А седьмая –

о роли белорусской женщины в семье. О женщине Никифоровский говорит, как о «неизменной спутнице белоруса, дарящей жизнь новому поколению, подвоспитывающей его, рядящей судьбы дома и прямо или косвенно окрестного общества». А также с душевной теплотой повествует о роли бабушки. И в последней из статей рассказывается о побегах крестьян от невыносимого гнета. Люди бежали от рекрутства и жестоких наказаний, а когда возвращались домой, их ждала нищета и жестокая эксплуатация.

Таким образом, в этой книге Н.Я. Никифоровский детально проанализировал общественный и семейный быт, материальную и духовную культуру, а также устно-поэтическое творчество белорусского народа. Ценность работы заключается в том, что в ней характеристика жизни народа сочетается с показом тех изменений, которые произошли в конце XIX в.

Особое место в наследии Н.Я. Никифоровского занимает работа «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (КП 9924), изданная в 1897 г. Книга была приобретена в 1995 г. у жителя Оршанского района Андрея Леонидовича Лисовского.

Труд Никифоровского имеет 7 разделов. И в каждом разделе – по несколько глав. Первый раздел посвящен приметам и суевериям о беременности, родах, о детских болезнях, о том, как их лечить. Во втором даются наставления жениху и невесте, упоминается о различных гаданиях и подготовке к свадьбе. Третий раздел посвящен будничной жизни дома и вне дома: в нем рассказывается о приготовлении еды, о полевых работах, о садовых и лесных растениях, о хозяйственных постройках. Все это плавно переходит в четвертый раздел, повествующий нам о домашних животных, их болезнях и лечении, а также об ископаемых и различных явлениях природы. Из пятого раздела мы узнаем о праздниках и почитаемых днях, а шестой посвящен человеческой старости, болезням, недомоганиям и кончине человека. В седьмом помещены смешанные сказания. Таким образом, можно сказать, что в этом издании через приметы, поверья, обряды и обычаи прослеживается вся человеческая жизнь: от рождения и до смерти. А если быть точным, то автор представил 2307 описаний разных народных легенд, средств народной медицины, ветеринарии, сказаний о происхождении болот, озер и рек и многое другое.

Большое значение как источник о жизни Витебска второй половины XIX в. имеет книга Н.Я. Никифоровского «Странички из недавней старины города Витебска» (КП 16386/05), изданная в 1899 г. Прислала ее Антонина Михайловна Сахарова из г. Липецка в 1971 г. – жена бывшего учителя Витебской мужской гимназии Михаила Александровича Сахарова, работавшего там с 1887 по 1908 г. Это юбилейное издание интересно тем, что оно содержит дарственную надпись автора М.А. Сахарову: «Доброму, дорогому Михаилу Александровичу Сахарову усердный дар Н. Никифоровский.

31 окт. 1849 г.». В этом издании Н.Я. Никифоровский приводит много фактов и цифр о городе, дает описание географического и экономического положения Витебска второй половины XIX в., зарисовки общественных отношений разных слоев населения – дворян, купцов, чиновников, простых людей. Значительная часть книги написана на основе собственных наблюдений и впечатлений, поэтому она является по сути мемуарами.

Таким образом, можно сказать, что работы Н.Я. Никифоровского значили очень много для пробуждения национального сознания белорусского народа. Он описал наиболее важные стороны жизни белорусов – общественную, рабочую и семейную жизнь, материальную и духовную культуру, устно-поэтическое творчество. Трудями Н.Я. Никифоровского пользуются до сих пор и еще долго будут пользоваться исследователи культуры и быта белорусского народа.

Папроцкая А.Ю. (г. Витебск)

ДУХОВНОЕ ОСВОЕНИЕ МИРА В КОНТЕКСТЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ВЫСТАВКИ АЛЕКСАНДРА СЛЕПОВА «ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА»

Александр Слепов – художник, новатор, мыслитель – личность неординарная в истории белорусского искусства. Его художественный стиль изумляет, а картины мгновенно притягивают внимание. Говоря об Александре Слепове, хочется вспомнить слова знаменитого Павла Филонова: «...то, что недоступно глазу обычного художника, но доступно “знающему”» [1]. Масштаб Слепова – это вся Вселенная, от прошлого до будущего, от реализма к беспредметности, поэтому его работы – это не классические композиции, вписанные в формат картины, а пазлы, фрагменты, за которыми продолжается бесконечность.

Слепов Александр Михайлович родился в Читинской области (Российская Федерация) 4 августа 1950 г. Окончил художественно-графический факультет Витебского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (1974), сейчас является членом Белорусского союза художников, живет в Витебске. Александр Слепов входил в легендарное творческое объединение художников-неформалов «Квадрат» (1987–1994) [5]. В октябре – ноябре 2022 г. в Художественном музее (филиале Витебского областного краеведческого музея) проходила персональная выставка Александра Слепова «Живопись. Скульптура», которая знакомила посетителя с произведениями, выполненными мастером за последние несколько лет. Наиболее ранняя работа на выставке «Вакханалия золотого тельца» (2013) показывает ретро-

спективу творчества художника и насыщена культурологическим анализом истории человечества, что побуждает зрителя к поиску иносказательных смыслов в изображенном на полотне.

Александр Слепов обладает уникальным чувством формы, пластики и цвета. Ему свойственна оригинальность творческого мышления, неординарность создаваемых им образных конструкций и сюжетных ситуаций, а также особый пластический язык. Александр Слепов многогранен: работает в живописи, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве, графике. Работы, представленные на выставке в Художественном музее, посвящены переосмыслению человеческого бытия и полны философского начала и смысла. Композиция живописных работ складывается из простых геометрических фигур и блоков цветовых доминант. Нельзя не заметить восторженное отношение Александра Слепова к женской красоте и грации. Во все времена художники восхищались женщиной, она стала не только частью творчества, но и источником вдохновения – Музой. С незапамятных времен женский образ отображается на многих работах знаменитых творцов живописи. «Стреляющая из лука» (2021) (Дадатак 10, мал. 1) – ода красоте и женственности, гимн эмансипации и равноправия или обращение к символике мифологического оружия богов? Магическая, естественная красота женщины всегда будоражила умы художников, и Александр Слепов в своих произведениях всегда оставляет зрителю пространство для размышления, поиска истины.

В унисон полотну «Стреляющая из лука» звучит сюжет «Кентавр-победоносец» (2021) (Дадатак 10, мал. 2). Кентавры – одни из наиболее загадочных существ в греческой мифологии, представляли собой сочетание человеческого и природного. Эти мифологические существа славились как искусные охотники, умели успешно сражаться, используя луки и копья. Греческая мифология повествует о самом известном кентавре – Хироне, который был самым праведным и мудрым из них. Чистыми локальными цветами художник подчеркивает невозмутимость духа и смелость воина. Фигура кентавра композиционно занимает все пространство полотна, является основной доминантой картины. Художник выдвигает тело кентавра на первый план, подчеркивая монументальность и масштаб изображаемого.

История человечества для Александра Слепова – это лишь небольшая часть истории мира, космоса. Художник не идет на компромиссы со зрителем. Александр Слепов отмечает, что «...сегодня нельзя писать просто красивые вещи. Реальность иная... и меня беспокоит тот факт, что человечество подошло к пределу бытия. Идет процесс глобальной мутации, люди нередко превращаются в нечто непонятное и даже не желают этого замечать».

Создавая художественные образы, Александр Слепов размышляет над противоречивостью человеческой природы, притяжением между мужчиной и женщиной, законами мироздания («Искушение плоти», 2018; «Пес-

ня о соколе», 2021). Философские раздумья о смысле жизненного пути человека стали содержанием картины «Старик, раздающий мысли» (2020) (Дадатак 10, мал. 3). Правда или истина? Проблема в том, что мы видим мир с разных точек зрения. У каждого своя картина мира и своя правда. Какие мысли транслирует этот старик, и сможем ли мы приблизиться к пониманию истины с их помощью? Как сказал Франц Кафка, «все, в том числе и ложь, служит истине. Тени не гасят солнца» [2]. Хаос мыслей старика Александр Слепов воплощает в виде массы геометрических фигур разной формы и цвета: квадратов, прямоугольников и сфер. Окажутся ли полезными и созидательными эти мысли, решит для себя зритель.

Как говорит Александр Слепов, «у каждого художника – свое время и художник – главное отражение этого времени». Живописец в своих полотнах должен открывать новую действительность, а не цитировать старую. Возможно, поэтому в картине «Смертью смерть поправ...» (2022) (Дадатак 10, мал. 4), будто в иконе, черный квадрат как символ конечности бытия и одновременно беспредметности, изображен в самой нижней части полотна. «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» – главное торжественное песнопение праздника Пасхи в Православной церкви [4]. Смерть Спасителя разрушила иную смерть, своим пришествием воскресив умерших. На картине мы видим, что Смерть унесла земную жизнь Христа, но ее руки скованы прочной цепью, она не всесильна. Зеленый – цвет гармонии, единения с божественным, победа жизни над смертью. Поэтому художник облачает тело Христа цветом вечной жизни.

В картинах Александра Слепова есть какая-то совершенно фантастическая свобода, которая довольно часто появляется у старых мастеров. Художник отказывается от серости палитры, от мертвых поверхностей заднего плана. Александр Слепов разбирает мир буквально до пикселей, а потом собирает из них его снова, он исследователь, занимается анализом и синтезом в искусстве.

Борьба человеческих чувств, эмоций и переживаний звучит в работе «Песня о соколе» (2021) (Дадатак 10, мал. 5). Аллегория Ужа и Сокола – символы, дающие ответ на важнейшие вопросы: в чем смысл человеческой жизни и как нужно жить на самом деле. Одна категория людей ни о чем не мечтает и свою жизнь, лишённую каких-либо устремлений, оправдывает словами: «Летай иль ползай, конец известен, все в землю лягут, все прахом будет...» [3]. К страстным порывам Сокола люди приземленные и не способные к созидательному действию относятся с насмешкой, ведь для них все героические устремления Сокола всего лишь «безумство желаний». Умирая и оценивая прожитую жизнь, Сокол с гордостью восклицает: «Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!..». Сокол – аллегория свободы и смелости, ради них он готов на последний полет. Аллегория

«Безумства храбрых» по М. Горькому Александр Слепов воплощает в парящей на полотне грациозной фигуре. Внизу мы видим цепи оков, ограничивающих наши стремления и порывы, оковы чувств и человеческих слабостей. Летящая фигура олицетворяет свободу человеческой души и чистоту помыслов: она вырвалась из темницы душного и сырого ущелья и взмыла ввысь в ясное небо. Динамику полета композиции придают диагональные линии второго плана и вертикаль фигуры Сокола. Несмотря на трагизм самой истории, картина полна жизни, движения и ярких цветовых доминант.

Привлекают своей утонченностью, точностью высказывания и экспрессивностью скульптуры Александра Слепова. Скульптурная композиция «Супрематическая речь о концептуальном искусстве» (2010) (Дада-так 10, мал. 6) поведает нам о знаменитом творческом объединении «Квадрат». Мы видим трех художников, с одной стороны – единомышленников, с другой стороны – имеющих свой собственный взгляд на искусство. Структура мироздания в супрематизме выражается в простых формах: прямой линии, круге, прямоугольнике, квадрате, знаменующих бесконечность пространства. Казимир Малевич говорил: «Когда исчезнет привычка сознания видеть в картинах изображение уголков природы, мадонн и бесстыдных венер, тогда только увидим чисто живописное произведение» [6]. Также и со скульптурой. Внешняя суть предмета – это оболочка, скрывающая его содержание, а цель художника – увидеть это содержание и донести его до зрителя. В скульптурной композиции «Супрематическая речь о концептуальном искусстве» Александр Слепов синтезирует простые формы, локальные цвета и сюжет произведения. Художник размышляет о месте искусства в жизни человека и о трансформации направлений. Насколько актуальны сейчас для нас идеи концептуального искусства XX в.? Александр Слепов говорит о том, что сейчас мир находится в постоянном движении, динамика есть ключевая характеристика современности: меняются формы в искусстве, его цели и методы трансляции смыслов. Художнику стоит отказаться от статики в мышлении, не нужно повторять сделанное столетием до нас – ведь наше настоящее настолько быстротечно и мимолетно, что мы может не успеть увидеть то новое, открывающее для нас бездну возможностей.

Если взглянуть в глубины истории, то именно женщины были темой самых древних сохранившихся скульптур – многочисленных «палеолитических венер». Веками человеческое тело приковывало внимание скульпторов. И, пожалуй, именно скульпторы смогли полностью раскрыть противоречивую природу женщины. Александр Слепов выбирает для своих женских образов очень теплый, тактильно приятный материал – дерево. В скульптурных композициях «Преданность» (2021) и «Расставание» (2022) (Дада-так 10, мал. 7, 8) мастер передает двусмысленную женскую натуру, сочетающую

в себе хрупкость, вихрь чувств и внутреннюю мягкость и теплоту. Создавая подобные образы, Александр Слепов максимально точно передает всю красоту и утонченность человеческого тела. Высекая грациозные фигуры с волнующими линиями из неподатливых материалов, он передает в своих творениях одновременно уязвимость и силу женщины. Плавные линии, изгибы фигуры, красивые силуэты – все это становится возможным благодаря работе Александра Слепова именно с деревом в качестве материала.

Как говорится, вся жизнь Творца – в его Творениях. В современном искусстве происходит переосмысление традиционных архетипов, и это находит свое проявление в новых стилях и направлениях искусства XXI в. Зачастую именно художники создают будущее нашего мира. Ведь об эпохе чаще всего судят по культуре и ее достижениям. Художник пишет картину, которая становится отражением его души. Мы есть то, что создаем вокруг себя: созидание и красота, добро или разрушение, хаос или гармония. . . Миссия Творца состоит в том, чтобы создавать образ и претворить его в жизнь, трансформировать эмоции окружающих через свои творения, будь то живопись, скульптура или иной вид искусства.

Как замечает Александр Слепов, «художник – это создатель культурного слоя цивилизации, он воплощает уникальные идеи в реальность через свое творчество. Он призван менять мир, людей, пространство, технологии». Неповторимость – главная черта искусства. И произведения Александра Михайловича Слепова – прямое тому доказательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бобринская, Е. А.** Ранний русский авангард в контексте философской и художественной культуры рубежа веков : очерки / Е. А. Бобринская. – Москва : Гос. ин-т искусствознания, 1999. – 245 с.
2. **Гусейнов, А. А.** Золотое правило нравственности / А. А. Гусейнов. – Москва : Мол. гвардия. – 1979. – 224 с.
3. **Максим Горький** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gorkiy-lit.ru>. – Дата доступа: 15.10.2022.
4. **Храм Живоначальной Троицы на Воробьёвых горах** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hram-troicy.prihod.ru>. – Дата доступа: 13.10.2022.
5. **Художники Витебщины** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.painters.vlib.by>. – Дата доступа: 15.10.2022.
6. **Электронная библиотека** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me>. – Дата доступа: 03.10.2022.

**«LA BELLE EPOQUE». ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ ГОРОЖАН
И ИНТЕРЬЕРНОГО ТЕКСТИЛЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.
ИЗ ФОНДОВ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Эпоху с конца XIX в. до начала Первой мировой войны принято называть «La Belle Epoque» («Прекрасная эпоха»). Несмотря на то, что коллекция предметов этого периода в фондах Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ) немногочисленна, часто фрагментарна, она дает представление о направлениях в моде того времени, особенностях текстиля, характеристиках кроя одежды.

Некоторые предметы коллекции связаны с известными людьми Витебщины. Мужской парадный костюм (1896) принадлежал некогда С.Г. Розенблюму, управляющему Днепровской мануфактурой в Дубровно. Перчатки конца XIX в. носила Е.О. Бобашинская, мать И.И. Соллертинского, уроженца Витебска, литературоведа, музыковеда, театроведа. Ламбрекен бытовал в семье витебского архитектора конца XIX в. Т.В. Кибардина.

Мужской костюм

Мужской костюм конца XIX в. менялся очень медленно [13]. Основу гражданского гардероба составлял костюм-тройка, который предполагал брюки, жилет и, соответственно случаю, визитку, пиджак, сюртук, фрак или смокинг [8]. В коллекции музея находится парадный костюм тонкой шерсти черного цвета, изготовленный в 1896 г. во Франции (Париж). Он состоит из пяти предметов: фрака двубортного с воротником и заостренными лацканами; смокинга с длинным шалевым воротником; брюк с лампасами из шелковой тесьмы, сзади на ремнях для фиксации; жилетов с у-образным вырезом, отложным воротником; спинкой из шелковой саржи (№ КП 21459/29-33). В коллекции имеется парадный жилет белого цвета из плотной хлопчатобумажной ткани в рубчик (№ КП 26174/03).

Распространенным атрибутом деловой жизни были бювары: папки для ношения бумаг, письменных принадлежностей, папки настольные для хранения бумаги, конвертов [17]. Кожаная папка коричневого цвета, с подкладкой из муара, изготовленная в Кенигсберге, и сумка-планшет с клапаном на металлическом замке, с крепежными ремнями являются разновидностью переносных бюваров (№ КП 25911, 25912). Любопытный предмет – картонная папка для нот преподавателей Витебской консерватории, украшенная полосой растительного орнамента в стиле модерн, соцветиями хризантем (№ КП 22282/5).

В коллекции шляпа из Санкт-Петербурга коричневой соломки с репсовой лентой и надписью внутри («G. Schiffler St Petersburg») (№ КП 1194).

В 1911 г., сообщается в модном издании, мужчины носили «шляпы из черного, серого кастора, гладкого, с ворсом, велюровые, шляпы наподобие американских панам, шляпы из тонкой соломы фасона “Пушкин”, “канотье”, бежевого, серого, коричневого, кремового цвета» [19]. Были также цилиндры и котелки.

Белые перчатки из лайковой кожи были атрибутом высшей элегантности. Лучшим производителем лайки в России считалась фабрика купцов Бахрушиных [7]. В коллекции перчатки с застежкой на пуговицу (№ 26800/1, 2).

Женский костюм

Женские платья 1890-х гг. имели лиф с тонкой талией, высокий воротник, юбку-клев и рукав «жиги» с верхней жесткой и объемной частью [5]. Блузы, лифы и юбки имели подкладку, придававшую жесткость изделию, их шили из крепдешина, хлопчатобумажного пике, шерсти саржевого переплетения, шерстяного поплина, бархата. Блузам и юбкам отдавали большее предпочтение, чем платьям. Блузы могли быть спереди пышными, с отделками, а сзади облегачиваемыми. Приталенные блузы отличались большим количеством конструктивных линий (клинья в талии сужались, книзу образовывали фалды) [3]. Среди фабрично-мещанского слоя популярными стали платья-парочки (кофта с юбкой). Кофты в талию были с баской, на кокетке, с рюшами, тесьмой, кружевом. Рукава широкие, с «пышками», наполненной головкой за счет складок, сборок по окату [16]. К коллекции принадлежит кофта из голубого шелка с воротником-стойкой, полочкой с 4 выточками, спинкой с 4 рельефными швами, на подкладке из хлопка под каждую деталь (№ НВ 10925) и шерстяное платье-парочка зеленого цвета; юбка в складку; блуза с воротником-стойкой, манишкой и манжетами из фабричного кружева (№ КП 15698). Кроме кружевных манжет запястья поверх рукавов украшали накладными манжетами из парчи, бархата, шелка, расширяли бисером. Манжеты из золотной парчи в рубчик коллекции декорированы металлическим бисером, накладками из цветного стекла (№ КП 26804/1, 2). Полоска из парчи в комплекте с ними украшала когда-то воротник-стойку кофты в праздничном костюме небогатой горожанки.

Шерстью и шелком гобеленовым швом, мелким бисером вышивались в конце XVIII – XIX в. обувь, сумочки, чехольчики, каминные экраны [12]. Сумочка коллекции конца XIX в. сплошь вышита крупным бисером; на жемчужно-опаловом фоне – гирлянда из роз, маков и листьев сиреневых, красно-оранжевых оттенков. Сумочки начала XX в. шьются из шелка, бархата, замши, атласа, тюля. Бисер, стеклярус, стразы, аппликация являются лишь декором.

Конец XIX – начало XX в. – время господства стиля модерн в искусстве костюма, чрезмерной роскоши в одежде состоятельных женщин. Новшество периода – появление S-образного силуэта, который подчеркивал талию путем формирования выступающего вперед бюста. Требованием моды была

стилизованная женщина-цветок, женщина салонов, театров и различных вечерних развлечений, женщина, стянутая корсетом [2]. В это время начинается движение против корсетов, сторонники которого выступали за плавные ниспадающие линии костюма нового стиля. Платья реформ изысканны по силуэту, шьются из крепа, шелка и муслина с вышивкой шелком, бархатом [3].

Фасон визитного летнего пальто коллекции знаменует этап в развитии костюма – переход от турнюра и драпированных юбок к одежде более функциональной. Заложённый у плеча в складки рукав лишь отдаленно напоминает «жигу». Пальто из чесучи, плотной шелковой ткани желтовато-песочного цвета, оформлено вышивкой, полосами кружева с геометризованным орнаментом и кистями (туловище из дерева оплетено накрахмаленными льняными нитями, украшено плетеными подвесками). Изготовлено оно в Москве (на тканевой этикетке указано «Levi Liberge end L-ie. Moscou») (№ КП 15341).

Шелковое платье цвета беж, отрезное, с короткими рукавами, вышито шелком в тон ткани. Шестилепестковые цветы в круге и овалах венчают свободно расположенные ассиметричные банты и листья неправильных форм; элементы в виде полос-линий от талии с полуovalами, вышивка гладью, контуры которой не сохраняют идеально ровную форму – все это создает характер и фактуру и легкого платья в стилистике модерн (№ КП 15431).

Газ, крепдешин, тюль и кружева – материалы, которые брали для свадебных, бальных и концертных туалетов. «Кружева играют в нарядах дам главную роль. Первое место из кружевной моды занимают кружева шпатель, шантилийское кружево, алансонское, клюни и гипюр, а затем уже идет филейное кружево и подделка кружев reticella», – отмечали корреспонденты «Модного света» в 1903 г. «Из черных филейных кружев делают блузочки на цветной шелковой подкладке. Гипюровые кружева цвета экрю и café au lait с черным узором берут для гарнировки черных платьев. Кружевные платья черного, белого, крем и экрю цвета надевают на цветные шелковые чехлы» [15]. Пример тому – блуза вечерняя без воротника, до пояса, из фабричного кружева черного цвета с раппортным орнаментом из восьмилепестковых цветков, вставкой с узором из листьев и завитков, рукавами из тюля (№ КП 26614/1). Шемизетки (высокие воротники с манишкой из тонкой драпированной ткани) – необходимая тогда деталь платья и при наличии широкого кружевного воротника. Воротник из черного кружева полукруглой формы с орнаментом из извилистых линий исполнен нашитыми бисером и стеклярусом (№ КП 26614/3). Пелерина черного шелка расшита стеклярусом, украшена кружевами (№ КП 16643). Митенки из кружева цвета экрю отделаны рюшей. (№ КП 26799/1, 2). Частый декоративный элемент платьев в виде бретелей из черного бархата, на таком же поясе, украшен кружевом цвета экрю (№ КП 26795/12). Розовый шелк платочка оттеняет белое кружево типа «малин» (№ НВ 11113).

Бутоньерки для украшения платьев, шляп и сумочек изготавливали из крепдешина, тафты, муслина, бархата. В конце XIX в. в России появились школы по рукоделию «для дам и молодых девушек» из всех слоев общества [6]. Парижское Atelier Bachwitz выпускало альбомы с цветными иллюстрациями на французском, английском, нидерландском и немецком языках. Каждый из 6 ежегодных альбомов содержал 50 моделей (1911). Бутоньерка из цветков кремового, розового, желтого, оранжевого, сиреневого, голубого и белого шелка с листочками могла быть сделана по эти моделям (КП 26174/1).

В коллекции музея – боа из мелких перьев черного цвета (№ НВ 11321/1). Длинный узкий шарф из меха и мелких перьев (страусиных, перьев индейки и марабу) был особенно модным в период между 1890 и 1915 гг.

Эпохой перчаток в России считается XIX в. Они были бальными, театральными, прогулочными, для визитов, дневными и вечерними. В коллекции музея – перчатки белые лайковые, из желтой замши, светлого трикотажа с застежкой на пуговицы (№ КП 26801 /1, 2; 26802 /1, 2; 26803 /1, 2; НВ 8014).

В начале XX в. веер переживает период расцвета [18]. В коллекции веер с экраном белого цвета, пластинчатым остовом, ажурным рисунком, украшенный блестками, перьями, шелковой кистью (№ КП 26795/1) и черного цвета с нашитыми блестками (в футляре) (КП 25037/4).

Под влиянием реформаторских тенденций происходят изменения в конструкции дамского нижнего белья. Так, рукава дневной рубашки заменены цельнокроеными бретелями с шитьем [7]. Рубашка коллекции из батиста на узких бретелях украшена вставками фабричного кружева; к нижней юбке было подшито кружево, которое увеличивало ее длину (№ КП 25312/1, 2). Утреннюю блузу «матине» обычно надевали поверх ночной сорочки и продолжали лежать в кровати. Блузы шили из батиста, фланели, тонкого сукна, белых, цветных однотонных тканей с отделкой [3]. Блуза батистовая, расклешенная, с нитяными пуговицами, декорирована кружевами («ришелье») (№ КП 24536). Фрагмент носового платка из батиста с вензелем и растительными мотивами вышит в технике белой глади (№ НВ 8015/1) [5]. Белый платочек из шелка вышит цветной гладью по краям в форме листочков, в центре – букеты (№ КП 25037/25).

Образец обуви периода 1910-х гг. – сапожки черного цвета на шнуровке с талированным каблуком (№ КП 22764). Сапожки, ботиночки, вечерние туфли традиционно украшались бусинками-пуговицами, вышивкой, были с множеством декоративных элементов, застежек, из комбинированных цветов и материалов (кожа, шелк, сатин) [11; 14].

В коллекции музея есть примеры одежды для кукол. Рубашка дневная на бретелях, с вышитыми коричневыми нитями, вставками розовой ткани, ажурным краем – миниатюрная копия женского нижнего белья (№ КП 1365). Еще один экземпляр одежды для кукол – брюки-галифе из сукна темно-синего цвета, на красном поясе, со штрипками (№ КП 1379). Кукольная одежда

часто следовала за детской модой, иногда подправляя ее. Портные, изготовлявшие одежду для кукол, назывались одевальщиками [10]. Модных кукол, у которых голова или все тело были сделаны из неглазурованного фарфора («бисквита»), производили с 1840-х гг. до окончания Первой мировой войны [20]. Детские игрушки: мячи на проволочных каркасах из фондов музея сшиты из ярких разноцветных сегментов сукна (№ КП 1387/1, 2).

Городской текстиль. Интерьерные ткани

В конце XIX в. вышивка крестом шерстяными нитями, крупным бисером использовалась для украшения предметов в интерьере. Ламбрекен желто-коричневых тонов украшают элементы восточного орнамента – картуши со сложным витым рисунком, шелковые кисти (№ КП 22182/9). Покрышка на чайник, вышитая бисером (золотистый вазон с белыми цветами на голубом фоне), с бисерной бахромой и шелковым подкладом на вате надевалась на заварной чайник для сохранения температуры чая (№ КП 1135). Подушка декорирована листьями и цветами, вышитыми крестом зелеными и бордовыми нитями, белым и черным бисером по льняному фону (№ НВ 11174/6).

В коллекции имеется столовое и постельное белье. На сине-белой скатерти с бахромой орнамент модерна: в центре – стилизованное соцветие, летящие мотыльки; по периметру – цветы, листья кувшинок; соцветия ирисов с листьями, кайма – гирлянда из бутонов кувшинок (№ КП 25913). Строго регламентировался цвет скатерти: парадная должна быть белоснежной и плотной, а для чаепития или завтрака рекомендовались цветные или вышитые [9]. В фондах музея: салфетка белая с вышивкой в виде вензеля с короной (№ КП 025632); салфетка с тканым рисунком в восточном стиле желтого и фиолетовом цветов (№ КП 025038/34); ламбрекен с полосами фабричного и ручного кружева, вязанного крючком (КП 25312/5); покрывало с тканым орнаментом в виде кленовых листьев (№ КП 25634); наволочки с изображением бабочек, выполненным в технике «ришелье» (№ КП 26174/2).

Распространены были мерные прошивки, вышитые гладью, сутажем, синелью, бисером, золоченой нитью, по тюлю, шелку, хлопку [5]. В основе мотива вышивки по тюлю цвета *café au lait* – переплетение цветочных ветвей, исполненных шелковыми, металлическими нитями, бисером, стеклярусом (№ КП 21150). Еще один экземпляр – прошва декоративная цвета *экрю* с узором из фантазийных цветов, зубчатым краем (№ КП 025640).

Предметы коллекции отличаются красотой тканей, многообразием отделок, создавая впечатление о той прекрасной эпохе, название которой ассоциативно связано с тем временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вершинина, Н.** История дамской сумочки № 1291 [Электронный ресурс] / Н. Вершинина // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – 2003. – № 11. – Режим доступа: <https://antiqueland.ru/articles/1291/>. – Дата доступа: 25.08. 2021.

2. **Вейс, Г.** История культуры народов мира. Прекрасная эпоха. Европа. XIX–XX вв. / Г. Вейс. – Москва : Изд-во Эксмо, 2005. – 144 с. : ил.

3. **Дзеконьска-Козловска, А.** История моды в проектировании одежды [Электронный ресурс] : период 1 : 1900–1907 гг. [1977] : женская мода XX века / А. Дзеконьска-Козловска. – Режим доступа: <http://fashionlib.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st003.shtml>. – Дата доступа: 25.08.2021.

4. **Женский** костюм стиля модерн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: studbooks.net/1137374/kulturologiya/zhenskiy. – Дата доступа: 09.03.2022.

5. **История** моды с XVIII по XX век : коллекция Института костюма Киото : [альбом / пер. Л. А. Борис ; авт. текстов: Акико Фукай и др.]. – Москва : АРТ-РОДНИК, 2003. – 735 с.

6. **Искусство** шелковых цветов [Электронный ресурс] : история цветов из ткани. – Режим доступа: <https://i-mazanik.livejournal.com/21174.html>. – Дата доступа: 09.03.2022.

7. **История** лайковых перчаток [Электронный ресурс] : мода и стиль 1 : из истории моды. – Режим доступа: <https://www.colors.life/post/342604/>. – Дата доступа: 15.05.2022.

8. **История** пиджака и костюма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://britishroom.ru/blog/istoriya-pidzhaka-i-kostyuma.html>. – Дата доступа: 15.05.2022.

9. **История** столового белья – скатерти и салфетки [Электронный ресурс] : серия сообщений «История вещей» : ч. 11. – Режим доступа: <http://textile37.ru> <http://www.sibdm.ru>. – Дата доступа: 13.05.2022.

10. **Как** называли в конце 19 века портных, шьющих одежду для кукол [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3344337-kak-nazyvali-v-konce-19-veka-portnyh-shjuschi-h-odezhdu-dlja-kukol.html>. – Дата доступа: 13.09.2022.

11. **Какую** обувь носили в старину [Электронный ресурс] : в стиле «Петро» : ч. 2. – Режим доступа: <https://stranamam.ru/post/6775739/>. – Дата доступа: 13.09.2022.

12. **Косоурова, Т. Н.** Искусство вышивальщика / Т. Н. Косоурова // Западноевропейская вышивка XVI – начала XX века в Эрмитаже. Государственный Эрмитаж. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 80.

13. **Мужская** мода серебряного века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://antnrsv.livejournal.com/5260.html>. – Дата доступа: 13.09.2022.

14. **Музейная** коллекция вечерних туфель XIX–XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livemaster.ru/topic/1741101-muzejnaya-kolleksiya-vechernih-tufel-19-20-vekov-chast-1>. – Дата доступа: 13.09.2022.

15. **Новые** моды : Париж, Берлин, Вена // Модный свет. – 1903. – № 46. – С. 503.

16. **Сазонова, Е. И.** Костюм русского горожанина XIX – начала XX века: традиции и новации [Электронный ресурс] / Е. И. Сазонова. – Режим доступа: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vi/kostyum-russkogo-gorozhanina>. – Дата доступа: 15.05.2021.

17. **Сафонова, И.** Зеркало эпохи. Бювары первой половины XIX века [Электронный ресурс] / И. Сафонова // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – 2006. – Январь – февраль. – Режим доступа: <https://antiqueland.ru/articles/85/>. – Дата доступа: 13.09.2022.

18. **Складной** веер в России и Европе XIX – начала XX веков [Электронный ресурс] : коллекционер антиквариата. – Режим доступа: <https://goodcoins.su/antic/tecstile/skladveer19-20.htm>. – Дата доступа: 03.08.2022.

19. **Шляпы** мужские [Электронный ресурс] : Россия, 1912 год : история костюма. – Режим доступа: <http://www.ocostume.ru/content/shlyapy-muzhskie-rossiya-1912-god>. – Дата доступа: 03.08.2022.

20. **Фарфоровые** куклы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/torrera/post165324053>. – Дата доступа: 03.08.2022.

Фурик Д.М. (г. Витебск)

«МАСТЕРСКАЯ ПРИРОДЫ» ЛЕОНИДА АНТИМОНОВА

Художник Леонид Антимонов вошел в историю Витебской художественной школы не только как талантливый мастер живописи и графики, педагог, но и как основоположник Витебской школы монотипии.

С 27 мая по 10 июля 2022 г. в Художественном музее Витебска состоялась выставка работ Л.С. Антимонova «Мастерская природы». Центральное место в экспозиции занимала графика и особенно монотипия, которая была для этого автора настоящим открытием и основным полем для реализации экспериментальных проектов.

Антимонов Леонид Сергеевич (16.12.1934 г., д. Кулеша Сенненского района Витебской области – 16.02.2012, Витебск). Детство Леонида было тяжелое. В 1950 г. он закончил семилетнюю школу (ему было 16 лет). В том же году поступил в Рижское художественно-ремесленное училище № 17, где учился на художника альфрейной живописи. В 1952 г. окончил его с отличием. Далее было Рижское училище прикладного искусства (1955), художественно-графический факультет Витебского государственного педагогического института (1963). С 1964 г. преподаватель графики, живописи, рисунка, композиции на художественно-графическом факультете ВДПИ (позже университета), доцент (1987–2005). Прошел стажировки на факультете графики латвийской Академии искусств у профессора П. Упитеса и профессора А. Апеня (1970), на кафедре графики в БГТХИ у профессора В. Шаранговича (1985–1986). Профессор высшей педагогической школы в г. Зелена-Гура (Польша) (1991–1993). Участник художественных выставок с 1964 г. Член Союза художников с 1987 г.

Леонид Антимонов являлся активным участником различных художественных выставок. В автобиографической справке к авторскому методическому пособию «Графика. Линия, штрих, точка» отмечал, что первая его выставка работ в качестве студента училища состоялась в декабре 1954 г.

С 1975 г. участвовал в международных выставках экслибриса в Польше, Чехословакии, Венгрии, Италии, Бельгии, Австрии, Германии. В 1981 г. была открыта первая персональная выставка в г. Шауляе (Литва).

Личным достижением Л. Антимонова можно считать организованную им на художественно-графическом факультете графическую мастерскую. Творческая экспериментальная работа способствовала открытию собственных способов гравюры на картоне, фанере и древесно-волокнутой плите, флоротипии, различных способов монотипии: акватипии, граттажа. Антимонов является автором ряда учебных пособий: по графике, монотипии, гравюры на картоне, флоротипии. Работал в различных графических техниках (офорте, литографии, ксилографии, монотипии и т. д.), акварели, масляной живописи.

Являясь не только самоотверженным сторонником традиций высокой классики, но и неистовым экспериментатором, Леонид Антимонов именно этим удивлял и восхищал своих друзей, коллег, студентов. Сочетая творчество с педагогической деятельностью, он всегда считал оба эти занятия для себя творческими. С одинаковой требовательностью Леонид Антимонов работал над нефигуративными, формальными композициями и реалистичными пейзажами.

Общее количество экспонируемых на выставке предметов насчитывало 37 единиц, которые можно подразделить на такие группы, как графические произведения (монотипии, флоротипии, акватипии, офорты, акварели и карандашный рисунок) и живописные работы. Работы были предоставлены из коллекции семьи художника.

Монотипия (от моно... и греч. *τύπος* – отпечаток) – вид печатной графики, изобретение которого приписывается итальянскому художнику и гравёру Джованни Кастильоне (1607–1665).

Техника монотипии заключается в нанесении красок от руки на идеально гладкую поверхность печатной формы с последующим печатанием на станке; полученный на бумаге оттиск всегда бывает единственным, уникальным. В психологии и педагогике используют технику монотипии для развития воображения у детей старшего дошкольного возраста.

Среди наиболее известных мастеров монотипии: итальянец Джованни Кастильоне (1616–1670), англичанин Уильям Блейк (1757–1828), француз Эдгар Дега (1834–1917), соединивший монотипию с темперой («Концерт в кафе “Амбасадор”»).

Развитие монотипии в Беларуси связывают с именами Н. Тарасикова, О. Марикса, Р. Кудревича, А. Гугеля, Е. Лось и др.

Ведущая роль в развитии этой графической техники принадлежит именно Леониду Антимонову. Изучив теоретические труды зарубежных мастеров, а также используя личный практический опыт, он обозначил основные виды и методы работы в технике монотипии, ввел в обиход новые

термины, условные обозначения и приемы работы в различных графических техниках.

Среди работ на выставке 23 монотипии, отличающихся своеобразием композиции и яркостью цвета.

Необычайной яркостью и в тоже время лиризмом отличается монотипия «Ангел со скрипкой» (1980-е гг.) монотипия, бумага, смешанная техника (Дадатак 11, мал. 1).

Греческое слово «ангел» в переводе означает – «посланник», поскольку главное назначение этих загадочных фантастических существ заключается в том, чтобы осуществлять посредничество между духовной небесной сферой и земным материальным миром, передавая людям волю Бога.

Ангел – символ совершенства. Ангелом называют чистого, доброго, скромного, безгрешного человека, вызывающего у окружающих чувство умиления. Чаще всего сравнения и эпитеты, имеющие целью подчеркнуть совершенство, относятся к невинному ребенку или прекрасной женщине («ангельский лик», «ангельская улыбка», «красив, как ангел», «хороша, как ангел» и т. д.). Ангел – воплощение добродетели («ангельский характер») и кротости («ангельское терпение»). Белые одежды олицетворяют чистоту и целомудрие божественных посланников, а большие крылья за спиной намекают на их вездесущность.

С распространением христианства художники часто изображают ангелов с музыкальными инструментами, в том числе и со скрипкой.

На протяжении веков изумительное звучание скрипки зачаровывало людей. Ее мелодичные звуки убажали в модных салонах слух избалованных аристократов и заставляли пускаться в пляс простой люд на незатейливых деревенских праздниках.

Каждый находил в голосе «королевы музыки» что-то свое – близкое и родное. Наверное, поэтому со скрипкой связано немало легенд, а порой и настоящих мистических историй.

Голос скрипки наиболее похож на голос человека. Из всех музыкальных инструментов только скрипка обладает возможностью плавного управления звуком, схожим с человеческим голосом в том диапазоне, в котором он наиболее воспринимаем. То есть ангел вдыхает в нее живые земные человеческие чувства, говоря с человеком на простом понятном ему языке живых интонаций. Ангел – бесплотная сущность прекрасного, которая говорит на языке любви, на том инструменте, который понятен человеку. Ангел – существо внеземное и его стихия – это небеса, и потому скрипка обладает большей способностью выразить ту легкость и пронзительность музыки человеческой души.

Работа «Чио-Чио-Сан» (1987, бумага, монотипия, разм. 45x57 см) (Дадатак 11, мал. 2) экзотична по своему содержанию. Чио-Чио-Сан – героиня знаменитой оперы «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини, основой которой

послужила новелла американского писателя Джона Лютера Лонга, переработанная Д. Беласко в пьесу «Гейша». События произведения имели место быть в Японии во второй половине XIX в. Произведение имело несколько постановок: первая постановка прошла в Милане в театре «Ла Скала» 17 февраля 1904 г.; в новой редакции в Брешиа в театре «Гранде» 28 мая 1904 г.

Довольно необычной по цветовому решению является «Ночь. Сказка леса» (1980-е гг., бумага, монотипия, разм. 45x57 см). В образе леса обнаруживаются волшебнo-сказочные значения, такие как границы, опасность и т. д. Говоря о символическом значении ночного леса, стоит подчеркнуть, что он является местом всевозможных опасностей, подвластен различным духам. Лес – традиционное место, где можно заблудиться. Это место пребывания животной и растительной жизни, не подчиняющейся человеку. Он наполнен растениями, деревьями, кустарниками, травами. Некоторые из них оберегают, питают, другие печат человека.

Довольно интересными среди общего числа работ Леонида Сергеевича являются флоротипии. Техника флоротипии заключается в применении растений и растительных материалов для получения оттиска. Используются как свежие растения, так и высушенные. Краска может накапываться поверх растений и цветов, прикладываться к бумаге и оттискиваться обычным порядком. Как вариант — композиция из растительного материала раскладывается на листе и поверх нее набрызгивается краска. В этом случае получается белый контурный рисунок. Работа в этой технике может дать неожиданные результаты. Как яркий пример флоротипии работа «Полевые цветы» (1977, разм. 58x45 см). Художник изобразил красивые колышущиеся полевые цветы, которые покоряют зрителя изяществом и простотой, их прелесть в натуральности и естественности, они вселяют ощущение мира и спокойствия даже у прагматичных людей.

Представлены акватипии автора. Акватипия (итал. *aqua* – вода, др.-греч. *τύπος* – отпечаток) – техника печати гравюры на металле: офорта, «сухой иглы» или акватинты водяными красками на основе сухих порошковых минеральных пигментов. Обычно для этой цели используют гуашь или темпера.

Полученный таким способом отпечаток мягкостью тона и прозрачностью напоминает акварель, отсюда название. Такой способ печати и термин ввел в употребление в 1930-х гг. русский гравёр И.Н. Павлов. Недостатком акватипии является ее хрупкость и слабая светостойкость: как и в акварели, яркость красок акватипии быстро слабеет. Замечательные примеры произведений в этой редкой технике демонстрировали художники Е.С. Кругликова, В.В. Лебедев и К.И. Рудаков. Примером акватипии служит произведение «Дыхание весны», 1987, бумага, акватипия, 59x48 см (Дататак 11, мал. 3).

Офорт (фр. *eau-forte* – азотная кислота, буквально – «крепкая вода»), устаревшее название: аквафорт (итал. *acquaforte*) – разновидность печатной графики, гравюры на металле, основанной на технологии глубокой печати.

Позволяет получать оттиски с печатных форм («досок») в процессе работы по созданию изображения, на которых производится травление поверхности печатной формы кислотами. Офорт известен с начала XVI в. В технике офорта работали Альбрехт Дюрер, Жак Калло, Рембрандт и многие другие художники. У Леонида Сергеевича офорт представлен работой «Река» (1997) (Дадатак 11, мал. 4).

Уникальны авторские акварели, такие как: «Зимняя акварель», 1993, бумага, акварель, 44x61 см; «Погост», 1992, бумага, акварель, 47,7x35,7 см; «Рифы», 1993, бумага, акварель, 48x36 см. Они отличаются профессиональной передачей пространства, трепетностью воздуха. Все в них пронизано светом и воздухом. Особое значение здесь имеет полнозвучность цвета, легкость и нежность колорита. Прозрачность красок и их цвет, который воспринимается глазом как мельчайшие частички света, еле видны в работе подобно отражению через цветное стекло.

Представлен карандашный рисунок автора, а именно, его автопортрет. («Автопортрет», 1990, бумага, карандаш, 50x33 см). Художник осознает себя творцом, он думает о своем предназначении и о своем месте в этом мире. Но если смотреть на эту работу шире, то можно увидеть, что художник самовыражается и занимается самопознанием, не только изображая свое лицо. Все его творчество – это его автопортрет, поскольку оно отражает его взгляды на самые разные явления и, соответственно, более всего проявляет его личность. Так что для того, чтобы понять художника, не обязательно увидеть его лицо, но нужно обязательно увидеть и познать его творчество.

В экспозиции есть также четыре живописные работы мастера: «Июль», 1972, холст, масло, 52x58 см; «Май», 1972, холст, масло, разм. 52x58 см; «Ромашки», 1972, холст, масло, разм. 60x80 см; «Полет», 1992–1993, холст, масло, разм. 69,5x48 см; «Свет», 2009, ДВП, масло, разм. 54x50 см. Все они подкрепляют общую тематику экспозиции.

Леонид Сергеевич Антимонов был новатором в области графики, часто экспериментировал с разнообразными смесями красок, использовал различные инструменты и технические приемы печати. Художник занимался как графикой, так и живописью, но в то же время он был и великолепным педагогом. Его художественные произведения представляют большую ценность для искусства в целом. Выставка дает возможность показать творчество художника под разными углами, проследить его творческий путь, выделить важное в его становлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лісаў, А. Зрабіць рамяство творчасцю / А. Лісаў // Культура. – 1999. – 2 кастр. (№ 36). – С. 6.

2. Анцімонаў, Л. С. Душа мастака праз камп'ютэр не выкажацца... / Л. С. Анцімонаў ; гутарыў М. Цыбульскі // Вечерний Витебск. – 1999. – 24 дек. – С. 1, 3.

3. **Крупница, Н.** Желание встречи / Н. Крупница // Віцьбічы = Витьбичи. – 1999. – 28 дек. – С. 4.

4. **Цыбульскі, М.** Паміж магіяй і алхіміяй – праца / М. Цыбульскі // Мастацтва. – 2000. – № 3. – С. 37–40.

5. **Иноземцева, О. А.** Преемственность стилистических приемов прибалтийской художественной системы в изобразительном искусстве Витебска / О. А. Иноземцева // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2007. – № 4. – С. 132–136.

Шарковская Н.Ю. (г. Витебск)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДОВ ВИТЕБСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БЕЛГОСМУЗЕЯ (1925 – НАЧАЛО 1928 г.) (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГ ПОСТУПЛЕНИЙ)

В апреле 1925 г. в Ратуше открыл двери для посетителей музей, объединивший фонды своих предшественников – музеев, действовавших в Витебске в 1868–1923 гг. Несмотря на то, что новый музей получил богатые коллекции, работа по комплектованию была сразу же начата.

В Научном архиве УК «ВОКМ» сохранились две книги поступления музейных экспонатов с вносимыми в них записями – с 1925 по начало 1928 г. Далее будем их именовать Книга 1 (ф. 17, д. 1) [2] и Книга 2 (ф. 17, д. 2) [3].

Это канцелярские книги в твердом переплете, изготовленные Витебской типографией им. Коминтерна по специальному заказу для музея. Книга разделена на девять граф¹:

№ П.п	Дата поступления	У які адзел перададзена		Назва і кароткае апісанне прадмета	Ад каго або адкуль набыты	Заплачачая сума		Дзе і пры якіх акалічнасьцях знойдзены прадмет	Росьпіска ахавацеля ў атрыманні прадмета	Вага
		Назва аддзела	Выставачны нумар			Руб.	К.			

Первой по времени составления была Книга 2. В ней содержатся записи 1925 г. (№ 1–1484), 1926 г. (№ 1485–2182) и завершаются началом 1927 г. (последняя запись № 2199), куда включены предметы, поступившие в 1926 г. (№ 2187). Позднее (вероятно, в 1927 г.) была составлена Книга 1. В нее перенесены записи Книги 2 за исключением книг, переданных в музей из библиотеки и архива 7-й семилетней школы г. Витебска (№ 425–1456). Поэтому

¹ Здесь и далее при цитировании архивных документов орфография и стиль оригинала сохранены.

в Книге 1 записи, перенесенные из Книги 2, имеют дробовый порядковый номер – в числителе номер по порядку записи Книги 1, а в знаменателе номер, под которым этот предмет значится в Книге 2. С № 914 дробовый номер отсутствует – отсюда начинаются записи предметов, не проходящих по Книге 2. Это записи 1927 г. (до № 1112). С № 1113 записываются поступления начала 1928 г., но среди них значатся поступления и 1926 (№ 1172–1187) и 1927 года (№ 1127–1171 и 1188–1126). Новые записи в Книге 1 сделаны очень спешно, без указания, откуда поступил, где и кем найден был предмет. Это касается, прежде всего, внесения предметов, сгруппированных по комплексам – монеты, медали, предметы христианского культа и т. п.²

Книги заполнены разными почерками. Зачастую предмет в книгу заносил тот сотрудник, который принимал его – Краснянский, Добровольский, Василевич и др.

В начале Книга 2 велась на белорусском языке, без единой орфографии, в конце переходя на русский. При переносе записей из Книги 2 в Книгу 1 допущены ошибки (не соответствуют фамилии сдатчиков и описания предметов) и пропуски номеров.

Источники комплектования.

Юридические лица. Основными организациями, принявшими участие в комплектовании фондов, стали Витебская губернская комиссия по охране памятников (в лице В. Зенковича), Окружной отдел народного образования (в лице Н. Касперовича), Товарищества краеведения – краевое и районные (главным образом стараниями Д. Василевского).

Фактически все предприятия, организации и учебные заведения Витебска и края, принявшие участие в выставке, приуроченной к открытию I съезда Советов Витебской округи, пополнили фонды музея экспонатами, выделенными для нее.

Важным событием в деятельности музея в 1925 г. стала работа по подготовке к Парижской выставке. В результате специально созданная для этого комиссия передала музею ряд экспонатов, отобранных, но на ней не задействованных. Эти предметы этнографии: местной работы рушники, постилки, пояса, домотканые отрезы и другое были закуплены музеем.

Витебская окружная милиция и суд передавали в музей ценные вещи, изъятые при расследовании уголовных дел. От них в музей поступили редкие книги, документы, монеты и медали, и даже капсюльный пистолет, проходивший как вещественное доказательство по одному из дел.

17 февраля 1926 г. 7-я Витебская семилетняя школа передала музею часть богатейшей библиотеки.

² В.В. Рогач выдвинула предположение, что это записи предметов, собранных и переданных музею безвозмездно И.Д. Галькевичем (Предметы, поступившие в фонды музея в 1927 г. от И.Д. Галькевича. Научная справка / сост. В. В. Рогач. – Витебск, 2007. – 12 л. [4]).

Физические лица. Этот список многочисленен и разнообразен. По двум книгам проходит порядка 107 сдатчиков физических лиц (цифра требует уточнений). Некоторые из них фигурируют в записях не по одному разу. Среди них учащиеся, рабочие и служащие, «абывацелі і абывацелкі м. Віцебску», а также сельские жители. Много предметов приносили в музей ученики школ и техникумов Витебска. Особо стоит отметить вклад учителей города и районов в пополнении фондов музея – в списке сдатчиков выявлено порядка 13 учителей и преподавателей. Так, например, учительница Запрудской школы Сенненского района Ангелина Сенкевич активно пополняла археологическую коллекцию орудиями каменного века, отобранными или изъятыми у крестьян деревни, как указано в Книгах поступлений [3, л. 109, 112]. Богатую коллекцию из предметов церковной старины, фалеристики, нумизматики, археологии передал безвозмездно музею И. Галькевич. Об этом поступлении писала местная газета «Заря Запада» [8].

Директор 7-й школы Витебска А.К. Супинский и учителя Я.И. Сергеенко, Н.Н. Богородский, А.А. Новиков, В.М. Таберко и А.Ю. Овсянко постоянно и плодотворно сотрудничали с музеем.

Сами сотрудники музея пополняли фонды путем закупок уникальных предметов на рынках и передачи в фонды своих собственных. Редкие рукописи, документы и предметы поступили от В.Г. Краснянского, А.Р. Бродовского, И.Д. Василевича, В.В. Добровольского.

Проследим в общих чертах, какими же материалами пополнились коллекции музея в 1925–1928 гг.

Археология. В Книгах 1-й и 2-й за период с 1925 по начало 1928 г. выявлено порядка 70 записей поступлений предметов археологии в количестве около 110 предметов³. Основную часть из них составляют находки, относящиеся к каменному веку – порядка 62 предметов. Среди них, прежде всего, каменные орудия, сверленные топоры (21 ед.), кремневый молоток, и долотовидные орудия (23). Каменных наконечников стрел два; один наконечник копья (или дротика), а также, предположительно, скребок и кусок кремня со следами ретуши, пращевые камни. Каменные орудия находили и приносили в музей люди разных возрастов и занятий, жители города и сельских районов. Часть орудий поступила от Галькевича (17 ед.), собравшего их в окрестностях Витебска; часть от Николая Степановича Кравченко, жителя д. Крутое Городокского района. Еще один большой комплекс с редкими кремневыми экземплярами был приобретен у Высочанского епископа о. Михаила Свидаерского. Большой вклад в пополнение каменной коллекции внесли учителя Ангелина (отчество не указано) Сенкевич, А.К. Супинский, Я.И. Сергеенко, А.Ю. Овсянко. Информация о географии находок каменных

³ Подсчитать точные цифры невозможно, так как записи ограничиваются зачастую лишь названиями комплекса без указания количества («материалы из ...»). Это касается и остальных коллекций.

орудий представлена в Приложении 1 (Дадатак 12). На сегодняшний день в фондах УК «ВОКМ» выявлено 14 каменных долотовидных орудий (Дадатак 12, фота 1) и 5 сверленных топоров (Дадатак 12, фота 2) из этих поступлений.

Украшения и предметы культа представлены очень скромно. Свинцовый перстенок, найденный вместе с монетами в устье Витьбы дочерью директора Витебского педтехникума Авхименя. От Григория Чернявского поступил латгальский воинский браслет (Дадатак 12, фота 3), найденный в с. Лужесно на поверхности вспаханного огорода [9, с. 20–21]. Особый интерес представляет зооморфная привеска-амулет «коник», найденный на вспаханном поле, на откосе большой горы около усадьбы коллектива «Братство» в 1925 г. и переданная в музей Николаем Степановичем Кравченко. Привеска сохранилась в фондах, и сегодня ее можно увидеть в Ратуше на экспозиции «Древний Витебск» (Дадатак 12, фота 4). Из случайных находок следует отметить несколько предметов христианского культа. Это крест-реликварий, найденный на вспаханном поле у с. Крутое Городокского района, а также «старасвеецкая медзяная іконка»⁴ с рельефными изображениями святых со следами эмали и верхняя часть «маскальсага крыжа нагруднага», обнаруженные в 1924 г. директором 7-й школы А.К. Супинским в районе Оршанского шоссе [3, л. 102 об. – 103, № 2078 и 2081]. Сюда можно отнести и нательный двухсторонний медальон с изображениями Игнатия Лойолы и Франциска Саверия.

Пополнили коллекцию и приобретенные на базаре три старых ключа и замок, а также глиняная орнаментированная курительная трубка, закупленная у жителя по фамилии Слава. Особый интерес вызывают витебские находки, поступившие от чулочной фабрики (современная территория драмтеатра в Витебске), найденные при земляных работах во дворе фабрики на глубине 3 м в насыпном грунте. Это медный ковшик и железная бутылочка [3, л. 106 об. – 105 (7), № 1090–1091]. На территории сада (при фабрике? – *Н. Ш.*), на глубине 5 аршин, в сохранившемся срубе был найден костяной гребешок, поступивший в музей 21 мая 1927 г. Как указывалось в записи, земля в срубе и вокруг была черная [3, л. 103 об. – 104, № 1066].

Три записи в Книгах поступлений свидетельствуют о находках оружия. Так, на размытом берегу р. Суходровка около д. Бураки были найдены «піка з кургана XII в.» и боевой железный топор, вероятно, из одного кургана [2, л. 87 об. – 88]. Находки передал музею М. Михалочкин. Большое копье или рогатина «знойдзена пры ачыстцы ракі Чарнышанкі пры ўпадзенні ў Скрыдлеўскае возера» [2, л. 89 об. – 90, № 947] передано И. Галькевичем. От А. Супинского в музей в июле 1925 г. поступила «коллекция находок раскопок кургана Лятохи» без перечисления и описания материалов [3, л. 6 об. – 7, № 76]. Результаты этих раскопок были опубликованы [6]. Еще

⁴ Здесь и далее при цитировании архивных документов орфография и стиль оригинала сохранены.

один витебский наставник – Яков Иванович Сергеенко – плодотворно сотрудничал с музеем. С северо-восточного берега Бабиновского (Бабиневского?) озера (около д. Заречье) в музей поступили «25 осколков курганной керамики», найденные им и его учениками в 1926 г. Вместе с керамикой был передан «кусочек кремня с ретушью», найденный в том же году в Лиозненском районе «на южн<ом> берегу Зеленовского [Зеленского] озера, против д. [Зеленухи] [3, л. 106 об. – 107, № 2121].

Палеонтология. 17 записей поступлений (более 40 предметов). Жители Витебска и сельской округи активно приносили в музей окаменелости – зубы и кости мамонтов, рога туров, раковины моллюсков в кусках известняка, трилобиты, морской еж. Места находок – Витебск (Витьба, Двина, Лучеса, Сосонник), Подберезье, Барвин-Перевоз, Верховское озеро, притоки р. Каспля, Сенненский и Бешенковический районы, Городокский уезд и др. А.Р. Бродовский передал музею зуб тура, найденный в г. Луга Петроградской губернии. Активно пополняли коллекцию В.Г. Краснянский и житель Витебска Петр Шумский.

Оружие. 16 записей поступлений. Среди них две шпаги – одна чиновничья, конца XIX в., другая военного образца. Первая подарена сотрудником музея Валентином Добровольским и принадлежала его отцу. Вторую шпагу подарил музею Александр Прибыткин, у которого музеем были закуплены (за 50 копеек) солдатский русский тесак середины XIX в. и четыре солдатские металлические каски. Пятая «российская стальная каска времен русско-немецкой войны» была найдена в Витебске [2, л. 102 об. – 103, № 1062]. В октябре 1925 г. витебские пионеры Бескин, Гордин и Прус (имена не указаны) принесли в музей две артиллерийские гранаты. Одну, с двумя медными кольцевыми выступами, они обнаружили в подвалах Успенского собора, а вторую, с одним выступом и «без затычки», нашли на берегу З. Двины «каля был<ога>ляснога двара» [3, л. 12 об. – 13, № 143]. Коллекцию боеприпасов дополнили два каменных ядра (оба из Витебска). Одно «ядро от баллисты» было найдено в земле на 2-ом Елагском переулке и подарено музею учеником 11-й школы Александром Остаповым. Второе ядро принес в музей гр. Петрушенко. Оно было найдено в Двине, напротив здания бывшей бумажной фабрики. Три записи свидетельствуют о поступлении огнестрельного оружия – маджары (сальютовки) и двух пистолетов. В феврале 1926 г. из Витебского окружного суда музею передали «пiсталет капсюльны, расiйскi; на рамочнай дошцы № 864, на наканечнiку – 66», проходивший как вещдок по делу П.А. Васильева [2, л. 71 об. – 72, № 1544]. Второй пистолет – кремневый, как записано в Книге поступлений «з Запарожскай сечы XVIII века», [2, л. 87 об. – 88, № 916] поступил одновременно с маджарой (сальютовкой) XVIII в. [2, л. 87 об. – 88, № 917]. Сведения об источнике поступления и месте обнаружения отсутствуют. В книге поступлений значится, что ученик профтехшколы металлистов Бенъямин Флейс нашел на Канатной улице в саду

дома № 54 «у зямлі на гл. 1 аршин тапор ваенны XVI ст.» [3, л. 15 об. – 16]. Не менее интересную находку принес ученик польской школы Караффа-Корбут Мечислав Геронимович. Это был «“бердыш” без ручки, адзін з канцоў адломаны, з нарысам слона і надпісам арабскімі літарамі», найденный в 1924 г. при постройке землянки около Суражского тракта [3, л. 3]. Этот предмет сегодня хранится в фондах ВОКМ (Дадатак 12, фота 5; ВОКМ КП 7203). Еще один «бердыш медзяны з жалезнай кароткай ручкай, з рысункамі львоў па кутом, з надпісам арабскімі літарамі» был найден в земле склепа под домом № 55 на Нижне-Петровской улице в 1925 г. гражданином Улаком [3, л. 102 об. – 103, № 2080] (Дадатак 12, фота 6; ВОКМ КП 7204). Передал в музей эту находку А.К. Супинский.

Нумизматика и клады. В рассматриваемый период в фонды музея поступило два клада. В ноябре 1925 г. Н.И. Касперович передает монеты из клада, «знойдзенага ў Добрамыслянскай воласці» [3, л. 18, (№ 157–257)]. Это российский медные монеты XVIII в. Клад состоял из 43 монет «деньга» – 34 ед. (1730 г – 1 шт.; 1731 – 10 шт.; 1734 – 4 шт.; 1735 – 6 шт.; 1736 – 3 шт.; 1737 – 3 шт.; 1738 – 4 шт.; 1739 – 2 шт.; 1746 – 1 шт.; 1747 – 1 шт.) и «полушка» – 9 ед. (1731 – 4 шт.; 1735 – 4 шт.; 1737 – 1 шт.). Самая поздняя монета – 1747 г., самая ранняя – 1730 г.

28 сентября 1926 г. Витебский окружной коммунальный отдел передал музею клад пражских грошей из 792 монет, найденный в Витебске «в саду им. Ленина при земляных работах на г<лубине> 1 ½ аршина» [3, л. 108 об. – 109].

Еще две монеты из клада, найденного в Биручинском повете Воронежской губернии в жбане (вес несколько фунтов), поступили от Ивана Дмитриевича Матвиевского. Монеты, вероятно, относятся к периодам правления Ивана Грозного и Бориса Годунова [3, л. 4 об. – 5, № 51, 52].

Ккладам предположительно можно отнести и комплекс из 22 предметов, переданных музеем в ноябре 1925 г. Львом Давидовичем Вольфом. Это 17 российских медалей XIX – начала XX в., 1 жетон, румынский железный медаль-крест и три монеты 1860-х гг., а также «брошка з манеты» [3, л. 17 об. – 18, № 199]. Если верить легенде, все эти предметы были «адабраны ад дзяцей у м. Полацку, якія знайшлі іх у жаночым манастыры» [3, л. 16]. Перечень предметов клада см.: (Дадатак 12; Приложение 3).

Нумизматика. 128 записей поступлений (с учетом поштучной записи Добрамыслянского клада), включающих около 380 монет (без учета витебского клада пражских грошей – 792 монеты). Это поступления комплексов и единичных монет разных периодов, преимущественно российских и польских, от граждан, нашедших их или «купивших на рынке». Хронологические рамки коллекции – XVI – начало XX в. (без кладов) и XIV – начало XX в. с кладами. Часть из этих монет поступила в виде дара, немалая часть была закуплена музеем. 35 записей поступлений включают иностранные

монеты европейских государств общим количеством порядка 118 единиц. Среди них монеты Речи Посполитой – гроши Сигизмунда III, орты, солиды Яна Казимира; польские золотые XIX в.; рижская и прусская монеты XVI–XVII вв., монеты Германии 1860–1916 гг., среди них 3 копейки 1916 г., выпущенные для оккупированных восточных территорий Российской империи; монеты XIX в. Греции, Бельгии, Австрии, Румынии, Венгрии. Среди закупок талеры – бельгийские 1662 и 1648 гг. (от Г. Кравченко и К.С. Матвеева), испанский 1625 г., найденные в Витебском и Сенненском районах, австрийский талер 1780 г. Марии-Терезии (от П. Кравцова). Российские монеты (порядка 262 единиц) зафиксированы в 97 записях. Это серебряные рубли (28 единиц) периодов правления Анны Иоанновны, Иоанна Антоновича, Елизаветы Петровны, Петра III (1762), Павла I, Александра I, Николая I, Александра III, Николая II; полтины 1711, 1798, 1845, 1850 гг.; полуполтины Елизаветы Петровны и Николая I; гривенники (1733, 1757, 1769, 1771, 1802), пятаки, начиная со времен Анны Иоанновны и до Александра II. Монеты номиналом 1 копейка представлены годами чеканки начиная с 1710 г. Также дополнили коллекцию монеты достоинством ½, ¼, 2, 3 копейки XIX – первой четверти XX в. XVIII в. отражен так же медными монетами – деньга, грош, полушка – чеканки с 1730 по 1770 г. Чешуйки представлены единичными монетами времен правления Ивана Грозного, Федора Иоановича и Бориса Годунова. Предметы нумизматики приносили в музей люди разных возрастов и занятий. Активными сдатчиками был ученик 11-й школы Александр Остапов, поступили монеты также от жителей Витебска П. Кравцова, А.Д. Кисельгофа, М.Г. Гинзбурга и его внука Марка Оскаровича, И. Галькевича, К. Матвеева. Техник общественных работ Забежинский (инициалы отсутствуют) передавал в музей монеты, найденные рабочими при земляных работах в районе Шидловщины и в роще Маркова монастыря; этот список может быть продолжен. В эти годы были возвращены музею похищенные экспонаты. В Книгу поступлений 1 под одним номером 1114 включены поступившие 12 января 1928 г. из «криминального розыска» 38 серебряных монет и одна российская медаль с надписями: «30 августа 1818» (на одной) / «РА.ЕАСТАПРЕЕКСCHNЕЕКСА 17 февраля 1866» – на др. стороне, проходившие по делу кражи в музее в 1924 г. Это серебряные рубли времен Анны Иоанновны (годы чеканки 1732, 1733, 1735, 1737, 1738, 1739, 1740), рубли Елизаветы Петровны, Николая I, Александра II и Николая II; «большая китайская серебряная монета»; талеры бельгийский (1622) и мексиканские (1873 и 1888), талеры Фридриха Вильгельма IV Прусского (1860) и Вильгельма V (1866), а также французские франки и пиастры для Индокитая, австрийские кроны, немецкие марки, английские рупии для Индии, 5 лир короля Сардинии, голландские гульдены, румынские леи XIX – начала XX в.

Бонистика: 140 записей порядка 352 единиц поступлений, из которых 339 передали музею два человека – инспектор Окружного отдела народного образования Николай Касперович и житель Витебска Давид Рушоник. Хронологические рамки предметов коллекции – 1898–1924 гг. Из всех денежных знаков только 21 иностранные. Это одна купюра – 5 динар Сербии 1917 г. и три «Южной Славии» (2 кроны, 1 и 1/4 динара 1921 г.) и 17 купюр Польши – номиналы 1 марка 1917, 1919 гг.; 50, 50 000, 100 000 марок 1919, 1922–1923 гг. Остальные 331 – бумажные денежные знаки и ценные бумаги Российской империи, Временного правительства, периода Гражданской войны и РСФСР. В ноябре 1925 г. Н. Касперович передал музею 127 денежных знаков. Из них 12 купюр Польши номиналом 1 марка 1917 и 1919 гг. и 115 российских. Среди последних – кредитные билеты в 1, 5, 10 руб. 1898–1909 гг. Российской империи. Деньги Временного правительства – казначейские знаки в 20 и 40 руб.; кредитный билет в 250 руб. Бумажные денежные знаки в 5 коп. и 15 коп., 20 коп./марки; расчетные знаки РСФСР (1, 2, 3, 30, 60 руб.); Государственные кредитные билеты – 1918 г. (номиналы 1, 2, 5, 10, 50 руб.); государственный денежный знак – 100 руб. 1922 г. От Давида Григорьевича Рушоника 29 сентября 1927 г. поступила богатая коллекция бумажных денег и ценных бумаг Российской империи 1900–1917 гг. периода Гражданской войны и коллекция советских дензнаков 1918–1923 начала 1924 г., порядка 212 единиц (из-за исправлений в записях цифра требует уточнения). Профессионально собранная коллекция включала по 2 экземпляра рублей всех номиналов, выпущенных с 1898 по 1912 гг.; бумажные расчетные знаки 1918, 1919, 1921 гг. (все номиналы); денежные знаки 1922 и 1923 гг. (все номиналы, включая дробные рубли и купюры разных выпусков) и 5 бумажных копеек 1924 г., а также бумажные копейки, деньги-марки (номиналы 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50), годы не указаны, и керенки. Значимым было наличие в коллекции ценных бумаг: 4 % билеты в 25, 50, 100 руб. – 1914–1915 гг.; купон на 25 руб. от облигации в 1000 руб. 5 % займа 1915 г.; 5 % облигации «займа свободы» в 20 и 100 руб.; купоны 40 руб. и 100 облигаций этого же займа соответственно на 1 руб. и 2 руб. 50 коп.; купоны билета «Дзяржаўны скарб» на 1 руб. и на 2 руб.; краткосрочные обязательства государственного казначейства в 25 и в 50 руб., Омск, 1 мая 1919 г.; билет на 200 руб. выигрышного 4% займа 1917 г. «со штампом Сибревкома» 1920 г.; билеты лотерей Красного Креста 1920 г., «Помощь голодающим» 1921 г.

Частично представлены деньги времен гражданской войны: украинские 50 карбованцев, 2 гривны, «юденическая» 1 марка; «деникинские» 500 руб. и 100 000 руб. 1918 г. Эту небольшую коллекцию Рушоника дополняли «25 рублей крымских и 500 рублей врангелевских», полученные от жителя Витебска Левитана, и «кредитные билеты Ростовской-на-Дону конторы Госбанка 1918 г.», поступившие от неизвестного лица.

Сфрагистика. 24 записи поступления печатей (в том числе штампов и перстня-печати). Среди них личные печати частных лиц и печати организаций. Это случайные находки из Витебского, Высочанского районов, Оболи. Большое количество записей печатей без указания места и обстоятельств находок (от И. Галькевича). Среди поступлений печать «Міністэрства загранічных спраў Беларускай Народнай Рэспублікі», которая была «атрымлена Я.І. Васілевічам у студзені ў Менску» и передана музею бывшим председателем Рады министров Белорусской Народной Республики А.И. Цвикевичем [2, л. 74 об. – 75, № 799/1667]. Медная печать с выгравированной надписью «Варшаўская фабрыка обуві Я. Бадхан» была закуплена за символическую плату у жителя Витебска Славы [3, л. 103 об. – 104, № 2091]. Витебская землеустроительная комиссия в 1927 г. передала музею комплекс из двух печатей для земельных актов, печати для пакетов землемера землеустроительных комиссий и медной цепи с жетоном землемеров с надписью «Каждый при своем». От сотрудника музея А.Р. Бродовского поступили печати Витебской городской Думы, маклера и нотариуса П. Савостеева. Сотрудник музея Валентин Добровольский передал печати бискупа Мартусевича (1827–1833).

Фалеристика. Коллекция орденов, медалей, жетонов – 28 записей (порядка 80 предметов⁵). Поступления получены в дар или закуплены у частных лиц в виде единичных предметов или комплексов. Семь российских медалей подарил активно сотрудничавший с музеем учитель Михаил Иванович Таберко. О поступлениях от Л.Д. Вольфа (16 предметов) сказано ниже. В 1927 г. в Книгу 1 было одновременно и, возможно, в спешке внесены найденные в Витебске и прилегающих к нему районах 29 российских медалей. Как следует из записей, 17 из них были собраны Галькевичем в окрестностях Витебска и «Ю<го>-Витебском районе» [2, л. 98 об. – 100, № 1022–10296, 1030–1033, 1035–1036 б]. У остальных 12 предметов информация об источнике отсутствует, но место выявления в ряде случаев указано. Имеются предположения, что эти предметы также поступили от И. Галькевича. В коллекции представлены наградные и памятные медали, жетоны, должностные знаки Российской империи, Временного правительства и Советской России. Исключение составляют шесть иностранных медалей и жетонов: румынский наградной медаль–крест «За переход через Дунай» (внесен в Книги поступлений как железный крест с надписью «TRCEREA» 1877 DUNĂRII»), пред-

⁵ Точное количество указать невозможно, во-первых, из-за краткого описания предмета, по которому неясно, к какой коллекции его можно отнести и, во-вторых, при перенесении записей из одной книги в другую сделаны описки, изменяющие назначение предмета. Например, в Книге 2 записано: «Верхняя частка бронзавага **маскальскага** крыжа /нагруднага/» [3, л. 102 об. – 103, № 2081], а в Книге 1 этот предмет записан как «Верхняя частка бронзавага **вайсковага** крыжа /нагруднага/» [2, л. 76 об. – 77, № 807/2081]. В коллекцию медалей поступил и «сталісман медзяны з ізабражэньнем Георгія Пабеданосца, а з другога боку карабель з парусам» [2, л. 96 об. – 97, № 1012]. Многие жетоны были записаны как медали.

назначенный для награждения русских солдат за переход Дуная во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (2 ед.); «медаль Британии 1806 г.»; «немецкий жетон»; жетон в память 1600-летия Медиоланского эдикта (313–1913) с надписями на польском и латинском языках; два «медных сионских знака» (памятные жетоны в честь Э. Ротшильда – М. Монтефиоре и юбилея колонии Ришонле-Цион).

Хронологические рамки предметов, поступивших в коллекцию фалеристики, – 1794 – начало 1920-х гг.

Медали военные наградные, юбилейные и памятные. Самой старой в коллекции по времени появления стал выпущенный при Екатерине II крест за взятие Праги (предместья Варшавы) в 1794 г. во время восстания Т. Костюшко, найденный в Высочанском районе. Это третий по счету в Российской Империи наградной крест после Очаковского и Измаильского. Кресты должны были получить 1361 человек. Польская тема представлена наградами XIX в. – тремя медалями за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг. У К.С. Матвеева музей приобрел вместе с серебряными монетами⁶ серебряную медаль за усмирение Венгрии и Трансильвании в 1849 г., а также и медаль в память победы при Гангуте 27/VII 1714 г., одну из последних наград, учрежденных Российской империей.

Пополнили фонды *награды в память военных кампаний XIX и начала XX в.* В их числе медали в память войны с турками 1828–1829 гг.; в память Крымской войны (3 ед.), защиты Севастополя 1854–1855 гг. (в Книгах поступлений внесена как «в память обороны Севастополя»); в память войны 1877–1878 гг.; в память войны с Китаем 1900–1901 гг. («За поход в Китай» 1900–1901 гг.) (2 ед.); медаль в память русско-японской войны 1904–1905 гг. (2 ед.); медаль и жетоны в память Первой мировой войны и бронзовая медаль за труды и хорошее выполнение всеобщей мобилизации 1914 г. Широкое празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. нашло отражение в комплектовании фондов. Коллекцию дополнили три медали и жетон, посвященные этому юбилею (три переданы Вольфом и один Галькевичем).

Медали, связанные с событиями Императорского двора Романовых. Медали в память царствования Анны Иоанновны, Петра I, Павла I, Николая I, коронации Николая II, в память установления памятников Александру II и Александру III. Медали в память 1000-летия России и 300-летия дома Романовых. Последняя, выпущенная массовым тиражом, представлена шестью экземплярами (от Таберки, студента Лившица и школьника Остапова, две награды изклада Вольфа с разными штампами). Жетоны и медаль в память посещения России французскими президентами Ф. Фором (1897) и Э. Лубэ (1902 г.).

⁶ Бельгийский 1648 и испанский 1625 гг., талеры, найденные в 1925 г. в д. Новоселки Сенненского р-на при вспахивании огорода, римская серебряная монета 1594 г., серебряные 10 коп. 1802 г., прусская серебряная монета 1625 г. и 5 злотых польских 1829 г.

Медали событийные, связанные с государственными реформами и преобразованиями – в память 50-летия освобождения крестьян (от Добровольского), столыпинская «Не пугаете» (от Таберки); в память воссоединения униатов с православной церковью.

Памятные и юбилейные медали государственных, общественных организаций и учреждений, медали в память государственных деятелей. В мае 1926 г. музей приобрел у Ф. Гофмана настольную медаль «В честь графа Н.П. Шереметьева» (1804)⁷, в Книге поступлений внесенную как «медную медаль с изображением Н.П. Шереметьева на одной стороне и группы из трех лиц и надписью «Милосердово» на другой», найденную при земляных работах на ул. Грязно-Петровской в Витебске [3, л. 103 об. – 104, № 2093]. Она и сегодня хранится в фондах ВОКМ (Дадатак 12, фота 7). Также из Витебска поступила бронзовая медаль «В память 50-летнего служения князя С.М. Голицына почетным опекуном Московского Опекунского совета, 26 марта 1857 года» от И. Галькевича (ВОКМ КП 5448). Франц Ковалевский, ученик 10-й школы, подарил музею бронзовую медаль в память Т. Костюшко.

Учитель В.М. Таберко преподнес в дар музею серебряную медаль «В память 25-летия церковно-приходских школ» 1884–1909 гг. (Дадатак 12, фота 8. ВОКМ 5292) и медаль Московской выставки 1885 г. Другой учитель А.А. Новиков подарил «медзяны мѣдаль ад міжнароднай выстаўкі “Детскі́й мі́ръ” за рукамясты узорнай школе пры Полацкім жаночым духоўным вучылішчы (и грамота к ней)» [3, л. 1 об. – 2]. Коллекцию дополнили: медаль в память французской выставки в Москве в 1891 г., медаль от выставки Курского губернского земства «За успешные труды по с/хозяйству», медаль бронзовая за лучшую крестьянскую лошадь от Управления государственного коневодства, медаль за труд по первой всеобщей переписи населения 1897 г. Поступили в коллекцию и должностные знаки сельского старосты и знак «Земский начальник / 1889 г., 12 июля». Несколько особняком стоит рекламный жетон средства для роста волос «Перуин» 1905 г. (от Галькевича).

Медали и жетоны в память представителей литературы, искусства. У жительницы Витебска Телекиной (инициалы не указаны) был закуплен настенный медальон, а у неизвестного лица – медаль в память А. Мицкевича. Пополнили коллекцию жетон в память Н. Гоголя и М. Лермонтова и жетон с портретом Л. Толстого, выпущенный после Февральской революции.

Награды Временного правительства и первых лет советской власти представлены медалями и жетонами в память Февральской и Октябрьской

⁷ Николай Петрович Шереметьев (1751–1809) – граф, действительный тайный советник, сенатор. Покровитель искусства. Женился на своей крепостной актрисе П.И. Жемчуговой-Ковалевой, которой дал вольную. В 1793–1803 гг. отстроил Странноприимный дом в Москве, ныне здание Московского НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. В честь этого Сенатом была отчеканена памятная медаль.

революций, а также медалями (жетонами) с изображениями Керенского и Ленина. К этой теме относится жетон в память Парижской Коммуны.

Ткани, народный костюм. 45 записей в Книгах поступлений. Из них только три записи передачи – дарения, остальные 42 – закупка. Это связано с деятельностью по подготовке к участию в парижской выставке, для которой, в первую очередь, отбирались образцы народного творчества, а именно ткачества. Созданная специальная комиссия по подготовке к участию в парижской выставке отбирала и закупала по деревням Витебской округи самобытные образцы, заказывала у мастериц новые изделия. Те предметы, которые на выставку не прошли, было решено передать музею, который оплатил их стоимость. Некоторые предметы были куплены у владельцев самим музеем. В результате там сложилась интересная коллекция самотканых постилок (5 ед.) и образцов домотканой материи в кусках (11 ед.), поясов (22 ед.) и рушников (21 ед.). В богатой коллекции поясов были представлены изделия разных размеров и цветов (красно-зеленые, красно-зеленые с белым, лилово-малиновые, красно-лиловые, серо-зеленые и др.). Самым дорогим (1 руб. 50 коп.) оказался пояс «саматканы, шырокі, з рознымі ўзорамі» [3, л. 68 об. – 69, № 1476], приобретенный с другими тремя поясами за 30–50 коп. у И. Барисенко из д. Рябцево Яновического с/с Суражского района. Рушники простые, вышитые простым узором, с вышитым или тканым орнаментом, с накладным узором закупались по цене от 1 до 3 руб. За один, как записано в книге «Мастацкі рушнік», было уплачено 10 рублей [3, л. 67 об. – 68, № 1465]. Один из рушников с вышитыми концами имел длину 2,5 м. Он был закуплен у жительницы Витебска Дубровской [3, л. 68 об. – 69 № 1480]. В Книгах поступлений сохранились фамилии мастериц этих изделий. Приобретены для коллекции были «сарпінка белая з сінім», «спадніца» [3, л. 67 об. – 68 № 1459, 1479], фартуки, чепцы, полотняная куртка; «кілік парчовый» из Суража от Татьяны Дорофеевой [2, л. 105 об. – 106, № 1086]. Самым дорогим (25 руб.) экспонатом, закупленным для этой коллекции, оказалось «чучело типа белорусской мешанки» [2, л. 104 об. – 105, № 1087]. Значимым приобретением стала закупка у гр. Баскина (инициалы отсутствуют) из Суража за 11 руб. 50 коп. 12 досок для набоек [2, л. 104 об. – 105, № 1079]. Две записи дарения свидетельствуют о поступлении в музей пяти листов картона с наклеенными на них кусочками образцов домотканой материи, собранными учениками 1-й Городокской семилетней школы по деревням района у местных мастериц⁸. Еще один подобный лист был передан Старосельской профтехшколой ткачества. На нем наклеены образцы изделий учащихся школы. Необходимо отметить поступление образцов трикотажных изделий Витебской фабрики «КИМ».

Предметы быта, орудия труда, образцы продукции предприятий. Порядка 148 записей (цифра требует уточнений, в некоторые записи включено

⁸ Фотографии этих образцов тканей опубликованы хранителем коллекции «Ткани» УК «ВОКМ» С.В. Соловьевой [7, с. 74–78].

от 10 до 120 предметов). Из Тадулинского монастыря поступили: 1. Невялічкая скрынка з чорнага мармуру з надпісам на крышцы: «Аб 1746», знойдзена<a> у склепе царквы Тадулінскага жаночага манастыра /напэўна, для рэліквій [3, л. 13 об. – 13, № 140]. 2. Бутыль с медной трубкой – некое физическое приспособление, осталась в Тадулинском монастыре от женского училища [3, л. 13 об. – 13, № 141]. 3. Часы XVIII ст. с гравировкой на циферблате: «Joseph Zenning, London» [3, л. 74 об. – 75, № 1669]. Еще одни, но уже солнечные часы конца XVII в., медные с компасом были найдены в д. Крынки Высочанского РИК. Вещь каменная, похожая на рюмку, найденная в Полоцке; медная кружка (сотка-мерка) найдена на месте корчмы в д. Шилки на Сенненском большаке; оригинальная медная чернильница из д. Ляпино (Ляпихи?) до войны поступила в коллекцию археологии. Ныне хранится в коллекции «Антиквариат» КП 3669 или 3670 (Дадатак 12, фота 9).

Несколько предметов ДПИ: изделия мастеров-кустарей из д. Подберезье – деревянная шкатулка, инкрустированная соломой и пеньковая лента-закладка оригинальной работы. «Кошук» из бересты с затейливым орнаментом поступил из д. Шилки. Безмены (целый 1824 г. и фрагментированный с буквами МК). Безмен 1824 г. вместе с сохой с двумя железными лемехами в сентябре 1926 г. приобретен за 2 руб. в д. Лозово Сенненского района у крестьянина Корнея Максимовича Савицкого. Оттуда же, но от Степана Савицкого, были получены два кирпичика «от старой дорожной постройки времен Екатерины II» [3, л. 108 об. – 109, № 140]. Модели рыболовных «снарядов» за 3 руб. были приобретены в Городке у М. Полесского. Щипцы для снятия нагара со свечей из д. Ляпино Южно-Витебского р-на, две створки формы для приготовления пасхи, найденные на чердаке дома № 12 по ул. Пушкинской в Витебске. Портсигар серебряный с оттиском на одной стороне медали в память мира со Швецией в 1744 г., найденный летом 1927 г. в р. 3. Двина в песке при купании, был передан начальником 3-го отделения Витебской городской милиции [2, л. 114 об. – 115, № 1125]. В сентябре 1925 г. житель Витебска Давид Дынер подарил музею графин из толстого граненого стекла, а в январе 1927 г. забрал его [3, л. 11 об. – 12, № 137].

С выставки, приуроченной к открытию I-го съезда Советов Витебской округи, поступили изделия учащихся Городокской профтехшколы металлистов – клещи, гайки, зубило, кронциркули, плоскогубцы, замки, ключи и другие инструменты [3, записи поступлений № с 710 по 823]. От Витебской игольной фабрики была получена картонная папка с надписью «Успех к достижению социализма в поднятии производительности труда. От рабочих и служащих игольной фабрики в Витебске». На куске красной материи были выложены серп и молот из 102 иголок разного вида [3, л. 59 об. – 60, № 1053]. В таком виде были представлены на выставке, а затем поступили в музей образцы продукции этой фабрики. В музей были переданы образцы продукции, изделия и информационные материалы витебских предприятий,

учреждений и организаций⁹, принявших участие в этой выставке. Предметы «фабрычна заводскай прамысловасці Віцебшчыны ў ліку 605 экспанатаў і 162 дыяграм» [1, с. 199] стали основой специально созданного нового музейного подразделения «*Отдела современной промышленности*». В 1927 г. отдел пополнился экспонатами с окружной выставки, организованной к 10-летию Октябрьской революции. Это увеличило количество предметов до 707, а диаграмм до 404 [1, с. 202]. На базе этого отдела планировалось в будущем создать самостоятельный политехнический музей [1, с. 202].

Предметы церковной старины. Порядка 57 записей поступлений (некоторые записи включают от 3 до 18 предметов). Основное количество предметов (49) данной коллекции зафиксировано во второй по времени составления Книге 1 поступлений [3]. Вероятно, это предметы, собранные и подаренные музею И. Галькевичем и условно распределенные по следующим комплексам.

Церковная утварь. Оловянные чаша и два униатских подсвечника были «знойдзены у царкве каля Сянна» [2, л. 93 об. – 94, № 975–977]. Оловянные лжица с чашей из Скрыдлевской церкви. Жестяный дискос с изображением жертвенника и оловянный ковшик для питья из Обольской церкви Богушевского района.

Иконы. Икона неизвестного святого, подписанная латинскими буквами, и «Образ на дрэве эпіскапа Ніканора, абкладзеныя срэбрам і абшытая палатном», оттуда же [2, л. 93 об. – 94, № 968]. У священника, вероятно, этой же церкви на чердаке была найдена и забрана в музей икона Митрофана, епископа Воронежского 1838 г., хорошо сохранившаяся, местной работы [2, л. 93 об. – 94, № 982]. Среди поступлений следующие иконы: Николай Чудотворец (из д. Колки(?) Южно-Витебского района); Мадонна итальянского письма (из д. Шилки), Благовещение (д. Шилки, из разрушенной церкви), Георгий Победоносец с надписями латинскими буквами, 1737 (д. Бабиничи? Южно-Витебского района); Тайная Вечера, Мадонна, Христос (из д. Скрыдлево) [2, л. 94 об. – 95, № 984–987].

Единственная закупка для данной коллекции – четки коричневые, черные, лиловые, розовые (4 единицы) кустарной работы – приобретены 4 ноября 1926 г. у гражданки Людской (инициалы не указаны) за 5 рублей

⁹ *Предприятия:* Белгоспром: заводы № 1, № 2, № 3, № 4; Витебская игольная фабрика; картонная фабрика им. Воровского; кожевенная и обувная фабрики; льнопрядильная фабрика «Двина» им. К. Маркса; маслозавод; фабрика гнутой мебели «Смычка»; государственная очковая фабрика им. Розы Люксембург; государственный пивоваренный завод; стеклозавод «Новка»; толевая фабрика; Витебская чулочная фабрика им. Клары Цеткин; Витебский щетинный комбинат. *Учебные заведения:* Белорусский художественный техникум; Витебские профтехшкола металлстов; профтехшкола деревообработки; ФЗУ текстильщиков; 12-я еврейская детская трудовая коммуна; Городокская профтехшкола; Лужеснянская сельскохозяйственная школа. *Учреждения и организации:* Витебские окружные милиция, коммунальный отдел, финотдел и Госбанк, Госторгбел и Витокркомторг; Витебское земельное управление, Союз потребительских товариществ и Центр рабочей кооперации; Витсельсоюз; Витебский союз ремесленников (кустарей).

[2, л. 82 об. – 83, № 1 № 867/2150–870/2154]. Плетеные четки (материал не указан) были найдены в 1914 г. в Марковом мужском монастыре. «Караване Мадонны» (без указания предметного имени) найдено там же, «у грамадзяніна», как указано в описи [2, л. 93 об. – 94, № 983].

Резьба по дереву, перламутру, роспись по фаянсу. В деревне Оболь Богусhevского района был найден «Цыбар (цыборы)¹⁰ у выглядзе пеликана, выразаны з дрэва. Унізе цярновы вянец, на якім змешчаны птянцы. (Пеликан клюет грудь). У сярэдзіне пустата. Дзвер з замком» [2, л. 92 об. – 93, № 965], изделие местной работы XVIII в., полученный от сотрудника окружкама т. Галькевича [8]. Резные иконы «Георгій Пабеданосец, вырзаны на дрэве. Тонкая рэзная праца» и икона Феодосия такой же работы [2, л. 92 об. – 93, № 972–973] из д. Лядище. Крест с вырезанными фигурами из кипарисового дерева и надписью «1703» был найден в Замосточской церкви, а Распятие художественной работы из липового дерева найдено в д. Оболь Богусhevского района. Поступили в музей «Мадонна на перламутре» (из д. Гайдуки), «Вобраз Уваскрэсення Хрыста» на эмали (из Заручавско-Воскресенской церкви) и «Вобраз Мікалая на фаянсе з залатымі фарбамі» (Высочанский район) [2, л. 94 об. – 95, № 990, 992, 995].

Медное литье. Медные иконки-образки (Св. муч. Аникита, Гурий, Николай (2 ед.), Богородица «Благое молчание», крестики-тельники (в том числе старообрядческие) и «два священнических» креста. Пять медных литых складней (в том числе) с эмальями были найдены в деревнях Замосточского сельсовета. В 1927 г. Витебский исправительный дом передал, оставленный одним из заключенных, серебряный складень следующего описания: «Посредине Нерукотворный образ на перламутре под стеклом, с боков надписи: на левом – “Съ вышних призерал, убогия приемля, посети нас озлобленныя грехи, владыко”; а правом: “Всемилоitive, молитвами Богородицы даруй душам нашим велию милость” [2, л. 113 об. – 114, № 1115]. Еще одно, вызывающее вопросы (или его запись), поступление – “Образ Хрыста чугунны, добра захаваны. Знойдзены пры разрушэнні кургана ў Высочанскім [раёне]”» [2, л. 92 об. – 93, № 971].

В июне 1926 г. из Храповицкой церкви переданы по акту царские врата от иконостаса, три иконы старинной работы, четыре резных украшения от иконостаса. 13-го апреля 1927 г. в музей переданы, по причине обвала, 18 предметов из Витебской Черной Троицкой церкви (Дадатак 12. Приложение 3).

К предметам еврейского быта и культуры относится «Драўляны магільны жыдоўскі помнік з надпісам / сярэдзіна XIX стагоддзя» [3, л. 5 об. – 6, № 59], найденный на еврейском кладбище в Бешенковичах и поступивший в музей от Витебского окружного общества краеведения.

¹⁰ Циборий (дарохранилище) – ритуальный сосуд, предназначенный для хранения святых даров.

Живопись, графика, скульптура.

78 записей. Среди поступлений рисунок «Христос» работы итальянского художника с «надгробной каплицы гр. Храптовича» [2, л. 105], поступивший от Бешенковического Товарищества краеведения и самое дорогостоящее приобретение музея тех лет – работа Клевера «Лес» (закуплена за 225 руб. у Б.Н. Семевского). Житель Витебска Давид Дынер подарил музею малюнак «Юдыт» – неведомага мастака XVIII в. [3, л. 12 об. – 13]. Со слов сдатчика, рисунок был куплен им на рынке в Витебске. У жительницы г. Макаровой за 25 руб. был закуплен рисунок «Сад в цвету» работы Батурина. У Анны Ценнер был приобретен музеем за 15 руб. портрет ее деда, бывшего униатского священника, с надписью латиницей на обороте: «Portret S <...> Martyniana Studzienskigo Prowiza Bogojawlenskiey Witebskiey Cerkwi w R-u 1816-m 8 <...>. 8-o Dniawdzien Oktowy Panny Maryi Rozuncoweu i ixx Dominikanow Witeskich na Mszykazaniemowig sego w 32-m roku wieku swego» [3, л. 102 об. – 103, № 2084]. В 1925 г. упоминаемый выше Борис Николаевич Семевский подарил три карандашных рисунка видов Витебска 1850-х гг., оформленные в рамки. В феврале 1927 г. Евгения Рейнгольдовна Шуман преподнесла в дар музею работу «Вид Замковой ул. Витебска 1860 г. (с фотографии Юрковско-го)». В этом же году от Витебского окружного бюро краеведения поступил рисунок Бориса Угорца «Северное сияние 15–IX–26 г. в Витебске». Витебский художник Веретенников нарисовал для музея два рисунка: «Жыхар Віцебшчыны XI ст.», «Жыхарка Віцебшчыны XI ст.»¹¹ (стоимость каждой – 20 руб.) и портрет Якуба Коласа. Еще один портрет поэта работы художника Бразера был передан в 1927 г. Витебским окружным исполкомом. Рисунок маслом «Вид фабрики (бумажная фабрика “Чырвоная зорка”», выполненный рабочим фабрики Позняком, поступил с выставки к 10-летию Октября во Дворце труда.

Кобро М.И. (возможно, родственница Катаржины Кобро) подарила музею 36 портретов разных композиторов, несколько книг и шесть литографий из приложений к журналу «Нива» [3, л. 6 об. – 7; 69 об. – 70], а также альбом «Жанр и пейзаж – 100 картин русских и иностранных художников».

Осенью 1925 г. Витебский художественный техникум передал музею 32 работы¹² «з ліку карцін былога музэю левага напрамку, які знаходзіўся пры Віцебскім мастацкім тэхнікуме» [3, л. 26–29]. Среди них работы Гончарова, Герасимова, Зевина, Кандинского, Клюна, Кончаловского, Кузнецова, Кунина, Куприна, Ледантю, Лентулова, Моргунова, Машкова (по записям поступлений – Мошков), Родченко, Рождественского, Розановой, Рубина,

¹¹ Рисунки были использованы для оформления археологического раздела первой музейной экспозиции в Ратуше.

¹² Судьбы этой коллекции исследовал В.А. Шишанов [10, с. 42]. Там же список работ, принятых в музей В.Г. Краснянским [10, с. 100–111].

Степановой, Фалька, Федорова, Шагала¹³, Шевченко, Штеренберга, Экстера, Юдовина. От этого техникума поступают работы студентов Дежица, Гусева, Азгура, Волкова и других, экспонировавшихся на выставке, приуроченной к I-му Съезду Советов Витебской округи (Дадатак 12. Приложение 4). У студента выпускной группы техникума Азгура музей закупил три скульптуры в глине («Меняла», «Ф. Скорина», «Рабочий А.М. Эстнер»).

Филокартия. 17 записей. Среди них две открытки с литографиями рисунков И. Репина «Беларус» и «На кірмашы» поступили в мае 1927 г. от В. Краснянского; от него же, но ранее, в 1925 г. получены три открытки с видами Мстиславля («Замковая гора», «Церковь Тупичевского монастыря», «Синагога») и одна «Ворота костела в г. Вильно» от учителя А. Новикова. Другой витебский учитель – Г.В. Богданович подарил музею открытки «Гербы беларускіх воеводстваў», «Беларускі нацыянальны штандар», «Беларускія часопісы», «Arganizatar bielaruskago teatra Ignat Bujnicki» и семь открыток «Belaruskije туры».

Фотографии. 25 записей, более 170 фотографий. Одна художественная фотография в рамке «Від віцебскіх – фары і харальнай сінагогі (ў) пачатку [18]60-х» вместе с тремя карандашными рисунками Витебска 1850-х гг., о которых говорилось выше, подарена Борисом Николаевичем Семевским, председателем секции мироведения Витебского окружного товарищества краеведения, проживавшего в доме Волковича по ул. Успенской (ныне ул. Крылова) [3, л. 6 об. – 7; 69 об. – 70]. От городского архитектора в апреле 1927 г. поступили две фотографии с руин Св.-Троицкой (Черной) церкви, сделанные во время ее осмотра комиссией. Иосиф Василевич сдал полученные от разных лиц 7 фотографий под названием «Сялянскія работы» и по одной фотографии «Дудар» и «Сяляне». С выставки, приуроченной к открытию I-го Съезда Советов Витебского округа, поступили фотографии предприятий и учреждений Витебска, участвовавших в ней. Среди них Лужеснянская сельскохозяйственная школа и ее хозяйства (17 фотографий); Витебская игольная фабрика (фабком и бюро ячейки КСМБ; внешний вид производственных отделений); Витебская государственная очковая фабрика им. Розы Люксембург (14 фотографий – бюро ячейки КПБ, внешний вид фабрики, ее корпусов, производств); бумажной фабрики «Красная зорька» (11 фотографий без описания). От Витебского городского коммунального отдела поступило 75 снимков (без подробной описи) «общественных работ по плану 1925–26 годов» [2, л. 118 об. – 119, № 1188–1262].

Рукописи и документы. 53 записи поступлений. Среди них «документы 1611 года на белорусском» от В.М. Рождественского и «документы XVII века на русском языках» от В. Краснянского; 3 Межевые книги 1783 г. Белозерского уезда Суцкого стана; рукопись на польском языке «Geneologia

¹³ В.А. Шишанов выдвинул предположение, что это была работа не Марка Шагала «Притон», а Николая Синезубова «Кабачок» [10, с. 55].

starozytnego Domu... Stretow i Obuliczow... » из м. Яновичи передана «через Угорца от III-й Окружной конференции т-ва краеведения» [2, л. 84 об. – 85, № 883/2169] и «Regestr roschodu cerkwi S. Błagowieszczeskiej Witebskiej Zaczety w roku 1795 Februaryj 1 dnia, /do 13/1–1832 г./» от Бродовского (купленная им на рынке в 1920–1922 гг.) [2, л. 6 об. – 7, № 65/81]. Рукописные документы XIX в. разнообразны. Это грамоты о присвоении чинов¹⁴, (в том числе об отставке и присвоении чина генерала полковнику Ререну за подписью Николая I), книга с разнородными записями конца XVIII – начала XIX в., документы о передаче земли и подтверждении прав на земельные владения. Учитель и краевед Николай Богородский получил от Сергея Петровича Сахарова¹⁵ и передал в музей архив протоиерея Федора Никоновича¹⁶, включавший дневники, письма, документы (Дадатак 12, фота 10). Благодаря деятельности Товариществ краеведения (краевого и районных) в лице Н.И. Касперовича и Д.М. Василевского, а также стараниями инспектора отдела охраны памятников В.В. Зенковича, фонды пополнили документы Витебского водопровода, Витебской городской Думы, планы городских зданий (губернаторского дворца, мужской гимназии, городского театра, духовной семинарии, частных домов (среди них дом Ханы Гуревич по Замковой ул.), витебских церквей Св. Духа, Иоанна Крестителя, проект церкви с. Вороны Лепельского уезда, планы тюрем в Велиже и Двинске и др. Михаил Викентьевич Мелешко (зам. заведующего Центрального архива БССР) передал музею рукопись А. Сапунова «Очерк Витебской губернии в естественно-историческом и географическом отношении»; Д.М. Василевский – рукопись К. Бутенева «Материалы для истории Бешенковичей». От С.П. Барщевского получено «Описание фресок Витебской Симеоновской церкви». В октябре 1925 г. в музей были переданы архив Витебского губернского бюро краеведения и его краткая история, составленная Даниилом Миновичем Василевским. От частных лиц поступили рукописные книги – Евангелие XV в. из церкви Пружанского повета (закупка) и «“Пінкосхевро тегілім” – книга т<аварыст>-ва псалмапеўцаў у Гольдынгене – 1820 г.» из синагоги м. Сиротино от Давида Дынера [3, л. 12 об. – 13, № 139].

¹⁴ Среди них имелись и документы из музея Виленского военного собрания. Например, Бриль Ефим Моисеевич передал Грамоту на чин полковника «3 Віленскага вайскавога сабрання / П папка № 340/» [3, л. 7 об. – 8, № 80].

¹⁵ *Сахаров Сергей Петрович* (1880, Полоцк – 1954, Рига) – этнограф, краевед, фольклорист. Окончил Витебскую духовную семинарию, Юрьевский (Тартуский) университет; работал преподавателем в гимназиях и Витебском учительском институте, секретарь Витебской ученой архивной комиссии (1911–1913); директор – организатор русской городской гимназии в Люцине (г. Лудза, Латвия). Возглавил Белорусский отдел при Министерстве образования Латвии (1921–1925), директор Двинской белорусской гимназии (1925–1932). В 1945 г. арестован и выслан в Казахстан. В 1950 г. возвратился в Латвию. Зять протоиерея Ф.И. Никоновича.

¹⁶ *Никонович Федор Иосифович* (1854–1911) – выпускник Витебского духовного училища и духовной семинарии; протоиерей, настоятель Свято-Успенского собора г. Люцина; член III Государственной думы от Витебской губернии.

Печатные издания.

Одна из самых многочисленных по количеству поступлений коллекция – более 500 записей. Среди поступлений богатый *комплекс материалов краеведческого характера*. Первый том «Витебская старина» А. Сапунова, каталоги архива и музея Витебской ученой архивной комиссии, «Описание предметов древности, поступивших в Витебское епархиальное церковно-археологическое древлехранилище», составленное Д.И. Довгялло и Н.Я. Никифоровским; работы П.М. Красавицкого и В.К. Добровольского по Отечественной войне 1812 г. Книги и брошюры А. Сапунова, «касающиеся Белоруссии вообще», полученные от автора и переданные в музей Д. Василевским [3, л. 12 об. – 13, № 141]. В фонды поступили издания, вышедшие в 1925 г. в результате плодотворной деятельности Белорусского товарищества краеведения. Это публикации Н. Богородского «Горад як прадмет краязнаўчага даследавання» и «А.П. Сапуноў і значэнне яго прац па даследаванні Віцебшчыны»; книга Ивана Петровича Фурмана «Крашаніна: матэрыялы да гісторыі яе ў Віцебшчыне», дар автора и др. В марте 1926 г. Николай Касперович передал в музей журнал «Крывіч» за 1925 г. Среди поздних поступлений – издания 1926 г. – книги «Вся Белоруссия по годам – адресно-справочная книга и календарь на 1926 г.» и «Экономічны нарыс БССР» Л. Авхимени – директора витебского педтехникума.

Коллекцию дополнили *местные периодические издания* – газеты «Витебский вестник» (разрозненные номера с 1911 по 1917 г.) с приложениями к № 44 и 45 за 1912 г.; отдельные номера газеты «Витебские губернские ведомости», «Известия Витебского губкома РКП и губисполкома» № 54 за 1924 г. с материалом «Присоединение Витебщины к Белоруссии». Поступили в музей и местные педагогические издания – журнал «Наша школа» (орган Витебского губернского отдела народного образования, № 1 и 2 за 1923 г.) и двухнедельник «Школа и революция» (орган исполкома Совета ученических депутатов Витебской губернии № 24–25 16/VIII–1919 г.). Из записей Книги поступлений следует, что наставник Белорусского педтехникума Г.В. Богданович подарил музею коллекцию белорусских зарубежных газет (опись отсутствует), а также отдельные номера газет «Наша праца», «Голас беларуса», «Беларуская школа ў Латвіі» и вырезки из газеты «Беларуская грамада ў Петраградзе». Оказался в фондах номер одной из самых крупных по тиражу провинциальных газет Российской империи «Киевская мысль» 1913 г. со стенографическим отчетом по делу Бейлиса¹⁷ (дар музею от Мовши Гиршовича Гинзбурга). Следует отметить фондирование «Программ спектаклей Витебского городского театра», отпечатанных в местной типографии.

¹⁷ *Дело Бейлиса* – судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 г.

Иностранные издания. Житель Ленинграда Я.Ф. Коссов (предположительно родственник витебских Коссовых) подарил принадлежащие ему «Kwartalnik Litewski» (1910) и книгу Франца Некосинского «Studyя, rozprawу і materyaly» (1899). Ряд изданий на иностранных языках подарили музею М.И. Кабро и ученик 11-й школы Александр Остапов.

Религиозная и духовная литература представлена книгами: Требник 1778 г. на латинице, найденный в «церкви около Сенно»; факсимильное издание 1823 г. Библии Гданьской 1632 г.; редкое издание «Лексикон славяно-русский» П. Брынды 1653 г.¹⁸, издание Кутейнского монастыря поступило от Витебской окружной комиссии краеведения из Маркова монастыря. Книга Акафист великомученице Варваре – (Киевская типография, 1777 г.) передана музею Отделением угрозыска Витебской милиции; была изъята при обыске у гр. Зенковича, которую получил в Успенском соборе [3, л. 7 об. – 8, № 79].

Издания по истории церкви. И. Никифоровский «Основная особенность старообрядческого раскола» (Самара, 1892); Н. Богородский «Значение деятельности греко-униатского митрополита Ираклия Лисовского в деле воссоединения униатов с православной церковью» (1910), И.Н. Малышевского «Западная Русь в борьбе за веру и народность» (1897).

Педагогическая, учебно-методическая литература. Это Устав и Программы учебных предметов, преподаваемых в женских училищах духовного ведомства, Памятная книжка Витебской дирекции народных училищ за 1902/1903 учебный год.

Анализируя записи поступлений, можно заключить, что в музей поступила литература из бывших учебных заведений духовного ведомства – Полоцкого и Паричского женских училищ, Витебских духовного училища и семинарии от лиц, связанных с ними. Основным поставщиком этих материалов был учитель Алексей Андреевич Новиков¹⁹, который, судя по всему, был хорошо знаком с этими учебными заведениями и их преподавателями. Паричское женское училище было представлено изданиями «История возникновения Паричского Св. Марии Магдалины училища духовного ведомства» (1885); «Паричское Св. Марии Магдалины училище духовного ведомства / заметки по случаю 50-летнего юбилея училища» (Санкт-Петербург, Синодальная типография, 1910 г., 135 с.), составленное его преподавателем Павлом Пороменским; некрологом Елизавете Евгеньевне Эксе (начальнице

¹⁸ Полное название: Лексикон славенорусский. Имен толкование / всечестным отцем кир Памвою Берындою протосигтелом фрону Иерусалимского згромаженный. – 2-е изд. – 3 типографии общежителнаго монастыря Кутейнскаго тщанием тояжде обители иноков типом издася, 1653. – 1–4 нн., 1–324 с.

¹⁹ Алексей Андреевич Новиков, в 1917 г. занимал должность инспектора классов Полоцкого женского епархиального училища в Витебске, в 1918 г. член Витебского епархиального управления. Входил в союз педагогов Полоцкой епархии, занимавшихся вопросом преобразования духовных учебных заведений в связи с принятием Советской властью Декрета об отделении религии от государства и школы от церкви.

училища). В последние годы появляются исследования о вышеуказанных изданиях [5]. Так, например, в них говорится, что несколько экземпляров книги П. Пороменского были преподнесены царствующей фамилии, так как под их покровительством находилось Паричское училище. В годы советской власти почти все экземпляры книги были уничтожены. На территории Беларуси не сохранилось ни одного [5, с. 257–258].

За скупыми перечислениями поступлений стоят конкретные люди, сыгравшие немалую роль в истории Витебска и Витебщины. Например, Павел Пороменский²⁰, Николай Богородский²¹, Даниил Василевский, Николай Касперович и др.

Обширная литература по Полоцкому училищу представлена «Отчетами о состоянии Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского училища» за каждый учебный год, начиная с 1896–1897 по 1912–1913 г. Эти отчеты го-

²⁰ *Пароменский (Пороменский) Павел Владимирович* (1881–1963) – выпускник витебских духовных училища и семинарии, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия, действительный член Санкт-Петербургского Императорского археологического института. Преподавал в Паричском и Полоцком женских училищах, Витебской женской Мариинской гимназии. В 1920–1930 гг. в Витебске работал учителем и завучем в ряде витебских школ (15-я, 7-я, железнодорожные школы при ст. Витебск, рабочая школа им. М. Горького), в кооперативном техникуме (с 1933 г.). Староста прихода Преображенской церкви с 1918 г. Не раз арестовывался. Во время Великой Отечественной войны заведующий церковным отделом Витебской городской управы. Благодаря его усилиям были возобновлены богослужения в храмах; организатор перенесения мощей преподобной Евфросины Полоцкой из Витебской Покровской церкви в Полоцк. Вместе с местным населением был вывезен немцами в Иллуэстский уезд Латвии, где был уездным представителем вывезенного населения. После освобождения Латвии Советской армией вернулся в Витебск. В 1945 г. арестован и военным трибуналом войск НКВД Витебской области приговорен к 10 годам ИТЛ. После освобождения в 1955 г. вместе с семьей проживал в г. Двинске (Даугавпилс), где после кончины был погребен [Витебский мартиролог (1918–1952) / сост. иерей Владимир Горидовец – Витебск : издательский отдел Витебской епархии, 2008. С. 63].

²¹ *Богородский, Николай Николаевич* (1877–1938). Окончил историческое отделение Московской духовной академии; слушатель археологического факультета Витебского отделения Московского археологического института; работал преподавателем латинского языка в Витебской духовной семинарии (1904–1917), школьным учителем в витебских школах (1918–1928); заведующий церковно-археологическим древлехранилищем Полоцко-Витебской епархии (с 1908 г.); активный участник организации Витебской ученой архивной комиссии; член комиссии по охране памятников истории и искусства (1919–1924); сотрудник комиссии по описанию и опубликованию архивных материалов Витебского губернского архива; занимался обследованием церквей по Витебской губернии; активный участник Витебского окружного общества краеведения, возглавлявший его историко-культурную секцию; член-корреспондент Института белорусской культуры (с 1927 г.); сотрудник Витебского госмузея (1928–1931); с 1931 г. научный сотрудник Северо-Белорусского отделения Белорусского Центрального архивного управления; организатор Витебского фотоархива и первого в Белоруссии архивоведческого кабинета; организовал работу по обработке документов дореволюционного периода, в ходе которой выявлялись ценные документы. Арестован и заседанием Комиссии НКВД и прокурора СССР от 15.11.1937 г. приговорен к расстрелу. 3 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован 15.12.1958 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда БССР. [Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины (1917–1990). По страницам архивных документов [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. и ил. (85 Мб). Витебск : Горидовец В.В., 2012. 1 электрон. диск (CD-R) ; Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века <http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/>

товились к выпускным актам и зачитывались на них. Официальные материалы дополнили «Воспоминания бывшей воспитанницы» (Витебск, 1899), написанные Марией Васильевной Самочерновой, начальницей Полоцкого женского училища духовного ведомства (1889–1911).

Витебские духовные училище и семинария представлялись изданиями «Краткий исторический очерк прошлой жизни Витебского духовного училища»; «Правила, определяющие порядок и образ жизни воспитанников Витебской духовной семинарии» – (Витебск, 1913); публикацией «Ко дню памяти старшего преподавателя Витебской духовной семинарии И.П. Виноградова».

17 февраля 1926 г. из архива библиотеки 7-й Витебской школы-семилетки музею были переданы книги и периодические издания, предположительно, Витебской мужской гимназии (3, записи с № 1670 по № 2075). Эти записи помогают узнать, что собой представляла библиотека гимназии, как осуществлялось ее комплектование. Несомненно, это была богатейшая библиотека города. Только периодических изданий (из переданных музею) насчитывалось порядка 24 наименований (Дадатак 12. Приложение 5). В библиотеке имелась литература по истории России в целом (книги Карамзина, Костомарова, Тихомирова, Забелина, Иловайского) и по истории белорусских земель (именуемых Северо-Западным краем). Литература по польскому вопросу представлена официально-правительственными, польскими и западноевропейскими изданиями (Аксаков, Коялович, Уманц, Экерт, Смит). Научные и научно-популярные издания по всемирной истории, астрономии, геологии географии и этнографии, биологии, зоологии, физиологии; популярные издания по физике и химии. Среди книг переводная литература по этим предметам и работы русских ученых и популяризаторов науки. Литературные произведения (прежде всего античные) представлены на языке оригинала. Значительное место занимают издания по вопросам литературоведения, языкознания, методике преподавания и обучения, предназначавшиеся для подготовки учителя к занятиям, и словари. А также богато иллюстрированные издания, посвященные истории правящей императорской семьи и дома Романовых.

Впоследствии все эти книги были переданы из музея в библиотеку и не вошли во вновь составленную Книгу поступлений 1 (ф. 17, д. 1). Сохранившиеся записи в Книге поступлений 2 (Дадатак 12. Приложение 6), зафиксировавшие только часть книг гимназической библиотеки, позволяют представить, как шло комплектование гимназической библиотеки, круг чтения учащихся и преподавателей, и являются ценным материалом для исследователей, изучающих историю образования, библиотечного дела на Витебщине.

Комплектование коллекции печатных изданий особо наглядно показывает, как в те сложные послереволюционные годы в условиях новой власти старая интеллигенция стремилась сохранить действительно ценные, дорогие и дорогие их сердцам предметы и издания, которые не вписывались

в новую идеологию. Собранные ими предметы и впоследствии сохраненные сотрудниками музея позволяют взглянуть на историю нашего края в ее многообразии. Сегодня в Витебске проживают потомки тех людей, которые в 1925–1927 гг. приносили в музей предметы (список сдатчиков превышает сотню фамилий, многие из которых хорошо известны и распространены в городе и сейчас). Зачастую, рассматривая экспонаты, выставленные на экспозициях, многие посетители не знают, что их собрали и принесли в музей их предки.

За скупыми записями рассматриваемых Книг поступлений четко прослеживается активная и плодотворная работа открывшегося в Ратуше музея по комплектованию фондов по всем коллекциям²². Что позволило собрать материалы по истории и современности края, а затем активно использовать в выставочной и экспозиционной деятельности музея тогда и теперь. Сохранившиеся книги поступлений являются ценнейшим источником, позволяющим проследить, как шло комплектование фондов музея, историю формирования отдельных коллекций, но они требуют уточнения и корректировки по другим источникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Васілевіч, Я.** Віцебскі Дзяржаўны Культурна-Гістарычны Музей / Я. Васілевіч // Віцебшчына : [зборнік] : неперыядыч. орган Віцеб. акруг. т-ва краязнаўства / пад. рэд. М. І. Каспяровіча. – Віцебск, 1928. – Т. II. – С. 197–203.

2. **Витебский** областной краеведческий музей (ВОКМ) // Научный архив. – Ф. 17. Д. 1.

3. **ВОКМ** // Научный архив. – Ф. 17. Д. 2.

4. **ВОКМ** // Научный архив. – Д. 1331.

5. **Петухов, А. В.** Павел Пороменский (1881–1963) как историк и педагог Паричского женского училища духовного ведомства / А. В. Петухов // Книжное наследие А. Сапунова : материалы респ. науч.-практ. конф. к юбилею издания А. П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893) 23 декабря 2013 г. / Упр. идеолог. работы, культуры и по делам молодежи Витеб. облсполкома, Витеб. обл. б-ка им. В. И. Ленина [и др.] ; редкол.: А. И. Семкин [и др.]. – Минск, 2014. – С. 256–260.

6. **Супінскі, А.** Магільнік каля вёскі Лятохі Віцебскага раёна і Віцебскай акругі / А. Супінскі // Віцебшчына : [зборнік] : неперыядыч. орган Віцеб. акруг. т-ва краязнаўства / пад. рэд. М. І. Каспяровіча. – Віцебск, 1925. – Т. I. – С. 213.

7. **Традыцыйнае** адзенне Віцебшчыны [Выяўленчы матэрыял] / Гал. упр. ідэалаг. работы, культуры і па справах моладзі Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. метад. цэнтр нар. творчасці. – Мінск : Белстан, 2017. – 370 с.

²² В 1928 г. директор музея И.И. Василевич в своей публикации отмечал: «На працягу свайго кароткага існавання Музей папаўняўся падарункамі ад прыватных асоб і парадак куплі экспаната... Усяго такім чынам паступіла з красавіка 1925 года па гэты час 3505 прадметаў. Усяго ж у Музеі налічваецца цяпер звыш 30 000 прадметаў, з ліку якіх да 75 працэнтаў характарызуюць мясцовую культуру» [1, с. 199].

8. **Чем** обогатился госмузей // Заря Запада. – 1927. – 30 авг.

9. **Шарковская, Н.** Древности латгалов в собраниях витебских музеев конца XIX – 40-х годов XX века / Н. Шарковская // Беларусь і Латвія: адміністрацыйнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае ўзаемадзеянне ў Дзвінскім рэгіёне : матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Разам на працягу стагоддзяў (беларуска-латышскія ўзаемадачыненні ў Дзвінскім рэгіёне)», Віцебск, 14–15 лістап., 2006 г. / пад рэд. Л. Хмяльніцкай. – Мінск, 2006. – С. 16–22.

10. **Шишанов, В. А.** Витебский музей современного искусства / В. А. Шишанов. – Минск : Медисонт, 2007. – 144 с.

ЛИТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА. ЭТНАГРАФІЯ. ФАЛЬКЛОР

Агеева Л.Е. (г. Минск)

МОТИВ БЕРЕГИНИ НА РУШНИКЕ ИЗ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Рушники Витебской области выделяются на фоне подобных изделий других регионов Беларуси, поскольку по историческим причинам тут в XVII в. осело значительное количество старообрядцев. М.С. Кацером были собраны и опубликованы названия многих орнаментальных мотивов. В данной статье будет рассмотрен орнамент рушника из д. Запрудье Шарковщинского района Витебской области, который называется «Берегиня» (Дататак 13, мал. 1) [3, с. 57], а также предложена гипотеза об этиологии данного божества.

М.С. Кацером отмечается, что рассматриваемый орнаментальный мотив был скопирован в начале XX в. пожилой женщиной от ее бабушки, что говорит об архаичности данного образца. Верхний бордюру рушника с изображением женских фигур трактовался как «Берегиня», нижний бордюру с вазонами цветов – как «женское счастье». Относительно узора в центре рушника женщина не ответила, так как его значение забыла спросить у бабушки. Возможно, женщина не захотела об этом говорить.

Центральный орнаментальный мотив представляет собой вариант угловатых крючков, которые встречаются на свадебных рушниках и покрывалах севера России (Дататак 13, мал. 2) [5, рис. 8]. Он являет собой геометрическую символику верхнего бордюра рушника с берегинями, руки которых изогнуты похожим образом, так же, как и на рис. 2, где изображены те же берегини, но уже на конях. Причем угловатые крючки показаны под конями, что дает подсказку, что мотив угловатых крючков имеет отношение к коням. Мифические кони имеют слитые корпуса, которые в народе называются «ладья» [5, с. 9], а двоянные крючковатые элементы орнамента называют стилизованные конские головы [4, с. 120]. Из этого следует, что крючковатая композиция на рушнике Шарковщинского района является стилизацией коней. Этот мотив иногда встречается не только в Беларуси, но и у финских племен на севере России. Как отмечается Е.Н. Клетновой, этот орнаментальный мотив там имеет название «скобы» [4, с. 120]. Название это, конечно, чисто ассоциативное, техническое. На рис. 3 (Дататак 13, мал. 3) показана прорисовка божества с руками типа «скобы» на рушнике XIX в. из Тверской области России [2, с. 61]. А на рис. 4 (Дататак 13, мал. 4) показан амулет этого божества с конями и звенящими подвесками X в. из Приладожья (Россия)

[6, с. 108]. Наличие коней и шумящих подвесок может говорить нам, что это символ *колесницы*.

Поскольку белорусский рушник имеет название «Берегиня», значит необходимо выяснить этимологию имени женского божества, который считался оберегом. Учитывая миграцию населения по разным причинам, а также импорт религиозных идей соседних этносов, можно предположить, что первоначальное значение этого божества могло иметь множество названий. Причем сюжет колесницы встречается в народных вышивках как с конями, так и с оленями или без них. А наличие множества ног (от 6 до 8) говорит о том, что данное божество очень древнее, поскольку упоминается в индийской «Ригведе» в гимне великому Индре (X век до н. э.) с именем *Шарабха*, которая была причислена к разряду божественных риши (святых), а также в «Атхарваведе» (I тыс. до н. э.), где ему посвящено одно из заклинаний [1, с. 107]. На основе археологических материалов и наскальных изображений А.П. Окладников показал, что этот образ – один из древнейших мотивов космологических воззрений многих народов Севера [1, с. 105].

В центре геометрической композиции белорусского рушника (Дадатак 13, мал. 1) изображен гребень, который известен этнологам как символ *Макоши*. Это единственное женское божество, которое упоминается в русских летописях. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что берегиня на белорусском рушнике известна как свадебное божество с именами Шарабха, Макошь, Колесница и Ладыя.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бонгард-Левин, Г. М.** От Скифии до Индии / Г. М. Богдан-Левин, Э. А. Грантовский. – Москва : Мысль, 1983, – 208 с.
2. **Калмыкова, Л. Э.** Народная вышивка Тверской земли : вторая половина 18 – начало 20 в. / Л. Э. Калмыкова. – Ленинград : Художник РСФСР, 1981. – 210 с.
3. **Кацар, М. С.** Беларускі арнамент : ткацтва, вышыўка / М. С. Кацар. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996. – 208 с.
4. **Клетнова, Е. Н.** Символика народных украс Смоленского края / Е. Н. Клетнова // Труды смоленских государственных музеев. – Смоленск, 1924. – Вып. 1. – С. 111–129.
5. **Маслова, Г. С.** Орнамент русской народной вышивки / Г. С. Маслова. – Москва : Наука, 1978. – 207 с.
6. **Рябинин, Е. А.** Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV веков / Е. А. Рябинин // Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. Б. А. Рыбакова. – Ленинград : Наука, 1981. – Вып. Е1-60. – С. 103.

**МАСТАЦКАЯ МЕМАРЫЯЛІЗАЦЫЯ УСЯСЛАВА ЧАРАДЗЕЯ
Ў РАМАНЕ «СЛЕД ВАЎКАЛАКА» ЛЕАНІДА ДАЙНЕКІ**

Літаратура – адзін са сродкаў захавання памяці пра гістарычныя падзеі і гістарычных асоб, форма адмысловай мемарыялізацыі мінулага. З другой паловы 1980-х гг. асэнсаванне беларускай гісторыі стала адной з прыярытэтных тэм айчыннай прозы. Письменнікі актыўна звярталіся да эстэтычнай рэканструкцыі падзей не толькі канца XIX і пачатку XX ст., але і больш аддаленых часоў. Максім Танк пад уражаннем літаратурнага працэсу напісаў дасціпны верш «Пахвала “Гісторыі”», дзе ў назве адлюстравана алюзія на вядомы твор Эразма Ратэрдамскага «Пахвальба глупству». Там дастаткова іранічна ацэньвалася захапленне письменнікаў гісторыяй і давалася яго праявіснае тлумачэнне: «Надакучылі ўдарныя тэмы / Ў нашых п’есах, раманах, паэмах. / Толькі выпусціш на свет героя – / Як яго тармасіць пачынаюць. / Дастаецца і творцу за тое, / Што патрэб свайго часу не знае. / А патрэбы, прызнацца, цяжкія, / Кожны тыдзень ці месяц – другія» [3, с. 184]. Захапленне творчых асоб мінулым, у трактоўцы слыннага паэта, ёсць наступства празмернай апекі літаратараў і суровага стаўлення крытыкі ды чытачоў да твораў пра сучаснасць, таму письменнікі адмаўляюцца ад спасціжэння сённяшняга дня дзеля адлюстравання мінулага з прынятымі там кардынальна іншымі параметрамі асвятлення: «Вось і вабяць біблейныя годы / І гамераўскія падарожжы, / Фантастычныя бітвы, прыгоды, / Ў якіх чорт ногі выкруціць можа» [3, с. 184]. У такіх творах адлюстраванне мінулага цалкам грунтуецца на фантазіі аўтара, на яго ўяўленнях пра былое, якія нельга правесці практыкай сучаснага жыцця: «Пішучь, быццам смургонскі князь Дзедзя / Любіў ездзіць на п’яных мядзведзях, / А яго сын – Крывая Дубіна – / Быў асветнікам і патрыстам, / Хоць пісаў на зняволеных спінах / Пра заслугі свае і турботы. / Спрытам славіўся, быццам лісіца. / Як нашчадкам не ганарыцца!» [3, с. 185]. Максім Танк дасціпна падкрэсліў, што кан’юнктура-гістарычная тэма ў літаратуры з сапраўдным эстэтычным пазнаннем мінулага агульнага нічога не мае, але заўважыў, што яму асабіста імпануе батальны варыянт гістарычнай тэмы.

Творы Леаніда Дайнекі на гістарычную тэму нельга адзначыць як павярхоўнае асвятленне мінулага. Гэты аўтар у ліку першых паказаў Сярэднявекі. Пачатак таму быў пакладзены раманам «Меч князя Вячкі» (1987), дзе гераізаваўся князь Кукейнаса, які ў XIII ст. можна процістаяў крыжакам. У рамане «След ваўкалака» (1988) цэнтральнае месца адводзіцца князю Усяславу, які за надзвычайныя здольнасці празваны Чарадзеям. Выбар героя тлумачыўся аўтарам у эпілогу: «Князь Усяслаў яркай зоркай прамчаўся па трывожным небасхіле адзінаццацістага стагоддзя. Пры ім Полацкае княства да-

сягнула сваёй найвышэйшай магутнасці. Не ўсё ўдалося яму зрабіць. Ён не змог аб'яднаць у адну дзяржаву землі крывічоў, не змог памірыць паганцаў з хрысціянамі. Ход гісторыі, яе дыялектыка аказаліся, вядома ж, куды мацнейшымі за яго моцны і харобры меч. Але ён застаўся ў народных былінах. Народ запомніў – а народ запамінае навечна – адважнага, расшучага Усяслава Чарадзея. “Слова аб палку Ігаравым” зрабіла яго несмяротным» [1, с. 285].

Л. Дайнека не быў першапраходцам у мемарыялізацыі полацкага князя, яшчэ на пачатку XX ст. Вацлаў Ластоўскі, усведамляючы значнасць развіцця гістарычнай памяці суайчыннікаў, надрукаваў нарыс пра Усяслава Чарадзея, дзе са значнай доляй ідэалізацыі пазначыў, што «ён мудрымі войнамі расшырыў межы беларускага княства. Суседнія князі яго шанавалі за мудрыя рады, народ любіў за справядлівасць, а ворагі баяліся яго» [2, с. 151].

Раман як мастацкая форма дазваляе ўсебакова паказаць асобу і гістарычны фон, раману ўласцівы шырокі ахоп часу і прасторы, аднак Л. Дайнека абмежаваўся ўзнаўленнем невялікага перыяду з 57-гадовага княжання Усяслава. Падзеі ў рамане разгортваюцца на працягу амаль двух гадоў: ад часу паланення князя з сынамі пад Оршай і да ўзвядзення яго на вялікакняжацкі стол у Кіеве. У пачатку рамана князь паказваецца палоннікам Яраслававічаў, якія парушылі клятву, узялі яго ў палон і пасадзілі ў поруб. Усяслаў мужа пераносіў ганебнае паланенне і даваў прыклад сынам – Барысу і Расціславу – духоўнай стойкасці, бо іх маральна і фізічна мог зламаць кіеўскі поруб. Старэйшы сын князя Барыс гатовы быў стаць манахам і маліцца за Полацк. У эпілогу адзначалася, што Барыс паспяхова ваяваў супраць яцвягаў, заснаваў у 1102 г. г. Барысаў, пакінуў нашчадкам сваё імя на знакамітых «Барысавых камянях», адзін з якіх і сёння можна бачыць у Полацку каля Сафіі. Іншымі словамі, Усяслаў змог пераканаць сына ў значнасці зямнога жыцця і ратнай справы.

Усяслаў паводзіў сябе годна, ён нагадаў сынам пра тое, што яны нашчадкі Рагнеды, не хацеў, каб ад доўгага ляжання на саломе ногі сыноў сталі саламянымі, а яны самі – пакорлівымі лёсу і пераможцам у асобе Яраслававічаў. Барыс у думках асуджаў бацьку за ваяўнічасць, энергічнасць, жаданне аб'яднаць вакол Полацка крывічоў, яму не падабалася і рэлігійная талерантнасць Усяслава: «На Валоўім возеры, што ля Полацка, ты не зруйнаваў паганскае капішча і па начах ездзіў туды з дружнай маліцца дубовым чурбанам. Ты даваў срэбра на полацкую Сафію, святы храм, але даваў з вялікай неахвотаю, баяры і веча цябе прымусілі» [1, с. 8]. Усяслаў стаў апанентам старэйшага сына, адгадаўшы яго думкі, ён распавёў, як вёў полацкую раць супраць Яраслававічаў пад Мінск, дзе загінулі яго лепшыя воіны: «І не за вялікакняжскі сталец я ваюю... Не трэба мне Кіеў, мне Полацка хопіць. Вотчыну Рагнеды хачу захаваць. Сваім мячом Дняпро і Рубон, Дзвіну нашу залатую, хачу ў адну раку звязаць. Сядзем на волаках, з урманамі і рамеямі будзем гандляваць, славу Полацку здабываць. Хіба гэта дрэнна дзеці? Хіба

дрэнна, што я хачу жыць па старадаўніх полацкіх законах?» [1, с. 9].

Апанентам і антыподам Усяслава прадстаўлены ў рамане кіеўскі ігумен Феадосій, што назваў Усяслава трэшчынай у хрысціянскай сцяне, але Усяслаў не пагадзіўся з ім: «Я не трэшчына. Я – сцяна. Спрадвеку полацкія князі жывуць, павярнуўшыся тварам да Варажскага мора, ахоўваюць нашы і вашы землі ад варагаў, ад яцвягаў і аўкштайтаў. Разам з усімі мы хадзілі на Канстанцінопаль, на торкаў. Ніколі я не біў нажом у спіну стольнаму Кіеву. Я адваяваў Ноўгарад, Пскоў і Смаленск, але ж гэта спрадвечныя землі крывічоў» [1, с. 21]. Па перакананнях князя Ізяслава, яго братоў і Феадосія гэта землі Кіева, таму Усяслаў – вораг, «пракляты ізгой».

У раздзеле «Аб чым расказаў Усяслаў манахам і паслушніку Андрэю» характарыстыка полацкага князя паглыбляецца. Манахі Пячэрскага манастыра Арцёмій, Улеб і паслушнік Андрэй дапрасілі князя па загадзе ігумена Феадосія і атэставалі яго як небяспечную асобу: «Незразумелы, страшны чалавек. Святы Божа, уратуй стольны Кіеў ад такіх людзей» [1, с. 28]. Манахі і паслушнік спрабавалі высветліць, ці не з'яўляецца полацкі князь увасабленнем д'ябла, але даказаць нічога не змаглі. Яны даведаліся, што Усяслаў носіць адмысловы пояс, які надае яму сілу, і ўбачылі ў гэтым «дзікае паганства», бо хрысціяніна ахоўвае крыж. Манахаў уразілі вочы Усяслава: «Вочы мае шэрыя, вялікія. Погляд гэтых вачэй такі пранізлівы, што амаль ніхто не можа яго вытрымаць. Позіркам сваім князь можа здымаць боль і спыняць кроў» [1, с. 21]. Манахі адзначылі, што полацкі князь адважны і горды, ён не прывык схіляць галаву ў прамым і пераносным сэнсе, бо кіруецца перакананнем, што гэта частка чалавечага цела найбольш набліжана да Бога. Калі чалавек схіляе галаву, то аддаляецца ад Бога і абражае яго, у манахаў было іншае меркаванне: «“Кашчунныя, неразумныя словы!”», бо шыю чалавечую Бог і зрабіў мяккай, каб яна магла гнуцца, каб яе мог узяць меч помсты і расплаты» [1, с. 25]. У час допыту было адзначана: «Вельмі любіць Усяслаў свой Полацк, полацкую зямлю. Нам аж дзіўна рабілася, што стольны Кіеў, дзе ступала нага апостала Андрэя, не вельмі радуе яго. Ён сказаў: “Добры горад, але Полацк лепшы”. Адзін з нас, чарнец Улеб, бываў на зямлі палачан. Гэта халодны і глухі край. Небасхіл там закрыты лясамі і ўзгоркамі, балоты пакрываюць зямлю. Ці можна Полацку раўняцца з Кіевам?» [1, с. 24].

У час допыту манахаў цікавіла і пытанне пра адносіны Усяслава да хрысціянства. Пасля размовы яны зрабілі вывад: «Хоць Усяслаў і хрысціянін і хоць ён збудаваў у Полацку дом Божай мудрасці – Сафію, мы пераканаліся, што набажэнства яго знешняе, падманнае. Паганец ён, упарты паганец. Нездарма на Полацкай зямлі шмат ведаюць і шапуноў, і сёння яшчэ там ў лясак і на курганах нязгасна пылаюць паганскія кастры. Не ўвайшоў святы Божы прамень у князеву душу, толькі скуру апёк» [1, с. 25]. Да таго ж, верыць «князь у Сварога і Дажджбога. Верыць, што Пярун трымае маланкі, як сакалоў на сваім рукаве. Верыць ён у Рода, Любчыка, Жыцця і ў Макошу, якая

дапамагае жанчынам стрыгчы авечак і прасці кудзелю. Чулі мы ад яго і пра Семаргла, уладара падземнага свету, дзе знаходзяцца косці продкаў і карані дрэў і травы. Шкада нам, што душа князя блукае ў змроку» [1, с. 25].

Манахаў абразіла, што князь не любіць Уладзіміра Святога, Хрысціцеля, які загадаў скінуць у Днепр усіх ідалаў: «Усяслаў перакананы, што не хрысціянства было першапачатковай рэлігіяй на нашых землях, што нашы продкі мелі сваю, не горшую, чым хрысціянская, веру і, скінуўшы ў Днепр ідалаў, мы здрадзілі продкам» [1, с. 25–26]. Калі манахі заплакалі ад яго адказаў, што на іконе паказаны насамрэч не Бог, Усяслаў сказаў ім: «Чаго вы плачаце? Каго вы шкадуеце? Мiane? Дык я Полацкую Сафію пад неба ўзвёў. А што зрабілі вы?» [1, с. 26]. Манахі лічылі князя асобай супярэчлівай, з надзвычай парадаксальным мысленнем і ўяўленнем пра свет: «Як бы з дзвюх палавінак злеплены гэты князь, і цяжка здагадацца, якой паловай свайго сэрца ён павернуты да Бога. “Бывае зло не ад злага, а ад добрага, – сказаў ён нам. – Лепш вораг, чым сябар. Вораг адбірае волю, сябар – душу”. Незразумелыя, цёмныя словы. Душу нашу бярэ Бог, адзін ён і ніхто іншы» [1, с. 27].

Князь прадстаў чалавекам адукаваным, чытаў «полацкі князь шмат пергаменту і святых кніг, якія ад рамеяў да нас ідуць і намі пішучца. Ведае ён пра Зеўса, Юпітэра, Брахму, Вотана, Магамета, Маісея. Шмат чаго ён ведае, аднак нам падалося, што было б для яго і для нас лепш, каб ён ведаў менш. Адзін Бог павінен ведаць усё» [1, с. 26]. Празмерная адукаванасць для манахаў ёсць большае зло, чым невуцтва.

Манахі бачылі праявы язычніцтва і ў колеравых сімпатыях князя, які любіць «восеньскія лясы, чырвонае лісце на дрэвах, серабрысты лядок на лужах, паўзмрок чорных ельнікаў, холад, шэрую траву, з якой, як гарох, сыплюцца павукі, калі пацягнеш яе нагою. Што ж, усё гэта таксама Божае, але адзінокая душа ў чалавека, які любіць такое» [1, с. 26]. Ад князя манахі давядаліся пра мімавольную здраду малага Усяслава, які па дзіцячай непасрэднасці выдаў бацьку сядзельнічага Яруна, што быў язычнікам і наведваў язычніцкае капішча, бацька Усяслава спаліў ідалаў. Усяслаў не любіў успамінаць дзяцінства з-за гэтага свайго ўчынка.

Манахі імкнуліся захаваць знешнюю аб’ектыўнасць, але яны кіраваліся воляй Ізяслава і Феадосія, былі артадаксальнымі хрысціянамі, таму адзначалі больш адмоўнага, чым станоўчага ў асобе Усяслава, хаця не маглі не акцэнтаваць любоў Усяслава да роднага краю і да сваіх дзяцей. Паслушнік з манахамі нават асмеліліся параіць царкоўнаму і свецкаму ўладарам: «Ягоны б меч нашым верным саюзнікам зрабіць. Ды Усяслаў не з тых, хто лёгка прыручаецца. Не рахманая авечка полацкі князь, а сапраўдны лясны тур. Трэба рогі яму спілоўваць, а як, мы не ведаем» [1, с. 27–28].

Характарызуецца Усяслаў не толькі прадстаўнікамі вялікакняжацкага стала, але і чужаземцамі, пасланнікам Візантыі Тарханіётам і яго братам Арсеніем. Арсеній параіў Тарханіёту звярнуцца да Усяслава як моцнага саюз-

ніка супраць сельджукаў і Яраслававічаў: «Полацкі князь вельмі смелы і разумны. Але гэта яшчэ не ўсё. Ён абараняе старую рэлігію русаў, іх старых багоў» [1, с. 97]. Калі хрысціянін Тарханіёт зняважліва абазваў Усяслава паганцам, Арсеній нагадаў, што хрысціянства параўнальна нядаўна прыйшло на ўсход Еўропы: «Хрысціянства тут яшчэ як залаты пыл, які пакрывае вялікага паганскага ідала. Большасць халопаў і смердаў – паганцы. Яны ўцякаюць ад святога крыжа ў лясы, у пустыні. Усяслаў Полацкі зразумеў гэта і, як мне вядома, у сваёй Полацкай зямлі сілай не заганаў народ у хрысціянства. Таму яго і любяць, бо чэрнь любіць справядлівых і цяроплівых» [1, с. 98]. Па словах Ядрэйкі, князя Усяслава баяліся, калі ён правіў, а калі ён трапіў у палон, не стала гаспадара, палілася хрысціянская кроў, дрэнна жывуць смерды.

Усяслаў у паказе Дайнекі – найперш мудры правіцель, які кіруецца гістарычнай перспектывай, ён жадаў умацавання Полацка на карце Усходняй Еўропы, таму пабудаваў Сафійскі сабор. Князь хацеў, каб у Полацку царква была не горшай, чым у Кіеве ці Ноўгарадзе, таму, калі захапіў Ноўгарад, перш чым спаліць яго да Нераўскага канца, загадаў зняць усе царкоўныя званы і везці іх у Полацк, каб яго Сафійскі сабор стаў гучнейшым.

Паказаны Усяслаў і вачамі землякоў, якім імпанавала яго прага перамагчы не толькі сілай, але і верай, як вучыць гэтаму Хрыстос. Дарэчы сімвалам веры для Усяслава пададзена родная зямля, ён заяўляе: «А я веру ў сваю крыўскую зямлю» [1, с. 111]. Не ўсім падабаўся ваяўнічы запал князя, але Усяслаў адказаў, што ён хоча бачыць моцным родны Полацк: «Не для лёгкага жыцця прывёў нас Госпад на гэтую зямлю. Для барацьбы, для працы!» [1, с. 119]. Адзін з антыподаў Усяслава ў рамане – былы сядзельнічы яго бацькі Ярун, які паміж барацьбой і прымірэннем выбраў прымірэнне, здрадзіў сваёй веры, абраў манаскі шлях і атрымаў імя Мяфодзіі. Шлях Яруна з гневам адкінуў Усяслаў, бо чалавек «для таго і нараджаецца на свет, каб шукаць» [1, с. 132]. Падчас паўстання кіяне вызвалілі Усяслава з поруба і абралі князем, ён паспрабаваў аб'яднаць язычнікаў і хрысціян супраць хана Шарукана, стрымаў полаўцаў. Усяслаў хацеў пераканаць кіян жыць інакш: «Чаму не ўспомніць добрыя звычаі продкаў? Чаму не павучыцца ў іх мудрасці і цяроплінасці? Дзеці адной зямлі не павінны пераразаць адно другому горла. Каму не церпіцца праліваць кроў, таму хопіць полаўцаў» [1, с. 269]. Паводзіны Усяслава аперажалі яго час, таму ён пры набліжэнні войска Ізяслава разам з сынамі накіраваўся ў Полацк з тлумачэннем свайго ўчынку і наказам кіянам: «Не хачу крыві і бягу ў Полацк. Люблю Кіеў, але Полацк люблю болей» [1, с. 285].

Аляксандр Дзюма аднойчы заўважыў, што раманіст – сапернік гісторыка, бо нярэдка стварае прынцыпова новае аблічча гістарычнай асобы. Л. Дайнека ішоў у рэчышчы традыцыі, але ў «Следзе ваўкалака» акцэнтаваў патрыятызм Усяслава, яго дзяржаўную мудрасць, дыпламатычныя здольнасці, чалавечую праніклінасць.

ЛІТАРАТУРА

1. **Дайнека, Л. М.** След ваўкалака : раман / Л. М. Дайнека. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 286 с.
2. **Ластоўскі, В.** Выбраныя творы / В. Ластоўскі. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 512 с.
3. **Танк, М.** Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 6 : Вершы (1983–1995). – 454 с.

Бут-Гусцім С.Ф. (з. Брэст)

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ АДМЕТНАСЦЬ ІМЕНАСЛОВУ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЫ ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК

Ураджэнка Браслаўшчыны, беларуская паэтка і празаік Зінаіда Іосіфаўна Дудзюк плённа працуе ў жанры гістарычнай прозы. У рамане «Лазы» распавядаецца пра трагічныя падзеі на Палессі падчас Другой сусветнай вайны і ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі. На Беларусі ішла неабвешчаная грамадзянская вайна, у якой гінулі людзі, маёмасць, знішчаліся маральныя арыенціры. У гэтую вайну ўключаліся і падлеткі, якія бралі ў рукі зброю, ваявалі нароўні з дарослымі, гінулі фізічна ці маральна. Прадметам мастацкага аналізу ў рамане «Гонды» стаў лёс беларусаў-палешукоў у цяжкія пасляваенныя дзесяцігоддзі, калі сяляне адрываліся ад спрадвечнага ладу жыцця, сям'і, храма, пакідалі родныя хаты, блукалі ў пошуках заробку па бяскрайніх прасторах Савецкага Саюза. Трагічнымі былі жыцці адлучаных ад малой радзімы людзей, якія забывалі спаконвечныя маральныя нормы, так і не знаходзілі шчасця. Нягледзячы на драматызм лёсу герояў, у творах гучыць надзея на тое, што адвечны свет Палесся будзе жыць: «На долю лядчукоў у большай ці меншай ступені выпалі ўсе тыя гістарычныя мітрэнгі, якія перажывала Палессе на працягу шматлікіх стагоддзяў, але хто цяпер тое помніць? Адно я магу засведчыць дакладна, што над гэтай вёскаю свеціць такое ж, як скрозь, зыркае сонца, і бухматыя зоркі пасылаюць сваё святло з глыбіняў космасу гэтак жа таямніча і дзівосна. А для тых, хто тут нарадзіўся, няма на свеце лепшага куточка, чым Ляды, якія былі... Так, былі, бо вёскі, як людзі, нараджаюцца і... і няхай жывуць» [2, с. 9]. Для напісання кнігі пісьменніца выкарыстоўвала гістарычныя крыніцы і архіўныя матэрыялы.

Мэта прадстаўленай працы – сістэматызацыя структуры іменаслову раманаў «Гонды» і «Лазы» з улікам традыцый нацыянальнага і рэгіянальнага антрапанімікону. **Актуальнасць** даследавання вызначаецца неабходнасцю вывучэння літаратурнага анамастыкону ў кантэксце новай лінгвістычнай парадыгмы, у цэнтры ўвагі якой – адлюстраванне ў моўных знаках нацыя-

нальнай культуры. **Навуковая навiзна** прадстаўленага даследавання вызначаецца нявывучанасцю паэтонiмiкону сучаснай беларускай гiстарычнай прозы ў лiнгвакультуралагiчным аспекце, якi спрыяе разгляду онiмаў у цесным узаемадзеяннi з культурна-гiстарычнымi асаблiвасцямi самабытнага рэгіёна Беларусi – Палесся.

Цэнтральнае месца ў анамастыконе раманаў займаюць уласныя асабовыя iмёны персанажаў – адпаведныя беларускай лiнгвакультуры ХХ ст. каляндарныя онiмы. Большасць з iх ужываецца ў гiпакарыстычных i эмацыянальна-ацэначных формах, рэпрэзэнтантах канатацый гутарковасцi, ацэначнасцi, эмацыянальнасцi. У кантэксце актуалiзуецца прагматычная значнасць iмён, якiя выражаюць любоў да блiзкiх («**Аўдзейка**, складвай *анранахi на запечак i дапамажы дзяўчатам на печ ускараскацця*» [2, с. 11]; «*Што ты, **Аксаначка!** Нi на хвiлiнку не забываў пра цябе*» [4, с. 229]; «*Пра што гаворка, **Янiнка**, ды прыгажэйшай за цябе дзяўчыны няма на свеце*» [4, с. 52]), ласку да дзяцей («*Спачатку памёр Аўдзей, праз год шкарлятына задушыла малодшанькую дачушку **Ганначку***» [2, с. 14]; «*Успомнiлiся бацькi: вось сядзяць яны, усмiхаюцца, пазiраюць на свайго **Франэка**, вясёлыя i iшчаслiвыя, што ён хутка будзе разам з iмi*» [4, с. 155]), цеплыню сяброўскiх адносiн («*Яму згадалася, як некалi ён з **Мiшкам i Яськам** вучыўся ездзiць на ўласным ровары. Пакуль адзiн ехаў, астатнiя падтрымлiвалi ездака за сядло*» [4, с. 186]). Гутарковыя формы могуць выражаць невысокi сацыяльны статус носьбiта, непаважлiвыя адносiны да яго: «*Старыя бацька i мацi на чужыне не зажылiся, застаўся адзiн сын. I хоць яму цяпер было ўжо недзе пад трыццаць, усе ў Лядах iнакш, як **Колькам**, яго не клiкалi. Каб не памерцi з голаду, асiрацелы хлопец ажанiўся са стараватаю ўдавою, якая мела дарослую дачку i сына падлетка, а потым яшчэ нарадзiла двое дзетак ад **Колькi***» [3, с. 10]; «*Замужам яна за **Аверкам**, цяпер ён солтысам у сяле служыць: моладзь у Германiю пасылае, настаўкi спаганяе*» [4, с. 110]. Канатацыю нацыянальна-культурнай спецыфiкi выражаюць уласцiвыя народнаму асяроддзю формы наймення сталых людзей дзядзька, цётка, дзед, баба + iмя: «*Баба **Малаша** нахвальвала сваю карову, а яшчэ нейкую цялушачку, твар яе свяцiўся радасцю*» [2, с. 19]. Рэпрэзэнтантамi канатацый дыялектнасцi з'яўляюцца ўласцiвыя палескiм гаворкам формы iмён, якiя адлюстроўваюць характэрныя для Палесся оканне, адсутнасць дзекання («*Боюса тэбэ, **Оўдiйко!***» [3, с. 18]), захаваныя ў маўленнi палешукоў даўнiя формы клiчнага склону («*Запiсаў бы ты, **Кандраце**, мае песнi*» [3, с. 56]; «*Не пазбаўляй мяне, **Тадзё**, гэтага звыклага жаночага занятку*» [4, с. 105]). Носьбiтамі канатацый гутарковасцi з'яўляюцца шырокаўжывальныя ў творах гiпакарыстычныя формы iмён: «*Сяргей збiўся з падлiку, колькi дзён ён з Цiтам i яшчэ двума хлопцамi з суседняй вёскi, **Сцёпам i Колям**, дабiраўся да лагера*» [4, с. 72]; «*Ажанiўся я за тры гады да пачатку вайны, у маi трыццаць васьмага нарадзiлася мая **Бася***» [4, с. 19].

Канатацыю сацыяльнасці выражаюць імёны па бацьку. Такія формы наймення ўжываюцца для называння настаўніка **Вячаслава Уладзіміравіча** і начальніка фінансавага ўпраўлення **Гаўрылы Васільевіча** (раман «Гонды»). Выразнікамі канантацыі царкоўнасці і сацыяльнасці з'яўляюцца ўжытыя ў рамане «Лаза» формы звароту **пан (пані) + імя каталіцкага календара**, якія выкарыстоўваліся для наймення беларусаў-каталікоў і прадстаўнікоў шляхты, напрыклад: «*Гаспадарыла там аканомка пані Альжбета, увішняя стараватая кабета*» [4, с. 119]; «*Прынёс я вам, пані Юзэфа, вашы пярсцёнкі*» [4, с. 105].

Прозвішчы-паэтонімы ў творах З. Дудзюк выконваюць стылістычную функцыю не толькі называючы, але і характарызуючы носьбітаў. Большасць з прозвішчаў апапелятыўнага паходжання: яны ўтвораны ад даўніх прызванняў, якія характарызуюць род дзейнасці продкаў, выражаюць светапогляд старажытных людзей, а іменна, паяднёнасць з татэмным продкам. У рамане «Гонды» аўтарка разважае пра паходжанне прозвішчаў вяскоўцаў: «*Тыя з тутэйшых людзей, хто займаўся ткацтвам, у час перапісу атрымалі прозвішча Ткачукі, хто быў шаўцом – Шаўчукі... Карацей кажучы, жылі ў Лядах Краўчукі, Гарбарчукі, Кавальчукі, Стальмашукі, Сталярчукі ды шмат іншых добрых і майстравітых людзей. Былі прозвішчы, звязаныя не толькі з працоўнай дзейнасцю, але з навакольным асяроддзем такія, як Воўк, Голуб, Цыбульнік, Мураш, Баран*» [2, с. 9]. Выразнікамі канантацыі сацыяльнасці з'яўляюцца антрапонімы (яны належалі панам-уласнікам палескіх вёсак), якія ўтрымліваюць прозвішчаўтваральныя фарманты *-овіч, -евіч, -ск*, двайныя прозвішчы, што паказваюць на прыналежнасць носьбітаў да шляхецкага саслоўя: **Пратасевічы, Яновічы, Маневічы, Альшэўскія, Холуб-Заворскі, Цыпрынскія, Сапранецкія, Пухавецкія, Вайновічы, Залеўскія**.

Ужываюцца ў творах **гаваркія прозвішчы**, якія акрэсліваюць маральнае аблічча персанажаў. Непрыстойныя, з пункту гледжання людзей савецкага часу, паводзіны настаўніцы акрэслівае прозвішча Шалапутава: «*На гэтай жа вуліцы Ліза аднойчы бачыла, як яе настаўніца нямецкай мовы Шалапутава (даў жа Бог прозвішча) проста на вуліцы цалавалася з нейкім мужчынам, і знелюбіла яе за гэта, а заадно і нямецкую мову*» [3, с. 48]. Адзінокі стары мае прозвішча **Самота**. Часам сэнсавая нагрузка прозвішча супрацьлеглая сутнасці герояў: «*Але ўспомніце, як было з Аксентам. У яго прозвішча Кулак, нехта не разбраў і запісаў яго ў кулак. Прышлі маёмасць апісваць, а там – галеча*» [2, с. 14].

На старонках твораў пісьменніцы знаходзім прыклады **схаванагаваркіх** прозвішчаў, дыялектныя асновы якіх змяшчаюць у сабе ўказанне на пэўныя якасці персанажа. Да ліку паэтонімаў названага тыпу адносіцца прозвішча гераіні рамана «Лаза» хатняй работніцы пані Цыпрынскай **Батурынай**. Антрапонім гэты судносіцца з дыялектнай лексемай **батура**, якая мае значэнні 'аматар пагаварыць', 'упарты чалавек' [5, с. 91]. Семантыка прозвішча цал-

кам адпавядае характару гераіні – *гаваркой* жанчыны, якая паставіўшы мэту атрымаць сабе жыллё, пакарысталася адкрытасцю і найўнаскою гаспадыні, *разгаварыла* яе і данесла атрыманыя звесткі ўладам: «*Вось гэтая Батурына і нагаварыла на майго Анджэя, што ён ненавідзіць савецкую ўладу, запасаецца зброяй, збіраецца ўцякаць за Буг, а перад гэтым парэжа яе на кавалкі на кухні. Хто ж думаў, што гэтая няўдзячная, якая есць наш хлеб, карыстаецца нашай дабрынёй, пойдзе пісаць на нас даносы? Майго сыночка, якому толькі споўнілася шаснаццаць гадоў, арыштавалі! А ў выніку майму хлопчыку далі пяць гадоў турмы і павезлі невядома куды. Потым мяне выселілі з уласнага дома, давялося прасіцца на кватэру да састарэлай цётчкі, якая ў хуткім часе памерла ад непрымання перамен» [4, с. 42]. Упартая, мэтанакіраваная **Батурына** дасягнула сваёй мэты – пасялілася ў доме пані як гаспадыня.*

Насычана семантычнымі нюансамі прозвішча **Скавышоў**, якое належыць герою рамана «Лаза». Прозвішча ўтворана ад назоўніка **скавыш** – ‘моцны пранізлівы вецер з завываннем’ [6, с. 599]. У беларускай міфалогіі **вецер** – увасабленне нячыстай сілы [1, с. 80]. Вецер лічыўся прыстанішчам духаў і дэманаў. Моцны працяглы вецер паказваў на гвалтоўную і дачасную смерць чалавека [1, с. 81]. Вобраз бязлітаснага лейтэнанта **Скавышова** асацыятыўна звязваецца з вобразам прыроднай знішчальнай стыхіі. Службовец-кар’ерыст, супрацоўнік НКВД, бязлітасна распраўляецца не толькі з «ворагамі народа», да ліку якіх адносіўся Сяргей Клімчук, баец Украінскай паўстанцкай арміі, але і знішчае ні ў чым не павінных яго родзічаў, асуджаных на працяглыя тэрміны высылкі і зняволення. Прозвішча дае персанажу адмоўную характарыстыку.

Аўтарка акцэнтуюе ўвагу на сэнсавай нагрузцы прозвішча, у якім інфармацыя пра гісторыю сям’і і роду: «*Хаця, мяркуючы па прозвішчы, і яны некалі мелі нейкае дачыненне да войнаў, якія вяло Вялікае Княства Літоўскае, інакш адкуль узялося б прозвішча Вайновіч*» [4, с. 13].

Нацыянальны і рэгіянальны каларыт ствараюць ужытыя ў раманах мянушкі вяскоўцаў. Звесткі пра род дзейнасці, характар, асаблівасці маўлення продкаў захоўваюць **сямейна-родавыя мянушкі**. Пісьменніца спыняе ўвагу чытача на матывацыі такіх празванняў: «*Да прозвішчаў пачалі дадавацца яшчэ і мянушкі. Тую сям’ю, дзе бацька даглядаў панскіх сабак, называлі Сабакарамі. Тых, хто працаваў на канюшні, клікалі Конюхамі, хто варыў піва – Піваварамі. Найменні гэтыя былі не крыўдныя, яны толькі паказвалі на занятак, які прыносіў прыбытак сям’і. Меліся ў сялян мянушкі, набытыя на працягу жыцця ці ў выніку нейкага ўчынку, а для гэтага існавала мноства падстаў. Напрыклад, прамаўляў хлапчук у раннім маленстве не **бацька**, а **бака**, так і застаўся **Бакам** да самае смерці, яшчэ і жонку ягоную да гэтага часу **Бачыхаю** называюць» [2, с. 9]. Мянуска можа акрэсліваць матэрыяльнае становішча сям’і: «*На вяселлях гралі на баяне, скрытцы ды барабане. Каўбасюкамі іх назвалі, таму што сваіх каўбасаў ніколі не мелі, а толькі**

на вяселлях ласаваліся, за дзве шчакі набівалі» [2, с. 13]. Ужыты ў раманах «Гонды» і «Лаза» распаўсюджаныя ў вясковым асяроддзі мянушкі-**андронімы** (Адарка **Сымонкава**, **Анішчыха**, **Клемава** Ева, **Бузюміха**, **Вакуліха**), **матронімы** (**Настусін** Ахрэм, **Бузюмішына** Маня, **Бабіціна** Луця, Ціт **Мошчышын**), **патронімы** (Гэля **Юстынава**, Антоля **Клімчукова**) і інш.

Факты біяграфіі носьбітаў мянушак і іх родзічаў перадаюць мянушкі **Бабця**, **Варнак**: «Усе ў вёсцы ведалі, што некалі яна, Матруна Шумук, сімпатычная вясковая дзяўчына, служыла ў нейкага падпанка, даглядала ды няньчыла дзяцей, якія называлі яе **бабцяю**. Гэтае слова так прыліпла да яе, што стала мянушкаю» [2, с. 43]; «Чаму ў цябе такая дзіўная клічка – **Варнак**, што азначае? Я і слова такога ніколі не чуў» – «**Варнак** – катаржнік, які здолеў уцячы. Я збег з нямецкага палону, дык хто я? **Варнак!**» [4, с. 99]. Характар і жыццёвую пазіцыю партызанскага камандзіра перадае мянушка героя рамана «Лаза» **Маўчун**: «А пакуль для цябе галоўнае – вучыцца трымаць язык за зубамі. Камандзір аддзялення вельмі не любіць языкатых. Ягоны псеўданім **Маўчун** сам за сябе гаворыць» [4, с. 15]. Запамінальнымі замалёўкамі знешнасці з’яўляюцца мянушкі **Певень**, **Лось**, **Скіф**: «Клема людзі за вочы чамусьці называлі **Пеўнем**. Ён сапраўды быў трохі падобны на гэтую самавітую птушку. Ганарыста пасаджаная галава на доўгай шыі з вострым кадыком стварала ўражанне, што яе ўладальнік калі і скажа нешта, дык вельмі важнае» [2, с. 35]; «Клічка **Лось** яму цалкам адпавядала. Гэта быў высокі і мажны чалавек, якому ледзь пераваліла за сорок» [4, с. 122]; «Лявон Турскі па клічцы **Скіф**: высокі, худы, загарэлы, як пастух, бо праца вымагала шмат часу праводзіць на адкрытым паветры. Мо таму і атрымаў менавіта такі псеўданім» [4, с. 122]. Аснова беспрэцэдэнтных мянушак – выпадкі, якія здараліся з чалавекам: «Мянушку гэтую атрымаў дзяцюк яшчэ падлеткам. Аднойчы ў лесе ўбачыў на яліне шышкі – і падалося яму, што яны неяк гэтак склаліся, быццам стварылі бронзавы бюст правадыра пралетарыяту. Ён радасна крыкнуў сябракам, маўляў, глядзіце: там **Ленін**, **Ленін**. Хлапчукі паглядзелі, але нічога, акрамя шышак не ўбачылі, не былі яны надзелены такім мастацкім уяўленнем, якое меў Мікола. З тае пары і замацавалася за ім мянушка **Ленін**, або ласкава **Ленінка**» [2, с. 40]. Мянушка-дэлакутыў фіксуе часта ўжывальнае ў маўленні асобы слова: «Гаспадар да капейкі аддаваў заробак жонцы, а потым кожную надзелю прасіў: “Дай рублішко на **вінчышко**”. Яго інакш у бараку не называлі, як **Вінчышка**» [3, с. 44].

У кантэксце рамана З. Дудзюк «Лаза» знаходзяць адлюстраванне мянушкі, дадзеныя ў мэтах канспірацыі. Так, байцы Арміі Краёвай, што змагаліся з фашыстамі на тэрыторыі Берасцейшчыны, называюцца мянушкамі **Кулік**, **Чыж**, **Бусел**, **Базан**, **Дрозд**. Тадзіку Сапранецкаму, які далучаецца да салдат арміі, камандзір раіць: «Вазьмі якую-небудзь птушыную, будзеш лётаць ад ворагаў, недасяжны кулям» [4, с. 44]. Казакі Украінскай паўстанцкай арміі, куды трапляе паляшук Сяргей Клімчук, таксама празываюцца мянушкамі: «Сяргей разам з іншымі хлопцамі не сядзеў у лагеры, вандраваў па Пінішчыне,

выконваючы розныя даручэнні. На гэты раз ён быў з Лёнем Парахнюком – **Варнаком**, Цітам – **Камаром**, ішло з імі яшчэ сялёра хлопчаў, з якімі Сяргей быў мала знаёмы, нават імёнаў іхніх не ведаў, бо звычайна ўсе карысталіся клічкамі» [4, с. 99].

Прагматычная зона семантыкі складнікаў паэтонімікону раманаў «Гонды» і «Лаза» ўтрымлівае каштоўныя звесткі пра гісторыю, матэрыяльную і духоўную культуру Беларусі XX ст. Апавядаючы пра мінуўшчыну, Зінаіда Дудзюк актуалізуе ў мастацкім кантэксце значэнне паэтонімаў, ствараючы запамінальныя вобразы персанажаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Беларуская** міфалогія : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
2. **Дудзюк, З.** Гонды / З. Дудзюк // *Польмя*. – 2013. – № 11. – С. 8–59.
3. **Дудзюк, З.** Гонды / З. Дудзюк // *Польмя*. – 2013. – № 12. – С. 10–73.
4. **Дудзюк, З.** Лаза : раман / З. Дудзюк. – Брэст : Альтэрнатыва, 2016. – 445 с.
5. **Лемтюгова, В. П.** Корні нашых фамілій = Карані нашых прозвішчаў / В. П. Лемтюгова, И. О. Гапоненко. – Мінск : Звязда, 2018. – 672 с.
6. **Тлумачальны** слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 тысяч слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.

Воюш Р.В. (з. Наваполацк)

ПАДЗЕІ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ЖЫЦЦІ І ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ КУПАЛЫ

Янка Купала (1882–1942) – класік сусветнай і беларускай літаратуры, адзін з заснавальнікаў новай беларускай літаратуры і сучаснай беларускай літаратурнай мовы, народны паэт Беларусі, духоўны лідар беларускага нацыянальнага адраджэння. Выступаў як паэт, драматург, публіцыст, перакладчык, грамадскі дзеяч. Сапраўднае імя Янкі Купалы (зарэгістраванае ў афіцыйных дакументах аб нараджэнні) – Іван Дамінікавіч Луцэвіч [1, с. 1].

Калі пачалася Першая сусветная вайна, Я. Купала жыве ў Вільні і працаваў рэдактарам газеты «*Наша Ніва*», якая выдавалася ў друкарні Марціна Кухты. Адным з першых водгукаў творцы на ваенныя падзеі стаў артыкул «Хай рунь красуе...», надрукаваны 4 верасня 1914 г. на старонках перыядычнага выдання, у якім будучы класік звярнуўся да чытачоў з заклікам не апускаць рукі: «...кліча яшчэ нас святая павіннасць працаваць і за тых, што аддаюць сваё жыццё дзесь там далёка ці блізка», каб ваяры, якія вернуцца з вайны дадому, знайшлі «ўсё ў парадку – неапушчаную хату, хлеб на стале»

[2, с. 46]. Гэтай жа восенню выйшлі з друку артыкулы Я. Купалы «Вайна і самапомач», «Чвэрць года вайны» і інш. Пачынаючы з 2 кастрычніка 1914 г. паэт друкаваў вершы антываеннай тэматыкі, якія пазней аб'яднаў у цыкл «Песні вайны». Гэты цыкл складаецца з шасці вершаў: «Варожбы», «Перад бурай», «Склік», «Разлука», «Засталіся нівы, сёлы», «Пабоішча». Паслядоўнасць размяшчэння твораў адпавядае лагічнаму развіццю іх ідэйнага зместу: цыкл цэласны, кожная частка з'яўляецца сэнсавым працягам папярэдніх з узрастаннем эмацыянальнага напружання.

З набліжэннем фронту да Вільні ў жніўні 1915 г. Янка Купала як рэдактар «Нашай Нівы» прымае цяжкае рашэнне – закрывае газету і выезджае ў эвакуацыю.

Янка Купала як непасрэдны сведка і ўдзельнік тагачасных падзей чуйным паэтычным словам усебакова асэнсоўваў і адлюстроўваў не толькі крываваю рэчаіснасць Першай сусветнай вайны, але і раскрываў прычыны ўсеагульнай бойні, дапамагаў народу ўсвядоміць яго незалежнасць ад загадаў панскіх і царскіх груганоў, сцвярджаў мару аб шчаслівай будучыні беларусаў.

Знаёмства *Вінцэнта Станкевіча* з Янкам Купалам адбылося ў 1905 г. у маёнтку Яхімоўшчына і перарасло ў трывалае сяброўства ў фальварку Акопы, дзе малады інжынер, спецыяліст па сілікатнай прамысловасці сустрэў ужо знакамітага паэта, рэдактара «Нашай Нівы». У гэтай чароўнай мясціне, званай «беларускай Швейцарыяй», ён стаў сведкам росквіту Купалавага таленту, магчыма, адным з першых чытачоў створаных тут цудоўных рамантычных паэм «Бандароўна», «Яна і я», «Магіла льва» і камедыі «Паўлінка».

Светлай падзеяй асабістага жыцця паэта стала яго вячанне 23 студзеня 1916 г. у касцёле святых Пятра і Паўла ў Маскве з *Уладзіславай Станкевіч*, даўняй знаёмай, прафесійным педагогам, аўтарам вершаў для дзяцей. Жонка стала вернай спадарожніцай паэта, пасля трагічнай гібелі мужа – збіральніцай яго творчай спадчыны, рассяянай па свеце ўжо ў час Другой сусветнай вайны. У канцы студзеня таго ж года Янка Купала як рэзервіст быў прызваны ў войска [4, с. 3]. Вінцэнт Станкевіч, які служыў афіцэрам у 16-м ваенна-дарожным атрадзе 2-й арміі Паўночна-Заходняга фронту, цудоўна ўсведамляў значэнне паэта для Беларусі, таму паспрыяў накіраванню свайго сябра і сваяка ў дадзенае вайсковае падраздзяленне і прызначэнню яго дзясятнікам. Поспех яго хадайніцтву забяспечыла, верагодна, і вядомасць паэта ў коле ваеннага кіраўніцтва. На карысць гэтага сведчыць выпадак у зале чакання I класа Віленскага вакзала ў Мінску ў 1917 г., пра які ведаем з успамінаў *Вінцэнта Станкевіча* і яго сястры. Калі камэндант станцыі, падпалкоўнік *Мясаедаў*, хацеў загадаць Купалу пакінуць залу, бо той не меў права тут знаходзіцца, таму што меў званне падпрапаршчыка, генерал ад кавалеры *Васіль Іосіфавіч Гурко* (камандуючы войскамі Заходняга фронту Рускай імператарскай арміі), звяртаючыся да *Мясаедава*, даслоўна сказаў:

«Я разрешил господину Янке Купале пребывать в этом зале, вы не знаете кто это такой! Это же известный, ценимый белорусский поэт Янка Купала, несравненно более ценный человек, нежели одна держиморда, хотя бы и в мундире подполковника», пасля чаго папрасіў прабачэння ў Уладзіславы Луцэвіч, якая праводзіла мужа і брата.

У склад 16-га ваенна-дарожнага атрада ўваходзілі, акрамя камандзіра і памочніка, 4 інжынеры, 9 тэхнікаў, дзясятнікі з разліку адзін на 200 вайскоўцаў, а таксама медперсанал – 11 чалавек на чале з урачом. Дадзенае падраздзяленне складалася з чатырох падатрадаў. Ужо ў лютым 1916 г. унтэр-афіцэр Янка Купала быў залічаны ў першы падатрад, дзе начальнікам быў сваяк па лініі жонкі Вінцэнт Станкевіч [3, с. 189]. Кожны падатрад меў абоз, слясарні і кузню. Галоўнай задачай падатрадаў было абслугоўванне дарожнай і чыгуначнай ліній Віленскай вайскавай акругі [5, с. 105].

Вясной 1916 г. дзясятнік Купала ў складзе свайго падатрада прымаў актыўны ўдзел у будаўніцтве стандартнай для Расіі чыгуначнай каляі *Брусы – Крывічы – Сяславіна (сучасная станцыя Круляўшчызна)*, мастоў праз рэкі Нарач, Ілля, Бярэзіна, накатных дарог на ўчастку Брусы – Сосенка – Вілейка – Нарач і г. д. [6]. Аб хуткім выкананні атрадам пастаўленых задач сведчыць наступны факт: калі штаб у пачатку красавіка 1916 г. размяшчаўся ў фальварку Арпы, то ўжо ў канцы месяца – у маёнтку пана Бароўскага (Вілейскі павет Віленскай губерні).

Янка Купала вельмі ўважліва адносіўся да падначаленых, перажываў за кожнага, цікавіўся пра самаадчуванне, дапамагаў пісаць лісты да сваякоў малапісьменным вайскоўцам [4, с. 3]. Беларускі паэт стаў сведкам Нарачанскай наступальнай аперацыі 2-й палявой рускай арміі ў сакавіку 1916 г. Непасрэднага ўдзелу ў баявых дзеяннях не прымаў, але ўсю жудасць і бесчалавечнасць вайны назіраў у вёсцы Брусы, што знаходзілася ў некалькіх кіламетрах ад перадавых акупаў рускай арміі.

У чэрвені – ліпені 1916 г. 16-ты ваенна-дарожны атрад быў пераведзены ў *Полацк*. Першы падатрад, дзе служыў Янка Купала, быў раскватараваны на чыгуначнай станцыі Баравуха за некалькі кіламетраў ад Полацка. Будаўніцтва мастоў, дарог, пракладка чыгуначнага палатна былі вельмі цяжкай і напружанай працай. Падпрапаршчык Янка Купала ўзначальваў падраздзяленне па валцы лесу пры нарыхтоўцы шпалаў. Аб ім вельмі добрыя ўспаміны пакінуў адзін з лесарубаў яго атрада Мікалай Шыманок, які пісаў: «Наш камандзір быў ветлівым і сардэчным чалавекам, ніколі не крычаў на падначаленых».

Нягледзячы на цяжкую службу, Купала знаходзіў час для сустрэч з сябрамі, якіх ён ведаў яшчэ па пецяўбургскім перыядзе жыцця і творчасці. Так, у ліпені 1916 г. да Купалы завітаў ветэрынар вышэйшай кваліфікацыі, доктар Сямён Канстанцінавіч Жывапісцаў. Ён прыехаў спецыяльна, каб павіншаваць свайго сябра з днём нараджэння і пазнаёміцца з яго жонкай.

Шчаслівую сустрэчу вырашылі адлюстраваць на фотаздымку. Магчыма, фотакарткі атрымалі ўсе ўдзельнікі фатаграфавання, але да нашых дзён захавалася толькі Жывапісцава [5, с. 107].

Неаднаразова беларускі пясняр сустракаўся на Полаччыне з дзеячам беларускай культуры, сваім настаўнікам Браніславам Ігнатавічам Эпімах-Шыпілам.

У 1916 г. у Полацку дзейнічала невялічкая крама беларускіх выданняў, якая належала паэтцы Канстанцыі Буйло. Шмат разоў гэтую краму наведвалі Янка Купала і яго жонка на працягу 1916 г. Гістарычная сустрэча Янкі Купалы з музай Паўлінай Мядзёлкай адбылася ў кнігарні летам 1917 г. Таксама ў Полацку Купала займаўся асветніцкай дзейнасцю. Так, па ўспамінах полацкага краязнаўца Івана Дэйніса, у будынку жаночай гімназіі беларускі паэт некалькі разоў выступаў з лекцыямі перад настаўнікамі горада па пытаннях развіцця беларускай мовы і літаратуры [6].

У Полацку 16-ты ваенна-дарожны атрад Варшаўскай акругі шляхоў зносін дыслацыраваўся з лета 1916 па восень 1917 г. Кастрычніцкую рэвалюцыю сямя Купалы сустрэла на Полаччыне, але ў хуткім часе вымушана была пераехаць у г. Смаленск, куды была пераведзена вайсковая частка. Іван Дамінікавіч Луцэвіч быў дэмабілізаваны ў студзені 1918 г. [7, с. 243].

У кастрычніку – снежні 1918 г. пасля працяглага творчага маўчання Купала напісаў некалькі вершаў, у якіх выявіліся яго расчараванне ў рэвалюцыі, трывога за свой народ, прагучаў заклік да беларусаў згуртавацца і самім вырашыць лёс Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Барткова, М.** Першая суветная. Стагоддзе / М. Барткова // Літаратура і мастацтва. – 2014. – 1 жн. (№ 30). – С. 1.
2. **Беларускі фальклор** : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2 : Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – «Яшчур». – 832 с.
3. **Купала, Я.** Поўны збор твораў : у 9 т. / Я. Купала. – Мінск : Маст. літ., 1995–2003. – Т. 3 : Вершы. Пераклады, 1911–1914. – 1997. – 342 с.
4. **Новиков, С.** «У нас служил даже Янка Купала» / С. Новиков ; [беседовал] К. Ковалев // Белорусская нива. – 2013. – 9 авг. – С. 15.
5. **Полоцк** : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: П. Т. Петриков (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
6. **Станкевіч, В.** Альбом фотакронікі 16-га ваенна-дарожнага атрада : памятка Першай суветнай / В. Станкевіч // Дзяржаўны літаратурны музей Янкі Купалы : [матэрыялы з фондаў].
7. **Янка Купала** : энцыкл. давед. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 727 с.

ГІСТОРЫЯ ЛІСТАПАДАЎСКАГА ПАЎСТАННЯ 1830–1831 ГГ. НА СТАРОНКАХ КНІГІ Л. ПАТОЦКАГА «КАЗІМІР З ТРУСКОВА, ЦІ ПЕРШЫ І АПОШНІ ЛІТОЎСКІ ПАЎСТАНЕЦ»

Леон Патоцкі (псеўд. *Bonawentura z Kochanowa*) – польскамоўны пісьменнік і мемуарыст, які паходзіў з беларускіх зямель (мястэчка Каханова Віцебскай губерні), быў удзельнікам Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. на Літве пад кіраўніцтвам генерала Дэмбінскага, уваходзіў у часовы ўрад панявежскага павета.

М. Федароўскі распавёў пра біяграфію Патоцкага, зрабіў тэматычны агляд яго пісьменніцкай спадчыны. Даследчык адзначыў, што пасмяротныя публікацыі Патоцкага налічваюць пяць кніг, сярод іх вылучаюцца *«мемуары пра барацьбу за свабоду на Літве ў 1831 годзе, выдадзеныя пад вельмі неўласцівым апавесцевым тытулам “Казімір з Трускова, ці Першы і апошні літоўскі паўстанец”* [3, с. 246]. Знакаміты фалькларыст падаў у жыццяпісе Патоцкага некалькі значна скарачаных урыўкаў з гэтай кнігі. Далей пазначана: *«Пра гэтыя ўспаміны яшчэ толькі дадам, што змяшчаючы агульнае апісанне ўзброенага руху на Літве, побач з мемуарамі Дэмбінскага, Зянквіча і інш., яны з’яўляюцца неацэннай крыніцаю для таго, хто хоча пазнаёміцца з падзеямі, звязанымі з паўстаннем 1831 года на Жмудзі і Літве»* [3, с. 246].

Кніга кампазіцыйна складаецца з дзвюх частак, кожнай папярэднічае вершаваны эпіграф з творчасці ўдзельнікаў Лістападаўскага паўстання Вінцэнта Поля і Антонія Гарэцкага [5]. Замыкае кнігу эпілог з эпіграфам з верша А. Міцкевіча «Да маці-Польшчы».

Першая частка кнігі ўяўляе сабой аповед пра ход Лістападаўскага паўстання на Літве. Аўтар назваў падзеі партызанскай вайной, спыніўся на дзейнасці Віленскага камітэта і патрыятычнага таварыства. Думаецца, большасць інфармацыі гэтай часткі карысная для гісторыкаў Лістападаўскага паўстання, аднак яна можа падацца цікавай і звычайнаму чытачу. Напрыклад, аўтар кнігі пералічвае забароны, што былі ўведзены ўладай Расійскай імперыі на тэрыторыі Літвы, сярод якіх пазначана пазбаўленне Віцебскай і Магілёўскай губерняў правоў Літоўскага Статута, «забарона мундзіраў з малінавым каўнерам», абавязак для Літвы, Валыні, Падолля «карміць маскоўскае войска» пад страхам смяротнага пакарання.

Заўважым, што аповед Патоцкага пра ход паўстання ў розных паведах Жмудзі, Літвы і Русі пабудаваны па аднолькавай схеме: аўтар фіксуе дакладныя даты, называе тых, хто стаў на чале мясцовых паўстанцкіх атрадаў, каратка паведамляе пра падзеі, прыводзіць вытрымкі з успамінаў удзельнікаў руху за аднаўленне незалежнасці краю.

Як пазначае Л. Патоцкі, паўстанне ў Жмудзі пачалося ў лютым 1831 г. з цельшаўскага павета, сяляне якога ўзяліся за зброю пад кіраўніцтвам шлях-

ціча Барысевіча і селяніна Гедрыма. Далей паўстанне ахапіла ўпіцкі, вілкамірскі, трокскі, ковенскі, віленскі, ашмянскі, завілейскі паветы. Адтуль хваля змагання перакінулася на Міншчыну, Гродзеншчыну і землі ўсходніх рэгіёнаў (Ruś).

Падрабязна апісана паўстанне ўпіцкага павета, дзе першым за зброю ўзяўся Казімір Трускоўскі і апошнім склаў яе. М. Федароўскі назваў героя «сардэчным прыяцелем» Патоцкага, у лясах ля сядзібы Трускоўскага будучы пісьменнік «найдаўжэй стаяў лагерам» [1, с. 246]. Патоцкі падаў дэталі біяграфіі легендарнага паўстанца, апісаў яго цвёрды характар, лад жыцця, адасоблены ад суседзяў, інтрыг і плётак, заняткі вясковай гаспадаркай. У кнізе паведамляецца, што многія не любілі пана Казіміра за суровы нораў і справядлівасць, бо нікому не саступаў падчас шляхецкіх выбараў, уважліва ацэньваў кожнага з кандыдатаў, заставаўся верным уласнаму сумленню.

Напярэдадні паўстання дом Трускоўскіх стаў месцам, дзе выбраблялі кулі і назапашвалі зброю. У сакавіку 1831 г. надыйшла чаканая гадзіна выпрабавання для гаспадара маёнтка: былі затрыманы фуры з правіянтам для рускай арміі, вызвалены сяляне, якіх вялі ў рэкруты. Заклік да жыхароў навакольных тэрыторый быў адназначны: ці далучыцца да паўстання, ці пакінуць край, быць пазбаўленым шляхецкага гонару і нават пакараным смерцю.

Паўстанне ў цельшынскім павеце апісана на аснове ўспамінаў Ануфры Яцэвіча, які быў яго кіраўніком, у ковенскім – дзякуючы ўспамінам Маўрыцы Прозара. Такая апора аўтара на сведчанні ўдзельнікаў паўстання робіць тэкст кнігі дакументальным і нават хранікальным. Твор Патоцкага можа ўспрымацца як своеасаблівы даведнік па Лістападаўскім паўстанні ў Жмудзі і Літве.

Прыкладна па тым жа сцэнарыі, па якім ішло паўстанне ва ўпіцкім павеце, развіталіся падзеі ў Ашмянах. 23 сакавіка 1832 г. сіламі паўстанцаў былі ўзяты арсенал і астрог, спраўлена імша, прынесена прысяга, утвораны цэнтральны камітэт пад кіраўніцтвам П. Важынскага. Народ хутка ўзброіўся, пазней пакінуў Ашмяны, каб пазбавіць ад расправы мірнае насельніцтва. Дарэчы, тая ж дата пачатку паўстання пазначана ў даследаванні В. Гарбачовай [1, с. 66]. Аднак беларускі гісторык В. Швед паведамляе, што захоп арсенала паўстанцамі адбыўся значна пазней (16 красавіка) [4, с. 316]. Патоцкі спасылаецца на ўспаміны сведкаў падзей, у прыватнасці, на мемуары І. Клюкоўскага, які пазначыў, што 3 красавіка (па старым стылі) быў дзень забойстваў і разні ў Ашмянах [2, с. 50]. У працы В. Шведа тыя ж падзеі прыпадаюць на 27 красавіка. Таксама адрозніваецца інфармацыя пра колькасць варажых атрадаў і пацярпелых жыхароў Ашмянаў. Верагодна, такая фактычная недакладнасць тлумачыцца суб'ектыўным характарам дакументальных крыніц, на якія спасылаюцца даследчыкі.

Паступова паўстанне ахапіла Завілейскі, Вілейскі і Дзісенскі паветы. Як адначасна ў Патоцкі, паўстанне Літвы пачалося ў Жмудзі, выбухі былі част-

ковыя, паўстанцы не былі гатовы да скаардынаваных дзеянняў. Заўважым, што некалькі эпизодаў у кнізе прысвечаны Эміліі Плятэр, якая вярнулася ад сваякоў з Інфлянтаў у Літву. Падхарунжыя дынабургскай школы па старажытнай традыцыі пасвяцілі Эмілію ў рыцары, замест мяча падарылі ёй паляўнічую стрэльбу. Другі раз імя знакамітай патрыёткі згадваецца пры апісанні вількамірскіх падзей. Эмілія будзе выконваць абавязкі ад’ютанта пры кіраўніку мясцовага паўстанцкага атрада К. Залускім, што неверагодна падтрымае ваяўнічы дух змагароў. У гэксце ёсць каштоўны мастацкі фрагмент дзённіка аднаго са сведкаў падзей, які ўтрымлівае апісанне знешняга выгляду Плятэр і яе спадарожніцы.

Каштоўным у гістарычным і мастацкім планах фрагментам кнігі Патоцкага стала вытрымка з дзённіка аднаго з падхарунжых Дынабурга пра далучэнне вучняў вайскавай школы да паўстанцаў. Поўны прыгодніцкіх элементаў аповед пра двух навучэнцаў, пасланцаў да Відзаў, Міхася Баброўскага і Яна Клота, якія былі схоплены ўладамі падчас пераходу Дзвіны па лёдзе (у канцы сакавіка!) і лёдз не расстраляны, пра, нарэшце, паспяховыя ўцёкі падхарунжых і іх доўгае блуканне праз багну ў напрамку Лужкоў, якія сталі месцам збору паўстанцаў. Адзін з атрадаў падхарунжых узначаліў Ф. Плятэр, другі – А. Рыпінскі. Эмацыянальна насычаным цэнтрам апаведу стала апісанне сумеснай малітвы будучых паўстанцаў, якія выканалі песню-зварот да Бога з просьбай даць перамогу ў змаганні за Айчыну (арыгінал песні змешчаны ў кнізе Патоцкага). Як адзначае сведка падзей у сваім дзённіку, атрад меў некалькі дзясяткаў коней, трохі зброі і хутчэй нагадваў паляўнічых, якія выправіліся на аблаву, чым паўстанцаў.

Сярод удзельнікаў дзісенскага паўстання названы жыхар Глыбокага, былы падпалкоўнік войска польскага Валенты Брахоўскі, абраны кіраўніком атрада. Ён з веданнем справы кантраляваў дыслакацыю, чым выклікаў павагу сваіх людзей. Аўтар паведаміў некаторыя дэталі ваеннага быту, пералічыў віды зброі (карабін з багнетам, паляўнічыя стрэльбы розных калібраў, косы і пікі), зазначыў, што ў атрадах трымаліся баявога пастраення па інструкцыі Кароны Польскай: першы рад складалі стралкі, другі – касіянеры, трэці – жаўнеры з доўгімі пікамі. Пяхота падзялялася на батальёны і роты, паўстанцы мелі трохкаляровы штандар са словамі «За вольнасць, веру і Айчыну!».

На Вялікдзень 19 красавіка (1 мая) паўстанцы далі прысягу на вернасць Айчыне трохкратным «Свабода або смерць!» і пачалі падрыхтоўку да ўзяцця Дзісны. Наступныя падзеі сведчаць пра тры асноўныя месцы кансалідацыі паўстанцаў: Глыбокае – Лужкі – Дзісна. Ім супрацьстаяў рэзервовы корпус Талстога, з Дынабурга ішоў на дапамогу батальён сапёраў палкоўніка Капеля. У выніку паўночная частка павета была паўстанцамі страчана.

Выклад падзей працягнуў агляд змагання на Гродзеншчыне, прыродныя ўмовы гэтага краю былі надзвычай прыдатнымі для вядзення партызанскай вайны. Белаежская пушча стала месцам дыслакацыі паўстанцаў, сярод якіх

былі прадстаўнікі розных сацыяльных класаў грамадства: памесная шляхта, студэнты, служачыя, парабкі.

Дарэчы, на старонках кнігі пісьменнік згадаў дзейнасць паэта, сябра А. Міцкевіча, члена Цэнтральнага Віленскага камітэта Антонія Гарэцкага. У аповед уведзены верш-імправізацыя паэта ў гонар палеглых паўстанцаў, урывак з яго твора стаў эпіграфам да другой часткі кнігі. Упамінаецца таксама пляменнік Міхала Клеафаса Агінскага князь Габрыэль Юзаф Агінскі, які ўзначаліў паўстанне ў Троках, і іншыя героі паўстання.

Падводзячы вынік апісанню падзей 1831 г. на землях Жмудзі і Літвы, Л. Патоцкі прыходзіць да высновы пра прычыны паражэння паўстання, што былі абумоўлены, у першую чаргу, слабай падтрымкай узброенага выступлення з боку сялян, якія не давяралі абяцанням і не бачылі ўласны інтарэс у барацьбе. Улічваючы той факт, што, акрамя Вільні, у Літве не было друкарняў, пракламацыі не маглі сур'ёзна ўплываць на ўмацаванне патрыятычнага духа насельніцтва. Да таго ж, Літва доўгі час не мела падтрымкі ад польскага войска. Некалькі месяцаў літвіны адцягвалі на сябе непрыяцеля, змагаючыся толькі «паляўнічай стрэльбай, пікамі і косамі», маючы мінімум правізіі і фінансаў.

Былі ў паўстання і пралікі практычнага характару: не хапала амуніцыі і зброі, абутку і фуражу. Паўстанцы наладзілі выраб куль розных калібраў, аднак кожны ваяр усё роўна павінен быў пераарбляць патрон пад уласную зброю, у час бітвы дасыпаць порах, з-за чаго часта разрываліся зброевыя ствалы. Стратэгічным недахопам партызанскай вайны ў Літве таксама была несакардынаванасць дзеянняў паветаў і атрадаў. Бывала, што той, хто меў пад сваім камандаваннем некалькі соцень чалавек, не хацеў залежаць ад іншых і вёў самастойнае змаганне з непрыяцелем.

Другая частка кнігі храналагічна працягвае першую: у цэнтры ўвагі пісьменніка – бой за Вільню, якая была страчана з-за фатальнага праліку генерала А. Гелгуда. Патоцкага цікавіць адказ на пытанне, чаму ў лісце да Дэмбінскага Гелгуд прызначае для сумеснай атакі 8 (20) чэрвеня, а сам атакуе на дзень раней. Меркаванне пісьменніка адназначнае: такая памылка (наўмысная яна ці выпадковая) павінна карацца смерцю. Адносна асобы генерала ў тэксце выкарыстана трапінае выслоўе «глядзеў праз падзорную трубу сляпым вокам», гэта значыць, не вызначаўся празарлівасцю і талентам ваеннага кіраўніка.

Эпілог твора ўяўляе сабой мастацкі тэкст, у якім сустракаецца апаэтызаваная гісторыя «першага і апошняга паўстанца Літвы» і яго спадарожніцы – пляменніцы Лаўрэнціі. Адзіная з роду Трускаўскіх, не столькі прыгожая, колькі моцная духам дзяўчына падзяліла лёс героя і засталася з ім да апошняга. Як адзначае аўтар, дзейнасць Трускаўскага засталася той іскрай, з якой нанова магло ўспыхнуць паўстанне. Літва доўга поўнілася чуткамі пра свайго абаронца, яго быццам бы бачылі ў розных мясцінах, герой набыў

своеасаблівую паўсюднасць, пра яго складалі гісторыі, ён ператварыўся ў чалавека-легенду краю.

З набліжэннем зімы (канец лістапада 1831 г.) у атрадзе Трускоўскага па-чаўся голад, не хапала пораху, з'явіліся першыя дээрціры. У выніку паўстан-цы былі канчаткова разбіты, удзельнікаў чакала эміграцыя ці Сібір. Казімір пазбег зняволення, след яго знік. З далейшага аповеду вынікае, што Тру-скоўскі жыві некаторы час на ўзмежку Віцебскай губерні, потым змяніў про-звішча і стаў графскім лоўчым. Высачылі героя выпадкова, закаванага ад-правілі з Дынабурга ў Вільню. У Віленскай турме давялося аўтару пабачыць свайго таварыша па зброі. Апошнія дні літоўскі паўстанец правёў у мінскім астросе, быў праведзены ў апошні шлях пляменніцай і пахаваны на могіл-ках недалёка ад горада. У 1857 г. невядомы папечнік Трускоўскага наведваў месцы баёў атрада і загазаў імшу па памерлым героі. На ўспамін нашчадкам засталася толькі імя Трускоўскага і яго верш, напісаны ў вязніцы.

У канцы кнігі змешчаны дакументальныя матэрыялы на польскай і французскай мовах, якія ўяўляюць сабой вытрымкі з дзённікаў сведкаў паўстання.

Л. Патоцкі быў сведкам найважнейшых падзей гісторыі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, ён валодаў зольнасцю падаць факты максімальна аб'ек-тыўна. У яго кнігах шмат гістарычнага матэрыялу, які арганічна спалучаны з асабістымі ўспамінамі і вытрымкамі з дзённікаў сучаснікаў. М. Федароўскі адзначаў: «*Пра рэчы і людзей Патоцкі заўсёды мае цвёрдае суджэнне, не па-блажлівае, але і не рэзкае, характары некаторых асобаў выпукляе па-разь-бярску і даступна малое перад намі вобраз эпохі, у часы якой пражывіў свой век*» [3, с. 248]. Даследчык лічыў Патоцкага выдатным мемуарыстам, аднак адмаўляў яму ў дасканаласці мастацкіх твораў. Гэту думку выдатна ілюст-руе прааналізаваная кніга, якая, нягледзячы на дастаткова «літаратурную» назву, уяўляе сабой своеасаблівы сінтэз гістарычнага дакумента, дзённіка і мастацкай прозы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Гарбачова, В.** Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі / В. Гарбачова. – Мінск, 2001. – 184 с.
2. **За вольнасць і веру** : Ігнацій Клюкоўскі і яго ўспаміны аб падзеях паўстання 1830–1831 гадоў / уклад., пер., камент. В. В. Гарбачова. – Мінск : Лімарыус, 2007. – 120 с.
3. **Патоцкі, Л.** Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Л. Патоцкі. – Мінск : Полымя, 1997. – 268 с.
4. **Швед, В. В.** Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на зем-лях Беларусі (1772–1863 гг.) / В. В. Швед. – Гродна, 2001. – 416 с.
5. **Górecki, A.** Poezyje Litwina / A. Górecki. – Paryż, 1834. – S. 5.

СЕМАНТИКА ПОНЯТИЯ «ЛАПТИ» В ТРАДИЦИОННОЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Принято считать, что лапти – один из древнейших видов обуви, аналоги которого встречаются у многих народов мира. Лапоть – плетеная обувь из лыка, бересты или веревок [4, с. 303]. На протяжении долгого времени это был основной вид обуви белорусских крестьян.

Повсеместное использование плетеных лаптей белорусским крестьянством неизбежно привело к внедрению этого образа в народную культуру, сопряженного с наделением их символическими значениями.

В первую очередь символизации подверглись такие характеристики лаптей как «простота» и «дешевизна». Изготовление лаптей было довольно простым занятием, и потому плетение лаптей противопоставлялось более важным аспектам жизни крестьянина: «Век пражыць – не лапці сплесці» [3, с. 110]; «Замуж пайсці – не лапці плясці» [3, с. 201]; «Гаспадарку весці – не лапці плесці» [3, с. 130].

Однако и изготовление лаптей требовало навыка, не говоря уже о других ремеслах: «Без начыння і лапця не спляцеш» [3, с. 83].

«Простота» лаптей может быть фигуральной и подчеркивать необразованность, глупость, бесполезность человека: «Абуць у лапці» в значении «обмануть»; «Сышліся да кучы лапці ды анучы» – презрительное выражение по отношению к группе бездельников [3, с. 480]; «Хоць мужык з лапаць, абы з ім не плакаць» – отражение жизненного опыта крестьянок, для которых лучше иметь мужа глуповатого, но доброго, спокойного [3, с. 528].

Также производным от слова «лапоть» стало слово «лапотник», имеющее сразу несколько значений. Лапотник – это одновременно и тот, кто плетет лапти, и тот, кто их носит. Устоявшийся образ крестьянина в лаптях, необразованного, «темного», привел в более поздний период к возникновению определения «лапотник» или «лапоть» как неграмотного, глупого человека [4, с. 303].

Также лапти как обувь дешевая и широкораспространенная среди беднейших слоев населения стали синонимом бедности. Например, поговорка «Гулі не аднаго ў лапці абулі» [3, с. 142] предостерегает о том, что бесконтрольные развлечения приводят к бедности. В поговорке «Бот лапцю не пара» [3, с. 94] или «лапаць боту не пара» [3, с. 286], лапоть означает «бедняка», в то время как «бот» человека более высокого социального статуса и/или материального состояния.

При постоянной необходимости обрабатывать землю для пропитания и отработки крестьянских повинностей в условиях нехватки рабочих рук важно было вовремя заключать браки между молодыми девушками и пар-

нями. В ином случае родители незадачливой невесты должны были кормить дополнительный рот, что было сопряжено с рисками. Отражением этого является поговорка «за пераборы лапці ды аборы» [3, с. 202], где отражено недовольство старшего поколения нежеланием своих отпрысков жениться/выходить замуж.

«Каму пашанцуе (шанцуе), той і ў лапцях танцуе» [3, с. 256]. В этом случае подчеркивается, что везение, удача не зависят от положения человека, и в то же время могут обрадовать, воодушевить даже самого бедного человека.

Соответственно, лапоть равно крестьянин, бедняк – устойчивое сопоставление в народном сознании. «Што лапці сплятуць, таго боты не разблытаюць» [3, с. 580], то есть противопоставление крестьянской смекалки и дворянского ханжества, где лапоть – это крестьянин, а бот соответственно – пан.

Кроме того, лапти как привычный предмет крестьянского быта часто фигурируют в саркастических поговорках, отражающих шутовское отношение к жизни белорусского крестьянства: «Дзед бабцы купіў лапці, былі малыя – абсек пальцы» [3, с. 161]; «Лапці воду не прапускаюць» [3, с. 286]; «Не можа быць каб лапці ваду прапусkali / хто сказаў, што лапці воду прапускаюць?» [3, с. 368]; «Чорт не адны лапці стаптаў, пакуль такую пару дабраў»; «Чорт сем пар лапцей стаптаў, пакуль (покуль) пару дабраў» [3, с. 562].

Также лапти часто фигурируют в разных обрядах, магических действиях, направленных на сохранение хозяйства, защиту себя и семьи, урожая. Так, считалось, что, если повесить изношенный лапоть в курятнике – птицы будут здоровыми и их обойдет мор, а также они станут хорошо нестись. А если корову, которая только что отелилась, окурить дымом от подожженного лаптя, она быстро оклемается и впоследствии будет давать много жирного молока, а теленок вырастет здоровым [1].

Во время эпидемий лапти промачивали дегтем и развешивали в хатах, хлевах, курятниках, чтобы обитатели этих мест были защищены от болезни.

Для богатого урожая огурцов считалось, что необходимо лапоть забросить на середину огорода и сказать: «Як гэты лапаць густа плёўся, так і агуркі мае пляціцся і радзіцся!»

С урожаем же связан обряд вызова дождя в засуху, когда в некоторых деревнях крестьяне бросали лапти в реку и искренне верили, что они помогут умиловить природу.

Плели также специальные лапти для домового. Они были небольшими по размеру, их подвешивали в теплом уголке, возле печки. Внутрь клали гостинцы – хлебную горбушку, сладости. Так можно было задобрить домового, чтобы он помогал с домашними делами, присматривал за скотиной, отводил от дома беду.

Во время похорон лапоть мог выступать в качестве жертвоприношения-оберега предкам.

Были и суеверия, связанные с лаптями. К примеру, категорически запрещалось плести лапти во время Коляд – иначе в семье родится больной ребенок.

А еще говорили если подошвы рвутся впереди – беда впереди, если изнашивались, топтались сзади, на пятках – беда прошла. А если шнурки часто развязывались, знай, женщина тебя очень любит и скучает по тебе [2].

Говоря про сегодняшний день, в большинстве своем понятие «лапоть» применимо именно в научной литературе или в детских сказках, но никак не в разговорной речи, где оно используется очень и очень редко, и то только в формате пословиц и поговорок. А сами лапти уже давно вышли из обихода, даже у сельских жителей. Сейчас лапоть можно увидеть только в музее или как сувенир в торговой лавке.

ЛИТЕРАТУРА

1. **SB.VY.** БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ekh-lapts-mae-lapts-lykavuua>. – Дата доступа: 20.11.2022.
2. **Звязда** [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://zviazda.by/be/news/20160414/1460581833-lapci>. – Дата доступа: 20.11.2022.
3. **Лепешаў, І. Я.** Глумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродно : ГрДУ, 2011. – 667 с.
4. **Глумачальны** слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65000 слоў / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996. – 783 с.

Кралько В.А. (г. Витебск)

ОСОБЕННОСТИ ПРАЗДНОВАНИЯ МАСЛЕНИЦЫ В аг. НОВКА

Гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения имеет различные направления и предполагает достижение определенных результатов при условии организованной совместной деятельности. Творческий процесс восприятия народных традиций и обрядов основывается прежде всего на взаимодействии личносно ориентированного интереса и игровой деятельности. Все это предполагает использование различных песенно-танцевальных и театральных форм работы, где зритель становится непосредственным участником народного празднества.

Только при единстве вышеперечисленных позиций можно сформировать у молодежи позитивное восприятие жизни. Иными словами, восстанавливаются события, факты, аспекты поведения на уровне генетической памяти, что не может не приводить к формированию духовно-нравственной культуры и воспитанию личности гражданина и патриота Родины. Это требует не

только понимания истоков традиционной культуры, процессов ее становления и развития, но и предполагает создание определенных психолого-педагогических условий для усвоения традиций белорусского народа в процессе жизнедеятельности современной молодежи [2].

Рассмотрим данные положения на примере славянского языческого праздника Масленица. Это веселые проводы зимы, озаренные радостным ожиданием близкого тепла и весеннего обновления природы. Этот праздник у славян праздновался весело и продолжался целую неделю. Главным угощением на Масленицу были круглые и румяные блины с разнообразной начинкой (творог, икра, мед, масло, варенье и т. д.). Они символизировали солнце.

С принятием христианства на Руси появились новые церковные праздники, но широкая Масленица продолжала свое существование. Ее встречали и провожали с такой же неудержимой удалью, что и в языческие времена.

Сегодня празднованию Масленицы уже не придается такое сакральное значение, как в древности. Однако этот праздник по-прежнему популярен у жителей XXI в. Для иностранных гостей, прибывших в Беларусь из Китая, Турции и других азиатских стран, считается большой удачей увидеть празднование Масленицы и принять участие. Ведь это означает прикосновение к славянским традициям. Среди учреждений культуры наиболее ярко Масленица проводится в Культурно-историческом комплексе «Золотое кольцо города Витебска “Двина”», на площадках комплекса культурно-массового отдыха им. Советской армии, в УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарской медицины», в пос. Должа Витебского района (приозерный двор кафе «У Ганны») [1].

Масленичных традиций и обрядов существовало достаточно много, однако некоторые из них безвозвратно утеряны и позабыты. Поэтому в современном праздновании Масленицы появляются новые традиции, соответствующие реалиям наших дней. Однако праздник остается таким же веселым и задорным, как и много веков назад.

В аг. Новка Витебского района празднование Масленицы стало своеобразной традицией. В 2022 г. жителям и гостям аг. Новка народное гуляние «Масленица» было представлено в новом формате.

По народным традициям каждый день масленичной недели имеет свое название. Соответственно этому названию и происходят различные ритуальные действия. Однако современный жизненный ритм и отсутствие в будние дни свободного времени послужил поводом для празднования масленичной недели в один день. В центре аг. Новка расположен ГУК «Витебский районный центр культуры и творчества» (директор А.Ф. Киселева). Он был создан в аг. Тулово (2014). Однако в 2020 г. данный центр был переведен в аг. Новка в здание местного Дворца культуры. В настоящее время в структуру ГУК «Витебский районный центр культуры и творчества» входит 17 уч-

реждений культуры клубного типа: центр ремесел «Возрождение», 11 домов культуры (Бабиничский, Вороновский, Вымнянский, Должанский, Заро-новский, Коптянский, Мазоловский, Октябрьский, Ольговский, Туловский, Шапуровский), 2 горпоселковых дома культуры (Суражский, Яновичский), 3 сельских клуба (Кировский, Сосновский, Шапечинский).

На площади перед ГУК «Витебский районный центр культуры и творчества» расположили площадки, которые символизировали масленичные дни (табл. 1).

Таблица 1. Структурные компоненты проведения Масленицы

№ п/п	День	Сущность
1	Понедельник «Встреча»	Мастер-класс по изготовлению народной куклы-оберега «Веснянка»
2	Вторник «Заигрыш»	Парные состязания: бой подушками, пиление бревна, бег в мешках и т. д.
3	Среда «Лакомка»	Проверка людей на силу и выносливость – поднятие гири, вбивание гвоздя, стрельба в тире
4	Четверг «Разгуляй»	Фотография в фотозоне (деревенская изба) для последующего использования в социальной сети Instagram (необходимо подписаться на аккаунт, поставить лайк на конкурсном посте и отметить двух друзей в комментариях; комментарии можно оставлять в неограниченном количестве)
5	Пятница «Тещины вечерки»	Торговые ряды и персонаж Барышня-краса (бесплатное угощение блинами, сушками, медом, вареньем, конфетами и горячим чаем за активное участие в играх и конкурсах)
6	Суббота «Золовкины посиделки»	Детская игровая зона с сельскими атрибутами
7	Воскресенье «Прощеное воскресенье»	Сжигание чучела, пение масленичных песен, общий хоровод

За участие в работе любой площадки можно было получить жетоны. Потом все жетоны подсчитывались на площадке «Прощеное воскресенье» и разыгрывались различные призы (посуда; украшения, сделанные участниками клуба народного творчества; душистый чай в льняных мешочках, овощной набор для борща и т. д.).

Для самых смелых, ловких, отважных и спортивных участников на стадионе физкультурно-спортивного комплекса «Урожай», расположенного недалеко от масленичной площадки, была построена снежная крепость. В процессе ее взятия можно было поучаствовать в шуточном бою. Играющие делились на «всадников», стремящихся разрушить крепость, и «защитни-

ков», охранявших ее. Помимо этой игры проводились конкурсы «Мама, папа, я и Масленица моя!» (спортивные игры), «Кто быстрее – тот сытнее!» (поедание блинов), «Масленичный столб» (достать приз с вершины столба), перетягивание каната и т. д. Особенно участникам празднования Масленицы нравятся игры «Метание снежков в цель», «Ходули», «Наколи дрова», «Заплети косу», «Перетягивание каната» (для мужчин и мальчиков), «Перетягивание одеяла» (для женщин и девочек).

Были предложены и новые конкурсы. Например, конкурс «Рыбалка» (вместо рыбы надо было ловить напиленные чурки), «Мучной бой» (с мешком муки весом в 10 кг на плечах надо было сделать 50 приседаний; победитель забирал муку себе в качестве награды). Новкинскую удаль и силу проявлял на конкурсе «Силачи» подниманием пудовой (16 кг) гири. В этом году старшее поколение уступило молодым. А столб высотой 10 м пробовали покорить 5 человек, но из 4 призов были взяты лишь 2.

Условия игры «Петушиный бой» предусматривают шуточную битву двух участников, которые стоят внутри круга, нарисованного на асфальте мелом.левой рукой нужно держать поднятую назад левую ногу, а правым плечом пытаться вытолкнуть соперника из круга. Победителем становится участник, который удержался внутри круга.

Игра «Катание на лошадях» проводится в составе двух команд по 5–10 человек. Все участники становятся парами, первая из них держит в руках дугу, украшенную ленточками и колокольчиками. Под веселую мелодию первая пара добегают до определенной линии и возвращается к своей команде, передавая дугу следующим игрокам. Победа присуждается той команде, которая первая завершит эстафету.

Особенно ярким воспоминанием участников праздника стала концертная программа и церемония награждения победителей всех состязаний. Мероприятие завершилось традиционным сжиганием чучела Масленицы.

Следует отметить, что сотрудники ГУК «Витебский районный центр культуры и творчества» ведут активную работу по возрождению фольклорных традиций и изучению аутентичного фольклора Витебского региона. Культработники вместе с учащимися ГУО «Новкинская средняя школа Витебского района» приезжают в различные деревни Новкинского сельского совета, встречаются со старожилами и записывают их воспоминания о проведении народных гуляний. Работа с детьми и молодежью является одним из приоритетных направлений деятельности данного учреждения культуры, а основной целью в работе с подрастающим поколением – гражданско-патриотическое воспитание в рамках организации досуга и активного вовлечения в социально-значимую деятельность.

Участниками праздника также являются близлежащие дома культуры и клубы. Например, Сосновский сельский клуб (заведующий Е.Г. Забабурина) в праздновании Масленицы предлагает нетрадиционные формы работы.

Территория сельского клуба оформляется в белорусском стиле (рушники, вышиванки, плетеные корзины, полотна и ковры с белорусским орнаментом). Особенно эффектно проходит мастер-класс по изготовлению кукол-мотанок «Масленица», которые изготавливают из разных кусочков ткани и закрепляют с помощью намотанных ниток. Именно здесь зародилась традиция завязывания ленточек на масленичное чучело: при этом все уверены, что при сжигании чучела все болезни и плохие мысли уйдут вместе с огнем.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что современная молодежь стремится приобщиться к народным традициям прошлых веков с учетом временных возможностей. А задача учреждений культуры и образования заключается прежде всего в создании условий для приобщения подрастающего поколения к народным традициям в рамках гражданско-патриотического воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кралько, В. А.** Использование регионального компонента в процессе проведения масленицы [Электронный ресурс] / В. А. Кралько // XVI Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студ., аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 окт. 2022 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – Т. 1. – С. 268–270. – Режим доступа: https://conf.vsu.by/wp-content/uploads/2022/10/Машеровские-чтения-Т.-1_compressed-1.pdf. – Дата доступа: 10.11.2022.

2. **Сусед-Вілічынская, Ю. С.** Беларускі фальклор як сродак фарміравання духоўна-маральнай культуры вучнёўскай і студэнцкай моладзі [Электронный ресурс] / Ю. С. Сусед-Вілічынская // Искусство и культура. – 2018. – № 4. – С. 89–97. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/17298>. – Дата доступа: 11.11.2022.

Михайловская Е.И. (г. Витебск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА «БАТЛЕЙКА КАК СРЕДСТВО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВИТЕБЩИНЫ»

Сохранение и укрепление единства белорусского народа, формирование ценностного отношения к историческому прошлому в рамках Года исторической памяти, объявленного в Республике Беларусь в 2022 г., обуславливает поиск новых форм работы с подрастающим поколением.

Идеологическая и воспитательная работа в Витебском государственном университете им. П.М. Машерова (ВГУ) направлена на формирование у сту-

дентов активной гражданской позиции, воспитание патриотизма, любви к Родине, уважения к традициям, духовным и нравственным ценностям белорусского народа, стремления к добросовестной учебе, успешному овладению избранной специальностью и последующему созидательному труду, пропаганду здорового образа жизни, профилактику правонарушений.

В рамках 65-летия педагогического факультета ВГУ организуются и проводятся мероприятия, направленные на приобщение молодежи к историческому наследию белорусского народа, воспитание уважения и развитие интереса к родному языку, культуре, истории (фестиваль творчества «Диалог талантов» на военно-патриотическую тематику, концерт «Моя семья – ПФ!», фотовыставка «Помню. Люблю. Горжусь...», экскурсии в народный музей педагогического факультета и др.). Отметим, что в музее экспонируются предметы народного быта, а батлейка и батлеечные куклы являются действующими экспонатами.

С целью приобщения подрастающего поколения к национальным традициям, истории и богатой культуре Витебщины на педагогическом факультете осуществляют свою деятельность следующие коллективы художественной самодеятельности: кукольный театр «Наша батлейка» (руководитель – старший преподаватель кафедры музыки Е.И. Михайловская), фольклорный коллектив «Вясёлка» (руководитель – доцент кафедры музыки, кандидат педагогических наук, доцент Ю.С. Сусед-Виличинская), инструментальный ансамбль «Жалейка» (руководитель – преподаватель кафедры музыки Н.А. Кручковская).

Не претендуя на подробный анализ деятельности фольклорных вокальных и инструментальных коллективов, рассмотрим в основных чертах генезис кукольного театра как одного из направлений белорусской народной культуры.

Одной из самых ярких страниц в истории белорусского народного театрального искусства является деятельность старинного театра кукол – батлейки. Этот театр в разных районах Беларуси назывался яселкой, батляемкой, остлейкой, жлобом или вертепом.

Театры батлеечного типа получили распространение на территории Беларуси в XVI в. Сначала вся тематика батлеечных спектаклей была исключительно библейской, но постепенно начали появляться народно-комедийные светские постановки. Батлейка «перешла» в руки крестьян и мещан. Батлейки с их представлениями существовали практически до начала XX в.

Исследованием белорусского народного театра кукол занимались Г.И. Барышев, П.А. Бессонов, Г.В. Виноградов, В.Н. Перетц, Е.Р. Романов, П.М. Шпилевский, П.В. Шейн и др. В настоящее время в Республике Беларусь наблюдается тенденция возрождения батлеечного искусства в рамках привлечения внимания к развитию деятельности любительских театров кукол и сохранения национальных традиций.

Рассмотрим некоторые ключевые положения в развитии батлеечного искусства. По мнению Г.И. Барышева, это целый пласт культуры, который погубило время, но возможность его возрождения, как птицы Феникс, весьма вероятна. Известный этнограф Е.Р. Романов отмечал, что в Витебской и Могилевской губерниях кукольное представление показывалось в первые рождественские дни и на Новый год. В Минске, как утверждал П.В. Шейн, кукольную комедию играли с Рождества до Сретения [4].

В настоящее время наблюдается активная популяризация самобытного батлеечного искусства. Большое значение приобретает проведение фестивалей и выставок батлеечных театров. Кроме того, в нашей республике большой популярностью у детей и взрослых пользуются Белорусский государственный театр кукол (Минск) и Белорусский театр «Лялька» (Витебск). «Лялька» была основана в 1985 г. как труппа кукольников при Национальном академическом драматическом театре имени Якуба Коласа. В фойе театра находится батлейка, которая задействована в представлении на основе классического сюжета про Иисуса Христа и Царя Ирода [1].

В Витебском в областном краеведческом музее была представлена выставка колядных батлеек из старинного польского города Кракова. Каждая батлейка была создана в духе главных исторических памятников города: Марицкий костел, кафедральный собор Вавеля, Ратушная башня, Королевский замок, Флорианская брама и др. Выставка вертепов побывала во многих странах мира и внесена в список нематериального наследия ЮНЕСКО [3]. В Витебском областном методическом центре народного творчества была представлена коллекция авторских батлеечных кукол мастера народных художественных ремесел Андрея Ретикова. В экспозиции были размещены более сотни кукол, выполненных в разных техниках. Внимание привлекала батлейка «Жлоб» – теневой театр, в котором куклы сделаны из картона в виде силуэтов [2]. У жителей Витебска была уникальная возможность увидеть традиционные батлеечные представления и современные спектакли на выставке батлеечных театров «Зимняя сказка» [7].

В ВГУ на педагогическом факультете также функционирует кукольный театр «Наша батлейка». Он был основан доцентом кафедры музыки, кандидатом педагогических наук, доцентом Ю.С. Сусед-Виличинской в 2011 г. одновременно с фольклорным коллективом «Вясёлка» и планировался как его структурный компонент.

Сегодня кукольный театр «Наша батлейка» осуществляет свою деятельность как самостоятельный коллектив: является постоянным участником мероприятий профориентационной направленности, дней открытых дверей университета и педагогического факультета и т. д.

Его деятельность направлена прежде всего на формирование нравственных позиций подрастающего поколения и его гражданско-патриотическое воспитание. Безусловно, большое внимание следует уделить приобретению

профессиональных навыков сценического мастерства (вождение кукол, сценическая речь, сценическое движение, коммуникационные навыки).

Тем не менее следует отметить выявленные недостатки, существенно мешающие достижению оптимального результата:

– недостаточное учебно-методическое обеспечение (разработки по сценической речи и сценическому движению, вождению кукол, адаптированные к студентам педагогических специальностей);

– отсутствие временных возможностей в рамках сочетания учебной деятельности студентов и их театральных выступлений;

– сценарии миниатюр (спектаклей) требуют авторской разработки и оформления, исходя из специфики педагогического факультета.

Вышеизложенные позиции послужили поводом для реализации социально-педагогического проекта «Батлейка как средство популяризации творческого наследия Витебщины».

Целью данного проекта является разработка учебно-методического сопровождения для социально-педагогической деятельности кукольного театра «Наша батлейка». Для ее достижения были сформулированы следующие задачи:

1. Сформировать гражданско-патриотическую позицию подрастающего поколения в контексте взаимодействия кукольного театра «Наша батлейка», фольклорного коллектива «Вясёлка» и инструментального ансамбля «Жалейка».

2. Апробировать алгоритм постановки спектаклей с учетом позиций со-знания, со-творчества и со-переживания.

Разработать сценарии мини-спектаклей по мотивам сказок витебских писателей и их музыкальное сопровождение.

Создать виртуальное развивающее, воспитательное и образовательное пространство для размещения учебно-методического обеспечения и видеозаписей сказок витебских писателей.

Решение вышеуказанных задач предполагает использование таких исследовательских методов, как анализ научно-методической литературы, обобщение, систематизация, наблюдение, моделирование. Исследование проводится на базе педагогического факультета ВГУ.

Выполнение проекта проходит в соответствии с разработанным планом и предусматривает:

– анализ литературного творчества писателей Витебщины в контексте стратегии проекта;

– создание группы «Наша батлейка. Педагогический факультет ВГУ имени П.М. Машерова» в социальной сети «ВКонтакте». В ней будут размещены методические рекомендации для развития сценической речи, голосоведения, дикции и т. д.; авторские видеозаписи сказок витебских писателей. Это позволит расширить зрительскую аудиторию, повысит возможность

популяризации творчества сказочников в рамках Года исторической памяти;

– участие в фестивалях и конкурсах различного уровня.

В ходе реализации проекта на данный момент можно отметить следующие достигнутые результаты:

– взаимодействие художественно-графического и педагогического факультетов определило дальнейшие перспективы: в рамках дипломных работ студентов художественно-графического факультета созданы куклы: дед, баба, юноша, девушка, домовенок, цыган, цыганка, ангел, дьявол, смерть, черт, ведьма, пономарь, чудо-юдо, скomorох [6]. В 2022 г. произведена коррекция кукол (дед и девушка) и осуществлена реконструкция батлейки;

– разработаны сценарии для проведения мероприятий различного уровня: для воспитанников учреждений дошкольного образования – «В гостях у сказки», «Теремок», «Мы ищем кота»; для учащихся младших классов учреждений общего среднего образования – «Чудеснейший дворец», «Это наш дом»; для сопровождения защиты дипломных работ студентов художественно-графического факультета – «Кузя», «Куклы», «Батлейка»; для мероприятий профориентационной направленности – «Добры дзень», «Квест для абитуриентов», «Судьбоносное решение» и т. д.;

– созданы видеозаписи постановок спектаклей по мотивам сказок витебских писателей (Г.Л. Шакулов «Аленушкин козлик» [5], М.М. Боборико «Приключения Кати в деревне»);

– музыкальное оформление кукольного театра «Наша батлейка» осуществляется фольклорным коллективом «Вясёлка» и инструментальным коллективом «Жалейка»;

– для организации согласованной деятельности участников коллективов «Вясёлка», «Наша батлейка», «Жалейка» создана группа в мессенджере Viber.

Результаты данного проекта целесообразно использовать в учреждениях дошкольного образования и учреждениях общего среднего образования, представлять на конкурсах и фестивалях различного уровня. Как иллюстративный материал результаты проекта могут быть использованы в проведении методических объединений учителей начальных классов; на курсах повышения квалификации воспитателей и музыкальных руководителей учреждений дошкольного образования в ГУДОВ «ВОИРО».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белорусский** театр «Лялька» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lialka.by/>. – Дата доступа: 18.10.2022.

2. **Выставка** в Витебске знакомит с авторскими батлеечными куклами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://radiomir.by/news/kultura/item/31889-vystavka-v-vitebske-znakomit-s-avtorskimi-batleecnymi-kuklami>. – Дата доступа: 17.10.2022.

3. **Голдовский, Б. П.** История белорусского театра кукол [Электронный ресурс] / Б. П. Голдовский. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/component/maxlib/b/272042?format=read>. – Дата доступа: 15.10.2022.

4. **Краковские** вертепы представлены в витебской ратуше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vitvesti.by/kultura/krakovskie-vertepy-predstavleny-v-vitebskoi-ratushe-foto.html>. – Дата доступа: 18.10.2022.

5. **Михайловская, Е. И.** Анализ возможностей сценической реализации литературных произведений писателей и поэтов Витебщины / Е. И. Михайловская // XVI Машеровские чтения : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. студ., аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 окт. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – С. 280–282.

6. **Михайловская, Е. И.** Традиционный белорусский театр «Батлейка»: история и современность / Е. И. Михайловская // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. студ. и магистрантов, Витебск, 22 апр. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – С. 443–444.

7. **Представление** батлеек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vitebsk.biz/afisha/theater/808/>. – Дата доступа: 17.10.2022.

Мишына В.І. (г. Полацк)

АСНОЎНЫЯ ЭТАПЫ РЫТУАЛЬНАЙ САЦЫЯЛІЗАЦЫІ ДЗІЦЯЦІ Ў РАДЗІННА-ХРЭСЬБІННАЙ АБРАДНАСЦІ (ПАВОДЛЕ ФАЛЬКЛОРНА-ЭТНАГРАФІЧНЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ)¹

Нованароджанае дзіця ў сістэме традыцыйнага светапогляду не ўспрымалася як паўнаватрасны чалавек, яно знаходзілася ў стане сімвалічнага пераходу ад сферы прыроды да сферы культуры. Таму ад моманту нараджэння і на працягу досыць доўгага прамежку часу дзіця было аб'ектам разнастайных маніпуляцый і рытуальных дзеянняў, што мелі на мэце яго сацыялізацыю – паэтапнае далучэнне да культурнага, «чалавечага» стану [1, с. 41–45].

Непасрэдна пасля нараджэння асноўныя дзеянні ў гэтым кірунку выконваліся бабкай-павітухай, і першай з такіх маніпуляцый было, уласна, адражанне пупавіны як літаральнае і сімвалічнае аддзяленне дзіцяці ад сферы «нечалавечага» [1, с. 41–42] і адначасова наданне яму характарыстык новага, «чалавечага» статусу, прычым не абстрактных, а даволі-такі канкрэтызаваных: «Пупавіну хлопчыка бабка звычайна адразае ці на дубовай дошцы, каб

¹ Работа падрыхтавана ў межах праекта БРФФД-РФФД «Субкультура дзетства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века», дамова № Г20Р-095.

ён быў моцны, ці на падкладзеным тапарышчы, каб дзіця ў будучым лепш валодала сякерай; ці на кнізе, каб было пісьменным; пупавіну ж дзяўчынкі адразае на альховай дошцы ці на «праніку, верацяну, чаўну» і іншых прадметах, што ўжываюцца пры «жаноцкіх работах», каб у будучым дзяўчынка была «ахвочай да іх» [3, с. 13]; «Ну дак, хто на кніжачку пуп пераразаець, рабёначак гэты крычыць, яму атразаюць пупок на кніжачку. Я відзела, як мая сястра маленькая радзілася, ей атразалі. Дык ей адразалі на верацяно, верацяно во гэта, дзе прадзеш, і вот палажылі на верацяно, атрэзала бабка гэта, бінтавала, бінтавала ей живоцік». – «А нашто вот так на верацяно ці на кніжачку?» – «Ну каб яна была... рукадзельніца». – «А на кніжку нашто?» – «На кніжку, каб граматная, каб вучылася»².

Адной з важнейшых пасляродавых працэдур з’яўлялася першае купанне дзіцяці, якое было не толькі спосабам абрадавага ачышчэння, але і сімвалічным сродкам забеспячэння дзіцяці рознымі дабротамі, надання прывабнага знешняга выгляду і да т. п.: «Перад першым купаннем патрэбна ўліць дзіцяці ў рот крыху квасу ці “летняй” вады, каб дзіця не баялася ў будучым прастуды»; «Каб дзіця было багатым і ў будучым радавалася жыццю, бацька кідае ў “начоўцы” некалькі срэбных манет» [3, с. 11, 14]; «Дзяўчынку трэба першы раз мыць у малаку, тады яна будзе белая, а хлопчыка ў піве, якое наліта ў “начоўкі і пыстаўлена на гарохавіны”. Тады ён будзе моцны і прыгожы» [7, с. 5].

Па вызначэнні А.К. Байбурына, адным з важнейшых актаў далучэння нованароджанага да свету культуры было апрананне, якому надаваўся «выразны сімвалічны характар» [1, с. 44]. Аднак на дадзеным этапе гэта не было апрананнем у поўным сэнсе гэтага слова, так як сапраўднае адзенне, як і крыж, дзіця атрымлівала толькі пасля хрышчэння. Уласцівае для дадзенага моманту загортванне нованароджанага падкрэслівае яшчэ неаформлены яго статус. Пры гэтым, як правіла, для загортвання выкарыстоўваюцца ношаныя бацькоўскія рэчы, пялюшкі са старой тканіны, што, з аднаго боку, абумоўлена гігіенічнымі меркаваннямі, а з другога, валодае яскрава выражанай сімвалікай пераемнасці (ад бацькоў да дзяцей) або, зноў-такі, выступае як спосаб надання на лімінальным этапе нованароджанаму неабходных якасцей: «Калі нараджалася дзяўчынка, баба загортвала яе адразу ў старыя бацькоўскія штаны, каб яе малыцы любілі, а мальчика – у мацярынскую кашулю, каб яго дзеўкі любілі» [5, с. 91]; «Тады ж новае калаватае было, гэта цяпер усё крамнае. А тады ўжо гатуеш сама рубашку вынашаную ці якую там пасцілачку мякянькую і спавіваеш. Цяпер жа крамніна – едзь, купі, едзь, палучы, раз радзіла. Спаўюць, усё»³; «...нарвала пялёначак, раньшэ ш пялё-

² Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ): зап. у 2007 г. Мішына В.І., Мішын П. І., Халадкова А.У., студ. ПДУ Шыпіла У., Мілянцей А. ад Літвін М.П., 1931 г. н., у вёсцы Губіна Лепельскага р-на Віцебскай вобл.

³ ФА ПДУ: зап. Мішын П.І., Мішына В.І., студ. ПДУ Высоцкая А. у 2009 г. ад Дранковіч Д.В., 1928 г. н., у в. Хмялёўшчына Докшыцкага р-на Віцебскай вобл.

начкі не купляліся, вот парвецца простынька ілі навалачка, навалачка тожа саматканая была, яна вымаецца – мякенькая-мякенькая, і патом рабёначка спавіваюць. <...> Зато дзеткі нікагда не прэлі, не балелі, ніхто не знаў»⁴; «Бабка прыносіць пялёнку. У сваю пялёнку. Льяная! Мож, навалачку разарвала. Навалачку нада, з навалачкі. Там завярнулі яго <...> і шынель. Папа аставіў шынель. Вот. І ў шынель. Ну і ён (брат як вырас) ваенным стаў. Цёця мая гаварыла калісь: “Во як! Завярнула яго ў шынель, дак... І стаў палкоўнікам!”» [4, с. 256].

Важнейшую ролю ў працэсе рытуальнай сацыялізацыі дзіцяці адыгрываюць хрэсьбіны. Па-першае, менавіта з хрышчэннем у рэаліях XIX – пачатку XX ст., як правіла, звязваецца імянарэчэнне дзіцяці (хаця былі і выключэнні) і далучэнне яго да хрысціянскай супольнасці, па-другое, самі хрэсьбіны выступаюць як санкцыянаваны традыцыйны інструмент прыняцця дзіцяці ў сацыяльную групу (сям’ю і шырэі – вясковую грамаду).

Наданне імя – выключны па сваёй сімволіка-рытуальнай значнасці этап далучэння нованароджанага да свету культуры. У межах традыцыі да хросту дзіця не мае асабістага імя, ужываюцца безасабовыя найменні «хлопчык», «дзяўчынка», «багданька», «лялечка» [2, с. 40]. У паўночных рэгіёнах Беларусі, па сведчанні Т.І. Кухаронак, існаваў абрад імянарэчэння дзіцяці бабай-павітухай («ахрысціць дзіця з вады») [2, с. 41]; а ва ўмовах антырэлігійных кампаній першай паловы XX ст. у некаторых рэгіёнах менавіта бабка і выконвала функцыю імянарэчэння, замяняючы святара: «Як дзіця пакупае, перахрысціць і імя скажа, бо папоў не было. У нас у той год радзілася пяць дзевак і ўсіх бабка назвала Каця, бо вельмі ж любіла гэта імя» [5, с. 95]. У сярэдзіне XX ст. і пазней імя выбіралі самі, пры адсутнасці магчымасці ахрысціць дзіця толькі рэгістравалі ў сельсавеце: «Называлі самі?» – «Самі. Пойдзеш у сельсавет, запішаш»⁵ – «Кто называў рабёнка?» – «Самі. Якога хочаш, выберыш з родственнікаў ці чуеш імя»⁶ – «А імя бацькі давалі. <...> – «А імя як выбіралі? Па-царкоўнаму ці самі?» – «Ай, не, самі»⁷.

Традыцыйная хрэсьбінная абрадная прадугледжвае шматлікія сімвалічна-рытуальныя дзеянні, накіраваныя як на інтэграцыю дзіцяці ў сямейную/вясковую супольнасць, так і на далейшае «праграмаванне» яго неабходных якасцей і характарыстык.

На этапе хрэсьбін асаблівую ролю ў рытуальнай сацыялізацыі дзіцяці ігралі кумы. У сувязі з гэтым да іх выбару падыходзілі з усёй адказна-

⁴ ФА ПДУ: зап. Мішына В.І., Мішын П.І., Халадкова А.У., студ. ПДУ Шыпіла У., Мілянцей А. у 2007 г. ад Літвін М.П., 1931 г. н. у вёсцы Губіна Лепельскага р-на Віцебскай вобл.

⁵ ФА ПДУ: зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. у 2008 г. ад Балудзінай Е.А., 1921 г. н., (нар. у в. Горбава Лёзненскага р-на), з 1971 г. жыве ў в. Княжыца Віцебскага р-на Віцебскай вобл.

⁶ ФА ПДУ: зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. у 2008 г. ад Мулярэнка (Храпуенка) Ф.З. 1917 г. н. у в. Экімань Полацкага р-на Віцебскай вобл.

⁷ ФА ПДУ: зап. Мішын П.І., Мішына В.І., студ. ПДУ Высоцкая Аліна ў 2009 г. ад Дранковіч Г. М., 1936 г. н., Дранковіч Н.П., 1938 г. н., у в. Шалагіры Докшыцкага р-на Віцебскай вобл.

сцю: «Раньшэ ж рабёнка крэсцяць, абязацельна далжны быць кум і кума. Хто каго хочыць, таго і выбірае. Абы-каго не бралі. Чалавека веруюшчага»⁸; «Кумаўство-любаўство. Хто ў дзярэўні наравіцца, хто падруга, таго. Я брала падругу, с аднэй добра жылі, ну дык я была старэйшым сынам бярэменна, а йна тады тожа дачкой. <...> Ну так, гэдаксама ўсе паддзержываюць, хто с кім дружыць, а ёсць... у каго многа, вялікая радня, я чужых брала, а як вялікая радня, там пяць – сем дзяцей, дык ужо бяруць тады сваіх»⁹; «Кумоў ты можаш выбіраць і чужых, і далёкіх. Но нада выбіраць такіх людзей гоных, каб і кума такая работніца была, каб і кум такі. Абы-якіх жа не бралі. А вот у каторага не гадаліся дзеці, дык вот як нада было кума браць. Не гадуоцца дзеці, уміраюць і ўміраюць. Вот ідзі на вуліцу, сягоньня я буду гэтага дзяця хрысціць. Ідзі на вуліцу, хто первый пападзецца, які мужчына, вот бяры яго за кума. Хто пападзецца, якая первая жанчына, бяры яе за куму» [4, с. 233]. Як бачна з цытаванага вышэй запісу, у сярэдзіне ХХ ст. працягваў існаваць старадаўні звычай запрашаць «збожжых кумоў», зафіксаваны ў этнаграфічных матэрыялах ХІХ ст. [3, с. 17].

Паводзіны кумоў падчас хрэсьбін прадвызначалі многія аспекты будучага лёсу дзіцяці, у тым ліку і стан яго здароўя, і агульны характар развіцця. Таму дзеянні кумоў таксама абстаўляліся шэрагам павер'яў і падлягалі дастаткова строгай рэгламентацыі: «Перад тым як пераступіць парог... кума паднімае з падлогі “на хаду” саломінку, галінку, трэсачку, перакусвае папалам і праз галаву кідае абедзве палавінкі назад у хату, каб дзіця хутчэй пачало хадзіць»; «Калі кума стане на кола, калі садзіцца ці злазіць з калёс, то калі хрэснік возьме шлюб, у яго не будзе дзяцей столькі год, сколькі ў колах было спіць»; «Пры ўваходзе ў хату з ахрышчаным дзіцем кума павінна што-небудзь “лапатаць”, нават і ў тым выпадку, калі не маецца субяседніка. Добра будзе, калі ўслед за ёю гэта будзе рабіць і кум: тады дзіця хутка пачне гаварыць» [3, с. 20, 22].

Паездка кумоў з дзіцем да хросту – гэта, па сутнасці, першы выпадак, калі дзіця пакідае межы свайго локусу. Улічваючы незавершанасць лімінальнага перыяду, дарога да храма вымагае ўжывання разнастайных апатрапейных прыёмаў і разам з тым дазваляе прадпрыняць адмысловыя дзеянні, накіраваныя на папярэджанне разнастайных хвароб і адхіленняў у будучым, а таксама на забяспячэнне дабрабыту: «“У пялюшкі” дзіця, што адпраўляюць “да Кста”, трэба класці трохі грошай, сыру і яшчэ чаго з'есці, каб багат ён быў, як вырасціць. У “пялюшкі” дзяўчынкі, звыш таго, “трэба ўстроіць іголку, пакласці трохі лёну”, каб яна ў будучым стала рукадзельніцай”; “Паколькі, упершыню пакідаючы бацькоўскую хату, дзіця лёгка можа падвергнуцца

⁸ ФА ПДУ: зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. ад Зелянкевіч М.Я. 1919 г. у в. Экімань Полацкага р-на Віцебскай вобл.

⁹ ФА ПДУ: зап. Мішын П.І., Мішына В.І. і студ. ПДУ Высоцкая А. у 2009 г. ад Парцянкі М.М., 1938 г. н., в. Несцераўшчына, Докшыцкага р-на Віцебскай вобл.

“ўрокам”, то пасля купання бабка падкурвае малаго свянцонамі зёлкамі (Іванаўскімі) і кладзе на падлогу, а маці тройчы пераступае цераз яго і перадае куме»; «Калі “кумы” праязджаюць першыя ростанькі, то выкідваюць тут адмыслова ўзятыя гліну і соль, каб дзіця не пужалася “зазеху”» [3, с. 19, 20].

Сярод уласна хрэсьбінных абрадавых дзеянняў найбольшай сімвалічнай значнасцю вылучаецца падзел «бабінай кашы», які можа разглядацца аналагічна падзелу каравая на вяселлі – як акт пераразмеркавання калектыўнай долі з улікам з’яўлення ў сям’і новага чалавека [1, с. 52]. Паводле этнаграфічных матэрыялаў як XIX, так і XX – пачатку XXI ст., «бабіна каша» мела ў большай ступені карнавальна-забаўляльны характар, ператвараючыся часам у свайго роду драматызаванае прадстаўленне з удзелам бабкі, кумоў і бацькоў дзіцяці. Як і падзел вясельнага каравая, падзел «бабінай кашы» суправаджаўся сімвалічным выкупам, часам – разбіваннем посуду, абменам падарункамі паміж парадзіхай і бабкай, парадзіхай і кумамі: «Бабка ставіць на стол кашу ці ў чашцы, ці проста ў гаршку, якія павінны быць (у Полацкім павеце) абгорнуты палатном і ўласнаручна надзяляе гасцей гарэлкаю. <...> Пры выглядзе кашы госці пачынаюць гаварыць, што яна ўжо па выглядзе не зусім добрая, калі ж паспытаюць хоць па адной лыжцы, то кожны знойдзе абавязкова, што каша або недасоленая, або перасоленая, ці горкая, ці кіслая і г. д. <...> Нягледзячы на незадаволенасць “бабінай кашай” госці, аднак, з’ядаюць яе ўсю і ў пустую чашку кладуць грошы, гэтыя грошы часткова ідуць парадзіце “на мыла”, часткова бабцы» [5, с. 108]; «Потым баба з-за стала вылазіць, бярот тарэлку, накрываець платочкам і ідзець кала сталу. Кажачь: “Кашу вы пользавалі, цяпер за кашу майму ўнуку на мыла складайця”» [6, с. 253]; «...бабка варыла кашу з ячменных круп у гліняным гаршчку. Спачатку кашу з’ядуць, потым міску гэту кум б’е аб стол ці кіне на падлогу і топча нагамі. Затым радзіха дае бабцы і куме на сукенку, куму – рубашку» [5, с. 89–90].

У далейшым, па-за межамі радзінна-хрэсьбіннай абраднасці, з дапамогай рытуальна-сімвалічных дзеянняў адбываецца афармленне змен, што назіраюцца ў працэсе псіхафізіялагічнага развіцця дзіцяці. Пэўным часавым маркерам тут з’яўляецца год пасля нараджэння, на працягу якога забараняецца стрыгчы валасы дзіцёнку, абразаць яму пазногці, падносіць да люстэрка. Таксама сімвалічным чынам маркіруюцца моманты, калі дзіця пачынае хадзіць, калі ў яго выпадае першы малочны зуб. Як пэўны этап псіхаэмацыянальнага развіцця выступае так званае «развязванне розуму». Падобныя ўяўленні вылучаюцца ўстойлівасцю, яны зафіксаваныя як у этнаграфічных матэрыялах XIX – пачатку XX ст., так і ў запісах другой паловы XX – пачатку XXI ст.: «Первы раз пойдзіць дзіцёнак <...> дык гавораць: пута рэзаць нада, сразу нада нажом между ног чыркнучь...» – «*А кажучь яшчэ, нільзя да зеркала маленькага паднасіць*». – «Ну, да году. <...>» – «*А чаго нільзя?*» – «Ну зубы тады, гавораць, няскора будуць прарастваць...» – «*А вось калі першы зуб выпадаў, што з ім рабілі?*» – «А гэта кідалі за печку. <...>» – «*Можа там ка-*

зали што?» – «Мышка, мышка, на табе зуб... такі... а нам дай другі... Большэ нічога»¹⁰; «Да года не стрыгуць і ногці да года не абрэзаюць, толькі абкусваюць. Воласы за іконачку лажылі. Іконачкі ж у кожнага ў доме... Завярнуць, і за іконачку. Берагуць. Тады гушчы волас»¹¹; – «А калі, вот, можна было валасы падстрыгаць ужо маламу першы раз?» – «Ужо год як кончыцца». – «А то што? А калі раней абстрыгчы?» – «Ну, няльзя. Бедны будзеш, там хваравіты будзеш. Гэта атрэжацца што...» – «А тыя валасы састрыжаныя, першыя, куды іх?» – «Нада дзе-нібудзь высока іх засунуць. Каб птушкі не цягалі. Разнасіць не нада! Нада так скруціць іх, скруціць. І вот ужо, гаворучь, дзе пад кроквіну падторкнуў <...> Над дзвярмі. За ушак!» – «А калі вот пацягалі птушкі валасы, што тады можа быць?» – «Не нада (каб разносілі). Галава будзець балець. Расьсеяны будзець. Не нада» [4, с. 257]; – «А вось слыхалі пра такое, што <...> у тры гады рабёнку нада вум развязаць? <...>» – «Гэта пуп, пупок, ну, ага, нада, нада. Развязаць нада, ага». – «А як развязаць?» – «А там жа ж нітачкай звязана. І нада развязаць. Атвязаць»¹².

Такім чынам, асноўныя этапы рытуальнай сацыялізацыі ўключаюць у сябе паступовае наданне дзіцяці характарыстык, звязаных з культурным, «чалавечым» статусам: сімвалічнае афармленне знешняга выгляду, забеспячэнне жыццёвымі дабротамі, наданне імя, далучэнне да сацыяльнай супольнасці, замацаванне змен, што адбываюцца ў працэсе фізічнага і псіхаэмацыйнага развіцця дзіцяці.

ЛІТАРАТУРА

1. **Байбурын, А. К.** Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурын. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 240 с.
2. **Кухаронак, Т. І.** Радзінныя звычаі і абрады беларусаў : канец XIX – XX ст. / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
3. **Никифоровский, Н. Я.** Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах : собраны в Витебской губернии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 336 с.
4. **Полацкі** этнаграфічны зборнік : у 2 ч. / склад.: А. У. Лобач, У. С. Філіпенка. – Наваполацк : ПДУ, 2006. – Вып. 1, ч. 2 : Народная медыцына беларусаў Падзвіння. – 332 с.
5. **Радзіны.** Абрад. Песні / уклад. і сістэм. тэкстаў Г. А. Пяртроўскай, апісанне абрадаў Т. І. Кухаронак ; рэдкал.: А. С. Фядосік [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 637 с.

¹⁰ ФА ПДУ: зап. Мішына В.І., Мішын П.І., Халадкова А.У. у 2007 г. ад Луганавай Р.С., 1948 г. н., (родам з хутара Калеснікаў (Бранская вобл., Расія), жыве ў Сенненскім раёне), Герцык Т.І., 1945 г. н. (родам з в. Верхняе Крывіна, Бешанковіцкага р-на, з 1994 г. жыве ў в. Губіна) у в. Губіна Лепельскага р-на Віцебскай вобл.

¹¹ ФА ПДУ: зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. у 2008 г. ад Балучінай Е.А., 1921 г. н. (нар. у в. Горбава Лёзненскага р-на), з 1971 г. жыве ў в. Княжыца Віцебскага р-на Віцебскай вобл.

¹² ФА ПДУ: зап. Мішын П.І., Мішына В.І., студ. ПДУ Высоцкая А. у 2009 г. ад Дземідовіч Л.П., 1937 г. н., у в. Хмялёўшчына Докшыцкага р-на Віцебскай вобл.

6. **Традыцыйная** мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / [рэд. Т. Б. Варфаламеева]. – Мінск : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 2 : Віцебскае Падзвінне. – 2004. – 910 с.

7. **Шлюбскі, А.** Матэрыялы для вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны : у 2 ч. / А. Шлюбскі. – Мінск : Інбелкульт, 1928. – Ч. 2. – 259 с.

Сіўко Ф.І. (з. Віцебск)

ПРАБЛЕМА НАЦЫЯНАЛЬнай САМАІДЭНТЫФІКАЦЫ ЖЫХАРОЎ ПАЎНОЧНА-ЎСХОДНЯЙ ВІЦЕБШЧЫНЫ І ПРЫЛЕГЛЫХ ДА ЯЕ ТЭРЫТОРЫЙ У СШЫТКАХ ВЫДАВЕЦКАЙ СЕРЫІ «НАШЫ КАСЦЁЛЫ» Д. БАНЧКОЎСКАГА І Я. ЖЫСКАРА

Першы польскамоўны сшытак выдавецкай серыі «Нашы касцёлы» Дыянізія Банчкоўскага (1868–1953) і Язафата (Юзафата) Жыскара (1868–1919) прысвечаны касцёлам і парафіям¹ Магілёўскай архідыяцэзіі², убачыў свет у 1912 г. Як пішуць самі выдаўцы, у прадмове да серыі, апроч сшыткаў пра згаданыя святыні і іх супольнасці, мелася на мэце яшчэ і выданне сшыткаў пра касцёлы і парафіі Віленскай і Луцка-Жытомірскай дыяцэзіі, а таксама пра касцёлы Паўночнай Амерыкі.

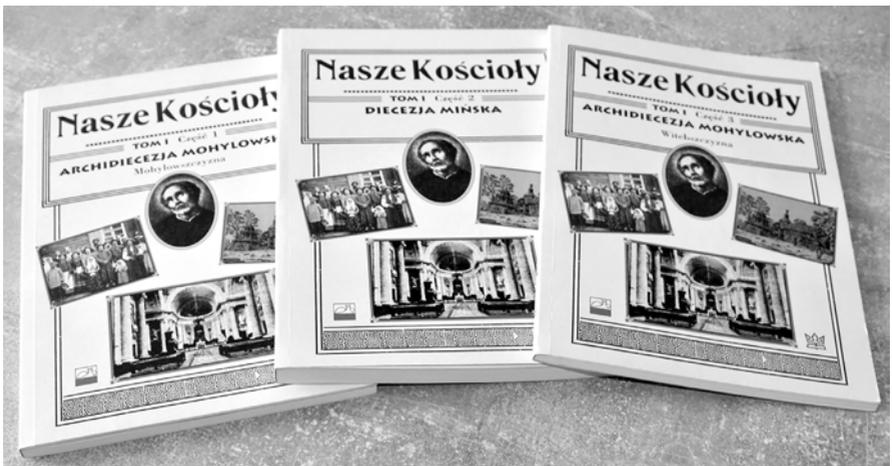
І хаця, як бачна з той жа прадмовы, праект павінен быў нагадаць усім палякам пра іх «агульнасць і аднасць» (тут і далей цытаты падаюцца па-беларуску ў аўтарскім перакладзе з польскай мовы. – *Ф. С.*), яго вартасць і ў плане рэпрэзентацыі рэлігійнага, гаспадарчага ды культурнага жыцця тагачаснага аўтахтоннага (беларускага) насельніцтва паўночна-ўсходняй часткі нашага краю таксама не падлягае сумневу.

Бо пададзены ўсе згаданыя сферы бытавання нашых продкаў даволі дэталёва і, што важна, без уласцівага некаторым тагачасным і пазнейшым навукоўцам памкнення рабіць гэта выключна ў святле калі не найпроставага, дык ускоснага, і часам надта ж безапеляцыйнага, прылічэння тубыльцаў да чужога – расійскага або польскага – этнасу. Таму пры ўсёй польскацэнтрычнасці выдання для нас, беларусаў, яно з’яўляецца каштоўнай крыніцай звестак і менавіта пра нашу айчынную беларускую мінуўшчыну.

Пакінуўшы па-за межамі гэтага тэксту спрэчныя пытанні адносна аўтарства асобных частак працы і яе будовы, якія падрабязна выкладзены аўтарамі ўводзін да рэпрэзентнага выдання «Нашы касцёлы» 2001 г., а таксама закіды некаторых сучасных айчынных палітолагаў пра жаданне дзеячаў кшталту таго ж Я. Жыскара выдаць сябе за гарачых добразычліўцаў і аба-

¹ Парафія – акруга, тэрыторыя, якая адносіцца да аднаго касцёла; прыход.

² Архідыяцэзія, архіепархія (ад грэч.: *αρχή* «галоўны, старэйшы» і грэч.: *ἐπαρχία*) – царкоўная тэрытарыяльна-адміністрацыйная адзінка; епархія, узначаленая архібіскупам.

Тры часткі 1-га тома рэпрынтнага выдання серыі «Нашы касцёлы». 2001 г.

ронцаў беларусаў, у той час як насамрэч яны такімі, маўляў, не з’яўляліся, засяродзімся на яе змесце.

Першае, што адразу кідаецца ў вочы пры чытанні сшыткаў, – насычанаць іх старонак лексікай (зразумела, у напісанні па-польску) з прыкметамі «тутэйшасці»: Беларусь, Белая Русь, Віцебшчына беларуская, беларус, беларусін і інш.

Другая, не менш важная акалічнасць, – грунтоўнасць апісанняў касцёльнага жыцця ў цеснай сувязі з гэтакім жа грунтоўным адлюстраваннем жыццядзейнасці насельнікаў архідыяцэзіі, што ў немалой ступені стала магчымым праз набывшчэ адным з аўтараў, Я. Жыскарам, пэўнага досведу на гэты конт падчас яго вандровак па Беларусі ў часы пераследу тут уніятаў і душпастырскай працы вікарыем у мястэчку Сянно на Магілёўшчыне (цяпер райцэнтр³ Віцебскай вобласці).

Праца «Архідыяцэзія Магілёўская» з тэрыторыі сённяшняй Віцебшчыны ахоплівае яе ўсходнюю частку, якая адносілася на час выхаду сшыткаў не да Віцебшчыны, а да Магілёўшчыны (Аршанскі і Сенненскі дэканаты), і ўласна Віцебшчыну, да якой апроч сённяшніх віцебскіх зямель аднесены паводле тагачаснага тэрытарыяльнага падзелу Прыдзруйск (тады – Дрысенска-Себежскі дэканат, сёння – Пяідруя, Краслаўскі край, Латвія), Себеж, Невель, Веліж (сёння раённыя цэнтры адпаведна Пскоўскай і Смаленскай губерняў Расійскай Федэрацыі).

³ Апошні з раённых гарадоў Віцебшчыны, дзе да нядаўняга часу не было сталай каталіцкай святыні. Новы касцёл Святой Тройцы, пабудаваны тут на месцы разбуранага ў 1962 г. даўнейшага, кансэраваны 17 верасня 2022 г. У 1919–1921 гг. пробашчам тутэйшай парафіі з’яўляўся ксёндз Аляксандр Астравіч (паэт Андрэй Зязюля, нарадзіўся ў 1878 г.), які памёр у 1921 г. і пахаваны на мясцовых могілках.

Да касцёлаў Мінскай дыяцэзіі, якая на вокладцы арыгінала памылкова названа архідыяцэзіяй, з касцёлаў сённяшняй Віцебскай дыяцэзіі аднесены касцёл у Докшыцах (частка гэтага мястэчка адносілася тады да Барысаўскага дэканата, частка – да Параф’янаўскага). У якасці гістарычных месцаў кампактнага пражывання беларусаў, апроч пералічаных, аўтарамі згадваюцца часткі Віленскай і Валынскай губерняў.

Фрагмент вокладкі 3-й часткі 1-га тома рэпрынтнага выдання серыі «Нашы касцёлы» 2001 г., прысвечанай касцёлам і парафіям Віцебшчыны

Найбольш поўнае апісанне рэлігійнага і ў цеснай лучнасці з ім – штодзённага свецкага жыцця беларусаў чытач знойдзе ў адмысловым раздзеле (частцы) «Беларусь» (Białoruś). Паводле яго беларусы цёмныя і неадукаваныя, пастаянны спадарожнік іх – беднасць, якую аўтары тлумачаць сярод іншага спрадвечнаю залежнасцю тутэйшага люду ад больш моцных і не заўсёды прязных ды зычлівых, што нават «не хочуць дазволіць народам звацца», суседзяў. Курная хата без коміна, сярмяга, кажух, саматканая кашуля, лапці – такім паўстае беларус перад вачыма вандроўніка або іншаземца.

«Шэра, шэра і шэра на беднай Беларусі... Шэра, бо і ўсё жыццё шэрае» – гучыць лейтматывам напрыканцы першай часткі працы ў раздзеле-падсумаванні «Агульны погляд на Магілёўшчыну». І зноў каторы раз называецца прычына «шэрасці»: геаграфічнае становішча, вынік якога – пастаянная залежнасць ад больш моцных суседзяў, нішчанне ўмоў для развіцця матэрыяльнага, культурнага, нацыянальнага жыцця беларуса.

У раздзеле «Беларусь» шмат месца займаюць развагі пра тое, што найперш рэпрэзентуе насельніцтва як народ, нацыю, – беларускую мову. Ці гэта мова самастойная, ці, можа, як некаторыя даводзяць, – сапсаваная руская?

Шукаючы адказ на такое пытанне, аўтары працы звяртаюцца да гісторыі часоў Вялікага Княства Літоўскага, дзе яна з’яўлялася дзяржаўнай, і да тых абставін, што паспрыялі яе пазнейшаму заняпаду. Пры гэтым не абмінаюць наступствы і такога пытання, як дзіўнае стаўленне саміх беларусаў да ўласнай мовы ў касцёле, напрыклад, ва ўзаемадачыненьнях паміж вернікамі і святаром.

«Заўсёды ў штодзённым жыцці беларус карыстаецца роднай мовай, але толькі не ў касцёле. Там ён і моліцца, і спавядаецца, і хоча слухаць казанне па-польску. <...> З ксяндзом беларус жадае размаўляць па-польску і жадае, каб ксёндз да яго па-польску прамаўляў, іначай абражаецца». <...> Католікі, якія размаўляюць па-беларуску і нават мала разумеюць па-польску, хочучь кніжку польскую. Адчуваюць у ёй штосьці сваё, каталіцкае, а беларуская кніжка здаецца ім чымсьці штучным, падробным, некаталіцкім».

І так шмат дзе на беларускіх абшарах. Выключэнне, паводле аўтараў, складаюць дзве парафіі – Фашчаўка⁴ (польск. – Faszczówka, у сучасных спісах па-беларуску з націскам на першым складзе. – Ф. С.) і Ула⁵, дзе здаўна навука (казанне) у касцёле прамаўляецца па-беларуску.

Вось як піша, напрыклад, Я. Жыскара пра жыхароў вёскі Фашчаўка: «Люд вакол не гаворыць па-польску, а захавалі чыстую сваю беларускую мову. Вялікія намаганні прыклалі езуіты⁶, каб не страціць ён сваёй мовы. Выдалі беларускі катэхізм, прамаўлялі да народу казанні ў ягонай мове, у касцёле вялі беларускія спевы. І сёння яшчэ кожны селянін дасканала ўмее спяваць беларускую песню “Ах, мой Божа! Веру Табе”, і ... велічнае ўражанне робіць, калі аграмадная сціжма⁷ народу, ідучы на фэст, як бы адною грудзю заспявае, і гэтая прыгожая мелодыя поўніць і могілкі, і святыню. Фашчаўка да такой ступені захавала свой нацыянальны беларускі характар, што па сёння яе жыхары апранаюцца ў беларускі строй. Спадніца з простаі самацканкі, белая кашуля з вышыванкай, адмысловы спосаб павязвання хусткі на галаве – вось тыповы строй кабет з Фашчаўкі...»

Адзначаючы незразумелае стаўленне тутэйшых людзей да роднай мовы ў касцёле, аўтары разам з тым фіксуюць яе, так бы мовіць, канкурэнтаздольнасць у стасунках з носьбітамі іншых моў. Так, аналізуючы касцёльнае жыццё ў памежнай парафіі Замошша Дрысенска-Себежскага дэканата⁸, яны пішуць: «Дзіўную з’яву можам назіраць на мяжы з Латвіяй. Хаця латыш матэрыяльна і культурна знаходзіцца вышэй за беларуса, бачым, аднак, пэўную перавагу беларусаў. Латыш мае і сваю літаратуру, і казанні ў роднай мове, і сваіх святароў, што прамаўляюць на яго мове, а беднаму беларусу

⁴ Цяпер аграгарадок у Шклоўскім раёне Магілёўскай вобласці.

⁵ Цяпер належыць да Лепельскага дэканата Віцебскай дыяцэзіі.

⁶ Езуіт – манах каталіцкага ордэна «Таварыства Езуса».

⁷ Сціжма – вялікая колькасць, мноства (разм.).

⁸ Дэканат – адміністрацыйная акруга ў складзе дыяцэзіі, аб’ядноўвае некалькі побач размешчаных парафій.

ўсяго таго бракуе, аднак ён мае перавагу, і ўсё больш і мова яго і перавага сягаюць клінам за межы Белаі Русі ў Латвію. Чым гэта можна патлумачыць? Можа, тым, што, хаця не надта вялікая культура беларуса, мае ён за сабою ў пэўным сэнсе культуру гістарычную...» Гістарычную – гэта значыць культуру пары ўваходжання спрадвечных беларускіх зямель у склад усё таго ж Вялікага Княства Літоўскага.

Не абыходзіцца ў гэтай частцы апісанняў і без кампліментаў у аднас неспрэдных носьбітаў мовы: «Звычайна так дзеецца той працэс: беларускія дзяўчаты прыгажэйшыя і лепш выхаваныя... Латышы ахвотна бяруць іх у жонкі, а тады ўжо ў хату ўваходзіць мова беларуская (часцей польская), а латышская нікне. Тое самае можна сказаць і пра хлопцаў: лепш апранаюцца, маюць пэўны шык, пэўную перавагу перад латышом, таму ахвотней глядзяць на яго латышскія дзяўчаты».

Аднак стасункамі беларусаў толькі з латышамі (ці літоўцамі) у лакацыях кампактнага пражывання апошніх справа не абмяжоўваецца. Вялікую частку насельніцтва (часам больш за палову, а, напрыклад, у Бешанковічах і яшчэ больш – чатыры тысячы з пяці) мястэчак, гарадоў і нават вёсак Магілёўскай архідыяцэзіі складаюць яўрэі. І іх устойліваць да асіміляцыі ў спалучэнні з паўсюдным галавенствам у такой важнай сферы жыцця, як гандаль, развіццю беларушчыны, канечне, не спрыяе.

Галоўная ж праблема – традыцыйна больш высокае становішча ў касцёле польскай мовы. Так, тыя ж замоскія вернікі, ахвотна ўжываючы дома беларускую, у касцёле аддаюць перавагу польскай. У свой час замоскі пробашч⁹ Багдановіч зрабіў спробу абеларусіць парафіяльнае жыццё, ды новаўвядзенне трывала нядоўга. Бо і самога пробашча, на жаль, ненадоўга хапіла, і парафіянаў – таксама.

Кволы прамень надзеі, аднак, канчаткова не згаснуў. У тым жа выніковым раздзеле 1-й часткі «Нашых касцёлаў» аўтары заўважаюць: «Беларуская мова толькі ў апошнія гады пачынае развівацца (у сэнсе здабываць належныя пазіцыі ў касцёльным жыцці. – Ф. С.), беларуская кніга пачынае знаходзіць месца на паліцах бібліятэкі, але толькі сярод людзей замосных, абывацеляў і інтэлігенцыі – няма яе яшчэ ў хаце вяскоўца». І гэта пры тым, заўважым, што абсалютную большасць вернікаў-католікаў у архідыяцэзіі (32 633 з 50 159) складаюць менавіта беларусы.

Што да тэмы ўзроўню адукаванасці (граматнасці) нашых продкаў, дык паводле аўтараў «Нашых касцёлаў» самымі граматымі з вясковых парафіянаў на абшарах Магілёўскай архідыяцэзіі з'яўляліся вернікі памежнага Прыдзруйска. «Усе тут умеюць чытаць. Жанчыны ўсе, а з мужчын – пераважная большасць». Зразумела, не на апошнім месцы ў гэтым плане і католікі буйных гарадоў: Віцебска, Полацка, Оршы.

⁹ Пробашч – кіраўнік парафіі, настояцель.

А вось, да прыкладу, у Лепельскім дэканаце, быццам насуперак наяўнасці тут дыхтоўных касцёлаў, «траціна дзяцей ледзь умее чытаць...». Выключэнне – усё тая ж Ула, дзе становішча нашата лепшае дзякуючы старанням пробашчаў Юрыя (польск. – Ежы) Мотуза¹⁰, які асабіста вучыў парафіянаў чытаць, пазней – Уладзіслава Мяжвінскага¹¹ і куды, паводле ксяндза Адама Станкевіча (1891, н. ст. 1892–1949), любіў прыязджаць з Палацка з беларускімі казаннямі ксёндз Францішак Будзька (1884–1920), спадкаемца справы знакамітага беларусізатара касцёла мяжы XIX–XX стст., біскупа-суфрагана¹² Магілёўскай архідыяцэзіі Стафана Дзенісевіча (1836, пав. інш. зв. 1834–1913).

Калі ж параўноўваць узровень адукаванасці тагачасных католікаў з узроўнем праваслаўных, што, безумоўна, на тутэйшых абшарах колькасна пераважаюць, то, на думку тых жа аўтараў, перавага, канечне, будзе на баку першых.

А калі казаць пра прысутнасць на старонках выдання ўласна беларушчыны, дык яна прадстаўлена тут у той ступені, якой дастаткова, каб толькі збольшага зразумець, пра які край ідзе размова.

Гэта, па-першае, вытрымкі з выказванняў гыхароў пэўных мясцін пра родную мову.

Па-другое, перадрук лацінкай беларускай народнай песні «Цераз двор зялёненькі» з нотамі Грыневіча са збору «Беларускія песні» ў якасці ілюстрацыі да тэмы беларускага жыцця ў раздзеле «Беларусь». І там жа, мабыць, з мэтай праілюстраваць адметнасць нашай мовы, – некалькі сказаў з «Пана Тадэвуша» А. Міцкевіча.

Па-трэцяе, абвестка пра выданне ў 1913 г. у Вільні беларускамоўнай газеты для беларусаў-католікаў «Biełarus» і пра магчымасць набыць пры рэдакцыі беларускія каталіцкія (лацінкай) выданні «Кароткая гісторыя святая», «Кароткі Катэхізм», «Бл. Андрэй Баболя» і інш.

Od początku 1913 roku w Wilnie wychodzi tygodniowa katolicka gazeta w języku białoruskim p. t.:

„BIEŁARUS“

mająca na celu nieść słowa porady, pociechy i oświaty Białorusinom katolikom.
 Prenumerata: rocznie 1 rb. 50 kop., półr. 80 kop.
 Adres Redakcji: **Wilno, ul. Wileńska 18—6.**

Tamże można dostać białoruskie katolickie książeczki: 1. Karotkaja Historyja Świataja. 2. Karotki Katechizm. 3. Bl. Andrej Babola. 4. Rady dla matek. 5. Alkohol.

Рэклама газеты «Беларус» і іншых беларускіх выданняў на адной са старонак сшыткаў серыі «Нашы касцёлы». 1913 г.

¹⁰ Працаваў у Уле ў 1856 і 1864 гг. Даты нараджэння і смерці аўтарамі не падаюцца. Пахаваны ў Віцебску пры фундаменце касцёла святой Барбары. Здымак надмагілля змешчаны на 16-й старонцы 3-й часткі 1-га тома.

¹¹ Працаваў у Уле ў 1901 г. Даты нараджэння і смерці аўтарамі не падаюцца.

¹² Біскуп-суфраган – біскуп дыяцэзіі ў складзе архідыяцэзіі.

Праблема нацыянальнай самаідэнтыфікацыі нашых продкаў як найважнейшага са складнікаў іх сацыяльна-этнаграфічнага партрэта аўтарамі серыі «Нашы касцёлы» наўпрост не разглядаецца. Але і тых ускосных фактычных прыкладаў ды звестак, што яе выяўляюць і адлюстроўваюць, дастаткова, каб скласці меркаванне, як бачылася яна ім больш за 110 год таму. І меркаванне скласці, і, магчыма, на ўласны актыўны, дзейсны ўдзел у працы на ніве айчыннага нацыябудаўніцтва натхніцца.

ЛІТАРАТУРА

1. **Баркоўскі, А.** Беларусь ксяндза Жыскара / А. Баркоўскі // Наша вера. – 2006. – № 3 (37). – С. 67–68.

2. **Станкевіч, А.** Беларуская мова ў святынях ад пачатку XX веку да расейскай рэвалюцыі 1917 г. : выбранае / А. Станкевіч. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – С. 146–154.

3. **Nasze Kościoły.** – Т. I, część 1 : Archidiecezja Mohylowska : Mohylowszczyzna / opracowanie red. L. Paluszkiewicz-Horubała ; skanowanie oryginału A. Dybowski. – Repr. wyd. 1913 r. Nasze Kościoły : Archidiecezja Mohylowska / ułożyli i wydali ks. D. Bączkowski, ks. J. Żyskar. – Warszawa : Biblioteka narodowa, 2001. – Wprowadzenie. – S. 30–32 ; 101–120.

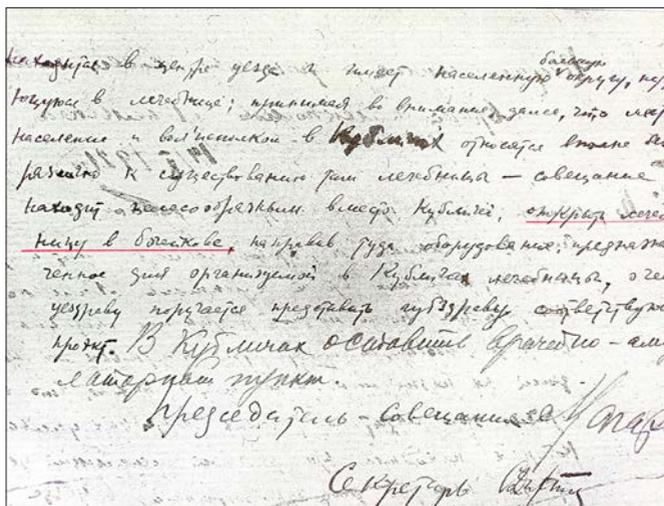
4. **Nasze Kościoły.** – Т. I, część 2 : Diecezja Mińska / opracowanie red. L. Paluszkiewicz-Horubała ; skanowanie oryginału A. Dybowski. – Repr. wyd. 1913 r. Nasze Kościoły : Archidiecezja Mińska / pod red. ks. J. Żyskara. – Warszawa : Biblioteka narodowa, 2001. – S. 208–212.

5. **Nasze Kościoły.** – Т. I, część 3 : Archidiecezja Mohylowska : Witebszczyzna / opracowanie red. L. Paluszkiewicz-Horubała ; skanowanie oryginału A. Dybowski. – Repr. wyd. 1913 r. Nasze Kościoły : Archidiecezja Mohylowska / pod red. ks. J. Żyskara. – Warszawa : Biblioteka narodowa, 2001. – S. 357–444.

ДАДАТКІ

Дадатак 1

Да матэрыялу А.Г. Арловай

Фота 1. Пастанова нарады ўрачоў і лекарскіх памочнікаў Лепельскага павета ад 14 кастрычніка 1921 г. аб адкрыцці бальніцы ў Бачэйкаве

Фота 2. Будынак Бачэйкаўскай бальніцы, пабудаваны ў 1938 г.

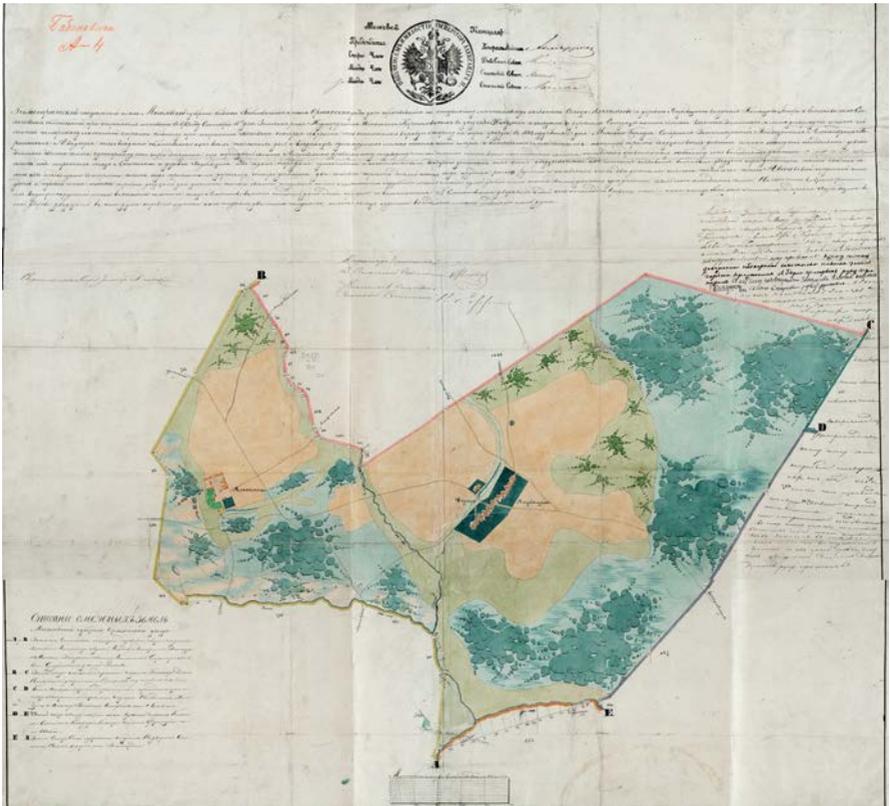

Фота 3. Калектыў работнікаў Бачэйкаўскай бальніцы
(у цэнтры – галоўны ўрач В.К. Кежа). 1950-я гг.

Фота 4. Сучасны будынак Бачэйкаўскай амбулаторыі ўрача агульнай практыкі

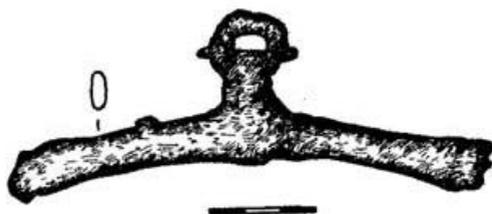
Да матэрыялу К.Р. Карпекіна

1. План маёнтка Альхімкава, 1848 г. [9, арк. 1]

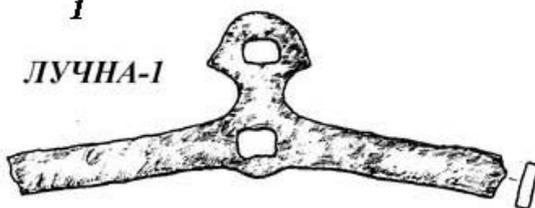
Да матэрыялу М.В. Клімава, А.В. Касцюкевіч

ДРУЦК

1

ЛУЧНА-1

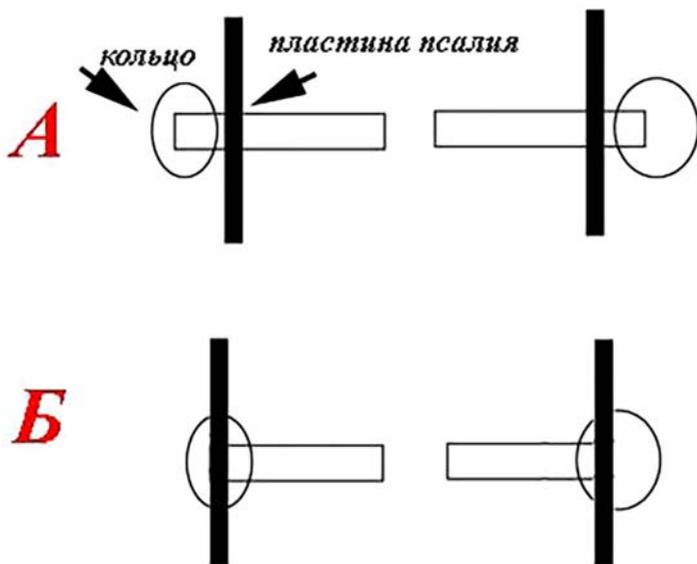

2

Мал. 1. Асобныя псаліі з Друцка і Лучна-1

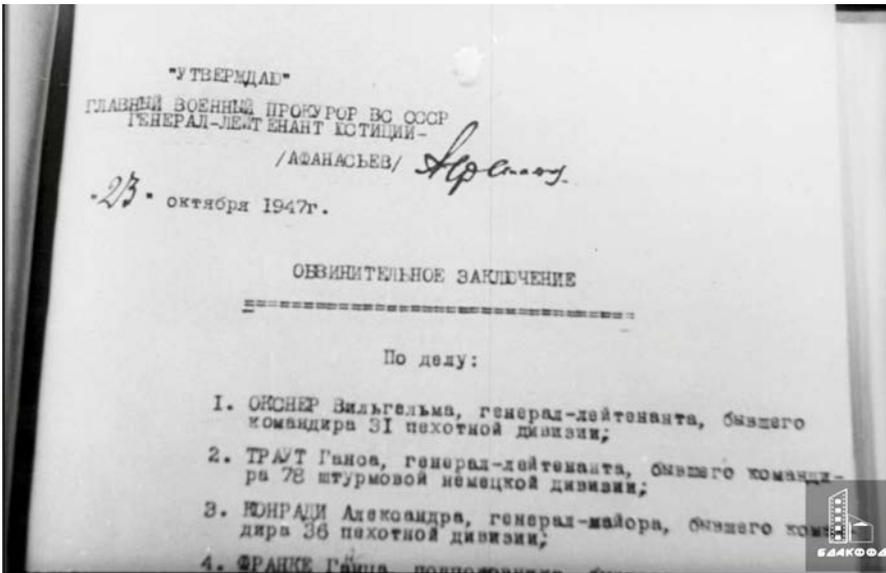
Мал. 2. Інкруставаныя псаліі з Полацка пасля чысткі

Мал. 3. Типологічні схеми. А – схема ўстаўкі пласцін псалій ва «ўнутраную» пятлю васьмеркавіднага аканчання грызла. Б – схема ўстаўкі пласцін псалій у адзінарную пятлю аканчання грызла разам з кальцом

Фота 3. Справы Бабруйскага следчага працэсу па абвінавачанні фашысцкіх злачынцаў

Фота 4. Абвінавачанне па справах злачынстваў фашыстаў (23.10.1947)

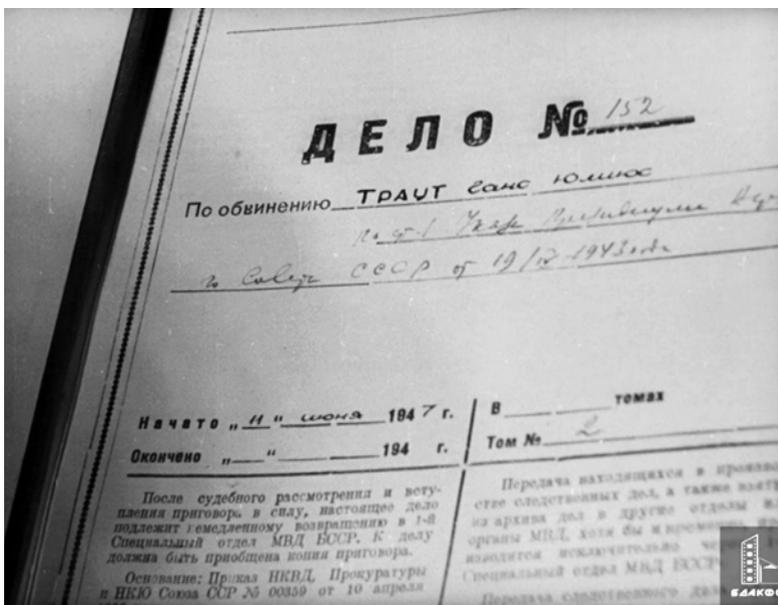
Фота 5. У зале пасяджэнняў (Бабруйскі судовы працэс. 1947 г.)

Фота 6. Галоўны пракурор Афанасьёў і члены Калегіі

Фота 7. Справа № 152 Ганса Траута

Фота 8. Пратакол допыту Ганса Траута

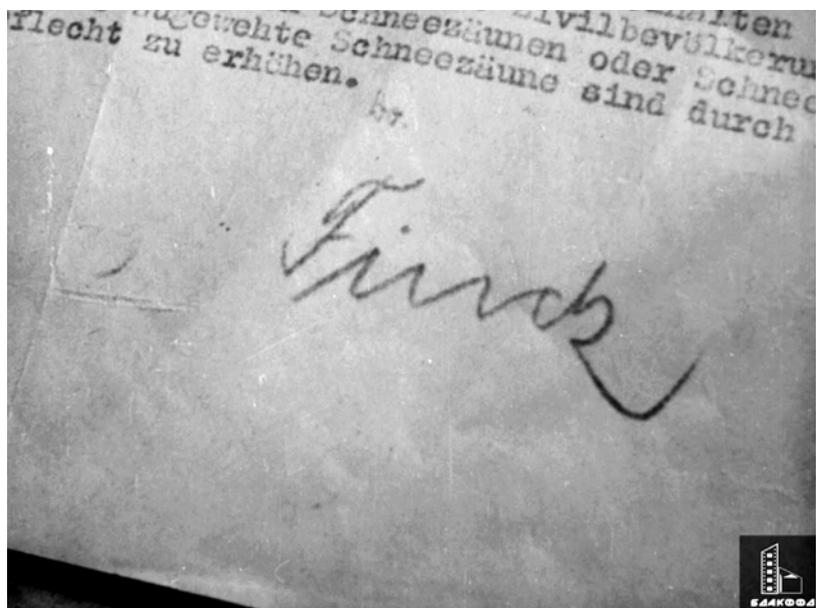
Фота 9. Паказанні аб катаваннях і забойстве мал. сярж.
Ю.В. Смірнова дае ст. лейт. С.Г. Сакалоў

Фота 10. Паказанні на судзе дае нямецкі генерал-лейтэнант
78-й нямецкай штурмавой дывізіі Ганс Траут

Фота 11. Г-л Гансу Трауту прад'яўлены загад з подпісам 78-й нямецкай штурмавой дывізіі

Фота 12. Доказ, подпіс пад загадам намесніка камандзіра 78-й нямецкай штурмавой дывізіі

Да матэрыялу М.В. Півавара

ПОМНІКІ МАНУМЕНТАЛЬНАЙ І МАНУМЕНТАЛЬНА- ДЭКАРАТЫЎНАЙ СКУЛЬПТУРЫ Ў ВІЦЕБСКІМ РАЁНЕ ЯК МЕСЦЫ ПАМЯЦІ

Помнікі

1. Помнік падзеям 1812 г. (Вароны)
2. Помнік І.Я. Рэпіну (музей-сядзіба «Здраўнёва»)
3. Помнік У.І. Леніну (Доўжа)
4. Помнік У.І. Леніну (Задуброўе)
5. Два помнікі У.І. Леніну (Курына)
6. Помнік У.І. Леніну (Лужасна)
7. Помнік У.І. Леніну (Малыя Лётцы)
8. Помнік У.І. Леніну (Сасноўка)
9. Помнік У.І. Леніну (Слабада)
10. Помнік У.І. Леніну (Хайсы)
11. Галава Леніна (Навасёлкі)
12. Помнік С.М. Кіраву (Кіраўская)
13. Помнік І.В. Сталіну (Лужасна, у р. Лужаснянцы)

Помнікі-бюсты

14. Алея слаўных землякоў і бюсты на ёй (Ноўка)
15. Бюст І.А. Манькоўскага (Ноўка)
16. Бюст Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова (Ноўка)
17. Бюст Ф. Махнова (Ноўка)
18. Бюст М.Я. Нікіфароўскага (Ноўка)
19. Бюст А. Бялыніцкага-Бірулі (Ноўка)
20. Бюст У. Адамава (Ноўка)
21. Бюст Ф.А. Сурганава (Ноўка)
22. Бюст Ф.А. Сурганава (у будынку Лужаснянскага аграрнага каледжа)
23. Бюст М. Лынькова (Ноўка)
24. Скульптурная кампазіцыя «У барацьбе за мір» (Арлова)
25. Помнік «Мацярынства за мір!» (Сасноўка)
26. Помнік сям'і (Кіраўская)
27. Помнік шафэру (Якуціна)

Памятныя знакі

28. Памятны знак у «Школе-камуне імя М.І. Калініна» (Акцябрскі)
29. Памятны знак на радзіме М. Лынькова (Зазыбы)
30. Памятны знак воінам-інтэрнацыяналістам (Акцябрскі)
31. Памятны знак у гонар заснавання санаторыя Лётцы ў 1936 г. (Лётцы)
32. Памятны знак сувораўцам, нахімаўцам і кадэтам (Лужасна)
33. Памятны барэльеф у гонар адкрыцця чыгуначнай лініі (ст. Лужасна)
34. Курган дружбы (Бабінічы)
35. Памятны знак на месцы сядзібы А.П. Сапунова (Сакольнікі, Мазалаўскага с/с)

36. Памятны знак на курганным могільніку (Сакольнікі, Мазалаўскага с/с)
37. Памятны знак на месцы царквы (Старое Сяло)
38. Мемарыяльны крыж на месцы растрэлаў 1933–1937 гг. (Вароны)
39. Мемарыяльны крыж на месцы расстрэлаў 1920-х гг. – 1937 г. (Лужасна)
40. Мемарыяльны крыж і памятны знак на месцы капліцы і былых панскіх могілак (Сасноўка)
41. Мемарыял на месцы растрэлаў 1936 – пачатку 1940-х гг. (Хайсы)

Ваенная і грамадзянская тэхніка

42. Самалёт Су-24 М (Кіраўская)
43. Верталёт Мі-2 (Ноўка)
Выстава авіяцыйнай тэхнікі (Кукавячына) і самалёты на ёй:
44. Верталёт Мі-2
45. Франтавы бамбардзіроўшчык Су-24 М
46. Знішчальнік Су-27 П
47. Вучэбна-трэніровачны спартыўны самалёт Як-52
48. Танк Т-62 (Копці)
49. БМД-1 (Акцябрскі)
50. БМД-1 і 2 супрацьтанкавыя гарматы (Лужасна)
51. БМД-1 (Старое Сяло)

Памятныя (мемарыяльныя) дошкі

52. Памятная дошка ў гонар Героя Сацыялістычнай Працы М.І. Каца (Альгова)
53. Месца працы выдатнага дзеяча народнай гаспадаркі БССР М.І. Каца (Альгова)
54. Мемарыяльная дошка ў гонар стагоддзя школы (Бабінічы)
55. Памятная дошка М.І. Калініну (Бабінічы)
56. Помнік у гонар 50-годдзя савецкай улады (Бабінічы)
57. Памятная шыльда М.Я. Нікіфароўскаму. У гонар 150-годдзя з дня нараджэння (Вымна)
58. Мемарыяльная дошка М.А. Смаргонскаму (Кіраўская)
59. Мемарыяльная дошка Н.В. Лемешавай (Кіраўская)
60. Мемарыяльная дошка ў гонар Ф.А. Сурганова (Лужасна)
61. Дошка ў памяць П.Н. Грамыка (Сураж)
62. Мемарыяльная дошка ў гонар 100-годдзя У.І. Леніна (Хайсы)
63. Мемарыяльная дошка ў гонар узнагароджання Юбілейным ганаровым знакам у гонар 50-годдзя ўтварэння СССР (Хайсы)

Манументальна-дэкаратыўная (вулічная) скульптура

64. Алея лавак (Кіраўская)
65. Алея сямейных дрэваў (Кіраўская)
66. Алея сяброўства (Мазалава)
67. Мемарыяльны знак (Арлова)
68. Малая архітэктурная форма «Прышчэпка» (Вароны)
69. Мадэлі найбольш цікавых архітэктурных будынкаў Віцебскага раёна (Вароны)
70. Вулічная скульптура «Брэменскія музыкі» (Доўжа)
71. Вулічная скульптура «Алені» (Доўжа)

72. Вулічная скульптура «Кракадзіл» (Доўжа)
73. Вулічная скульптура «Жаба» (Доўжа)
74. Вулічная скульптура «Варан» (Доўжа)
75. Фантан-скульптура «Дзяўчына са збанамі» (Доўжа)
76. Вулічная скульптура «Алень» (Кіраўская)
77. Знак «Я люблю цябе, Беларусь» (Кіраўская)
78. Вулічная скульптура каля школы (Кіраўская)
79. Скульптура мядзведзя (дрэва) каля лясніцтва (Лётцы)
80. Вулічная скульптура «Два алені» (Лужасна, тэрыторыя былога а/л «Зорка»)
81. Вулічная скульптура «Сасновыя шышкі» (Лужасна)
82. Скульптура піянеркі (Лужасна, былы а/л «Арлёнак»)
83. Вулічная скульптура «Яблык» (бетон) (Лужасна)
84. Драўляная скульптура «Люцыя» (Лушчыха)
85. Інфармацыйны стэнд «Варонаўскі алфавіт» (Вароны)
86. Інфармацыйны стэнд «Славуцья месцы Заронаўскага сельскага савета» (Суйкава)
87. Інфармацыйны стэнд «Гонар Янавіцкага краю» (Янавічы)

Мазаіка і роспіс

88. Мураў «Ёсць такая прафесія – Радзіму бараніць» (Лужасна)
89. Мазаікавае пано (Хайсы)

Гісторыка-мемарыяльныя месцы пахавання

90. Фрагмент даўніх могілак і помнікі на іх (Бабінічы)
91. Юр’еўскія могілкі. Даўнія могілкі ў вёсцы са старымі помнікамі (Вымна)
92. «Польскія» могілкі (Друкава)
93. Старажытныя могілкі і каменныя крыжы XVI–XIX стст. (Дрыколле, ур. Шалыгі)
94. Помнікі на могілках былой в. Шчацінкі (Заронава)
95. Пахаванні па могілках (Казакі)
96. «Панскія» могілкі (Сасноўка)
97. Былыя нямецкія могілкі (Сасноўка)
98. Могілкі стараверскія Сіманаўскія (Сіманаўшчына)
99. Спасаўскія (Касплянскія) могілкі. Некропаль XIX – пачатку XX ст. (Сураж)
100. Магіла чырвонаармейцаў, забітых у 1919 г. (Сураж)
101. Былыя яўрэйскія могілкі і помнік у памяць аб забітых яўрэях (Сураж)
102. Старыя латышскія могілкі (Сушчова)
103. Месца кампактнага пражывання старавераў і стараверскія могілкі (Фокіна)
104. Старыя латышскія могілкі (Храпавічы)
105. Стараверскія могілкі (Чырвоная Іскра)
106. Каталіцкія могілкі (Чырвоная Іскра)
107. Старыя каталіцкія могілкі (Шаркі)
108. Янавіцкія яўрэйскія могілкі (Янавічы)
109. Рэканструкцыя пахавальных абрадаў (Шэвіна)

Асобныя пахаванні

110. Магіла і помнік А.Я. Ацясава (Баршчоўка)

111. Месца пахавання Я.В. Рэпіна – бацькі знакамітага мастака І.Я. Рэпіна (Вярхоўе – Руба-2)
112. Крыж на магіле генерал-маёра П.І. Жываглядава (Вярхоўе – Руба-2)
113. Магіла і помнік генерала У.І. Янушкоўскага (Друкава)
114. Магіла і помнік надворнага саветніка А.Ф. Любартовіча-Княжышча (Друкава)
115. Магіла К.Ф. Кузняцова (Заронава)
116. Магіла Г.І. Арлова (Заронава)
117. Магіла А. Сідарэнка (Каралева, не існуе)
118. Магіла (кенатаф) Ф. Махнова (ур. Касцюкі, Старое Сяло)
119. Магіла А.А. Пакроўскай (Старое Сяло)
120. Магіла (кенатаф) А. Іспанкова (Старое Сяло)
121. Каменны крыж з магілы генерала ад кавалерыі У.І. Андрыянава (Старое Сяло)
122. Помнік сям’і Званковых (Храпавічы)
123. Магіла поўнага кавалера ордэнаў Славы А.К. Марозава (Альгова)
124. Магіла кавалера ордэна Славы трох ступеняў А.Д. Кузьміча (Філіпкава)
125. Магіла І.І. Башкірава (Герасімова)
126. Памятны знак на месцы гібелі шафёра (Доўжа)
127. Незвычайны помнік на пахаванні (Мікалаёва)

У асобную катэгорыю можна вылучыць мемарыяльныя (памятныя) крыжы, крыжы на перакрыжаваннях дарог

128. Крыжы на перакрыжаваннях (Вярхоўе, Хатоля, Курына, Хайсы, ч. ст. Лужасна і інш.)

Помнікі падзеям Вялікай Айчыннай вайны, воінскія пахаванні і пахаванні ахвяр вайны

Помнікі і мемарыялы

1. Помнік «Віцебскія вароты» (скульптар У. Ягадніцкі, ГКК 213Д000940, Заполле)
2. Помнік Герою Савецкага Саюза А.Я. Углоўскаму (скульптар А. Гвоздзікаў, Вымна)
3. Помнік савецкім лётчыкам (Вароны)
4. Помнік дзецям М.П. Шмырова (скульптар А. Гвоздзікаў, архітэктар У. Ягадніцкі, Сураж)
5. Воінскі мемарыял у гонар Ленінскага камсамола (Копці)
6. Мемарыял на месцы гібелі яўрэяў віцебскага гета (Тулава)

Помнікі-бюсты

7. Помнік Герою Савецкага Саюза Ф.П. Ерзікаву (Старое Сяло)
8. Помнік Герою Савецкага Саюза В.П. Краёву (Старое Сяло)
9. Помнік М.П. Шмырову (Шапурова)
10. Помнік Герою Савецкага Саюза Р.С. Гарфункіну

Памятныя знакі

11. Помнік у гонар 1-й штурмавой камсамольскай брыгады (Арлова (Шапуры)
12. Мемарыяльны знак у гонар 293-га артылерыйскага палка Рэзерву Галоўнага камандавання (Акциябрская)
13. Памятны знак «Месца базіравання штаба 1-й Беларускай партызанскай брыгады» (Астраўскія)
14. Памятны знак партызанам Вялікай Айчыннай вайны (Астраўскія, ур. Паўлавічы)
15. Мемарыяльныя крыжы на месцы гібелі мірных жыхароў і васнапалонных (Бараўляны)
16. Памятны знак на месцы гібелі экіпажа самалёта ІЛ-2 (Варашылы)
17. Памятны знак у гонар 70-годдзя Перамогі (Вялікія Лётцы)
18. Месца подзвігу савецкіх воінаў: помнік «віцебскім панфілаўцам» (Друкава)
19. Памятны знак М.І. Дружыніну (Замасточча)
20. Мемарыяльны знак ветэранам і загінуўшым жыхарам сельсавета (Заронава)
21. Курган у гонар сям'і Залескіх (Іванова, ур. Варанова)
22. Памятны знак на месцы пераходу 825-га волга-татарскага батальёна на бок партызан (Койтава)
23. Памятны знак воінам 36-й курсанцкай брыгады (Копці)
24. Помнік у памяць пра загінуўшых землякоў (Копці)
25. Памятны знак вязням фашызму (Копці)
26. Помнік Герою Савецкага Саюза Пятру Галецкаму (Копці)
27. Помнік Герою Савецкага Саюза Георгію Грыгор'еву (Копці)
28. Помнік Якаву Джугашвілі (Копці)
29. Помнік Васілю Джугашвілі (Копці)
30. Помнік авіяэскадрыльы «Нармандыя-Неман» (Копці)
31. Помнік на магіле Г.М. Мамонавай (Копці)
32. Помнік у гонар воінаў-татарстанцаў (Копці)
33. Памятны знак на месцы баёў партызан 1942 г. (Казакова)
34. Памятны знак 251-й стралковай дывізіі (Кузьмянцы)
35. Памятны знак у гонар салдат 251-й стралковай дывізіі (Ліпаўцы)
36. Абеліск на месцы гібелі савецкіх грамадзян (Лужасна)
37. Помнік Герою Савецкага Саюза М.Ф. Сільніцкаму (Лужасна)
38. Памятны знак «Месца прарыву Чырвонай арміяй варожага абароны ў чэрвені 1944 г.» (Макарава)
39. Памятны знак у гонар савецкіх салдат у гонар 735-га самаходна-артылерыйскага палка (Навікі)
40. Памятны знак у гонар 75-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў (Ноўка)
41. Памятны знак у гонар Герояў Савецкага Саюза Р.Д. Ермалаева і У.С. Смятаніна (Ноўка)
42. Памятны знак на месцы гібелі Героя Савецкага Саюза У.П. Краева; памятны знак у гонар Героя Савецкага Саюза Д.М. Пярова (Пабядзіншчына)
43. Абеліск «Месца стварэння партызанскага атрада М.П. Шмырова» (Пудаць)
44. Абеліск «Радзіма Шмырова Міная Піліпавіча» (Пунішча)
45. Помнік у памяць жыхароў в. Пушча, загінуўшых у 1941–1945 гг. (Пушча)

46. Помнік партызанам Першай Беларускай партызанскай брыгады (Сураж)
47. Месца гібелі ваеннапалонных і ахвяр вайны (Сураж, р. Неварожка)
48. Помнік сям'і Кац (Сураж/Будзянка)
49. Месца гібелі патрыётаў і ахвяр вайны (Сураж, «бандыцкае кладзішча»)
50. Памятны знак «Месца базіравання штаба партызанскай брыгады імя Чырванасцяжнага Ленінскага камсамола» (Хамякова)
51. Памятны знак «Месца бою 1942 г.» (Хамякова, ур. Платы)
52. Памятны знак «Месца першага бою партызанскага атрада М.П. Шмырова» (Цімахі, не існуе)
53. Мемарыяльны знак «Лучоса» (Шапечына)
54. Памятны знак воінам 39-й арміі на вышыні 222,9 (Шульцава)

Помнікі на месцах спаленых вёсак

55. Месца спаленай вёскі (Аржавухава, не існуе)
56. Месца спаленай вёскі (Ваўчкі)
57. Месца спаленай вёскі (ур. Дубавіцы)
58. Месца спаленай вёскі (ур. Дубрава) і абеліск на месцы расстрэлу фашыстамі мірных жыхароў
59. Месца спаленай вёскі (Лычнёва)
60. Курган і манумент у памяць ахвяр фашызму (Малыжана)
61. Месца спаленай вёскі (Парасятніца, не існуе)
62. Месца спаленай вёскі (Плоткі, не існуе)
63. Месца спаленай вёскі (Подцева, не існуе)
64. Месца спаленай вёскі (Шухвасты, не існуе)
65. Месца спаленай вёскі (Шыпікі, не існуе)
66. Месца спаленай вёскі (Сазаны, не існуе. Не выяўлены)
67. Месца спаленай вёскі (Падзародня, не існуе, увекавечана ў м/к Хатынь)
68. Месца спаленай вёскі (Стукальна, не існуе, увекавечана ў м/к Хатынь)
69. Месца спаленай вёскі (Стэськава, не існуе, увекавечана ў м/к Хатынь)

Помнікі землякам

70. Помнік землякам (Валасова)
71. Помнік землякам (Вароны)
72. Помнік землякам (Ваяводкі)
73. Помнік землякам (Мазалава)
74. Помнік землякам (Хамякова)
75. Помнік землякам (Старое Сяло)

Помнікі вучням і настаўнікам

76. Помнік вучням і настаўнікам (Бабінічы)
77. Памятны знак настаўнікам і вучням Старасельскай СШ (Старое Сяло). Памятны знак на месцы подзвігу М.А. Ніканава (Старое Сяло)
78. Помнік у гонар вучняў і настаўнікаў, якія загінулі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (Янавічы)

Мемарыяльныя шыльды

79. Мемарыяльная дошка Герою Савецкага Саюза І.П. Собалеву (Акцябрскі)
80. Памятная шыльда «Радзіма Героя Савецкага Саюза У.Ц. Курыленкі» (Бабінічы)
81. Мемарыяльная дошка Герою Савецкага Саюза Я.В. Васілеўскаму (Бабінічы)
82. Мемарыяльная дошка Герою Савецкага Саюза А. Углоўскаму (Вымна)
83. Мемарыяльная дошка Канаваленку Уладзіміру Ануфрыевічу (Замасточча)
84. Мемарыяльная дошка ў гонар аднаўлення савецкай улады (Заполле)
85. Мемарыяльная дошка ў памяць базіравання штаба 1-й Беларускай партызанскай брыгады (Заполле)
86. Мемарыяльная дошка Герою Савецкага Саюза Р.У. Шкрэду (Заполле)
87. Мемарыяльная дошка ў гонар лётчыкаў 3-й паветранай арміі (Заронава)
88. Мемарыяльная дошка ў памяць пра камандны пункт 43-й арміі (Заронава)
89. Памятная шыльда «Радзіма Героя Савецкага Саюза П.Л. Грышчанкі» (Кукавячына)
90. Мемарыяльная шыльда «Месца бою 1942 г.» (Лужасна)
91. Мемарыяльная шыльда «Месца нямецкага канцлагера» (Лужасна)
92. Мемарыяльная шыльда «Месца базіравання Віцебскіх падпольных райкамаў КП(б)Б і ЛКСМБ, штаба 1-й Віцебскай партызанскай брыгады» (Лужкі, знаходзіцца ў музеі Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова)
93. Мемарыяльная дошка ў гонар аднаўлення савецкай улады (Навасёлкі)
94. Мемарыяльная дошка Герою Савецкага Саюза П.Л. Даўбешкіну (Ноўка)
95. Мемарыяльная дошка «Месца фарміравання і базіравання партызанскай брыгады імя А.Ф. Данукалава» (Рабава, зараз у доме культуры ў в. Шапурова)
96. Мемарыяльная шыльда «Месца разгрому варожага гарнізона» (Сураж)
97. Мемарыяльная шыльда ў гонар надання Суражскай школе імя М.П. Шмырова (Сураж)
98. Сад Перамогі (Бабінічы)
99. Сад Перамогі (Сураж)
100. Памятны дуб (Сураж)
101. Алея памяці імя Героя Савецкага Саюза П.В. Шысцерава (Акцябрская)
102. Алея Памяці ў гонар 75-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў (Сураж)
103. Алея Героя Савецкага Саюза М.Ф. Сільніцкага (Мазалава)
104. Алея Героя Савецкага Саюза В. Коціка (Хайсы)

Страчаныя

105. Мемарыяльны знак «Месца баёў 1943 г.» (Гаркава)
106. Месца сходаў падпольшчыкаў (Грабяніца)
107. Мемарыяльная дошка «Месца расстрэлу савецкіх патрыётаў» (Міхалкова, страчана)
108. Абеліск «Месца баёў партызан» (Тарасенкі, разбураны, шыльда схована)

Помнікі на воінскіх пахаваннях і пахаваннях ахвяр вайны

109. ВП № 4389 (Альгова)
110. ВП № 4442 (Арэхі)

111. ВП № 4405 (Арэхі)
112. ВП № 4406 (Арэхі)
113. ВП № 4444 (Асінаўка)
114. ВП № 4415 (Астраўскія)
115. ВП № 4388 (Бабінічы)
116. ВП № 5716 (Бабінічы)
117. ВП № 7873 (Баранаўка)
118. ВП № 4460 (Бальшухі)
119. Магіла ахвяр вайны (Бальшухі)
120. ВП № 5714 (Барышына)
121. ВП № 6674 (Будзіслава)
122. ВП № 4440 (Будзянка)
123. ВП № 2294 (Буева)
124. ВП № 7875 (Буяны)
125. Магіла ахвяр вайны (Буяны)
126. ВП № 4438 (Валасова)
127. ВП № 4391 (Вароны)
128. ВП № 4434 (Ваяводкі)
129. ВП № 4461 (Войтава)
130. ВП № 4448 (Востраў)
131. ВП № 4451 (Вымна)
132. Магілы ахвяр вайны (Вымна)
133. ВП № 4403 (Вялікая Любшчына)
134. ВП № 2298 (Гараднянскі Мох)
135. Магіла ахвяр фашызму ВП № 6678 (Гарадняны)
136. Магіла ахвяр фашызму ВП № 6677 (Гаркава)
137. ВП № 4431 (Герасімава)
138. ВП № 7874 (Герасімава)
139. ВП № 4450 (Глазамічы)
140. ВП № 4428 (Грабяніца)
141. ВП № 4396 (Града)
142. ВП № 4441 (Дзятлы)
143. ВП № 7843 (Доўжа)
144. ВП № 4416 (Дражня)
145. ВП № 4447 (Дружная)
146. ВП № 4390 (Жабяняця)
147. ВП № 2297 (Жыгалава)
148. ВП № 4419 (Задзвінне)
149. ВП № 4458 (Задзебра)
150. ВП № 4400 (Задуброўе)
151. ВП № 4397 (Замасточча)
152. ВП № 4399 (Замасточча)
153. Магіла падпалкоўніка І.А. Самахвалава (Замасточча)
154. ВП № 4395 (Зাপолле)
155. ВП № 4407 (Заронава)
156. Магіла ахвяр вайны ВП № 7987 (Заронава)

157. ВП № 4464 (Ільчоўка)
158. ВП № 4412 (Кавалькі)
159. ВП № 2295 (Казанава)
160. ВП № 2300 (Камары)
161. ВП № 4071 (Каменка)
162. ВП № 2299 (Касачы)
163. ВП № 4427 (Княжыца)
164. ВП № 4456 (Князі)
165. ВП № 4427 (Койтава)
166. ВП № 4462 (Копці)
167. ВП № 4452 (Котава)
168. Пахаванне ахвяр вайны ВП № 7516 (Котава)
169. Пяць пахаванняў ахвяр вайны (Котава)
170. ВП № 4401 (Краўцова)
171. ВП № 4445 (Кузьмянцы)
172. Магіла Сільніцкага Міхаіла Фёдаравіча ВП № 4417 (Курына)
173. Магіла Лапікава Івана Сямёнавіча ВП № 4418 (Курына)
174. ВП № 4457 (Латыгава)
175. ВП № 6676 (Лебартова)
176. ВП № 4449 (Лёпіна)
177. Магіла чыгуначнікаў і савецкіх воінаў (Лётцы)
178. Брацкая магіла савецкіх воінаў (Ліпаўцы)
179. ВП № 4430 (Лосвіда)
180. ВП № 4432 (Лужкі)
181. Магіла (кенатаф) партызан (Лукі)
182. ВП № 4392 (Лучынаўка)
183. ВП № 4393 (Лучынаўка)
184. ВП № 5441 (Лучынаўка)
185. ВП № 5713 (Лучынаўка)
186. ВП № 7844 (Мазалава)
187. Пахаванне ахвяр вайны (ахвяр сталінскіх рэпрэсій) (Мазалава, Хмарскія могілкі)
188. Магіла невядомага савецкага салдата (Маклакі)
189. Магіла ахвяр фашызму (Малыжана)
190. ВП № 2296 (Манулкі)
191. ВП № 4411 (Машкіна)
192. Магіла ахвяр фашызму (Мікалаёва)
193. ВП № 4455 (Міхайлова)
194. ВП № 4453 (Мішуткі)
195. ВП № 4454 (Мішуткі)
196. ВП № 4465 (Мяклава)
197. ВП № 4466 (Мяклава)
198. ВП № 4394 (Навасёлкі)
199. ВП № № 8013 (Навікі)
200. ВП № 4433 (Ноўка)
201. ВП № 5717 (Пабядзіншчына)

202. ВП № 7049 (Паддуб'е)
203. ВП № 4463 (Папаратна)
204. ВП № 4402 (Пенклавічы)
205. ВП № 4437 (Перавоз)
206. ВП № 4413 (Пестуніца)
207. Брацкая магіла партызан (Піхцяі)
208. Магіла лейтэнанта Ю.Ц. Куляша (Піхцяі)
209. ВП № 6675 (Пранікі)
210. ВП № 2293 (Пышнякі)
211. ВП № 4436 (Рудакі)
212. ВП № 2301 (Сакольнікі)
213. Магіла Б.А. Пашыка ВП № 4435 (Сасноўка)
214. ВП № 4429 (Саўчонкі)
215. ВП № 4398 (Скрыдлева)
216. ВП № 4421 (Старое Сяло)
217. Магіла Героя Савецкага Саюза У.П. Краева ВП № 4422 (Старое Сяло)
218. Кенатаф лётчыка лейтэнанта А.П. Калініна (Старое Сяло)
219. ВП № 5712 (Стасенкі)
220. ВП № 4414 (Субачы)
221. ВП № 4408 (Суйкава)
222. ВП № 4439 (Сураж)
223. ВП № 4467 (Сураж)
224. Магіла савецкіх сапёраў (Сураж)
225. Магіла ахвяр вайны ВП № 7986 (Сураж/Будзянка)
226. Магіла дзюво партызанскіх разведчыц (Сураж/Будзянка)
227. Магіла партызана П.А. Міхайлава (Сураж/Будзянка)
228. Магіла Селязнёвых (Сураж/Будзянка)
229. ВП № 4426 (Сушчова)
230. ВП № 5739 (Сушчова, ур. Смалякі)
231. ВП № 4410 (Сцяпанкава)
232. Магіла танкістаў (Сцяпанкава, ур. Малыя Рубіны)
233. ВП № 4459 (Тадуліна)
234. ВП № 4404 (Трушчы)
235. ВП № 4443 (Уласава)
236. Пахаванні партызан, ахвяр вайны (Фокіна)
237. Магіла партызана (Хайсы)
238. Магіла савецкіх сапёраў (Хайсы)
239. ВП № 7842 (Храпавічы)
240. Магіла ахвяр вайны (Храпавічы)
241. ВП № 4469 (Чырвоная Іскра)
242. Магіла партызана К.П. Каралёва (Чырвоны Двор)
243. Магіла невядомага савецкага радыста (Чырвоны Двор)
244. Магіла невядомага савецкага лётчыка (Чырвоная Іскра)
245. ВП № 4424 (Чырвоны Двор)
246. Магіла 17 ахвяр вайны (Чырвоны Двор)
247. Магіла 12 ахвяр вайны (Чырвоны Двор)

248. Магіла чатырох ахвяр вайны (Чырвоны Двор)
249. Індывідуальныя пахаванні ахвяр вайны (Чырвоны Двор)
250. ВП № 4420 (Шапуры)
251. ВП № 4409 (Шаркі, Заронаўскі сельсавет)
252. ВП № 4425 (Шчучына)
253. ВП № 5715 (Шылы)
254. ВП № 4446 (Янавічы)
255. Месца загубы і магіла яўрэяў Янавіч (Янавічы, ур. Ахруткі)
256. Месца знішчэння і магіла яўрэяў Янавіч (Янавічы, ур. Зайцава)

Іншыя аб'екты

257. Доўгачасовыя агнявыя кропкі (Баронікі)
258. Жалезабетонны ДОТ (ч. ст. Лосвіда)
259. ДОТы (Хоцінічы)

Месцы ў Віцебскім раёне, якія варта адзначыць памятнымі знакамі, мемарыяльнымі дошкамі ці іншым чынам:

Памятныя мясціны: месцы нараджэння і месцы жыцця славутых асоб, звязаных з краем

1. Радзіма выдатнага беларускага этнографа і краязнаўца М.Я. Нікіфароўскага (Вымна)
2. Месца нараджэння Сільвестра Косава (Жаробычы)
3. Радзіма Міхася Лынькова (Зазыбы)
4. Радзіма Аляксандра Рыпінскага (Кукавячына)
5. Месца нараджэння Яна Храпавіцкага (Падбярэззе)
6. Месца жыцця В. Лужынскага (Мяклава)
7. Месца жыцця і дзейнасці А.С. Бялыніцкага-Бірулі (Каралева, не існуе)
8. Месца жыцця і дзейнасці А.А. Астрэйкі (Лукі, Старое Сяло)
9. Радзіма самага вялікага чалавека ў свеце Фёдара Махнова (Касцюкі, не існуе, Старое Сяло)
10. Радзіма Гераніма Марцінкевіча (Тулава)
11. Радзіма мастака Уладзіміра Лускіна (Старое Сяло)
12. Месца жыцця К.І. Гібенталя (Тулава)
- XX ст.
13. Радзіма А.Г. Антонова (Вымна)
14. Радзіма Ф.А. Сурганова (Суднікі)
15. Радзіма М.М. Барадзіна (Янавічы)
16. Радзіма Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова (Пунішча)
17. Радзіма Героя Савецкага Саюза Я.В. Васілеўскага (Гарбачова)
18. Радзіма Героя Савецкага Саюза Р.С. Гарфункіна
19. Радзіма Героя Савецкага Саюза П.Л. Даўбешкіна (Паўлавічы)
20. Радзіма М. Кандраценкі (ур. Трыніўкі)
21. Радзіма А.А. Кірпічэнкі (Чыр'іна)
22. Радзіма Героя Савецкага Саюза П.Л. Грышчанкі (Кукавячына)
23. Радзіма генерала арміі І.Я. Шаўрова (Шабуні)

24. Радзіма міністра гандлю БССР А.С. Шаўрова
 25. Радзіма Я.Р. Каваленкі (Янавічы)
 26. Радзіма мастака У.І. Кухарава (Янавічы)
 27. Радзіма В.П. Ціханова (Янавічы)
- Памятныя месцы
28. Месца гібелі савецкіх ваеннапалонных і былога фашысцкага канцлагера (Бараўляны)
 29. Месца, дзе на Вялікалуцкім тракце былі паром і пераправа (Барвін)
 30. Месца бітвы 1614 г. (Глазамічы)
 31. Месца баёў вайны 1812 г. (Кукавячына)
 32. Месца, дзе планавалася будаваць Суражскую ГЭС (Лушчыха)
 33. Месца былой кардоннай фабрыкі (Пудаць)
 34. Месца, дзе была арганізавана і дзейнічала кітайская камуна (Сакольнікі, ур. Маркавічы)
 35. «Бандыцкае кладзішча» (бандыцкія могілкі) (Сураж)
 36. Месца былога канцлагера (Хоцінічы)
 37. Месца, дзе ў час вайны была нямецкая турма СД (Хоцінічы)

Да матэрыялу В.В. Сядова

Фота 1–4. Абломкі пацярпелага аварыю самалёта

Фота 5. Павозка, у якой вязуць парэшткі лётчыкаў з месца катастрофы

Фота 6, 7. Развітанне з лётчыкамі ў штабе эскадрылы

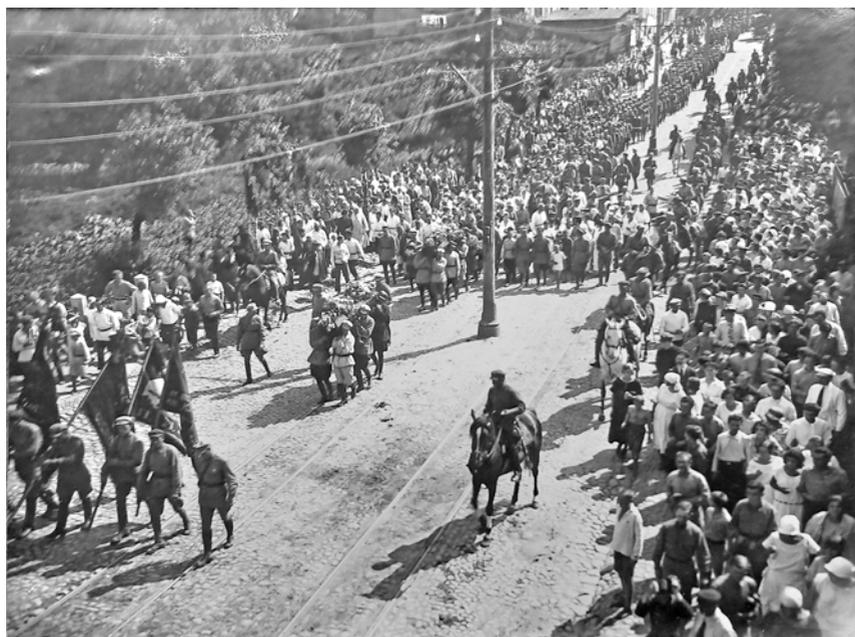
Фота 8. Пахавальная працэсія на сучаснай вул. Гогаля

Фота 9. Пахавальная працэсія ў раёне сучаснага транспартнага прыпынку
на супраць «сіняга» дома

Фота 10. Пахавальная працэсія ў раёне сучаснай плошчы Свабоды

Фота 11, 12. Пахавальная працэсія на вул. Замкавай

Фота 13, 14. Пахавальная працэсія на перасячэнні сучасных вул. Замкавай і Пушкіна

Фота 15. Магіла лётчыкаў на Стара-Сямёнаўскіх могілках

Фота 16а, 16б. Лётчык Куляшоў

Спите спокойно! **(Похороны погибших летчиков, т.т. Ку-** **лешова и Власкова).**

Провожать останки борцов и героев собрались, помимо летного состава и красноармейских частей, так же и все профсоюзы.

Из здания аэрогарнизона были вынесены на руках два красных гроба. Впереди венки За гробами семья, затем красноармейские части. По бокам кавалерийская цепь.

Двигались медленно. Чем дальше двигались, тем больше к траурной процессии присоединяется народу. Вышли с двумя венками. На площади свободы их стало пять, на Замковой—девять, на мосту—тринадцать, не считая букетов живых цветов. Когда голова траурного шествия проходила через виадук, конец—сходил с места через Движу.

Шли с многочисленными оркестрами музыки и траурными знаменами. Шли отдавать последний долг жертвам воздушной стихии, погибшим товарищам.

На кладбище выступали: военком эскадроны, товарищ от летного состава, секретарь Окружкома, от академии Воздухофлота, от красноармейцев, профсоюзов, пионеров и др.

В выступлениях не было уныния, не было слез, а было товарищеское прощание—прощание навсегда—с обещаниями и клятвами добиться во что бы то ни стало полной победы над воздушной стихией.

Прощаясь с погибшими, выступавшие стмечали, что они были стойкими борцами, крепкими революционерами и хорошими товарищами.

Под трехкратный вальд, при наклонных знаменах, под звуки Интернационала—гробы были спущены в могилу.

А над могилкой, вместо памятника были поставлены два прощелдера.

Спите спокойно, дорогие товарищи! Дело ваше находится в твердых верных руках! И.

Фото 17. Некролог пра загінуўшых лётчыкаў у газеце «Заря Запада»

Да матэрыялу А.А. Ведзь

Фота 1. Іван Фёдаравіч і Валянціна Савічна Бурлака

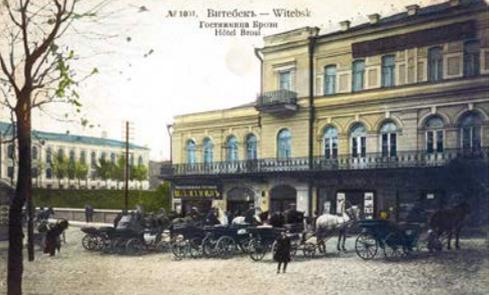
Фота 4. Раздел, присвячаны І.Ф. і В.С. Бурлака, у музейнай экспазіцыі «Історыя Гомельскай абласной бібліятэкі»

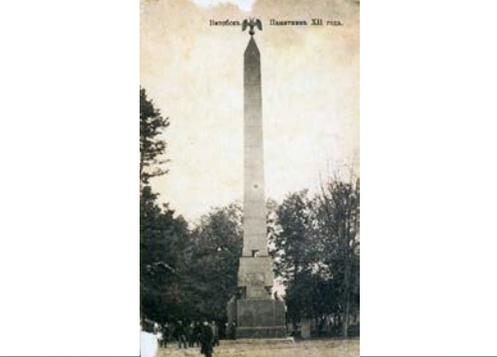
Да матэрыялу Л.І. Малашчанкі

№ малюнка	Найменаванне	Выва
Малюнак 1	Паштоўка. «Привет из Витебска». Пачатак XX ст. 3 абрэвіатурай «D.R.G.M». КП 22428/102	
Малюнак 2	Паштоўка. Віцебск. Вакзал. Пачатак XX ст. КП 22428/32	
Малюнак 3	Паштоўка. Віцебск. Вакзал. 1912 г. Выд. Контрагентства А.С. Суворына і Ко. Фотагтыпія Шэрар, Набгольд и Ко. Масква. КП 22428 /15	

<p>Малюнак 4</p>	<p>Паштоўка. № 16. Віцебск. Вакзальная вуліца. Пачатак XX ст. Выд. А. Фіялка. Вільня. КП 18160/02</p>	
<p>Малюнак 5</p>	<p>Паштоўка. № 8. Віцебск. Вакзальная вуліца. Пачатак XX ст. Выд. Ф. Добрага і М. Галашчкіна. Віцебск. КП 22428/39</p>	
<p>Малюнак 6</p>	<p>Паштоўка. «Привет из Віцебска». Агульны краявід і мост. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна, Віцебск : Б. Вяржбіцкі і Ко. Графіч. майстэрня. Варшава. КП 22428/29</p>	
<p>Малюнак 7</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Мост на рацэ Дзвіне. Пачатак XX ст. Выд. т-ва «К.П.» ; Т-ва А.І. Мамантава. Масква. КП 22428/07</p>	

<p>Малюнак 8</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Замкавая вуліца. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск. КП 22428/48</p>	 <p>Віцебск. Замкавая вуліца.</p>
<p>Малюнак 9</p>	<p>Паштоўка. «Привет из Витебска». Замкавая вуліца. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск. КП 22428/49</p>	 <p>Привет из Витебска. Замкавая вуліца.</p> <p>Verlag Bih. E. Jackson, Wiesbad.</p>
<p>Малюнак 10</p>	<p>Паштоўка. № 2. Віцебск. Акружны суд. Пачатак XX ст. Выд. Ф. Добрага і М. Галашчокіна. Віцебск. КП 10983</p>	 <p>Окружной Судъ. Віцебскъ.</p> <p>№ 2. Над ф. Добрага і М. Галашчокіна.</p>
<p>Малюнак 11</p>	<p>Паштоўка. № 4. Віцебск. Мікалаеўскі кафедральны сабор. Пачатак XX ст. Акц. т-ва «Гранберг у Стакгольме». КП 22428/65</p>	

<p>Малюнак 12</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Цэнтральная частка. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск. КП 22428/44</p>	
<p>Малюнак 13</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Віцебскі мост. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск : Б. Вяржбіцкі і Ко. Графіч. майстэрня. Варшава. КП 22428/220.14</p>	
<p>Малюнак 14</p>	<p>Паштоўка. № 1001. Віцебск. Гасцініца Брозі. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск. КП 22428/50</p>	
<p>Малюнак 15</p>	<p>Паштоўка. № 1007. Віцебск. Смаленская вуліца. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск. КП 22428/45</p>	

<p>Малюнак 16</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Губернатарскі дом. Пачатак XX ст. Выд. Ф. Добрага і М. Галашчокіна. Віцебск. КП 22428/81</p>	 <p><i>Віцебск.</i> Губернатарскі дом.</p>
<p>Малюнак 17</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Помнік XII ст. 1917 г. Выд. «Контрагенцтва А.С. Суворына і Ко». Фотатыпія Шэрар, Набгольц і Ко. Масква. КП 16985/29</p>	 <p>Віцебск. Помнік Сувораву. Пачатак XX ст.</p>
<p>Малюнак 18</p>	<p>Паштоўка № 10. Віцебск. Успенскі сабор. Пачатак XX ст. Выд. А. Фіялка. Вільня. КП 22428/27</p>	 <p>ВІТЕБСКІ. Успенскі сабор.</p>
<p>Малюнак 19</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Агульны краявід горада і Успенская гара. Пачатак XX ст. Выд. т-ва «К.П.» ; Т-ва А.І. Мамантава. КП 22428/71</p>	 <p>Віцебск. — Агульны выгляд горада і Успенская гара.</p>

<p>Малюнок 20</p>	<p>Паштоўка № 17. Віцебск. Задуноўская вуліца. Пачатак XX ст. Выд. А. Фіялка. Вільня. КП 16357</p>	
<p>Малюнок 21</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Ва́кзальная вуліца. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск : Б. Вяржбіцкі і Ко. Графіч. майстэрні. Варшава. КП 22428/220.08</p>	
<p>Малюнок 22</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Мужчы́нская гімназія Неруша і Настаўніцкі інстытут. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск. КП 14780</p>	
<p>Малюнок 23</p>	<p>Паштоўка. Віцебск. Жаночае духоўнае вучылішча. Пачатак XX ст. Выд. Ш.З. Яхніна. Віцебск : Б. Вяржбіцкі і Ко. Графіч. майстэрні. Варшава. КП 22428/220.01</p>	

Да матэрыялу Г.Р. Новак

Фота 1. Калаж «Навекі – дваццацігадовыя», зроблены ўдзельнікамі аб'яднання па інтарэсах «Краязнаўства» Віцебскага гарадскога цэнтра дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі

Да матэрыялу А.Ю. Папроцкай

Мал. 1. Слепаў А.М. Страляючая з лука. 2021 г.

Мал. 2. Слепаў А.М. Кентаўр-перамоганосец. 2021 г.

Мал. 3. Слепаў А.М.
Стары, што раздае думкі. 2020 г.

Мал. 4. Слепаў А.М.
«Смерцю смерць папраўшы...». 2022 г.

Мал. 5. Слепаў А.М. «Песня пра Сокала». 2021 г.

Мал. 6. Слепаў А.М. Супрэматычная права пра канцэптуальнае мастацтва. 2010 г.

Мал. 7. Слепаў А.М. Адданасць. 2021 г.

Мал. 8. Слепаў А.М. Расставанне. 2022 г.

Да матэрыялу Д.М. Фурыка

Мал. 1. Анцімонаў Л.С. Анёл са скрыпкай. 1980-я гг.

Мал. 2. Анцімонаў Л.С. Чыа-Чыа-Сан. 1987 г.

Мал. 3. Анцімонаў Л.С. Дыханне вясны. 1987 г.

Мал. 4. Анцімонаў Л.С. Рака. 1997 г.

Да матэрыялу Н.Ю. Шаркоўскай

Приложение 1

Места находок каменных орудий, поступивших в музей в 1925–1928 гг.

Район, сельсовет	Населенные пункты
<i>Бешенковичский р-н</i>	<i>д. Пятницкое, оз. Сушанское</i>
<i>Богушевский р-н</i>	<i>д. Блажие, Гайдуки</i>
<i>Витебск</i>	<i>Рычажный переулоч; склон Успенской горы</i>
<i>Витебский р-н</i>	<i>д. Каныши, Косово(?), Скрыдлево, Шилки</i>
<i>Высочанский р-н</i>	<i>д. Бураки, Глушки, Ордеж, Короли, Мальшики, Соловьево</i>
<i>Городокский р-н</i>	<i>д. Крутое, Лысенки, Андрее(я)нки(Андреевка)</i>
<i>Замосточский с/с</i>	<i>д. Городня</i>
<i>Лепельский р-н</i>	<i>Камень</i>
<i>Лиозненский р-н</i>	<i>оз. Бабиновское</i>
<i>Островенский с/с</i>	<i>д. Песочня</i>
<i>Сенненский р-н</i>	<i>д. Запрудье, Савиничи, Липно</i>
<i>Невельский р-н</i>	<i>Место находки неизвестно</i>

Приложение 2

Список предметов, переданных в музей Львом Давидовичем Вольфом (Витебск, Бибкин переулоч, 4); предметы были отобраны им в Полоцке у детей, нашедших их в женском монастыре (предположительно, клад)
 Н/А, ВОКМ. Ф. 17. Д. 1. Л. 13 об. – 17 № , Ф. 17. Д. 2. Л. 15 об. – 18 № 182–203

№ п/п	№ по КП 1 и КП 2	Описание предмета
1	128/182	Медаль 300-летия дома Романовых – 1913 г.
2	129/183	Медаль в память войны с турками 1828–1829 гг.
3	130/184	Медаль 300-летия дома Романовых похожа на № 182, только буквы надписи немного другие (другой штамп)
4	131/185	Медаль в память войны 1877–1878 гг. с надписью «не нам не нам, а Имени Твоему»
5	132/186	Дублет
6	133/187	Медаль в память войны 1853–1856 гг. с надписью «На тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки»
7	134/188	Дублет немного потемневший
8	135/189	Медаль в память войны 1904–1905 гг. / надпись «Да возьмет вас Господь в свое время»
9	136/190	Медаль в память войны с Китаем 1900–1901 гг. / надпись «За поход в Китай»
10	137/191	Медаль в память усмирения польского восстания 1863 г. / надпись «За усмирение польского мятежа 1863–1864»
11	138/192	Медаль в память 100-летия войны 1812 г. / надпись «1812 Славный год минул, но не пройдут соделанные в нем подвиги 1912»

12	139/193	Такая же медаль, но буквы немного другие
13	141/194	Медаль в память Великой войны – 1916 г.
14	142/195	Жетон в память Отечественной войны. 1812–1912 гг.
15	14/196	Медаль «За труд по первой всеобщей переписи населения 1897» – медь
16	144/197	Медаль от выставки Курского губернского земства «За успешные труды по с/хоз-ву»
17	145/198	Медаль в память Октябрьской революции / надпись «Да здравствует свобода Великого Трудового народа»
18	146/199	Брошь с монеты времен Екатерины Второй 1764 г. серебро
19	136/200	Румынский железный крест-медаль с надписью «TRECEREA 1877 DUNĂRII»
20	137/201	Российская монета: 5 копеек 1860
21	138/202	Монета греческая медная 1869 г. 5 (оболос 5 центов?)
22	139/203	Монета австрийская: на одной стороне 4/1861, на другой – «K.K. OsterreichischeScheidemunze» /4 крейцера/

Приложение 3

Список предметов, переданных музею 13/IV–1927
из Витебской Черной церкви по причине обвала
Н/А, ВОКМ. Ф. 17. Д. 1. Л. 117 об. – 119

№ п/п	№ по КП 1	Описание предмета
1	1153–1171	1 Фигурный железный крест от купели 2 Икона «Св. Троица» на дереве, в<ысота> – 2 арш<ина>, ш<ирина> – 1 арш<ин> и 1½ вер<шка> 3 Резная икона «Св.Дух» /значительно повреждена 4 Икона «Спас Нерукотворный» на доске 5 Икона Богородицы с Младенцем Христом, сверху полукруг в металлической шате, фон аксамитный, длина 2 ар<шина>, шир<ина> – 15 вер<шков> 6 Резной работы крест «Распятый Христос», при нем резной работы остальные образы Богородицы и Иоанна Богослова 7 Икона Богородицы из иконостаса с частью последнего 8 Икона Деисус 9 Северная дверь 10 Южная дверь 11 Икона Богородицы в короне 12 Икона Пророк Илия 13 Икона Богородица 14 Икона св. Николай 15 Икона Св. Троицы 16 Плащаница 17 Плащаница 18 Антименс???

Приложение 4

Рисунки учащихся Белорусского художественного техникума, переданные в собрание Витебского отделения Белорусского государственного музея 6 мая 1925 года / поступили с выставки в честь I съезда Советов Витебской округи /
 Н/А, ВОКМ. Ф. 17. Д. 1. Л. 44 об. – 48, № 446/675–478/707 ;
 Ф. 17. Д. 2. Л. 43 об. – 46, № 675–707

/ при цитировании архивных документов орфография и стиль оригинала сохранены /

№ п/п	№ па парадку	Назва і кароткае апісанне прадмета
19	446/675	Малюнак вучня Беларускага мастацкага тэхнікума – Гусеў:Галава старухі/алей/
20	447/676	---«--- – Загароўскі:Nature morte / тож/
21	448/677	---«--- – Гусеў:Галава старыка/--«--/
22	449/678	---«--- – Дежыц: На барыкадах /--«--/
23	450/679	---«--- – Гусеў:Беларуска/--«--/
24	451/680	---«--- – Гусеў: На барыкадах/--«--/
25	452/681	---«--- – Ханін: I-ае траўня, плякат /рысунак вуглем/
26	453/682	---«--- – Гусеў: Старуха беларуска/--«--/
27	454/683	---«--- – Ханін: Кірмаш /нарыс-акварэль/
28	455/684	---«--- – Пузынкевіч: Збіраюць яблыкі/--«--/
29	456/685	---«--- – Воўкава: Беларуска з граблямі /нарыс да Парыскай выстаўкі, акварэль/
30	457/686	---«--- – Ізраільскі: Рабочы /--«--/
31	458/687	---«--- – Бульчоў: Плякат для Ленінскага кутка /акварэль/
32	459/688	---«--- – Корпуненка: Цымбаліст/нарыс да Парыскай выстаўкі, акварэль/
33	460/689	---«--- – Зданоўска: Беларуска/--«--/
34	461/690	---«--- – Корпуненка: Орнамент /акварэль/
35	462/691	---«--- – Рабінак: Беларуска/нарыс да Парыскай выстаўкі, акварэль/
36	463/692	---«--- – Ананьева: Сяўбіт/--«--/
37	464/693	---«--- – Міхайлаў: Па воду /нарыс–акварэль/
38	465/694	---«--- – Доўгапольска: Орнамент /акварэль/
39	466/695	---«--- – Станкевіч: Рабочы/нарыс да Парыскай выстаўкі, акварэль/
40	467/696	---«--- – Калішэвіч: «Чырвонаармеец» / нарыс да Парыскай выстаўкі, акварэль/
41	468/697	---«--- – Зеленка: «Орнамент» /акварэль/
42	469/698	---«--- – Стальмашэўскі: Орнамент /акварэль/
43	470/699	---«--- – Семашкевіч: «Галава старыка» – рысунак алоўкам
44	471/700	---«--- – Бэзькін: «Галава чырвонаармейца» рыс. вуглем і сангінам
45	472/701	---«--- – Ханін: «Прачкі» –нарыс, акварэль
46	473/702	---«--- – Хмельнік: «Орнамент» – акварэль
47	474/703	---«--- – Гусеў: «Беларуска» –рысунак вуглем
48	475/704	---«--- – Бульчоў: «Чырвоная армия шчыт прыгнечаных» – нарыс плаката –акварэль
49	476/705	---«--- – Бульчоў: «Асфальтоўшчыкі» нарыс – пастэль
50	477/706	Разьбярства Б.М.Т. – Азгур: «Галава жыда» гліна
51	478/707	---«--- Воўкаў – «Галава рабочага» гліна

Приложение 5

Список наименований периодических изданий (журналы),
поступивших из архива библиотеки 7-й семилетней школы
Н/А, ВОКМ. Ф. 17. Д. 2. Л. 74 (75)–84, № 1670–1806

№ п/п	Название периодического издания	За какие годы сохранились издания
1	«Будь здоров»	1897
2	«Вестник воспитания»	1890–1897, 1900, 1904, 1906, 1908–1913, 1916, 1917
3	«Вестник Европы»	1907
4	«Вестник знания»	1904
5	«Вестник иностранной литературы»	1892–1895, 1903, 1904, 1907
6	«Воспитание и обучение»	1891, 1892, 1896, 1898, 1900, 1902–1904, 1906, 1908–1913
7	«Всемирная библиотека»	1892
8	«Журнал литературы»	1905
9	«Журнал Министерства Народного Просвещения»	1871
10	«Исторический вестник»	1880, 84, 86, 99, 1900–1903, 1906–1911, 1913–1915
11	«Мир Божий»	1892, 1894, 1895–1902, 1905, 1906
12	«Образование»	1893–1901, 1904
13	«Нива /литературные приложения/»	1896, 1897, 1899, 1900–1902, 1904, 1905
14	«Природа и Люди»	1879, 1880
15	«Педагогический листок»	1897, 1901, 1908–1915
16	«Педагогический музей»	1875
17	«Педагогический сборник»	1906, 1908, 1915
18	«Русская старина»	1886, 1910, 1911
19	«Русская школа»	1891–1897, 1900, 1909, 1910, 1912–1916
20	«Русский вестник»	1877, 1888–1890
21	«Русский филологический вестник»	1913
22	«Русское Богатство»	1911
23	«Современный мир»	1906
24	«Филологические записки»	1878

Приложение 6

Список книг, переданных музею из архива библиотеки
7-й Витебской школы-семилетки 17.02.1926 г.

Н/А, ВОКМ. Ф. 17. Д. 2. Л. 83 об. – 102 /при цитировании архивных документов
орфография и стиль оригинала сохранены

№ п/п	№ по КП 2	Описание предмета
52	1807	Собрание писем Петра I, ч I, II
53	1808	Ассиро-вавилонская лит-ра – 1879
54	1809	Качоровский – Русская община – 1900
55	1810	Птискус – Олимп – 1861
56	1811	Аксаков – Польский вопрос – 1900
57	1812	Леонтьев – Пропилеи I–III, 1856
58	1813	Черняев – Необходимость самодержавия для России – 1901

59	1814	Диксон – Новая Америка – 1867
60	1815	Прескотт – Филипп II–I, II–1868
61	1816	Гартвич – Природа и человек на крайнем севере
62	1817	Соммервиль – Физическая география – 1868
63	1818	Лебедев – Исторический взгляд на учреждение школ с 1025 г. – 1875
64	1819	Уманц – Вырождение Польши – Два года после Ягеллонов –1841
65	1820	Редров – Руководство к изучению русской земли – 1867
66	1821	Страшковский – Краткий очерк греческих древностей – 1874?
67	1822	Грачев – Каталог Смоленского городского музея – 1908
68	1823	Змигродский – Каталог музея Витебской Ученой архивной Комиссии
69	1824	Реклам – популярная физиология
70	1825	Шлейден – Этюды – 1861
71	1826	Либих – Письма о химии, т. 2
72	1827	Унгер – Основания физиологии и анатомии растений – 1869
73	1828	Катрфадн – Превращения в мире животных
74	1829	Льюис – Физиология
75	1830	Клаус – Основы зоологии – 1873
76	1831	Богданов – Животные беспозвоночные – 1862
77	1832	Арго – Гром и молния
78	1833	Чуди – Альпийский мир
79	1834	Гартвиго – Тропический мир
80	1835	Куторга – Естественная история земной коры
81	1836	Ковалевский – Путешествие во внутреннюю Африку – 1849
82	1837	Арго – Избранные статьи III
83	1838	Забелин – Домашний быт русских царей – 1862
84	1839	Митчел – Небесные светила – 1860
85	1840	Беляев – История Новгорода Великого – 1866
86	1841	Иловайский – История России I, II
87	1842	Коялович – История воссоединения униатов – 1873
88	1843	Шумгорский – Императрица Мария Федоровна – 1892
89	1844	Гербель – Английские поэты – 1875
90	1845	Ильинский – Русская женщина – 1879
91	1846	Стоюнин – О преподавании русской литературы – 1864 – 2 экз.
92	1847	Шубинский – Записки жениха – 1874
93	1848	Виленский календарь на 1909 год
94	1849	Снегирев – Сухарева башня – 1862
95	1850	Щебальский – Рассказы о Западной Руси – 1866
96	1851	Русский календарь на 1904 г.
97	1852	Ламанский – Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе – 1871
98	1853	Шубинский – Рассказы о русской старине – 1871
99	1854	Смит – Ключ к разрешению польского вопроса – 1866
100	1855	Завалишин – Описание Западной Сибири – 1862
101	1856	25-ти летие царствования императора Александра II
102	1857	Арго – Два океана I–IV – 1855
103	1858	Его же – Биографии знаменитых астрономов I, II – 1859

104	1859	Белов – Путешествие по Германии и Швейцарии – 1875
105	1860	Смайлс – Характер – 1883
106	1861	Гейрот – Описание восточной войны 1853–56 – 1872
107	1862	Lagagn – Физические упражнения – 1910
108	1863	Турбин – Днепр и Приднепровье – 1877
109	1864	Отечественные достопримечательности I, IV – 1824
110	1865	Экерт – Взгляд на историю и этнографию западных губерний России – 1864
111	1866	Шрейер – 50-ти летний юбилей принца Ольденбургского – 1881
112	1867	Гершель – Основы астрономии I, II – 1861
113	1868	Почтовый дорожник – 1911
114	1869	Кузьменко – Сборник распоряжений по женским гимназиям 1905. 2 экз.
115	1870	Грачев – Путеводитель по Смоленску – 1908
116	1871	Вахтеров – Предметный метод обучения – 1907
117	1872	Ермолов – Химическая обработка и окрашивание металлов – 1905
118	1873	Геннади – Приложения к сочинениям Пушкина – 1860
119	1874	Риттер – Общее земледование – 1864
120	1875	Зув – Иллюстрированная физическая география I, III – 1843
121	1876	Гартвиг – Хрестоматия по русской истории – 1917
122	1877	Ранке – Римские папы I, II – 1869
123	1878	Перуолтер – Германизация балтийских славян – 1874
124	1879	Морошкин – Иезуиты в России – 1867
125	1880	Путешествие вокруг света на шлюпе Синявина I, III – 1834
126	1881	Тюленев – Характер – 1912
127	1882	Несторова летопись – 1874 3 экз.
128	1883	Бирнбаум – Царство облаков – 1861
129	1884	Сборник – В помощь семье и школе – 1911
130	1885	Александров – Народы России
131	1886	Ковалевский – Странствователь по суше и морям – 1871
132	1887	Руа – История рыцарств – 1858
133	1888	Волосатов – Что такое душа – 1905
134	1889	Друммонд – Естественный закон в духовном мире – 1898
135	1890	Джемс – Психология – 1905
136	1891	Рабле и Монтэнь Мысли о воспитании и обучении – 1896
137	1892	Мендельсон – Учебник трезвости
138	1893	На помощь матерям – 1897
139	1894	Фаррар – Первые дни христианства – 1898
140	1895	Андреев – народы старцы – 1874
141	1896	Шлейден – Растение и его жизнь – 1862
142	1897	Указатель статей Педагогического сборника 1893–1907
143	1898	Гратвич – Воздух – 1875
144	1899	Шлейн – Море – 1867
145	1900	Трачевский – Учебник средней истории – 1901
146	1901	Светочь за 1912 г. I, II
147	1902	Дом Романовых и воцарение Михаила Федоровича /11 экз.
148	1903	Боткин – Письма об Испании – 1857 /2 экз.

149	1904	Ratsch – L'Autriche et le Polonizmt – 1869
150	1905	Ratsch – La RussieLithuaniennejusqu'a la chute de la Pologne – 1869
151	1906	Ratsch – La question polonaigedans la Russieoccidentale – 1868
152	1907	Гербель – Поэзия славян – 1871
153	1908	Русселд – Живописная Индия – 1877
154	1909	Из записей герцога Сен-Симона – 1899
155	1910	Бургерштейн и Нетолицкий – Руководство по школьной гигиене, ч. II, 1909
156	1912	Тома – Нравственность и воспитание – 1900
157	1913	Учебные заведения ведомства народного просвещения наI/I–1905. Съезд преподавателей математики, физики, естествознания и географии Виленского учебного округа
158	1914	Тоже – русского языка и истории /2 экз. / – 1907
159	1915	Труды съезда преподавателей графических искусств и ремесел – 1911
160	1916	Обзор деятельности педагогического музея военно-учебных заведение за 1906–1907 гг. 2 экз.
161	1917	Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за 1803– 1832 г. I, III 2 экз. 1913
162	1918	Памятная книжка Витебской губернии за 1900, 2, 8, 10 /2 экз./, 14 гг.
163	1919	Памятные книжки Виленского учебного округа за 1907/08, 08/09, 09/10, 11/12, 13,15 /2 экз./ гг.
164	1920	Очерки из истории народных сказаний по Грубе – 1863
165	1921	Гремин – Чудеса древнего и нового мира – 1860
166	1922	Беляев – Рассказы из русской истории I, III
167	1923	Костомаров – Богдан Хмельницкий I, III – 1870
168	1924	Его же – Северо-русские народоправства – 1868
169	1925	Его же – ПоследниегодыРечиПосполитой – 1870
170	1926	Араго – Астрономия I–III – 1860
171	1927	Русские люди /жизнеописания/ I, II – 1866
172	1928	Березин – Хорватия, Славония и Далмация I, II – 1879
173	1929	Географические очерки и картины I, VII – 1863
174	1930	Фортинский – Приморские вендские города до 1370
175	1931	Романовский – Руководство по русской истории I, II – 1911
176	1932	Овсянников – Историческая хрестоматия т. I
177	1933	Карамзин – История государства российского I–III, 1842
178	1934	Иммерман – Объединенные Штаты Северной Америки – 1843
179	1935	Фрейтаг – Картины средневековой жизни
180	1936	Гофман – Житейская философия кота Мура и Стенли – Мои чернокожие спутники
181	1937	Чудинов – Очерк истории русской женщины – 1843
182	1938	Трачевский – Польское безкорольеве – 1869
183	1939	Бернадский – Земля и люди – 1859
184	1940	Памяти И.П. Корнилова – 1911
185	1941	Кольб – История человеческой культуры I, II – 1872
186	1942	Путевые впечатления
187	1943	Памятная книжка Ведомства учреждений императрицы Марии за 1874 г.

188	1944	Дополнения к справочной книжке Ведомства Мн-ва Народного Просвещения 1/ I-07
189	1945	Крыжановский – Биографии греческих и латинских классиков – 1874
190	1946	Успенский – Первая славянская монархия на северо-западе – 1872
191	1947	Строев – Указатель к истории Карамзина – 1844
192	1948	Коялович – Люблинская уния – 1863
193	1949	Щербинин – Биография князя М.С. Воронцова – 1858
194	1950	В.П.П. – Священно-церковная география – 1848
195	1951	Мунк – История греческой литературы – 1861
196	1952	Фогель – Путешествия и открытия – 1868
197	1953	Тиндаль – Альпийские ледники – 1866
198	1954	Риттер – Европа – 1864
199	1955	Кенан – Степная жизнь в Сирии – 1871
200	1956	Гершель – Беседы – 1868
201	1957	Гартвиг – Чудеса подземного мира – 1866
202	1958	Риттер – Землеведение Азии I, III, V – 1879
203	1959	Пютц – Характеристики из сравнительного землеописания и этнографии – 1864
204	1960	Ковалевский – Путешествие во внутреннюю Африку
205	1961	Дочери и жены консула Турции I, II – 1879
206	1962	Сидоров – Север России – 1870
207	1963	Томас – Замечательные открытия – 1862
208	1964	Чехия и Моравия – 1871
209	1965	Макаров – Французско-русский словарь – I, II – 1870
210	1966	Макаров – Французско-русский словарь – I, II – 1874
211	1967	...Этимологический французско-русский словарь I, II
212	1968	Аристов – Хрестоматия по русской истории – 1870
213	1969	Женские гимназии и прогимназии – 1858–1905
214	1970	Вейнберг – Сборник произведений иностранных поэтов – 1882
215	1971	Буслаев – О преподавании отечественного языка – 1867
216	1972	Арсеньев – Словарь писателей IX–XVII в. – 1882
217	1973	Фролов – Магазин землеведения и путешествий I–VI – 1852
218	1974	Алябьев – Уссурийский край – 1872
219	1975	Головкин – Записки в плену у японцев – 1854
220	1976	Максимов – На востоке
221	1977	Галахов – История русской словесности
222	1978	Пантеон литературы – 1889
223	1979	Зувев – Статистико-географические таблицы России
224	1980	Порфирьев – История русской словесности, ч. I – 1904
225	1981	Срезневский – Замечания об изучении русского языка и словесности – 1871
226	1982	Пыпин и Спасович – Обзор истории славянской литературы – 1865
227	1983	Перевльынский – Славянская грамматика – 1868
228	1984	Шерр – Всеобщая история литературы – 1863
229	1985	Гербель – Русские поэты – 1873 – 2 экз.
230	1986	Галахов – Историческая хрестоматия
231	1987	Мюллер – Наука о языке – 1868

232	1988	Годы учения Александра II, т. I – 1880
233	1989	Bruno – Grammairhistorique de la Langue Francaise – 1899
234	1990	Оберленер – Новая Зеландия 1872
235	1991	---«---- т. II, – 1875
236	1992	Кледен – Всеобщая география II, III и приложение – 1875
237	1993	Семенов – ОтечествоведениеI, II /2 экз./ – 1875
238	1994	Щебальский – Чтение из русской истории, I–VI
239	1995	Костомаров – Русская история в жизнеописаниях
240	1996	Его же – Смутное время I, III – 1868
241	1997	Костомаров – Исторические монографии т. III
242	1998	Из истории Греции Грота
243	1999	Арсеньева – Царствующий дом Романовых III, V, VI, VIII – 1904
244	2000	Её же – Рассказы из истории западных окраин России I, III
245	2001	Виноградов – Жития святых I, III
246	2002	Дестунис – Жития святых VIII, IX, XI, XII
247	2003	Жития святых по четям-минеем II, VII, X, XI, XII
248	2004	Paul Virle – Histoire des institutions politiquei I–III – 1890
249	2005	Князь Олег – 1915
250	2006	Юбилейный альбом в память 300-летия дома Романовых
251	2007	Ельницкий – Методика начального обучения родному языку – 1878
252	2008	Гербач – Руководство к обучению письму
253	2009	Востоков – Русская грамматика
254	2010	Сиповский – Историческая хрестоматия I /2 эк/, 3, II, 4, III, 3
255	2011	Попов – Пособие по изучению образов русской литературы
256	2012	Рамоилович – Очерки современного Египта
257	2013	Васенко – 12 год – 1911
258	2014	Зелинский – Обучение грамоте по звуковому способу – 1908
259	2015	Вейнберг – Русская история в поэзии – 1888
260	2016	Буслаев – Историческая хрестоматия
261	2017	Катехизис /православный/
262	2018	Зайцев – Древняя история Востока – 1879
263	2019	Клаус – Основы зоологии, III, 2 – 1875
264	2020	Павлович – Рассказы из русской истории – 1893
265	2021	Гершель – Простые беседы о научных предметах – 1868
266	2022	Ян – Земля и небо – 1867
267	2023	Список учебных заведений Ведомства Минист. Народ. Просвещения по I/I–1908
268	2024	Литвинский – Небо для невооруженного глаза
269	2025	Шумахер – Великаякрестьянская реформа
270	2026	Могульская – Памяти А.И. Доброхотова
271	2027	Коялович – Лекции по истории Западной России – 1864
272	2028	Штаммер – Хмическая лаборатория – 1864
273	2029	Германн – Учебник физиологии – 1864
274	2030	Никифоров – На добрую память – 1894
275	2031	Любен – Руководство ботаники –1876
276	2032	Бернар – Курс общей физиологии – 1878

277	2033	Льюис – Очерки животной жизни – 1865
278	2034	Филонов – Учебник словесности – 1879
279	2035	Querat - Развитие мышления у детей – 1904
280	2036	Штеггарт – Учебник химии – 1862
281	2037	Филонов – Русская хрестоматия, т. 2
282	2038	Luchaire – Institutions francaises – 1892
283	2039	Буслаев – Русская хрестоматия – 1879
284	2040	Семенов – Русская хрестоматия, т. 2 – 1874
285	2041	Абаза – История России – 1885
286	2042	Водовозов – Словесность
287	2043	Водовозов – Руководство к изучению русской азбуки
288	2044	И-Б-Ъ – Замечательные русские исторические деятели
289	2045	Мельгунов – Что такое история – 1905
290	2046	Михайлов – Пособие к наглядному изучению русского правописания – 1911
291	2047	Тихомиров – Из истории русской земли – 1905
292	2048	Сафонов – Царствование императора Александра II
293	2049	Пютц – Всеобщая география – 1865
294	2050	Скворцов – Общая педагогика – 1909
295	2051	Олесницкий – Теория воспитания – 1880
296	2052	Бестужев – Как росло Московское княжество – 1909
297	2053	Ангерштейн – Домашняя гимнастика для девочек – 1889
298	2054	Вельтер – Средняя история – 1863
299	2055	Флеров – Новый способ обучения слиянию звуков
300	2056	(Карельщиков) – Ученик ботаники – 1870
301	2057	Истарьев – Образцы русской народной поэзии – 1877
302	2058	Масе – История кусочка хлеба – 1863
303	2059	Шульц – Древняя история – 1865
304	2060	Шульц – Средняя история – 1881
305	2061	Бунаков – Концентрический учебник русской грамматики – 1875
306	2062	Фоско – Общедоступный космос – 1878
307	2063	Снегирев – Методика арифметики – 1913
308	2064	Водовозов – Киги для учителей – 1879
309	2065	Максимов – Культ хлеба – 1873
310	2066	Флеров – Планы по обучению грамоте
311	2067	Стоюнин – Хрестоматия по русской литературе, I, II – 1879
312	2068	Стоюнин – Высший курс русской грамматики – 1876
313	2069	Семенов – Руководство к преподаванию русского языка детям 9–11 лет – 1868
314	2070	Паульсон – Обучение родному языку, II – 1848
315	2071	Кузнецов – Русская география – 1865
316	2072	Gautiers – Lesepopeesfrancaises I, III – 1878
317	2073	Hammarion – Astronomiepopulaire – 1905
318	2074	Rimbaud – Histoire de la civilisationfrancaises – I, III
319	2075	Gautiers – Bibliographie de chansons de gest – 1897

Фота 1. Каменныя долатападобныя прылады эпохі неаліту і ранняга бронзавага веку.

Калекцыя «Археалогія». 3 паступленняў 1925–1928 гг.:

- 1 – бераг Сушанскага возера паблізу Бешанковічаў, былы Лепельскі павет (ВАКМ, КП 571);
 2 – в. Шылкі, поўдзень Віцебскага раёна; ад І. Галькевіча; дар (ВАКМ, КП 598); 3 – в. Благія,
 Багушэўскі раён; ад І. Галькевіча; дар (ВАКМ, КП 695); 4 – в. Запрудзе, Сенненскі раён; ад
 настаўніцы Ангеліны Сянкевіч; дар (ВАКМ, КП 655); 5 – бераг Каменскага возера, Лепельскі
 павет; крыніца паступлення не дадзена; дар (ВАКМ, КП 673); 6 – в. Савінічы, Сенненскі раён;
 ад К.С. Мацвеева; закупка (ВАКМ, КП 588); 7 – в. Благія, Багушэўскі раён; ад І. Галькевіча;
 дар (ВАКМ, КП 613); 8 – маёнтак Ордзеж, Высачанскі раён; ад селяніна Дзмітрыя Шатрова
 (ВАКМ, КП 580); 9 – в. Канышы, Рудакоўскі с/с; ад Кудрашова; закупка (ВАКМ, КП 660);
 10 – в. Глушкі, Высачанскі раён; ад епіскапа Свідзерскага; знайшоў Ф. Ражкоў; закупка
 (ВАКМ, КП 657); 11 – в. Малышкі, Высачанскі раён (ВАКМ, КП 574); 12 – Бычыха ў вярсеце
 ад яе, бераг р. Чарнуыкі, Гарадоцкі павет; ад Л.Ю. Аўсянка; дар (ВАКМ, КП 591);
 13 – в. Грыбуны, Сялюцкі с/с; ад дырэктара Сялюцкай школы Бухаўцова; дар (ВАКМ,
 КП 569); 14 – маёнтак Ордзеж, Высачанскі раён; ад С.Гр. Хадункіна; закупка (ВАКМ, КП 677)

Фота 2. Каменныя сьвярлёныя сякеры і нарыхтоўка эпохі неаліту і ранняга бронзавага веку.

Калекцыя «Археалогія». З паступленьняў 1925–1928 гг.:

- 1 – в. Гародня, Замастоцкі с/с; ад І. Галькевіча; дар (ВАКМ КП 644); 2 – в. Лысенкі, Гарастоцкі раён; ад Н.С. Краўчанкі; дар (ВАКМ, КП 632); 3 – в. Крутое на месцы разабранай хаты; ад Н.С. Краўчанкі; дар (ВАКМ, КП 646); 4 – в. Савінічы, Сенненскі раён; ад К.С. Мацвеева; закупка (ВАКМ, КП 637); 5 – в. Пятніцкае, Бешанковіцкі раён; ад Пушнякова; дар (ВАКМ, КП 630)

Фота 3. Бранзалет вайсковы латгальскі. IX–X стст. Лужасна, Віцебскі раён; ад настаўніка Рыгора Чарняўскага; дар (ВАКМ, КП 350). Калекцыя «Археалогія»

Фота 4. Прывеска-амулет «конік». XII ст.; дар (ВАКМ КП 1810)

Фота 5. Бердыш. Віцебск, Суражскі тракт; ад М.Г. Карафа-Корбута; дар (ВАКМ, КП 7203). Калекцыя «Зброя»

Фота 6. Бердыш. Віцебск, вул. Ніжне-Пятроўская; ад А.К. Супінскага (знайшоў гр. Улак); дар (ВАКМ, КП 7204). Калекцыя «Зброя»

Фота. 7, 7а. Медаль настольны «В честь графа Н.П. Шереметьева». Віцебск, вул. Гразна-Пятроўская, земляныя работы; ад Ф. Гофмана; закупка (ВАКМ, КП 5186). Калекцыя «Фалерыстыка»

Фота. 8, 8а. Медаль «В память 25-летия церковно-приходских школ 1884–1909». Серабро; ад настаўніка В.М. Таберкі; дар (ВАКМ, КП 5292). Калекцыя «Фалерыстыка»

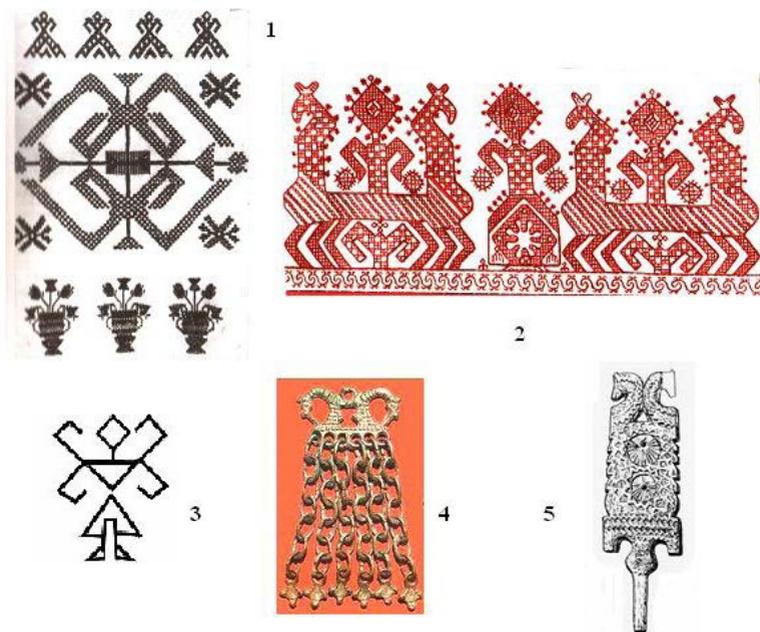

Фота 9. Чарнільніца. В. Лятохі, поўдзень
Віцебскага раёна; ад І. Галькевіча;
дар (ВАКМ, КП 3669 ці 3670).
Калекцыя «Антыкварыят»

Фота 10. Пасведчанне аб узнагароджанні
медалём Чырвонага Крыжа прагаіерэя
Фёдара Нікановіча. Дакумент з архіва
Ф. Нікановіча; ад М. Багародскага;
дар (ВАКМ, КП 7274/66). Калекцыя
«Друкаваныя і рукапісныя дакументы
з XIV ст. да 1917 года»

Да матэрыялу Л.Я. Агеевай

- 1 – рушнік XIX ст. В. Запруддзе Шаркаўшчынскага раёна Віцебскай вобласці [3, с. 57];
 2 – вясельнае покрыва XIX ст. Цвярская вобласць, Расія [5, мал. 8]; 3 – прамалёўка баства з
 рушніка 1902 г. Цвярская губерня. XIX ст. [2, с. 61, мал. 52]; 4 – амулет «берагіні».
 Расія, Прылададжа. X ст. [6, с. 108]; 5 – фрагмент ручной пралкі з матывам калясніцы.
 Яраслаўская губерня. XIX ст. [5, с. 165]

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Агеева Людміла Яўгенаўна	Малодшы навуковы супрацоўнік аддзела старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
Алефірэнка Максім Канстанцінавіч	Архівіст першай катэгорыі аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Антонана Ксенія Аляксандраўна	Настаўнік гісторыі сярэдняй школы № 2 г. Наваполацка, галоўны захавальнік фондаў Народнага музея баявой славы
Арлова Ала Генадзеўна	Краязнавец (аг. Бачэйкава, Бешанковіцкі раён)
Аўсейчык Уладзімір Яўгенавіч	Дацэнт кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай, к. г. н., дацэнт
Аўчыннікава Ганна Алегаўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Афанасьева Юлія Уладзіміраўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Баранана Ала Савічна	Дацэнт кафедры педагогікі Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, к. пед. н., дацэнт
Бараноўскі Аляксандр Віктаравіч	Загадчык аддзела навукова-інфармацыйнай работы Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н.
Бараноўскі Андрэй Леанідавіч	Галоўны бібліёграф навукова-даследчага аддзела бібліяграфіі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі
Барнюк Аляксей Сяргеевіч	Навуковы супрацоўнік цэнтра гісторыі навукі і архіўнай справы Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
Бароўка Ванда Юльянаўна	Доктар філалагічных навук, прафесар
Бароўская Вольга Мікаласэўна	Старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ўсеагульнай гісторыі, міжнародных адносін і геапалітыкі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н.
Богуш Крысціна Вадзімаўна	Вядучы архівіст аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Бондарова Алена Міхайлаўна	Загадчык аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці

Бут-Гусаім Святлана Феадосьеўна	Дацэнт кафедры беларускай філалогіі Брэскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна, к. філал. н., дацэнт
Васільева Галіна Сцяпанаўна	Дацэнт кафедры дызайну і моды Віцебскага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта, магістр мастацтвазнаўства
Ведзь Алена Аляксандраўна	Бібліятэкар аддзела захавання асноўнага фонда Гомельскай абласной універсальнай бібліятэкі імя У.І. Леніна
Воднева Ірына Пятроўна	Загадчык Краязнаўчага музея г. Полацка, філіяла НППГКМЗ
Воюш Руслан Валер’евіч	Намеснік дырэктара па вучэбнай рабоце базавай школы № 10 г. Наваполацка, кіраўнік дыгітальнага цэнтра «ІТ-акадэмія “НОТА”»
Гайдукоў Канстанцін Пятровіч	Настаўнік замежных моў Выдрэйскай я/с базавай школы Лёзненскага раёна
Гаркуша Ірына Пятроўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Гладкова Ганна Аляксандраўна	Дацэнт кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Грузіцкі Юрый Лявонцьевіч	Старшы навуковы супрацоўнік аддзела гісторыі Беларусі IX–XVIII стст. і археаграфіі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н., дацэнт
Давідоўская Вольга Мікалаеўна	Галоўны захавальнік фондаў Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Дэйко Ганна Анатолеўна	Настаўнік рускай мовы і літаратуры сярэдняй школы № 16 г. Полацка
Ерашэвіч Аляксандр Уладзіміравіч	Дацэнт кафедры эканамічнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, к. г. н., дацэнт
Ермалёнак Вітольд Антонавіч	Настаўнік гісторыі, кіраўнік музейнага аб’яднання Міёрскай сярэдняй школы № 3 імя Героя Савецкага Саюза Ягора Андрэевіча Томкі
Жукоўскі Віктар Васілевіч	Настаўнік географіі сярэдняй школы № 2 г. Оршы
Заблоцкая Елізавета Валер’еўна	Навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Зінчанка Марына Юр’еўна	Навуковы супрацоўнік аддзела навукова-інфармацыйнай работы Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
Іванова Таццяна Пятроўна	Дацэнт кафедры правазнаўства і сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Віцебскага філіяла УА ФПБ «Міжнародны ўніверсітэт «МППСА», к. г. н., дацэнт

Камар Яўген Васілевіч	Начальнік цыкла кафедры тактычнай і агульнаваеннай падрыхтоўкі ваеннага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі, к. г. н.
Камінская Дар'я Сяргееўна	Выкладчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай
Капліеў Аляксей Аляксандравіч	Старшы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н.
Карпекін Канстанцін Рыгоравіч	Галоўны захавальнік фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, к. г. н.
Касцюкевіч Анастасія Уладзіміраўна	Загаччык аддзела захавання і выкарыстання археалагічнай спадчыны Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н.
Катовіч Ташыяна Віктараўна	Прафесар Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, д. мастацтвазнаўства, прафесар
Клімаў Марат Васілевіч	Старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі Полацкай зямлі і сумежных тэрыторый Цэнтра археалогіі Беларусі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н.
Комлева Ташыяна Рыгораўна	Галоўны бібліяграф аддзела бібліятэчна-інфармацыйных тэхналогій Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі
Кралько Вікторыя Анатолеўна	Студэнтка кафедры музыкі педагагічнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Крэнт Дзмітрый Аляксандравіч	Загаччык Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
Куксёнак Марына Віктараўна	Галоўны захавальнік фондаў Музея гісторыі і культуры г. Наваполацка
Леаненка Станіслаў Пятровіч	Навуковы супрацоўнік Бешанковіцкага раённага гісторыка-краязнаўчага музея
Лісаў Аляксандр Генадзевіч	Загаччык кафедры філасофіі і паліталогіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта ветэрынарнай медыцыны, к. мастацтвазнаўства, дацэнт
Ляневіч Андрэй Станіслававіч	Вядучы навуковы супрацоўнік Дома-музея І з'езда РСДРП, філіяла Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь
Ляшчынскі Міхаіл Аляксандравіч	Намеснік старшыні Віцебскага абласнога савета ветэранаў
Мазец Валянцін Генрыхавіч	Вядучы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н., дацэнт

Макараў Максім Дзмітрыевіч	Намеснік дырэктара Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, к. г. н.
Макарэвіч Ірына Георгіеўна	Навуковы супрацоўнік Браслаўскага раённага аб'яднання музеяў
Малашчанка Людміла Іванаўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Міхайлоўская Алена Ігараўна	Старшы выкладчык кафедры музыкі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Мішына Вера Іванаўна	Старшы выкладчык Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай
Мясеедава Святлана Мікалаеўна	Вядучы архівіст Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Нарэйка Канстанцін Аляксандравіч	Педагог дадатковай адукацыі сярэдняй школы № 16 г. Полацка
Новак Галіна Рыгораўна	Педагог дадатковай адукацыі Віцебскага гарадскога цэнтра дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі
Падалінскі Уладзімір Аляксеевіч	Загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, к. г. н., дацэнт
Падліпскі Аркадзь Міхайлавіч	Краязнавец (г. Віцебск)
Папова Ганна Сяргеёўна	Выкладчык-стажор кафедры паліталогіі і філасофіі Беларускага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта
Папроцкая Анастасія Юр'еўна	Мастацтвазнаўца Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Паўлючкоў Васіль Міхайлавіч	Загадчык Музея гісторыі прыватнага калекцыяніравання, філіяла Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Пецюкевіч Таццяна Уладзіміраўна	Аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Півавар Мікалай Васілевіч	Настаўнік гісторыі Віцебскага кадэцкага вучылішча, к. г. н., дацэнт
Пушкін Ігар Аляксандравіч	Дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта харчовых і хімічных тэхналогій, к. г. н., дацэнт (г. Магілёў)
Пыж Дар'я Сяргеёўна	Малодшы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Рзаева Жанна Вячаславаўна	Навуковы супрацоўнік Цэнтра гісторыі навукі і архіўнай справы Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
Рогач Вера Валянцінаўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Русін Алег Дзмітрыевіч	Аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, настаўнік Бараўлянскай сярэдняй школы № 3
Салаўёва Святлана Уладзіміраўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Сімакоў Аляксандр Васілевіч	Незалежны даследчык (амерыканіст, краязнавец) (г. Гомель)
Сіўко Франц Іванавіч	Пісьменнік, краязнавец (г. Віцебск)
Смяховіч Мікалай Уладзіміравіч	Загачык цэнтра гісторыі Беларусі канца XVIII–XXI стагоддзяў Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, д. г. н., дацэнт
Сядоў Вадзім Венямінавіч	Краязнавец, калекцыянер (г. Санкт-Пецярбург)
Фурык Дзмітрый Міхайлавіч	Навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Харкевіч Вікторыя Уладзіміраўна	Галоўны захавальнік фондаў Віцебскага гарадскога музея воінаў-інтэрнацыяналістаў
Цітова Наталія Іванаўна	Педагог дадатковай адукацыі Віцебскага гарадскога цэнтра дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі, кіраўнік музея 6-га далёкабамбардзіровачнага Берлінскага ордэна Кутузава III ступені авіяцыйнага палка
Чэрнова Кацярына Сяргееўна	Навуковы супрацоўнік Дома-музея I з’езда РСДРП, філіяла Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь
Шадыра Вадзім Іосіфавіч	Загачык аддзела археалогіі Полацкай зямлі і сумежных тэрыторый Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, к. г. н., дацэнт
Шаркоўская Наталія Юр’еўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Шышанаў Валерый Аляксеевіч	Намеснік дырэктара па навуковай рабоце Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Шэмпляхова Наталія Аляксандраўна	Настаўнік гісторыі сярэдняй школы № 41 г. Магілёва
Юпатаў Антон Нікіфаравіч	Краязнавец (г. Віцебск)

ЗМЕСТ

Прадмова	3
--------------------	---

ГОД ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ

<i>Зинченко М.Ю.</i> Концепт исторической памяти и исторической политики в современном общественно-политическом дискурсе	4
<i>Смехович Н.В.</i> Полоцкая Русь: у истоков белорусской государственности	9
<i>Бондарева Е.М.</i> Геноцид белорусского народа: свидетельствуют документы	16

ГІСТАРЫЧНАЕ КРЯЗНАЎСТВА

<i>Арлова А.Г.</i> 3 гісторыі аховы здароўя Бачэйкаўшчыны.	22
<i>Аўсейчык У.Я.</i> Спецыфіка рассялення і колькасны склад старавераў у паўночна-заходняй Беларусі ў сярэдзіне XIX ст.	28
<i>Баранова А.С.</i> Витебская гимназия в воспоминаниях Н.О. Лосского	33
<i>Бараноўскі А.В.</i> Аляксей Казак – забыты старшыня Цэнтральнага бюро краязнаўства пры Беларускай акадэміі навук	37
<i>Барнюк А.С.</i> Пралетарскія і працоўна-сялянскія ўніверсітэты Віцебскай губерні ў 1918–1922 гг.	43
<i>Бароўская В.М.</i> Дзейнасць Полацка-Вілейскай змешанай памежнай падкамісіі па ўсталяванні паўночнага ўчастка савецка-польскай мяжы 1921–1924 гг.	50
<i>Богуш К.В.</i> Владимир Иванович Вантеев: воспоминания о войне	54
<i>Воднева І.П.</i> Развіццё плавання на Полаччыне ў другой палове 1920-х гг.	55
<i>Гайдукоў К.П.</i> Георгіеўскія кавалеры Віцебшчыны: новыя імёны	60
<i>Грузицкий Ю.Л.</i> Витебский приказ общественного призрения	71
<i>Ерашэвіч А.У.</i> Фінансаванне Віцебскай губернскай гімназіі ў 1810–1850-х гг.	77
<i>Ермалёнак В.А.</i> Знаходкі язычніцкіх свяцілішчаў на Мёршчыне ў 2022 г.	87
<i>Иванова Т.П.</i> Память об участниках освобождения Витебска: их имена присваивают учреждениям образования	92
<i>Каминская Д.С.</i> Следы тафономических изменений на палеоматериале (из опыта исследования населения Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв.)	97
<i>Каплиев А.А.</i> Распространение инфекционных болезней в БССР во второй половине 1930-х гг. (на примере эпидемического расследования вспышки паратифа в Витебске летом 1938 г.)	102
<i>Карпекін К.Р.</i> Маёнткі і фальваркі Лёзненскай воласці ў канцы XVIII – пачатку XX ст.	109
<i>Климов М.В., Костюкевич А.В.</i> Инкрустированные псалии из Полоцка: проблемы интерпретации и реставрации	115

<i>Комар Е.В.</i> Витебская область в военной истории Беларуси в период между мировыми войнами	118
<i>Крэнт Д.А.</i> Мікалай Каспяровіч – тэарэтык і арганізатар краязнаўчага руху ў БССР	123
<i>Куксёна М.В.</i> Трансфармацыя архітэктурнага вобраза Наваполацка ў канцы 1950-х – пачатку 2000-х гг. Жылыя будынкі	128
<i>Леоненко С.П.</i> Почти шесть веков Бешенковичской истории	135
<i>Лецинский М.А.</i> О работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории Дубровенского района	141
<i>Мазец В.Г.</i> Іх лёс быў звязаны з Віцебскам: з жыцця і дзейнасці дэпутатаў Вярхоўнага Савета Беларускай ССР першага склікання	151
<i>Макараў М.Д.</i> Актавыя кнігі віцебскіх земскага і падкаморскага судаў XVII ст. з фондаў Дзяржаўнага архіва Цвярской вобласці	156
<i>Мясоедова С.Н.</i> «...в Витебске имеются богатые культурные ценности»: к вопросу обеспечения сохранности библиотеки Витебской духовной семинарии в первые послереволюционные годы	161
<i>Нарейко К.А.</i> Полоцк в войне 1812 г.	165
<i>Олефиренко М.К.</i> Опасные находки: склады боеприпасов на территории Витебской области в 1944–1950 гг.	171
<i>Павлючков В.М.</i> Здание Музея истории частного коллекционирования – памятник архитектуры конца XIX в.	172
<i>Падалінскі У.А.</i> Непрыметная крыніца: калектыўныя лісты віцебскай шляхты да гетманаў Вялікага Княства Літоўскага (1598–1651).	182
<i>Пецюкевіч Т.У.</i> Развіццё прадпрыемстваў энергазабеспячэння г. Віцебска ў перыяд нэпа (1921–1928).	189
<i>Півавар М.В.</i> Помнікі манументальнай і манументальна-дэкаратыўнай скульптуры ў Віцебскім раёне як месцы памяці	192
<i>Подлипский А.М.</i> «Противник умный и искусный...» (митрополит «Живой церкви», уроженец Віцебска Александр Введенский).	195
<i>Попова А.С.</i> Полоцк – историческая и культурная столица Беларуси	201
<i>Пушкін І.А.</i> Кадры прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці напярэдадні абвясчэння дзяржаўнага суверэнітэту Беларусі	207
<i>Пыжэ Д.С.</i> Витебская ежедневная газета «Заря Запада» в системе периодической печати БССР 1920-х гг.	212
<i>Рзаева Ж.В.</i> Арганізацыя дзейнасці Вялікалятчанага батанічнага сада ў перыяд Інбелкульта	216
<i>Рогач В.В.</i> Фронтowej дзевнік В.Г. Яковлевич	219

<i>Русін А.Д.</i> Спецыфіка працэсаў сацыяльнай мабільнасці сельскага насельніцтва БССР у заходнім рэгіёне Віцебскай вобласці (1944–1965) . . .	231
<i>Седов В.В.</i> Авіакатастрофа 1925 г. в Витебске: документальные свидетельства	234
<i>Сімакоў А.В.</i> Ураджэнцы і жыхары Віцебшчыны ў кантактах з індзейцамі: сустрэчы, перапіска	237
<i>Титова Н.И.</i> История фронтовой прачки	242
<i>Харкевич В.В.</i> Памятный знак воинам-интернационалистам «Больш»	247
<i>Чэрнова К.С., Ляневіч А.С.</i> Аднаўленне культавых збудаванняў у Віцебску як фарміраванне ідэнтычнасці горада	250
<i>Шадыро В.И.</i> Витебский край в эпоху железного века и раннего средневековья	254
<i>Шемпехова Н.А.</i> Я.Н. Офросимов – член Государственного совета от Витебской губернии	261
<i>Шишинов В.А.</i> Разорительная благотворительность (эпизод из «голицынского времени»)	265
<i>Юпатов А.Н.</i> Восстановление библиотечной системы в Витебской области в 1944–1946 гг.	267

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА. КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЎСТАНОВЫ І ЎСТАНОВЫ АДУКАЦЫІ Ў СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

<i>Антонова К.А.</i> Единство и братство народов СССР в годы Великой Отечественной войны: из фонда Народного музея боевой славы ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка»	278
<i>Афанасьева Ю.В.</i> Городской пейзаж 1970–1990-х гг. в коллекции «Живопись» Витебского областного краеведческого музея	283
<i>Барановский А.Л.</i> Газета «Калгасная праўда» (Лепель) 1930–1941 гг.: материалы к аннотированному указателю имен	288
<i>Васильева Г.С.</i> Арт-объект в творчестве витебских художников	302
<i>Ведь Е.А.</i> Методы архитектурного краеведения (из опыта работы Гомельской областной библиотеки)	310
<i>Гаркуша И.П.</i> Зубы последней смены (МЗ) мамонтов <i>Mammuthus primigenius (Blumenbach 1799)</i> в фондах Витебского областного краеведческого музея	315
<i>Давидовская О.Н.</i> Комплектование и реэвакуация фондов Витебского областного краеведческого музея в 1944–1945 гг.	319
<i>Дейко А.А.</i> Проект «Педагоги Полотчины – участники Великой Отечественной войны» как реализация одного из направлений краеведения в учреждении образования	326

<i>Жуковский В.В.</i> Оршанский краевед Виктор Павлович Лютынский	330
<i>Комлева Т.Г.</i> Архитектурно-художественный образ Витебска на открытках конца XIX – начала XX в. из фондов Национальной библиотеки Беларуси: историко-краеведческий аспект	334
<i>Котович Т.В.</i> Шагал. Малевич. 1918–1922. Условия военного времени. Искусство поверх горизонталей	338
<i>Лисов А.Г.</i> Об эвакуации Витебской картинной галереи художника Ю.М. Пэна. История событий в современном контексте	349
<i>Макарэвіч І.Г.</i> Выставачны праект «2022 – Год гістарычнай памяці» як форма сумеснай культурна-асветніцкай дзейнасці ўстаноў культуры Браслаўскага раёна	355
<i>Малашенко Л.И.</i> Витебск на почтовых открытках XX в. из собрания Витебского областного краеведческого музея	358
<i>Новак Г.Г.</i> Где погибли мои земляки?	363
<i>Овчинникова А.О.</i> Издания Н.Я. Никифоровского из фондов Витебского областного краеведческого музея	366
<i>Папроцкая А.Ю.</i> Духовное освоение мира в контексте персональной выставки Александра Слепова «Живопись. скульптура»	369
<i>Соловьева С.В.</i> «La Belle Epoque». Предметы одежды горожан и интерьерного текстиля конца XIX – начала XX в. из фондов Витебского областного краеведческого музея	374
<i>Фурик Д.М.</i> «Мастерская природы» Леонида Антимонова	380
<i>Шарковская Н.Ю.</i> Основные направления комплектования фондов Витебского отделения Белгосмузея (1925 – начало 1928 г.) (по материалам книг поступлений)	385

ЛІТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА. ЭТНАГРАФІЯ. ФАЛЬКЛОР

<i>Агеева Л.Е.</i> Мотив Берегини на рушнике из Витебской области	409
<i>Бароўка В.Ю.</i> Мастацкая мемарыялізацыя Усяслава Чарадзея ў рамане «След ваўкалака» Леаніда Дайнекі	411
<i>Бут-Гусаім С.Ф.</i> Нацыянальна-культурная адметнасць іменаслову гістарычнай прозы Зінаіды Дудзюк	416
<i>Воюш Р.В.</i> Падзеі Першай сусветнай вайны ў жыцці і творчасці Янкі Купалы	421
<i>Гладкова Г.А.</i> Гісторыя Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. на старонках кнігі Л. Патоцкага «Казімір з Трускова, ці Першы і апошні літоўскі паўстанец»	425
<i>Заблоцкая Е.В.</i> Семантика понятия «лапти» в традиционной белорусской культуре	430
<i>Кралько В.А.</i> Особенности празднования Масленицы в аг. Новка	432

<i>Михайловская Е.И.</i> Методологическое обоснование и структурные компоненты социально-педагогического проекта «Батлейка как средство популяризации творческого наследия Витебщины»	436
<i>Мишына В.І.</i> Асноўныя этапы рытуальнай сацыялізацыі дзіцяці ў радзінна-хрэсьбіннай абраднасці (паводле фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў Беларускага Падзвіння)	441
<i>Сіўко Ф.І.</i> Праблема нацыянальнай самаідэнтыфікацыі жыхароў паўночна-ўсходняй Віцебшчыны і прылеглых да яе тэрыторый у сшытках выдавецкай серыі «Нашы касцёлы» Д. Банчкоўскага і Я. Жыскара	447
Дадаткі	454
Звесткі пра аўтараў	518

Навуковае выданне

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Т. 8

Матэрыялы VIII Міжнароднай
навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край»,
прысвечанай Году гістарычнай памяці

24 лістапада 2022 г., Віцебск

Рэдактары Н. Я. Анапрэнка, Т. М. Булатава, К. І. Вяргейчык-Лабецкая
Дызайн вокладкі Т. С. Гузенюк
Камп'ютарная вёрстка Д. В. Макарэвіча

Падпісана ў друк 16.08.2023. Фармат 80x64^{1/16}. Гарнітура Times New Roman.
Лічбавы друк. Умоўн. друк. арк. 31,35. Улік. выд. арк. 30,32. Тыраж 47 экз. Заказ 1215.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная бібліятэка Беларусі».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 1/398 ад 02.07.2014.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 2/157 ад 02.07.2014.

Пр. Незалежнасці, 116, 220114, Мінск.
Тэл. (+375 17) 293 27 68. Факс (+375 17) 266 37 23. E-mail: edit@nlb.by.